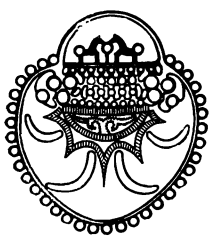
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1957

Редакционная коллегия

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
И. Т. Кругликова, отв. секретарь,
А. М. Беленицкий, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, Л. А. Голубев
Л. А. Евтюхова, А. Л. Монгайт, А. П. Окладников, Т. С. Пассек.
Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Т-07366 Подписано к печати 2 VIII 1957 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 10
Печ. л. 28,43 + 6 вклеек. Уч.-изд. л. 33,8 Тираж 1500 экз. Зак. 15

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 1

СТАТЬИ

К. Ф. СМИРНОВ

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ РАННИХ САРМАТОВ

Проблема происхождения сарматов, в том числе и их западной группы — савроматов, не может быть в настоящее время полностью решена вследствие неполноты различного вида источников — археологических, антропологических, данных исторической традиции и языкознания. И все же анализ и сопоставление всех этих источников дает нам возможность наметить в основных чертах этногенез ранних сарматов как единой по своему экономическому, социальному и культурному развитию большой группы племен, объединенных также близким языковым родством.

Значительные исследования погребений скифского времени в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье позволили выделить целый комплекс особых, не повторяемых в других районах черт погребального обряда и материальной культуры [1], особенно керамики. Этот комплекс, позволяющий судить об определенной этнической общности, окончательно сложился к VI в. до н. э. на строго определенной территории, занятой савроматами Геродота и другими сарматскими племенами. Территория этого комплекса (рис. 1) на юго-западе ограничивается бассейном р. Маныч и астраханскими степями, на западе — левым берегом Нижнего Дона. По правому берегу Волги савроматские погребения прослеживаются сплошной полосой почти до Саратова (местами встречаясь и выше по Волге, включая Самарскую Луку). За Волгой северная граница раннего сарматского мира может быть пока очень условно проведена по р. Кинели к верховьям р. Демы, далее на г. Магнитогорск и г. Троицк (южнее г. Челябинска). Открытым остается вопрос о восточной и юго-восточной границе раннесарматских племен, где они соприкасались с родственным по языку сако-массагетским миром. В настоящее время наиболее восточные погребения раннесарматского типа известны не далее г. Орска по р. Уралу и не далее района г. Актюбинска по р. Илеку.

В бронзовом веке на территории позднейшего обитания сарматских племен жили три основные группы европеоидного населения, отличающиеся друг от друга по культуре и некоторым антропологическим чертам: племена катакомбной культуры в юго-западной части этой области, а также в заволжских степях (приблизительно до бассейна р. Еруслана); племена срубной культуры — на Дону и в Поволжье (частично проникшие к началу I тысячелетия до н. э. в предкавказские степи на р. Маныч); племена андроновской культуры — в Южном Приуралье.

В эпоху срубной культуры население Нижнего Поволжья (потомки племен ямной культуры) вступило в тесные взаимоотношения со своими соседями с востока и запада, что способствовало изменению этнической

[1] B. Grakow. Monuments de la culture scythique entre la Wolga et les monts Oural. ESA, III, Helsinki, 1928; его же. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg. ESA, IV, Helsinki, 1929; P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im untern Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929; Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 100 и сл.

картины этой области к началу железного века. Археологический материал свидетельствует о проникновении в Сталинградское Поволжье племен катакомбной культуры из манычских и астраханских степей [1], а в Саратовское и Куйбышевское Заволжье — части племен андроновской культуры. Следы последних обнаружены также и в Сталинградском и Астраханском Заволжье. Потомки племен срубной и андроновской культур, а в какой-то степени и племен катакомбной культуры, не исчезли в скифо-сарматское время и сыграли определенную роль в этногенезе сарматов.

Работами Сталинградской и Куйбышевской экспедиций ИИМК АН СССР 1950—1955 гг. собран значительный антропологический и археологический материал, подтверждающий эти наблюдения. На основании изучения массового антропологического материала по сарматам Нижнего Поволжья определяются три основные антропологические группы — саратовская, сталинградская и астраханская (III в. до н. э. и позже).

Саратовская группа, выделенная Г. Ф. Дебецом [2], занимает в основном заволжские районы, между г. Энгельсом и бассейном р. Еруслана. В ней преобладает главным образом мезокранный тип, обнаруживающий сходство с андроновским вариантом, хотя и встречаются отдельные черепа, близкие черепам срубной культуры и сарматам Астраханской области.

Астраханская группа, также выделенная впервые Г. Ф. Дебецом, резко отличается брахикранным типом с малыми размерами. Г. Ф. Дебец считает возможным связать его с типом катакомбной культуры, Т. А. Трофимова [3] — с брахикефальным европеоидным, так называемым памирофергапским, типом Средней Азии, который рассматривается советскими антропологами как грацилизованная форма древнего андроновского варианта. Эта последняя форма зафиксирована в погребениях сарматского времени в Чкаловской области, в Казахстане и Киргизии. В таком случае линия этногенеза астраханских сарматов прослеживается далеко на восток, в степные области Средней Азии. Сталинградская группа, выделенная В. В. Гинзбургом [4] и В. П. Чтецовым [5], занимает в антропологическом отношении промежуточное место между саратовской и астраханской группами, тяготея больше к астраханской. Оба исследователя, подчеркивая присутствие здесь различных европеоидных вариантов, отмечают тесную связь сарматов этой области с местным населением эпохи бронзы, а также с населением Северного Кавказа, Дона и Украины.

Итак, сарматские группы Нижней Волги, неоднородные в антропологическом отношении и, вероятно, смешанные по своему происхождению, генетически связываются, с одной стороны, с местными предшественниками эпохи бронзы, с другой стороны, с населением Южного Приуралья, казахстанских степей (собственно андроновский вариант) и, возможно, Средней Азии (тип Среднеазиатского междуречья или памиро-фергапский).

Для времени VII—IV вв. до н. э. мы располагаем весьма скудным и разрозненным антропологическим материалом. Савроматские черепа Быковской группы (Сталинградское Заволжье), изученные В. П. Чтецовым [6], оказались близкими срубным черепам Поволжья и скифским черепам Поднепровья, что прямо соответствует археологическому родству скифов и савроматов.

---

[1] И. В. Синицын. Археологические исследования заволжского отряда Сталинградской экспедиции. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 79.

[2] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.— Л., 1948, стр. 167 и сл.

[3] Т. А. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. Тр. Ин-та этнографии, т. VII, М., 1949, стр. 23—25.

[4] В. В. Гинзбург. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья. МИА, № 60 (печатается).

[5] В. П. Чтецов. К палеоантропологии древнего населения южнорусских степей и Северного Кавказа. Дипломная работа (рукопись хранится на кафедре антропологии МГУ). М., 1956.

[6] Там же.

К западу от Волги обработанный краниологический материал имеется только на бассейне р. Маныча. По В. В. Гинзбургу [1], в I тысячелетии до н. э. на Маныче в связи с проникновением сюда населения с Нижней Волги наряду с мезокранным типом начинает преобладать брахикранный, близкий к астраханскому сарматскому типу.

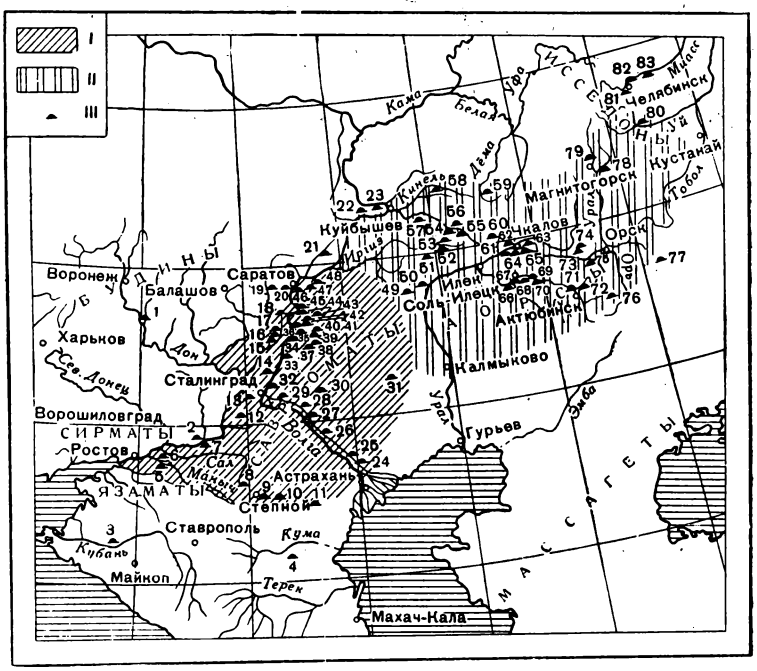


Рис. 1. Территория ранних сарматов VII—IV вв. до н. э.
1 — волго-донская группа; 2 — самаро-уральская группа; 3 — курганы.

1 — с. Владимировская; *2* — хут. Карнауховский; *3* — станица Пашковская; *4* — с. Ачи-Кулак; *5* — хут. Веселый; *6* — хут. Спорный; *7* — хут. Попов; *8* — с. Кеше (Кише); *9* — *10* — г. Элиста; *11* — с. Улан-Эрче; *12* — с. Ивановка; *13* — с. Карповка; *14* — с. Горная Пролейка; *15*—станция Лебяжья; *16* — с. Норка; *17* — с. Гусёлки; *18*— с. Макаровка; *19* — с. Ковыловка; *20* — г. Саратов; *21* — с. Труевская Маза; *22* — с. Комаровка; *23* — Жигулевские курганы; *24* — станция Досанг; *25* — с. Сероглазово; *26* — с. Золотушинское; *27* — с. Батаевка; *28* — с. Дмитриевка; *29* — г. Ленинск; *30* — станция Сайхин; *31* — с. Джангала; *32* — с. Калиновка; *33* — с. Быково; *34* — с. Политотдельское; *35* — сс. Молчановка, Бережновка, Потемкино; *36* — с. Иловатка; *37* — совхоз «Красный Октябрь»; *38* — с. Старая Иванцовка; *39* — пос. Цветочный (б. Блюменфельд); *40* —с. Харьковка; *41* — с. Мирное; *42* — с. Луговое; *43*—с. Усатово; *44* — с. Краснополье; *45* — с. Скатовка; *46* — г. Энгельс; *47* — с. Суслы; *48* — с. Бородаевка; *49* — курган на 336-й версте б. Покровско-Уральской ж. д.; *50* — сс. Кордон Деркульский, Спартак; *51* — с. Соболев; *52* — хут. Крыловский; *53* — с. Любимовка; *54* — с. Преображенка; *55* — с. Осьмушкино; *56* — с. Пьяновка; *57* — с. Благодаровка; *58* — с. Рысапкино; *59* — с. Ниж. Кузлы; *60* — с. Абрамовка; *61* — с. Павловская; *62* — пос. Бердский; *63* — пос. Нежинский; *64* — с. Благословенка; *65* — аул № 1, Бис-Оба; *66* — с. Покровка; *67* — с. Тамар-Уткуль; *68—69* — колхоз им. 8-го марта и колхоз им. Чапаева (уроч. «Пятимары»); *70* — хут. Веселый 1-й у с. Ак-Булак; *71* — г. Актюбинск; *72* — р. Жаксы Каргала; *73*—с. Сара; *74*—р. Чебакла, уроч. «Бис—Оба»; *75*—р. Терекла, уроч. «Урал-Сей»; *76*—с. Матвеевка; *77* — с. Буруктал; *78* — пос. Черниговский; *79* — р. Малый Кызыл (окрестности г. Магнитогорска); *80* — с. Клястицкое; *81* —*82* — окрестности г. Челябинска; *83* — с. Пивкино

В Южном Приуралье (в пределах Чкаловской и Актюбинской областей) в эпоху бронзы господствовал андроновский тип населения, хотя в некоторых местах (близ г. Актюбинска) черепа эпохи бронзы и скифского времени были очень близки поволжским [2]. У раннах сарматов этой

[1] В. В. Гинзбург. Антропологические материалы из раскопок на р. Маныче. Сборник музея антропологии и этнографии, т. X, М.— Л., 1949, стр. 285—292.

[2] Доклад В. В. Гинзбурга и Б. В. Фирштейн «Антропологическая характеристика сарматов Западного Казахстана» на секции раннего железа пленума ИИМК АН СССР, посвященного итогам археологических исследований 1955 г. (Ленинград, апрель 1956 г.).

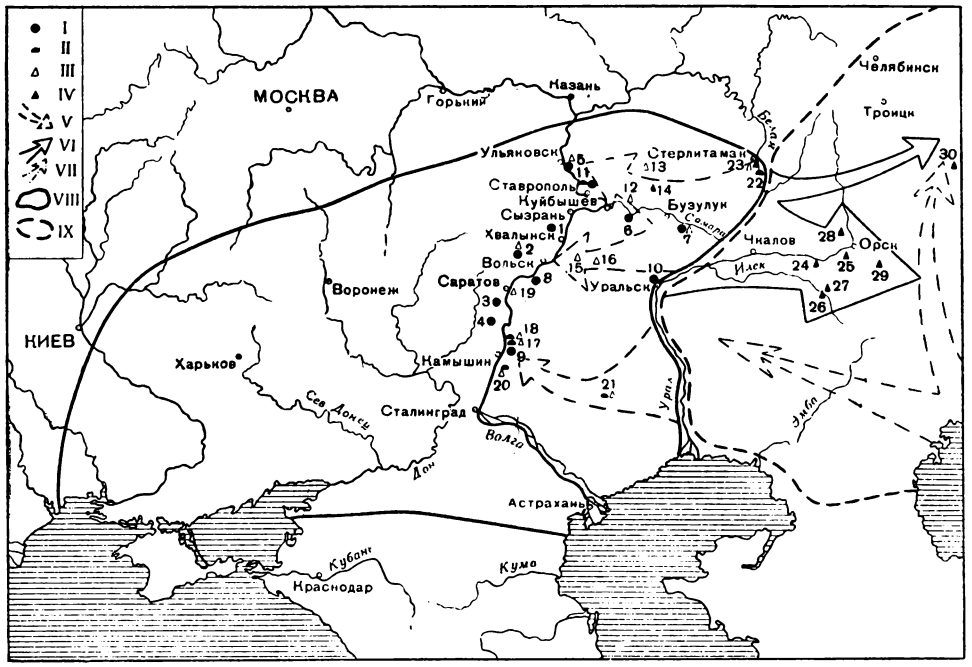


Рис. 2. Схема взаимоотношений между племенами эпохи бронзы в степном Поволжье и Южном Приуралье

I — трупосожжения на территории срубной культуры; II — андроновский обряд трупоположения; III — андроновская керамика на территории срубной культуры; IV — срубная керамика на территории андроновской культуры; V — предполагаемый путь распространения на запад андроновцев или элементов их культуры; VI — направление распространения элементов срубной культуры на территории андроновской культуры; VII — направление, связи «тазабагъябских» племен; VIII — граница распространения срубной культуры; IX — граница распространения андроновской культуры

1 — с. Старый Печеур; *2* — с. Адоевщина; *3* — станция Карамыш; *4* — с. Макаровка; *5* — с. Кайбелы; *6* — с. Домашка; *7*—с. Погромное; *8* — с. Бородаевка; *9*—с. Политотдельское; *10* — с. Кордон Деркульский; *11* — с. Хрящевка-Сускан; *12*— станция Тургеневка; *13* — с. Исаклы; *14* — станция Подбельская; *15* — с. Успенка; *16* — с. Максютово; *17* — с. Бережновка; *18* — с. Потемкино; *19* — г. Энгельс; *20* — с. Быково; *21* — с. Джангала (Н. Казанка); *22* — хут. Кашкары; *23* — с. Б. Куганак; *24* — р. Терекла; *25* — р. Киргильда; *26* — г. Актюбинск; *27* — с. Улькe; *28* — Орский район; *29* — р. Чебеньки; *30* — пос. Алексеевский

области нет ярко выраженных андроновских антропологических признаков, что скорее всего объясняется отсутствием до сих пор большой краниологической серии. Значительно отчетливее в бассейне Урала выделяется брахикранный тип, морфологически близкий астраханскому сарматскому варианту и древнему населению Средней Азии, в частности усуням Семиречья [1].

В целом исследования антропологов позволяют сделать следующие выводы. Доно-волжские сарматы являлись потомками местных племен бронзового века, в первую очередь — племен срубной культуры, отчасти — племен катакомбной культуры, сохранившихся в Астраханской области и на р. Маныче. В заволжских степях, особенно в Куйбышевской и Саратовской областях, в состав древнего местного населения влилась значительная струя племен андроновской культуры и их прямых потомков из оренбургоказахстанских степей. В Южном Приуралье к началу железного века сохранились потомки андроновских племен; возможно, что в бассейне Урала имело место частичное проникновение племен срубной культуры. Кроме

[1] С. И. Руденко. Описание скелетов из прохоровских курганов. МАР, № 37, 1918, стр. 84—102; М. Н. Комарова. Черепа бронзовой эпохи из могил по левым притокам р. Урала. Сб. «Казаки», вып. 2, Л., 1927, стр. 222—237; Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 70—76, 146—148.

того, существенную роль в формировании ранних сарматских групп сыграли определенные элементы более восточного происхождения, в частности население степных районов Средней Азии, которое, вероятно, довольно рано проникло в Астраханскую область и даже на Маныч. Последовательное проникновение на Волгу через казахстано-оренбургские степи отдельных восточных групп населения хорошо подтверждается постепенным увеличением монголоидных признаков у населения Нижнего Поволжья и отчасти предкавказских степей, особенно с рубежа нашей эры. Таким образом, сарматы в III—II вв. до н. э. представляли собой пестрый и изменчивый племенной организм, постоянно включавший в свою среду все новые и новые этнические и культурные элементы.

Большую роль в сложении сарматских племен сыграли взаимоотношения между племенами Поволжья и Южного Приуралья в бронзовом веке. Племена срубной и андроновской культур вступили в тесный контакт не позже середины II тысячелетия до н. э. Этот контакт между соседними, вероятно, сначала разноэтничными, племенами установился на базе развития металлургии меди и бронзы на Южном Урале. Межплеменные связи способствовали проникновению в Поволжье андроновского металла [1]. Одновременное развитие коневодства у племен андроновской и срубной культур [2] усилило их подвижность и облегчило сношения между ними.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. в Куйбышевском и Саратовском Поволжье появляется обряд трупосожжения (рис. 2), чуждый племенам срубной культуры [3]. Возникновение этого обряда следует рассматривать как результат воздействия погребальных обычаев иного населения, в частности некоторых племенных групп андроновской культуры Южного Приуралья, для которых обряд трупосожжения был характерен на раннем, федоровском этапе их развития [4]. Проникновение отдельных групп андроновских племен в среду населения срубной культуры Поволжья могло происходить как путем военных столкновений, так и другими путями. Бассейны наиболее крупных заволжских рек — Самары с притоками, Б. Иргиза и Еруслана — могли служить местом наиболее активных общений между андроновцами и срубными племенами (рис. 2).

В последней четверти II тысячелетия до н. э. проникновение андроновских элементов в эту среду становится более заметным. Оно выражается в появлении керамики андроновского типа на поселениях Куйбышевского и Саратовского Заволжья (рис. 2) [5], а местами и андроновского (с. Хрящевка, курган № 2, раскопки Н. Я. Мерперта, 1951 г.) [6] обряда трупоположения. Такая же керамика наряду с андроновскими чертами погребального обряда обнаруживается и в некоторых погребениях Сталинградского Заволжья [7]. Проникновение андроновских элементов в Сталинградское Заволжье, наблюдаемое по могильникам нижнего течения Еруслана, скорее всего, надо связывать с бассейном рек Большого и Малого Узеней. Эти реки в бедном водою Южном Заволжье должны были играть немаловажную роль в развитии взаимных связей между отдельными племенами.

---

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 51 и сл.

[2] К. Ф. Смирнов. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. СА, XXVII, 1957, стр. 209—221.

[3] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 11.

[4] К. В. Сальников. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области. МИА, № 1, 1940, стр. 58—67; его же. Бронзовый век южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 100—101.

[5] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 37, 52, рис. 11; И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949, стр. 195 и сл.

[6] Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА, № 42, 1954, стр. 83—85.

[7] И. В. Синицын. Археологические работы в зоне строительства сталинградской ГЭС. КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 84—85.

Именно на Узенях, в районе озер Камыш-Самарских разливов, И. В. Синицыным обнаружен крупный узел связи срубной, андроновской и, может быть, также тазабагъябской культур [1].

Взаимодействие андроновской и срубной культур не было односторонним. Исследования андроновской культуры в степях Южного Приуралья показали, что мы можем проследить и обратный процесс — воздействие срубной культуры на андроновскую (общность орудий труда и оружия, распространение курганного обряда погребения, керамика срубного типа в андроновских могилах и на поселениях) [2]. В южной части бассейна р. Белой, а также в районе Чкалова — Орска — Актюбинска андроновские памятники приобретают особенно яркие черты сходства со срубными (в керамике, а иногда и в деталях погребального обряда). Очевидно, следует предположить проникновение отдельных групп поволжского населения в южноуральские степные районы, в частности на территорию современной Актюбинской области, чему не противоречат новые антропологические данные. Одним из вероятных стимулов продвижения наиболее сильных племен Поволжья на восток, кроме освоения новых пастбищ, удобных для скотоводства, было стремление приблизиться к южноуральским источникам металла.

Цепочка межплеменных связей, хорошо прослеживаемая от Среднего и Нижнего Поволжья до района г. Орска, тянется и дальше, к Южному Приаралью. Характерная для этого района тазабагъябская культура имеет довольно заметные черты близости со срубной культурой (сходство керамических форм, общность приемов орнаментации посуды, бронзовых изделий) [3]. Сходство металлических изделий указывает на единые центры, откуда поступала металлическая продукция к древним племенам Поволжья и Приаралья.

В последней четверти II тысячелетия до н. э. усиливаются черты сходства срубной культуры Нижнего Поволжья и андроновской культуры в ее западном южноуральском варианте. Это сходство возникло в результате очень тесного контакта, который мог выражаться в межплеменном обмене, экзогамных браках, а также, вероятно, и в передвижениях отдельных племен с востока на запад и в обратном направлении, что приводило к смешению населения. Конечно, последовательность этих взаимоотношений, в частности предполагаемых передвижений племен, не может быть сейчас восстановлена вследствие плохо изученной хронологии отдельных памятников эпохи бронзы в поволжских и приуральских степях. Вполне вероятно, что это были родственные в языковом отношении племена, входящие в индоевропейскую или даже индоиранскую (арийскую) группу. Это можно предполагать, учитывая дальнейшую историческую судьбу племен этой территории в начале раннего железного века.

Кроме того, здесь развивается коневодство и всадничество, характерное для древних индоевропейцев и особенно индоиранской группы населения Средней Азии и Передней Азии [4].

Историческое развитие наиболее крупных культур евразийских степей эпохи бронзы не было одинаковым. На Нижней Волге срубная культура,

---

[1] И. В. Синицын. Археологические памятники по реке Малый Узень. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 101—105; его же. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 97—101; его же. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 65.

[2] М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки», вып. 2, Л., 1927, стр. 202; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, т. XVII, М., 1948, стр. 71, 129; К. В. Сальников. Бронзовый век южного Зауралья, стр. 109.

[3] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 66—68; его же. Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. Советское востоковедение, 1955, № 6, стр. 96—108.

[4] И. М. Дьяконов. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э. М.—Л., 1956, стр. 123—124.

сохраняя свои основные черты до конца эпохи бронзы, развивается приблизительно так же, как и в Северном Причерноморье [1], но в ней проявляются и те черты, которые в дальнейшем становятся характерными для савроматов.

Андроновская культура распадается на ряд локальных вариантов, которые в некоторых случаях можно рассматривать как отдельные культуры. Этот распад связан с различными историческими судьбами отдельных племенных групп андроновской культурной общности, с их более тесной консолидацией в рамках отдельных племенных союзов. Так, памятники андроновской культуры в верхнем течении р. Тобола (Алексеевка, Садчиковский поселок)[2] значительно отличаются от зауральских памятников Челябинской и Курганской областей [3] и имеют много общего с памятниками позднесрубной культуры Поволжья, Северного Причерноморья и тазабагъябской культуры Южного Приаралья (стоянки и могильник Кокча 3) [4].

Усиление связей племен Тобола и степного Поволжья к концу эпохи бронзы сказалось в общности форм многих металлических изделий, в некоторых костяных предметах и особенно в новых формах керамики (появление узкогорлых сосудов и сосудов с налепными валиками). Прототипами этой новой посуды послужили главным образом сосуды срубной культуры и, может быть, узкогорлые сосуды бронзового века Средней Азии [5].

Нижнее Поволжье в конце эпохи бронзы продолжало испытывать воздействие андроновской культуры в ее западном варианте, что нашло свое отражение в некоторых образцах поволжской керамики, культовых сооружениях (жертвенное место у с. Джангала, на Узенях, похожее на Алексеевское)[6] и, возможно, в распространении западной и юго-западной ориентировки покойников, чуждой для срубной культуры Поволжья, зато характерной для южноуральских андроновцев.

В условиях предполагаемой большой подвижности степных племен в связи с развитием скотоводства, особенно разведением мелкого рогатого скота и лошадей, появлением всадничества, усилением военных столкновений, к началу железного века в поволжских степях меняется весь облик археологической культуры. Причинами этого явилось изменение направлений экономических и культурных связей, а также, несомненно, и изменения в этническом составе населения.

В эпоху срубной культуры в бассейне Нижней Волги начинают складываться черты погребального обряда, которые становятся впоследствии характерными для савроматов. Черты эти следующие: 1) прямоугольная форма могил и устройство в них деревянных сооружений, подстилок и надмогильных конструкций из дерева; 2) захоронения покойников близ одной из стенок могилы; 3) появление захоронений в скорченном положении (на спине или на боку); 4) посыпка мелом дна могилы, изредка помещение в могилу кусков мела и реальгара; 5) захоронение коней и частей конской сбруи; 6) огненный ритуал, близкий ритуалу савроматского времени.

Западная ориентировка в могилах ранних сарматов — прямое наследие андроновской культуры. Восточная ориентировка у ряда раннесарматских групп связана с такой же ориентировкой, распространившейся у племен Дона и Поволжья конца эпохи бронзы.

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 51 и сл.

[2] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 59 и сл.; ее же. Садчиковское поселение. МИА, № 21, 1951, стр. 152 и сл.

[3] К. В. Сальников. Бронзовый век южного Зауралья, стр. 109 и сл.

[4] С. П. Толстов. Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции..., стр. 96—108.

[5] Т. Г. Оболдуева. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 148, рис. 62, *1, 3*.

[6] И. В. Синицын. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане, стр. 64—65.

Соответствия форм огненного ритуала, которые прослеживаются у некоторых родовых групп населения срубной культуры и у савроматов Поволжья, значительны. У тех и других встречаются приемы посыпки дна могилы золой и угольками, разведение погребальных костров близ могилы и, наконец, сооружение больших костров на перекрытии могил. Отмечены также случаи трупосожжений.

Бросается в глаза и поразительное сходство деревянных оград-срубов, сооруженных в курганах над некоторыми могилами срубной культуры [1] и могилами савроматского времени в Саратовском Поволжье [2] и на р. Бузулуке [3].

Среди волжских грунтовых погребений срубной культуры встречаются погребения в обширных ямах с деревянными конструкциями. Они содержат черты обряда, сходные с савроматскими, а по общему характеру обряда очень напоминают большие савроматские могилы типа Блюменфельд А 12 [4].

Генетическая связь большинства отмеченных особенностей погребального обряда племен срубной культуры и савроматов Поволжья становится более убедительной, когда мы обращаемся к погребениям переходного характера. Мне удалось выделить последние в Быковской группе курганов (Сталинградское Заволжье); они известны также и на правом берегу Волги. Эти погребения, датируемые VIII — VII вв. до н. э., свидетельствуют о сложении нового, савроматского обряда при сохранении некоторых пережитков эпохи бронзы. Керамика и другой инвентарь этих погребений имеют типологическое сходство с вещами срубной культуры (в меньшей степени — позднеандроновской), которые и послужили исходными формами для савроматских (рис. 3).

Особенно хорошо прослеживаются связи населения срубной культуры с савроматскими на примере развития местной керамики (рис. 3) [5]. Способы изготовления глиняной посуды, характер теста и примеси здесь одинаковы. Основные формы савроматской посуды развились из форм баночных и видоизмененных остроребериых сосудов конца эпохи бронзы. Тогда же на Волге получили распространение некоторые приемы орнаментации, легшие в основу орнаментации савроматской посуды. Такую же преемственность мы наблюдали и в орнаментации некоторых костяных изделий (рис. 3).

В культуре доно-волжских савроматов трудно уловить особые черты андроновцев, участие которых в формировании савроматов представляется бесспорным. Это объясняется тем, что в течение ряда веков происходила постепенная нивелировка культуры срубных племен и западных андроновцев. В качестве типично андроновских черт можно все же указать сооружение каменных курганов над погребениями савроматов у с. Горная Пролейка в Сталинградской области [6] и западную ориентировку ряда погребений.

В культуре приуральских сарматов андроновские черты прослеживаются значительно отчетливее. Они сказываются главным образом в погребальном обряде (обкладка курганов камнями, кольцами из каменных плит; сооружение кромлехов и каменных куч над могилами). В керамике

[1] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 73, рис. 46; С. Щеглов. Раскопки двух курганов при с. Адоевщине Хвалынского уезда. Тр. Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 31, 1914, стр. 134, рис. 3.

[2] P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im untern Wolgagebiet, рис. 3, 9 и 11.

[3] Наши раскопки 1956 г. у с. Любимовки в урочище «Лапасина», курган 1 (не опубликованы).

[4] B. Grakow. Monuments de la culture scythique entre la Wolga et les monts Oural, стр. 27, рис. 2.

[5] Приношу большую благодарность И. В. Синицыну и В. П. Шилову за разрешение включить в таблицу несколько рисунков сосудов из их еще неопубликованных раскопок.

[6] И. В. Синицын. Археологические памятники у с. Пролейки. Уч. зап. Саратовского гос. университета, т. XLVII, Саратов, 1956.

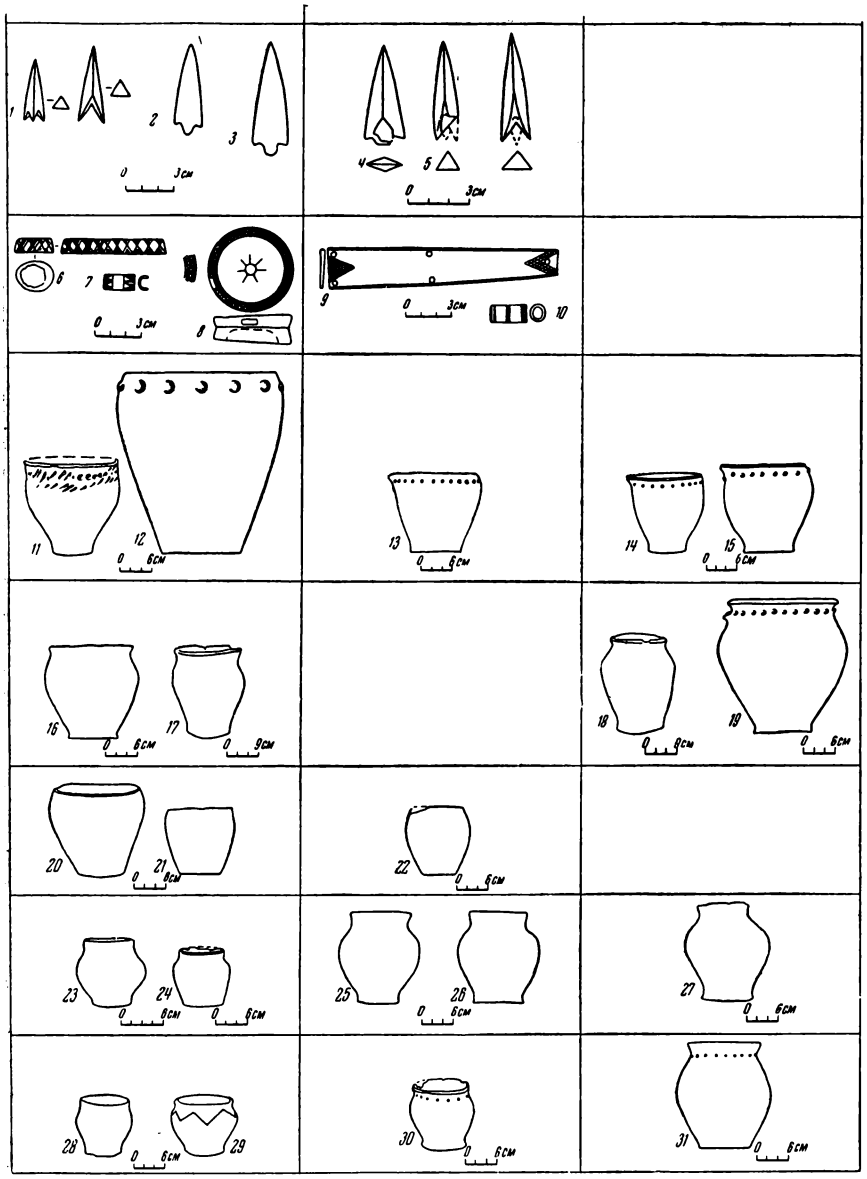


Рис. 3. Эволюция предметов материальной культуры Поволжья (слева — эпоха бронзы; в центре — переходное время; справа — савроматское время).

1 — костяные наконечники стрел (г. Энгельс, кург. № 8, раскопки П. Рыкова); *2* — кремневый наконечник стрелы (оттуда же); *3* — кремневый наконечник стрелы (г. Бугуруслан, кург. № 2, раскопки В. Толмачева); *4—5* — костяные наконечники стрел (ст. Лебяжья, кург. № 1, погр. «i», раскопки А. Спицына); *6* — костяное кольцо (Быково I, кург. № 1, погр. 5, раскопки К. Ф. Смирнова); *7* — костяная пронизка (с. Политотдельское, кург. № 4, погр. 6, раскопки К. Ф. Смирнова); *8* — костяная бляха (с. Иловатка, северо-восточн. группа, кург. № 3, погр. 2, раскопки К. Ф. Смирнова); *9* — костная пластинка (ст. Лебяжья, кург. № 1, погр. «i»); *10* — костяной цилиндрик (оттуда же); *11*— глиняный горшок (Быково I, кург. № 10, погр. 9); *12* — горшок (Ивановское селище б. Хвалынского у., раскопки В. Орехова); *13*— горшок (с. Максютово, I группа, кург. № 2, погр. 6, раскопки И. В. Синицына); *14* — горшок (с. Бородаевка, кург. 27, погр. 3, раскопки П. Рау); *15* — горшок (Калиновский могильник, кург. № 22, погр. 1, раскопки В. П. Шилова); *16* — горшок (с. Иловатка, кург. № 6, погр. 1); *17* — горшок (с. Бережновка, юго-восточная группа, кург. № 4, погр. 3, раскопки И. В. Синицына); *18* — горшок (II Бережновский могильник, кург. № 95, погр. 2, раскопки И. В. Синицына); *19* — горшок (г. Энгельс, кург. № 5, погр. 3, раскопки П. Рыкова); *20* — горшок (г. Быково I, кург. № 8, погр. 2); *21*—горшок (Иловатка, кург. 4. № 2, погр. 4.); *22* — горшок (с. Нов. Молчановка, кург. № 1, погр. 2, раскопки И. В. Синицына); *23* — горшок (II Бережновский могильник, кург. № 94, погр. 1); *24* — горшок (с. Мариенталь, кург. С22, погр. 2, раскопки П. Рау); *25* — горшок (ст. Лебяжья, кург. № 1, погр. «i»); *26* — горшок (Быково I, кург. № 4, погр. 8); *27* — горшок (с. Гуселки, кург. № 2, раскопки А. Спицына); *28* — горшок (Быково II, кург. № 3, погр. 4); *29* — горшок (с. Политотдельское, кург. № 19, погр. 21); *30* — горшок (Быково I, кург. № 17, погр. 7); *31* — горшок (с. Политотдельское, кург. № 4, погр. 30).

андроновские черты орнамента хорошо прослеживаются на сосудах IV в. до н. э. К сожалению, более древняя посуда приуральских сарматов нам очень плохо известна.

Вся совокупность археологических данных подтверждает выводы антропологов об участии срубно-андроновского населения в формировании сарматских племен. Для выяснения роли других племен в сарматском этногенезе, в особенности приаральских, связанных с тазабагъябской культурой, западносибирских и степных среднеазиатских, необходимы дальнейшие археологические исследования восточной окраины сарматского мира, древностей Приаралья и центрального Казахстана.

Проблема происхождения ранних сарматов была бы освещена неполно, если бы мы не привлекли данные письменных источников и выводы языкознания. К сожалению, первые весьма отрывочны и облечены в форму народных легенд, где фантастические представления переплетаются с туманными историческими фактами, разобраться в которых нам помогают смежные науки — археология, антропология и языкознание.

Данные письменной традиции и языкознания говорят если не об этническом единстве, то во всяком случае о близком языковом родстве сарматов как части обширного ираноязычного мира. Уже греко-римская литературная традиция связывала савроматов — сарматов с ираноязычными народами. Особенно это ясно из сообщений Диодора Сицилийского и Плиния Старшего. Первый сообщает о переселении скифами из Мидии покоренных ими савроматов; переселенцы остановились у р. Танаиса (Диодор, II, 43) [1]. Об этом же говорит Плиний: «...по реке Танаису, впадающей в море двумя устьями, живут сарматы, по преданию потомки мидян, также разделяющиеся на многие племена. Первыми живут савроматы женовладеемые, названные так потому, что произошли от браков с амазонками» (Гай Плиний Секунд. Естественная история, VI, 13) [2].

Оба автора, показания которых основывались на каких-то местных преданиях, связывали происхождение сарматов с мидянами и указывали на раннее появление сарматов на берегах Дона, во всяком случае не позже времени господства скифов в Передней Азии (VII в. до н. э.).

Эта же традиция связывает савроматов по происхождению и языку со скифами. Об этом говорит скифская легенда о происхождении савроматов, переданная Геродотом (IV, 110, 117) [3]. О языке же савроматов Геродот сообщает: «Савроматы говорят на скифском языке, но издревле искаженном» (IV, 111) [4]. Однако Геродот не включает савроматов в состав собственно скифов, помещая их у восточной границы Скифии. Гиппократ называет савроматов скифским народом (Гиппократ, 24, «О воздухе, водах и местностях») [5].

Иранство скифов и сарматов и их родство между собой, о чем глухо свидетельствуют древние авторы, было аргументировано в исследованиях представителей сравнительного языкознания XIX в., особенно К. Мюлленгофа [6], В. Ф. Миллера [7], а в наше время В. И. Абаева [8] и Л. Згуста [9].

Сарматы, как показывает современное языкознание, входили в северо-восточную группу ираноязычных народов древности вместе со скифами и

---

[1] В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, № 4, стр. 251.
[2] Его же. Известия древних писателей... ВДИ, 1949, № 2, стр. 293.
[3] Его же. Известия древних писателей... ВДИ, 1947, № 2, стр. 279—280.
[4] Там же, стр. 280.
[5] Там же, стр. 295.
[6] K. Müllenhoff. Ueber die Herkunft und Sprache der pontischen Scythen und Sarmaten. Berlin, 1866.
[7] В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, т. III. М., 1887; его же. Эпиграфические следы иранства на юге России. ЖМНП, 1886, X (сентябрь).
[8] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949.
[9] L. Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.

рядом народов Средней Азии (саки, согдийцы, массагеты, хорезмийцы и др.). На заре своего исторического развития, которое уходит вглубь эпохи бронзы, скифы и сарматы или, вернее, их прямые предки были тесно связаны с прародиной иранских народов, т. е. с областью, где возник иранский язык-основа и где произошло формирование северо-восточной группы иранских языков. Судя по сведениям Геродота, можно полагать, что некоторые предки скифов и сарматов жили на одной территории и были объединены одной археологической культурой.

Синтез археологических свидетельств сделал весьма вероятной гипотезу о генетической связи скифов Причерноморья с племенами срубной культуры, часть которых переселилась в Северное Приазовье и на Днепр в последние столетия II тысячелетия до н. э. [1]. Продвижение племен срубной культуры с ее исконной территории степного Поволжья на запад и прямое перерастание позднесрубной культуры в скифскую степную культуру хорошо показаны в последней работе О. А. Кривцовой-Граковой [2]. История ранних сарматов Дона и Волги также тесно связана с племенами срубной культуры как с одним из основных их предков. Это те срубные племена, которые остались на Волге до конца эпохи бронзы и вступили в активные взаимодействия с соседними андроновцами.

Гипотеза о заволжском происхождении скифов, нашедшая свое отражение в работах М. И. Артамонова и Б. Н. Гракова, не является новой в скифской историографии. Еще В. Н. Татищев связывал скифов с Волгой [3]. В начале XX в. Э. Миннс пришел к остроумному выводу, что в третьей легенде Геродота о происхождении скифов Аракс может быть только Волгой; следовательно, исходной областью, откуда скифы двинулись на запад, по Э. Миннсу, были заволжские степи [4]. Это все более и более подтверждается археологическими фактами. В полном соответствии с ними находятся и антропологические данные: черепа скифов Приднепровья не отличаются от черепов срубной культуры [5]. Одной из главных причин передвижения племен срубной культуры Поволжья, вероятно, являлись военные вторжения в заволжские степи различных андроновских групп. За Волгой и в соседнем Приуралье могли возникать союзы племен, борьба между которыми еще больше способствовала передвижению предков скифов из волжских степей на запад. В целом кажется правдоподобной точка зрения М. И. Артамонова [6] о военном натиске андроновских племен, которые в своей западной части, на наш взгляд, были уже ранее в какой-то степени смешаны с продвинувшимися в бассейн Южного Урала срубными племенами. Эти продвижения андроновцев (в широком смысле слова — как носителей определенной культурной общности, а не единого этноса), вероятно, и отразились в преданиях о натиске на скифов из-за Аракса-Волги массагетов (по Гекатею) и их соседей исседонов (по Аристею), а скорее всего, тех и других одновременно, или вскоре друг за другом. В массагетах и исседонах я склонен видеть две различные группы племен: носителей тазабагъябской и андроновской культур на позднем этапе их развития. Натиск массагетов шел из степей между восточным берегом Каспийского моря и Аральским морем. О заселении этой области воинст-

---

[1] М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 2, 37 и сл.; Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 39 и сл.; их же. Две археологические культуры в Скифии Геродота. СА, XVIII, 1953, стр. 111 и сл.

[2] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 157 и сл.

[3] В. Н. Татищев. История Российская, кн. 1. М., 1768, стр. 99—100.

[4] E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 31.

[5] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 160; его же. Современное состояние палеоантропологических исследований в СССР. Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленума ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. М.— Л., 1956.

[6] М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов, стр. 37 и сл.

венными массагетскими племенами сведительствует Геродот (X, 284) [1]. Исседоны же, по Геродоту (1, 201) [2], жили по соседству с массагетами, напротив них, возможно, в меридиональном направлении, т. е. к северу. Исходя из последнего предположения, основную массу исседонов следует размещать в Северном Казахстане и, может быть, в Южном Зауралье (рис. 1). Можно полагать, что часть исседонских и массагетских племен, вторгнувшихся в земли своих западных соседей, т. е. в заволжско-уральские степи, приняли активное участие в формировании древних сарматов Северного Прикаспия.

Признавая ираноязычность скифов, мы неизбежно должны предположить ираноязычность поволжского населения как одного из общих предков скифов и савроматов. Я присоединяюсь к мнению Б. Н. Гракова [3], что «иранство» племен срубной культуры, вероятно, было вторичным в том смысле, что иранский язык-основа возник не в среде срубного населения Поволжья. Думаю, что оно было обусловлено многовековым контактом с западными андроновцами и, как теперь выясняется, с носителями тазабагъябской культуры Приаралья.

Еще В. Ф. Миллер высказал предположение о том, что древнейшую родину иранцев следует искать в северных степях Средней Азии, на обширной территории древних кочевников [4]. Некоторые археологи территорию андроновской культуры связывают с областью формирования индоиранской (арийской) языковой общности [5]. Большинство современных языковедов-иранистов ограничивают территорию, на которой сложился иранский язык-основа, областью древней Хоразмии, которая многими исследователями вслед за Марквартом отождествляется с легендарной колыбелью древних иранцев (Айрьянем-Вэджо Авесты) [6].

Следуя гипотезе большинства иранистов, которая кажется наиболее обоснованной, мы можем предполагать древнейшее иранство южноаральских племен эпохи бронзы, в том числе и тех, которые оставили нам памятники тазабагъябского типа на р. Акча-Дарье (могильник и стоянка Кокча 3) [7] в области древнейшего Хорезма. Отсюда могла произойти уже в последние столетия II тысячелетия до н. э. иранизация если не всей, то, во всяком случае, западной группы андроновцев (степей Тобола и Урала), а через них или непосредственно — срубных племен Нижнего Поволжья. Этому мог способствовать прослеженный по данным археологии тесный и многовековой контакт между древним населением Поволжья, Южного Приуралья и Приаралья, который имел разные формы проявления (мирные и военные).

Рассматривая скифов и сарматов как различные этнические образования среди североиранских народов древности, я объясняю их языковое родство общностью одного из основных предков, подвергшихся иранизации предположительно индоевропейских племен срубной культуры Поволжья. Их различия в языке, вероятно, можно объяснить тем, что в состав формирующихся сарматов вошли потомки других племен, в том числе на востоке — андроновцев (в широком понимании этого условного названия), а на западе — древнейших местных приазовских племен.

Ранние сарматы, занимая в VII—IV вв. до н. э. огромную степную тер-

[1] В. В. Латышев. Известия древних писателей..., ВДИ, 1947, № 2, стр. 252.

[2] Там же, стр. 251—252.

[3] Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях..., стр. 49.

[4] В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, т. III, стр. 75.

[5] Б. В. Горнунг. Проблема распространения индоевропейской речи в доисторические эпохи. Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г., стр. 37.

[6] J. Marquart. Eransahr, 1901, стр. 118, 155; E. Benveniste. L'Eranvez et l'origine légendaire des Iraniens. Paris, стр. 268—274; С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 19—20.

[7] С. П. Толстов. Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции..., стр. 96—108.

риторию (рис. 1), конечно, не могли представлять одно племя. О многоплеменности сарматов говорят многие греко-латинские авторы (Плиний, Естественная история, VI, 19) [1]. Ранние авторы значительно меньше знали об обширном сарматском мире, который еще не был ведущей политической силой в Северном Причерноморье и на Кавказе. Они сохранили нам лишь одно название «савроматы», под которым понимали то отдельное племя, живущее к востоку от царских скифов на ограниченной территории, то большую группу племен.

В греко-скифской легенде о происхождении савроматов, переданной Геродотом (IV, 110—117) [2], речь идет об одном племени, которое на заре своей истории особенно тесно было связано со скифами Причерноморья. По этой легенде, племя савроматов сложилось в результате браков скифских юношей и амазонок из северного Приазовья. Это событие отнесено к героическому периоду греков. Легенда отражает борьбу между отдельными племенами, происходившую в Приазовье западнее Дона. Вероятно, в результате этой борьбы ираноязычные пришельцы ассимилировали некоторые приазовские иноязычные племена. В легенде указано, что скифы, вступив в борьбу с амазонками, не знали ни их языка, ни одежды, ни народности (Геродот, IV, III). В результате такой ассимиляции могло возникнуть особое племя савроматов, говорящих на «искаженном» скифском языке. Согласно легенде, в браки с амазонками вступали самые младшие из среды скифов (Геродот, IV, III). Если в амазонках следует видеть одно из древних приазовских племен, то с младшими скифами, вероятнее всего, нужно связывать наиболее поздние из пришедших в Причерноморье племен срубной культуры.

Учитывая все эти данные легенды, мне представляется вполне вероятной гипотеза, выдвинутая еще Ф. Г. Мищенко [3] и развитая в последнее время Б. Н. Граковым [4], о том, что ираноязычные савроматы образовались в результате ассимиляции скифами, отколовшимися от своего основного ядра, какой-то группы приазовских меотов. В этом отношении интересно отметить, что савроматская керамика междуречья Волги и Дона, особенно с дюнных поселений Астраханщины, очень близка меото-скифской керамике дельты Дона и степей Причерноморья.

Меотские племена в этническом отношении не были однородными. Среди их племенных названий встречаются и явно иранские, например, дандарии [5]. Вероятно, уже в ранний период иранизации Причерноморья некоторые приазовские племена были ассимилированы ираноязычными пришельцами и с образованием савроматского племенного союза были в него включены. Недаром у античных авторов нет единого мнения о приазовском племени иксибатов-язаматов, которое Полиэн связывает с меотами («Военные хитрости», VIII, 55) [6], а Эфор относит к савроматам (у Стефана Византийского в «Описании племени») [7]. Один из основателей иранской теории, К. Мюлленгоф, видел в названии сарматского племени язигов более позднюю форму тех же язаматов.

Я вполне согласен с той частью высказываний М. И. Ростовцева о савроматах, где он связывает савроматское племя по происхождению с древнейшим приазовским населением, частично смешавшимся со скифами и воспринявшим их культуру и язык [8]. Однако неверно совершенно отрывать

---

[1] В. В. Латышев. Известия древних писателей... ВДИ, 1949, № 2, стр. 293.
[2] Его же. Известия древних писателей... ВДИ, 1947, № 2, стр. 279—280.
[3] Ф. Г. Мищенко. К вопросу об этнографии и географии геродотовой Скифии. Университетские известия, № 11, Киев, 1882 (сентябрь), стр. 477.
[4] Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях..., стр. 49; Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 14.
[5] В. Ф. Миллер. Ук. соч., стр. 73.
[6] В. В. Латышев. Известия древних писателей... ВДИ, 1948, № 2, стр. 218.
[7] Его же. Известия древних писателей..., ВДИ, 1948, № 3, стр. 320.
[8] М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России. Петроград, 1918, стр. 33—34, 122.

савроматов от обширного мира различных сарматских племен [1], выступивших в дальнейшем как активная политическая и военная сила древнего мира. Этому противоречит вся греко-римская традиция и данные археологии.

Уже во времена Геродота кочевое население, называемое савроматами, занимало большую территорию к востоку и северо-востоку от р. Танаиса (Дона) и, конечно, не могло состоять только из одного племени. Легенда о происхождении савроматов говорит об очень раннем выселении родоначальников савроматского племени к востоку от Дона. Это переселение было связано с межплеменной борьбой, развернувшейся в Северном Приазовье в тревожное время войны скифов с киммерийцами. Савроматское племя, как и киммерийцы, вероятно, было вытеснено из мест своего первоначального пребывания. Основное ядро савроматов поселяется за Танаисом на расстоянии трех дней пути от Танаиса и трех дней пути к северу от Меотиды (Геродот, IV, 116) [2], т. е. где-то в степях между Доном и Волгой, где и складывается ко времени северочерноморского похода Дария савроматский союз племен.

Какие имеются основания утверждать, что ко времени Геродота савроматы представляли целую группу тесно связанных между собой племен? Во-первых, указание Геродота об обширности их территории, простиравшейся на 15 дней пути (IV, 21) [3]; во-вторых, свидетельства более поздних авторов об отдельных племенных названиях в среде савроматской группы (язаматы, сирматы). Таким образом, одно из племенных названий — савроматы — было перенесено на целую группу родственных по происхождению или однородных по языку племен, составлявших нечто целое в этническом и политическом отношении уже не позже VI в. до н. э.

В советской археологической литературе, посвященной сарматам, все погребения VI—IV вв. до н. э. на территории Поволжья и Приуралья (рис. 1) принято называть савроматскими. Такое определение было в свое время дано П. Рау [4] и поддержано Б. Н. Граковым [5]. Этой же точки зрения придерживался и я в своих первых работах по сарматам [6]. Однако в это понятие о савроматах необходимо внести уточнение. В историко-культурном смысле оно рассматривает савроматов как группу раннесарматских племен с единой археологической культурой. Это определение приемлемо постольку, поскольку собственно савроматы составляли значительную западную часть сарматского мира и генетически были связаны с более поздними сарматскими объединениями юго-восточной Европы. Некоторые из античных авторов позднего эллинизма и римского времени переносили старое название западной группы сарматов на всех сарматов потому, что хорошо представляли неразрывную связь савроматов с другими сарматскими племенами и их союзами.

Как отдельная этническая группа, включавшая в себя ряд родственных племен, савроматы занимали более ограниченную территорию. Размеры этой территории даны Геродотом, осведомители которого хорошо знали земли савроматов; там проходил торговый путь на восток. Протяженность земли савроматов (по Геродоту) составляла, как известно, 15 дней пути от угла Меотиды к северу. Реально это направление должно быть изменено на северо-восточное, учитывая географическое представление Геродота. Следовательно, земля савроматов простиралась от устья Дона к северо-востоку на 550—600 *км*, учитывая, что дневной путь исчислялся Геродо-

---

[1] М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 127—128, его же. Iranians and Greeks in South Russia. London, 1923, стр. 113.

[2] В. В. Латышев. Известия древних писателей... ВДИ, 1947, № 2, стр. 280.

[3] Там же, стр. 262.

[4] P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im untern Wolgagebiet, стр. 59—60.

[5] Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов, стр. 103.

[6] К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, вып. XXXIV. 1950, стр. 97—114.

том в 200 стадий (IV, 101) [1]. Это расстояние принято многими исследователями [2]. Приблизительно на таком же расстоянии от устья Дона к востоку находится дельта Волги и полоса заволжских степей, немного не доходящая на северо-востоке до Саратова. На этой степной территории помещал савроматов Э. Миннс [3]. Мне кажется, что можно и археологически определить эту область савроматского племенного союза. В свое время Б. Н. Граков [4] и П. Д. Рау [5] выделили две локальные области савроматской культуры — нижневолжскую и самаро-уральскую (рис. 1), которые различаются в деталях материальной культуры и погребального обряда. Эти две родственные области раннекочевнической культуры VI—IV вв. до н. э., очевидно, соответствовали двум тесно связанным племенным массивам [6]. Именно нижневолжский вариант этой культуры я связываю с геродотовскими савроматами.

Погребения нижневолжского типа исследованы в районе г. Степного. Между Доном и Волгой они известны к северу до верховьев р. Иловли, т. е. несколько южнее Саратова. В Заволжье они изучены, начиная от р. Ахтубы и до г. Маркса, т. е. немного северо-восточнее Саратова. Условной восточной границей этой группы считается р. Урал в его нижнем течении (рис. 1). Эта территория несколько шире той, которую мы можем определить, по Геродоту, как савроматскую. Однако полного совпадения здесь быть не может, учитывая неполноту координатов у Геродота и неустойчивость границ кочевого объединения савроматов в продолжение нескольких веков.

В советской литературе было высказано мнение о заселении савроматами Прикубанья [7]. По Геродоту, савроматы жили значительно севернее Прикубанья. Для VI в. до н. э. они неизвестны в этих местах и Гекатею Милетскому, хорошо осведомленному о населении Кавказа. В перипле псевдо-Скилака (IV в. до н. э.) [8] они помещаются за Танаисом в Азии (без указания на более точную локализацию). Таким образом, в письменных источниках нет прямых указаний на пребывание савроматов на Кубани; археологическими данными это также не подтверждается. Материальная культура и обряд погребений прикубанского населения скифского времени отличается от савроматского комплекса. Можно допустить лишь незначительное проникновение отдельных савроматских групп в меотскую среду Прикубанья. Более ощутимо проникновение савроматов в восточные степные районы Северного Кавказа, о чем свидетельствуют последние исследования Е. И. Крупнова в степных районах Грозненской области [9].

Ближайшим к кубанским местам было савроматское племя иксибатов-язаматов, которое Гекатей помещает в Азии у Понта по соседству с Син-

---

[1] В. В. Латышев. Известия древних писателей... ВДИ, 1947, № 2, стр. 277.

[2] Н. И. Надеждин, Геродотова Скифия, объясненная через сличения с местностями. ЗООИД, т. I, 1884, стр. 88—89; Г. Эйхвальд. О древнейших обиталищах племен славянских, финских, турецких и монгольских в южной России по Геродоту. Библиотека для чтения, т. XXVII, ч. III. СПб., 1838, стр. 68; Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов, стр. 102.

[3] E. Minns. Ук. соч., карта 1.

[4] B. Grakow. Monuments de la culture scythique entre la Wolga et les monts Oural; его же. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg.

[5] P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit...

[6] К. Ф. Смирнов. Сарматские племена северного Прикаспия, стр. 98, рис. 28.

[7] А. Д. Удальцов. Основные вопросы этногенеза славян. СЭ, VI—VII, 1947, стр. 4; Н. В. Анфимов. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА, XI, 1949, стр. 244—264; его же. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 204—205; Л. А. Мацулевич. Аланская проблема и этногенез Средней Азии. СЭ, т. VI—VII, стр. 126.

[8] В. В. Латышев. Известия древних писателей... ВДИ, 1947, № 3, стр. 241.

[9] Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 168 и сл.

дикой [1], т. е., вероятно, южнее устьев Дона, близ восточного побережья Азовского моря. У Стефана Византийского то же племя (иазабаты) помещается у Меотиды [2]. У Полиэна иксибатка Тиргатао бежит из Синдики во владения своего отца по пустынным и скалистым дорогам в течение ряда дней и ночей (Полиэн, VIII, 55) [3]. Язаматы не входили в состав тех приазовских (меотских) племен, которые постепенно были подчинены Боспорскому государству. Следовательно, они жили севернее последних. Обычно их локализуют в степях между рр. Ей и Манычем [4]. Возможно, что язаматам принадлежали скорченные погребения позднебронзового века и савроматского типа в районе Манычской плотины (рис. 1).

Не позже конца V в. до н. э. часть савроматов перешла на правую сторону Дона, о чем мы узнаём из свидетельства Гиппократа, помещающего их «в Европе» вокруг озера Меотиды (Гиппократ, 24) [5]. Среди передовых савроматских племен к западу от Дона не позже 30-х годов IV в. до н. э. появляются сирматы (псевдо-Скилак, § 69) [6].

В археологическом отношении степные районы к западу от Дона так плохо исследованы, что мы не можем проследить это первое продвижение савроматов. В степи междуречья Дона и Сев. Донца, который, очевидно, соответствовал р. Иргису или р. Сиргису Геродота (I, 57; IV, 123) [7], савроматы могли проникнуть довольно рано. Вверх по Дону савроматы достигали его притока р. Битюга, судя по некоторым археологическим находкам [8]. Большое влияние савроматской культуры на культуру населения Среднего Дона (Частые и Мастюгинские курганы), некоторое сходство в погребальных обычаях говорит за то, что савроматы были старыми соседями этого населения, которое, вероятно, было связано с будинскими племенами Геродота.

Имя савроматов сближается Марквартом с именем народа Сайрима Авесты, однако последняя не дает никаких указаний на его местопребывание. Возможно, здесь речь идет о савроматах Геродота. Упоминание об этом народе в одном из гимнов Авесты свидетельствует о каких-то тесных древних связях савроматов с колыбелью иранских народов. Однако основные археологические и антропологические признаки савроматов не дают нам права непосредственно выводить их из массагето-дахского мира Приаралья [9]. Эта группа племен сложилась в основном из потомков срубных племен с включением сюда андроновцев и более древнего местного населения Приазовья и астрахано-манычских степей. Если в ней и присутствовал массагетский компонент, то он не был здесь решающим. Однако в отношении языка все сарматы, как и скифы, а также их прямые предки были тесно связаны с массагето-хорезмийским миром еще до массового передвижения поволжских племен в донские и приднепровские степи, что и способствовало, по нашему мнению, широкому распространению североиранского языка в степях Восточной Европы.

В приуральской группе ранних сарматов генетическая связь с соседними массагетскими племенами, вероятно, была значительной. Последнее мы можем предполагать, исходя из письменной традиции и, в меньшей степени, из археологических фактов. В археологической культуре приураль-

---

[1] В. В. Латышев. Известия древних писателей... ВДИ, 1947, № 1, стр. 300.
[2] Его же. Известия древних писателей... ВДИ, 1948, № 3, стр. 320.
[3] Его же. Известия древних писателей... ВДИ, 1948, № 2, стр. 218.
[4] T. Reinach. Mithridate Eupator. Paris, 1890, карта в конце книги; E. Minns. Ук. соч., карта в конце книги.
[5] В. В. Латышев. Известия древних писателей... ВДИ, 1947, № 2, стр. 295.
[6] Его же. Известия древних писателей... ВДИ, 1947, № 3, стр. 241.
[7] Его же. Известия древних писателей... ВДИ, 1947, № 2, стр. 268—282; E. Minns. Ук. соч., карты IV и V.
[8] В. Н. Тевяшов. Отчет о раскопках в Острогожском уезде в 1900—1901 годах. Тр. Воронежской ученой архивной комиссии, вып. I, Воронеж, 1902, стр. 93—112. табл. III, VI.
[9] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 220.

ских племен мы пока находим лишь немного соответствий с древнейшей культурой массагето-хорезмийского мира Приаралья. Однако здесь надо учесть недостаточную изученность культуры древнейшего Хорезма.

Самаро-уральская группа ранних кочевников исследована значительно хуже, чем нижневолжская (рис. 1). Однако ее родство с поволжскими савроматами, судя по данным археологии, бесспорно. Внутри южноуральской группы очень рано вызревают черты общесарматской прохоровской культуры III—II вв. до н. э. [1].

Точно связать самаро-уральскую группу ранних сарматов с определенными племенами древних авторов не представляется возможным. Свидетельства Геродота об отделении от царских скифов — скифов восточных [2] послужили основанием для некоторых исследователей локализовать этих последних в предгорных районах Южного Урала. Об этом писал В. Ф. Миллер [3]. Близкую точку зрения раньше высказывал Б. Н. Граков, относивший заволжские и приуральские погребения к племенам скифского происхождения [4]. Однако точно определить область восточных скифов затруднительно. Одни исследователи помещают их в Приуралье, другие — значительно восточнее, вплоть до верховьев р. Иртыша [5].

Вероятно, в среде ранних южноуральских сарматов находились некоторые из племен, имена которых позже стали известны греко-римским писателям и китайским хроникам. В первую очередь можно говорить об аорсах-яньцай, их центр во II в. до н. э. находился где-то в Северном Прикаспии. Это, надо полагать, и были верхние аорсы Страбона, составную часть которых представляли аорсы предкавказских равнин.

---

[1] К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия.
[2] В. В. Латышев. Известия древних писателей... ВДИ, 1947, № 2, стр. 263.
[3] В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, т. III, стр. 122.
[4] B. Grakow. Monuments de la culture scythique entre la Wolga et les monts Oural, стр. 61.
[5] E. Minns. Ук. соч., карта I.

А. П. СМИРНОВ

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ФИННО-УГОРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Последнее десятилетие ознаменовалось оживлением работ в области финно-угорской археологии. Начались систематические исследования Западной Сибири, основных территорий, связанных с угорскими племенами. В бассейне р. Оби были произведены раскопки разновременных памятников, начиная от эпохи неолита и кончая временем позднего железа. Появилась возможность создания обобщающих работ по археологии и древней истории угорских народов.

Плодотворными оказались археологические работы на р. Каме.

Возобновились систематические работы по изучению мерянских племен на Верхней Волге, в связи с чем наметилось правильное решение этнической истории местного населения в эпоху раннего средневековья. Интересные работы проведены на Нижней Оке и Клязьме, выявившие культуру летописной муромы.

Значительно продвинулись вперед работы в области изучения западнофинских племен — води, ижоры и др.

Больших успехов добились археологи Прибалтики. Новый археологический материал позволил решить вопросы происхождения эстонского народа и выявить этническую карту древней и средневековой Эстонии. Значительно отчетливее стал обрисовываться культурный облик племен Прибалтики в I тысячелетии н. э. и в первых веках II тысячелетия н. э.

Наряду с этим приходится отметить сильное отставание в изучении территории Марийской и Чувашской АССР и недостаточные темпы развития археологических исследований в Мордовской АССР и соседних с нею областях. Эти обстоятельства создают значительные препятствия в изучении этнической и социальной истории племен правобережья Волги. Совершенно неизвестной остается область веси. Несколько поздних могильников, исследованных на огромной территории летописной веси, не дают возможности выявить этнические особенности этих племен.

В настоящее время в среде большинства археологов установилось мнение о расселении финно-угорских племен в северной части Восточной Европы с глубокой древности — с эпохи мезолита. Как позволяют судить об этом археологические данные, в IV—III тысячелетиях до н. э. этими этническими группами были заселены: финской группой — лесная полоса Восточной Европы, а уграми — Западная Сибирь.

Однако вопрос о том, где была исходная территория формирования финно-угорской языковой общности, остается нерешенным. Нельзя также считать окончательно решенным вопрос о времени расселения прафинских и угорских племен в Европе и Азии.

В настоящее время едва ли возможно считать правильной пользовавшуюся широким признанием точку зрения Сеталя и Д. В. Бубриха о Средней Волге — Оке — Каме как центре формирования финно-угорской общности, так как в этом случае трудно объяснить появление угорских племён в Западной Сибири уже в эпоху неолита. Есть слабые места и в

концепции последователей А. Кастрена об алтайской прародине финно-угров, а также исследователей, которые считают исходной областью уральской этнической группы Казахстан и Приаралье, где якобы происходило формирование финно-угорской языковой общности [1].

Это положение, обоснованное первоначально главным образом данными языка (известной близостью между уральскими языками и языками Северной Индии (Мунда), свидетельствующей о некогда существовавшей близости и взаимном влиянии), позднее получило дополнительную археологическую аргументацию, которая построена на некотором сходстве материала приуральских стоянок со стоянками кельтеминарской культуры Приаралья. Доводы, приведенные в свое время С. П. Толстовым, о близости неолитических стоянок Приаралья прикамским и нижнеобским слишком общи, а указанные им признаки широко распространены на значительной территории. Трудно согласиться с оценкой керамики, найденной при раскопках стоянки Джанбас-Кала 4, которая якобы входит, как наиболее раннее звено, в комплекс культур энеолита Северо-Восточной Европы и Северо-Западной Азии, сближаясь с аналогичным материалом древнеямной и афанасьевской культур и отличаясь от них только большим архаизмом. (Наиболее близкие аналогии — в материале Левшинской стоянки Прикамья). Черты кельтеминарской культуры обнаруживаются, по мнению С. П. Толстова и В. Н. Чернецова, и в керамике нижнеобского неолита [2].

Не оспаривая совпадения отдельных элементов орнамента, общих для керамики таких стоянок, как Левшинская, и стоянок кельтеминарской культуры и неолита Приобья, следует заметить, что широкое привлечение материала столь различных и территориально далеких культур указывает на выделение каких-то частных элементов, которые могут встречаться в самых различных местах. В данном случае налицо факт, когда сопоставляются не комплекс признаков, а отдельные элементы, которым указываются аналогии в разных культурах. Так возникают широкие сопоставления такого рода, которые при решении вопроса о первоначальной территории, где мог сложиться язык-основа, не дают возможности делать какие-либо выводы по этнической истории.

Что касается орнаментации керамики Левшинской стоянки, на которую ссылается С. П. Толстов, то следует отметить, что она более разнообразна, чем аналогичные сюжеты керамики кельтеминарской культуры, и в целом имеет другой облик, несмотря на сходство отдельных элементов узора. В ней наряду с ямочным и зубчатым встречается линейный и налепной орнамент, так называемая «шагающая гребенка». На плоскодонных сосудах встречаются отпечатки гребенчатого штампа [3].

Левшинская стоянка, долгое время остававшаяся единственной, в результате работ О. Н. Бадера заняла свое место в хронологическом ряду памятников Прикамья, находящихся в известной преемственности. Более ранней является стоянка Боровое озеро I, датируемая III тысячелетием до н. э. [4], а еще более древней и ей предшествующей — стоянка Нижне-Адищевская, позднемезолитического возраста [5]. Таким образом, стоянки типа Левшино, как это доказано работами О. Н. Бадера, генетически связаны с мезолитическими типа Нижне-Адищевской и Заозерской, что позво-

---

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 65, примеч. I; В. Н. Чернецов. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы. Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований. М., 1951, стр. 24—27.

[2] С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 63.

[3] Н. А. Прокошев. К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья. МИА, № 1, 1940, стр. 36—37.

[4] О. Н. Бадер. Стоянки Нижне-Адищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой. МИА, № 22, 1951.

[5] Там же, стр. 14.

ляет утверждать автохтонность камской неолитической культуры [1]. «Культурная близость и частное совпадение по площади неолитических и древнейших, энеолитических поселений эпохи бронзы,— как отмечает О. Н. Бадер,— решает вопрос о генетической связи между ними в положительном смысле» [2].

Вместе с тем керамический материал позволяет отметить черты сходства этих стоянок с Зауральем, с которым намечаются связи более близкие, чем с Поволжьем [3].

По затронутому вопросу о первоначальной территории формирования финно-угорской языковой общности неоднократно выступал В. Н. Чернецов. Его концепция основана на лингвистическом и археологическом материале. Весьма интересное построение этого исследователя страдает значительными хронологическими неувязками [4].

В. Н. Чернецов отмечает в районе Прикамья, Урала и Западной Сибири четыре провинции гребенчатой керамики: уральскую (гребенчато-струйчатую), западносибирскую (гребенчато-волнистую), прикамскую (гребенчатую) и нижнеобскую (точно так же гребенчатую), несколько отличную от прикамской. Эти типы керамики отражают отдельные группы в пределах финно-угорской этнической общности. В керамике перечисленных выше областей он видит сходство с Приаральской — кельтеминарской керамикой, что позволяет ему включить культуры Казахстана и Приаралья в Уральскую общность племен — носителей культур гребенчатой керамики.

Нельзя не заметить, что орнаментация керамики древнейших стоянок Нижнего Приобья Чэс-тый-яг и Хулюм-сунт, на которой строит свои выводы В. Н. Чернецов, своеобразна, и с керамикой кельтеминарской культуры имеет лишь самое общее сходство. Весь облик орнаментальных узоров стоянки Джанбас-Кала 4 совершенно иной, иной является и фактура керамики[5].

Комплекс кельтеминарской керамики включает еще одну группу сосудов, которую не замечали предшествующие исследователи: это группа больших остродонных чаш, со слабыми следами красной краски. По справедливому замечанию С. П. Толстова, на этой керамике отразилось влияние культуры Анау, связанной с широким кругом древних переднеазиатских культур с крашеной керамикой [6].

Это обстоятельство придает особый облик всей кельтеминарской культуре и исключает возможность сравнений с северными неолитическими памятниками.

Мы уже указывали, что едва ли правомерно при анализе керамического материала сравнивать только отдельные элементы узора. Так, гребенчатый орнамент, как и веревочная орнаментация, имеет очень широкие границы распространения.

Однако никому еще не приходило в голову связывать происхождение ананьинской культуры с Западом на том основании, что там с эпохи неолита широко распространены отдельные элементы веревочного шнурового орнамента.

Элементы такой орнаментации известны и в памятниках трипольской культуры. Там встречаются отдельные узоры в виде горизонтальных линий,

---

[1] О. Н. Бадер. Неолит и эпоха бронзы в Верхнем и Нижнем Прикамье. Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г., стр. 8.

[2] Там же, стр. 9.

[3] О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. Уч. зап. Молотовского гос. ун-та, т. IX, вып. 3, Молотов, 1953, стр. 43.

[4] В. Н. Чернецов. Ук. соч., стр. 24; его же. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 7.

[5] С. П. Толстов. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 158.

[6] Там же, стр. 158; его же. Древний Хорезм, стр. 63.

перемежающихся ямками, или несколько горизонтальных оттисков веревочки [1]. Там же имеются и те линии нарезного орнамента, которые В. Н. Чернецов сопоставляет с кельтеминарскими [2]. Широко распространен также зубчатый орнамент, известный как на Западе, так и на Востоке [3].

Однако даже не сопоставление отдельных элементов орнамента, произвольно взятых из комплекса, является самым слабым местом концепции В. Н. Чернецова, а хронологический разрыв. Дата кельтеминарской культуры — IV тысячелетие до н. э. Стоянки Чэс-тый-яг и Хулюм-сунт датируются в пределах второй половины III тысячелетия до н. э. Стоянка Боровое I датируется ее исследователем серединой III тысячелетия до н. э. [4]. Как уже указывалось, эта стоянка генетически связана с мезолитическими памятниками Прикамья.

Весь приведенный материал, по моему мнению, не дает оснований согласиться с точкой зрения, высказанной первоначально С. П. Толстовым и поддержанной впоследствии В. Н. Чернецовым, о кельтеминарской культуре и Приаралье как исходной территории финно-угорской языковой общности. Если же Приаралье и было такой исходной областью, то процесс расселения происходил там гораздо древней. И, может быть, прав А. Я. Брюсов, датирующий это событие рубежом мезолита. Приходится согласиться с Х. А. Моора, что в настоящее время нет еще возможности определить исходную территорию финно-угорских языков. Самые ранние этапы формирования основных групп финно-угорских языков и соответствующих им племен остаются пока невыясненными [5].

В связи с тем, что в настоящее время алтайская теория происхождения финно-угров, разработанная А. Кастреном и поддержанная И. Р. Аспелином, оставлена большинством исследователей, следует признать интересной гипотезу об угорском характере андроновской культуры [6].

Наличие андроновских элементов на Урале не подлежит никакому сомнению. На это обстоятельство было обращено внимание еще в работах Д. Н. Эдинга. В таких памятниках, как Горбуновский торфяник и в позднее исследованной стоянке Сузгун близ Тобольска, андроновские элементы сказываются как в орудиях труда, так и в орнаментации керамики. Заслуживает внимания наблюдение В. Н. Чернецова, что андроновский орнамент сохранился во всей полноте до настоящего времени в орнаментации одежды и берестяной посуды у обских угров (манси и хантов). Эта точка зрения, по моему мнению, может быть сопоставлена со взглядом Л. Р. Кызласова, который в своей диссертации, посвященной таштыкской культуре, связывает динлинов с уграми [7].

Этот исследователь приводит ряд интересных, заслуживающих самого пристального внимания соображений по вопросу этногенеза обских угров. Основываясь на археологических материалах, данных топонимики и этнографии, он устанавливает продвижение динлинов-угров с Енисея на запад, на Среднюю Обь.

Если признать правильной точку зрения В. Н. Чернецова об угорском характере андроновской культуры и учесть связь андроновцев с тагарцами (в данном случае неважно, существует ли здесь прямая зависимость, или тагарцы ассимилировали андроновцев и восприняли их язык), то мож-

---

[1] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. М.— Л., 1949, рис. 82, *2, 5, 10, 14, 21.*

[2] Там же, рис. 76, *6, 4*; рис. 56, *1. 4.*

[3] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 43, стр. 129, рис. 51 и 136.

[4] В. Н. Чернецов. Древняя история..., стр. 24.

[5] Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, стр. 60.

[6] В. Н. Чернецов. К вопросу..., стр. 28.

[7] Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха. Автореферат. М., 1952, стр. 12.

но говорить о вторичном приходе каких-то угорских племен на Обь с востока. Однако этот вопрос гораздо сложней.

В настоящее время можно считать установленным, что культура савроматов формировалась на базе не только срубной, но и андроновской культуры. В связи с этим приобретает особый интерес свидетельство Геродота о савроматах. В легенде, где рассказывается о скифской молодежи и амазонках, Геродот передает: «Мужчины не могли научиться языку женщин, но женщины переняли язык мужчин» и далее: «Савроматы говорят на скифском языке, но издревле искаженном...» [1].

Это свидетельство может дать основание для заключения о разноязычности племен срубной и андроновской культур. Однако оба языка могли принадлежать к иранской группе.

Движение таштыкских племен на запад, о котором говорит Л. Р. Кызласов, хорошо прослеживается и по материалу Верхней Оби, по памятникам Одинцовского этапа, выделенного М. П. Грязновым, и по памятникам Западного Приуралья. В этом отношении показателен Уфимский могильник, среди вещей которого имеются пластинки с изображением зверей, повторяющие енисейские прототипы, точно так же, как материал Гляденовского костища, где имеется глиняная кастрюлька, аналогичная таштыкским.

Все приведенные материалы заставляют внимательно отнестись к гипотезе об угорском характере андроновской культуры, хотя здесь остается много неясного и прежде всего — общность материала срубной и андроновской культур, хорошо прослеживаемая на поздней стадии. (В настоящее время принадлежность срубных племен к числу ираноязычных ни у кого не вызывает сомнения).

Второй вопрос, требующий внимания,— вопрос об ананьинской культуре — имеет самое непосредственное отношение к проблеме происхождения финно-угорских народов Прикамья: удмуртов, коми и мари. Этому вопросу посвящена монография А. В. Збруевой, в которой подробно разобран вопрос о происхождении ананьинской культуры [2].

Анализируя памятники конца бронзового и начала железного века, А. В. Збруева пришла к правильному выводу, что формирование ананьинской культуры складывалось на значительно более широкой территории, чем бассейн Нижней Камы. Местом ее формирования было Прикамье в целом и даже еще более обширная область. В работе отмечено значительное сходство в материальной культуре между ананьинскими племенами и племенами Западной Сибири. Автор указывает также на непосредственные связи с ираноязычными племенами срубной культуры, продвигавшимися на север и соприкасавшимися с племенами приказанской культуры.

Достаточно точно установлено также и продвижение племен андроновской культуры. Последние исследования в Прикамье дали материал, свидетельствующий о движении племен фатьяновской и абашевской культур на Вятку. Абашевские памятники открыты на левобережье Волги, в пределах Марийской республики. Они достаточно хорошо известны и на Урале. В самом конце бронзы замечается продвижение племен с востока из-за Урала, о чем можно судить по сходству керамики Луговской стоянки с керамикой Сузгун II, установленному А. В. Збруевой и В. Н. Чернецовым. В I тысячелетии до н. э. ряд тагарских вещей появляется в Западном Приуралье. Позднее, в конце I тысячелетия до н. э., эта связь усиливается, отмечается появление изделий таштыкской культуры на Урале. Эта сложная этническая обстановка должна быть учтена при разрешении спорного вопроса о происхождении и развитии ананьинской культуры и последующей пьяноборской культуры.

---

[1] В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1890, стр. 44 и 45.

[2] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 189.

Многочисленные исследования, проведенные на широкой территории Среднего и Нижнего Прикамья и Средней Волги, подтвердили точку зрения о неоднородности ананьинской культуры и о значительных различиях, существующих между отдельными ее районами. Это заставляет предполагать, что в сложении ее приняли участие различные племенные группы.

В 1953 г. О. Н. Бадер выступил с другой точкой зрения, считая, что основой формирования ананьинской культуры явились памятники борского этапа турбинской культуры, датируемого рубежом II и I тысячелетий до н. э. Он считает, что основное ядро древнейших ананьинских племен сложилось в Среднем Прикамье, выше устья Вятки, на основе местных сейминско-турбинских, точнее турбинских монголоидных (отчасти уже антропологически смешанных), племен рубежа II и I тысячелетий до н. э., обладавших архаической круглодонной керамикой, по многим признакам наиболее близкой ананьинской [1]. Он полагает, что в конце VIII—VII вв. до н. э. эти племена продвинулись из Среднего Прикамья и расселились на Каме к западу от Вятки в области марийско-чувашских племен до Ветлуги включительно [2]. А. В. Збруева [3] подробно разобрала материал борского этапа турбинской культуры, отметив хронологический разрыв между концом борского этапа и началом ананьинской культуры в 200 лет. Соглашаясь с ее выводами, отмечу, что концепция О. Н. Бадера не позволяет понять происхождение всех вариантов ананьинской культуры; она объясняет специфику только среднекамского варианта последней. Форма круглодонного сосуда, найденного на стоянке Бор II, дает только один из вариантов формы ананьинской чаши [4]. Ее особым признаком является утолщение горла сосуда, в виде довольно широкой полосы, которую иногда называют «воротничком». На керамике борского этапа этот воротничок отсутствует. Он, однако, имеется на керамике Казанской стоянки самого конца II — начала I тысячелетия до н. э. [5] и на ряде стоянок казанского течения Волги, конца II тысячеления до н. э. (где в некоторых случаях встречен также веревочный узор, характерный для керамики ананьинской культуры) [6].

Керамика ананьинской культуры по своим морфологическим данным хорошо сближается с абашевской. Ряд сосудов, опубликованных А. В. Збруевой, повторяет абашевские формы. В их числе надо указать колоколовидные сосуды и реберчатые чаши с круглым дном [7].

Кремневый инвентарь и многие формы украшений ананьинской культуры идут также от абашевской культуры. Это бесспорно, даже если мы не будем учитывать Маклашеевский могильник, который одни относят к ананьинской культуре, а другие — к более раннему времени.

Основной материал, на котором построено доказательство О. Н. Бадера,— антропологический. «Судя по обширному палеоантропологическому материалу раннеананьинского Луговского могильника и даже по черепам позднеананьинского Котловского могильника, ананьинские племена отличались резкой монголоидностью и невысоким ростом. По мнению Т. А. Трофимовой, в лице Луговского монголоидного типа мы сталкиваемся с древнейшим монголоидным слоем, который мог сохраниться на окраинах ареала монголоидной расы» [8].

---

[1] О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ..., стр. 58.

[2] Там же, стр. 62.

[3] А. В. Збруева. Культуры поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры. СА, № 2, 1957, стр. 30—31.

[4] О. Н. Бадер. Стоянка Бор II и предъананьинское время в Прикамье. СА, XX, 1954, рис. 10.

[5] Н. Ф. Калинин. Казанская стоянка. Историко-археологический сборник. М., 1948, стр. 184.

[6] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг. МИА, № 42, 1954, стр. 183, 217.

[7] А. В. Збруева. История населения Прикамья..., табл. XIV, рис. 7, 9, 10.

[8] О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ..., стр. 62—63.

Однако, опираясь на антропологический материал, едва ли можно делать вывод о расселении ананьинцев со Средней Камы именно в VIII—VII вв. до н. э. Присутствие монголоидов в Восточной Европе относится ко времени значительно более раннему, чем начало I тысячелетия до н. э. Уже во второй половине II тысячелетия в памятниках срубной культуры Среднего Поволжья установлено присутствие монголоидных элементов. Г. Ф. Дебец, анализируя черепа из раскопок Н. Я. Мерперта, указывает, что в серии черепов из курганов у сел Хрящевка и Ягодное, наряду с европеоидными, констатируется небольшая, но вполне определенная примесь монголоидного типа [1].

Эта находка свидетельствует о раннем проникновении в Поволжье племен из лесной полосы. Последнее обстоятельство установлено и по археологическому материалу [2]. Мнение А. В. Збруевой о формировании ананьинской культуры мне кажется более обоснованным. В единственный упрек этому автору можно поставить игнорирование абашевской культуры [3], которая сыграла основную роль в этом процессе [4]. Проникнув в Прикамье с запада, эта культура внесла тот общий элемент, который характерен для всех локальных вариантов ананьинской культуры.

Совершенно естественно, что ананьинская культура в разных районах Прикамья и Средней Волги имеет свою специфику, определяемую не только своеобразием культуры данного племени, но и его соседей. Поэтому совершенно естественно, что ананьинские племена Марийского Поволжья, соседящие по р. Ветлуге с племенами дьяковской культуры, испытали влияние дьяковской культуры, что сказалось в наличии у них текстильной керамики. На Нижней Каме и Волге, где соседями ананьинских племен были савроматы, сказалось сильное влияние скифской, точнее савроматской культуры; в районах среднего и верхнего течения Камы сильно ощущалось влияние племен Уральской группы и зауральских племен.

Распространение ананьинской культуры на запад по правому берегу Волги не связано с процессом формирования этой культуры, а является последующим процессом инфильтрации населения, которая особенно усилилась в последующую, пьяноборскую эпоху.

Среди археологов нет единого мнения и в понимании пьяноборской культуры, генетически связанной с ананьинской. Эта культура охватывает период от III в. до н. э. до III—V вв. н. э. Точно так же, как и ананьинская, она делится на ряд вариантов. Однако степень ее изученности значительно хуже, чем и объясняются трудности в ее понимании. Достаточно хорошо изученным можно считать только район Нижней Камы.

Сложность понимания пьяноборской культуры объясняется также более значительной, по сравнению с предшествующей эпохой, смешанностью ее этнического состава. В области р. Ветлуги и восточных районов Марийской АССР пьяноборская культура осложнена внедрением племен дьяковской и городецкой культур. Это особенно сильно сказалось около III—V вв. н. э., когда усилилось расселение городецких племен. В середине I тысячелетия н. э. эти племена расселились на огромных пространствах левобережья Волги.

---

[1] Г. Ф. Дебец. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья. МИА, 42, 1954, стр. 487.

[2] А. П. Смирнов, Н. Я. Мерперт. Вопросы этногенеза народов Поволжья. Вестник АН СССР, № 10, 1955, стр. 50.

[3] В своей статье «Культуры поздней бронзы в Прикамье» А. В. Збруева оспаривает точку зрения К. В. Сальникова, правильно поставившего вопрос о значении абашевских племен в формировании ананьинской культуры. Роль абашевской культуры ясно видна на материале ананьинских памятников р. Белой. (См. К. В. Сальников. К вопросу о происхождении ананьинской культуры. СЭ, 1954, № 4, стр. 12).

[4] На значение абашевской культуры в формировании ананьинской культуры указывалось в ряде статей. А. П. Смирнов. Археологические памятники на территории Марийской АССР, их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск, 1949, стр. 55; его же. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 63.

В области нижнего течения Камы и по р. Белой характерными для пьяноборской культуры являются сарматские элементы. На среднем течении Камы заметно присутствие угорских элементов. (Встречаются вещи Усть-Полуйского типа).

Пьяноборская культура на последней стадии своего развития многими исследователями выделяется в особую харинскую культуру. В это время в бассейн Белой и на Среднюю Каму проникают сарматские племена, которые принесли курганный обряд захоронения и тот комплекс вещей южного типа, который представлен золотыми вещами, найденными на территории г. Уфы. К этой же группе относится и погребение с деформированным черепом и с вещами полихромного стиля, зафиксированные А. В. Збруевой под Елабугой. Наряду с этой группой, сюда, на Среднюю Каму, проникают племена с Верхней Оби, которые сопоставляются с харинской группой [1].

Самым спорным остается вопрос о гляденовской культуре. Гляденовская культура была выделена А. В. Шмидтом и датирована первыми тремя веками н. э. [2] О. Н. Бадер выдвинул дополнительную аргументацию по поводу выделения этой культуры, высказавшись относительно погребального назначения Гляденовского и подобных ему костищ. Эта точка зрения не может считаться достаточно аргументированной.

Прежде всего, Гляденовское костище не может быть взято за основу выделения этой культуры, так как оно существовало уже задолго до н. э., примерно с V—IV вв. до н. э. и почти столько же времени спустя. Основой ранней датировки костища, не считая культовых предметов, которые датируются по стилистическому анализу, являются бронзовые стрелы скифского типа, глазчатые бусы и миниатюры скифских вещей V—IV вв. до н. э. Таким образом, гляденовская культура сосуществовала на одной территории с ананьинской, представленной в Молотовской области такими памятниками, как могильник Скородум, селище Скородум, Конецгорское селище, Галкинское городище и Гляденовское городище.

В самом комплексе Гляденовского костища, помимо предметов скифского облика, имеющих широкий диапазон распространения и не являющихся показателем этнической принадлежности, немало вещей, повторяющихся в памятниках Нижней Камы и Вятки и характерных для ананьинской культуры. Таковы некоторые типы птиц, аналогичные находкам из ананьинских могильников, изображения животных на кости [3]. Эти вещи связывают в единый комплекс культуры Ананьина Нижней Камы и раннего Гляденовского костища.

Вещи первых веков н. э. из Гляденовского костища имеют точки соприкосновения с пьяноборской культурой Нижней Камы. В числе таких вещей можно указать конические серьги, пронизки, пластинки пьяноборского типа [4].

Наиболее поздние вещи из Гляденовского костища датируются V—VI вв. н. э.

Такая продолжительность существования Гляденовского костища объясняется тем, что это костище — памятник ритуальный. Основной материал этого памятника не отличается в массе от ананьинского и пьяноборского, хотя и содержит ряд своеобразных вещей, обусловленных сходством с Уралом (фигурки медведей).

---

[1] М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. МИА, № 48, 1946, стр. 141—142.

[2] А. В. Шмидт. Отчет о командировке в 1925 г. в Уральскую обл. Сборник Музея антропологии и этнографии, VII, Л., 1928, стр. 97.

[3] А. В. Збруева. История населения Прикамья..., табл. IV, рис. 6, 7, 8; табл. XXVI, рис. 6, 8, 10, 12.

[4] Н. Н. Новокрещеных. Гляденовское костище. Тр. Пермской Ученой Арх. Ком., т. IX, Пермь, 1914, табл. X, рис. 30, *5*; табл. V, рис. 1—5, 20, 28.

Интерпретация Гляденовского костища как погребального памятника основана на произвольном привлечении сравнительного материала. О. Н. Бадер сравнивает костища с тагарскими и таштыкскими погребениями, однако там ни разу не встречено захоронений на открытом холме. Тагарские и таштыкские погребения резко отличаются от прикамских костищ и проводить между ними аналогии нельзя. Находки человеческих костей на жертвенных местах еще не являются доказательством существования обряда сожжения у племен Верхней Камы. Прежде всего, обломки сожженных костей, находимые на костищах, обычно отличаются такими незначительными размерами, что исключается возможность их точного видового определения даже по шлифу. Помимо этого, находки человеческих костей на жертвенных памятниках и городищах вообще не дают оснований для решения вопроса о погребальном обряде. Кости людей были найдены А. В. Збруевой на поселении около Лугового, близ Елабуги. Там в культурном слое было обнаружено 165 костей человека и около 100 костей животных. На Имяньковском городище на 2170 костей животных было найдено 4 кости человека. На Усть-Туйском костище на 15743 определенных кости животных было найдено 106 костей человека. Не следует забывать, что кости человека, как правило, находят на многих поселениях как первобытных, так и средневековых.

Разбирая материал костищ и приписывая им роль погребальных сооружений, исследователи не обратили внимания на этнографические наблюдения, а ведь жертвенные костища в Прикамье существовали с I тысячелетия до н. э. вплоть до XIX века! Гляденовское костище и костище у д. Горевой могут считаться среди них древнейшими. Следует затем упомянуть костище у камня Светика, где найдены монеты Хозроя II (591—628). Более поздним памятником является Чаньвенская пещера (IX—X—XI вв. н. э.), верхний культурный слой которой датируется XVIII в. Характер напластований в пещерах и на открытых местах один и тот же; находки совершенно идентичны. Напластования XVIII—XIX вв. встречаются на ряде памятников. Академик И. И. Лепехин в конце XVIII в. писал о Чаньвенской пещере как жертвенном месте вогул [1]. В XIX в. жертвоприношения вогулов наблюдал на подобных памятниках Абрамов [2]. Эти и другие этнографические данные приведены в работе Н. Н. Новокрещеных, однако О. Н. Бадер почему-то не уделил им никакого внимания.

Спорными являются проблемы этнической принадлежности дьяковской культуры и славянизации финно-угорского населения Окско-Волжского междуречья. Одними исследователями памятники дьяковской культуры приписывались финно-уграм, другими — славянам. Здесь, несомненно, сыграли роль материалы Березняковского городища, вошедшего в археологию как славянский памятник. В 1956 г. вышла статья Е. И. Горюновой [3], которая правильно ставит вопрос о мерянском характере дьяковских городищ Верхней Волги и, в частности, Березняковского городища. Эта точка зрения не совсем нова. Еще в 1944 г. все эти памятники были приписаны чудским племенам, а Березняковское — славянизированной чуди [4].

Статья П. Н. Третьякова «К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э.» [5] вносит ясность в запутанный вопрос и в значительной мере правильно его решает. Не останавливаясь на деталях, многие из которых требуют уточнения, следует признать, что основной вывод П. Н. Третьякова о финно-угорской принад-

---

[1] И. И. Лепехин. Дневные записки, 1781, ч. III, стр. 122.

[2] Абрамов. Описание Березовского края. Зап. Географического общества, кн. XII, 1857, стр. 342.

[3] Е. И. Горюнова. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища. КСИИМК, вып. 65, 1956.

[4] А. П. Смирнов. К происхождению восточных славян. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 185—186.

[5] П. Н. Третьяков. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. СА, № 2, 1957, стр. 64—77.

лежности культуры дьяковских городищ в целом и о характере Березняковского городища, являющегося памятником распространения славян и их культуры в финно-угорской среде, где «элементы местной культуры смешивались с пришлой, славянской культурой» [1], бесспорно правилен.

Анализируя материал Березняковского городища, Е. И. Горюнова устанавливает связь между типом его построек, жилищами позднедьяковской культуры и почему-то домами Роданова городища X—XII вв. в Прикамье. Детали устройства домов Роданова городища не дают никаких оснований для этого сопоставления. В Березняковских домах нет сеней, открытых в домах Родановского городища, нет также ям перед очагом [2]. Эти детали дают возможность говорить и об ином времени и о другой этнической среде. К сожалению, проведенный Е. И. Горюновой анализ Березняковских построек не исчерпывает всех аналогий домов с углубленным полом и не дает исчерпывающую характеристику всех типов жилищ дьяковской культуры. Не взяты, например, землянки Огубского и Старшего Каширского городища, у которых в первом случае глубина достигает 1,5 *м*.

В этой статье подробно разобраны найденные на Березняковском городище вещи. Анализ материала показывает, что основную их массу составляют изделия, характерные для финно-угорских племен. Оценка керамики в основных чертах не вызывает возражений, хотя крен в сторону Камского района, наблюдаемый при разборе жилищ, сказался и здесь. Е. И. Горюнова без всяких оснований назвала чаши дьяковских городищ «меряно-камским типом», хотя среди дьяковской керамики совершенно нет форм, характерных для ранних или для поздних памятников Западного Приуралья [3].

Подробно разобран Е. И. Горюновой обряд погребения, зафиксированный на Березняковском городище. Она отметила широту распространения кремации в Западной Европе, коллективные сожжения Южной Сибири и Прикамья. Признала (без аргументации) правильность выставленной в последние годы гипотезы о сожжениях на Гляденовском костище. К сожалению, чрезмерное внимание к Прикамью и Западной Сибири, которое замечено и в других частях работы, ясно выступает и здесь.

Совершенно напрасно Е. И. Горюнова ссылается на обряд кремации Ананьинского могильника, так как по деталям обряда этот памятник не позволяет понять трупосожжений Березняковского городища.

Полемизируя с П. Н. Третьяковым, она отмечает, что спецификой славянских сожжений являются захоронения в глиняных урнах. Во всех известных случаях, по ее мнению, у финно-угров остатки кремаций никогда не помещались в урнах [4]. Эти наблюдения Е. И. Горюновой неточны. У славян кости после сожжения помещались или в горшках, или же в виде небольшой кучки высыпались в ямку или на поверхность земли и затем прикрывались курганной насыпью.

Обряд погребения в Березняках получает объяснения именно в славянских памятниках. Приходится сожалеть, что Е. И. Горюновой оставлен без внимания материал Поднепровья, в частности Пастерское городище, славянские сожжения верховья Днепра и Угры. Кроме того, следует учесть, что на Березняковском городище, кроме финно-угорских украше-

---

[1] Там же, стр. 77.

[2] М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951, рис. 6, стр. 40, рис. 5, стр. 39; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941, рис. 23, стр. 113.

[3] В ранее опубликованной в Кратких сообщениях Института этнографии статье Е. И. Горюнова, правильно отмечая наличие угорского элемента в мерянской земле, крайне вольно обращается с археологическими данными, сравнивая с мерянскими украшения, найденные в Кочергинском могильнике и ничего общего с типично мерянскими не имеющие. (Е. И. Горюнова. К вопросу о племенной принадлежности летописной мери. КСИЭ, вып. XVII, 1952, стр. 22).

[4] Е. И. Горюнова. Ук. соч., стр. 24.

ний, встречены вещи приднепровских типов (привеска с эмалью, черная лощеная посуда). Все это позволяет говорить об этнической связи обитателей Березняков со славянским миром, и в частности с Поднепровьем, и о смешанном меряно-славянском населении Березняковского городища.

Аналогичную картину мы видим и на Средней и Нижней Оке, где ранние трупосожжения восходят к IV—V вв. н. э. и связаны с рядом приднепровских вещей: фибулами и черной лощеной посудой [1]. Отметим также, что трупосожжения окских могильников напоминают обряд захоронения черняховской культуры, имеющей смешанный этнический облик с основным славянским компонентом. Количество трупосожжения в окских погребениях с V до X в. увеличивается, а с XI в. резко падает. Так, в Борковском и Кузьминском могильниках количество сожжений составляет 10%, в более поздних — Моршанских могильниках — процент кремаций доходит до 17 и затем в X—XI вв. падает до 5,5%. Заслуживает внимания, что количество трупосожжений падает здесь тогда, когда это происходит и в основных славянских землях [2].

Первое проникновение славян в Верхнее Поволжье в IV—V вв. шло с Днепра. Это подтверждает аналогичный материал таких памятников бассейна Угры, как курганы Шаньково и Почепок. Может быть, оно было вызвано тяжелой обстановкой на юге, где вслед за гуннами шли волны других кочевников.

Эта первая колонизационная волна славян не была значительной. Ее можно сравнить с проникновением в среду финских племен отдельных славянских поселенцев, которые располагались в среде самих финнов. Вторая колонизационная волна, судя по археологическому материалу, имела место в IX—XI вв. Она была связана с процессом становления феодальных отношений и с колонизационной деятельностью князей. О двух потоках колонизации Рязанской земли с Поднепровья, а затем с Подонья, писал в свое время А. А. Шахматов [3].

Спорным и требующим окончательного разрешения является также вопрос о племенном составе городецкой культуры. Последние работы в этом направлении представляют шаг назад по сравнению с работами двадцати- и десятилетней давности.

Наметилась тенденция приписать все могильники территории городецкой культуры древней мордве [4]. Это сделано на основе топонимики и общих типов украшений, встречаемых на всей этой территории, без учета специфических локальных особенностей, присущих только отдельным районам. В этом отношении типична последняя работа П. Д. Степанова [5], в которой автор приписал Подболотьевский могильник эрзе VII—XI вв.

В настоящее время на основе анализа обряда погребения и специфики женских украшений наметилось пять районов: район Рязанского течения Оки до впадения Мокши, район Муромского течения Оки, правильно приписываемый мурому, область могильников типа Кошибеевско-Сергачского, с чертами пьяноборской культуры — древнего финно-угорского населения, позднее в значительной части тюркизированного пришлыми болгарами, и два района мордовских племен, различающихся по деталям погребального обряда.

---

[1] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952.

[2] Там же, стр. 154; А. Л. Монгайт. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э. СА, XVIII, 1953, стр. 167.

[3] А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Петроград, 1919.

[4] А. Л. Монгайт. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э., стр. 177.

[5] П. Д. Степанов. К вопросу о происхождении мордовских племен мокши и эрзи. Уч. зап. Саратовского гос. университета, вып. XXII, Саратов, 1956, стр. 43 и сл.

С. Ф. СТРЖЕЛЕЦКИЙ

ПЯТЬ КЛЕРОВ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В III—II вв. до н. э.

Исследование организации сельскохозяйственной территории Херсонеса Таврического III—II вв. до н. э. на базе эпиграфических документов и археологических памятников позволяет осветить ряд существенных вопросов земледелия и землевладения этого периода. Несомненно, что сельскохозяйственная территория Херсонеса к рубежу IV—III вв. до н. э. охватывала земли вдоль западного берега Крыма от Херсонеса до Прекрасной гавани, как об этом свидетельствует текст «Присяги» херсонесцев [1]. Северная часть этих земель степного Крыма, по-видимому, и называлась «равниной» в упомянутом тексте. Сухопутная граница этих земель и их площадь нам неизвестны, но эта площадь едва ли была значительной. Во всяком случае, эти северные земли прежде всего являлись земледельческой базой населения Прекрасной гавани, Керкинитиды и прочих укреплений Херсонеса. Основная же сельскохозяйственная территория Херсонеса III—II вв. до н. э. находилась на Гераклейском полуострове, занимая немного больше 12 000 *га*. Эта территория непосредственно примыкала к городу и почти вся была разделена на участки — клеры [2], принадлежавшие его гражданам. Часть ее (около 1600 *га*) составляла общегородские земли — ἐσχατιά (выгон, лес и лесные заросли) и являлась собственностью государства-полиса на всем протяжении античной эпохи.

Клеры разделялись на две группы: меньшую — на Маячном полуострове, имевшую около ста наделов, и основную — на остальной части Гераклейского полуострова, в которую входило около четырехсот наделов. Подавляющее большинство клеров первой группы имели около 4 *га* каждый, а второй — по 26,5 *га*. Каждый клер, независимо от принадлежности к той или иной группе, имел усадьбу. Клеры являлись частной собственностью граждан Херсонеса. Малые клеры Маячного полуострова возникли еще в IV в. до н. э. и продолжали существовать в основной своей массе до конца II в. до н. э. Клеры основной группы (по 26,5 *га* каждый) возникают позже, на рубеже IV—III вв. до н. э., вероятнее даже в начале III в. до н. э., в результате одновременной размежевки Гераклейского полуострова, которая и была, по-видимому, зафиксирована на постаменте статуи Агасикла, сына Ктесия [3].

Организация индивидуального рабовладельческого хозяйства III—II вв. до н. э. может быть раскрыта только на материалах клеров среднего достатка, представляющих основную норму земельной собственности для граждан херсонесского полиса [4]. Как мы уже отметили, такой нормой являлся клер площадью около 26,5 *га*. Попутно отметим, что Катон считал такую площадь наилучшей для имения: «Если ты меня

---

[1] IOSPE, I [2], N 401.

[2] Слово «клер» означало первоначально «жребий», «надел», но уже в классическую эпоху клеры на землях многих городов стали частной собственностью.

[3] IOSPE, I [2], N 418.

[4] Организация клеров на Маячном полуострове пока еще (до соответствующих обмеров) не может быть освещена.

спросишь, какое имение самое лучшее, то я скажу так: сто югеров (25,18 *га.— С. С.*) с самой разнообразной почвой, в самом лучшем месте» [1].

Межи в виде валов и каменных оград, обрамлявшие отдельные владения — клеры, как и менее значительные межи, разделявшие владения на более мелкие участки, сохранились на значительной части Гераклейского полуострова. Еще в 1786 г. А. Строковым был составлен план клеров полуострова и разделявших их дорог в виде сети прямоугольников [2].

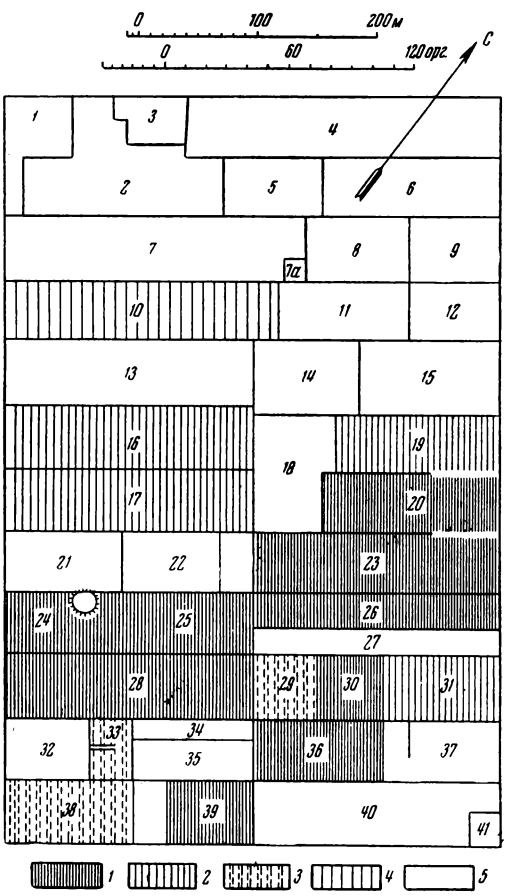


Рис. 1. Схема — план клера № 10

1 — виноградники, *2* и *4* — сады, *3* — запаханные виноградники или сады, *5* — поля; цифры — нумерация отдельных участков

В 1950—1954 гг. в районе Камышевой и Круглой бухт, близ Херсонеса, автором настоящей статьи было обмерено и нанесено на план 35 клеров, разделенных внутренними межами на поля. В 1950 г. была произведена археологическая разведка одного из таких клеров (№ 25), расположенного в 4 *км* к юго-западу от Херсонеса. На площади клера исключительно хорошо сохранилась вся размежевка, террасирующие подпорные стены с проемами двух ворот, плантажные стены, остатки усадьбы.

На основании расположения участков (в южной части клера), по ширине плантажных полос (2 *м*), ограниченных плантажными стенками, находок лунок от виноградных кустов и остатков самих корневищ установлены участки, служившие виноградниками. Севернее их располагались садовые участки, разграниченные через каждые 5 *м* плантажными каменными стенками. Меньшая часть участков была занята полевыми культурами. Результаты археологического изучения этого клера опубликованы [3].

В настоящей статье публикуются данные обмеров внутренней размежевки и результаты изучения еще четырех клеров из тридцати пяти (№ 10, 11, 20, 26) вместе с данными по клеру № 25. Выбор этих клеров определяется несколькими обстоятельствами: хорошей сохранностью их площадей и внутренних межей, благодаря чему имеется возможность установить распределение отдельных участков этих клеров на три группы, соответственно трем основным сельскохозяйственным культурам (виноградной, садовой и зерновой), а также стремлением изучить клеры (как обычных размеров, так и таких, которые в этом отношении являются

---

[1] Cato, I, 7; II, 1. Марк Порций Катон. Земледелие. М.—Л., 1950. Перевод М. Е. Сергеенко.

[2] В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 37 и сл.

[3] С. Ф. Стржелецкий. Клер Херсонеса Таврического. ВДИ, 1951, № 3, стр. 85—90.

исключением. Были замерены следующие клеры: № 10 (рис. 1) и № 11 (рис. 2) с площадью 26,46 *га* и 26,60 *га;* № 20 (рис. 3) с площадью 12,66 *га*; № 25 (рис. 4) и № 26 (рис. 5) с площадью 30,50 *га* и 29 *га*.

Обмеры пяти клеров выявляют не только единство меры длины, лежащей в основе их размежевки (об этом ниже), но и большое сходство, если не единство, в организации территории каждого надела. Все клеры со стороны дорог были ограждены стенами, сложенными без фундамента из крупного рваного камня. Иногда эти камни, поставленные на ребро, достигают почти 2 *м* длины. Толщина внешних стен колеблется от 1 до 1,5 *м*. Внутри стены забутованы камнем и щебнем вместе с землей. Высота их достигала, вероятно, 1,5 *м*.

Внутри каждый клер разделен каменными стенами на отдельные участки различной величины и разного назначения. Величина участков, как увидим ниже, определялась рельефом и культурой, выращиваемой на них. Техника кладки внутренних стен такая же, как и наружного ограждения, но толщина стенок, как правило, меньшая (около 1 *м*). Каждый клер имел свою усадьбу. На клерах № 10, 11 и, по-видимому, 20 усадьбы непосредственно примыкали к внешнему их ограждению, к дорогам. На клере № 26 усадьба располагалась близ дороги; на клере № 25— в середине участка и соединялась с внешней дорогой широким проездом. Внутренняя организация территории каждого клера представляется в следующем виде.

Клер № 10 (рис. 1). Длина клера (по сторонам) — 629 и 631 *м*, ширина — 420 *м*. Общая площадь по наружному обмеру равна 26,46 *га*. По площади и размерам клер относится к обычным земельным наделам херсонесских граждан III—II вв. до н. э.

В соответствии с общей размежевкой полуострова клер вытянут с юго-востока на северо-запад. Расположен он поперек водораздела на склонах двух балочек, начинающихся у берега Круглой бухты. Восточный угол клера находится на западном склоне одной балки, а северо-западная его половина на восточном склоне второй. Расстояние от клера до южного берега Круглой бухты около 700 *м*.

Стены основной размежевки клера сохранились очень хорошо. Этими стенами клер разделен на три равных по размерам и площади больших участка, размерами 210 × 420 *м* (8,82 *га*). Два участка расположены вдоль клера в его юго-восточной части, третий — поперек первых двух, вдоль северо-западной стороны надела. В соответствии с рельефом каждый большой участок разделен на более мелкие участки, шириной от 50 до 55 *м* каждый (в среднем около 53 *м*). Почти все эти участки разделены дополнительными поперечными стенами. Такое расчленение клера на полосы вызвано необходимостью террасирования его в целях предохранения почвенного слоя от смыва в балки и удобства обработки этих участков. Общее протяжение террасирующих подпорных стен — около 3500 *м*. Общий объем кладки всех межевых стен клера, включая и внешнее ограждение, не менее 9000 $м^3$.

Весь клер разделен этими межевыми стенами на 42 участка, которые могут быть сведены к следующим основным группам [1]:

1. Поля	13,78 *га*	или	51,8%	всей	площади клера
2. Виноградники	5,09 *га*	или	19,2%	»	» »
3. Сады	4,57 *га*	или	17,2%	»	» »
4. Разрушенные сады или виноградники	1,82 *га*	или	6,8%	»	» »
5. Непригодные к обработке участки	0,48 *га*	или	1,8%	»	» »
6. Усадьба клера (ориентировочно)	0,08 *га*	или	0,3%	»	» »

[1] Как на этом, так и на других клерах, в отношении которых не сделано соответствующей оговорки, распределение участков по группам сделано на основании внешних

Основная площадь пахотной земли группируется в северной части клера. Участки под виноградники расположены одним массивом в юго-восточной половине клера на склоне балки, обращенном к юго-востоку и востоку. Садом было занято пять участков. Из них четыре, как обычно, расположены с северной стороны виноградника, прикрывая последний от северных ветров и отделяя их от полевых участков.

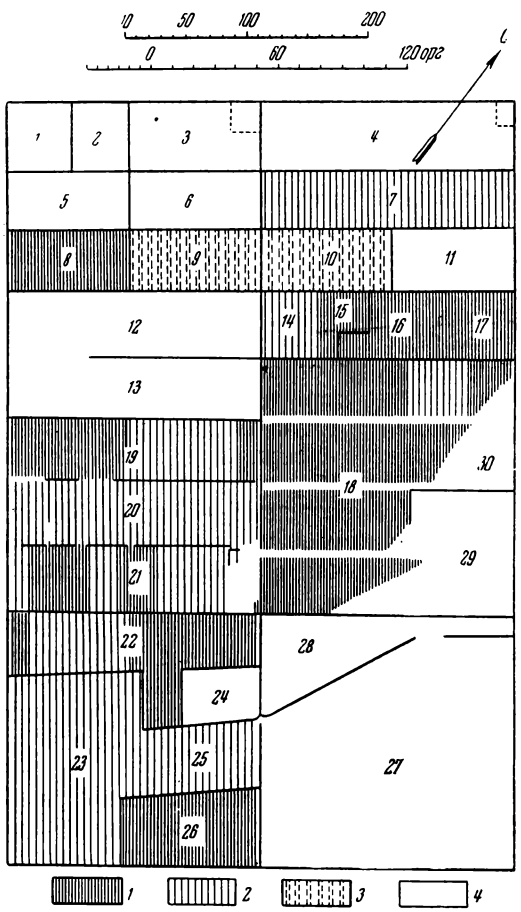


Рис. 2
Схема—план клера № 11
1 — виноградники, *2* — сады, *3* — запаханные виноградники или сады, *4* — поля

Участки № 25, 29, 33 и 38 первоначально были также, очевидно, заняты либо виноградником, либо садом. В конце античной эпохи они были вероятно, отведены под зерновые культуры, о чем можно судить по разрушению плантажных стен запашкой. Если это предположение правильно, то тогда общую площадь виноградника клера следует увеличить до 6,91 *га*, что составит 26% всей площади надела.

Узкий участок № 27 представлял полосу материковой скалы на довольно крутом склоне балки. Почвенный слой здесь крайне незначителен, местами скала выходит на дневную поверхность. Вопрос о том, был ли данный участок использован для земледелия, можно решить только после контрольных раскопок.

Усадьба расположена в восточном углу клера в самой низменной его части, и вследствие этого ее руины перекрыты намытым сверху почвенным слоем толщиной 0,5—1,0 *м*. Развалины усадьбы обнаружены окопом времени Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Приблизительные размеры усадьбы: длина 31 *м*, ширина 27 *м* (?), площадь по наружному обмеру — около 800 $м^2$. Северо-восточная и юго-восточная стены усадьбы из рустованных блоков, сложенных насухо, ориентированы по линии внешней ограды клера. У северного угла усадьбы находятся въездные ворота клера, выходящие на северо-восточную дорогу. Подъемный материал, собранный в выкидах окопа и его обрезах, датируется III—II вв. до н. э. В выкиде найден большой каменный слив от винодельческого тарапана или площадки виноградной давильни. Судя по подъемному материалу, усадьба прекратила свое существование в конце эллинистического времени.

Клер № 11 (рис. 2) расположен рядом с предыдущим клером № 10. Длина клера 632 и 633 *м;* ширина — 420 и 421 *м*. Общая площадь по на-

---

наблюдений, без раскопок. Вследствие этого общая площадь и количество полевых участков почти несомненно завышены, ибо на участках с хорошим почвенным слоем, занятых виноградниками или садами, не создавалась система плантажных стен, которые, бесспорно, указывают на виноградные культуры.

ружному обмеру равна 26,61 *га*. По размерам и площади он так же, как и клер № 10, относится к обычным земельным наделам херсонесских граждан III—II вв. до н. э.

Клер расположен на западном склоне балки, начинающейся у соленого озера близ Круглой бухты и вытянут с юго-востока на северо-запад (от северного угла клера до южного берега Круглой бухты 300 *м*). Южный угол клера занимает часть тальвега этой балки. Западный угол через водораздел выходит на восточный склон соседней балки.

Стены внутренней размежевки сохранились очень хорошо. Двумя основными стенами клер разделен на три почти равные по размерам и площади участка: 212 × 421 *м;* 209 × 424 *м* и 209—211 × 420 *м* (средняя площадь участка 8,82 *га*). Два участка расположены параллельно и вдоль клера в его северо-западной части, третий — поперек первых двух, вдоль юго-восточной стороны надела. Он разделен пополам на два квадрата. Межевая стена отделяет бóльшую часть восточного квадрата с выходами скалы на дневную поверхность от меньшей, представляющей собой тальвег балки с хорошим почвенным слоем. Западный квадрат размежеван на несколько участков и террасирован. Северо-восточный большой продольный участок тоже разделен пополам на два квадрата. Восточная часть южного квадрата занимает тальвег балки с обрывистым западным склоном. Северный квадрат и весь юго-восточный большой участок размежеваны на узкие участки, в среднем шириной 52—53 *м*. Эти участки террасированы в целях предотвращения смыва почвы и удобства их обработки. Часть этих узких участков имеет еще дополнительные поперечные межевые стены. Общее протяжение террасирующих подпорных стен — около 3 000 *м*. Общий объем кладки внешней ограды клера и внутренних межевых стен — около 9 300 $м^3$.

Клер размежеван на 30 участков разной величины и назначения. Эти участки по назначению могут быть сведены к следующим основным группам:

1. Поля	5,26 *га* или 19,7%	всей	площади	клера
2. Виноградники	7,14 *га* или 26,4%	»	»	»
3. Сады	5,68 *га* или 21,3%	»	»	»
4. Разрушенные сады или виноградники	1,08 *га* или 4%	»	»	»
5. Непригодные к обработке участки	4,56 *га* или 17%	»	»	»
6. Неустановленного назначения участки	2,18 *га* или 8%	»	»	»
7. Усадьба	1,00 *га* или 3,5%	»	»	»

Основная площадь пахотной земли расположена в северной части клера, с северной стороны садов и виноградников. Участки под виноградники расположены сплошным массивом на склоне балки, обращенном к юго-востоку и востоку. Кроме того, участки № 9 и 10, судя по их расположению и по разрушенным плантажным стенам, также были заняты первоначально под виноградники. (Это же, хотя и с меньшей вероятностью, можно сказать и об участках № 12 и 13). Если эти предположения подтвердятся раскопками, тогда общая площадь виноградников будет составлять 10,40 *га,* или 39,1% всей площади клера. Восемь участков сада были размещены в общем массиве с виноградниками. Один участок (№ 7) расположен с северной стороны виноградников, отделяя их от пашни и прикрывая от северных ветров. Участок № 27, занимающий значительную площадь (3,56 *га*) в восточном углу клера, где имеются выходы скалы на поверхность и очень тонок почвенный слой, выделен нами в группу непригодных для земледелия. Обследование этого участка обнаружило несколько ям, прорубленных в скале до подстилающего слоя

глины и расположенных на расстоянии 5 *м* одна от другой. На соседнем участке раскопками обнаружены лунки, вырубленные в скале для посадки виноградных кустов на расстоянии 1,20—1,30 *м* одна от другой. На этом основании можно предположить, что крупные ямы на участке № 27 служили для посадки фруктовых деревьев. В таком случае общая площадь садов клера достигала бы 9,24 *га*, или 34,7% всей его земли.

Усадьба клера находится как раз у середины его северо-западной наружной стены и непосредственно примыкает к дороге. Ориентировочно площадь усадьбы равна 680 $м^2$. Остатки стен ее полностью перекрыты почвенным слоем и на поверхности почти не прослеживаются. Обнаружена усадьба в профиле глубокого окопа времени Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В выкиде найдены многочисленные обломки сосудов и тесаных камней. Все находки (обломки черепицы, пифосов, амфор, кувшинов, чаш и чернолаковых сосудов) датируются III—II вв. до н. э. Находок первых веков нашей эры не обнаружено. Помимо основной усадьбы, в северном углу клера обнаружены благодаря такому же окопу остатки еще какой-то постройки под глубоким почвенным слоем. Сооружение, по-видимому, меньших размеров занимало ориентировочно около 300 $м^2$. Находки в выкиде такого же характера, что и на усадьбе. Судя по материалу, усадьба и постройка в северном углу клера прекратили свое существование в конце эллинистического времени.

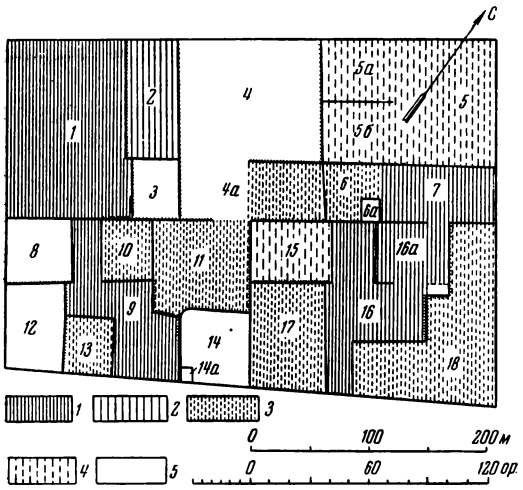


Рис. 3. Схема — план клера № 20

1 — виноградники, *2* — сады, *3* и *4* — запаханные виноградники или сады, *5* — поля

Клер № 20 (рис. 3). Длина клера 420 *м*, ширина вдоль северо-восточной стороны 318 *м*, вдоль юго-западной — 284 *м*. Клер в плане четырехугольный; углы, примыкающие к его северо-западной стороне,— прямые, углы с юго-восточной стороны — неправильные. Общая площадь по наружному обмеру равна 12,66 *га*. По размерам и площади клер относится к очень незначительной, представленной единицами, группе наделов Гераклейского полуострова. Неправильная конфигурация клера вызвана искривлением магистральной дороги в Херсонес — в объезд Стрелецкой бухты и крутых обрывов Стрелецкой балки.

Клер вытянут с юго-запада на северо-восток по очень пологому западному склону восточного отрога балки, впадающей в Круглую бухту. Общий уклон местности — с юго-востока на северо-запад, к берегу моря.

Стены внутренней размежевки сохранились очень хорошо. Основной стеной, заложенной посередине северо-восточной стены, клер разделен по продольной оси на две почти равные части. Северо-западная половина, в свою очередь, разделена на три части: на два крайних квадрата со сторонами длиной около 150 *м* и на лежащий между ними участок прямоугольной формы, вытянутый в соответствии с уклоном тальвега. Юго-восточная половина клера разделена на пять больших и на ряд более мелких участков. На наиболее крутых склонах балки участки террасированы в целях предотвращения смыва почвы и удобства их обработки. Общее протяжение террасирующих подпорных стен — около 1170 *м*. Общий объем кладки внешней ограды и внутренних межевых стен около 5000 $м^3$.

Весь клер размежеван на 18 участков разной величины и назначения. Эти участки могут быть сведены к следующим основным группам:

1. Поля	2,8 *га*	или 22,2%	всей	площади	клера
2. Виноградники	7,03 *га*	или 55,4%	»	»	»
3. Сады	2,00 *га*	или 15,8%	»	»	»
4. Подсобные участки	0,04 *га*	или 0,3%	»	»	»

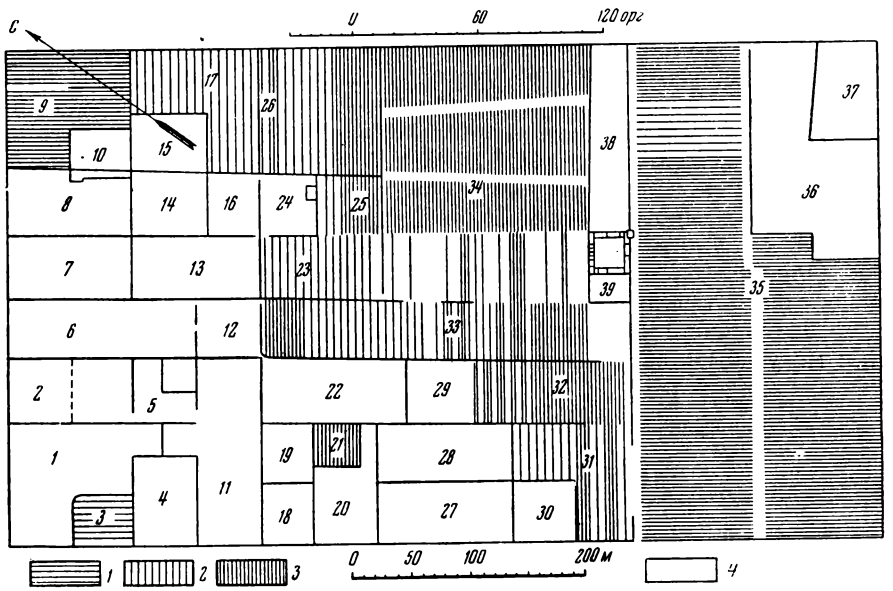


Рис. 4. Схема — план клера № 25

1 и *2* — сады; *3* — виноградники; *4* — поля

Участки с пахотной землей выделены нами на клере весьма ориентировочно [1]. Большинство этих участков (№ 3, 4 и 14, а также № 8 и 12), вероятнее всего, первоначально были заняты виноградниками или садами (так, на распаханных участках № 10 и 14 найдены вырубленные в скале грубые тарапаны для давки винограда). Виноградные участки занимают больше чем половину всей площади клера и расположены сплошным массивом, вытянутым с востока на запад и юго-запад по обоим склонам балки. Характерно размещение садовых участков. Крупный участок сада (№ 5, 5а, 5б) расположен в северном углу клера. Второй участок (№ 2) вытянут вдоль северо-восточной стороны виноградника на участке № 1. Не исключено, что эту же ветрозащитную роль играл третий участок (№ 15) со стороны открытого тальвега балки. (Назначение двух небольших подсобных участков № 6а и 14а до раскопок остается невыясненным). Усадьба клера не обнаружена. Вероятное местоположение ее определяется находкой обломков черепицы и сосудов эллинистического времени в восточном углу клера.

Клер № 25 (рис. 4) [2]. Длина клера (по сторонам) 731 и 733 *м*; ширина — 415 и 418 *м*. Общая площадь по наружному обмеру равна 30,50 *га*. По длине и площади клер несколько больше обычных херсонесских наделов III—II вв. до н. э. Относится к очень небольшой группе клеров, составляющих исключение среди остальных наделов Гераклейского полуострова

[1] Первоначально, в III—II вв. до н. э., количество таких участков было, несомненно, меньше. Так, например, участки №№ 16, 16а, 17 и 18 первоначально составляли один массив виноградника. Количество участков увеличилось в позднеантичное время, когда часть виноградников и садов была превращена в поля.

[2] С. Ф. Стржелецкий. Ук. соч., стр. 85 и сл.

(этот надел длиннее обычных клеров как раз на те 100 *м*, которых не достает предшествующему, примыкающему к нему клеру № 20). Отклонение от нормы у обоих клеров вызвано направлением магистральной дороги в Херсонес между этими наделами для объезда Стрелецкой бухты и крутых обрывов Стрелецкой балки.

В соответствии с общей размежевкой полуострова клер вытянут с юго-востока на северо-запад. Занимает верховье восточного отрога балки, впадающей в Круглую бухту.

Стены внутренней размежевки сохранились очень хорошо. Основа внутренней размежевки клера убедительно вскрыта В. Д. Блáватским [1]. Основные стены делят его на четыре части. Две из них расположены рядом, вдоль клера, и занимают его среднюю часть. Третья и четвертая части примыкают к первым двум: одна — с юго-восточной стороны, другая — с противоположной, северо-западной. Каждая часть дополнительно разделена на большее или меньшее количество участков. Большинство участков террасировано, особенно в поперечном направлении, соответственно уклону балки. Общее протяжение террасирующих подпорных стен — около 2000 *м*. Общий объем кладки внешней ограды клера и внутренних межевых стен — около 9000 $м^3$.

Клер размежеван на 39 участков разной величины. По назначению эти участки могут быть сведены к следующим основным группам:

1. Поля	11,13 *га*	или	36,5%	всей площади клера[2]	
2. Виноградники	13,42 *га*	или	44,0%	»	»
3. Сады	4,19 *га*	или	13,7%	»	»
4. Подсобные участки	0,96 *га*	или	3,0%	»	»
5. Усадьба	0,20 *га*	или	0,7%	»	»

Основная площадь пахотной земли расположена в северной части клера, с северной стороны садов и виноградников. Исключение составляют участки № 36 и 37 в восточном углу клера. Виноградники занимали почти половину площади клера (44%) и располагались одним большим массивом в юго-восточной его половине на склонах балки. Исключение составляли только небольшой участок № 21 (по-видимому, питомник) и № 9. Садовые участки распланированы почти непрерывной полосой с северной стороны виноградников. Усадьба находится почти в центре клера; она существовала с начала III в. по третью четверть II в. до н. э. Является типичным образцом сельскохозяйственной усадьбы — виллы античного мира. Раскопана полностью автором настоящей статьи.

Клер № 26 (рис. 5). Длина клера по продольным сторонам — 686 *м*, ширина — 420 *м*. Общая площадь по наружному обмеру — около 29 *га*. По длине на 50—53 *м* и по площади на 2,5 *га* клер больше обычных херсонесских наделов III—II вв. до н. э. (вероятно, за счет кривизны, идущей рядом магистральной дороги, как и у клера № 25).

В соответствии с общей размежевкой полуострова клер вытянут с юго-востока на северо-запад по восточному склону западного отрога балки, впадающей в Круглую бухту. Общий уклон местности с юго-востока на северо-запад к берегу моря.

Стены внутренней размежевки сохранились хорошо. Основная стена делит клер в поперечном направлении на две части. Юго-восточная часть имеет форму квадрата со стороной, равной ширине клера. Она занята почти целиком одним участком площадью около 17 *га*, и только в западном его углу нарезаны три маленьких квадратных участка [3]. Северо-западная часть клера сохранилась хуже: разрушена часть межевых стен и

---

[1] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 56 и сл., рис. 12—22.

[2] В нашей статье «Клер Херсонеса Таврического» общая площадь полей и виноградников указана для конца античной эпохи. Первоначально, в III—II вв. до н. э., площадь виноградников была больше. См. С. Ф. Стржелецкий. Ук. соч., стр. 90.

[3] Три участка (№№ 18—20) в центре квадрата возникают в позднеантичное время и для III—II вв. до н. э. в учет не принимаются.

запаханы участки. Однако и здесь прослеживается уже знакомый нам принцип размежевки участков, их террасирование и т. д. Общее протяжение террасирующих подпорных стен — около 1000 *м*. Общий объем кладки внешних и внутренних межевых стен не менее 5300 $м^3$.

Не считая разрушенного, западного угла клера, на его территории прослеживается 18 отдельных участков, которые могут быть сведены к следующим основным группам:

1. Поля (данные условные)	5,78 *га*	или	19,9%	всей площади клера	
2. Виноградники	21,40 *га*	или	74,0%	»	»
3. Сады	1,10 *га*	или	3,8%	»	»
4. Усадьба с приусадебными участками	0,72 *га*	или	2,5%	»	»

Полевые участки расположены в северной части клера. Виноградные участки занимают бо́льшую, южную часть клера, прижимаясь к склону балки. Виноградник заложен одним сплошным массивом. Садовые участки расположены с северной стороны виноградников, между последними и полевыми участками. Усадьба клера находится неподалеку от северо-западной дороги. Внешний двор ее соединен с этой дорогой воротами, а затем — широким проездом. Вокруг нее расположены приусадебные участки. В конце II в. до н. э. жизнь усадьбы прекращается.

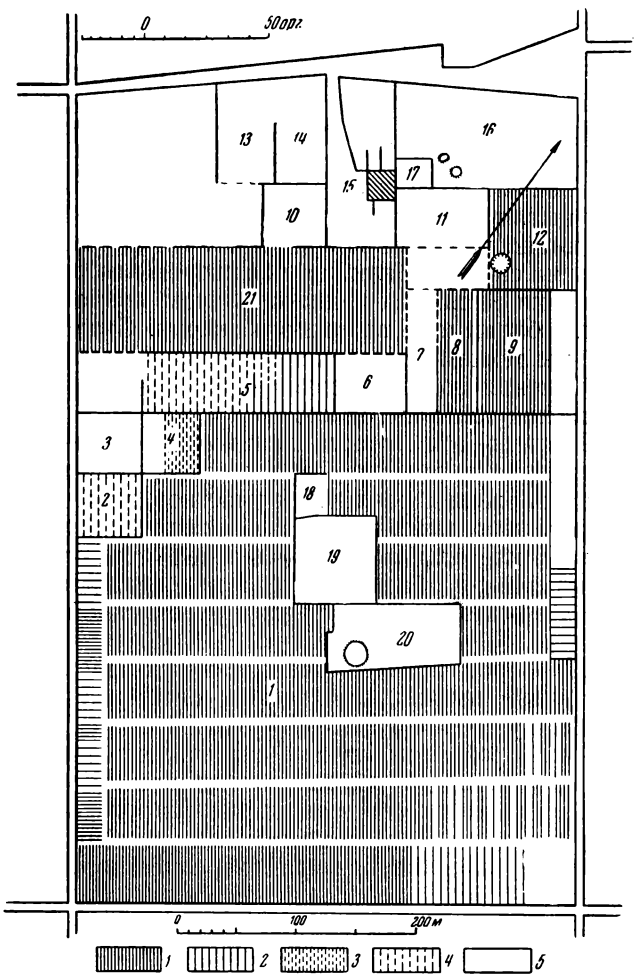


Рис. 5. Схема — план клера № 26

1 — виноградники, *2* — сады, *3* и *4* — распаханные виноградники и сады, *5* — поля

Выше нами освещены два основных вопроса организации территории каждого клера: геодезическое его оформление и распределение площади клера между основными сельскохозяйственными культурами. Тесная взаимосвязь первого со вторым не вызывает сомнения и является бесспорным доказательством наличия какого-то общего организационного плана, на основе которого клер межевался на участки, предназначенные для определенных культур. На примере вышеописанных пяти клеров видна разработка такого плана для каждого клера в отдельности с учетом конкретных особенностей, обусловленных расположением клера, рельефом, экспозицией отдельных его участков микроклиматическими и микропочвенными данными и т. д. На всех клерах хорошо

Таблица 1

№ клеров	Площадь клера		Виноград		Поля		Сады		Остальные земли		Основная экономическая культура на клере
	гектары	гекаторюги	площ. (в *га*)	% ко всей площ.	площ. (в *га*)	% ко всей площ.	площ. (в *га*)	% ко всей площ.	площ. (в *га*)	% ко всей площ.	
10	26,46	860	6,91	26	13,74	51,8	4,57	17,2	1,20	5,0	Виноград
11	26,61	860	от 7,14 до 10,40	от 26,4 до 39,1	5,26	19,7	от 5,68 до 9,24	от 21,3 до 34,7	1,71	6,5	Виноград
20	12,66	400	7,03	55,4	2,80	22,2	2,00	15,8	0,83	6,6	Виноград
25	30,50	1000	13,42	44,0	11,13	36,5	4,19	13,7	1,76	5,8	Виноград
26	29,00	950	21,40	74,0	5,78	19,9	1,10	3,8	0,72	2,5	Виноград
Всего	125,23	4070	55,90	44,6	38,71	30,8	17,54	14,0	6,22	5,0	Виноград

прослеживается строгая система размежевания основных культур в зависимости от стран света. Виноградники всегда расположены в южной части клеров. С северной стороны их ограничивает нешироkая полоса садов. Самая северная часть отводилась для зерновых культур.

Одновременно учтены экспозиционные условия и рельеф каждого клера в отдельности: виноградники занимают склоны балок и их водоразделы. Так, на клерах № 10 и 11 общий массив виноградников на каждом вытянут в диагональном направлении с юга на север. Особенно четко это видно на плане клера № 11. На клере № 20 виноградники размежеваны на склонах балки по обе стороны ее тальвега. На клере № 25 виноградники вытянуты в диагональном направлении соответственно направлению балки и ее восточного склона. Столь же отчетливо этот учет рельефа мы можем проследить и на расположении полей. На всех клерах без исключения поля занимают самую низкую и, как правило, северную их часть или тальвеги балок.

Наличие общего организационного плана для каждого клера в отдельности ярко выражено самой размежевкой их. Это проявляется не только в расположении различных участков, но и в их площадях. Так, площади виноградных участков достигают крупных размеров. Это прослеживается на всех клерах без исключения и в особенности на клере № 26 и № 25. Размельчение общего массива виноградника на клере № 10 вызвано необходимостью террасировать крутой склон балки, на котором он расположен.

Наоборот, полевые участки очень невелики; на клерах № 10 и № 25 некоторые из них, несомненно, спарены. Последнее обстоятельство, повидимому, обусловлено двупольной системой античного земледелия [1].

Таким образом, нужно считать, что предусмотренное планом размещение участков, огораживание их стенами и террасирование осуществлялись с применением геодезических способов. Внутренняя размежевка клеров проводилась единовременно с общей размежевкой и, несомненно, отражает высокое развитие херсонесского земледелия эллинистического времени.

Внутренняя организация территории клеров выявила распределение земель между различными сельскохозяйственными культурами. Выше приведенная таблица позволяет более четко представить это распределение по отдельным клерам (в сумме по пяти клерам) и в сопоставлении между отдельными клерами [2]. Из таблицы следует, что 44,6% (т. е. почти

[1] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 59, 71; С. Ф. Стржелецкий. Ук. соч., стр. 87.

[2] Площади виноградников, полей и садов даны в соответствии с цифрами, приведенными в статье, «остальные земли» — за вычетом площади первых из всей площади клера. При суммировании площадей по культурам на всех клерах, по клеру № 11 взяты минимальные площади виноградника и сада, вследствие чего эта сумма меньше общей площади всех клеров на 6,82 *га*, которые следует добавить к «остальным землям».

половина всех земель пяти клеров) было занято виноградниками. По занимаемой площади, как и по экономическому значению, виноград являлся основной культурой всех пяти клеров. Как показывает опыт исследования и раскопок так называемых полевых участков на клерах № 11, 25 и 26, площадь виноградников на клерах № 10 [1] и 11 занижена вследствие запашки целого ряда их участков в позднеантичное время. Кроме того, виноградники, расположенные на участках с мощным почвенным слоем, не требовали создания плантажных стенок, вследствие чего тоже не могут быть выявлены без раскопок. Таким образом, имеющиеся у нас цифровые данные площадей виноградников являются, безусловно, минимальными, что еще больше подчеркивает ведущее значение виноградарства в экономике клеров Гераклейского полуострова.

О единице измерения сельскохозяйственной территории Херсонеса

Основные размеры обычных клеров Гераклейского полуострова находятся в строгой зависимости между собою: длина клеров равна их же полуторной ширине; в абсолютных цифрах — 630 × 420 *м*. Основной единицей этого соотношения является число 210, которое в длине взято три раза и ширине — два. Эти числа зафиксированы неоднократно (клеры № 8, 10, 16 и др.). Однако встречаются отклонения на 3—5 *м* от этих чисел (вполне допустимые и при размежевке, и во время обмеров, в особенности, когда стены находятся под завалом). Это колебание может быть выражено в пределах 2—3 *м*, не больше, и в общем мало нарушает числовую зависимость между длиной и шириной обычного клера.

Несомненно, что эта же зависимость выражалась в единицах измерения, которыми пользовались херсонесцы при размежевке. Следовательно, имея определенные цифровые данные, мы можем попытаться установить единицу измерения длины и площади, применявшуюся древними херсонесцами. Задача облегчается указанием на единицу измерения площадей в древнем херсонесском акте о продаже земли.

В этой надписи дважды повторяется один и тот же термин — ἑκατώρυγος. Связь этого термина с продаваемыми земельными участками несомненна.

Ф. Ф. Соколов [2] считал, что «ἑκατώρυγες» херсонесской надписи — нечто вроде hectare. Бруно Кейль в специальной статье столь же убедительно доказал, что ἑκατώρυγος как субстантивированное прилагательное произошло из ἑκατον — τώρυγος (где ὤρυγος восходит к ὀρογυά = ὀργυά и означает сто квадратных оргий или гекаторюг [3]. Это понимание термина было принято В. В. Латышевым [4]. С. А. Жебелев высказал предположение, что термин ἑκατώρυγος сохранился как пережиток от времени основания Херсонеса, когда территория, им занятая, была поделена между колонистами на равные по величине участки. Он предположил также, что ἑκατώρυγος соответствует термину κλῆρος [5]. В. Д. Блаватский [6], учитывая работы Ф. Ф. Соколова и В. В. Латышева, попытался высчитать площадь одного гекаторюга (исходя из длины оргии в 1,85 *м*) и пришел к выводу, что гекаторюг равен сотне квадратных оргий (3,4225 $м^2$ × 100), т. е. 342,25 $м^2$. Этот расчет В. Д. Блаватского побудил меня попытаться определить единицу меры длины, которая легла в основу размежевки клеров.

---

[1] На клере № 10 площадь виноградника меньше площади полей. Однако учитывая двупольную систему античного земледелия и доходность виноградарства по сравнению с хлебопашеством, ведущее значение первого и на этом клере очевидно.

[2] Ф. Ф. Соколов. Труды. СПб., 1910, стр. 641.

[3] Hermes, т. 38. СПб., 1903, стр. 140—144.

[4] В. В. Латышев. Дополнения и поправка к надписям, изданным в сборнике «Inscriptiones orae septentrionolis Ponti Euxini», т. I, II и IV. ИАК, вып. 10, стр. 96—97, СПб., 1910. См. также IOSPE, I [2], N 403, стр. 363.

[5] С. А. Жебелев. Херсонесская присяга. Изв. Отделения общественных наук АН СССР, № 10. М., 1935, стр. 935.

[6] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 44.

Мера в 210—212 *м* составляет половину ширины клеров, нормальная длина которых равна 630—635 *м*. Для внутренней размежевки клеров это измерение используется далеко не всегда; чаще употребляются более удобные — меньшие меры, равные половине и четверти этой крупной единицы измерения. Так, мера, равная 52,5—53,0 *м*, четко прослеживается на всех клерах без исключения. Учитывая, что основная мера площади у херсонесцев — гекаторюг базируется на оргии, мы предположили ее же в основе размежевки клеров Гераклейского полуострова. Расчет сделан в двух вариантах: в одном оргия равна 1,85 *м*, в другом принята оргия аттическая —1,77 *м*.

52,50 : 1,85=28,4 оргии 52,50 : 1,77=29,6 оргии
53,00 : 1,85=28,65 оргии 53,00 : 1,77=30,0 оргии

Исходя из этого расчета, размеры основных участков клеров и размеры самих клеров получают следующее выражение в оргиях:

Размеры участков и клеров (в *м*)	Оргия—1,85 *м*	Оргия—1,77 *м*
52,5—53,0	28,6	30
105—106	57	60
210—212	115	120
420—424	230	240
630—635	345	360

Полученный результат заставляет предположить, что длина херсонесской оргии была очень близка, если не равна, длине аттической. Правильность предложенного расчета как будто подтверждается не только целыми числами частного без остатка, но и соотношением частных от деления разных размеров участков и размеров самих клеров, характерным для соотношения греческих, в частности аттических мер длины.

Таблица 2

№ клеров	Размеры усадеб (в *м*)	Оргия—1,85 *м*	Оргия—1,77 *м*
25	35,40×33,75	19×18 (остаток 25 и 45 *см*)	20×19 (остаток 0 и 7 *см*)
26	26,50×20,80	14×11 (остаток—60 и 45 *см*)	15×12 (недостает — 0 и 44 *см*)

Безусловно, настаивать на полученном результате пока еще преждевременно. Отметим дополнительно результаты расчетов, полученных на основании раскопанных усадеб на клерах № 25 и 26.

Учитывая полученный результат, предположительно можно высчитать площадь херсонесского обычного клера.

Площадь клера в квадратных метрах:

420×630=264 600 *м*²
424×634=269 240 *м*²

Площадь клера в квадратных оргиях:

230×345 = 79 350 орг.² = 793,5 гекаторюга
240×360 = 86 400 орг.² = 864,0 гекаторюга

Аналогичные результаты можно получить при делении площади клера в квадратных метрах на площадь гекаторюга в том же измерении. Сопоставление полученных цифр позволяет предположить, что площадь нормального клера Херсонеса III в. до н. э. равнялась 860 гекаторюгам.

Х. ПЭРЛЭЭ

К ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ГОРОДОВ И ПОСЕЛЕНИЙ В МОНГОЛИИ

Известные в настоящее время письменные и археологические данные свидетельствуют о том, что племена, населявшие издавна территорию МНР, частью были кочевниками, а частью жили оседло в поселениях [1]. Древние населенные пункты в Монголии представляли собой ремесленные и торговые города, военные крепости, феодальные замки, дворцы ханов и их министров. Большинство древних монгольских городов состояло из кварталов — дворцового, торгово-ремесленного и кварталов, населенных рабами-бедняками или насильственно поселенными кочевниками.

Обитавшие в конце I тысячелетия до н. э. в Монголии племена возводили небольшие земляные укрепления вокруг населенных пунктов. Однако многие племена, господствовавшие в Монголии позднее, не основывали городов и оседлых поселений. Поэтому на территории страны можно наблюдать значительные перерывы в развитии городов и поселений. Так, пока не найдены ни письменные, ни археологические сведения о постройке городов или поселений в период I—V вв. н. э.

Древние города и поселения Монголии возникали в разные периоды, в различных исторических условиях и на большом расстоянии один от другого. Тем не менее, хотя такие города и поселения возникали с перерывами и часто без связи друг с другом, они имели большое социально-экономическое значение и способствовали хозяйственному и культурному развитию племен, господствовавших в то или иное время.

Нельзя поэтому рассматривать древнюю Монголию как страну, населенную только кочевническими племенами. Важной частью проблемы древних государств Монголии и возникновения и развития феодального строя в Монголии является вопрос о монгольских древних городах [2].

* * *

Самые древние города и укрепленные поселения в Монголии относятся к гуннам, господствовавшим в Центральной Азии в период III—I вв. до н. э. В китайских «Исторических записках» указано, что при гуннах на монгольской земле было три — четыре города (по-китайски — «чен») [3].

Там отмечено, что эти города были построены на земле «Халха-монгольской северной дороги» (позднее — Тушээт-хан аймак). В «Истори-

---

[1] С. В. Киселев. Монголия в древности. Изв. АН СССР, серия истории и философии, 1947, т. IV, вып. 4; его же. Древние города Монголии. СА, № 2, 1957; История Монгольской Народной Республики. М., 1954.

[2] К 1956 г. Кабинетом истории Комитета наук МНР зарегистрировано до 220 развалин городов и укрепленных поселений (в 1947 г. их было известно лишь 47. С. В. Киселев. Монголия в древности, стр. 380).

[3] Мэн-гу-ю-му-цзу (перевод П. С. Попова). СПб., 1895, стр. 382; Дай-Цин-и-тунчжи (монгольский перевод), кн. III, стр. 45, 71. (Рукопись; хранится в Государственной библиотеке в г. Улан-Баторе). От более древнего времени, особенно от эпохи плиточных могил (VII—III вв. до н. э.), сохранились многочисленные стоянки земледельческих племен, живших в значительной мере оседло.

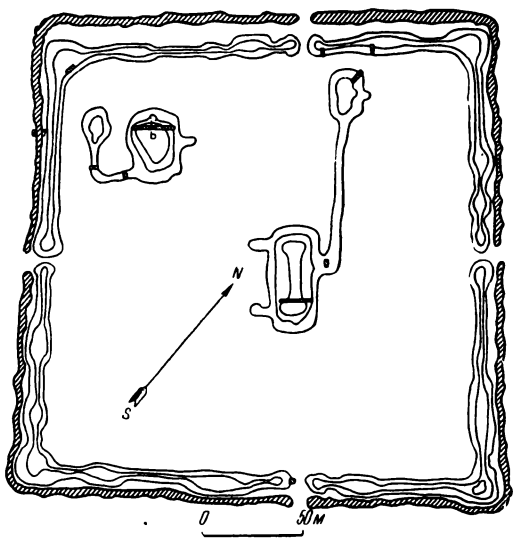


Рис. 1. План гуннского городища Тэрэлжийн дэрвэлжин (Центральный аймак)

ческих записках» отмечено, что эти города времен гуннов в большинстве случаев были местом, где находились дворцы правителей (шан-юй), замки и дворцы китайских военачальников, перешедших на сторону гуннов.

За последнее время найдено пять городищ, представлявших собой укрепленные поселения гуннов в бассейнах рр. Енисея, Селенги и Керулена. Если прибавить к ним еще пять городищ аймака Тушээт-хана (ныне Архангайский и Булганский аймаки), то можно сказать, что уже известно до десяти городищ на обширной территории гуннов (рис. 1, 2, 3).

Найденные на этих укрепленных поселениях обломки керамики, облицовочные кирпичи от стен зданий и черепица имеют полную аналогию с находками в гуннских погребениях и в многочисленных погребальных и архитектурных памятниках Китая эпохи Хань (рис. 4) [1].

Помимо этих укрепленных поселений, в отдельных частях земли гуннов существовали и неукрепленные земледельческие поселения. Их возникно-

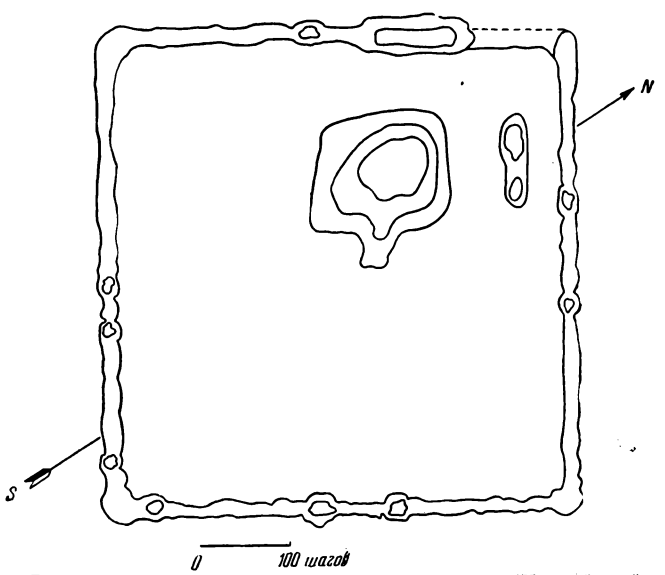


Рис. 2. План гуннского городища Гуа-дов (Хентейский аймак)

вение было в значительной мере вызвано стремлением шан-юев к созданию собственных зерновых запасов [2].

Письменные и археологические сведения о существовании городов и поселений на халха-монгольской земле в I—VIII вв. н. э. немногочисленны.

[1] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 479—484.

[2] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, т. I. М.— Л., 1950, стр. 76, 78.

В китайских «Исторических записках» указано, что в Алтайских горах были дворцы тюркских ханов [1], а на р. Орхон были известны развалины дворца тюркского хана Билгэ [2]. Там же встречается указание о том, что вблизи Хангайских гор был дворец (или город?) хана усуней, который воевал с сяньбийцами, а затем установил с ними мир [3].

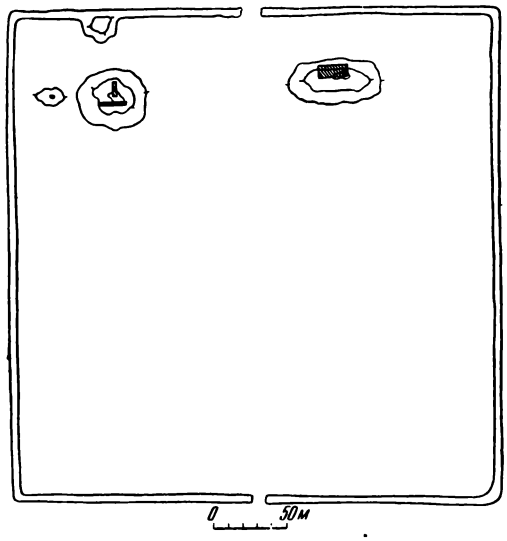


Рис. 3. План гуннского городища Барс-хот II на р. Керулен

Племенам и народностям, господствовавшим в Монголии в V—VIII вв. н. э., особенно жуаньжуаням и тюркам, была известна плавка железной руды. Сохранились поселения их кузнецов и рудодобывателей.

Со второй половины VII в. до середины XIII в. у населявших территорию Монголии племен шел процесс сложения классового общества; создавалась экономическая основа, благоприятствовавшая возникновению городов. Города и поселения стали играть большую роль в общественной жизни Монголии.

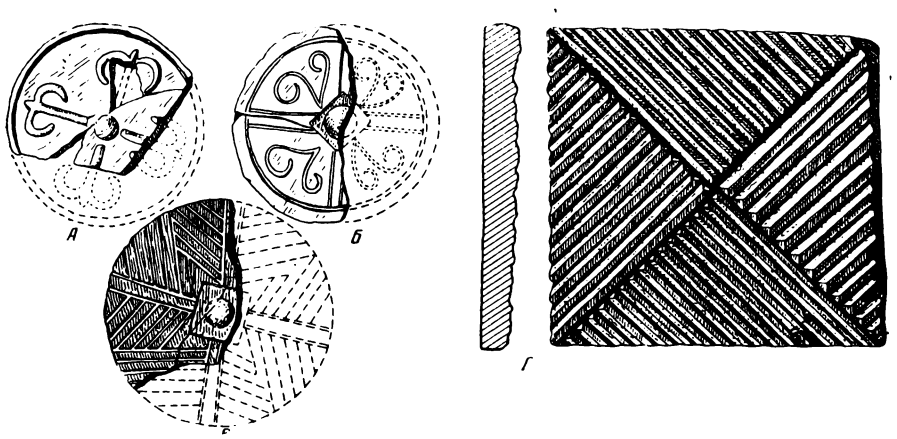


Рис. 4. Находки при исследовании гуннских городищ

А — концевой диск черепицы с городища Бурхийн дэрвэлжин (Центральный аймак); *Б*, *В* — концевые диски черепицы с городища Гуа-дов; *Г* — облицовочная глиняная плита от жертвенного стола городища Тэрэлжийн дэрвэлжин

В эпоху Уйгурского царства, во второй половине VIII в., была построена на берегу р. Орхон столица Балыклик (ныне Хара-балгас [4]). На р. Селенге возникли города Байбалык (ныне Бийбулаг) и Хедун [5]. Байбалык заселяли китайские купцы и согдийцы. Вместе с торговцами туда приез-

---

[1] Дай-Цин-и-тун-чжи (монгольский перевод), кн. III, стр. 47.
[2] Мэн-гу-ю-му-цзу (перевод П. С. Попова), стр. 382.
[3] Там же, стр. 382.
[4] Рамстедт. Как был найден «селенгинский камень». Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отделения РГО. Кяхта, 1912, т. VI, вып. 1, стр. 34—39; Дай-Цин-и-тун-чжи (монгольский перевод), кн. III, стр. 48.
[5] Мэн-гу-ю-му-цзу (перевод П. С. Попова), стр. 340.

жали согдийские ученые, которые, в частности, переводили на уйгурский язык буддийскую литературу [1]. Кроме согдийцев и китайцев, в эти города приезжали торговцы — арабы и тибетцы. До сих пор заметны следы больших поливных полей вокруг этих городов. Изучение развалин поселений уйгурского времени позволяет воссоздать наиболее характерные черты города, типичные для феодального строя того периода.

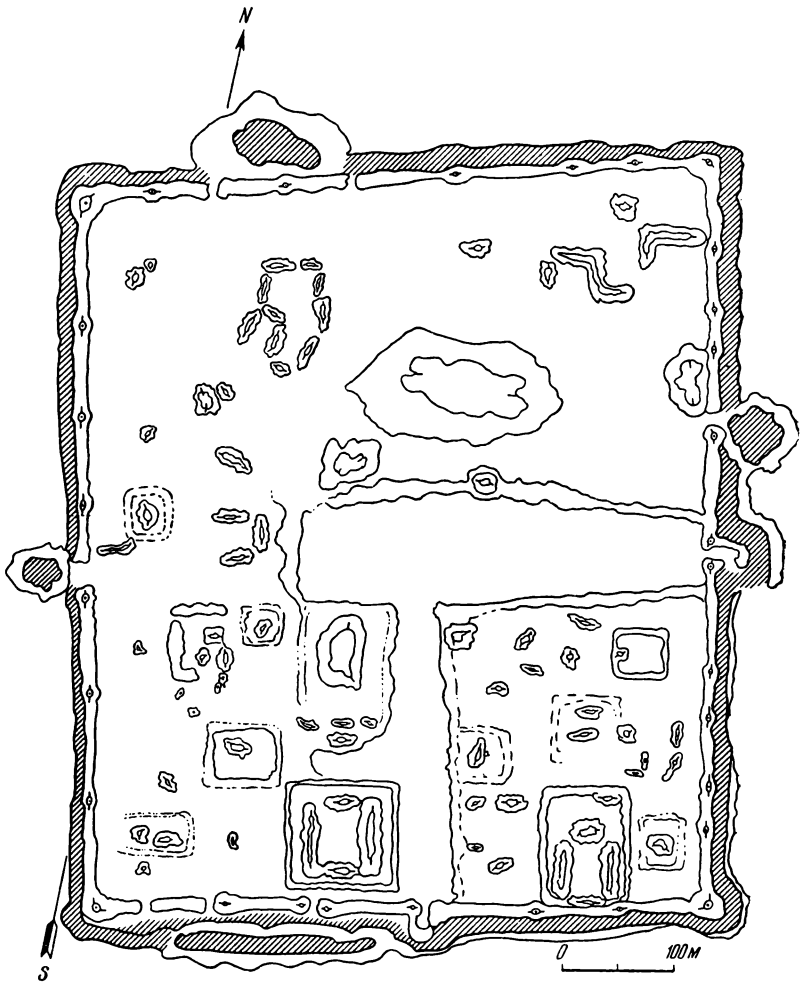


Рис. 5. План города XI—XII вв. Зуун-хэрэм (бассейн р. Керулен)

Уйгуры поддерживали мирные торговые отношения с монгольскими племенами найман (Сегиз-Огуз) и есон-татарами, а иногда и воевали с ними [2]. Влияние уйгурской городской и вообще оседлой культуры на монгольские племена и народности было весьма значительным. Господствовавшие в Монголии в период с середины IX в. до 20-х годов X в. кыргызы были одним из культурных племен, населявших Центральную Азию. Известно, что они перенесли ханскую ставку на р. Орхон. Строили они в Монголии новые города или нет, остается неизвестным.

[1] Рамстедт. Уйгур улсын хураангуй туух. (Рукопись; хранится в архиве Кабинета истории Комитета наук МНР).

[2] Об этом написано на камне уйгурского хана Моюнчура, который обычно называют «Селенгинским камнем». Он находится в местности Могойн шина ус (Сайхан сомон, Булганский аймак).

Во время господства в Монголии киданей (народности монгольского происхождения) с 20-х годов X в. до половины XII в. на монгольской земле был построен ряд городов.

Возведение киданями городов стало одним из средств подавления восстаний племен, населявших в то время Монголию (например, восстания племени зунь-бу).

Состав населения городов киданей был совсем другим, чем городов предыдущего времени. Большинство жителей прежних городов составляли

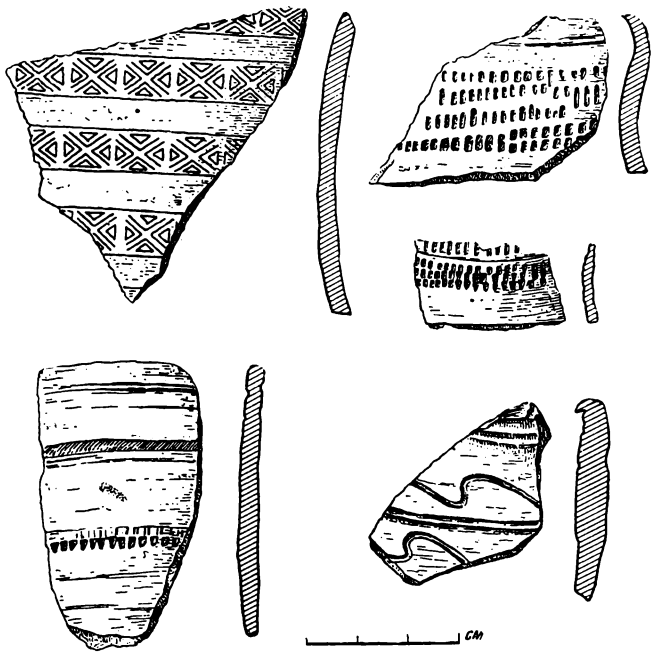


Рис. 6. Фрагменты глиняных сосудов из г. Зуун-хэрэм

представители господствующих местных племен. Население же киданьских городов-крепостей составляли гарнизоны, повстанцы из местных племен, подавленные силой оружия, китайцы, бохайцы и ссыльные чжурчжени [1].

В киданьских городах-крепостях жили также и ремесленники (гончары и кузнецы). Земли, пригодные под посевы, в окрестностях городов обрабатывались. Эти посевы назывались в большинстве «посевами войск». Характерными для этой эпохи являются описанные Д. А. Клеменцом и С. В. Киселевым г. Харухаин-балгас и г. Чин Тологой близ ст. Хадасан на тракте Улан-Батор — Кобдо [2], а также исследованные автором настоящей статьи в бассейне р. Керулен гг. Зуун-хэрэм и Барс-хот I (рис. 5—8).

Хотя в киданьских городах и поблизости от них развивались ремесло и земледелие, неясно, какое влияние это оказывало на монгольские племена того времени. Поэтому изучение киданьского периода, и особенно го-

---

[1] Мэн-гу-ю-му-цзу (перевод П. С. Попова), стр. 339—340; То-то (Тогтуга) Ляо-ши, кн. I, стр. 22 (на китайск. яз.); Олон монгол аймгийн газрын ойллого (перевод с маньчжурского). (Рукописи хранятся в азиатском отделении Гос. библиотеки МНР); Дайляо гурун- и судури (на маньчжурск. яз.), кн. V, Пекин, 1633, стр. 36—37; Дайляо улсын эх адгийн хэргийг тэмдэглэсэн шастир, кн. I, Пекин, 1913, стр. 69 (перевод с китайского).

[2] Д. А. Клеменц. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г. Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. II, СПб., 1895, стр. 27—43; Атлас древностей Монголии. СПб., 1895, табл. LXIII—LXVI; С. В. Киселев. Монголия в древности, стр. 370—371; его же. Древние города Монголии. СА, № 2, 1957, стр. 95—97.

родов, находившихся тогда в Монголии, должно являться ближайшей задачей археологов. Оно послужит ценным вкладом в объяснение предпосылок развития феодального строя у монгольских племен на территории МНР.

Судя по письменным сведениям, на рубеже XII и XIII вв. в Монголии было несколько городов.

Археологические исследования, произведенные в 1949 г. экспедицией Академии наук СССР и Комитета наук МНР, обнаружили к югу от развалин Каракорума окруженные валом развалины с постаментом — камен-

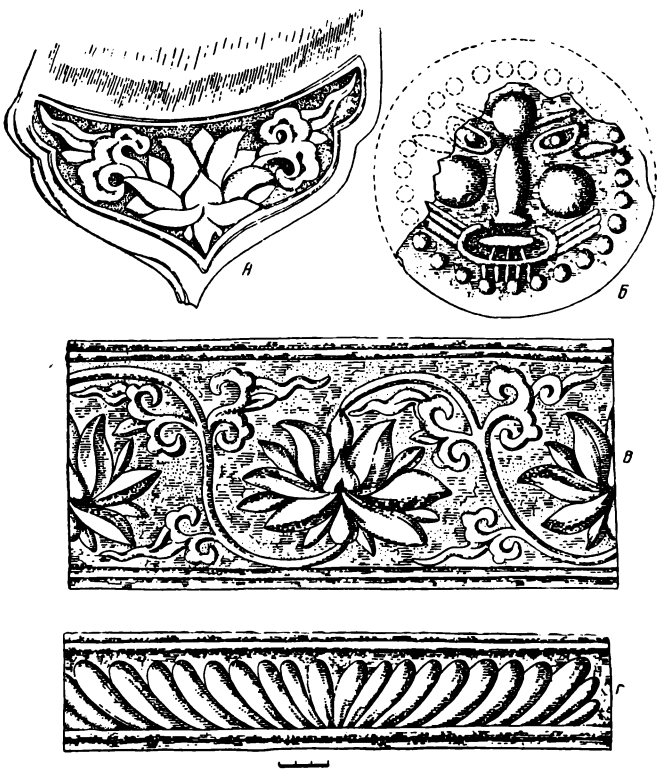


Рис. 7. Находки на городище Барс-хот I

А, Б — концевые орнаменты черепиц; *В, Г*— орнаменты облицовочных кирпичей

ной черепахой (ныне «Южная каменная черепаха монастыря Эрдэни-Цзу»). Раскопки здесь дали вещевые комплексы, одновременные с обнаруженными в уйгурском городе Хара-балгас IX в.

Может быть, это небольшое городище и есть ранний город Каракорум, в котором, по некоторым источникам, в конце XII в. жил Ван хан. Имеются также сведения из источников на маньчжурском языке о том, что Ван хан к концу своей жизни в пустыне вблизи горы Цэцэй построил город, который разрушил Чингис-хан [1]. При археологических разведках севернее горы Цэцэй были действительно обнаружены развалины двух поселений: Хээрийн булгийн-турь и Дугшихын-балгас. Кроме того, у р. Тамир имеются руины города того же времени [2].

Древние города и поселения начала XIII века в Монголии почти не изучались. Необходимо проверить приведенные выше сведения и произвести археологические раскопки.

[1] Олон монгол газрын ойллого.

[2] Д. А. Клеменц. Дневник. Рукопись (хранится в архиве Кабинета истории Комитета наук МНР).

Восточные и западные путешественники (Плано Карпини, Вильгельм Рубрук, Марко Поло, Чан Чунь, Чжан Да-Хоя) больше всего писали о столице Чингизидов Каракоруме (Хара-Хорине). Мы до сих пор не знаем, были ли еще в Монголии в конце XIII в. и начале XIV в. такие большие города, как Каракорум. Между тем монгольский историк XVII в. Санан Сэчэн писал, что при Хубилае (60—80-е годы XIII в.) в Монголии были два больших города Эрчу-Гийн Цагаан балгас и Арлын Цагаан балгас, которые равнялись во всем с г. Дайдуханбалык (г. Пекином) [1].

В 1953 г. археологическая экспедиция Комитета наук МНР обнаружила развалины большого города в пади Загзуу, севернее хребта Эрчмиин нуруу в бассейне р. Дэлгэр-мурун (Косогольский аймак). Важно отметить, что севернее этих развалин на берегу р. Дэлгэр-мурун стоит памятник с китайскими и монгольскими надписями и видны остатки еще какого-то поселения [2]. На памятнике есть молитвенная надпись о продлении жизни Мункэ-хана (рис. 9). Вблизи горы Хегшин тээл (Убурхангайский аймак) обнаружены остатки укреплений города, который связывают с временем спора Хубилая и Аригбуха, боровшихся за ханский престол (1260) [3]. В китайской надписи, находящейся около города, он назван «Городом величества». В 15 *км* восточнее г. Керулен-Барса находятся остатки г. Барс, построенного ханом Тогон Темуром в 70-х годах XIV в. (рис. 10, 11) [4].

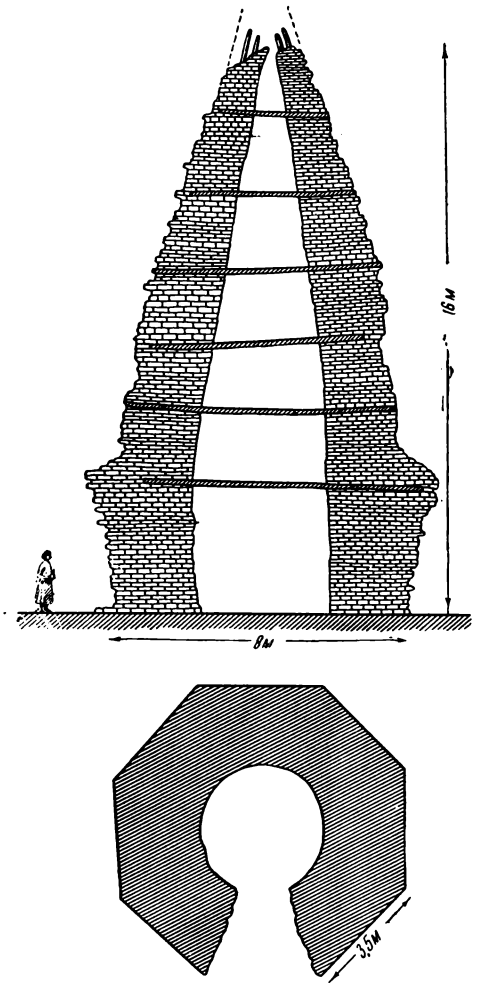


Рис. 8. Разрез и план семиярусной пагоды на городище XI—XII вв. Барс-хот I

Китайские путешественники Чан-Чунь и Чжан Дэ-Хой отмечали, что с начала XIII в. на берегах Керулена и Орхона находились ремесленные и земледельческие поселения. Последними археологическими исследованиями установлено, что в южной части МНР находились военно-ремесленные поселения.

---

[1] Санан-Сэчэн. Эрдэни-ин тобчи. (Рукопись; хранится в Кабинете истории Комитета наук МНР).

[2] Намнандорж. Отчет о работе второй музейной экспедиции 1953 г., стр. 60—64. (Рукопись на монгольск. языке; хранится в Кабинете истории Комитета наук МНР).

[3] П. К. Козлов. Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Гос. Русск. Географич. общества 1923—1926 гг. Северная Монголия, вып. III, Л., 1928, стр. 43, табл. VIII, рис. 15. П. К. Козлов указывает, что около этих развалин находится китайская надпись, свидетельствующая о том, что город построен войсками Хубилай-хана в 1275 г.

[4] Х. Пэрлээ. Хэрлэн-Бар-хот. (Рукопись; хранится в Кабинете истории Комитета наук МНР, лл. 68—84).

В древнемонгольский период города были редки, скотоводство имело более важное значение в хозяйстве населения, чем земледелие.

Утверждение Б. Я. Владимирцова о том, что с конца XIV века в Монголии усилилась феодальная раздробленность, положение городов и поселений ухудшалось, а в начале XV в. они запустели, подтверждается новейшими археологическими данными.

* * *

С XV по XVII в. в Монголии феодальная раздробленность достигла кульминационного развития. В этот период не только не появились новые города, но, кажется, были уничтожены и многие прежние поселения. Известно, что Дали хан Бат-Мунхэ своей столицей сделал г. Каракорум.

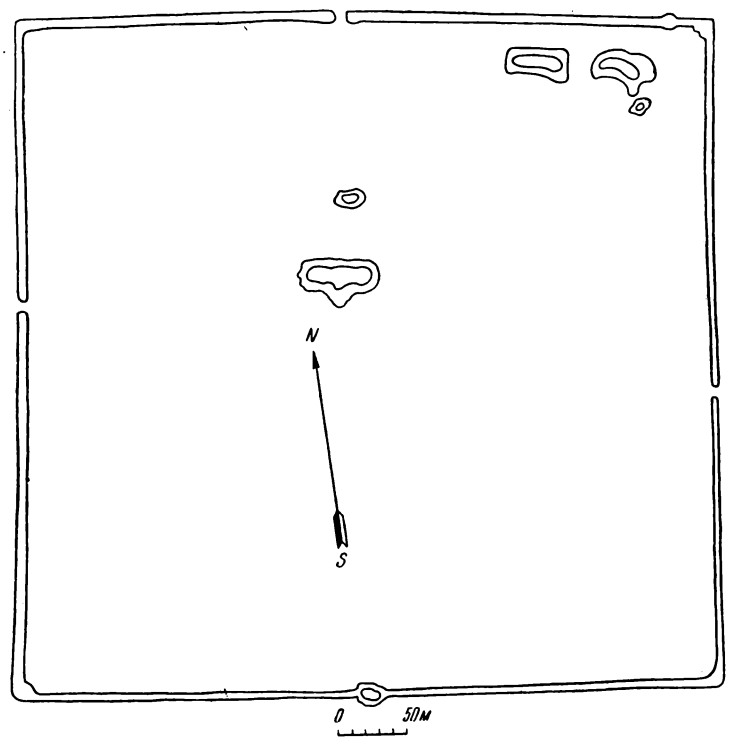


Рис. 10. План города Барс-хот III, основанного Тогон-Темуром

Имеются также данные о том, что на развалинах Каракорума Абатай-хан (1586) имел дворец (рис. 14). Но это, разумеется, не значит, что Абатай-хан построил новый город. Как известно, он построил первый оседлый монастырь — знаменитый Эрдэни-Цзу, использовав при этом строительные детали, уцелевшие от древних развалин Каракорума (рис. 12). Эрдэни-Цзу стал также хранилищем эпиграфических памятников, сохранившихся от эпохи Чингизидов.

С начала XVII в. некоторые монгольские феодалы начали вновь строить города. Это отмечал и Б. Я. Владимирцов. Так, известно, что в этот период Цогт тайджи построил феодальный замок. Города того времени имели крепости четырехугольной формы с башнями по углам, как это отмечал русский путешественник Иван Петлин в 1620 г. С этого времени начали строить каменные крепости, укрепленные монастыри и храмы. Об

Рис. 9. Памятник, стоявший близ развалин города в пади Загзуу Косогольского таймака, с надписями о продлении жизни Мунко-хана (ныне установлен у здания Государственной библиотеки в г. Улан-Баторе)

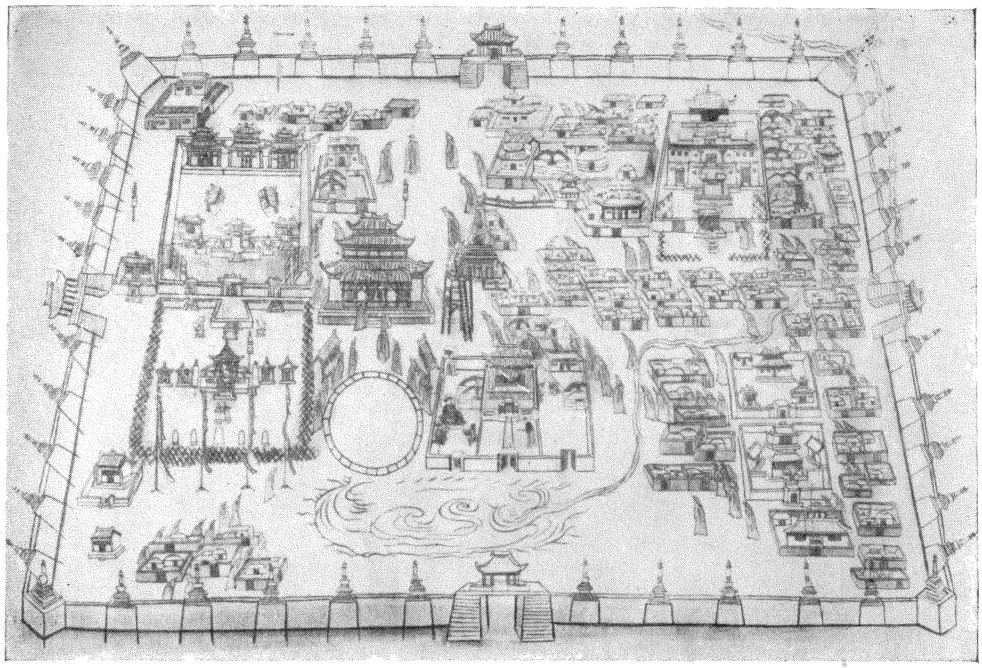


Рис. 12. Рисунок-план первого оседлого монастыря Эрдэни-Цзу, основанного в 1586 г. (работа XIX в.)

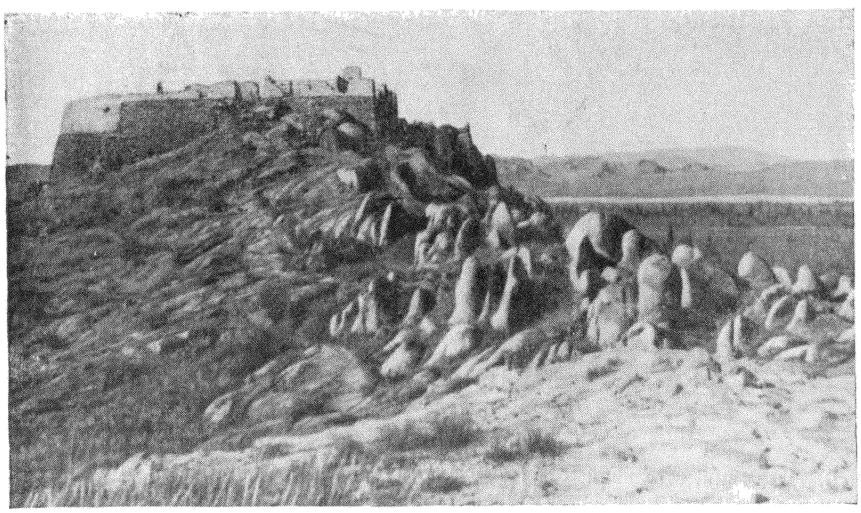


Рис. 13. Развалины каменного замка XVII в. на р. Тэслийн-го

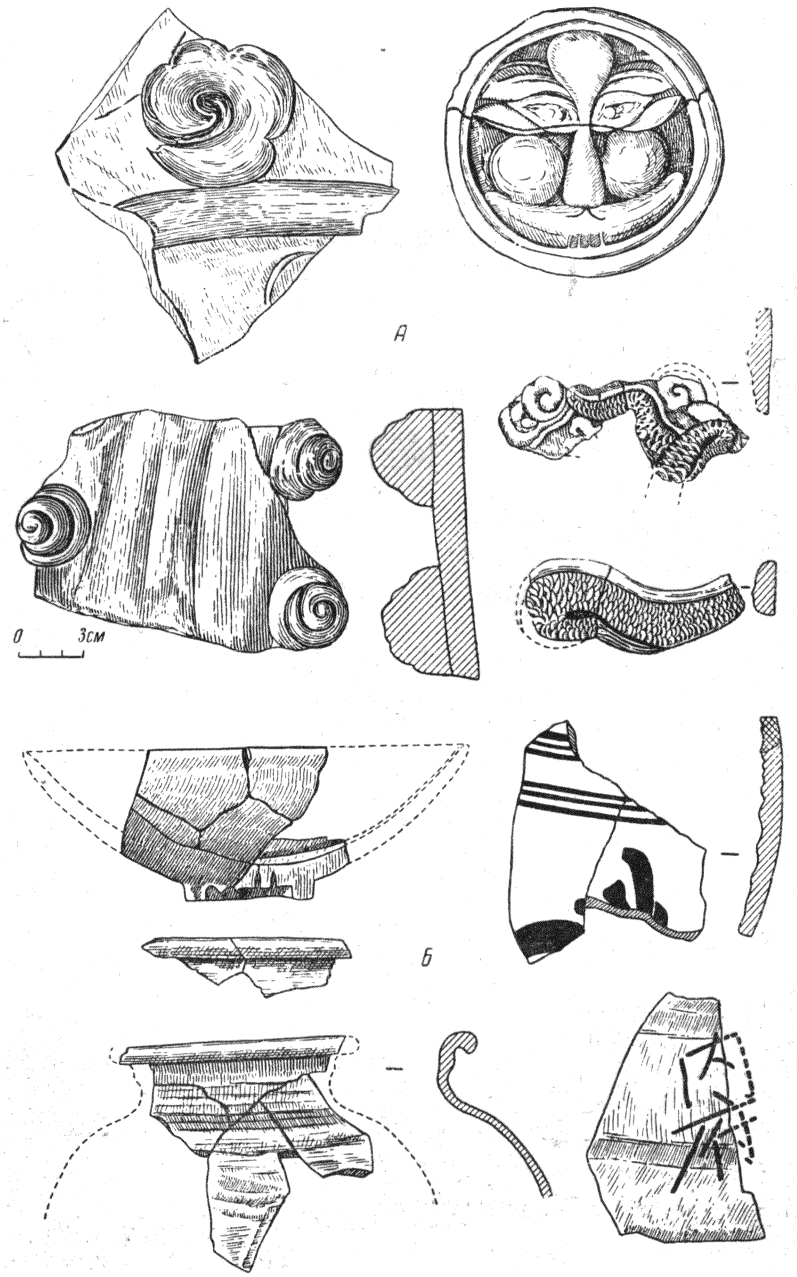


Рис. 11. Находки, сделанные при исследовании города Барс-хот III

А — фрагменты разноцветных поливных украшений и черепиц от южных ворот; *Б* — обломки глиняных сосудов, серых поливных типа Цы-чжоу и с китайскими надписями

этом свидетельствуют, например, развалины, сохранившиеся до настоящего времени на р. Харбух, на горе Хугнэ-Тарна, на горе Сардык и т. д. Города и монастыри того периода были в основном феодальными замками (рис. 13). В этот период, как и в прежние времена, города были разбросаны и, вероятно, были слабо связаны друг с другом. Впрочем, не сделав достаточных археологических исследований городов этого времени,

Рис. 14. Абатай-хан, основатель монастыря Эрдэни-Цзу (умер в 1587 г.)

нельзя точно установить их общественно-политическое значение. Можно также отметить, что развитие таких городов было связано и с оживлением в области культуры Внешней и Внутренней Монголии, когда составлялись ойрато-монгольские законы 1640 г., выражавшие идею объединения монголов, и во Внутренней и Внешней Монголии многие ученые начали заниматься литературой.

* * *

К началу XVIII в. маньчжурские завоеватели полностью захватили Внешнюю Монголию. В этот период в Западной Монголии неоднократно поднимали знамя борьбы против завоевателей народы Халха-Монголии и Ойрат-Монголии. Борясь с этими восстаниями, маньчжурские завоеватели начали строить во Внешней Монголии «военные города». Первым из этих городов был, по-видимому, Улясутай, построенный в 1720 г. С этого времени до конца XVIII в. маньчжуры построили в Монголии ряд «военных городов», держали армию и для ее прокорма основывали земледельческие поселения. В 1756—1758 гг. в Западной и Восточной Монголии были жестоко подавлены вспыхнувшие аратские восстания. С этого времени численность маньчжурских гарнизонов была уменьшена, и в связи с этим по указу маньчжурского императора были разрушены многие «военные города» и сожжены запасы хлеба. После укрепления своего положения в Монголии с конца XVIII в. маньчжурские завоеватели держали армию только в некоторых городах, как, например, в Улясутае и Кобдо. В поздний период, когда Их Хурэ (Урга) был перенесен в долину р. Толы, маньчжуры построили там три военных укрепления, следы которых находятся до настоящего времени поблизости от г. Улан-Батора. Кроме того, с целью полного подчинения Внешней Монголии маньчжурские завоеватели в таких городах, как Улясутай, Кобдо, Их Хурэ, посадили постоянных наместников и их заместителей и судей. С этого времени эти города стали не только военными, но и административными центрами. Наряду с этими центрами начали возникать китайские торговые города, так называемые маймачен, которые явились началом новых своеобразных частей Урги, Улясутая, Кобдо и других городов Монголии XIX в. [1].

[1] Бугд Найрамдах Моногл Ард Улсын туух. Улан-Батор, 1955, стр. 212, 215.

М. П. СОТНИКОВА

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЩЕНИЯ РУССКИХ СЕРЕБРЯНЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СЛИТКОВ В XIV—XV вв. (ДЕЛО ФЕДОРА ЖЕРЕБЦА, 1447 г.)

Принадлежащее Государственному Эрмитажу самое большое в мире собрание русских серебряных платежных слитков X—XV вв., включающее в себя ряд кладов и содержащее все известные виды русских слитков, дает большие возможности для вещественно-конкретного изучения слитков и технических особенностей их литья. Плодотворный интерес к технике древнерусского денежного дела заметно вырос за последние годы. В этом отношении нужно отметить работы И. Г. Спасского, в которых последовательно применяется анализ технических данных [1]. Ему же принадлежит и существенно важное положение относительно особенностей техники изготовления русских слитков, нашедшее место в его лекциях по нумизматике и в некоторых выступлениях и уже получившее признание [2]. Выводы И. Г. Спасского развивают и отчасти исправляют впервые высказанное В. К. Трутовским предположение об отливке слитков по числу монет [3] и сводятся к следующему.

1. Поскольку слитки обладают достаточно выравненным весом, но отливались в открытых формах, которые сами по себе не могли ограничивать количества выливаемого в них серебра, можно утверждать, что каждый слиток отливался отдельно, из серебра, которое дозировалось и затем плавилось индивидуально для каждого слитка.

2. Слитки выплавлялись из монет или серебряного лома по весу, эквивалентному теоретическому весу слитка.

3. Вес готовых слитков должен быть, как правило, ниже их теоретической нормы вследствие неизбежного угара некоторого количества металла при плавке.

Данный способ дозировки серебра, применявшийся, безусловно, в течение всего периода литья платежных слитков правильной формы, с конца XIV в., как будет показано ниже, несколько усложнился и потребовал некоторых дополнительных операций, имевших целью определенное регулирование содержания серебра в каждом слитке.

Под 1447 г. в IV Новгородской летописи, дошедшей в списках XV—XVI вв., помещено следующее известие:

«В лето 6955 (в некоторых списках — 6954.— *М. С.*)... Того же лета начаша людие денги хоулити сребреныя, дажде и вси Новгородци, друг на друга смотря, и быть межи ими голка и мятежь и нелюбовь: и по-

---

[1] И. Г. Спасский. Анализ технических данных в нумизматике. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 69—85; его же. Денежное обращение на территории Поволжья в первой половине XVI в. и так называемые мордовки. СА, XXI, 1954, стр. 190—238; его же. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. МИА, № 44, 1955, стр. 274—355.

[2] В. Л. Янин. Нумизматика и проблема товаро-денежного обращения в древней Руси, ВИ, 1955, № 8, стр. 142; его же. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956 стр. 33.

[3] В. К. Трутовский. Русские меховые ценности и техника чеканки монет на миниатюрах XVI века. Нумизматический сборник, т. I. М., 1911, стр. 435.

садники, тысяцькіи и весь Новъгород оуставиша 5 денежников, и начаша переливати старые денги, а новые ковати в ту же меру, на 4 почки таковы же, а от дела от гривны по полуденге; и бысть крестьяном скорбь велика и оубыток в городи и по волостем... Того же лета Новгородци охулиша сребро, рубли старыя и новыя; бе денежникам прибыток, а сребро пределаша на денги, а у денежников поимаша посулы... Того же лета выведе Сокира посадник ливца и весца серебряного Федора Жеребца [на вече]; напоив его, начаша сочити: «на кого еси лил рубли?» Он же оговори 18 человек, и по его речем иных с мосту сметаша, а иных домы разграбиша и ис церквей вывозиша животы их; а преже того по церквам не искали. И еще того же Феодора начаши бесправдивы бояре научати говорить на многих людей, претяще ему смертью; он, протрезвився, рече: «На всех есмь лил и на вси земли, и весил с своею братьею ливци». Тогда бе всь град в сетованіи мнози, а голодники и ябедники и посульники радовахуся, толко бы на кого выговорил; и того самого смерти предаша, а живот его в церкви раздели и разграбиша. И бысть во граді мятеж велик и оттоле и сам Сокира разболеся и оумре» [1].

Этот рассказ интересен не только указаниями на то, что слитки в Новгороде XV в. назывались рублями (об этом свидетельствуют и другие памятники) и что их литье прекратилось в 1447 г.[2]; но и сообщением, что к этому времени в обращении находились рубли-слитки двух видов: старые и новые.

Автор летописи не считал нужным уточнить явную для него разницу между старыми и новыми рублями. Это умолчание давало возможность по-разному истолковывать сущность злоупотреблений, допущенных денежниками как в отношении рублевых слитков, так и монет. Так, Б. А. Рыбаков[3] полагает, что «„скорбь и убыток" новгородцев и прибыток денежников объяснялись, во-первых, тем, что монетные мастера получали за свою работу по полуденьге с гривны, т. е. около 4% веса серебра, а, во-вторых, практиковавшимися тогда частными заказами чеканки монет». Порча же монет денежниками, судя по тому, что тип денег и размер монетных кружков был оставлен без изменений, выражалась, по его мнению, в уменьшении их веса.

Мне представляется правильным другое объяснение. Так как в первой части летописного известия содержится указание на сохранение и после 1447 г. прежней стопы чеканки («в ту же меру, на 4 почки, таковы же»), злоупотребления с монетами, бесспорно, касались не их веса, а только качества серебра в них. Этот же недостаток был вскрыт и в отношении рублевых слитков.

Как следует из новгородских документов начала XVII в., в практике денежного дела существовало четкое разграничение плавки серебра и монетного передела как самостоятельных операций. Плавление серебра не входило в обязанности денежных мастеров и производилось особыми плавильщиками. После плавки серебра и отливки слитков заказчик даже получал свое серебро обратно и снова должен был принести его для монетного передела. За литье и за чеканку взимались отдельные пошлины. Этим и объясняются прослеживаемые по документам случаи, когда отлитые слитки в передел не поступали, а оставались у хозяина [4]. Тем не менее операции литья серебра и чеканки монет внутренне и организационно были тесно связаны между собой, так как являлись обязательными частями одного процесса изготовления монет.

Такая же внутренняя связь между слитками и монетой существовала,

---

[1] ПСРЛ, т. IV, ч. 4; Новгородская четвертая летопись, вып. 2, Л., 1925, стр. 442, 443.

[2] «Несомненно литье рублей... и было причиной бунта 1447 и прекратилось из-за него и после него» (В. К. Трутовский. Ук. соч., стр. 451).

[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М, 1948, стр. 682—683.

[4] И. Г. Спасский. Денежное обращение в Московском государстве..., стр. 240, 242, 253 и сл.

конечно, в Новгороде и прежде, когда слитки не только служили основной или, во всяком случае, промежуточной формой сырья для чеканки монет, но вместе с монетами находились в обращении. Вполне закономерно поэтому, что вскрытая порча монеты заставила обратить внимание и на слитки, причем и была установлена качественная разница между старыми и новыми рублями.

Поскольку для этого времени мы знаем лишь одну форму рублевого слитка-палочки, эта разница могла выражаться только в качестве, т. е. в пробе серебра; качество серебра «новых» рублей оказалось, видимо,

Рис. 1. Русские серебряные платежные слитки второй половины XIV—XV вв.

1 — рубль, отлитый в один прием; *2* — рубль, отлитый в два приема (оба — из Нижне-Солотинского клада 1933 г. Инв. № слитков Гос. Эрмитажа 866, 865). *3* — клейменая половинка рубля, отлитого в два приема (из Серпуховского клада 1819 г. Инв. № слитков Гос. Эрмитажа 802)

ниже, чем «старых». Однако, так как новые отличались от старых лишь пробой, а не весом или формой, они подорвали доверие к слиткам вообще и из обращения были изъяты оба вида.

Но если низкопробные «новые» рубли участвовали в денежном обращении древней Руси, хотя бы даже в течение очень короткого времени, они должны были бы попасть в клады, а оттуда — в коллекции. Нам удалось найти такие слитки, обратившись к изучению техники и особенностей отливки слитков вообще.

Разумеется, в данном случае наибольший интерес представляли для нас наиболее поздние слитки. Такими, бесспорно, являются клейменые «полуслитки» — половинки, получавшиеся при рассечении рублей на две части. Эти слитки имеющимися на них клеймами, сходными с денежными, датируются, как известно, первой половиной XV в.[1]. Для их изготовления могли идти только наиболее поздние рубли.

Выяснилось, что все клейменые слитки (кроме слитков из клада, найденного в с. Средне-Ахтубинское, Астраханской губ., в 1865 г.), большое количество неклейменых половинок и, наконец, многие целые слитки, имея обычные для таких слитков форму и вес (около 200 *г* — для целых слитков, около 100 *г* — для половинок), отличаются от прочих наличием продольного шва, более или менее заметного на боковых сторонах и торцах слитка. Из хранящихся в Эрмитаже и Государственном Историческом музее слитков данного типа, дошедших до нас в виде целых рублей и половинок, без шва — 181 экз., со швом — 162 экз. (рис. 1).

[1] N. Bauer. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters. Numismatische Zeitschrift, вып. 64. Wien, 1931, стр. 80 [64], 83 [67], 85 [69].

Единственная попытка объяснения отмеченной особенности слитков, долго не привлекавшей к себе сколько-нибудь пристального внимания, принадлежит Н. П. Бауеру и заключается в предположении, что швы являются трещинами, появлявшимися на слитках во время их клеймения [1]. Объяснение Н. П. Бауера несостоятельно, так как швы имеются и на значительном числе неклейменых половинок и даже на многих целых слитках, не говоря уже о том, что литое пластичное серебро не способно давать такие странные трещины от удара.

Изучением внешнего вида подобных слитков, находящихся в собраниях Государственного Эрмитажа и Государственного Исторического музея, удалось установить, что швы являются результатом литья каждого слитка в два приема: путем первоначального заполнения только части открытой формы (от половины ее емкости до двух третей) и последующей доливкой до нормального объема слитка.

Судя по внешнему виду клейменых (т. е. наиболее поздних) половинок, к концу обращения слитков размер доливки сильно уменьшился, и она стала значительно более заметна; у клейменых половинок она, как правило, настолько тонка, что составляет лишь пятую или шестую часть всего объема слитка, причем часто как бы отслаивается. Безусловно, это и помогло согражданам Федора Жеребца обнаружить подобные слитки сразу же, как только вслед за установлением порчи монеты им пришлось задуматься и о качестве серебра слитков.

Литье в два приема самым убедительным образом подтверждено раздельным исследованием парных проб серебра, взятых на девяти слитках. Во всех случаях проба серебра верхней части слитков оказалась близкой пробе слитков, отлитых в один прием, а проба серебра нижней части — заметно ниже, чем в верхней:

$$\frac{925}{683},\ \frac{967}{880},\ \frac{965}{874},\ \frac{837}{690},\ \frac{740}{577},\ \frac{960}{810},\ \frac{955}{817},\ \frac{972}{882},\ \frac{968}{781}\ [2]$$

При тысячечастной пробе, принятой в настоящее время, максимальное расхождение на 1000 единиц достигает 242, минимальное — 87 единиц.

Разница в пробе оказалась настолько велика, что она не только доказывает литье в два приема, но и открывает ряд интереснейших подробностей. Важнейшая из них заключается в том, что высокопробное и низкопробное серебро во всех случаях расположено в слитке одинаково: внизу — низкопробное, вверху — высокопробное. Вероятно, низкопробным серебром заливали из одного тигля сразу несколько приготовленных форм, оставляя место для доливки. Последняя производилась высококачественным серебром, по всей вероятности дозированным для каждого отдельного слитка после установления веса первичной отливки (вес двуслойных слитков, как уже говорилось, выдержан в обычной норме).

Литье слитков с разным содержанием чистого серебра в верхней и нижней частях является, несомненно, приемом преднамеренной фальсификации. Подобные слитки ни содержанием серебра в «казовой» верхней части, ни весом, ни формой не отличаются от слитков, отлитых в один прием и встречающихся в кладах вместе с фальсифицированными. Такого рода фальсификация являлась, вероятно, единственно возможной, так как, судя по наличию на многих новгородских слитках XIII—XV вв. прикованных крошек, капель и пленок серебра (в том числе и на слитках «двойного» литья), вес каждого слитка строго контролировался при приеме от изготовлявших их ливцов. Литье слитков с высококачественным серебром только в верхней части объясняется тем, что в двуслойных слитках низкопробное серебро оказывается полностью скрытым за серой, шероховатой и слегка пористой поверхностью боковых сторон слитка,

[1] N. Bauer. Ук. соч., стр. 81 [65].

[2] Справки Ленинградской инспекции пробирного надзора Министерства финансов СССР № 251 от 24 октября 1955 г. и № 8 от 17 февраля 1956 г.

прилегавших к стенкам земляной формы, и под высокопробной доливкой, которая, застывая, давала ту же гладкую блестящую поверхность, что и высокопробные слитки. Таким образом «зеркало» слитка создавало обманчивое представление о качестве металла всего слитка.

По произведенному расчету на объем частей суммарное содержание чистого серебра в слитках двойного литья, как правило, на 20—24 *г* меньше нормы, т. е. двухсотграммовый слиток, если принять для него нормальную пробу в 900—950 единиц, терял до 10—13% полагающегося ему содержания чистого серебра, которое заменялось лигатурой.

Вывод о связи изложенного выше с делом Федора Жеребца и его «братии» напрашивается сам собою. Вскрытие злоупотреблений в 1447 г. положило конец литью и обращению двуслойных слитков. Однако, как удалось выяснить, практика «двойного» литья существовала значительно ранее и прослеживается уже во второй половине XIV в. Об этом свидетельствуют шесть кладов, в составе которых находятся и интересующие нас слитки «двойного» литья. Это клады, найденные в дер. Петрова Буда (Курская губ., 1868 г.) [1], в Казачьей слободе (Тульская губ., 1884 г.) [2], в дер. Потьма (Симбирская губ., 1890 г.) [3], в с. Семилуки (Воронежская губ., 1894 г.) [4], в с. Кадыковка (Пензенская губ., 1902 г.) [5] и в с. Нижнее Солотино (Курская обл., 1933 г.) [6]. Клады достаточно хорошо датируются оказавшимися вместе со слитками золотоордынскими монетами XIII—XIV вв., слитками с татарскими клеймами XIV в., а также почерком русских надписей (на слитках Нижне-Солотинского клада).

Выше отмечалось, что большинство неклейменых рубленых слитков и почти все клейменые слитки оказываются отлитыми в два приема. Очевидно, в последние 60—70 лет обращения на Руси платежных серебряных слитков других, нефальсифицированных слитков уже и не отливали.

Длительный период изготовления слитков «двойного» литья подразумевается и в показании самого Федора Жеребца, указавшего, что таким образом отливали слитки все ливцы и «на вси земли».

Судя по приведенному выше сообщению четвертой Новгородской летописи и по ряду известий, содержащихся в других юридических и летописных памятниках Новгорода, профессия ливца в Новгороде в середине XV в. объединялась с должностью весца серебра [7]. Литье серебра, следовательно, тоже было должностью, контролируемой городскими властями. Поэтому безнаказанность «двойного» литья в течение длительного периода его существования заставляет предположить, что оно производилось с ведома городских властей и лишь возмущение новгородцев привело к его «расследованию». Свидетельством соучастия в этом деле боярства можно считать и явно осуждающий тон, в котором летописец говорит о поведении «неправдивых» бояр во время следствия.

Следует сразу же отказаться от возможного возражения, что литье двойных слитков явилось результатом происшедшего в Новгороде официального изменения денежной единицы, требовавшего меньшего, чем прежде, содержания серебра в слитке. Как правило, подобные реформы всегда сопровождались изменением внешнего вида платежных единиц и государственным изъятием из обращения старых денежных единиц, чего в данном случае не произошло: в Новгороде обычные и двуслойные слитки ходили одновременно до самого конца обращения слитков. Нельзя

---

[1] А. А. Ильин. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Петроград, 1921, стр. 32.

[2] Там же, стр. 50.

[3] Там же, стр. 45.

[4] Там же, стр. 17.

[5] Там же, стр. 39.

[6] В. М. Неклюдов. Нижне-Солотинский клад. Сообщение гос. Эрмитажа, I, Л., 1940.

[7] «...выведе Сокира посадник ливца и весца серебряного Федора Жеребца на вече». ПСРЛ, т. IV, стр. 443.

также забывать, что для древнерусской денежной практики вообще не существовало понятия лигатуры в серебре, как законного и принятого государством приема. Следовательно, остается предположить, что мы имеем дело с злоупотреблением, скрытым от населения.

Почему же оно оставалось невыявленным в течение более чем полувека?

Предположительно можно объяснить это следующим образом. Как известно, разработка месторождений серебра началась в России впервые только в конце XVII в. До этого времени сырьем для монетного дела и при изготовлении серебряных изделий служило серебро, получавшееся главным образом извне путем внешней торговли, а для рассматриваемого периода в значительной мере путем торговли с Западной Европой через Новгород. Для вершившего новгородскую торговую политику боярства импортируемое в Новгород из Западной Европы серебро, будучи, подобно вывозимым на Запад мехам, кожам, воску и др., одним из видов оптового товара, служило постоянной статьей новгородского реэкспорта в другие русские земли.

Практика фальсификации оптового товара широко известна для всей средневековой Европы. Распространены и обычны были подделки товаров и в Новгороде; меры борьбы с мошеннической порчей товаров оговариваются в ряде новгородских торговых договоров [1]. Фальсификация серебряных слитков была, вероятно, одним из видов порчи вывозимого товара.

Во второй половине XIV в. в связи с началом чеканки собственной монеты в ряде русских княжеств, спрос на серебро не мог не возрасти, принимая при этом все более устойчивые и постоянные формы. Это, вероятно, и послужило толчком к фальсификации новгородских слитков, которая могла иметь место только с ведома новгородских властей.

---

[1] Русско-Ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868. стр. 89, 90, № 117 (документ 1393). См. также М. Н. Бережков. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879, стр. 172.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

ВОЕННОЕ ДЕЛО СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ И ПОЯВЛЕНИЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

1

Появление и развитие огнестрельного оружия имело большое значение не только для военного дела. «Торжество пороха было торжеством национального государства и началом конца феодального строя» [1].

Переворот в военном деле, произошедший в России к началу XVI в. под влиянием развития огнестрельного оружия, был тесно связан с укреплением экономики, переходом от феодальной раздробленности к централизованному государству и упрочением сильной власти московских великих князей. В свою очередь артиллерия стала мощным оружием в осуществлении активной внешней политики Русского государства, связанной с собиранием русских земель и освобождением их от иноземной зависимости.

Работами последних лет были освещены многие важные вопросы [2], касающиеся появления и развития огнестрельного оружия в России, в том числе такие, как вопрос о дате и путях его проникновения на Русь [3]. Однако проблема развития русского огнестрельного оружия в целом и влияние его на военное дело в XIV—XV вв., а также то влияние, которое переворот в развитии огнестрельной техники оказал на политические отношения государства, не нашли еще всестороннего решения.

В результате этого распространилось упрощенное понимание развития огнестрельного оружия в XIV—XV вв. По мнению некоторых авторов, огнестрельная техника, не успев появиться, сразу стала «грозной силой» [4]. Опережая развитие событий, отдельные авторы характеризуют первые пушки признаками, которые присущи артиллерии XVI в. [5], или же заявляют, что москвичи в конце XV в. были «намного дальновиднее французов, немцев, англичан и сумели лучше организовать производство орудий» [6].

Неправильно, конечно, занимать и резко противоположную позицию и недооценивать роль русской артиллерии в течение всего XV и даже в XVI в. [7].

Настоящая работа не претендует на полное решение рассматриваемой проблемы. Это скорее серия заметок, в которых автор хотел бы обратить внимание на некоторые существенные, с его точки зрения, вопросы.

---

[1] Д. Бернал. Наука в истории общества. М., 1956, стр. 120.

[2] К. В. Базилевич. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952, стр. 354—357.

[3] В. В. Мавродин. О появлении огнестрельного оружия на Руси. ВИ, 1948, № 8—9, стр. 99—101; В. Г. Федоров. К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. М., 1949.

[4] А. А. Агренич. От камня до снаряда. М., 1954, стр. 25.

[5] Д. Е. Козловский. Русская артиллерия XIV—XVI вв. Артиллерийский журнал, 1947, № 3, стр. 55.

[6] Артиллерия. М., 1953, стр. 23—24.

[7] С. Л. Марголин. Рецензия на кн. А. В. Чернова «Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв.», М., 1954. ВИ, 1955, № 4, стр. 155—156.

2

Возникновение огнестрельного оружия могло произойти только на определенном этапе развития производительных сил и в определенных исторических условиях.

Появление пороха и орудий на Руси, как и в других европейских странах, было не только подготовлено развитием производства, но и вызвано им в XIV в.

Непосредственным предшественником пороха было зажигательно-взрывчатое вещество, так называемый «греческий огонь». По составу он приближался к пороху [1]. Им пользовались для поджога неприятельских укреплений и поражения огнем живой силы противника [2]. Влияние греческого огня, особенно распространенного в XII—XIV вв. на мусульманском Востоке и в Византии, на русскую военную технику было незначительным [3]; во всяком случае, прямых упоминаний о его применении русскими в источниках нет [4].

Однако для предыстории русской артиллерии важно отметить, что техника огневой или огнеметной борьбы имела свою традицию не только на Востоке, но и в Восточной Европе, у ближайших соседей славян.

Так, в Поволжье (как и в Средней Азии) вместе с предметами XIII—XIV вв. нередки находки сфероконических сосудов из обожженной глины с узким горлом, которые некоторые исследователи относят к категории зажигательных снарядов [5].

В Поволжье, недалеко от г. Саратова, а также близ г. Сталинграда, были найдены и шаровидные глиняные гранаты XIII—XIV вв. Одна из них, хранящаяся в ГИМ, имеет в диаметре 16 *см,* при толщине стенок 2—3,5 *см,* снабжена запальным отверстием; предположительный вес снаряда 1,5 *кг,* заряда — около 0,25 *кг.* Известны также гранаты с отверстиями по всей сфере. Если первые гранаты могли быть разрывными, то вторые, вероятно, обладали фонтанирующим зажигательным действием [6].

Действие этих снарядов можно сопоставить с сообщением летописи под 1376 г., когда волжские болгары отбивались от московской рати и «з города гром пущаху, страшаще русские полки» [7]. Едва ли здесь шла речь о применении огнестрельного оружия [8]. В. Г. Федоров не без основания предполагал, основываясь на названиях русских орудий (тюфяки [9] и смаговницы [10]), что они также могли быть первоначально огнеметными.

Несмотря на крайнюю недостаточность источников, можно все же полагать, что возникновение огнестрельного оружия в Восточной Европе

---

[1] Л. Лалан. Исследование о греческом огне и введении пороха в Европе. СПб., 1847; В. В. Арендт. Греческий огонь. Тр. Ин-та истории науки и техники, сер. I, вып. 9. М., 1936, стр. 161 и сл.

[2] В. Г. Федоров. Ук. соч., стр. 31 и сл.

[3] Действие греческого огня русские испытали во время похода кораблей Игоря на Царьград в 941 г. (см. Ипатьевская летопись. СПб., 1871, стр. 28). В 1184 г. дружинники киевского князя Святослава захватили у половцев мастера-мусульманина с его орудиями для поджога русских городов (см. там же, стр. 428—429).

[4] Возможно, что необычайной величины (169 *см*) и веса (свыше 2 *кг*) железные стрелы, найденные во Владимиро-Суздальской земле, предназначались для переноса зажигательных составов.

[5] А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 160—161.

[6] В. В. Арендт. Ук. соч., стр. 183.

[7] ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 24.

[8] В. В. Мавродин. Ук. соч., стр. 99 и сл.

[9] «Тюфяк» —от тюркского «тюфенк» (ружье) — выдает восточное, точнее, малоазиатское происхождение этого оружия

[10] «Смага» — жар, пыл, огонь. «Поскочиста (половцы) по русской земле, смагу мычучи в пламене розе» (из пламенного рогу). (В. Даль. «Толковый словарь живого великорусского языка», т. IV. М., 1955, стр. 230—231).

было подготовлено развитием и применением восточного пиротехнического материала.

Древнейшие рецептуры пороховых смесей проникли в Европу с арабского Востока в XIII в. [1].

Можно предположить, что появлению огнестрельного боя на Руси предшествовал еще мало известный период перерастания огнеметных средств в новые огнестрельные. Несмотря на то, что новое оружие использовало уже известный пиротехнический материал, появление его означало большой качественный сдвиг и повлекло за собой переворот во всех отраслях военного дела. Этот сдвиг произошел не сразу, а растянулся на десятилетия.

3

В XIV — начале XV в. артиллерия находилась еще в младенческом состоянии. Пушки были несовершенными, громоздкими, неповоротливыми; «порох был плохой, заряжались пушки с трудом и медленно, а каменные ядра выбрасывались лишь на короткое расстояние» [2]. На первых порах «влияние нового оружия на общую тактику было весьма мало заметно» [3]. Характеристика Ф. Энгельса в этой общей форме верна и для начального этапа древнерусской артиллерии.

Время появления огнестрельного оружия на Руси совпадает с возрождением производительных сил страны, подорванных монгольским разгромом, с подъемом техники и ростом ремесленных городов и городской культуры [4].

Со временем артиллерия становится главным оружием в руках объединительницы русских земель — Москвы. Не случайно первое летописное упоминание о пушках и тюфяках связано с обороной Москвы в 1382 г. от орд хана Тохтамыша. Рассказ летописи рисует характерную картину применения старых и новых средств борьбы (пушки и тюфяки, пороки и самострелы) [5]. Татары, очевидно не имевшие огнестрельного оружия, могли противопоставить москвичам лишь луки и стрелы.

Источники умалчивают о путях появления нового оружия на Руси и ставят исследователя перед фактом применения русскими огнестрельного оружия уже в сравнительно развитом виде. Предшествующий период внедрения и освоения нового оружия источниками не освещен совсем. Следует указать, что южные и восточные соседи Руси начали применять огнестрельное оружие относительно поздно (татары — около 1400 г.; они и позже отставали от русских в этом деле) [6].

В Средней Азии огнестрельное оружие известно со времен Тимура (т. е. не ранее 1370 г.) [7], в Персии — в XVI в. [8]. Сложный вопрос о проис-

---

[1] Фэн Цзя-Шэн. Изобретение пороха и его распространение на Запад. Шанхай, 1954 (на кит. яз.). Автор доказывает, что порох — китайское изобретение, проник на арабский Восток и через монголов в Европу в XIII в.

О первых правильно составленных пороховых смесях дает представление латинская рукопись середины XIII в., приписываемая Марку Греку. Рецепт таков: 6 : 1 : 1 (селитра, сера, уголь). Слово «порох» впервые отмечено в Новгородском словаре 1282 г. (И. Сахаров. Сказания русского народа, ч. II, СПб., 1849, стр. 200) в том же значении, что и pulvis для пороховой мякоти в Западной Европе.

[2] Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. М., 1956, стр. 158.

[3] Там же, стр. 157.

[4] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 695; А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1954, стр. 253.

[5] ПСРЛ, т. XXIV. Петроград, 1921, стр. 151.

[6] М. Мейер. Исторические сведения об огнестрельном оружии. СПб., 1841, стр. 23 (В. О. Ключевский. Сказания иностранцев о Московском государстве. Петроград. 1918, стр. 105).

[7] А. М. Беленицкий. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране. Изв. Таджикского филиала АН СССР, 1949, № 15, стр. 23—24, 32—33.

[8] H. Stocklein. Arms and armour, Survey of Persian Art. London — New-York, 1939, т. III, стр. 2584—2585.

хождении русских орудий не может быть решен без учета общеевропейских данных. Нельзя отрицать, что Новгород, Псков, Тверь, по-видимому, получали часть своих «армат» из «немец», о чем сообщает Голицынская и Тверская летопись под 1389 г.[1]. В 1383 и 1410 гг., по сообщению В. Н. Татищева, великому князю были присланы в подарок немецкие «медные» пушки[2]. Распространение огнестрельного оружия в славянских и соседних с ними европейских странах происходит почти одновременно. В Польше и Ливонском ордене оно становится известно с середины 70-х годов XVI в., в Литве, как и на Руси,— в 1382 г.[3]. Обращает на себя внимание поразительное сходство русской, польской и чешской военной терминологии (чешск. «пиштялы» — русск. «пищаль»; чешск. «гаufнице» — русск. «гафуница»; чешск., украинск. и русск. «гаковница» и т. д.)[4]. Все это показывает, что развитие русского оружия происходило в контакте с западнославянским миром.

Проблема происхождения русской артиллерии должна будет решаться на основе широкого привлечения восточных и западных источников, известных еще недостаточно.

В начальный период своего развития артиллерия являлась специфическим оружием осадной войны; ее действия ограничены осадой и обороной городов. Первые оружия были позиционными. Говоря о столкновении литовских и татарских войск на р. Ворскле в 1399 г., летописец отметил, что «в поле чисте пушки и пищали недействени бываху»[5]. Огнестрельные орудия по силе воздействия вначале мало отличались от камнеметных машин; обращение с камнеметами было даже проще и безопаснее. Неудивительно, что появление огнестрельного оружия не вытеснило сразу метательные машины. Примерно до второй четверти XV в. старые метательные орудия не только не исчезают, но и достигают наибольшей мощи в своем развитии, что было связано с общим усилением средств осады и обороны к концу XIV в.[6].

Судя по сообщениям источников, пушки и камнеметные машины вели огонь примерно на одну и ту же дистанцию[7]. Однако новое оружие имело значительное преимущество: энергия, сообщаемая снаряду силой пороховых газов, значительно превосходила силу механического броска ядра из метательной машины.

В конце XIV — первой половине XV в. пушки применялись еще редко и не оказывали существенного влияния на способ ведения боя. Артиллерия вплоть до 60—70-х годов XV в. участвовала далеко не во всех сражениях за города. В первые 90 лет существования нового оружия русские летописи более 22 раз упоминают о его действии, причем из 15 боевых операций только в четырех — пяти случаях огнестрельное оружие оказало

---

[1] В. В. Мавродин. Ук. соч., стр. 99.

[2] В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. 4. СПб., 1784.

[3] M. Jahns. Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens. Leipzig, 1880, стр. 877, 956. В 70-х годах XIV в. огнестрельное оружие становится известно западнорусским источникам. Так, Густинская летопись под 1378 г. сообщает, что «...стрельбу огнистую и дела спижовые немец в Венеции изобрете» (ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, стр. 351). По разъяснению А. П. Лебедянской, «дела спижовые» следует понимать как литье медных пушек. Запись эта представляет перифраз широко распространенного в средневековье слуха, согласно которому первое употребление пороха было сделано венецианцами в 1380 г.

[4] Р. Урбанек. Гуситское военное искусство и Европа. Прага, 1946, стр. 18.

[5] ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 173—174.

[6] Сосуществование метательных и огнестрельных средств характерно и для западных соседей Руси. Ливонский орден до 1384 г. имел для осады только метательные машины и другие доогнестрельные средства. В 1426 г. литовское войско Витовта при осаде псковского пригорода Воронача кроме пушек «исчинивши пороки» и «шибаху на град камение великое» (ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 25).

[7] Камнеметные машины и лучники начинали огонь по стенам крепости примерно с одной линии, отстоящей от цели на перелет стрелы (100—150 *м*). Почти на таком же расстоянии действовали и пушки.

влияние на исход боя. Летописи часто отмечают неудачные действия вражеской артиллерии. Таковы безрезультатные осады немцами г. Яма в 1444 и 1447 гг. и Нового городка в 1463 г., а также осада Витовтом Порхова и т. д. В 1404 г. Витовт, пытаясь взять Смоленск, «...всю же весноу стояв, колико бевъся и тружався и не може его выстояти и пушками бив, град бо бе Смоленьск крепок велми» [1].

«Огненная» стрельба имела главным образом устрашающее значение. В 1447 г. инок Фома, придворный летописец тверских князей, писал, что от стрельбы тверских пушек по стенам Ржева «толь бо грозно, ино яко же от великого того грому многим человекам падати» [2]. Дальность и пробивная способность первых пушек была, очевидно, небольшой.

В условиях феодальной раздробленности распространение нового оружия не было повсеместным. Передовыми центрами, где пушечное производство и пороходелие успешно делали первые шаги, являлись Москва [3], Тверь, Псков. Сильнейшей была тверская артиллерия [4]. Количество орудий было, вероятно, еще невелико; однако источники отмечают, что в 1447 г. московскому войску при помощи артиллерии удалось овладеть Угличем, а тверскому князю сдался Ржев.

Во второй четверти XV в. камнеметы в русском войске уже не упоминаются; по-видимому, они вытесняются пушками. Под 1451 г. летописец перечисляет «градной пристрой», который москвичи готовили против татар. Это пушки, пищали, самострелы и «оружие и щиты и луки, и стрелы, еже подобает к брани». Пороков в этом перечне нет. В 40-х годах XV в. пушки в отдельных случаях уже были в состоянии участвовать в быстротечных маневренных операциях. Показателен «речной» бой немцев и новгородцев в устье Нарвы в 1447 г.: «... и узреша Новгородчи оже Немце на бусах и на шнеках бежаху к Нарове и поидоша Новгородчи на лодьях противу их и начаша Новгородчи с Немци пушками битися и стрелятися... побиша Немець много, а иныи в море истопаша» [5].

Влияние нового оружия должно было раньше всего сказаться на тактике осады и обороны крепостей, на устройстве самих оборонительных сооружений.

Однако в конце XIV — первой половине XV в. артиллерия еще не оказала существенного влияния как на устройство крепостных сооружений, так и на тактику осады в целом. Пушки того времени не могли причинить серьезного вреда каменным стенам из-за недостаточной пробивной способности [6]. Энергичное строительство крепостей на северо-западе Руси в конце XIV — начале XV в. не связано непосредственно с влиянием артиллерии, а объясняется, с одной стороны, экономическим подъемом страны, с другой,— общим усилением осадной техники.

Общая структура крепостей, по существу, остается прежней. Наиболее укрепленной была уязвимая и доступная напольная сторона крепости.

---

[1] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, стр. 396.

[2] Н. П. Лихачев. Инока Фомы слово похвальное о благоверном князе Борисе Александровиче. СПб., 1908, стр. 46.

[3] В Москве в 1400 и 1422 гг. отмечаются пожары «от пороха». См. Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V. СПб., 1830, стр. 70, прим. 136; Н. Е. Бранденбург. Исторический каталог артиллерийского музея, ч. I. СПб., 1877, стр. 31—32.

[4] О тверском пушечнике Микуле Кречетникове, участвовавшем в походе на Углич, инок Фома с похвалой писал: «Таков беяше той мастер, яко и среди немец не обрести такова» (Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 46). «В XV в. Тверское княжество было одним из передовых и наиболее связанных с Западом. Вполне вероятно, что западное техническое новшество прежде всего проникло именно в Тверь» (Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 604).

[5] ПСРЛ, т. XVI. СПб., 1889, стр. 191.

[6] П. А. Раппопорт. Из истории военно-инженерного искусства древней Руси. МИА, № 31, 1952, стр. 191—195; Н. И. Брунов, П. Н. Максимов, А. Г. Чиняков. Рецензия на том «Крепостные сооружения древней Руси». СА, XX, 1954, стр. 403—404.

Здесь сосредоточивается наибольшее количество башен, в то время как остальные части были укреплены значительно слабее [1]. В первой половине XV в., как и в XIII—XIV вв., штурм производился с напольной стороны, где рвы и валы являлись все же препятствиями, более преодолимыми, чем окружавшее город водное пространство рек или отвесные склоны холмов [2]. На рубеже XIV и XV вв. в русских крепостях в связи с применением пушек (главным образом пушек обороны) стали изменяться форма и расположение бойниц в башнях. К середине XV в. начинают меняться и сами крепости; продолжают утолщаться каменные стены, деревянные делаются двойными с внутренней земляной засыпкой [3]. К середине XV в. с увеличением дальности стрельбы из пушек, естественно, начинает увеличиваться зона боя вокруг городов, равная раньше примерно 100—200 *м*. Сначала от этого выиграли города. На городских стенах в связи с удобством и стабильностью позиции, высотой расположения, большей безопасностью расчета и т. д. огнестрельное оружие имело более благоприятные условия для боевых действий и могло дальше и эффективнее поражать живую силу, чем орудия и лучники нападающей стороны.

На городских укреплениях шире можно было применить подвижные мелкие орудия, в том числе «дробовые», применение которых атакующими не давало таких преимуществ. Использование же при осаде больших пушек, которые могли бы пробить стены, было еще очень затруднено и ограничено.

Для конца XIV — первых десятилетий XV в. оборона городов была, как правило, сильнее атаки.

Ранних русских пушек не сохранилось; о конструкции их можно судить, главным образом, по летописям и сравнительному материалу. Общеевропейское распространение имел тип орудия, сделанного из сваренных вместе полос кованого железа и скрепленного железными обручами [4]. Кроме цельносваренных орудий, были образцы, состоявшие из двух частей; заряд помещался в приставной или вкладной каморе, закреплявшейся к стволу клиньями. Уже на первом этапе развития артиллерии сосуществовали орудия, заряжаемые с дула и с казны, причем последние были особенно распространены во флоте вплоть до XVII в. [5]. По словам Ф. Энгельса, тогда не было еще установлено надлежащей пропорциональности между весом пушки и снаряда, весом снаряда и заряда [6]. Поэтому орудия при стрельбе часто приходили в негодность и иногда разрывались. Ремесло мастера-пушечника, бывшего зачастую и бойцом-артиллеристом, было опасным.

Уже в первых летописных упоминаниях об огнестрельном оружии появляются основные обозначения русского артиллерийского наряда: пушки и тюфяки (1382), пищали (1399). Судя по более поздним документам, пушки и пищали четко не разграничивались. Впрочем, под пушками, по-видимому, чаще понимались крупные орудия; уже при первом упоминании они названы «великими». Тюфяки предназначались для стрельбы «дробом» по живой силе на близкие расстояния. Такого рода орудия в особенности были необходимы для отражения штурмов на укрепленные го-

[1] В. В. Косточкин. Ивангород и его место в развитии русского крепостного зодчества XV—XVII вв. М., 1953, стр. 7, 16; его же. Русское крепостное зодчество XIV—XV вв. Советская архитектура, № 8, 1957, стр. 92.

[2] Н. А. Раппопорт и В. В. Косточкин. К вопросу о периодизации истории древнерусского военного зодчества. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 25—26.

[3] Там же, стр. 26.

[4] Ф. Энгельс. Ук. соч., стр. 259—260; А. В. Арциховский. Основы археологии, стр. 253.

[5] В. В. Арендт. К истории средневековой артиллерии. Архив истории науки и техники, вып. VII, сер. 1, М.—Л., 1935, стр. 297—323.

Несколько казнозарядных орудий, найденных на территории СССР, находится в собрании Артиллерийского исторического музея. См. Н. Е. Бранденбург. Исторический каталог, стр. 103—105.

[6] Ф. Энгельс. Ук. соч., стр. 260.

рода. Пищалями назывались как артиллерийские орудия, так и (чаще всего) ручное оружие. Ведущее значение в системе огнестрельного оружия принадлежало артиллерии. Ружья стали, по-видимому, употребляться позже первых орудий, и их значение на первых порах было очень небольшим.

При полном отсутствии надежных вещественных памятников важнейшее значение для изучения устройства древних русских пушек имеют миниатюры Лицевого свода XVI в., широко введенные в научный оборот А. В. Арциховским [1].

Установив, что чем древнее иллюстрированное событие, тем архаичнее рисунок пушек, А. В. Арциховский выделил на основании миниатюр Лицевого свода четыре типа пушек. Изображения пушек, несмотря на условность графической манеры, археологически точны [2]. Их классификация, хронология и устройство почти точно соответствуют одновременным западноевропейским образцам [3]. Первый тип орудий отнесен исследователем к XIV — началу XV в. Орудия эти прямые, без раструбов. Для них характерны многочисленные кузнечные или литейные швы или скрепляющие их обручи. Второй тип пушек (середина XV в.) характеризуется резким утолщением дула (еще не раструбом). Наличие на рисунках как крупных, так и мелких орудий опровергает высказанное в последние годы мнение о том, что будто бы первые русские пушки отличались от западноевропейских малым калибром (до 100 *мм*).

Настойчивое стремление увеличить калибр артиллерии вытекало из необходимости сделать пушки боеспособными в борьбе за города. При несовершенстве порохового заряда и небольших размерах орудия были бессильны против крепостных сооружений. Процесс увеличения калибра начался на Руси, несомненно, вскоре после появления нового оружия (термин «пушка» выступает с самого начала в значении крупного орудия). Однако в русском войске в начале как будто бы не применяли огромных европейских бомбард. Во всяком случае, летописец, описывая изумлявшие своими размерами орудия врагов, подчеркивал почти всегда бесполезность их действия и непрочность конструкции [4].

Свидетельства о больших пушках характеризуют, с одной стороны, слабость артиллерийской техники перед мощностью крепостных сооружений, с другой,— огромную силу пороха, с которой человек еще не смог справиться.

В подтверждение «малокалиберности» ранней русской артиллерии ссылаются на группу пищалей, найденных в 1852 г. в г. Устюжне-Железнопольской и датированных Н. Е. Бранденбургом XV в. Однако последующие исследования доказывают принадлежность этих пушек значительно более позднему времени [5].

Таким образом, первые 90—100 лет существования огнестрельного оружия можно назвать начальным периодом. В этот период оно было еще очень несовершенно и не могло существенно повлиять на изменение способа ведения войны.

---

[1] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.

[2] Там же, стр. 50—55.

[3] A. Essenwein. Quellen zur Geschichte der Feuerwaffen. Leipzig, 1872; L. Larchey. Planches autographies d'apres les monuments du XIV et du XV s. Paris, 1863.

[4] В 1428 г. при осаде литовцами Порхова против города действовала пушка Галка, привезенная на 40 лошадях. Из пушки сделали только один выстрел. При этом разорвало саму пушку и мастера-немчина «размета неведомо где» (ПСРЛ, т. XII. СПб., 1901, стр. 8). В 1447 г. при осаде немцами Яма «расседеся пушка на многы части и обратися въспять на них и поби Немець много и отбегоша Немцы от города нощию» (ПСРЛ, т. XVI, СПб., 1889, стр. 191).

[5] Г. А. Максименков. Из истории древнерусской артиллерии. СА, № 3, 1957, стр. 77—83.

4

Новый период в истории огнестрельного оружия связан с ликвидацией экономической раздробленности и образованием во второй половине XV в. централизованного русского государства.

Наряду с другими решительными переменами во многих отраслях культурной и хозяйственной жизни, в 70—80-х годах наступает коренной перелом в развитии огнестрельной техники.

Ускоренное развитие огнестрельного оружия было обусловлено большими национальными задачами, стоявшими перед страной: освобождением от татаро-монгольского ига и воссоединением русских земель. Борьба велась за достижение крупных стратегических целей и поэтому не могла не отразиться на состоянии всего военного дела. Одно из главных изменений заключалось в массовом внедрении в войско огнестрельного оружия. Новое положение сказалось и в том внимании, которое стали отводить источники «огненному бою». Судя по летописям, сравнительно нечастое употребление артиллерии в первой половине XV в. сменяется, начиная с 70-х годов, резким увеличением случаев ее применения. Если выделить период примерно в 50 лет (с 1470 г.), наиболее показательный для роста огнестрельного оружия, то из 35 фиксированных летописью упоминаний о пушках и производстве пороха 20 приходятся на боевые операции. В свою очередь из 20 в 16 эпизодах отмечается влияние артиллерии на исход боя.

Артиллерия сыграла значительную роль в войнах, которые вели московские князья, борясь с феодальной раздробленностью [1]. Огненным боем были поддержаны также военные операции внешнеполитического значения в трех основных направлениях: на восток и юг — против татарских ханств, на запад — против Литвы и Польши, на северо-запад — против Ливонского ордена и Швеции [2]. Огнестрельная техника не только способствовала военным победам, но и сама совершенствовалась в ходе военных действий.

Преимущества огнестрельного оружия со всей очевидностью выявились в исторической битве 1480 г. с татарами на р. Угре. Враждующие рати расположились на противоположных берегах реки. «И приидоша Татарове и начаша стреляти Москвич, а Москвичи начаша в них стреляти и пищали пущати и многих побиша татар стрелами и пищалями и отбиша их от берега» [3]. «А их стрелы,— добавляет Никоновская летопись — межи наших падаху и никого же не уязвляху» [4]. Данный эпизод представляет первый случай эффективного участия огнестрельного оружия в полевом бою. Миниатюра Лицевого свода, иллюстрирующая это событие, изображает пушки и ручницы. Особенно интересно здесь применение ручных пищалей, противопоставленных татарскому луку. Исход битвы на Угре привел к свержению многовекового татаро-монгольского ига, что явилось событием всемирно-исторического значения. «Так, самое освобождение Москвы от татарского владычества поставлено здесь в связь с успехами артиллерии» [5].

Пробивная сила пушек достигает необходимой силы. Для последней четверти XV в. несомненна организация походного тяжелоорудийного наряда, ставшего средством наступательного боя за города. В 1481 г. при осаде ливонской крепости Велиада (Феллина) «...начаша крепко приступати под город с пушками и с пищалми и с тюфяки и, разбивше стену

[1] Например, с помощью пушек была присоединена Тверь (1485). Во время похода на Новгород московские орудия предрешили исход дела, вызвав смятение и панику горожан. «Князь же великий повеле пушками бити град и мнози Новгородци по граду избиени быша» (1478 г., ПСРЛ, т. XXIII, СПб., 1910, стр. 178).

[2] К. В. Базилевич. Ук. соч., стр. 18 и сл.

[3] ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 21.

[4] ПСРЛ, т. XII, стр. 201.

[5] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры..., стр. 55.

охабень Велиада взяша»[1]. В 1493 г. город Серпенск был «силой» взят русской ратью, приступившей к нему с пушками и пищалями[2]. По словам шведской рифмованной хроники, пушечным огнем русских были разрушены две и сделан большой пролом в третьей башне шведской крепости г. Выборга (1495)[3]. Источники нередко отмечают «великие и малые» пищали и пушки. Так, например, в штурме Выборга принимали участие огромные орудия с ядрами весом 24 фунта[4].

Московская артиллерия превратилась в грозную силу. Казанцы, узнав, что на них идет русское войско с пушками (1482), запросили мира[5]. Менгли-Гирей в 1501 г. просил великого князя прислать ему войско полем «на пособь» с пищалями[6].

Важнейшей причиной роста русской артиллерии было переустройство и создание новой производственной базы.

Была предпринята широкая организация литья пушек. Бронзовое литье по сравнению с кузнечным способом уменьшило трудоемкость работы, сократило производственный цикл, увеличило однородность материала. Повысилась прочность пушек, так как бронза обладает большей упругостью, чем железо. С введением бронзовых орудий увеличился заряд и, следовательно, дальность полета и пробивная сила ядра. Во много раз возросшие военные потребности удовлетворялись внутренним производством.

Начало литья орудий обычно связывается с приездом в 1475 г. знаменитого военного инженера и зодчего Аристотеля Фиораванте. Летопись особо подчеркивает его «артиллерийские» способности: «...такоже и пушечник той: нарочит лити их и бити ими»[7], «грады имати и бити их»[8].

Бронзовое литье (например, литье колоколов, по технологии близкое к пушечному) было развито на Руси и раньше, но расширение и реорганизация пушечного литья, по-видимому, действительно связаны с приездом Аристотеля и других иностранных мастеров, познакомивших русских с передовой европейской техникой. За короткий срок в 1490—1505 гг. в Москву вызываются четыре партии литейщиков, главным образом итальянских и немецких (Яков Фрязин, Петр, Джиакомо, Никлас Иордан, Вальх, Павел Дебосис и др.). Конечно, несколько иностранцев ничего не могли бы сделать без помощи опытных русских мастеров. Имена некоторых из них известны: Федор — пушечник (1487—1488), вологодский мастер Иван Москвитин (1509), Булгак Новгородов (1513). Не случайно первое литое орудие, о котором сохранились сведения, сделано в 1483 г. русским мастером Яковом. Учениками его были Иван и Василий[9]. В дальнейшем источники не упоминают о приезде «фрязинов» (очевидно, литье орудий полностью перешло в руки русских мастеров).

Главным центром пушечного литья становится Москва. При московских пожарах в 1488, 1500, 1508 гг. упоминаются пушечные избы (в 1488 г.— одна), в 1547 г. они выступают под именем «пушечного двора»[10].

---

[1] 1481 г., ПСРЛ, т. XII, стр. 213.
[2] Там же, стр. 234.
[3] К. В. Базилевич. Ук. соч., стр. 389.
[4] С. Соловьев. История России с древних времен, т. V. М., 1858, стр. 188—189.
[5] ПСРЛ, т. XX, ч. I. СПб., 1910, стр. 349.
[6] К. В. Базилевич. Ук. соч., стр. 355.
[7] ПСРЛ, т. XII, стр. 157.
[8] ПСРЛ, т. XXV, М.— Л., 1949, стр. 324. Его участие отмечено в важнейших походах на Тверь (см. Львовская летопись, под 1485, ч. I. ПСРЛ, т. XX, стр. 352), Казань и Новгород, причем в последнем случае летописец отметил: «А из пушек бияху безпрестанно бе бо Аристотель искусен зело». См. В. Н. Татищев. История Российская..., кн. 5, М., 1784, стр. 80.
[9] А. П. Лебедянская. Очерки из истории пушечного производства в Московской Руси. Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. М.— Л., 1940, стр. 57—69.; Н. Н. Рубцов. История литейного производства в СССР, ч. 1. М., 1947, стр. 47 и сл.
[10] ПСРЛ, т. VI, стр. 238; т. XII, стр. 253; т. VIII, стр. 249.

Иностранцам, побывавшим в России в начале XVI в., бросалось в глаза обилие русских литых орудий [1], из чего можно заключить, что в конце XV — начале XVI в. произошло значительное обновление материальной части артиллерии.

От последних двух десятилетий XV в. и начала XVI в. дошли описания 28 бронзовых орудий [2]. Большинство из них было вмонтировано в деревянный станок («в ложе на козлах») и, судя по описям старого Смоленского наряда, предназначено для легкой городской артиллерии. Некоторые могли стрелять дробью и были рассчитаны на поражение живой силы. По сходству калибра, веса и длины эти пищали можно подразделить на пять групп: 1) две пищали Якова: калибр 2 гривенки, вес 4 пуда 25 фунтов и 4 пуда 26 фунтов, длина 1 аршин 15 вершков; 2) две пищали дробовые того же Якова: калибр предположительно 2 гривенки, вес 5 пудов, длина 1,5 аршина 2 вершка и 2 аршина без 1,5 вершка (таким образом, разница в длине — 20 *см*); 3) пять пищалей Якова Фрязина: калибр полгривенки, вес 4 пуда (одна — 3 пуда), длина 2 аршина без вершка; 4) семь пищалей Якова Фрязина, почти все одинаковы: калибр 1,5 гривенки (одна — полгривенки), вес 5 пудов (с деревом; одна весит 4 пуда 10 гривен, но «без дерева»); длина их 2 аршина без полувершка; 5) две восьмипудовые фрязинские пищали длиной 2 аршина без вершка, калибром полгривенки.

Можно предположить, что существовала уже калибровка орудий, выраженная ядром в гривенках (фунтах) [3], возникшая задолго до того, как такое обозначение калибра стало отливаться вместе с именем мастера [4].

Из сравнения этих групп орудий можно вывести заключение о существовании целых серий одинаковых орудий, отлитых иногда в один год, словно по одной типовой модели. Эта своеобразная стандартизация свидетельствует, на наш взгляд, о массовости литья, ибо «основным условием перехода к массовому производству должно быть упрощение изготовления модели и сохранение раз полученной формы» [5]. Не исключено, что определенное единообразие калибров, веса и размеров стволов предполагает существование деревянных моделей, стандартизовавших отливку орудий. Старое мнение о полном хаосе в производстве орудий в XIV—XVII вв., об отсутствии при их изготовлении минимальной стандартизации [6] нуждается в существенном пересмотре (для данного периода).

Первые тяжелые бронзовые пушки известны плохо. К ним можно причислить шестнадцатипудовое орудие Якова длиной 2 аршина 2,5 вершка (1483) и медную пищаль Петра (1501) длиной 4 аршина без полувершка, калибром 5 гривенок (около 90 *мм*); судя по калибру и длине, вес пушки было значительным. Отмечено, что эти пушки были установлены в «станке на колесах». Введение колесных лафетов тесно связано с появлением балансирующих цапф, которые впервые были применены в артиллерии Карла VIII (1483—1498) [7] и предполагать которые можно и в нашем случае. В «Книге о Московском посольстве», изданной в 1525 г., итальянец Павел Иовий со слов московского толмача Дм. Герасимова писал: «В Московской крепости видно много медных пушек, вылитых искусством итальянских мастеров и поставленных на колесах» [8]. Судя по

[1] С. Герберштейн. Записки о Московских делах. СПб., 1903, стр. 78, 275.

[2] Сведения о них собраны и систематизированы А. П. Лебедянской. См. А. П. Лебедянская. Ук. соч., стр. 60—70; ее же. «Репорт» 1757 г. о достопамятных орудиях в Оренбургском округе. Сборник исследований..., стр. 252—255. В Артиллерийском историческом музее сохранилось орудие Якова 1491.

[3] Калибр 1 гривенка (фунт) примерно равен ядру диаметром 2 дюйма.

[4] Хотя приведенные выше сведения содержатся в описях нарядов XVI—XVII вв., можно думать, что калибровка пищалей отражает первоначальную.

[5] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 606.

[6] Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 63 и сл.; М. М. Денисова, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие. М., 1953, стр. 83.

[7] O. Baarman. Die Entwicklung der Geschützlafette... Beitrage der Handfeuerwaffen. Dresden, 1905, стр. 75, 81.

[8] Приложение к «Запискам» С. Герберштейна. См. С. Герберштейн. Ук. соч., стр. 275, 348.

тексту, это указание вполне может относиться к орудиям, изготовленным в 80—90-х годах XV в. Таким образом, тяжелая медная артиллерия была, очевидно, поставлена на колеса, что резко увеличило ее подвижность и позволило применять ее в полевой войне.

Сведения о сохранившихся орудиях этого времени находят точное подтверждение в миниатюрах. Пушки, изображенные на них в связи с событиями конца XV в., значительно отличаются от предшествующих. Они литые, без видимых швов, дула их снабжены раструбами. Характерными особенностями третьего типа русских пушек, выделенного А. В. Арциховским, являются цапфы и поперечные валики, усиливающие дульную и казенную части ствола. Такие орудия появились на Западе около 1480 г. Лучшие образцы этих форм, принадлежащие Максимилиановской артиллерии, датируются 1500—1510 гг. Можно присоединиться к выводу А. В. Арциховского, что «новые формы пушек проникли к нам в конце XV в. с удивительной быстротой» [1].

Ранние литые пушки отличались высокими боевыми качествами и долговечностью. Они участвовали в Ливонских походах Ивана Грозного и еще во второй половине XVII в. находились в составе городской артиллерии Смоленска, Киева, Нерчинска, Одоева [2]. Наряду с развитием литья увеличивается, очевидно, и производство железных орудий. Медное литье не вытеснило в XVI в. железные кованые пищали, за которыми осталось преимущество дешевого массового сырья. В Ливонской войне значительная часть легкоорудийного наряда состояла из железных пищалей [3]. Производство кованых орудий, несомненно, существовало во многих городах (Новгород, Псков, Устюжна и др.), кроме Москвы. Судя по устюженским экземплярам, особенностью железных орудий является отсутствие многочисленных колец, скрепляющих ствол. Пушки, как и в «медном» производстве, научились делать гладкими. Их облик в отдельных случаях подражает бронзовым орудиям с раструбами. Имели они и свою особенность — огранку и казенной и дульной части. Каморные казнозарядные пушки все больше вытесняются цельнокованными и цельнолитыми. Но и сами казнозарядные орудия усовершенствовались настолько, что за ними закрепляется термин скорострельных [4].

Большое значение в усовершенствовании цельных, с дула заряжаемых орудий и в повышении их дальнобойности имело зернение пороха, начавшееся, возможно, также в конце XV в. Порох увлажняли, скатывали из него небольшие зерна, которые снова сушили. Благодаря воздушным промежуткам между отдельными зернами воспламенение происходило гораздо быстрее, чем у пороховой мякоти [5]. Снаряд и пыж могли накладывать непосредственно на заряд без всякой воздушной прослойки. О масштабах производства пороха в одной Москве можно судить по свидетельству 1532 г., когда от внезапного пожара на Алевизовом пороховом дворе «згореша делателей тех от зелия того в един час» более 200 человек [6]. Названный двор существовал еще в 1494 г. [7].

Существенное изменение произошло в изготовлении боеприпасов: началось литье чугунных ядер. По сообщению С. Герберштейна, посетив-

[1] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры..., стр. 53—54.

[2] Н. Мурзакевич. О пушечном литейном искусстве в России. ЖМНП, 1838, сентябрь, стр. 532.

[3] М. Коялович. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. СПб., 1867, стр. 658—670, № 276—278. Ружья и затинные крепостные пищали (входившие в состав наряда) изготовлялись исключительно кузнечным способом.

[4] Для закрепления каморы появилась специальная железная рама, приваренная к хвостовой части орудия. Каждому из таких экземпляров полагалось несколько сменных зарядных камор, что давало возможность делать до двух выстрелов в минуту. См. В. В. Арендт. К истории средневековой артиллерии, стр. 316.

[5] Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории. т. IV, М., 1938, стр. 34.

[6] ПСРЛ, т. VIII, стр. 278.

[7] Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 32.

шего Москву в 1517 и 1526 гг., литейщики Василия III, «кроме пищалей и воинских орудий, льют такие железные ядра, какими пользуются и наши государи» [1]. Во многих европейских странах производство чугунных ядер, начавшееся в конце XV в. [2], было еще очень молодым.

Плотность чугуна в 2,5 раза больше плотности камня [3]. Поэтому при одном и том же весе снаряда для чугунного ядра требовался меньший калибр орудия и, естественно, благодаря экономии материала удешевлялось производство пушек, а баллистические качества ядра, его ударное действие (камень часто раскалывался) и дальность полета увеличились. Хотя в течение XVI в. чугунные ядра начали вытеснять каменные и свинцовые, последние не потеряли значения и во второй половине XVI в.

В связи с утяжелением ядра и увеличением прочности орудий есть основания предполагать, что по сравнению с предшествующим периодом соотношение заряда и снаряда резко увеличилось в пользу первого. По таблице Н. М. Коробкова [4] об орудиях второй половины XVI — начала XVII в. и снарядах к ним (по «Уставу ратных и пушечных дел») в 15 случаях из 17 заряд равнялся весу ядра («сколько в ядре весу»).

В начале XVI в. происходит разделение труда в изготовлении и использовании орудий: мастер-изготовитель отделяется от бойца-артиллериста. Происходит специализация в среде самих оружейных мастеров. Кроме пушечников, источники упоминают мастеров-пищальников [5].

В названиях орудий не произошло особых изменений [6]. Пушки, тюфяки, пищали обозначали собственно артиллерию. Происходит усложнение понятий внутри трех названных основных групп. Так, в подробном перечислении наряда, посланного в 1530 г. на судах под Казань, упомянуты пищали полуторные, семипядные, сороковые и затинные [7]. Последние обозначают тяжелые крепостные ружья с крюком-упором для парализации отдачи. Кроме затинных пищалей, несомненно существование ручных пищалей — ружей. С ними связано появление наряду с пушкарями особой категории военных людей — пищальников, иногда называвшихся еще «желнырами». Этому западному слову источники дают точный перевод — «огненные стрельцы» [8]. В 1502—1503 гг. во время вылазки псковичей из осажденного города участвовали «желныры с пищальми» [9].

Сведения о пищальниках появляются в самом начале XVI в. Пищальники набирались преимущественно из городского населения. Общее число их с одного лишь Пскова достигало 1000—1334 человек [10]. Неверно было бы представлять пищальников как пехоту, исключительно вооруженную ружьями; они обслуживали и артиллерию. В 1518 г. пищальники сопровождали новгородскую и псковскую артиллерию к Полоцку [11]. В 1535 г., отбиваясь от литовцев, они вели огонь со стен Чернигова из пушек и пищалей [12]. В дальнейшем эта универсальная категория по мере превращения в постоянное стрелецкое войско все более специализируется на ручном оружии [13].

[1] С. Герберштейн. Ук. соч., стр. 78.

[2] Производство чугунных ядер впервые появилось в Италии в 1495 г. (см. Т. Бек. Очерки по истории машиностроения, т. I. М.—Л., 1933, стр. 73), в Германии — в конце XV в. (см. V. Poschenburg. Die Schutz und Trutzwaffen des Mittelalters. Wien, 1936, стр. 184).

[3] А. Нилус. История материальной части артиллерии, ч. I, СПб., 1904, стр. 73.

[4] Н. М. Коробков. Пушечные ядра в Москве XVI—XVII вв. Изв. ГАИМК, вып. 132, Л., 1936, стр. 155—157.

[5] Очерки по истории СССР, конец XV — начало XVII в. М., 1955, стр. 128—129.

[6] Для этого периода А. В. Арциховский предполагает распространение верховых пушек — мортир. См. его же. Древнерусские миниатюры..., стр. 54—55.

[7] ПСРЛ, т. VI, стр. 265.

[8] Казанская история. М.—Л., 1955, стр. 60.

[9] Псковские летописи, вып. I. М.—Л., 1941, стр. 87.

[10] Там же, стр. 97; вып. II, М., 1955, стр. 259, 298—299.

[11] ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 292.

[12] ПСРЛ, т. XIII, СПб., 1904, стр. 86—87.

[13] В грамоте Ивана IV от 1545 г. новгородскому воеводе велено собрать 1000 кон-

Выделение ручного огнестрельного оружия (которое до 70-х годов XV в. не играло заметной роли) имело большое значение, так как стояло в тесной связи с увеличением роли пехоты в бою [1]. Число пеших стрельцов в начале XVI в. было еще невелико. По данным второй половины XVI в. стрельцы-пехотинцы составляли около $^1/_{10}$ войска [2]. Конница, вооруженная луком и саблей, еще преобладала, чем и объясняется то, что еще в XVI в. ружье не вытеснило своих предшественников. По свидетельству летописца, под Казанью «стрельцы бяху искусни и научени ратному делу и пищальному стрелянию, яко малые птицы на полете убиваху из ручных пищалей и из луков» [3].

В XVI в. уже отмечается влияние «огненного боя» на защитные доспехи. Прежний плавно вытянутый кверху конический шлем-шишак около середины XVI в. начинает понижаться, постепенно превращаясь в сферическую «железную шапку». С начала XVII в. старое защитное вооружение теряет свое значение [4].

Артиллерия оказала влияние на организацию армии и на походные порядки, выделившись в обособленную часть войска — наряд [5]. Последний, как и вообще огнестрельное оружие, либо распределялся по полкам, либо входил в один из полков и имел особого воеводу. В зависимости от масштабов операции артиллерийский парк назывался «великим», большим или просто нарядом. Большое значение получила речная транспортировка пушек в «судовой рати». В 1518 г. во время похода на Полоцк наряд сначала везли на судах по р. Великой, затем на телегах [6].

Применение огнестрельного оружия в первые десятилетия XVI в. достигло внушительных размеров. В 1513 г., по отзыву очевидца, в штурме Смоленска участвовало до двух тысяч больших и малых пищалей, «чего никогда еще ни один человек не слыхивал» [7]. Так как в числе орудий находились, вероятно, и ручные пищали, то цифра окажется уже не такой преувеличенной.

Весьма интересен эпизод обороны засечной черты от татар в 1533 г., где применение огнестрельной техники на фронте протяженностью около 250 *км* было беспримерным по своему масштабу: «А наряд был великой, пушки и пищали изставлены по берегу на вылазех от Коломны до Коширы и до Сенкина и до Серпухова и до Колуги и до Угры; добре было много, столько и не бывало» [8].

В конце XV в. не только меняется тактика осады и обороны; под влиянием огнестрельного боя существенно изменяются и сами крепости.

Несоответствие между растущей мощью нового оружия и старыми укреплениями заставляет московское правительство провести коренную реконструкцию почти всех действовавших тогда крепостей, особенно в пограничных районах (Псков, Ладога, Остров, Копорье, Ям и др.). По последнему слову военной техники того времени был воздвигнут в 1485—1495 гг. Московский кремль. На примере Новгородского кремля, перестроенного в 1484—1490 гг. по инициативе московского правительства,

---

ных и столько же пеших, «да тех бы пищальников у конных и у пеших, у всякого человека было по пищали по ручной» (Акты археографической экспедиции, т. I, СПб., 1836, дело 205).

[1] Здесь мы не касаемся отдельных категорий служилых людей у наряда, воротников, затинщиков и др., имеющих косвенное значение для нашей темы.

[2] Д. Флетчер. О государстве русском. СПб., 1906, стр. 63—64, 67.

[3] ПСРЛ, т. XIX, СПб., 1903, стр. 425.

[4] И. В. Гордеев. Русский оборонительный доспех. Государственная Оружейная палата Московского кремля. М., 1955, стр. 110—111.

[5] Окончательное выделение артиллерии в самостоятельный род войск происходит лишь в XVIII в. См. А. Н. Кочетков. Некоторые вопросы русского военного искусства. ВИ, 1956, № 8, стр. 147.

[6] ПСРЛ, т. IV, стр. 292.

[7] И. Рябинин. Новое известие о Литве и московитах. ЧОИДР, кн. III, отд. V. М., 1906, стр. 6.

[8] ПСРЛ, т. XIII. СПб., 1904, стр. 64—65.

выяснено, что русские еще в XV в. усвоили основные принципы фортификации, ставшие общеевропейскими в результате развития артиллерии [1]. Таковы утолщение стен, расположение нижних частей стен откосами, понижение высоты башен, устройство в их верхних частях бойниц для небольших орудий.

Отдельные утолщения стен и башен, произведенные в первой половине XV в. (Порхов, Изборск), становятся теперь небходимостью; происходят изменения в устройстве отдельных частей крепостей: бойниц, боевых ходов, площадок и т. д. Новые условия выдвигают на первый план каменное строительство, в котором наиболее отчетливо выступают все нововведения. В башнях появляются каменные сводчатые перекрытия, вместо деревянных лестниц строятся каменные; в толще стен и башен устраиваются для бойниц специальные ниши — печуры с арочным перекрытием. На верху стен и башен появляются ружейные и навесные бои [2]. Резко возрастает роль башен, особенно угловых, в которых концентрируется артиллерия.

Наконец, меняется и планировка крепостей. Необходимость создания эффективного фланкирующего пушечного огня из башен и фронтального ружейного огня со стен вынуждает строить прямые прясла стен, а башни располагать равномерно по всему периметру крепости. Диктовалось это также условиями нападения. Реки, отвесные склоны холмов перестали быть неодолимой преградой для штурмующих. В связи с возрастающей разрушительной силой и дальнобойностью артиллерии оборона укрепленных пунктов становится активной на всех направлениях. От старого разделения городской обороны на активную и пассивную теперь отказываются [3].

В результате повышения обороноспособности русские крепости не раз выдерживали «огнестрельные» натиски врагов. В 1480 г. немцы безуспешно осаждали гг. Гдов, Порхов и Псков [4]. В 1518 г. русские, отражая литовские приступы на г. Опочку, из пушек и пищалей «побиша многая множество людей королева войска, яко и Великую реку от всех стран града запрудиша трупы людскими» [5].

Росту огнестрельной техники и изменению тактических приемов осады городов соответствовало появление нового типа крепости, а именно «регулярной». Крепости этого типа имели в плане правильную прямоугольную или многоугольную форму с симметрично расставленными башнями. Преимущество подобных сооружений заключается в том, что их защитники могли вести с равной эффективностью огонь в любом направлении. В отличие от округлых, расположенных чаще всего на речных мысах крепостей предшествующего периода, регулярные крепости меньше связаны с рельефом и могли строиться на равнинных пространствах. Необходимость «скоростного» строительства крепостей на важнейших стратегических направлениях, возможно, и привела к «регулярной», «типовой» планировке крепости простой геометрической формы [6]. Первой строго регулярной постройкой является, по-видимому, четырехугольная крепость Иван-город, нарочито поставленная на берегу р. Нарвы в 1492 г. против орденского замка Германа [7] в небывало короткий срок (3—5 месяцев) [8]. В дальнейшем на принципах регулярности строится целая серия крепо-

---

[1] А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения Новгорода Великого. МИА, № 31, 1952, стр. 92—93.

[2] Там же, стр. 65—80.

[3] В. В. Косточкин. Оборонительные системы русских крепостей XIV — начала XVI в. СА, № 1, 1957, стр. 139.

[4] ПСРЛ, т. V, стр. 39—40.

[5] ПСРЛ, т. VIII, стр. 262.

[6] В. В. Косточкин. Крепость Иван-город. МИА, № 31, 1952, стр. 316—317.

[7] Его же. Крепостное зодчество конца XV — начала XVI в. История русского искусства, т. III, М., 1957, стр. 387.

[8] ПСРЛ, т. VIII, стр. 224.

стей: Тула (1514—1521), Зарайск (1531), Коломна (1525—1533), Мокшана (1535), Самара и др. [1]. Регулярный тип крепостей знаменовал переворот в стратегии крепостной войны, позволив русскому государству более успешно проводить наступательную политику возвращения и закрепления старых русских территорий. Дальнейшее развитие военно-инженерного дела приводит к возникновению в первой половине XVI в. особых «земляных» крепостей, предвосхищающих позднейшую бастионную систему. В 1535 г. воевода И. Н. Бутурлин на оз. Себеж, в 60 верстах от Опочки, поставил «град землян» и «устроил его пушками и пищальми и всем нарядом и запасом хлебным» [2]. Строительство, осуществленное с помощью новгородцев [3] в 20 дней, было своеобразным рекордом. Летописи отмечают и другие подобные сооружения. В 1536 г. был сделан Стародуб «на старом же месте землян». Осенью того же года доделан «град на Балахне землян», в том же году земляной город на Заволочье на оз. Подце [4]. Новая практика себя оправдала. Попытка взять новую себежскую крепость через год после постройки окончилась провалом [5].

Особо стоит вопрос о распределении оружия на крепостных стенах, обычно остающийся без внимания. Исследование каменных крепостей, и в особенности их бойниц, приводит к выводу, что вся артиллерия концентрировалась исключительно в башнях, которые становились, следовательно, основными узлами обороны, принимали и отражали основной огонь. Разрушение башен имело, как правило, тяжелые последствия для защитников города. На стенах и верхних ярусах башен располагались стрелки, которые вели фронтальный, косоприцельный и «навесной» (к подошве стены) огонь. В качестве ружейных бойниц использовались просветы между зубцами стены. Стена, как правило, имела один ярус боя на уровне боевой площадки зубцов. Однако в нижних частях стен в конце XV — начале XVI в. эпизодически встречаются «подошвенные» бои (кремли в Новгороде, в Нижнем Новгороде). Вообще же ярусность боя на прясла стен появилась, по-видимому, не ранее XVI в. Зато расположение пушек на башнях в один—два и больше ярусов — явление более раннее.

Крупные изменения в военном деле можно понять, рассматривая всю совокупность его отраслей. Однако значительные изменения наступают не сразу во всех отраслях военного искусства. С возрастанием роли огнестрельного оружия растет значение борьбы за города. Естественно поэтому, что сдвиги в использовании артиллерии раньше всего и сильнее всего сказались именно здесь. Осада и оборона городов и крепостей становятся главнейшим видом боя, в большой мере обусловившим всю стратегию тогдашней войны. Коренной перелом осуществился прежде всего в этой отрасли военного дела как определяющей; изменения в полевом бою происходили дольше и медленнее, чем в осадной войне. В XVI в., при господстве артиллерии, лук и арбалет соперничали с ручной пищалью [6]. Лишь во второй половине XVI в. боевой порядок войск и тактика полевого боя начинают значительно изменяться. Глубокие построения начинают вытягиваться по фронту за счет сокращения глубины. На рубеже XVI—XVII вв. переходят к линейной тактике, что позволило наиболее целесообразно использовать войско, оснащенное огнестрельным оружием.

---

[1] Л. М. Тверской. Русское градостроительство до конца XVII в. М.— Л., 1953 стр. 54—56.

[2] ПСРЛ, т. VIII, стр. 291; т. XIII, стр. 95.

[3] Псковские летописи, вып. I, стр. 107.

[4] Там же, стр. 108.

[5] ПСРЛ, т. XIII, стр. 108—109.

[6] Как уже указывалось, это обстоятельство в значительной мере было связано с преобладанием в войске конницы, вооруженной луком и саблей и игравшей значительную роль в борьбе с легкой конницей татар.

На поступательном развитии военной техники отрицательно сказывались неравномерность экономического развития отдельных районов страны, а также пережитки феодальной раздробленности. Только с начала XVII в. поместная конница начинает вооружаться огнестрельным оружием [1]. Бывали случаи, когда русские рати терпели поражения из-за недостатка огнестрельного оружия. Так были проиграны бои в 1501 г. на р. Сирице, в 10 *км* от Изборска, и у оз. Смолино, в 30 *км* от Пскова [2]. Особенно чувствительное поражение потерпели в 1514 г. московские воеводы от литовской артиллерии в бою под Оршей [3]. Эти неудачи заставили правительство увеличить отряды пехоты с огнестрельным оружием и смелее использовать ее в бою.

Передовые люди страны понимали и отстаивали необходимость скорейшего создания постоянной армии, поголовно вооруженной «огнестрельным боем». Иван Пересветов в своих челобитных к царю (1546—1549) советует для обороны от крымского хана держать на южной границе 20 тыс. хорошо обученных, получающих жалованье из казны солдат. Эти 20 тыс. «юнаков храбрых со огненною стрельбою гораздо учиненою», по мнению Пересветова, будут лучше 100 тыс. обыкновенного войска [4]. Он же предлагал создать в поле особые подвижные укрепления из щитов, чтобы «из-за тех щитов в поле с недругом добро битися огненную стрельбою ис пищалей и ис затинных как в городе» [5].

Начало массового внедрения огнестрельного оружия на Руси, как и в Западной Европе, произошло во второй половине XV в.

Крупный буржуазный военный историк Г. Дельбрюк писал, что до 1477 г. огнестрельное оружие, употреблявшееся перед тем в течение 150 лет, не имело существенного значения [6]. Влияние огнестрельной техники на устройство западноевропейских замков относится к 70—80-м гг. XV в. [7]. Отмечая общеевропейский характер развития русской огнестрельной техники, необходимо отметить черты ее самостоятельного, национального характера. Условия, в которых протекало развитие отечественного военного искусства, отличались особой напряженностью и разнообразием. Приходилось вести борьбу одновременно с сильным легкоподвижным татарским войском и армиями шведов, немцев и литовцев, не отличавшихся такой стремительностью, но зато лучше вооруженных огнестрельным оружием. Разнообразие способов ведения борьбы требовало от русского войска гибкого сочетания восточной и западной тактики боя. Сказалось это и на развитии огнестрельного оружия. Хотя по сравнению с некоторыми западноевропейскими странами Русь не была первой по употреблению огнестрельного оружия, однако по темпам его освоения и применения, по времени коренного переворота в военном деле она стояла в ряду передовых европейских стран. Она значительно опережала и некоторых своих соседей, таких, как татары, персы. Характерно, что новое оружие не встретило консервативного отношения на Руси; во всяком случае, летописец ни разу не осудил его применения. Правительство своевременно осознало значение артиллерии и всемерно ее развивало [8]. Артиллерия на Руси с самого начала являлась государственной собственностью в отличие от некоторых зарубежных стран, где она принадлежала церкви, феодальным сеньорам и другим владетелям. Таким образом, развитию огнестрельного оружия способствовал политический фактор.

---

[1] М. М. Денисова. Поместная конница и ее вооружение в XVI—XVII вв. Тр. ГИМ, вып. XX, М., 1948, стр. 42.

[2] Е. Разин. История военного искусства, ч. II. М., 1940, стр. 236—237.

[3] ПСРЛ, т. VIII, стр. 258; т. XIII, стр. 22.

[4] В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов — публицист XVI в. ЧОИДР, кн. I, М., 1908, стр. 35, 63.

[5] Там же, стр. 79.

[6] Г. Дельбрюк. Ук. соч., т. III, стр. 371; т. IV, стр. 27, 48.

[7] O. Piper. Abriß der Burgenkunde. Berlin — Leipzig, 1914, стр. 13, 15, 68—69, 74.

[8] А. В. Арциховский. Основы археологии, стр. 275.

Говоря об огромном влиянии огнестрельного оружия, круто изменившего способы ведения войны, мы должны учитывать, что в диалектическом взаимоотношении военной техники и войсковой тактики первая играет определяющую роль. От уровня военной техники зависит военная тактика. Однако нельзя представлять влияние огнестрельного оружия на тактику боя как исключительно односторонний процесс. Сама тактика все настойчивее требовала изготовления и применения более эффективного оружия. В период, когда началось массовое применение артиллерии, ни одна значительная осада уже не обходилась без этого оружия. Коренной перелом в развитии артиллерии и ее массовое применение в крепостной войне означали в то же время скачок в развитии всего военного дела, что находилось в тесной связи с той первенствующей ролью, которую получила в системе военного дела борьба за города. Замедленное развитие ручного огнестрельного оружия не снимает этого преобразующего сдвига в военном деле средневековой Руси, происшедшего в 80-х годах XV в.— 20-х годах XVI в.

Г. А. МАКСИМЕНКОВ

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ

При изучении истории материальной культуры Руси XIV — XVII вв., и в частности военного дела, большое значение имеет ознакомление с различного вида оружием, в том числе с артиллерийскими орудиями.

Сделанное в этой области Н. Е. Бранденбургом, пионером в деле изучения истории отечественной артиллерии, не потеряло своего значения и по настоящее время. Все последующие труды по истории артиллерии в большинстве случаев имеют своим истоком исследования Н. Е. Бранденбурга. Однако нельзя не отметить, что Н. Е. Бранденбургом допущен ряд неточностей, особенно в вопросах датировки изготовления железных кованых пищалей, на которых нет надписей.

Настоящая статья посвящена самой крупной коллекции русских железных кованых орудий собрания Артиллерийского исторического музея (рис. 1), происходящих из г. Устюжны-Железнопольской. Н. Е. Бранденбургом время изготовления этих орудий было отнесено к XV в. Изучение письменных источников, относящихся к этим орудиям, а также сравнение их с изображениями пушек на миниатюрах лицевых сводов заставляет не согласиться с датировкой, предложенной Н. Е. Бранденбургом. В марте 1852 г. в г. Устюжне-Железнопольской, на территории участка, занимаемого городской полицией, а ранее входившего в состав кузнечной Козмодемьянской слободы, были найдены 31 пищаль [1]. По просьбе Артиллерийского департамента в Петербург были присланы чертежи, а позже — и сами орудия.

Н. Е. Бранденбург, измерив и взвесив часть пищалей, отнес 12 орудий коллекции к XV в. и одно — к XVI в. [2]. Остальные 18 пищалей в каталог не вошли и остались недатированными.

В. Г. Федоров [3] датирует наиболее грубые по внешнему виду пищали

---

[1] Архив Артиллерийского исторического музея, ГАУ, 3 отд., 1 стол. № 469, «О находке устюженских пищалей», лл. 3—21. К настоящему времени сохранилось 29 пищалей.

[2] Два из выделенных орудий Н. Е. Бранденбург описывает по отдельности, а 11 — вместе. Первое — «железное заряжающееся с дула орудие, вероятно, XV столетия; один из древнейших представителей самодельной русской артиллерии, ковавшейся в Новгородской области» (Н. Е. Бранденбург. Исторический каталог С.-Петербургского Артиллерийского музея, ч. I, 1877, стр. 105). 11 орудий — «железные кованые пищали, относящиеся по своей конструкции к XV столетию... На некоторых сохранились следы прорезей и прицельных пластинок, на других таковые прорези имеются только для мушек; на двух пищалях сохранились тонкие приварные цапфы. Все орудия без винградов» (Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 119—121). Второе отдельно описываемое орудие — «пищаль железная кованая начала XVI столетия, с тонкими приварными цапфами; имеет прорезь от вставной мушки» (Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 130).

[3] В. Г. Федоров. К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. М., 1949; его же. О дате возникновения отечественной артиллерии. «Красная Звезда» за 14 октября 1951 г. Эта статья повторяет доклад В. Г. Федорова «О возникновении артиллерии на Руси»; см. Расширенное научное собрание 7 отд. ААН, тезисы докладов. М., 1951, стр. 3.

из этой коллекции еще более ранним временем, чем Н. Е. Бранденбург,— серединой XIV в.

Действительно, все пищали, входящие в коллекцию, выполнены грубо. На них ясно видны следы ковки. По форме почти все орудия представляют собой гладкие железные трубы без каких-либо украшений. По внешнему виду можно выделить несколько пищалей, отличающихся от остальных, как это и сделано на чертеже, присланном из Устюжны (рис. 2).

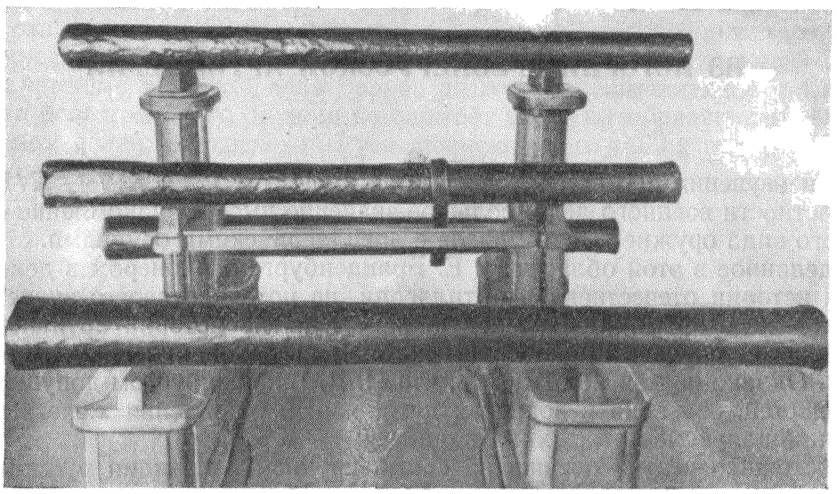


Рис. 1. Пищали из Устюжны-Железнопольской, найденные в 1852 г.

Под № 1 на чертеже обозначены две пищали в колодах [1]. Они выделяются из коллекции наличием запального отверстия с правой стороны ствола и полки около отверстия. Под № 2 значится 20 пищалей в виде гладких железных труб с широкой казенной и узкой дульной частью. Три из них имеют очень незначительный наружный раструб дульной части, а на шести других экземплярах есть пазы для прицела, мушки или прорези для них. К этому типу близко подходят орудия под № 4 — гладкая труба с незначительным сужением к дульной части и № 5 — тонкая длинная пищаль со значительным раструбом. Под № 3 и 7 на чертеже изображены две пищали, у которых стволы откованы в виде многогранника, причем у № 3 почти весь ствол покрыт гранями, а у № 7 — только дульная и казенная части. № 6 представляет короткую пищаль с большим калибром, № 8 — пищаль с очень толстой казенной частью, несколько суживающимся к дулу стволом и незначительным раструбом. № 9 — большая пищаль с раструбом и прорезью для мушки, № 10 — пищаль с тонкими приварными цапфами и винградом (эта пищаль резко выделяется по своему типу из всей коллекции) [2]. Орудия, входящие в коллекцию, имеют разнообразные калибры, что видно из таблицы.

Таблица 1

Калибр (в *мм*)	23,5	25	29	30	32	33	35	40	,5	46	47	54	58	63,5	110	62
Кол-во орудий одного калибра	1	3	1	3	4	4	3	1	1	1	1	2	1	1	1	1

[1] Колоды до нашего времени не сохранились.
[2] К настоящему времени винград не сохранился.

На основании таблицы можно выделить две группы орудий: малокалиберные (от 23,5 до 35 *мм*) и крупнокалиберные (от 40 до 63,5 *мм*). Орудие с калибром 110 *мм* (на чертеже — № 6) следует выделить в особый вид орудия — с большим калибром и коротким стволом.

Таким образом, коллекция представлена тремя типами орудий. Первый тип — малокалиберные, или, как их принято называть, затинные пищали; второй тип — крупнокалиберные, или полковые пищали; третий — дробовой тюфяк. Каждому типу орудий соответствует определенный вес.

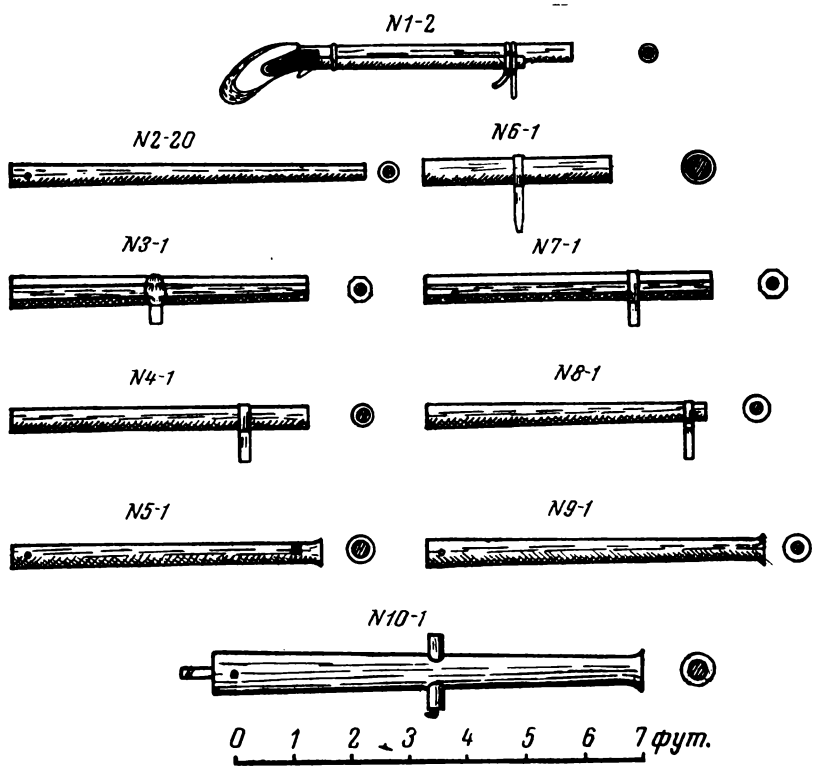


Рис. 2. Чертеж пищалей, присланных из Устюжны в 1852 г.

Затинные пищали имеют вес от 1 пуда 37 фунтов до 3 пудов 15 фунтов, полковые — от 3 пудов 15 фунтов до 10 пудов 20 фунтов, пищаль с калибром в 62 *мм* весит 17 пудов. Она снабжена цапфами и своими конструктивными деталями выделяется из коллекции.

В конструктивном отношении все пищали одинаковы (за исключением пищали с цапфами). На всех стволах имеются незначительные кольцевые перехваты. Изучение конструкции показало, что это — места сварки отдельных железных трубок, из которых выковывался ствол пищали [1]. Техника изготовления пищали была следующая: крица расковывалась в лист железа, последний наворачивался на железный стержень. Когда полученная таким образом трубка была готова, одному ее концу придавали форму внутреннего, а другому — наружного конуса; затем трубки вставлялись одна в другую и проковывались по шву (рис. 3). Так получался ствол орудия. Казенная часть ствола в раскаленном виде забивалась железной пробкой. Перед пробкой прорубалось запальное отверстие. Благодаря такой технике ствол получал вид гладкой железной трубы.

[1] И. А. Ревис. Исследование истории технологии металлообработки на базе артиллерийского производства (рукопись), стр. 19—21. Хранится в рукописном отделе библиотеки Артиллерийского исторического музея.

Если сравнить устюженские пищали с типами пушек, выделенными А. В. Арциховским на основании миниатюр летописей, то окажется, что все орудия коллекции по внешнему виду можно отнести только к IV типу

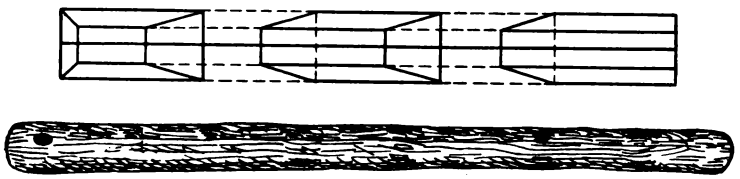


Рис. 3. Схема конструкции ствола пищали из Устюжны-Железнопольской

его классификации [1], к которому относятся гладкоствольные прямые пушки без видимых следов швов, появляющиеся только со второй половины XVI в. [2].

Эта дата подтверждается также наличием таких конструктивных деталей, как незначительные раструбы, огранка, пазы для мушек и прицелов.

* * *

Коллекция найдена в Устюжне, и, следовательно, есть основания предполагать, что орудия могли входить в состав артиллерии города. От XVI—XVII вв. сохранилось несколько различных документов, имеющих отношение к Устюжне, в том числе и описи нарядов. Их дошло до нас всего три: опись 1613 [3], 1639 [4] и 1713 гг. [5]. В первых двух описях названы типы пушек и указано их количество в каждом типе; в описи 1713 г. поименованы только две пушки; относительно остальных дан только вес.

Таблица 2

Тип орудия	Опись 1613 г.	Опись 1639 г.	Опись 1713 г.	Орудия, пропавшие к 1713 г.	Коллекция из Устюжны	Орудия, исчезнувшие бесследно
Медные полковые	2	2	1	1	—	1
Золонянка	1	1	1	—	—	—
Полковые железные кованые	11	11	3	8	8	—
Патинные железные кованые	34	33	5	28	21	7
Тюфяки дробовые	2	2	1	1	1	—
Пушки опытные	—	2	1	1	1	—
Всего	50	51	12	39	31	8

Как видно из табл. 2, наибольшее количество орудий имелось в 1639 г.; к началу XVIII в. часть орудий исчезла. В описи 1639 г. упоминается два тюфяка, а в описи 1713 г.— один. Можно предположить, что второй, исчезнувший к 1713 г. тюфяк, упоминаемый в ранних описях, оказался вместе с другими орудиями в земле. Это обстоятельство позволяет рассматривать пищали, составляющие коллекцию, как часть устюженского наряда.

По калибрам коллекция была разбита на затинные и полковые пищали. Вес затинных и полковых пищалей коллекции нам известен. Пушек с

[1] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 51.

[2] А. В. Арциховский называет кузнечными швами кольца, нагнанные на скованный из полос ствол.

[3] ЦГАДА, ф. 139, Разрядн. книга № 1, опись 274, 1613—1627, лл. 80—82.

[4] ЦГАДА, ф. 159, дело №757, 1638—1640, «Росписные и сметные списки и наказы воеводам», лл. 266—267.

[5] ЦГВМА. Дела Адмиралтейской канцелярии, Л., № 236, 85, 1713, опись города Устюжны, лл. 2—3.

весом, соответствующим затинным пищалям коллекции, в описи 1713 г. имеется пять: две пушки весом в 1 пуд каждая, пушка весом в 2 пуда, пушка, весящая 2 пуда 30 фунтов, и пушка весом 1 пуд (может быть, с несколькими фунтами) [1].

Из пушек, названных в описи 1713 г., по своему весу к типу полковых подходят три пушки: пушка весом 9 пудов 30 фунтов, пушка весом 4 пуда 30 фунтов и пушка весом 5 пудов. Таким образом, в описи 1713 г. упоминается один тюфяк, одна медная полоняночка, одна медная полковая пищаль, три полковые железные пищали, пять пищалей затинных и одна пушка весом в 17 пудов 15 фунтов. Вес этой пушки соответствует весу одной пушки из коллекции, а именно — пушки с цапфами, которая, по Н. Е. Бранденбургу, весит 17 пудов. По весу и по конструкции она отличается от остальных пищалей коллекции. Ни по калибру, ни по весу она не подходит к затинным пищалям и скорее соответствует по калибру полковым пищалям, но весом почти в два раза превосходит вес самой тяжелой из них. Кроме того, в описи 1713 г. удалось выделить три полковые пищали, а в коллекции их восемь, что составляет 11 пищалей — количество, соответствующее полковым пищалям 1639 г. Следовательно, эта пушка не полковая.

В описи 1639 г. говорится о двух опытных кованых пушках. Их выделение из остального наряда и название «опытные» говорит за то, что они в конструктивном отношении отличаются от остальных орудий.

Пушка с цапфами и винградом коллекции стоит особняком, и она имеется в единственном экземпляре. С другой стороны, эта пушка по весу соответствует пушке в описи 1713 г. Следовательно, эта пушка и пушка весом в 17 пудов 15 фунтов по описи 1713 г. могут быть отождествлены только с пушками, названными в описи 1639 г. опытными.

Если сравнить между собой описи 1639 и 1713 гг., то окажется, что за это время пропали из наряда одна медная полковая пищаль, восемь полковых железных, 28 затинных железных, один тюфяк дробовой, одна пушка опытная. В 1852 г. было найдено восемь полковых железных, 21 затинная железная, один тюфяк дробовой и одна опытная пушка. Исчезло бесследно семь затинных пищалей и одна медная полковая. Соответствие между пропавшими и найденными полковыми железными пищалями, тюфяками и опытными пушками позволяет считать нашу коллекцию частью наряда Устюжны-Железнопольской.

Никаких прямых указаний о причине исчезновения пищалей из наряда в письменных документах по Устюжне не содержится. Можно только предполагать, что пищали были изъяты за ненадобностью в самом начале XVIII века в связи с преобразованиями в артиллерии, произведенными Петром I. Часть орудий, которые могли еще быть использованы в качестве городского наряда, остались в нем, а остальные были помещены в какой-то склад в кузнечной Козмодемьянской слободе, что объясняет их обнаружение в одном месте. Здесь их могли использовать кузнецы как материал для переработки. Если это так, то тогда легко объяснить пропажу восьми пищалей, которые могли быть перекованы.

Более ранней описи наряда, чем 1613 г., не сохранилось, но время создания наряда можно установить по другому документу, известному под названием «Сказание 1609 г. о нашествии поляков на Устюжну-Железнопольскую» [2].

Под религиозной оболочкой «Сказания» отчетливо выступают впечатления очевидца и участника обороны Устюжны, так как сведения, содержащиеся в «Сказании», подтверждаются официальными документами

[1] Точный ее вес неизвестен, так как в документе написано: «Пушка весом од (порыв) пуд». Дальше кусок листа оторван.

[2] И. Ф. Токмаков. Историко-статистическое и археологическое описание города Устюжны с уездом, Новгородской губернии. М., 1897, стр. 113.

(время и причины строительства острога [1], появление в наряде города пушки-«полоняночки»). Кроме того, в «Сказании» фигурируют числа и даже время дня, что также мог сообщить только очевидец.

В «Сказании» все время подчеркивается, что до описываемых в нем событий «на «Устюжне острогу и никакие крепости не имели» [2], что устюжане «ратного дела не знаху; и ни начатка бранного не ведаху» [3]. Поэтому, узнав о приближении поляков, устюжане вышли к ним навстречу, чтобы не подпустить к городу. Произошло сражение, в котором устюжане были разбиты. И опять «Сказание» отмечает, что «на Устюжне тогда никаких крепостей не было» [4]. Поляки после победы к городу не пошли; поэтому жители Устюжны, воспользовавшись их отсутствием, «начаша делати острог около Устюжны посаду, рвы капати и надолбы ставити, и пушки и пищали ковати, такожде и ядра, и дробь и подметные каракули, и копия и всякия хитрости, еже на потребу острогу строити, не усыпающе день и нощь» [5]. В то же время несколько человек отправились в Новгород к князю М. В. Скопину-Шуйскому [6] за порохом. Последний дал им порох, писание, «как с нечестивыми биться», и «со всяким ратным оружием 100 человек» [7].

2 февраля прибыли из Новгорода посланцы с порохом, а на другой день поляки начали осаду города [8]. 5 февраля устюжане сделали вылазку, в результате которой врагов своих «яко траву посекающе и пушку медную взявша в острог» [9].

Рассказ об отражении польской осады рисует обстановку, в которой изготовлялись устюженские пушки. Из этого описания можно сделать вывод, что до 1609 г. в Устюжне своего пушечного наряда не было. Это подтверждается поспешным изготовлением пушек и припасов к ним, отсутствием пороха, неоднократным повторением «Сказания», что в Устюжне не было никаких укреплений (без которых артиллерия была не нужна).

Орудия были изготовлены в большом количестве и за очень короткий срок — между 5 января и 3 февраля; это не кажется странным, если учесть, что в Устюжне было большое число кузнецов, которые изготовляли для Москвы орудия и припасы еще в конце XVI в. [10].

---

[1] ЦГАДА, ф. 141, дело 73, 1632. Государевы грамоты, отписки и пр. о строительстве острога в Устюжне.

[2] И. Ф. Токмаков. Ук. соч., стр. 114.

[3] Там же, стр. 115.

[4] Там же, стр. 116—117.

[5] Там же, стр. 117.

[6] Там же, стр. 117.

[7] Там же, стр. 118.

[8] Там же, стр. 119.

[9] Там же, стр. 123.

[10] Так, в сотной 1597 г. есть самое раннее по времени упоминание о наличи пушек в Устюжне. В нем говорится, что на Устюжне на посаде от р. Ворожи, по левой стороне, примерно девятая лавка «посадских людей устюжан куплена посадом для государевых запасов, а кладут в нее пищали да ядра и гвозди судовые коли на государев обиход суды делают и всякие государевы запасы». (ЦГАДА, ф. 137, № 1, 1597. Список с сотной по Устюжне-Железнопольской, л. 40). В сотной 1567 г. таких сведений нет, а в сотной 1627 г. упоминается раскат для хранения пушечных запасов. Эта лавка «куплена посадом для государевых запасов»; если бы речь шла о наряде, то было бы сказано «для государевых Устюжны-Железнопольския запасов», как начинаются обычно описи нарядов. Состав запасов, упоминаемых в отрывке, не соответствует артиллерийским запасам: отсутствуют порох и свинец, необходимые для артиллерии, но зато упоминаются гвозди судовые, никакого отношения к артиллерии не имеющие. Состав запасов можно охарактеризовать как предметы железоделательного ремесла. Действительно, из общего количества ремесленников в Устюжне (по этой сотной — 245 человек) в железоделательном производстве было занято 121 человек, причем 66 из них было молотников, 34 кузнеца и 12 угольщиков. Они занимались изготовлением оружия по государственным заказам. «За производство именно оружия (пищали, ядра) в Устюжне говорит большое количество кадровых молотобойцев по отношению к кузнецам. Ни одно изделие кузнеца не требует с такой необходимостью применения труда нескольких молотобойцев, как изготовление железокованых пищалей и ядер... Несомненно, что и во второй половине XVI века, когда московское прави-

Отсутствие артиллерии в Устюжне до 1609 г. подтверждается упоминанием в описи 1639 г. припасов, купленных на деньги устюжан в первую Литовскую войну.

В приведенном документе два раза встречаются упоминания орудий: первое — в рассказе о ковке орудий устюжанами и второе — в описании захвата у поляков пушки. Эта пушка-полоняночка числится во всех описях наряда.

Вряд ли от М. В. Скопина-Шуйского в числе всякого ратного оружия пришли и пушки; если бы вместе с порохом были присланы орудия, это не прошло бы мимо автора «Сказания».

Так как у нас нет свидетельств о появлении орудий от Шуйского и, наоборот, есть точное упоминание времени изготовления пушек самими горожанами, нужно считать, что устюженский наряд был изготовлен устюженскими кузнецами во время подготовки города к обороне. Впрочем, не исключена возможность, что наиболее тщательно выполненные пищали из состава нашей коллекции могли быть изготовлены несколько ранее для Москвы, но не смогли быть по каким-то причинам туда отправлены. Аргумент о грубом изготовлении орудий, который считался основанием для датировки пищалей XV и XIV вв., оказывается несостоятельным, ибо их грубая отделка в свете приведенных фактов объясняется поспешностью, а не древностью изготовления.

Таким образом, сравнение пищалей с изображениями на миниатюрах позволило определить время, когда этот тип орудий появляется на Руси, а письменные документы дают возможность установить более точную дату изготовления пищалей.

Рассмотренные здесь пищали в своем большинстве были изготовлены между 5 января и 3 февраля 1609 г.

Эта датировка не относится к «опытной» пушке с цапфами и виноградом, которая появилась незадолго до составления описи 1639 г. Время ее изготовления падает на конец 30-х годов XVII в. Некоторые конструктивные детали устюженских пищалей, как то: огранка и раструбы — свидетельствуют о том, что еще в начале XVII в. бытовали характерные для более раннего времени элементы конструкции.

Установление времени изготовления устюженских пищалей и сравнение их с изображениями пищалей на миниатюрах позволяет наметить в общих чертах историю развития техники изготовления железных кованых пищалей. Можно выделить два периода. Первый период характеризуется изготовлением орудий из железных полос с насадкой на них колец. Такое орудие изображено на миниатюре, рассказывающей об осаде Тохтамышем Москвы в 1382 г. Второй период характеризуется изготовлением стволов из отдельных труб (рис. 3). Такие орудия, кроме рассмотренной коллекции, имеются в Артиллерийском историческом музее, в Загорском музее и в Оружейной Палате.

Железные кованые орудия существовали наряду с литыми бронзовыми в течение длительного времени. В XVII в. они постепенно начинают заменяться литыми чугунными, которые полностью вытесняют железные в начале XVIII в.

тельство вело длительные тяжелые войны, продукция ядер исчислялась в тысячах ... Устюжно-Белозерский край в XVI и в начале XVII века был основным поставщиком железа, оружия, строительных и бытовых железных изделий для большей части Московского государства. Устюженские кузнецы изготовляли, в основном, оружие». (Е. А. Колчин. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. МИА, № 12, 1949, стр. 199—200). Следовательно, в приведенном отрывке из сотной можно видеть только упоминание о складе, где устюженские кузнецы хранили изготовленные пищали, ядра и гвозди перед отправкой в Москву; нельзя рассматривать упоминание пищалей и ядер в нем как принадлежность устюженского наряда.

Г. И. ЛАЗУКОВ

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ ЭПОХИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В КОСТЕНКОВСКО-БОРШЕВСКОМ РАЙОНЕ

Накопившийся к настоящему времени богатый материал, характеризующий верхнепалеолитические памятники Костенковско-Боршевской группы, позволяет подойти к решению не только археологических вопросов, но и к выяснению тех географических условий, в которых приходилось жить человеку верхнего палеолита. В этом отношении Костенковско-Боршевская группа стоянок представляет большой научный интерес, так как здесь на небольшой площади, помимо многочисленных разновозрастных стоянок палеолитического человека, сосредоточены обильные остатки фауны млекопитающих, макро- и микропалеоботанические остатки (пыльца и споры, древесный уголь), фауна наземных моллюсков.

Большинство исследователей, занимавшихся вопросами природной среды, окружавшей человека верхнего палеолита, считает, что последний жил в суровых климатических условиях, приближающихся к условиям современной тундры.

П. П. Ефименко, характеризуя природную обстановку в ориньяко-солютрейское время в Костенковско-Боршевском районе, пишет: «...как рисс-вюрмское межледниковье, так особенно время последнего, вюрмского, оледенения было временем господства совершенно иного климатического режима, характеризующегося преобладанием в ландшафте края, может быть, тундры, главным же образом сухой холодной степи...» [1] В. И. Громов говорит «о наличии... в эпоху верхнего палеолита вечной мерзлоты и суровых климатических условий» [2].

М. Н. Грищенко, рассматривая природные условия верхнего палеолита в Костенковско-Боршевском районе, указывает, что «в период накопления пород II террасы, вмещающих не менее четырех горизонтов культурных остатков верхнего палеолита, климатическая обстановка в этом районе менялась от влажной, прохладной до холодной, с глубоким промерзанием грунтов и, возможно, образованием зоны вечной мерзлоты. На всем протяжении времени пребывания здесь человека лесная растительность отсутствовала, травянистая же растительность была бедная и однообразного состава» [3].

В 1949—1953 гг. автор настоящей статьи проводил полевые исследования стоянок района параллельно и совместно с археологической экспедицией ИИМК АН СССР, руководимой А. Н. Рогачевым. Собранный во время этих работ значительный палеонтологический и геологический материал, а также археологические данные вносят существенные изменения в сложившееся представление о природных условиях эпохи верхнего па-

---

[1] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 422.

[2] В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода (млекопитающие, палеолит). Тр. Ин-та геологич. наук, вып. 64, геол. сер., № 17, 1948, стр. 469.

[3] М. Н. Грищенко. Палеогеография Костенковско-Боршевского района эпохи верхнего палеолита. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 86—87.

леолита в Костенковско-Боршевском районе. (Вопрос о геологическом возрасте верхнего палеолита, по поводу которого имеются существенные разногласия у разных исследователей, в данной статье не рассматривается, так как он сам по себе является сложной проблемой, требующей специальных исследований).

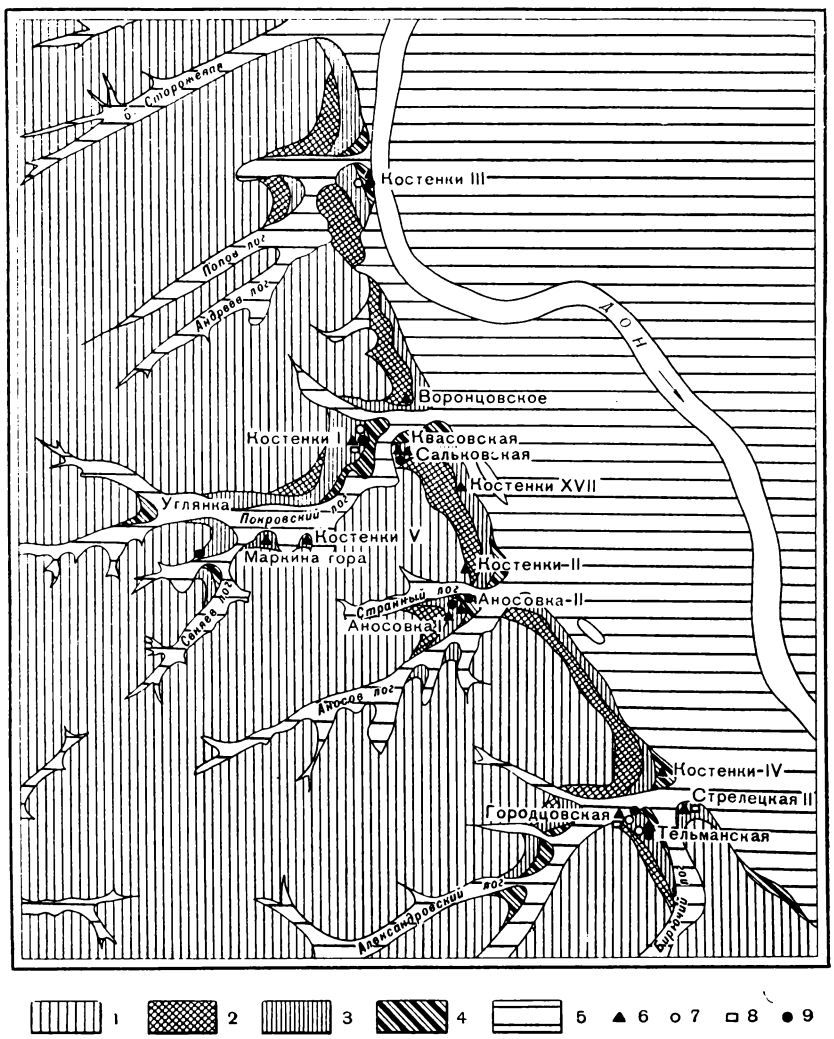


Рис. 1. Геоморфологическая схема окрестностей с. Костенки

1 — водораздельные участки; *2* — терраса (35—40 *м*); *3* — вторая терраса; *4* — первая терраса; *5* — пойма р. Дона и днища балок; *6* — стоянки; *7* — разрезы, для которых произведены спорово-пыльцевые анализы; *8*—места сбора древесных углей; *9*—места сбора моллюсков

Костенковско-Боршевская группа верхнепалеолитических стоянок расположена на правом, коренном берегу р. Дона, представляющем собою восточный склон Средне-Русской возвышенности, которая в данном районе подходит непосредственно к долине Дона. Берег расчленен довольно густой сетью оврагов и древних балок.

Для геолого-геоморфологического строения района наиболее характерным элементом являются террасы, выделяющиеся как по морфологической выраженности, так и по геологическому строению (рис. 1). Террасы эти наблюдаются как в самой долине Дона, так и в балках. Террасы балок при выходе в долину Дона сливаются с террасами долины, имея одинако-

вую с ними высоту и одинаковое геологическое строение. Прослеживается три надпойменных террасы, две из них являются аккумулятивными, третья — эрозионной (рис. 2). Преобладающее большинство верхнепалеолитических стоянок залегает в отложениях второй террасы, меньшая

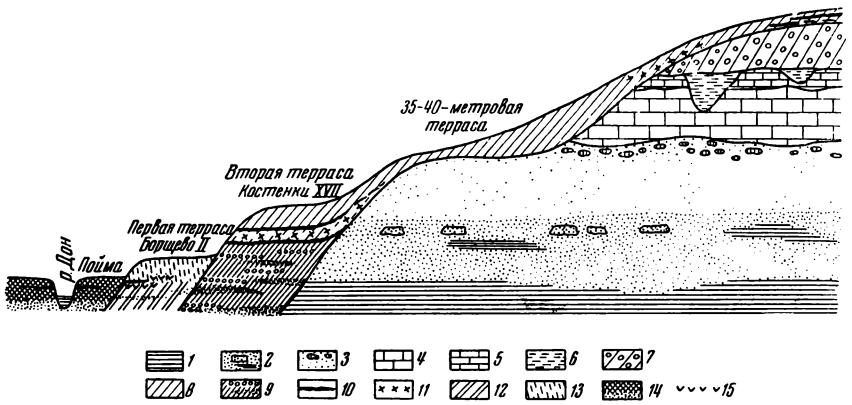


Рис. 2. Схема геологического строения правого склона долины р. Дона

1 — нижнемеловые глины ; *2* — нижнемеловые пески с прослоями глин и глыбами песчаника; *3* — сеноманские пески; *4* — писчий мел; *5* — мергель; *6* — ергенинские отложения; *7* — морена; *8* — надморенные лёссовидные суглинки; *9* — аллювиально-делювиальные отложения второй террасы; *10* — гумусированные толщи; *11* — вулканические пеплы; *12* — русловой аллювий первой террасы; *13* — пойменный аллювий первой террасы; *14* — пойменные отложения; *15* — культурные остатки

часть — в отложениях первой террасы, и лишь незначительная часть — на поверхности более высокой (35—40 *м*) эрозионной террасы. Все стоянки располагаются главным образом внутри балок и лишь отчасти в самой долине Дона (рис. 1). Стоянки, залегающие в отложениях второй

Таблица 1

Возрастные взаимоотношения между культурными слоями стоянок Костенковско-Боршевского района, залегающих в отложениях второй террасы

Основные горизонты второй террасы		Культурные слои стоянок
Верхняя свита	Верхняя часть лёссовидных суглинков	Костенки I (первый слой), Бирючий лог
	Средняя часть лёссовидных суглинков	Костенки I (второй слой), Тельманская стоянка (первый слой)
	Нижняя часть лёссовидных суглинков	Костенки I (третий слой)
Средняя свита	Верхняя гумусированная толща	Костенки I (четвертый слой), Сальковская стоянка (верхний слой), Квасовская стоянка (верхний слой), Маркина гора (второй слой), Костенки XVII (верхний слой), Тельманская стоянка (второй и третий слои), Стрелецкая стоянка II (верхний слой), Городцовская стоянка, Маркина гора (культурный слой с погребением)
	Отложения, разделяющие гумусированные толщи (суглинки, вулканические пеплы)	
	Нижняя гумусированная толща	Костенки I (пятый слой), Сальковская стоянка (нижний слой), Квасовская стоянка (нижний слой), Маркина гора (четвертый слой), Костенки XVII (нижний слой), Тельманская стоянка (четвертый слой), Стрелецкая стоянка II (нижний слой)

террасы, являются более древними по сравнению со стоянками первой террасы. Первые относятся к ориньяко-солютрейскому времени, последние — к мадлено-азильскому.

Вторая терраса сложена главным образом суглинистыми отложениями. Песчаный материал встречается только в нижней части толщи террасовых отложений. По генезису отложения второй террасы можно разделить на три свиты. Нижняя представлена аллювиальными отложениями, в состав которых входят глины, суглинки, прослойки песков и мелового галечника. Основными породами, из которых формировались эти отложения, являлись отложения нижнего и верхнего мела. Средняя свита по своему происхождению является аллювиально-делювиальной. В ее состав входят гумусированные толщи, вулканические пеплы и лёссовидные суглинки. Верхняя свита в пределах всего исследуемого района представлена однообразной толщей лёссовидных серо-коричневых суглинков, имеющих делювиальное происхождение.

В отложениях нижней свиты второй террасы культурных остатков не обнаружено. Они залегают в средней и верхней свитах. Наиболее древние культурные слои приурочены к гумусированным толщам, более молодые — к лёссовидным суглинкам.

Выдержанность указанных свит в пределах всего исследуемого района позволяет использовать их для стратиграфических целей, в частности для определения относительного возраста залегающих в них стоянок. Возрастные взаимоотношения между культурными слоями представлены в табл. 1.

Спорово-пыльцевые анализы образцов, взятых из отложений второй террасы, позволяют выяснить характер растительного покрова времени формирования этой террасы [1].

Наиболее полное представление дают результаты спорово-пыльцевых анализов образцов разреза стоянки Костенки I (рис. 3).

Просматривая спорово-пыльцевую диаграмму разреза этой стоянки, можно отметить, что начиная от основания аллювиальной толщи и до глубины 4,7 *м* в общем составе преобладает пыльца травянистых растений. На втором месте в большинстве случаев стоят споры, содержание которых иногда достигает 44% (образец № 22). Древесная пыльца, как правило, стоит на последнем месте. С глубины 4,7 *м* и выше содержание травянистой пыльцы в целом уменьшается, а древесной — увеличивается. Большое количество травянистой пыльцы в этой части разреза наблюдается лишь в образцах, взятых из культурных слоев (образцы №№ 3, 9, 17). Содержание спор здесь продолжает оставаться значительным.

Для состава древесной пыльцы характерным является постоянное присутствие пыльцы ели, сосны, берёзы, довольно часто — ольхи. Во многих образцах встречается также пыльца широколиственных пород (дуб, липа, вяз и др.). На протяжении всего разреза среди древесной пыльцы преобладает пыльца сосны, берёзы и ольхи, составляя соответственно 78, 65 и 36% общей суммы древесной пыльцы.

В значительных количествах встречается также пыльца ели. Количество ее увеличивается в верхней части разреза (в нижней части разреза она составляет около 5% от суммы древесной пыльцы, в образце № 9 достигает 65%). Обломки древесной ткани, а также угли ели, встречающиеся в гумусированных толщах и в некоторых очагах из культурных слоев, свидетельствуют о том, что ель занимала существенное место в составе растительности.

На протяжении всего разреза отмечается и пыльца орешника, максимальное содержание которой достигает 76% (образец № 13). Постоянное

---

[1] Выражаю глубокую благодарность М. П. Гричук, производившей спорово-пыльцевые анализы и определения древесных углей, и В. П. Гричуку, оказавшему помощь в интерпретации палеоботанических данных.

и значительное количество пыльцы орешника, которая не переносится на дальнее расстояние, также свидетельствует о том, что орешник произрастал в данном районе.

Вместе с пыльцой указанных древесных пород во всех образцах встречается значительное количество спор. Среди них преобладают споры зеленых мхов, особенно сфагновых мхов. В некоторых образцах содержание

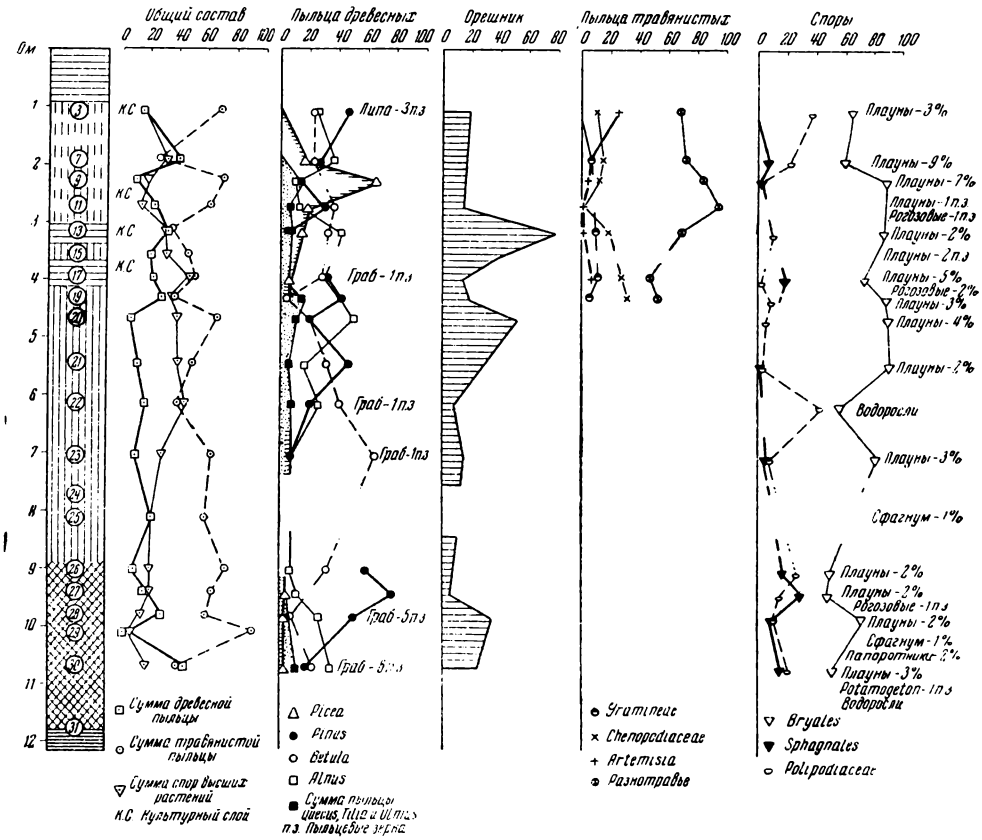


Рис. 3. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза стоянки Костенки I

их достигает 18—32% от суммы спор (образцы №№ 17, 26, 27, 30). Присутствие значительного количества спор сфагнового мха вместе с пыльцой указанных древесных пород говорит о несомненном существовании лесных массивов. Споры сфагнового мха совсем не встречаются в современных спорово-пыльцевых спектрах лесостепного типа [1].

Постоянно присутствуют и содержатся в значительном количестве споры папоротников (Polypodiaceae, Filicales и др.), которые также являются типичными представителями лесной растительности.

На наличие лесных массивов во время формирования рассматриваемых спорово-пыльцевых спектров указывает и постоянное присутствие спор плаунов (Lycopodium clavatum L. и L. annotinum L.), которые являются спутниками влажных и затененных, чаще всего еловых лесов.

Состав рассмотренной древесной пыльцы и спор с уверенностью позволяет говорить о том, что в период формирования рассматриваемых спорово-пыльцевых спектров в Костенковско-Боршевском районе существовали лесные массивы, в составе которых значительную роль играла ель.

[1] В. П. Гричук и Е. Д. Заклинская. Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. М., 1948.

Вместе с пыльцой указанных древесных пород и спорами почти во всех образцах встречается пыльца широколиственных пород: дуба, липы, вяза, а в некоторых — и граба. При этом пыльца трех первых пород в сумме иногда достигает 12—14%. Пыльца граба в верхних образцах не встречается. Она появляется лишь в образце № 17, и содержание ее увеличивается книзу. Так, в образцах №№ 22 и 23 количество ее достигает 7% от суммы пыльцы древесных. Если же учесть, что пыльцевая продуктивность широколиственных пород сравнительно невелика и что содержание их в спорово-пыльцевых спектрах бывает обычно меньше по сравнению с ролью их в растительных сообществах, то, надо полагать, эти широколиственные породы принимали существенное участие в растительном покрове в течение всего времени образования отложений второй террасы.

Пыльца липы, обнаруженная в образце № 19, относится не к Tilia cordata, а к Tilia platyphyllos, типичной для межледниковых эпох. Присутствие пыльцы Tilia platyphyllos и пыльцы граба указывает на довольно теплый и влажный климат.

Таким образом, состав древесной пыльцы и спор указывает на существование елово-сосновых лесов с примесью широколиственных пород. При этом участие в составе лесов хвойных пород было бóльшим в верхних частях разреза, нежели в нижних. Наличие пыльцы Tilia platyphyllos и граба, которые в современных лесах встречаются значительно западнее, позволяет утверждать, что состав этих лесов отличался от тех, которые ныне встречаются на долготе г. Воронежа, а климат был более влажным и мягким. По данным спорово-пыльцевых спектров, существование смешанных елово-грабовых лесов отмечено в различных местах Русской равнины (сс. Лесковичи, Семиходы, Самострельники, г. Плёс и др.), в отложениях днепровско-валдайской межледниковой эпохи, соответствующих концу фазы климатического оптимума [1]. (В указанных пунктах пыльца граба встречается в значительно бóльших количествах). Наличие в спорово-пыльцевых спектрах значительного количества пыльцы травянистых растений указывает на то, что внутри этих лесов (в частности по долине Дона) встречались участки, занятые травянистой растительностью.

В составе травянистой пыльцы (по данным разреза стоянки Костенки I) преобладает пыльца разнотравья, содержание которой в большинстве образцов колеблется в пределах 70—90%. Кроме разнотравья, большой процент травянистой пыльцы падает на пыльцу лебедовых. Почти во всех образцах она встречается группами, причем иногда пыльца недоразвита. Особенно относится это к спектрам в нижней части разреза, начиная с глубины 4,7 *м*. (Эта особенность пыльцы лебедовых вносит существенные искажения в спорово-пыльцевые спектры и не позволяет выявить процентные соотношения внутри травянистой пыльцы). Обнаружена также пыльца злаков, осоковых, вересковых, а также пыльца водных и болотных растений (рогозовые, рдестовые, зеленые водоросли).

В отношении травянистой пыльцы удалось заметить, что количество ее увеличивается в тех горизонтах верхней части разреза, которые содержат культурные остатки. Так, в образцах №№ 3, 9, 17, взятых из культурных слоев, количество травянистой пыльцы соответственно составляет 69, 71 и 51%, в связи с чем на спорово-пыльцевой диаграмме (рис. 3) отмечаются три выступа кривой содержания травянистой пыльцы. За счет увеличения количества травянистой пыльцы в этих образцах соответственно уменьшается процент древесной пыльцы.

Возможно, этим объясняется явное преобладание травянистой пыльцы в спорово-пыльцевых спектрах образцов, проанализированных М. Н. Грищенко [2], так как все они были взяты из отложений, содержащих культурные остатки. (Кроме того, во всех этих образцах было обнаружено не-

[1] В. П. Гричук. Растительность Русской равнины в нижне- и среднечетвертичное время. Тр. Ин-та географии АН СССР, т. XLVI, вып. 3. М., 1950.

[2] М. Н. Грищенко. Ук. соч.

большое количество пыльцы, что затрудняет использование их для характеристики растительности того времени).

Увеличение количественного состава травянистой пыльцы в образцах из культурных отложений, несомненно, связано с воздействием человеческих поселений на состав окружающей растительности. Увеличение травянистой пыльцы происходит в результате повышенного содержания по сравнению с выше и ниже лежащими горизонтами пыльцы разнотравья,

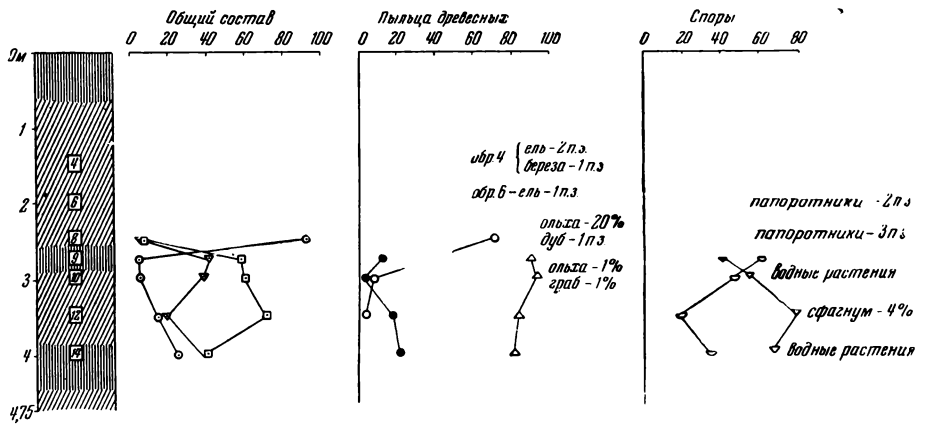


Рис. 4. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза Городцовской стоянки

а также лебедовых и полыней. Эти растения, присутствующие в качестве сорняков около современных населенных пунктов, видимо, и в древности встречались в большем количестве вблизи поселений. На наличие сорняков (куколя, белой мари, посевного василька, лебеды, посевного костра и др.) около поселений человека каменного века указывал В. В. Алехин [1].

Одной из причин увеличенного содержания травянистой пыльцы в спектрах разреза Костенок I, по-видимому, является также изрежённость лесного массива полянами и опушками. Увеличенное содержание травянистой пыльцы в современных пробах, взятых в пределах южной части лесной зоны, отмечается рядом исследователей [2].

Данные спорово-пыльцевых анализов позволяют говорить об изменении характера лесов за верхнепалеолитический период. Так, пыльца граба, изредка встречающаяся в отложениях, содержащих наиболее древние культурные слои (Костенки I, пятый слой; Городцовская стоянка), в верхних слоях отсутствует. Вместе с уменьшением пыльцы широколиственных пород в этой верхней части разреза значительно увеличивается содержание пыльцы ели, которая достигает 60—80% от суммы древесной пыльцы [3]. Смешанные леса с примесью граба в это время сменяются елово-сосновыми лесами с примесью дуба, липы, вяза. Такая смена характера лесов свидетельствует об изменении климатических условий в сторону некоторого похолодания. Однако присутствие в составе лесов широколиственных пород указывает, что климатические условия продолжали оставаться благоприятными и характерными для межледниковой эпохи.

---

[1] В. В. Алехин. География растений. М., 1950.

[2] Р. В. Федорова. Количественные закономерности в распространении ветром пыльцы дуба. Тр. Ин-та географии АН СССР, т. XLVI, вып. 3; Е. Д. Заклинская. Материалы к изучению состава современной растительности и ее спорово-пыльцевых спектров для целей биостратиграфии четвертичных отложений (широколиственный и смешанный лес). Тр. Ин-та геологич. наук, геол. сер., вып. 127, № 48, М., 1956.

[3] В самых верхних образцах, взятых из верхнего культурного слоя Костенок I, пыльца ели не встречена, что, возможно, связано с уменьшением количества ели в составе растительности и увеличением роли сосны, так как содержание пыльцы последней здесь увеличивается до 46%.

Спорово-пыльцевые анализы образцов из разреза Городцовской стоянки, культурные остатки которой залегают в отложениях верхней части второй террасы, в целом показали сходные результаты (рис. 4). Для общего состава характерно значительное преобладание древесной пыльцы над травянистой и значительный процент спор, что указывает на лесной тип спектра. Среди древесной пыльцы преобладает пыльца ели, содержание которой колеблется от 80 до 92%. Содержание пыльцы сосны небольшое (максимум до 20%), берёзы еще меньше (5%). Пыльца дуба встречена только в одном образце. Заслуживает упоминания пыльца граба, встреченная в образце № 10 на уровне культурного слоя стоянки. Вместе с пыльцой древесных пород в спорово-пыльцевых спектрах отмечается значительное количество спор, среди которых преобладают споры зеленых мхов. Постоянно отмечаются и споры папоротников, достигающие 40—60% от суммы спор, а в образце № 12 обнаружены споры сфагнового мха.

Сходные с описанными спорово-пыльцевые спектры были получены при анализе образцов, содержащих культурные остатки Тельманской стоянки, расположенной в аналогичных геолого-геоморфологических условиях.

Вывод о наличии лесного ландшафта во время жизни верхнепалеолитического человека в Костенковско-Боршевском районе подтверждается и анализом древесных углей. Они были собраны в отложениях, содержащих культурные слои стоянок, и определены В. Е. Москалевой и М. П. Гричук. В приводимой таблице 2 указаны древесные и кустарниковые породы, угли которых были собраны непосредственно из культурных слоев.

Таблица 2

Растения, определенные по углям

Название древесных пород	Стоянки			
	Костенки I (пятый слой)	Костенки I (третий слой)	Гущинская	Стрелецкая II
Ель (Picea sp.)	++*	++*	++*	++*
Берёза (Betula sp.)			3*	
Ива (Salix sp.)			2*	
Дуб (Quercus sp.)		12	6*	
Липа (Tilia sp.)			1*	
Боярышник (Crataegus sp.)	+		?1*	
Калина (?Viburnum sp.)			1*	
Черёмуха (Padus sp.) или слива (Prunus sp.)			1*	
Хвойные		18	++*	
Рассеяннососудистые	7	2	3*	++*
Другие лиственные			4*	+*

Примечание. *— определения М. П. Гричук; цифры — количество определенных обломков; + — присутствует; ++ — много.

Среди собранных углей преобладают угли ели и других хвойных. Соотношение между углями лиственных и хвойных пород равняется приблизительно 1 : 100. Такое соотношение хорошо подтверждает данные спорово-пыльцевых анализов, которые показывают, что в отложениях, содержащих культурные остатки, в составе древесной пыльцы явное преобладание имеет пыльца ели. Вместе с углями ели встречается много углей других хвойных пород (ближе не определенных), а также угли березы и ивы, дуба, липы, боярышника, черемухи или сливы и калины. Последние обычны в составе подлеска и в современных смешанных и широколиственных лесах.

Таким образом, древесные породы, определенные по углям, целиком подтверждают и уточняют данную нами характеристику растительности времени обитания верхнепалеолитического человека, основанную на результатах спорово-пыльцевых анализов.

Выводы, основанные на палеоботанических данных, подтверждаются и анализом фауны млекопитающих, остатки которой найдены в культурных слоях стоянок.

Фауна млекопитающих, хотя и представлена довольно большим списком видов (табл. 3), вероятно, все-таки не отражает полностью того состава, который был в природном фаунистическом комплексе в рассматриваемый отрезок времени. В этом убеждает нас тот факт, что в результате дополнительных сборов почти ежегодно в культурных слоях обнаруживаются костные остатки новых видов животных. Так, до недавнего времени из культурных слоев второй террасы не были известны костные остатки бизона, благородного оленя, сайги, кабана, россомахи и некоторых других животных. Отсутствие же остатков указанных животных в значительной степени влияло на те выводы о физико-географических условиях, которые делались по находкам фауны.

Из табл. 3 видно, что фауна млекопитающих, представленная материалом разновозрастных стоянок, не испытала существенных изменений видового состава в исследуемую эпоху. Следует, однако, указать на отсутствие в верхнем горизонте стоянки Боршево II костей мамонта, который, по мнению В. И. Громова [1], к этому времени вымирает.

Как наиболее древние, так и более молодые комплексы фауны сходны между собой [2] и состоят из видов, современные аналоги которых обитают в различных ландшафтных зонах («смешение», обычное для верхнепалеолитической фауны).

Все фаунистические сборы в пределах исследуемого района сделаны из культурных слоев стоянок. Это необходимо иметь в виду, ибо фауна стоянок не является адекватным отражением природного фаунистического комплекса. Так как фауна стоянок является результатом охоты, то некоторые животные (в силу, например, трудности охоты на них) могут отсутствовать в ней, хотя в природном комплексе они были. Особенно это относится к нестадным животным, таким, как рысь, медведь, россомаха и т. д. Количественные соотношения костных остатков различных видов животных, находимых на стоянках, также не отражают количественных соотношений между животными в природном фаунистическом комплексе. Поэтому при анализе фауны, находимой в культурных слоях стоянок, в целях выяснения физико-географических условий следует прежде всего учитывать видовой состав.

Наиболее древний фаунистический комплекс представлен в культурных слоях стоянок Костенки I (пятый слой), Тельманской (четвертый слой) и Стрелецкой II, залегающих в нижней гумусированной толще (табл. 3). Костные остатки этой фауны определены Н. К. Верещагиным. Относятся они главным образом к стоянке Стрелецкая II. Здесь вместе с мамонтом и шерстистым носорогом, находки которых известны из большинства верхнепалеолитических стоянок, отмечаются костные остатки волка, зайца, водяной крысы (ныне распространенных на очень большой территории и встречающихся в различных ландшафтных зонах).

На присутствие лесного ландшафта в рассматриваемом районе указывают находки костных остатков благородного оленя, который ныне распространен главным образом в смешанных и широколиственных лесах. Бык, Bison aut Bos, зубр, известные из этого комплекса фауны, являются животными, которые, видимо, обитали как в лесных, так и в открытых (луговых и степных) ландшафтах; однако некоторые исследователи считают их лесными животными. Далеко на север ныне они не

---

[1] В. И. Громов. Ук соч., стр. 15.

[2] В связи с тем, что фауна многих стоянок представлена небольшим количеством видов, мы в дальнейшем находки животных из различных, но одновременных или близких по времени стоянок рассматриваем вместе, как единый фаунистический комплекс. Это дает возможность полнее выяснить особенности фауны для различных отрезков времени, а также и проследить их изменения.

Таблица 3

Фауна, находимая в стоянках Костенковско-Боршевского района (по В. И. Громову, Вере Громовой, В. В. Карачаровскому, Н. К. Верещагину, В. Е. Гарутту)

Виды животных	Культурные слои стоянок														
	Костенки I (пятый слой)	Костенки I (четвертый слой)	Костенки I (третий слой)	Костенки I (первый слой)	Тельманская (четвертый слой)	Тельманская (второй и третий слои)	Тельманская (первый слой)	Стрелецкая II	Городцовская	Боршево I	Костенки IV	Костенки II	Костенки III	Боршево II (нижний и средн. гориз.)	Боршево II (верхн. гориз.)
Мамонт (Elephas primigenius Blum.)	+	5	4	++	11	5	145/3	+	+	++	324/9	++	++	+	
Шерстистый носорог (Rhinoceros antiquitatis Blum.)					1	12		+		0	2/2				
Лошадь (Equus caballus s. l.)	1	9	49	++	5	10	18	+	+	++	318/8	+	+	++	593/8
Бык (Bos sp.)	3						3				4/1			0	4/1
Bison aut Bos.	1					1		+							
Бизон (Bison)								+	+						
Овцебык (Ovibos moschatus Zimm.)				+											
Благородный олень (Cervus elaphus L.)		2	2	+				+	+	+	3/1		+		
Гигантский олень (Megaloceros euryceros hiberniae Owen.)									+						
Лось (Alces machlis L.)															7/1
Северный олень (Rangifer tarandus L.)			69	0		1	7/1	+		+	73/6			+	41/4
Сайга (Saiga tatarica L.)	+					10					9/2				
cf. Saiga tatarica L.						2									
Кабан (Sus scrofa L.)						2									
Пещерный лев (Felis spelaea Goldf.)				+			7/1				53/4	+	+		
Рысь (Lynx lynx L.)										+					
Россомаха (Gulo gulo L.)			15								1/1			+	
Бурый медведь (Ursus arctos L.)				0							3/2				
Лисица (Vulpes sp.)			6	+		16								+	+
Vulpes cf. corsac L.			8	35		16									
Песец (Alopex lagopus L.)		1	205	+			30/6	+	+		8/4		++		
Волк (Canis lupus L.)			3	++		30	302/5	+	+	+	129/9	+?	++	+	52/2
Canis cf. lupus.			8												
Canis sp.			4	16			8/1			+				+	
Куница каменная (Martes foina Erxl.)										+					

Продолжение таблицы 3

Виды животных	Культурные слои стоянок														
	Костенки I (пятый слой)	Костенки I (четвертый слой)	Костенки I (третий слой)	Костенки I (первый слой)	Тельманская (четвертый слой)	Тельманская (второй и третий слои)	Тельманская (первый слой)	Стрелецкая II	Городцовская	Боршево I	Костенки IV	Костенки II	Костенки III	Боршево II (нижний и средн. гориз.)	Боршево II (верхн. гориз.)
Выдра (Lutra lutra L.)				0											
Заяц (Lepus sp.)			32	28		48	78/7	+	+		3338/90	+	+	++	29/2
Сурок (Marmota bobac Müll.)				+							2/1				
Слепыш (Spalax microphthalmus Guel.)			8	1		13	++				1/1				
Тушканчик большой (Allactaga jaculus Pall.)			5												
Суслик европейский (Citellus citellus L.)			5												
Суслик рыжеватый (Citellus rufescens Keys et Blas.)				+							31/4				
Суслик малый (Citellus pygmaeus Pall.)						8									
Бобр (Castor fiber L.)						1			+		1/1				
Хомяк (Cricetus cricetus L.)			6	9		3									
Водяная крыса (Arvicola amphibius L.)			1			1	+	+							
Полевка (Microtus sp.)						11					85/13				
Слепушенка (Ellobius talpinus Pall.)				+											
Птицы (Aves)				7		15			31						
Земноводные (Amphibiae)						2									
Змея (Ophidiae)						1 скелет									
Щука												+			

Примечание. + — присутствует; ++ — много; цифры — количество обломков костей; в дроби: числитель — количество обломков костей, знаменатель — число особей; 0 — мало.

заходят. Находки костных остатков этих форм могут служить показателями сравнительно мягких климатических условий.

Многочисленные исторические данные свидетельствуют о том, что лошадь, известная как животное открытых пространств, тем не менее водилась в течение нескольких веков и в лесных областях [1]. Установлено, что лошади, обитающие в сухих степях с твердым грунтом, обладают тонкими конечностями и узкими копытами. Лошади, костные остатки которых находят в значительной части верхнепалеолитических стоянок, имеют «максимально для лошади массивные кости конечностей (особенно метаподии и фаланги) и широкие копыта» [2]. Вера Громова считает, что в связи с изменениями условий обитания (наличие мягкой влажной почвы и влажного климата) возникли, а может быть, мигрировали из других областей лошади, приспособленные к этим изменившимся условиям. Другие данные об экологии верхнепалеолитических лошадей до сих пор отсутствуют.

Находки костей северного оленя, ныне широко распространенного в тайге и в тундре, а в недавнее время встречавшегося зимой и в смешанных лесах, могут служить подтверждением наличия лесного ландшафта, если этому не противоречат другие данные как по фауне, так и по флоре.

Наличие костей песца — единственного животного, современной областью обитания которого является главным образом тундра,— также, мне кажется, не может указывать на наличие суровых климатических условий. Остатки песца, найденные вместе с костными остатками многих животных, которые ныне обитают значительно южнее, заставляют сделать предположение о том, что в прошлом песец был более широко распространен в иных ландшафтных условиях. К тому же следует иметь в виду способность песца к значительным сезонным кочевкам.

В нижнем культурном слое Костенок I найдены кости сайги. Основной областью обитания этого животного ныне являются главным образом полупустынные и пустынные пространства и лишь изредка степи. Однако совсем недавно сайга была распространена значительно шире и иногда встречалась в лесных участках зоны лесостепи.

Указанными видами исчерпывается список животных, остатки которых найдены в культурных слоях из нижней гумусированной толщи. Учитывая бедный видовой состав этой фауны и то, что большинство животных ныне встречается в различных ландшафтных зонах, делать заключения о физико-географических условиях (основываясь только на фауне) затруднительно. Можно говорить лишь о том, что климатические условия в рассматриваемое время, очевидно, не были суровыми, так как, помимо широко распространенных животных, здесь отмечается преобладающее большинство видов, современные представители которых обитают в средней и южной полосе СССР. Вместе с этим можно говорить, что рассматриваемая фауна вполне могла обитать в смешанных хвойно-широколиственных лесах, внутри которых встречались луговые пространства и поляны. Таким образом, ландшафтные условия, о которых свидетельствуют результаты спорово-пыльцевых анализов и находки древесного угля, подтверждаются и фаунистическими данными.

Костные остатки животных, собранные из культурных слоев, залегающих в более молодых отложениях второй террасы, принадлежат значительно большему количеству видов, среди которых встречаются и все виды рассмотренного комплекса.

Для более полной характеристики этой фауны нами составлены приводимые ниже таблицы (табл. 4 и 5), в которых дается характеристика

---

[1] С. В. Кириков. Исторические изменения животного мира нашей страны в XIII—XIX веках. Изв. АН СССР, сер. геогр., № 6, М., 1952, стр. 17.

[2] В. И. Громова. Что может дать изучение остатков лошадей для суждения о физико-географических условиях прошлого. Тр. Ин-та географии АН СССР, вып. XXXVII, М., 1946, стр. 363.

животных как с точки зрения ландшафтных условий, в которых они могли обитать, так и с учетом климатической обстановки. Такая характеристика в очень сильной степени затрудняется слабой выясненностью экологии ископаемых животных, поэтому для большинства видов она дается на основании экологии современных животных.

Из табл. 4 видно, что из 20 видов животных [1], представленных в рассматриваемом комплексе, семь видов являются широко распространенными, восемь — южными, три — видами умеренных широт и только два вида (песец и северный олень) — северными. Однако северный олень встречается не только на севере, но и в более южных областях, вплоть до широколиственных лесов, поэтому к северным формам можно отнести, строго говоря, только одного песца. Если эти соотношения выразить в процентах, то на долю песца падает только 5%, а на умеренные и южные формы (исключая северного оленя) — 55%. Широко распространенные формы составляют 35%. Такие соотношения не дают оснований для выводов о наличии в это время суровых климатических условий.

Таблица 4

Экологическая и географическая характеристика фауны, находимой в культурных слоях из верхней гумусированной толщи (Костенки I, четвертый слой; Тельманская стоянка, второй и третий слои; Городцовская стоянка)

Виды	Тундра	Лес	Степь	Тундра и лес	Лес и степь	Широко распространенные виды	Северные виды	Умеренные виды	Южные виды	Широко распространенные виды
Мамонт						+				+
Шерстистый носорог						+				+
Лошадь					+				+	
Бизон					+				+	
Бизон или бык					+				+	
Благородный олень					+				+	
Гигантский олень		+						+		
Северный олень				+			+			
Сайга			+						+	
Кабан					+				+	
Волк						+				+
Лисица						+				+
Песец	+						+			
Заяц						+				+
Бобр		+						+		
Слепыш					+				+	
Хомяк					+			+		
Суслик			+						+	
Водяная крыса						+				+
Полевка						+				+
Число видов	1	2	2	1	7	7	2	3	8	7
Число процентов	5	10	10	5	35	35	10	15	40	35

Примечание. + — присутствует.

Характерными для лесных ассоциаций в составе этой фауны являются благородный олень, кабан и бобр. Современные представители двух первых видов часто встречаются в смешанных и широколиственных лесах. Хотя кабан встречается и в таежной зоне, он для нее не характерен. В лесостепной и степной зонах кабан всегда обитает в лесах или в приречных зарослях. Бобр обитает в реках и озерах, окруженных лесами, и встречается в районах с различным климатом. «Основной ареал этого

[1] Определения видов произведены Н. К. Верещагиным.

Таблица 5

Экологическая и географическая характеристика фауны, находимой в культурных слоях из верхней части лёссовидных суглинков второй террасы (Костенки I, первый слой; Тельманская стоянка, первый слой; Боршево I)

Виды	Тундра	Лес	Степь	Тундра и лес	Лес и степь	Широко распространенные виды	Северные виды	Умеренные виды	Южные виды	Широко распространенные виды
Мамонт						+				+
Шерстистый носорог						+				+
Лошадь					+				+	
Бык					+			+		
Благородный олень					+				+	
Северный олень				+			+			
Овцебык	+						+			
Лисица (Vulpes sp.)						+				+
Лисица (Vulpes cf. corsac L.)			+						+	
Волк						+				+
Куница каменная		+						+		
Песец	+						+			
Рысь		+						+		
Медведь бурый		+						+		
Заяц						+				+
Слепыш					+				+	
Хомяк					+			+		
Суслик рыжеватый			+*						+	
Слепушенка			+*						+	
Выдра						+				+
Сурок			+*						+	
Водяная крыса						+				+
Число видов .	2	3	4	1	5	7	3	5	7	7
Число процентов	9	13,5	18,5	4,5	22,5	32	13,5	22,5	32	32

Примечание. *—встречается ныне и в лесостепи; + — присутствует.

животного соответствует области широколиственного леса, и в южной полосе он живет лишь по берегам рек...» [1].

К животным, которые могли обитать в лесной зоне, надо отнести и гигантского оленя, находки которого пока известны только из одной (Городцовской) стоянки (определение Н. К. Верещагина).

Среди форм, характерных для леса и открытых степных пространств, в составе рассматриваемой фауны отмечаются бизон, Bison aut Bos, лошадь и хомяк. Последний ныне широко распространен и в лесной зоне. В европейской части СССР северная граница его ареала проходит через гг. Ровно, Гомель, Ярославль, Горький, Киров [2].

Из степных животных в культурных слоях верхней гумусированной толщи встречены сайга, слепыш и суслик (Citellus pygmaeus Pall.). Слепыша Б. А. Кузнецов [3] относит и к обитателям лесостепи. Ф. Н. Мильков указывает, что слепыш был «обнаружен С. И. Огневым в Шиповом лесу..., а С. П. Шустровым — на лесных полянах и в лесах Савальского лесничества.... В бывшей Пензенской губернии слепыш найден И. И. Спрыгиным на лесных полянах и опушках леса...» [4].

В списке фауны, остатки которой найдены в третьем культурном слое Костенок I, залегающем немного выше верхней гумусированной толщи,

[1] Н. А. Бобринский. География животных. М., 1951, стр. 258.
[2] И. Г. Пидопличко. О ледниковом периоде, вып. II, Киев, 1951, стр. 80.
[3] Б. А. Кузнецов. Очерки зоогеографического районирования СССР. М., 1950.
[4] Ф. Н. Мильков. Лесостепь Русской равнины. М., 1950, стр. 154.

в целом отмечаются одни и те же виды (табл. 3). Это позволяет говорить о том, что никаких существенных изменений в ландшафтных и климатических условиях за это время не произошло. Вместе с этим из третьего культурного слоя Костенок I известны находки костных остатков росомахи, ныне обитающей почти исключительно в тайге, но совсем недавно встречавшейся и в смешанных лесах.

Вместо малого суслика здесь встречен суслик европейский (Citellus citellus L.) и большой тушканчик, которые ныне встречаются и в лесостепной зоне.

Таким образом, для фауны и этого культурного слоя характерным является преобладание животных, связанных с лесными массивами.

Никаких существенных изменений не наблюдается и в более поздних фаунистических комплексах стоянок второй террасы (табл. 5).

Среди животных, которые ныне встречаются в тундре, здесь встречены костные остатки песца и овцебыка. В отношении остатков последнего надо сказать, что они известны до сих пор только из верхнего культурного слоя Костенок I и представлены двумя черепами. Кроме черепов, никаких костных остатков этого животного не встречено. Интересно, что в некоторых других стоянках — Бугорок (бассейн р. Десны), Виллендорф (Австрия) — остатки овцебыка представлены тоже только черепами. Это, может быть, свидетельствует о том, что мускусный овцебык не входил в состав природного фаунистического комплекса, а черепа его приносились человеком из других районов и имели ритуальное значение. О том, что верхнепалеолитический человек мог совершать большие переходы, говорят находки просверленных раковин морских моллюсков в ряде стоянок, в том числе и в Костенках I (третий слой).

Каменная куница ныне на Русской равнине обитает в лесостепной части Украины в широколиственных лесах. Бурый медведь и рысь широко распространены во всей лесной области Европы и являются характерными для лесной фауны. Вместе с ними встречаются и костные остатки благородного оленя.

Северного оленя, быка, лошадь, хомяка, а также представителей всех широко распространенных видов, указанных в табл. 5 (учитывая присутствие других лесных животных, а также растительные остатки, свидетельствующие о лесных ландшафтах), можно считать в составе рассматриваемой фауны обитателями леса.

Среди животных открытых пространств только лисица (Vulpes cf. corsac L.) может считаться типичным степным представителем, ибо современная Vulpes corsac L. обитает лишь в степях и пустынях. Однако этот вид в настоящее время в европейской части СССР встречается редко и является вымирающим [1]. Другие степные животные (суслик рыжеватый, сурок) и ныне встречаются в пределах лесостепной зоны.

Таким образом, животные, которые ныне обычны в зоне лесов или в ней обитали до своего вымирания, составляют 72,5% от общего видового состава фауны. Тундровые животные составляют по числу видов только 9%. Если же не считать, что мускусный овцебык входил в природный фаунистический комплекс, то и эта цифра уменьшится до 4,5%. Животные открытых степных пространств, преобладающее большинство которых встречается и в лесостепи, составляют 18,5%. К северным животным относятся только песец, овцебык и северный олень, все остальные встречаются лишь в средних и южных широтах Советского Союза. Такое соотношение между видами животных позволяет определенно говорить о явном преобладании в рассматриваемом районе лесных массивов, причем таких, в которых обитали довольно теплолюбивые животные.

Заканчивая рассмотрение фауны млекопитающих, представленной в культурных слоях второй террасы, надо отметить, что, начиная с самых

[1] Б. С. Виноградов. Млекопитающие. Животный мир СССР, т. 3. М., 1950.

Таблица 6

Список видов наземных и пресноводных моллюсков из отложений второй террасы и отложений, синхронных верхним слоям второй террасы (определены П. В. Матекиным)

Виды моллюсков	Места взятия проб								
	Костенки I (нижняя гумусир. толща)	Костенки I (верхняя гумусир. толща)	Сальковская стоянка (верхн. гумусир. толща)	стоянка Аносов лог (верхн. гумусир. толща)	Тельманская стоянка (нижн. гумусир. толща)	Тельманская стоянка (между гумусир. толщами)	Гущинская стоянка (культурный слой)	стоянка Сеняев лог (нижн. гумусир. толща)	Стрелецкая стоянка II (культурн. слой)
Succinea putris L.					5	2	5	2	
Succinea elegans R.					5			4	
Succinea oblonga Drap.	5	30	30	1	30	5	35	9	1
Cochlicopa lubrica Müll.								1	
Vertigo alpestris Ald.				+					
Vertigo parcendentata S. (?)				+					
Pupilla muscorum typ. Müll.	30	50	30	30	15		10	25	
Pupilla muscorum var. pulula Mat.				3					
Pupilla sterri Voith.					7		5		
Pupilla cupa Jan.		6	3	5					
Vallonia pulchella Müll.	4		+		15				
Vallonia costata Müll.	11			40				13	
Vallonia tenuilabris Ab. Br.	1	6			8		5	11	
Goniodiscus ruderatus Stud.							2		
Fruticicola fruticum									1
Helicella striata Müll.	25							33	10
Trichia hispida L.					67	4		11	
Planorbis planorbis							1		
Limnaea truncatula					2				
Bathyomphalus							2		

Примечание. Цифры — количество экземпляров; + — присутствует.

древних слоев и до самых молодых, фаунистические комплексы не претерпевают сколько-нибудь заметных изменений. Постоянство видового состава фауны не позволяет говорить о существенных изменениях как в климатических, так и в ландшафтных условиях в течение этого времени, что в полной мере согласуется и с флористическими данными. Присутствие вместе с животными, которые ныне широко распространены и встречаются в различных ландшафтах, таких типичных представителей леса, как благородный олень, кабан, бурый медведь, росомаха, бобр, и некоторых других свидетельствует о преобладании в рассматриваемом районе лесной растительности. Наличие внутри лесных массивов открытых пространств, занятых луговой травянистой растительностью, создавало благоприятные условия для обитания здесь же ныне степных и лесостепных животных. Присутствие в составе фауны сайги, видимо, объясняется заходами ее в некоторые сезоны года из более южных районов.

Интересные данные о природных условиях рассматриваемого времени дают и наземные моллюски, собранные из нижней и верхней гумусированных толщ (табл. 6). Определение моллюсков было произведено П. В. Матекиным, за что автор выражает ему свою глубокую признательность.

Как видно из таблицы, моллюски представлены главным образом наземными формами. Большинство видов широко распространено в пре-

делах Европы и Азии и обитает в различных экологических условиях. Однако уточнение географического распространения и мест обитания наземных моллюсков, найденных в указанных отложениях, позволяет сделать некоторые вполне определенные выводы о физико-географических условиях.

Для моллюсков, собранных в нижней гумусированной толще, мы попытались составить таблицу, в которой знаком + указывается их географическое распространение (табл. 7). Поскольку более точные данные об ареалах моллюсков отсутствуют, за основу показа географического распространения нами взяты ландшафтные зоны. Из 11 видов, указанных в таблице, пять являются широко распространенными и встречаются от тундры вплоть до степей, а также в горных районах. Основными местами обитания этих видов являются влажные участки — долины рек, влажные луга, мох, лиственная подстилка и т. п.

Succinea oblonga Drap.— также широко распространенный вид, но в тундре он не встречается. Vallonia tenuilabris A. Br. ныне в СССР обитает в Сибири, в горных областях Средней Азии, в бассейне Амура, а в европейской части также в бассейнах рек Северной Двины и Онеги [1]. В позднечетвертичное время этот вид был широко распространен на Украине, в Белоруссии, в Германии. Succinea elegans R. встречается лишь южнее 55° с. ш. П. В. Матекин сообщил нам, что ископаемые находки

Таблица 7

Виды наземных моллюсков из нижней гумусированной толщи и приуроченность их к ландшафтным зонам

Виды моллюсков	Тундра	Тайга	Смешанные и широколиственные леса	Степи
Succinea putris L.	+	+	+	+
Succinea elegans R.			+	+
Succinea oblonga Drap.		+	+	+
Cochlicopa lubrica Müll.	+	+	+	+
Pupilla muscorum typ. Müll.	+	+	+	+
Vallonia costata Müll.	+	+	+	+
Vallonia pulchella Müll.	+	+	+	+
Vallonia tenuilabris A. Br.		+	+	
Fruticicola fruticum			+	
Helicella striata Müll.			+	+
Trichia hispida L.			+	

этого вида также не известны севернее 55° с. ш. Если для Vallonia tenuilabris A. Br. основным фактором, влияющим на географическое распространение, является влажность, то для Succinea elegans R.— температура. Ныне указанный вид в пределах СССР обитает главным образом в смешанных и широколиственных лесах европейской части СССР. Типичными представителями этих лесов являются и Fruticicola fruticum и Trichia hispida L. При этом последний вид в Тельманской стоянке представлен 67 экземплярами из общего числа 154, а в Сеняевом логу — 11 из 109 экземпляров. Trichia hispida L. ныне встречается на севере вплоть до Ленинградской области включительно, а на востоке — до Казани и Молотова [2]. Из всех видов наземных моллюсков, встреченных в нижней

[1] И. В. Даниловский. Значение раковин наземных и пресноводных четвертичных моллюсков для стратиграфии верхней половины четвертичной эпохи. Изв. Всесоюзного географического об-ва, т. 73, вып. 3, М., 1941; И. М. Лихарев и Е. С. Раммельмейер. Наземные моллюски фауны СССР. М., 1952.

[2] И. М. Лихарев и Е. С. Раммельмейер. Ук. соч.

гумусированной толще, наиболее ксерофильным является Helicella striata Müll., которая ныне распространена в западных (правобережных) районах Украины и в Молдавии, а также в Западной и Средней Европе. Основными местообитаниями ее является сухой луг, а также каменистые места. В смешанных лесах встречается в наиболее сухих участках.

Таким образом, все виды моллюсков, собранные в нижней гумусированной толще, встречаются только в смешанных и широколиственных лесах. В тундре обитают лишь широко распространенные виды, а в тайге и в степях (помимо широко распространенных) встречаются по два вида, которые характерны и для смешанных лесов.

Такой комплекс моллюсков вполне определенно свидетельствует о лесных ландшафтах и подтверждает выводы, сделанные при анализе флоры и фауны млекопитающих.

В сборах из отложений, разделяющих гумусированные толщи, встречено только три вида наземных моллюсков (Succinea putris L., Succinea oblonga Drap., Trichia hispida L.). Два первых из них являются широко распространенными, а последний обитает в смешанных и широколиственных лесах.

Фауна моллюсков из верхней гумусированной толщи представлена главным образом широко распространенными видами, большинство из которых встречается и в рассмотренном комплексе.

Таким образом, приведенные нами данные по флоре, фауне млекопитающих и фауне моллюсков не дают никаких оснований для выводов о суровых климатических условиях, сопутствовавших верхнепалеолитическому человеку в пределах Костенковско-Боршевского района. Анализ этих данных позволяет говорить о сравнительно мягких климатических условиях.

Спорово-пыльцевые анализы, производившиеся для отложений, в которых залегают культурные остатки стоянок первой террасы, относящиеся к мадлено-азильскому времени, показали почти полное отсутствие пыльцы и спор. Отложения первой террасы Дона, которые залегают ниже этих культурных слоев (у южного хутора с. Боршево), дали результаты, показанные в табл. 8.

По общему составу спорово-пыльцевых спектров разрез первой террасы можно довольно определенно разделить на две части: нижнюю (образцы №№ 7—15), в спектрах которой преобладают пыльца древесных и споры, и верхнюю , где явное преобладание имеет пыльца травянистых растений (образцы №№ 1, 3).

В составе древесной пыльцы во всех образцах из нижней части первой террасы преобладает пыльца сосны (до 94—100%). Вместе с ней во всех образцах (кроме образца № 15) присутствует пыльца ели, а в двух образцах встречена пыльца пихты (?), березы и орешника.

Вместе с пыльцой указанных древесных пород во всех спектрах встречается значительное количество спор, среди которых явное преобладание имеют споры плаунов. Споры плаунов, а также значительное количество (до 11—13%) спор папоротников и сфагнового мха характерны для лесной растительности.

Пыльца широколиственных пород не была встречена ни в одном образце.

Для состава травянистой пыльцы характерно значительное преобладание пыльцы разнотравья.

Иной характер имеют спорово-пыльцевые спектры из верхней части разбираемого разреза (образцы №№ 1, 3,). Здесь пыльца травянистых растений достигает 64 и 89% от общего состава. Древесная пыльца представлена небольшим количеством пыльцы сосны, берёзы, ольхи, орешника и липы (в образце № 3). Среди небольшого количества спор, встреченных в этих образцах, преобладают споры зеленых мхов, имеющих широкое распространение.

Таблица 8

Результаты спорово-пыльцевых анализов образцов из разреза первой надпойменной террасы Дона (Южный хутор с. Боршево)

№№ образцов		1	3	5	7	9	11	13	15
Глубина (в метрах)		6	6,4	6,7	6,9	7,1	7,3	7,5	7,
Общий состав пыльцы и спор	Пыльца древесных пород	24%	6%	4*	47%	17%	19%	18%	26%
	Пыльца травянистых растений и кустарников	64%	89%		16%	14%	8%	21%	10%
	Споры	12%	5%	6*	37%	69%	73%	61	64%
Пыльца древесных пород	Пихта (Abies)						1*?		
	Ель (Picea)				1*	1*	2*	4%	
	Сосна (Pinus)		3*	3*	13*	5*	6*	94%	100%
	Береза (Betula)	3*	1*			1*			
	Ольха (Alnus)	1*	1*						
	Липа (Tilia)	1*							
	Орешник (Corylus)	1*	4*	1*	1*				
Пыльца травянистых растений и кустарников	Полынь (Artemisia)	1*	3%				2*		
	Злаковые (Gramineae)						1*	2%	
	Лебедовые (Chenopodiaceae)		49%		1*	2*		12%	2*
	Кермек (Statice)		2%						
	Зонтичные (Umbeliferae)		1%					2%	
	Сложноцветные (Compositae)	4*	7%		1*				1*
	Гвоздичные (Caryophyllae)					3*		5%	3*
	Вьюнковые (Convolvulaceae)				1*				
	Гречишные (Polygonaceae)							10%	1*
	Гераниевые (Geraniaceae)							2%	
	Неопределенные	11*	38%		2*	2*	1*	65%	7*
Состав спор	Зеленые мхи (Bryales)	2*	6*	3*		42%	24%	35%	42%
	Сфагновые мхи (Sphagnales)						9%	11%	13%
	Многоножковые папоротники (Polypodiaceae)	1*			2*	3%	9%	11%	3%
	Плауновые (Lycopodiaceae)		1*	3*	10*	55%	58%	43%	42%
	Pediastrum	1*							
Количество сосчитанных зерен		26	149	10	32	48	47	203	137

Примечание. * — число пыльцевых зерен.

Для состава травянистой пыльцы характерно значительное (до 49%) содержание пыльцы лебедовых и небольшое количество пыльцы полыней. Пыльца разнотравья представлена в этих образцах значительно беднее. Заслуживает упоминания наличие пыльцы кермека (образец № 3), который характерен для открытых и засушливых районов.

Общий состав спорово-пыльцевых спектров, а также состав пыльцы и спор внутри отдельных компонентов в образцах из верхней части разреза первой террасы Дона свидетельствует об изменении характера растительности. Если во время формирования спорово-пыльцевых спектров нижней части рассматриваемого разреза существовали елово-сосновые леса, то в период аккумуляции верхней части отложений значительное развитие имели открытые степные пространства. В это время лес, видимо, сменяется, лесостепью, в которой среди древесных пород преобладала берёза.

Отрезок времени, соответствующий периоду аккумуляции отложений первой террасы, до сих пор остается не охарактеризованным в палеонтологическом отношении.

О физико-географических условиях времени, соответствующего окончанию аккумуляции отложений первой террасы и образованию на них мадлено-азильских культурных слоев, можно судить по находкам костных остатков млекопитающих, собранных в культурных слоях стоянок, а также по редким находкам остатков растительности и по фауне моллюсков, встречающейся довольно часто в этих отложениях.

Фауна млекопитающих, находимая в стоянках первой террасы, представлена тем же «смешанным» комплексом, который характерен и для рассмотренных нами стоянок второй террасы (табл. 3). Некоторые изменения в видовом составе фауны млекопитающих отмечаются лишь в самом молодом (азильском) культурном слое верхнего горизонта стоянки Боршево II (отсутствие костных остатков мамонта, наличие остатков лося).

Более полно изучена фауна стоянки Костенки IV(табл. 3). Изучалась она В. В. Карачаровским при консультации В. И. Громовой. Здесь наиболее характерны животные, обитающие в лесных массивах (благородный олень, росомаха, бурый медведь и бобр). Степные животные представлены костными остатками сайги, сурка, суслика рыжеватого и слепушенки.

Фауна стоянок Костенки II, Костенки III представлена небольшим количеством видов и ничем существенно не отличается от рассмотренной фауны Костенок IV.

Сходство фауны стоянок первой террасы позволяет говорить об одинаковых ландшафтных и климатических условиях в течение этого времени.

В гумусированной прослойке в районе стоянки Боршево II (верхний горизонт) были найдены угольки ели, лиственницы, а также осины или ивы.

Фауна беспозвоночных, собранная из отложений верхней части первой террасы, представленная наземными и пресноводными моллюсками, состоит главным образом из широко распространенных видов. Однако и здесь встречаются виды (Succinea elegans R. и Trichia hispida L.), которые далеко на севере не обитают. Присутствие в составе фауны пресноводных моллюсков свидетельствует о том, что первая терраса во время жизни на ней верхнепалеолитического человека заливалась полыми водами.

Из сказанного видно, что и фаунистические и флористические данные из стоянок мадлено-азильского времени свидетельствуют о наличии в Костенковско-Боршевском районе лесных массивов, в которых значительную роль играли хвойные, но присутствовали и лиственные породы.

Итак, в ориньяко-солютрейское время в Костенковско-Боршевском районе были развиты смешанные хвойные и широколиственные леса. В древнейший период (нижние слои стоянок Костенки I, Тельманская, Стрелецкая II и др.) в составе лесов принимали участие такие породы, как граб, свидетельствующие о более мягком и влажном климате, чем существующие ныне в зоне смешанных лесов на этой долготе. Во время образования гумусированных толщ и лёссовидных суглинков, их покрывающих, в составе лесов увеличивается роль хвойных (особенно ели). Последнее отмечается как данными спорово-пыльцевых анализов, так и значительным преобладанием на стоянках углей хвойных пород (главным образом ели) над лиственными. В самой же верхней части лёссовидных суглинков (разрезы стоянок Костенки I, Тельманская) наблюдается уменьшение ели, в результате чего среди хвойных преобладание получает сосна. Однако степень облесенности остается приблизительно одинаковой в течение всего периода аккумуляции отложений второй террасы. Значитель-

ный процент травянистой пыльцы свидетельствует о том, что в лесах были луговые участки (в пойме Дона, а может быть, и на водоразделах).

Анализ фауны млекопитающих и моллюсков подтверждает наличие здесь лесных массивов.

Анализ палеонтологического материала из отложений первой террасы Дона показывает, что в начальный период ее формирования также существовали лесные ландшафты. В составе лесов господствующее положение занимали хвойные, а среди них —сосна. Широколиственные породы отсутствовали. Позже лесные ландшафты, видимо, под влиянием общих климатических изменений, сменяются лесостепными. Во время обитания человека мадлено-азильского времени, остатки которого залегают в верхней части отложений этой террасы, лесостепные ландшафты вновь сменяются лесными.

И. Р. СЕЛИМХАНОВ

О ХИМИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ДРЕВНИХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ РАСКОПОК НА ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

Одним из методов изучения вопросов истории материальной культуры народов является исследование металлических сплавов, обнаруженных во время археологических раскопок.

Это исследование производится на основании изучения химического состава металлических сплавов, из которых в древнее время изготовлялись орудия труда, предметы быта и предметы ритуального назначения, оружие и др. В фондах археологических учреждений республики имеется большое количество предметов, найденных при раскопках, в том числе медных и бронзовых изделий. Химическое исследование этих предметов может разрешить много неясных вопросов историко-технологического характера и дать материал для дальнейшего научного анализа.

Необходимо прежде всего произвести химические анализы этих предметов и на основании полученных данных определить характер самого сплава, применявшегося в ту или иную эпоху. Наличие тех или иных микроэлементов в сплавах при сопоставлении с рудными анализами минералов дает возможность выяснить характер руд, примененных для выплавки металлов и установить месторождения, которые разрабатывались с этой целью в древности.

Химическими анализами древних сплавов занимались как в XVIII, так и в XIX в. [1]. Однако аналитическая химия еще не имела достаточно совершенной методики для качественного и количественного определения весьма малых составных частей металлических сплавов (так называемых микроэлементов). Количественные определения в то время ограничивались установлением процентного содержания макроэлементов и, главным образом, олова для бронзовых сплавов, так как этому металлу придавалось наибольшее значение в вопросах изучения археологических сплавов.

Значительное количество анализов кавказских медных и бронзовых изделий произвел в тридцатых годах XX в. А. А. Иессен. В работе, посвященной вопросам истории древней металлургии Кавказа, опубликованной в 1935 г. [2], он приводит результаты химических анализов 142 металлических предметов из определенных мест Кавказа (в том числе и Закавказья), выполненных различными исследователями.

Однако в заключении своей работы А. А. Иессен справедливо отмечает, что для решения поставленных им задач эти анализы не смогли сыграть свою роль.

Согласно А. А. Иессену, для выяснения характера металлического сплава необходимо иметь количественное определение всех элементов,

---

[1] В. В. Данилевский. Историко-технологическое исследование бронзовых и золотых изделий с Кавказа и Северного Урала. Известия ГАИМК, вып. 110. М.— Л., 1935, стр. 215. Fr. Göbel. Über den Einfluss der Chemie auf die Ermittelung der Völker der Vorzeit. Erlangen, 1842, стр. 23

[2] А. А. Иессен и Б. Е. Деген-Ковалевский. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Известия ГАИМК, вып. 120, М.— Л., 1935, стр. 210—233

представленных более или менее значительным процентом содержания. Одновременно он считает, что сумма этих определений не должна спускаться ниже 99%.

С этим последним доводом нельзя согласиться безоговорочно. Довольно часто металлический предмет в результате длительного пребывания в неблагоприятной среде, например, в почве с повышенной засоленностью, подвергается сильной коррозии, что резко повышает содержание в нем кислорода и двуокиси углерода. Даже в совершенно не тронутом коррозией медном сплаве присутствуют элементы, которые обычно при анализе не определяются, так как не имеют значения в диагностических вопросах (например, кремний, магний, барий, кальций, кислород, водород и др.). Ясно, что при этом сумма определенных составных частей не всегда будет достигать 99%, что имеет место в анализах некоторых предметов. Кроме того, археологические сплавы из меди, как правило, имеют повышенное содержание кислорода.

Таким образом, правильность произведенного химического анализа не всегда доказывается тем, что сумма определенных элементов составляет от 99 до100%.

Для определения использованных при выплавке металла руд необходимо выявление всех характерных элементов в изучаемом сплаве, так как только при этом можно получить данные, сопоставление которых с химическими анализами руд из различных месторождений позволит подойти к определению типа руды и в некоторых случаях — района ее добычи.

В отношении микроэлементов прежде всего необходимо установить, какие из них обычно присутствуют в медных сплавах и каково их значение для установления характера руд.

Согласно полученным нами данным химических и спектральных анализов медных и бронзовых предметов из азербайджанских раскопок, в них возможно присутствие следующих элементов в виде примесей: олова, свинца, цинка, мышьяка, сурьмы, серебра, золота, висмута, кобальта, железа, ванадия, вольфрама, молибдена и др. Кроме того, в них присутствуют такие не имеющие диагностического значения элементы, как кремний, кальций, магний, барий, алюминий и др.

До 1941 г. химическими анализами древних металлических предметов специально занимался Институт исторической технологии в Ленинграде, который с 1929 г. по 1941 г. произвел большую серию анализов.

В работу А. А. Иессена [1] включены анализы, произведенные этим Институтом еще в 1929—1931 гг. Однако, по мнению самого автора, они являются далеко несовершенными.

По нашему мнению, для глубокого исследования историко-технологических вопросов необходимо прежде всего спектрально-химическое изучение состава металлических сплавов, что дает возможность судить о наличии характерных микро- и макроэлементов в сплаве. В дальнейшем, на основании расшифрованной спектрограммы, мокрым химическим методом определяется содержание макроэлементов в сплаве.

Производство химического анализа древних бронз является очень кропотливым делом еще и в связи с тем, что в стремлении сохранить археологический предмет от повреждений приходится ограничиваться очень малыми навесками [2] образцов для исследования. Даже при хорошем состоянии предмета навеска для химического анализа не превышает 0,2—0,3 *г*.

Очень часто среди металлической стружки, высверливаемой из предмета для определения, попадается окисленный материал. Поэтому прежде всего необходимо тщательно просматривать высверленную бором стружку металла и очищать ее от заметных для глаза загрязнений.

---

[1] А. А. Иессен, Б. Е. Деген-Ковалевский. Ук. соч., стр. 211.

[2] Навеска — точно отвешенное количество вещества для химической реакции или химического анализа.

Согласно методике, рекомендованной В. Виттером [1], для анализа берется стружка только отобранного чистого металла.

Действительно, невооруженным глазом можно иногда отобрать стружку с характерным металлическим блеском и цветом. Однако при большом содержании олова в металле стружка при высверливании бором имеет не всегда характерный медно-металлический вид; здесь возможны ошибки. Кроме того, возникает вопрос: не меняется ли соотношение примесей в зависимости от величины стружки?

Для характеристики состава стружки в зависимости от ее крупности мы произвели анализ крупной, средней и мелкой стружки одного и того же археологического изделия. (Анализ производился только на основные компоненты археологической бронзы).

Результаты этого анализа мы приводим в таблице 1.

Таблица 1

Результаты химического анализа навесок из струже азличной крупности одного и того же предмета

Характеристика сткужки	Процентное содержание элементов			
	Медь	Олово	Свинец	Сумма
Крупная	91,77	3,06	2,01	96,84
Средняя	90,89	2,30	2,05	95,24
Мелкая	88,51	2,72	2,55	93,78

Примечание. Анализ произведен на три элемента, составляющих основу исследованного сплава.

Из приведенной таблицы следует, что при отборе стружки мы получили несколько отклоняющиеся от среднего результата данные. Очевидно, приходится учитывать содержание кислорода в мелкой стружке. Таким образом, вряд ли может быть рекомендован метод отбора стружки, если, конечно, предполагается получение данных химического анализа, близких к средним.

Общие замечания к методике химического мокрого анализа древних медных и бронзовых сплавов

В работе «О химической характеристике некоторых бронзовых предметов из кувшинных погребений древнего Мингечаура» [2], посвященной исследованию бронзовых браслетов, дается краткий критический обзор некоторых химических анализов археологических предметов из Азербайджана.

Одним из недостатков этих анализов, отмечаемых в работе, является то, что в них производились определения только элементов с большим содержанием; элементы с малым содержанием или вовсе не определялись, или же отмечалось их отсутствие в сплавах (в последнем, однако, приходится сомневаться). Возьмем, например, опубликованные в 1908 г. данные В. А. Скиндера [3], подвергавшего анализу четыре предмета из раскопок в Азербайджане. На его методике определения олова [4] мы бы хотели остановиться более подробно. Согласно описанию, количественно оно определяется обработкой навески сплава азотной кислотой при нагревании. Образующаяся при этом метаоловянная кислота отфильтровывается, промывается, прокаливается в фарфоровом тигле и после ох-

---

[1] W. Witter. Die älteste Erzgewinnung im nordisch-germanischen Lebenskreis, т. I. Leipzig, 1938, стр. 113.

[2] См. М. А. Кашкай и И. Р. Селимханов. О химической характеристике некоторых бронзовых предметов из кувшинных погребений древнего Мингечаура. Изв. АН Аз. ССР, Баку, 1954, № 11, стр. 21.

[3] В. А. Скиндер. Химическое исследование древних бронз из раскопок в Елисаветпольской губернии. Известия Академии наук. СПб., 1908, стр. 209, 214.

[4] Его же. Химико-физическое исследование древних бронз из раскопок Лалаянца 1906 г. на ю.-з. берегу озера Гокчи. Известия Кавказского музея, т. III. Тифлис, 1907, стр. 28.

лаждения в эксикаторе взвешивается. Полученный вес осадка принимается за двуокись олова.

В. А. Скиндер считал, что вместе с оловом осаждается только сурьма, а мышьяк полностью остается в растворе. Однако в действительности значительное количество мышьяка осаждается вместе с оловом, и его определение производить необходимо. (Данные определения мышьяка отсутствуют во всех анализах В. А. Скиндера).

Разбирая методы определения олова в бронзах, М. Л. Мосс [1] особое внимание уделяет работам Ж. Бессона [2], посвященным изучению количественного осаждения олова в виде метаоловянной кислоты. Согласно исследованиям последнего, весовое определение олова в виде SnO_2 с последующей отгонкой его в виде йодида является прекрасным методом для количественного его определения. Олово рассчитывается по разности в весах тиглей с прокаленной метаоловянной кислотой и с остатком после отгонки оловянного осадка с йодистым аммонием. Прокаливание осадка с NH_4J можно производить как в платиновом, так и в фарфоровом тиглях. Прокаливание в платиновом тигле дает возможность сплавить остаток с бисульфатом натрия и затем присоединить его к основному раствору. Захваченная оловянным осадком сурьма также отгоняется в виде йодида и поэтому должна быть определена отдельно.

По исследованиям Ж. Бессона, погрешность при определении олова в бронзах в виде SnO_2 без отгонки с йодидом аммония составляет + 5,0%. Для уточнения вопроса о том, какие элементы захватываются с осадком олова при растворении навески сплава в азотной кислоте, нами был спектрально исследован прокаленный осадок метаоловянной кислоты (табл. 2).

Одновременно для сравнения приводятся результаты спектрального анализа сплава № 20.

Таблица 2

Результаты сравнительного спектрального анализа археологической бронзы и выделенной из нее двуокиси олова

Объект анализа	Процентное содержание элементов													
	Cu	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Bi	Ni	Co	Fe	Al	Ca	Mg	Sn
Сплав № 20	Основное содержание	~1,0	0,12	0,14	0,06	+	0,007	0,15	+	+	+	+	+	много
Прокаленная двуокись олова из полученного раствора навески № 20	+	нет	нет	~1,0	~1,0	+	0,02	нет	нет	+	+	+	+	много

Примечание. Знак + означает общее присутствие элемента

Как видно из данных таблицы, оловянным осадком, помимо сурьмы, захватываются ощутимые количества мышьяка, который, находясь в состоянии пятиокиси, не удаляется из осадка даже при высокой температуре прокаливания, поэтому с его присутствием приходится считаться.

Такие элементы, как свинец, никель, кобальт, оловянным осадком не захватываются.

Таким образом, в случае больших содержаний мышьяка и олова в бронзе действительное содержание олова будет значительно меньше.

[1] M. L. Moss. Nonferrous metallurgie. Analytical chemistry, т. 27, № 4, ч. II, U. S. A., 1953, стр. 616.

[2] I. Besson. Avec la collaboration technique de R. Budenz. Journal chimie analytique; т. 34, France, 1952, стр. 163.

В этом случае, по нашему мнению, целесообразно производить количественное определение олова, хотя бы спектральным методом.

Осадок прокаленной двуокиси олова содержит также незначительные количества меди, железа, висмута, магния, кремния, кальция и алюминия.

Таким образом, устанавливается некоторая погрешность, допущенная В. А. Скиндером при количественном определении олова, и особенно в отношении мышьяка и сурьмы в исследованных им азербайджанских бронзах. Вместе с тем в его анализах совершенно отсутствуют такие характерные элементы для археологических медно-бронзовых предметов из Азербайджана, как кобальт, никель и серебро.

Произведенное им же весовое химическое определение очень малых количеств олова вызывает сомнение. В этих случаях целесообразнее пользоваться спектральным методом анализа [1].

В 1954 г. А. В. Королев [2] опубликовал результаты анализов трех предметов из Азербайджана, относящихся ко II тысячелетию до н. э. Эти анализы приводятся нами в таблице 3.

Таблица 3

Предмет	Процентное содержание элементов												
	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Fe	Сумма
Кинжал, найденный в с. Сеидкенд	98,50	0,35	0,45	нет	—	—	нет	—	—	—	—	0,20	99,50
Кинжал, найденный в Кызылванкском могильнике	99,60	0,27	—	—	—	—	—	—	—	—	—	следы	99,87
Браслет, найденный в Кызылванкском могильнике	98,60	0,27	—	1,65	—	—	—	—	—	—	—	—	100,52

Примечание. Знак — означает, что данный элемент не определялся.

Из данной таблицы можно заключить, что ряд элементов, обычно присутствующих в медных и бронзовых предметах из Азербайджана, совершенно не определялся. Ошибочным является также негативный результат анализа на серебро в кинжале из с. Сеидкенд.

Согласно нашим исследованиям, серебро содержится во всех древних медных сплавах из Азербайджана. Кроме того, в них очень часто встречается значительное количество мышьяка, что установлено нами для большой серии предметов на основании спектрально-химического анализа.

Таким образом, результаты проведенного А. В. Королевым анализа трех предметов вследствие своей неполноты могут быть использованы для последующих историко-технологических исследований лишь в весьма ограниченных пределах.

В 1954 г. М. Г. Ахмедли, А. Баширов и И. Мамедов опубликовали небольшую статью о химическом исследовании древних бронз из мингечаурских раскопок [3].

[1] М. А. Ривкина. Спектральный метод определения олова в рудах. Заводская лаборатория, 1955, № 4, стр. 459.

[2] А. В. Королев. О ранней культуре обработки металлов в России. Труды по истории техники, вып. VII (Материалы Первого совещания по истории техники). М., 1954, стр. 33.

[3] М. Г. Ахмедли, А. Баширов и И. Мамедов. Химическое исследование древних бронз, найденных в мингечаурских раскопках. Тр. Азербайджанского Гос. университета им. С. М. Кирова, серия химическая, вып. III. Баку, 1954, стр. 12—17.

Авторы произвели 27 химических анализов медных и бронзовых предметов из мингечаурских раскопок и из находок в Казахском районе Азербайджанской ССР.

Ссылаясь на результаты этих анализов и на более ранние работы В. А. Скиндера [1] авторы рассматриваемой нами работы утверждают, что содержание олова в азербайджанских археологических бронзах находится в пределах 0,58—28%. Эти цифры вызывают большое сомнение.

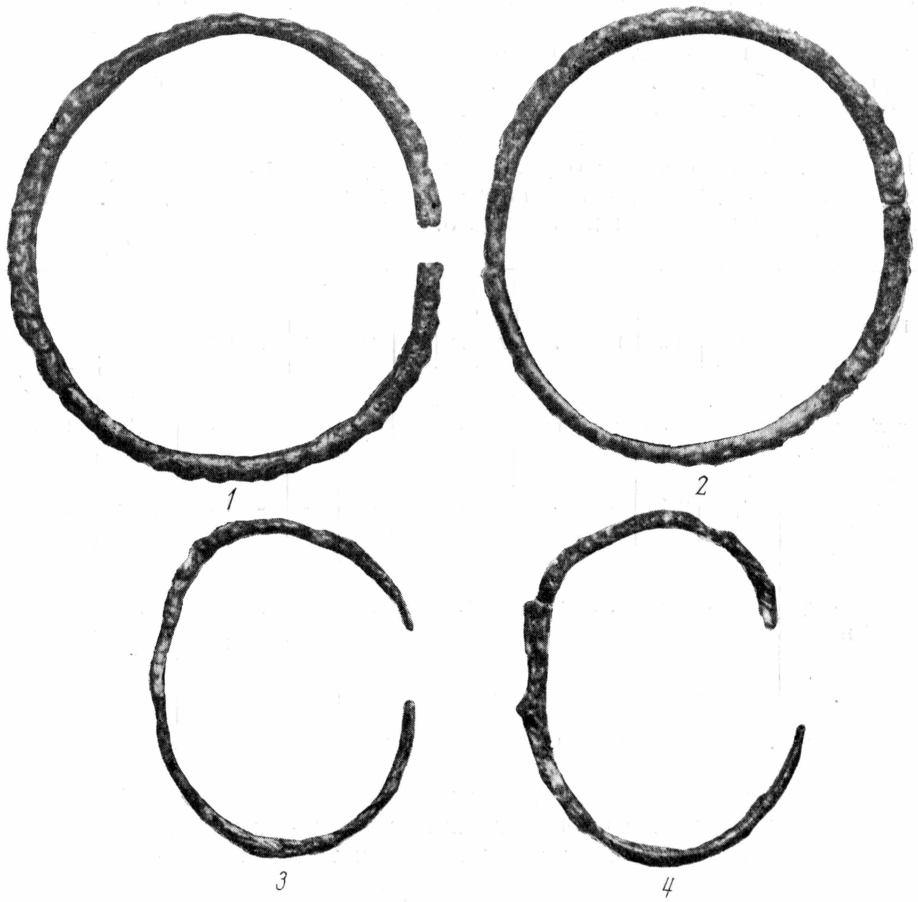


Рис. 1. Четыре бронзовых браслета из Мингечаура, подвергнутых контрольному анализу

В работе В. А. Скиндера приводятся результаты химического анализа шести предметов, из которых четыре найдены в б. Елисаветпольской губернии; эти же данные анализов используются и в работе А. А. Иессена [2]. Просматривая их, мы видим, что максимальное содержание олова в анализированных предметах составляет всего 10,29%, а не 28% (подвергалась анализу шпилька с лопаточкой).

Среди большого количества местных древних сплавов, проанализированных в Лаборатории археологической технологии Института истории АН Азербайджанской ССР, мы не нашли объектов с содержанием олова выше 18%.

Авторы указывают, что в результате анализов браслетов из погребения № 41 (инв. 770) в Мингечауре установлено наличие в них олова в размере 25,16 и 26,09%.

[1] В. А. Скиндер. Химико-физическое исследование древних бронз.., стр. 10.
[2] А. А. Иессен и Б. Е. Деген-Ковалевский. Ук. соч., стр. 226.

Оба эти браслета вместе с двумя другими (рис. 1) были нами подвергнуты контрольному химическому и спектральному анализам. В таблице 4 приведены результаты произведенных М. Г. Ахмедли и др. и проверенных нами анализов четырех браслетов.

При сопоставлении результатов анализа прежде всего бросается в глаза разница в содержании меди, олова и свинца. Авторы коллективной работы определили присутствие только двух элементов — меди и олова. Свинец, цинк, железо, никель не определены ими даже в следах. Пользуясь такой чувствительной методикой определения элементов, как микроанализ, авторы тем не менее не обратили внимания на содержание мышьяка и других элементов, характерных для меди, выплавленной из азербайджанских медно-колчеданных руд.

Внешний вид этих браслетов показывает, что они были совершенно окислены и, таким образом, содержание кислорода в них должно быть повышенным. Как видим, сумма определенных металлов в составе сплава при исключении кислорода никак не могла бы быть близкой к 100%.

Надо предполагать, что авторы определяли олово обычным классическим методом, т. е. обработкой навески сплава азотной кислотой. Очевидно, они приняли весь образовавшийся при этом осадок за метаоловянную кислоту, не обработав ее после прокаливания по прописи, рекомендуемой А. М. Дымовым [1]. Согласно рецептуре последнего, после прокаливания и взвешивания оловянного осадка его смешивают с небольшим количеством йодистого аммония и затем при температуре до 450—500° все олово отгоняют в виде йодида. Остаток после отгонки нагреванием дает представление о загрязнениях в двуокиси олова.

Применив этот метод, авторы получили бы, несомненно, более реальные данные содержания олова во всех предметах, в особенности в двух браслетах с инвентарным номером 770. Не будем говорить о небольших погрешностях в количественном определении отдельных элементов при анализе археологической бронзы; они почти неизбежны, и некоторые колебания в положительную или отрицательную сторону не могут повлиять на общий результат химического исследования и на выводы научного анализа. Например, в работе Г. Отто и В. Виттера [2], посвященной исследованию металлических сплавов из Средней Европы, авторы для определения состава применили метод количественного спектрального анализа, имеющего обычно погрешность в определении около ±10%.

Однако значительная погрешность, допускаемая при определении процентного содержания олова, может привести историка к совершенно неправильным выводам (например, об обеспеченности данного района в древнее время оловом). Заметим, что месторождения олова во всем Закавказье никогда не разрабатывались [3].

Согласно результатам химического анализа 27 предметов, проделанного М. Г. Ахмедли и др., эти предметы оказываются сплавленными из меди, олова и др. металлов 100%-й чистоты, что совершенно исключается. В древности металлургический процесс не мог быть настолько развитым, чтобы благодаря ему можно было получать цветные металлы такой высокой чистоты. Даже в настоящее время, при применении электролитического рафинирования, практически в промышленности это не достигается.

Например, согласно ГОСТ марки меди от M_1 до M_4, содержание Cu лежит в пределах от 99,00 до 99,90%. В числе примесей для этих марок рафинированной меди допускается содержание в пределах этих процентов —

---

[1] А. М. Дымов. Технический анализ руд и металлов. М., 1949, стр. 433.

[2] H. Otto u. W. Witter. Handbuch der Altesten vorgeschichtlichen Metallurgie in Mitteleuropa. Leipzig, 1952, стр. 38.

[3] М. А. Кашкай и И. Р. Селимханов. Ук. соч., стр. 33—34.

Таблица 4

Предмет	Метод анализа	Процентное содержание элементов											
		Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Сумма
Браслет (инв. № 770/1; Мингечаур; погреб. № 41, 1947 г., квадрат 52). Вес 41 *г*.	Спектральн.	+	+	+	0.05	+	0.05	+	+	нет	0.015	0.15	
	Химич.	65.76	6.45	1.95	—	0.29	—	—	—	—	—	—	74.45
	Химич.; определен М. Г. Ахмедли и др.	72.00	25.16	нет	нет	—	—	—	—	—	нет	—	97.16
Браслет (инв. № 770/2; Мингечаур; погреб. № 41, 1947 г., квадрат 52). Вес 36 *г*.	Спектральн.	+	+	+	0.10	+	0.04	+	+	нет	0,007	+	
	Химич.	62.83	7.24	1.65	—	0.23	—	—	—	—	—	—	71.95
	Химич.; определен М. Г. Ахмедли и др.	72.50	26.09	нет	нет	—	—	—	—	—	нет	—	98.59
Браслет (инв. № 2783/1; Мингечаур; погреб. № 66, квадрат 30). Вес 7,8 *г*.	Спектральн.	+	+	+	0.15	0.15	0.06	+	+	0.003	0.003	+	
	Химич.	79.28	11.42	0.30	—	—	—	—	—	—	—	—	91.00
	Химич.; определен М. Г. Ахмедли и др.	90.00	5.09	4.09	нет	—	—	—	—	—	следы	—	99.18
Браслет (инв. № 2783/2; Мингечаур; погреб. № 166, квадрат 30). Вес 5,8 *г*	Спектральн.	+	+	+	0.07	0.10	0,06	+	+	0.001	0.003	+	
	Химич.	86.94	8.02	0.33	—	следы	—	—	—	—	—	—	95.29
	Химич.; определен М. Г. Ахмедли и др.	90.50	4.68	3.39	нет	нет	—	—	—	—	следы	—	98.57

висмута, сурьмы, мышьяка, железа, никеля, свинца, олова, серы, кислорода, цинка и др.[1].

То же самое можно сказать и насчет олова, свинца и цинка, присутствие которых установлено и определено авторами указанной работы в отдельных предметах. Каждый из этих металлов, добавленный к меди, несомненно, имеет также свои сопровождающие элементы, как, например, мышьяк, сурьма и серебро, которые почему-то в данном случае отсутствуют в анализах авторов.

В работе имеются и другие неточности. Так, в анализе № 12 предмет состоит из сплава меди со свинцом без каких-либо примесей, причем сумма этих металлов равна 97,44% (табл. 4); фактически же после проверки выясняется, что сумма составляет всего лишь 93,45%. За счет каких элементов происходит недостача 6,55%, неизвестно.

* * *

Краткий критический обзор опубликованных результатов химических анализов предметов из древних медных сплавов показывает, что они в большинстве случаев неполноценны.

Анализы, выполненные в начале XX в. и позже без применения спектрального метода, не дают возможности объективно проконтролировать действительное содержание макро- и микроэлементов в сплаве.

Только при применении спектрального метода анализа можно избегнуть ошибок в макрохимическом анализе весьма малых навесок сплава, из которых были изготовлены исследуемые древние металлические предметы.

Спектральный анализ одновременно облегчает и проведение химического анализа, давая возможность выбрать наиболее пригодную и облегченную схему для общего хода количественных определений макроэлементов исследуемых сплавов. В этом отношении заслуживают внимания спектрально-химические анализы, выполненные Институтом исторической технологии в Ленинграде.

Исследование древних сплавов является весьма ответственным процессом, требующим от химика-исследователя большой практики и знания в области археологии, знакомства с литературой и производства систематического массового (с ограниченными культурными и хронологическими рамками) неслучайного исследования древних металлических сплавов с применением современных методов физического и физико-химического анализа.

---

[1] Берль-Лунге. Химико-технические методы исследования, т. II, ч. II, вып. 1, ГОСТ. М.—Л., 1938, стр. 393.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

К ИСТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ н. э.

1

Советские ученые уделяют большое внимание вопросам истории восточных славян, в частности славянского населения Среднего Поднепровья в I тысячелетии н. э. Исследование этих вопросов привело к созданию определенной концепции, согласно которой восточные славяне представляют собою автохтонное население лесостепной полосы Восточной Европы, развитие которого совершалось в основном по восходящей линии, завершившись около IX в. сложением классового общества и древнерусского государства.

Однако в последнее время наметилась тенденция со стороны отдельных исследователей подвергнуть эту концепцию пересмотру. Так, Г. Ф. Корзухина [1] делает попытку пересмотреть тезис о непрерывности культурно-исторического развития Среднего Поднепровья, утверждая наличие ряда разрывов, связанных с нашествиями кочевых племен (гуннов, аваров, хазар), приводившими якобы к полному истреблению или сгону с земли населения Среднего Поднепровья. Л. С. Клейн [2] подвергает пересмотру представление о земледельческих племенах лесостепной Скифии (скифы-пахари) как о предках славян. Он же высказывает ряд критических замечаний по поводу точки зрения о перерастании черняховской культуры в культуру Киевской Руси. В опубликованных в Ленинграде тезисах доклада М. И. Артамонова [3] последний, вопреки своим прежним взглядам, отрицает славянскую принадлежность черняховской культуры и вообще наличие славянского населения в лесостепной полосе Восточной Европы до VIII в.

От редакции. Редакция «Советской археологии» открывает на страницах своего журнала дискуссию о характере материальной культуры древних славян и о принадлежности славянам тех или иных археологических памятников.

Археологические материалы первого тысячелетия нашей эры еще недостаточно подробно и глубоко изучены, а письменные источники так лаконичны, что это порождает различные исторические толкования одних и тех же материалов разными исследователями.

Расширяя с каждым годом исследование археологических памятников древних славян и их многочисленных соседей, советские археологи должны внести как можно больше ясности и четкости в такие спорные вопросы, как хронология и типология древностей Восточной Европы и особенно сопоставление археологических культур с этническими наименованиями древних авторов.

Редакция обращается с просьбой к археологам, антропологам, историкам и лингвистам принять участие в разработке важной для всех славянской проблемы.

[1] Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. СА, XXII, 1955, стр. 61—82.

[2] Л. С. Клейн. Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции ИА АН УССР. СА, XXII, стр. 257—272.

[3] М. И. Артамонов. Славяне и Русь. Научная сессия ЛГУ 1955—1956 гг. (тезисы докладов по секции исторических наук). Л., 1956, стр. 3—6.

Известны выступления и других исследователей (И. И. Ляпушкина, М. А. Тихановой) в том же плане [1].

Пересмотр основных вопросов ранней истории славян, на мой взгляд, не является какой-то «новой» точкой зрения, «новым течением», а представляет собой возрождение очень старых взглядов, в свое время отвергнутых большинством советских исследователей. Так, М. И. Артамонов, отрицая славянскую принадлежность черняховской культуры, взамен не может предложить ничего лучшего, как возврат к старой готской теории, хотя утверждение о принадлежности этой культуры готам решительно опровергается фактическим материалом и давно оставлено советской наукой как несостоятельное и ненаучное.

Причины того положения, в котором сейчас оказалась разработка ранней истории славян, в значительной степени коренятся в состоянии источников, в недостаточной изученности конкретного археологического материала. Нужно, однако, заметить, что в действительности состояние источников по данной проблеме является не столь катастрофическим, как это кажется сторонникам «новой» концепции.

2

Основным районом, привлекающим внимание сторонников пересмотра существующей концепции исторического развития Восточной Европы, является Среднее Поднепровье. Подчеркивается, что выводы, которые содержатся в соответствующих выступлениях, касаются только Среднего Поднепровья и необязательны для других районов (Волыни, Верхнего и Среднего Поднестровья, Прикарпатья и др.). Между тем территория лесостепи на запад от Днепра представляла в I тысячелетии н. э. известное культурно-историческое единство, хотя и нарушавшееся в отдельных случаях в той или иной мере. Поэтому исследовать исторический процесс в Среднем Поднепровье, отвлекаясь от соседних районов, нельзя. Неудивительно, что принцип территориального ограничения на практике не выдерживается и так или иначе исследователи выходят за пределы Среднего Поднепровья, обращаясь к материалам соседних районов [2].

Исследуя развитие населения лесостепной полосы Восточной Европы в I тысячелетии н. э., следует напомнить, что принадлежность данной территории к числу восточнославянских земель до последнего времени считалась бесспорной.

Еще основоположником славистики П. Шафариком был дан принципиально верный ответ на вопрос о первоначальной территории обитания славянских племен. Подытоженный позднейшими исследователями (например, Л. Нидерле) колоссальный исторический, археологический, антропологический, этнографический материал обрисовывает первоначальную территорию славян в пределах Среднего и частично Верхнего Поднепровья, Волыни, Подолии, Северного Прикарпатья, Повисленья. Новейшие исследования подтверждают эту картину [3].

Развитие праславянской языковой общности осуществлялось в условиях непосредственного соприкосновения с балтийской, германской, финно-угорской, иранской, фракийской и кельтской языковыми группами [4].

Отсюда вытекает, что территория первоначального славянского заселения находилась между районами, занятыми в соответствующее время

---

[1] Обсуждение вопроса о генезисе феодализма в России и о возникновении древнерусского государства. ВИ, 1956, № 3, стр. 202—205.

[2] Среднее Поднепровье упоминается даже в заголовке приведенной выше статьи Г. Ф. Корзухиной, однако в этой статье в той или иной степени используется материал и Волыни, и Поднестровья, и Подонья, а также более южных районов степной полосы (Нижний Днепр).

[3] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 44—45.

[4] О. І. Попов. До найдавнішої історії слов'янства. Археологія, т. 9. Київ, 1954, стр. 54—66.

балтийскими племенами, германцами, фракийцами, иранцами, угро-финнами и кельтами. С балтийцами славяне могли соседить в области Немана и Повисленья, частично — Верхнего Поднепровья (бассейн р. Березины); с германцами — вдоль течения р. Эльбы; с кельтами — в области западной части Прикарпатья; с фракийцами — в области Среднего Поднестровья и, наконец, с угро-финнами в северо-восточной части своей ойкумены.

Наличие целого ряда бесспорно славянских имен в Подунавье, к югу от Главного Карпатского хребта, уже в начале нашей эры (Черна, Патиссус, Пельсо или Плесо, Быстриций, Берзовия, Грауа, Волка и ряд других [1]), свидетельствует о том, что территория славянских племен находилась где-то недалеко от указанной области и что уже на рубеже нашей эры имелось какое-то славянское население в самом Подунавье. Отсюда ясно, что гипотеза о фракийской принадлежности населения Подолии и Среднего Поднепровья [2] не соответствует реальной действительности. Против этой гипотезы свидетельствует и факт славяно-иранского языкового контакта, который мог осуществляться только в области Среднего Поднепровья [3].

В связи с этим некоторые исследователи совершенно закономерно ставят вопрос о наличии славянского населения в Среднем Поднепровье еще в скифское время и относят к числу славянских племен скифов-пахарей. Против как будто говорит факт отсутствия в славянских языках древнегреческих заимствований классического времени [4] (правда, не бесспорный, ибо существуют и противоположные мнения [5]). Но это отсутствие легко объясняется отсутствием непосредственного контакта между греками и населением Среднего Поднепровья, коль скоро между ними находился мощный пласт иранских племен [6].

Исследование топонимического материала подтверждает сделанные выводы. Славянские имена распространены по всей очерченной территории, в том числе и в районе Среднего Поднепровья, но наряду с ними имеются имена предположительно иранского и фракийского происхождения, сосредоточенные в южной и юго-восточной части данной территории; балтийские — на севере и северо-западе; угро-финские — на северо-востоке; в незначительном количестве — германские [7].

Данным лингвистики относительно первоначальной территории славяноязычных племен соответствуют данные палеоантропологии, археологии и, наконец, показания письменных источников. Исследования советских антропологов (Г. Ф. Дебец [8]) приводят к выводу относительно антропологической общности населения всей славянской территории, с одной стороны, а с другой — населения данной территории времени около рубежа нашей эры (население культуры полей погребений) и раннеславянскими племенами. Непрерывное развитие антропологического типа прослеживается в Среднем Поднепровье начиная от эпохи бронзы до раннего средневековья.

На рассматриваемой территории около рубежа нашей эры исследователи выделяют три археологические культуры: зарубинецкую, пшеворскую и липицкую,— в общем близкие друг другу. Липицкая культура отражает

---

[1] П. Шафарик. Славянские древности, т. I, кн. 1. М., 1848.

[2] М. И. Артамонов. Этнический состав населения Скифии. Доклады VI научн. конф. ИА АН УССР. Киев, 1953, стр. 169—196.

[3] А. И. Тереножкин. Некоторые актуальные вопросы скифоведения. Доклады VI научной конф. ИА АН УССР, стр. 140—154.

[4] О. І. Попов. Ук. соч., стр. 54—66.

[5] Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, М., 1953, стр. 331—337.

[6] Любопытно, что, отказываясь на основании отсутствия древнегреческих заимствований признать обитание славян в Среднем Поднепровье в VI—V вв. до н. э., А. И. Попов признает это для IV в. до н. э. Но ведь отсутствие языкового взаимодействия между племенами Среднего Поднепровья и греками в IV в. может быть объяснено теми же причинами, что и в VI—V вв. до н. э.

[7] T. Lehr-Splawiński. O pochodzieniu i praojczyźnie słowian. Poznań, 1946.

[8] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948.

по сравнению с двумя другими несколько более высокий уровень исторического развития (посуда изготовлялась здесь на гончарном круге) [1]. Древнеславянская принадлежность зарубинецкой культуры, занимающей Верхнее и частично Среднее Поднепровье, и пшеворской, охватывающей Повисленье и Волынь, единогласно признается исследователями. Относительно этнической принадлежности липицкой культуры, распространенной в Поднестровье, имеются две точки зрения: одни исследователи считают ее славянской [2], другие — фракийской. Дальнейшая судьба этой культуры должна, мне кажется, склонить чашу весов в пользу первой гипотезы [3].

Письменные источники впервые говорят о славянах как раз около рубежа нашей эры, причем помещают их именно на той территории, о которой идет речь. Не останавливаемся специально на сведениях о венедах, сообщаемых Плинием, Птолемеем и Тацитом, которые широко комментируются во всех исторических трудах, посвященных древним славянам. Эти сведения также отмечают территориальную близость славян с Прибалтикой, подтверждают пространственный контакт их с финнами, германцами и иранцами-сарматами, что дает уже основание для установления четырех важных реперов: Балтийское море, Эльба, Верхнее и Среднее Поднепровье. Нетрудно сопоставить эти сведения с археологическими материалами пшеворской и зарубинецкой культур. Это — северная часть славянских племен. Остается южная, сопоставляемая с липицкой культурой. Здесь чрезвычайно важными представляются сведения Птолемея о ставанах и суовенах, которые до сих пор еще не нашли того места в общей концепции ранней истории славян, которого они заслуживают.

О том, что оба эти имени являются испорченными формами имени «славяне», сказано уже давно [4]. Как известно, греческий язык не знает сочетаний «σλ» и требует постановки между ними «τ» или «κ» (откуда такие формы, как «στλαβινοι» или «σκλαβιυοι»). Этим легко объясняется появление термина «ставаны». Что касается суовенов, то здесь, по-видимому, имеет место искажение при записи на слух варианта имени «словене».

Упоминание о ставанах и суовенах приводится Птолемеем в разных частях его труда (первое при описании Европейской Сарматии, второе — Азиатской Скифии), что явно свидетельствует об использовании географом разных источников. Тем более важно совпадение сведений в обоих случаях. Ставаны, согласно Птолемею, живут ниже (т. е. южнее венедов) и вместе с галиндами и судинами занимают земли до алан [5]. «Ниже венедов» значит «ниже бассейна Вислы», т. е. в средней части Северного Прикарпатья. Таким образом, территория ставанов локализуется на северо-восток от Карпат: от Юго-Западной Польши до западной части Северного Причерноморья, где находились западные пределы алан. Суовены обозначены Птоломеем в обратном порядке: от алан до агатирсов и свевов [6]. Они занимают точно ту же территорию, что и ставаны (агатирсы локализуются в Северном Прикарпатье, свевы — юго западнее их, в Сред-

---

[1] Культурная близость липицкой культуры к зарубинецкой ярко проявляется в материалах Черепинского поселения под Львовом, раскапывающегося с 50-х годов XX в. (Материалы Института обществ. наук АН УССР).

[2] Вопрос об этнической принадлежности карпов и костобоков. Отношение их к другим этническим группам, имена костобокских царей и другие данные склоняют ряд исследователей к признанию их славянами (см. П. Шафарик. Ук. соч.; И. Е. Забелин. История русской жизни, т. I, М., 1876; А. Д. Удальцов. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. СЭ, 1946, № 2, стр. 41—50; Н. С. Державин. История Болгарии, т. I. М.— Л., 1945, стр. 68, сл.; О. В. Кудрявцев. Эллинские провинции Балканского полуострова во II в. н. э. М., 1954, стр. 262, 263 и др.).

[3] М. Ю. Смишко. Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных. КСИИМК, вып. XLIV, 1952, стр. 67—82.

[4] П. Шафарик. Ук. соч.

[5] Ptol., Geographia, III, 5, 9.

[6] Там же, VI, 14.

нем Подунавье). Это — территория липицкой культуры, памятники которой, следовательно, являются археологическим эквивалентом ставановсуовенов, т. е. славян. Это имя применительно к западной части данного массива племен выступает в источниках середины I тысячелетия в форме «склавины».

Следующая группа исторических источников связана с авторами VI в., упоминающими склавинов и антов. Сведения о географии антов и склавинов, представляющих южную часть славянских племен, также соответствуют изложенным данным с той только разницей, что за время между рубежом нашей эры и началом VI в. н. э., когда византийские авторы начинают усиленно писать о славянах, последние успели продвинуться на юг, вплоть до Дуная, и заселить его Левобережье в среднем и нижнем течении.

Иордан писал, что «склавины живут от города Новиедуна и озера, которое называется Мурсианским, до Днестра, а на севере — до Вислы... Анты же, храбрейшие из них, живя на изгибе Понта, простираются от Днестра до Днепра» [1].

Таким образом, южной границей территории антов и склавинов является Дунай на отрезке от устья, которое принадлежало антам, примерно до р. Дравы, где был расположен г. Мурса и где исследователи помещают Мурсианское озеро. Северной границей страны склавинов Иордан называет Вислу. Восточной границей антских земель назван Днепр. Другие авторы помещают антов на север от гунно-болгарских племен Северного Причерноморья, что позволяет уточнить данные Иордана о юго-восточном пределе антских земель: гунно-болгары занимали в основном территорию степной полосы, следовательно, антские земли приходятся на территорию лесостепи. Сообщение Прокопия Кесарийского о «бесчисленных племенах антов», живущих на север от утигуров [2], дает основание многим исследователям распространять территорию антов и на область левобережной лесостепи.

3

Итак, территория лесостепной полосы Восточной Европы (включая и Среднее Поднепровье) издавна входила в состав славянских земель, и история этой области есть прежде всего история древнеславянских племен.

Если обратиться к работам исследователей, ставящих вопрос о пересмотре существующей концепции развития Восточной Европы в середине I тысячелетия н. э. (Г. Ф. Корзухина, М. И. Артамонов, И. И. Ляпушкин [3] и др.), нетрудно убедиться, что «новая» точка зрения базируется на отводе почти всех категорий источников — как письменных, так и археологических,— которые имеются в нашем распоряжении. Так, Г. Ф. Корзухина утверждает, что «письменных источников для периода VI—VII вв. мы не имеем» [4], полагая, что сведения византийских авторов об антах и склавинах касаются только населения Подунавья, а не Поднепровья. Это утверждение, на мой взгляд, совершенно неверно. Прокопий Кесарийский,

---

[1] Jordan. De Getarum sive Gothorum origine et rebus gestis, III, 34—35.

[2] Procopius, De bello gothico, IV, 1. Прокопий из Кесарии. Война с готами. Перевод с греч. С. П. Кондратьева. М., 1950, стр. 384.

[3] Г. Ф. Корзухина. Ук. соч.; М. И. Артамонов. Славяне и Русь; И. И. Ляпушкин. Памятники культуры полей погребений Левобережья Днепра. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 29—38; его же. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тыс. н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, 1950, стр. 7—32.

[4] «Я не разделяю,— пишет Г. Ф. Корзухина,— точку зрения наших историков и археологов на возможность безоговорочного использования данных византийских историков о славянах и антах Дунайского бассейна для реконструкции экономики, социальных отношений, политических интересов, культуры, быта, нравов, военной тактики и пр. населения Среднего Поднепровья». (Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 64).

Агафий, Менандр, Феофилакт Симокатта, Иоанн Эфесский, Феофан, Иордан и другие авторы много пишут о славянах, действовавших в VI—VII вв. н. э. на Дунае. Однако Иордан, например, определяет территорию антов между Днепром и Днестром, и его рассказ больше всего касается Среднего Поднепровья. О том же говорят свидетельства Прокопия, являющиеся основным источником по истории антов и склавинов в VI в. н. э. Конечно, не о подунайских антах и не о подунайских склавинах идет речь в рассказах Менандра о начальном этапе борьбы славян с аварами, связанными с именами Даврита и Межамира [1]. Точность этих сведений можно, конечно, оспаривать, но это уже вопрос критики источников, которая не должна перерастать в их игнорирование и простое отбрасывание.

С другой стороны, те анты и склавины, с которыми византийцам пришлось столкнуться в середине I тысячелетия н. э. на Дунае, не представляли собою коренного населения подунайских земель, а появились там в период после падения римского господства к северу от Дуная. В связи с этим большой интерес представляет вопрос о том, с какими археологическими памятниками связано их появление на Дунае после ухода оттуда римлян.

Некоторые исследователи склонны думать, что это движение находит свое отражение в появлении в Подунавье памятников роменской культуры, которая в этом случае признается единственным археологическим эквивалентом древних славян [2]. В подтверждение ссылаются на памятники, по типу близкие роменским, обнаруженные недавно на территории Румынии и Болгарии. Но, во-первых, эти памятники известны в очень незначительном количестве [3]. Характер их еще остается во многом неясным; поэтому связывать именно их с антами и склавинами, многочисленным народом, который выступает на Дунае в середине I тысячелетия н. э. в качестве основной и ведущей исторической силы, весьма затруднительно. Во-вторых, они датируются временем не раньше VIII в. н. э., в связи с чем усматривать в них следы антов и склавинов, активно действовавших на территории Подунавья в VI—VII вв. н. э., невозможно. В-третьих, сам характер этих памятников, отражающий довольно архаический общественный уклад, очень мало соответствует той характеристике антского и склавинского общества, которая дана в письменных источниках [4].

Поэтому не с этими памятниками следует связывать археологическую культуру антов и склавинов.

В то же время известен в высшей степени интересный факт распространения на юг, в Трансильванию и далее вплоть до Дуная, памятников черняховской культуры. Эти памятники известны в настоящее время на территории Румынии в довольно большом количестве, хотя мало привлекали внимание исследователей. Можно назвать кладбища около дер. Марошсентанны в районе г. Тыргу-Муреша [5], в Марошвассаргеле в том же районе [6], у с. Альдени близ г. Бузэу [7] в Средней Румынии, в Кашольте близ г. Сибиу [8] и др. Особенно много памятников данного типа открыто в Румынской Молдавии — в бассейнах рек Серета и Прута. Памятники

---

[1] А. В. Мишулин. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по XII в. н. э. ВДИ, 1941, № 1, стр. 247—248.

[2] М. И. Артамонов. Славяне и Русь, стр. 3—6.

[3] M. Petrescu-Dîmboviţa. Rezultatele ultimor cercetari ale archeologilor Sovietici cu privire la aşezarile de tip Romen-Borşevo şi importantalor pentru archeologia RPR, Studii şi cercetari de istorie veche, т. V, вып. 3—4, Bucureşti, 1954, стр. 569—584.

[4] М. Ю. Брайчевский. Об «антах» Псевдомаврикия. СЭ, 1953, № 2, стр. 21—36; В. В. Мавродин. К вопросу об «антах» Псевдомаврикия. СЭ, 1954, № 2, стр. 32—41.

[5] I. Kovacs. A. marosszentannai népvándorláskori temetö. Dolgozatok, т. III. Kolozsvar, 1912.

[6] Его же. A marosvásarhelyi öskori telep skutha-es népvándorláskori temetö. Dolgozatok, т. VI, Kolozsvar, 1915, стр. 226—325.

[7] Sh. Stefan. Une tombe de l'époque des migrations à Aldeni. (Depart. de Buzău). Dacia, т. VII—VIII, Bucureşti, 1941, стр. 217—221.

[8] V. Pârvan. Getica, o protoistorie a Daciei. Bucureşti, 1926.

черняховской культуры доходят до самого Дуная. Об этом свидетельствует исследованное М. Букуром кладбище у с. Спанцов над самым Дунаем [1], давшее типичные погребения черняховской культуры (как трупоположения, так и трупосожжения) с характерным черняховским инвентарем.

Памятники черняховской культуры на территории Румынии представлены в основном могильниками. Поселения чисто черняховского типа здесь неизвестны, хотя черняховские слои имеются на некоторых поселениях местной дакийской культуры. Примером поселения такого типа может служить Кристешти в районе г. Тыргу-Муреша [2].

Хронология памятников, о которых идет речь, охватывает время, начиная от III—IV вв., когда возникает широкое движение причерноморских племен в Римскую Дакию, известное под именем «готских» или «скифских» войн. Под именем «готов» или «скифов» древние авторы понимали сложный и пестрый конгломерат различных по своему происхождению и этнической принадлежности племен, в котором собственно готы, по-видимому, играли далеко не первую роль и упоминались не на первом месте [3]. Среди этих племен, участвовавших в движении против Рима, были и восточные славяне. Об этом свидетельствуют, между прочим, некоторые нумизматические находки на восточнославянских землях, которые определенно увязываются с событиями «скифских» войн [4].

Согласно сведениям византийских авторов (Прокопия и др.), к началу VI в. н. э. славянские племена антов и склавинов уже стояли на Дунае, освоив все земли к северу от реки настолько прочно, что в представлении византийцев являлись основным и коренным населением этих земель (недаром Феофилакт Симокатта утверждает, что древние называли гетами славян). Отсюда следует, что заселение славянами Дакии происходило не на рубеже V и VI вв., но значительно раньше. Распространение памятников черняховской культуры на запад от основной их территории в область Дакии хронологически вполне соответствует движению славянских племен в Подунавье.

Черняховская культура на основании ее территориального распространения, хронологии и ряда других признаков сопоставляется с антами, а в западной части (территория Словакии и Южной Польши) — со склавинами.

Но продвинувшись в Подунавье из области лесостепи (Верхнее и Среднее Поднестровье, Подолия, Волынь, Среднее Поднепровье), анты, естественно, продолжали быть осколком того древнеславянского общества, которое оставалось обитателем лесостепной полосы Восточной Европы. Известно, например, какое значение имели общественные отношения, принесенные славянами в Подунавье и во внутренние области империи (на Балканы, в Малую Азию, Сирию) для византийской истории [5]. Даже оседая в глубинных районах империи, славяне сохраняли свой общественный строй и свою культуру; тем более справедливо это для тех антов и склавинов, которые обитали к северу от Дуная и вели наступление против Византии.

Поэтому и те сведения византийских авторов об антах и склавинах, которые действительно касаются непосредственного Подунавья, являют-

---

[1] M. Bucur. Şantierul Spanţov. Studii şi cercetari de istorie veche, 1—2, 1953, стр. 220—239.

[2] Al. Ferenczi. Dare de seamă asupra săpăturilor archeologice dela Cristeşti. Annarul Comis. Monum. istorice secţia pentru Transsilv. 1926—1928, Cluj, 1929, стр. 216—217; D. Popescu (и др.) Săpăturile dela Cristeşti. Studii şi cercetari de istorie veche, I, 1951, стр. 279—283.

[3] А. М. Руменников. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. М., 1954.

[4] М. Ю. Брайчевский. Некоторые данные об участии восточных славян в событиях на Дунае 248—251 гг. н. э. КСИА, вып. 3, 1954, стр. 8—13.

[5] Е. Э. Липшиц. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма. Византийский Временник, т. I (XXVI), М., 1947, стр. 144—163.

ся очень важным источником для изучения истории славян вообще. Конечно, соприкасаясь с Византией, подунайские анты и склавины могли усвоить много нового как в результате прямого заимствования, так и под влиянием потребностей новой исторической обстановки. Задача исследователя выяснить, что из нарисованной византийскими авторами картины является новым, наносным, а что характерным именно для древнеславянского общества середины I тысячелетия н. э. Исследователи уже не раз указывали на соответствие многих данных об антах и склавинах, приводимых византийскими историками, другим источникам, освещающим развитие среднеднепровских племен в начале и середине I тысячелетия н. э., в частности — археологическим материалам черняховской культуры [1]. Речь прежде всего идет о главном — об уровне исторического развития, на котором древнеславянское общество находилось в это время. Не имея возможности останавливаться на этом вопросе детально, ограничимся лишь одним характерным примером.

Так, византийские источники не раз отмечали наличие у антов и склавинов денежного обращения [2]. Возникновение последнего непосредственно связано с вопросом о социально-экономическом развитии общества. Поэтому важно отметить, что из всех археологических культур, известных в Восточной Европе в начале и середине I тысячелетия н. э., именно у племен черняховской культуры существовало денежное обращение, засвидетельствованное широким распространением на ее территории римских монет [3].

4

Исследователи, ставящие вопрос о пересмотре существующей концепции развития Восточной Европы, утверждают совершенное отсутствие известных памятников — поселений и могильников — в области лесостепной полосы, которые могли бы быть отнесены к середине I тысячелетия [4].

Эти исследователи исходят из ошибочной предпосылки о том, что вся древнеславянская культура указанного времени должна носить архаический характер и по своему облику соответствовать роменской культуре, распространенной на северном Левобережье в VIII—X вв. Известно, однако, что роменская культура не исчерпывает собой всей древнеславянской культуры и составляет лишь ее северо-восточную периферию и что наряду с нею могут и должны существовать другие группы восточнославянских памятников, отражающих более высокий уровень культурно-исторического развития [5]. Практические исследования показывают правильность второй, а не первой гипотезы.

Лакуна между памятниками черняховского типа и памятниками эпохи Киевской Руси имеет главным образом историографический характер и обусловлена неправильной датировкой черняховской культуры временем от II в. н. э. до конца IV — начала V в. н. э. [6] М. И. Артамонов утверждает,

[1] П. Н. Третьяков. Ук. соч.; Б. А. Рыбаков. Ранняя культура восточных славян. Исторический журнал, 1943, № 11—12, стр. 73—80; М. Ю. Брайчевский. Об «антах» Псевдомаврикия, стр. 21—36.

[2] Procopius. De bello gothico, III, 14, 1—20; IV, 25, 56.

[3] М. Ю. Брайчевский. О распространении римских монет у древних восточных славян. ВДИ, 1954, № 1, стр. 119—134; его же. Римская монета на территории УССР (автореферат диссертации). М., 1954.

[4] «До сих пор мы не имеем сколько-нибудь отчетливого представления ни о поселениях, ни о могильниках VI—VII вв.». (Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 64).

См. также М. И. Артамонов. Славяне и Русь, стр. 3; И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тыс. н. э..., стр. 7—32.

[5] П. Н. Третьяков. Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г. КСИИМК, вып. X, 1941, стр. 120—124; его же. Восточнославянские племена в свете археологических исследований последних лет. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 39—44.

[6] Датировка черняховской культуры II — концом IV в. н. э. ее сторонниками неосновательно приписывается В. В. Хвойке, открывшему эту культуру. В действительности В. В. Хвойка так датировал только открытые им конкретные памятники, допуская в то же время существование самой культуры и в более позднее время.

что «гуннское нашествие привело к опустошению Причерноморья и бегству готов и других связанных с ними племен черняховской культуры в Подунавье, а затем и еще дальше на запад»[1] Г. Ф. Корзухина[2] и М. А. Тиханова[3] также утверждают, что вследствие нашествия гуннов население полей погребений покинуло свои поселения. Однако тезис этот остается недоказанным. Думается, его сейчас вообще доказать нельзя: слишком мало мы имеем раскопанных поселений черняховской культуры, чтобы судить о том, каким образом они прекратили свое существование, и слишком мало мы знаем датированных памятников, чтобы сделать заключение о том, когда это могло произойти.

Зато уже сейчас известно значительное количество памятников черняховской культуры, определенно существовавших в послегуннское время.

Так, с подкурганным погребением черняховского типа в с. Ромашках связана находка характерных фибул с выемчатой эмалью[4]. На Ягнятинском поселении в жилище, под слоем печины от сгоревших стен, найдена амфора раннесредневекового типа[5]. Относительно хронологии этой амфоры, правда, существуют разные мнения, поскольку некоторые исследователи сравнивают ее с типом позднеримских амфор IV—V вв. н. э.[6]. Однако эти аналогии неосновательны. Позднеримские амфоры имеют сравнительно высокую коническую шейку с высокими наклонными ручками, а ягнятинская амфора имеет шейку низкую, цилиндрическую с низкими круглыми ручками, что характерно именно для раннесредневековых амфор VI в. и позже.

На поселении в Луке-Врублевецкой были найдены фибулы, которые М. Ю. Смишко называет «уткоподобными» и на основании хорошо датированного Фраунбургского клада[7] относит их к VI—VII вв. н. э.[8]. Эта датировка также вызывает возражения со стороны некоторых исследователей. Э. А. Сымановичпосвятил этому вопросу специальную статью[9], где собрал значительное число аналогий, которые, по его мнению, свидетельствуют о более ранней дате фибул. Однако фибулы, о которых упоминает Э. А. Сымановича (так называемые фибулы с высоким иглодержателем) — тип совершенно иной, нежели «уткоподобные». Думается поэтому, что аналогия Фрауэнбургского клада, предложенная М. Ю. Смишко, и вместе с нею дата — VI—VII вв. остаются в силе.

Такие же фибулы найдены в памятниках черняховской культуры на Поднестровье еще в ряде пунктов: в сс. Псари[10], Жабинцы[11], Городница[12]. В последнем было открыто также погребение с фибулами IV—V вв. и со стеклянным кубком с эмалью, аналогии которому известны в V—VI вв.[13]

(В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Преднепровье. ЗРАО, н. с., т. XII, вып. 1—2. СПб., 1901, стр. 172—190). Датировка черняховской культуры временем не позже рубежа IV—V вв. была выдвинута сторонниками гипотезы о готской принадлежности этой культуры, ибо существование готов в Северном Причерноморье признается лишь до нашествия гуннов.

[1] М. И. Артамонов. Славяне и Русь, стр. 4—5.

[2] Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 78.

[3] М. А. Тиханова. Культура западных областей Украины в первые века н. э. МИА, № 6, 1941, стр. 276, сл.; История Молдавии, т. I, Кишинев, 1951, стр. 42.

[4] Архив ЛОИИМК, дело АК, № 29/1900. Древности Приднепровья, вып. IV. Киев, 1901, табл. VII, рис. 196—197; табл. IX, рис. 198.

[5] Е. В. Махно. Поселення культури полів поховань на північнозахідному Правобережжі, Археологічні пам'ятки УРСР, т. I. Київ, 1949, стр. 153—176.

[6] Л. С. Клейн. Ук. соч., стр. 260.

[7] F. E. Peiser. Der Depotfund von Frauenburg, Prussia, 1914, т. 23, I.

[8] М. Ю. Смишко. Ук. соч., стр. 67—82.

[9] Э. А. Сымановича. О датировке поселений первых вв. н. э. в Луке-Врублевецкой. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 23—32.

[10] K. Hadaczek. Kultura dorzecza Dniestru w epoce cesarstwa rzymskiego. Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, т. XII, Kraków, 1912, стр. 23—33.

[11] М. Ю. Смишко. Ук. соч. стр. 79.

[12] Там же.

[13] J. Kopiernicki. Poszukiwania archeologiczne w Horodnicy nad Dniestrem w. r. 1877. Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, II. Kraków, 1878, стр. 19—72.

Это погребение является подтверждением наличия в Городнице позднего слоя черняховской культуры.

В с. Мишкове раскопан могильник черняховского типа с поздними ювелирными изделиями, среди которых имеется ложновитой перстень со свободными суженными концами, датирующийся временем не ранее VII в. н. э.[1]. В Подкарпатье существует целая группа памятников (так называемые «подкарпатские курганы»), которая датируется временем III—VI вв. н. э.[2]. Верхняя дата определяется на основании конкретной датировки отдельных погребений; в частности, одно из погребений в с. Мишине датируется двущитковой равнораменной фибулой VI в. Изучение культуры подкарпатских курганов позволило М. Ю. Смишко выделить в западных областях УССР группу поздних памятников черняховского типа, относящихся к середине I тысячелетия н. э. (сс. Костянец, Мирогощa, Викнины Великие, Неслухов, Максимовка и др). При раскопках в с. Костянце[3] найдена поздняя арбалетная фибула с плоской спинкой, аналогии которой имеются в том же Фрауэнбургском кладе и на Ягнятинском поселении. Эта находка подтверждает позднюю дату Костянецкого поселения.

В с. Белостоке на Волыни, по сведениям Луцкого музея, на поселении культуры полей погребений была найдена подвеска в форме лунницы со стилизованными изображениями конских головок, которая входит в серию ювелирных изделий, характерных для середины I тысячелетия н. э. В с. Росаве был найден клад VI—VII вв., помещавшийся в характерном кувшине черняховского типа[4]. На могильнике черняховской культуры в с. Данилова Балка Э. А. Сымановичвыделяет группу поздних погребений, которые он на основании находки римской монеты IV в. (очень потертой и превращенной в подвеску) относит к V—VI вв[5]. Наблюдения над обрядом погребений позволили Э. А. Сымановичу выделить на исследованном им Гавриловском могильнике две группы погребений. Одна из них, более ранняя, датируется на основании характерного стеклянного кубка временем до начала V в. н. э. включительно; другая, более поздняя, относится к V—VI вв. н. э. и находит себе аналогии в поздней группе погребений в Даниловой Балке[6].

Г. Ф. Корзухина, отрицающая существование памятников черняховской культуры после рубежа IV и V вв. и вместе с тем утверждающая, что памятники VI—VII вв. в Среднем Поднепровье вообще неизвестны, отмечает, что многое для решения этого вопроса могло бы дать изучение мест находок известных кладов VI—VII вв.[7]. Проведенное еще в 1947 г. Н. В. Линкой обследование мест, где были найдены Мартыновский и Малоржавецкий клады, показало, что обе эти находки связаны с поселениями черняховского типа. Каких бы то ни было других памятников, с которыми можно было бы связывать клады, обнаружить не удалось[8].

На Левобережье Днепра также имеются факты, свидетельствующие о поздней дате памятников черняховского типа. Так, в с. Замиское спиральная «очкообразная» подвеска, характерная для VI—VII вв. н. э., была

---

[1] G. Ossowski. O grobuch nieciahopalnych w Miszkovie, Zbiór Wiadomości do antropologii krajowej, XV, Kraków, 1891.

[2] М. Ю. Смішко. Ранньословянська культура Карпатського Підгір'я, Наук. зап. Інст. Сусп. наук АН УРСР, вып. I, Київ, 1953, стр. 131—151; его же. Культура підкарпатських курганів. (Рукопись, хранится в ИА АН УССР).

[3] М. Ю. Смішко. Дослідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 337—378.

[4] С. В. Коршенко. Материалы для составления карты распространения культуры полей погребений на территории УССР. (Рукопись, хранится в ИА АН УССР).

[5] Э. А. Сымановичч. Погребения V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 62—76.

[6] Доклад Э. А. Сымановича на VIII конференции ИА АН УССР в феврале 1956 г.

[7] Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 68.

[8] Н. В. Лінка. Розвідка в Канівському районі. Археологічні Пам'ятки УРСР, т. III, 1952, стр. 99—105.

найдена на поселении черняховского типа [1]. В с. Коровинцы на поселении этой культуры найдена амфора раннесредневекового («салтовского») типа. Характерно, что И. И. Ляпушкин, который вообще отрицает существование черняховской культуры на Левобережье после конца IV в., для поселения в Коровинцах готов сделать исключение [2].

Таким образом, имеется свыше полутора десятков памятников черняховской культуры, датируемых временем V—VII вв. н. э.

На основании наблюдений над поздними памятниками черняховской культуры можно установить следующие особенности позднечерняховской керамики: а) заметное ухудшение серолощеной посуды и ее незначительное место в керамическом комплексе; б) упрощение керамических форм, в частности большая редкость днищ на кольцевой ножке и подставочной плитке; в) наличие волнистого и линейного орнамента на гончарной керамике, главным образом на горшках; г) появление линейного и волнистого орнамента на лепной посуде; д) появление на горшках срезанного или фигурного венчика, получившего в дальнейшем большое развитие в керамике ранней Киевской Руси; е) появление посуды, внешне более грубой, нежели сероглиняная посуда черняховского типа, с примесью песка и представленной более крупными и соответственно более толстостенными сосудами, часто украшенными линейным и волнистым орнаментом. Такая керамика совершенно отсутствует в ранних памятниках черняховского типа (например, в Черняховском и Масловском могильниках), но хорошо представлена в памятниках более позднего времени — VII—IX вв. (которые, собственно, уже нельзя считать черняховскими). Очень близкая гончарная керамика присутствует в комплексе поселения VIII—IX вв. н. э. в Луке-Райковецкой в районе г. Бердичева.

Такая керамика найдена на многих поселениях черняховской культуры вместе с типичной черняховской посудой (поселения в Иванковцах на Поднестровье [3], в Костянце, урочище «Коло цвинтаря» [4], Мирогоще, урочище «Ливичина» [5], в. с. Слободище в районе Бердичева [6] и др.).

Все эти факты свидетельствуют о том, что черняховская культура не исчезла на рубеже IV—V вв. н. э., но продолжала существовать и позже — в V, VI и начале VII в. н. э. Следовательно, последствия гуннского нашествия отнюдь не носили для населения лесостепной полосы Восточной Европы того катастрофического характера, какой им приписывается некоторыми исследователями. Этот момент подтверждается и другими соображениями, например полнейшим отсутствием в памяти самих славян (как и вообще в письменных источниках IV—V вв. н. э.) всяких воспоминаний о гуннской грозе. Мы знаем из древнеславянских письменных документов о столкновениях древних славян с Римом, с готами, аварами, болгарами, уграми и т. д., а между тем ни одному из этих народов не приписывается такой роли, как гуннам. Неужели возможно, чтобы событие, имевшее столь гибельные последствия для славян, не оставило о себе в народной памяти ни малейшего следа? Достаточно сравнить то место, которое занимают гунны, скажем, в германском эпосе, чтобы убедиться в немыслимости такого предположения.

Против точки зрения о гибельности для славян гуннского нашествия решительно свидетельствует и состояние восточнославянского общества в VI—VII вв. Именно в это время начинается активное и решительное наступление славян против Византии; славяне, о которых до нашествия

---

[1] І. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харьківської обл. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 164—178.

[2] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тыс. н. э., стр. 18.

[3] Материалы в ИА АН УССР.

[4] Материалы в Дубенском краеведческом музее.

[5] Материалы в Дубенском краеведческом музее.

[6] Материалы в ИА АН УССР и Житомирском областном музее.

гуннов источники молчали, после него становятся в центре внимания византийских писателей.

О том же косвенно говорит и расцвет такой отрасли производства, как ювелирное ремесло, памятники которого для VI—VII вв. н. э. признают Г. Ф. Корзухина и М. И. Артамонов. Трудно себе представить, чтобы эта отрасль производства, занимающая в конечном счете второстепенное место в общей системе хозяйства, могла развиваться столь блестяще в то время, как другие отрасли — более важные — находились бы в упадке в обществе, пережившем жесточайшую военно-политическую катастрофу.

Очевидно, гуннское нашествие вообще в очень незначительной степени затронуло славянские земли. Гунны прошли через степи, не заходя глубоко в область лесостепи (что следует и из исторических данных о направлении движения гуннских полчищ). Во время этого движения, вероятно, пострадали в какой-то степени порубежные со степью районы [1]. Но основные пространства лесостепи, вероятно, остались в стороне от гуннского нашествия, вследствие чего это нашествие не послужило здесь существенным фактором исторического развития.

Таким образом, территория лесостепной полосы не обезлюдела в середине I тысячелетия н. э. О том же говорит и наличие ряда поселений, где культурные слои эпохи Киевской Руси непосредственно налагаются на слой черняховской культуры. Такие поселения известны в ряде мест: в сс. Неслухов (Львовская обл.), Незвиська (Станиславская обл.), Лука-Врублевецкая (Хмельницкая обл.), Макаровка (Черновицкая обл.), Викнины Великие (Тернопольская обл.), Волица-Стракливская (Ровенская обл.) Ольшаница (Киевской обл.), в г. Немирове (Винницкая обл.), в ряде мест в Молдавии (сс. Гырбово, Пепени, Лопатна, Крокмазы, Славянка, Сакаровка, Слободзея) и т. д. Вряд ли можно считать все эти факты случайными, и уж во всяком случае они совершенно опровергают утверждение о том, что население эпохи ранней Руси выбирало для своих поселений другие места, чем население черняховской культуры [2].

К сожалению, памятники второй половины VII—IX вв. на территории лесостепной полосы Восточной Европы изучены очень слабо, вследствие чего их культура до сего времени во многом остается неясной. Многие из них содержат явные элементы черняховской культуры, но в общем их облик уже существенно от нее отличается.

Более или менее значительным исследованиям подверглось только поселение VII—VIII вв. на Пастырском городище, где раскопан ряд наземных жилищ и полуземлянок, а также ряд хозяйственных и производственных комплексов [3]. Черты, указывающие на связи с черняховской культурой, проявляются здесь и в типе самого поселения, и в характере домостроительства, и вещевого инвентаря. В частности, необходимо отметить наличие в керамическом комплексе поселения группы керамики, сохраняющей вполне черняховский облик (вплоть до таких редких в позднее время элементов, как кольцевая ножка), но входящей в качестве составной части в комплекс VII—VIII вв. н. э. Некоторые находки этого рода имели место в таких условиях, которые исключают возможность случайного их попадания в поздние комплексы (например, находка целого сосудика или серии обломков от одного сосуда в жилищах полуземляночного типа). Материалы Пастырского городища важны для нас тем, что именно с ним связано огромное количество ювелирных изде-

[1] В частности, представляется правдоподобным предположение П. Н. Третьякова об уничтожении поселений черняховской культуры на значительной части Днепровского Левобережья (см. П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена), однако и оно нуждается в обосновании.

[2] Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 65, сл., 78.

[3] Раскопки в 1949 и 1955 гг. (см. М. Ю. Брайчевський. Нові розкопки на Пастирському городищі. Археологічні пам'ятки УРСР, т. V, Київ, 1955, стр. 67—76. Материалы раскопок 1955 г. еще не опубликованы).

лий VII—VIII вв. н. э., что заставляет предполагать здесь центр их производства.

Пастырское городище в некоторых отношениях представляет собою памятник своеобразный, обнаруживающий к тому же следы воздействия салтовской культуры, распространенной на юго-востоке. Однако оно является не единственным памятником VII—VIII вв. н. э., обнаруживающим определенные традиции черняховской культуры. Другим таким памятником является нижний слой городища в Плиснеске, представленный полуземлянкой № 7 и датируемый VII—VIII вв. н. э. Этот слой характеризуется в основном керамикой, уже существенно отличной от черняховской, но в то же время здесь неоднократно встречались обломки посуды, имеющие вполне черняховский облик [1]. Это — сероглиняная гончарная посуда, сохраняющая черняховские формы (в том числе и такие детали, как днища на подставочной плитке), нередко с пролощенным орнаментом.

Подобная картина наблюдается на поселении VIII—IX вв. в с. Рыпневе (Львовская обл.), где раскопан ряд полуземлянок с материалом, очень похожим на плиснеский. В одной из полуземлянок была найдена серия обломков серолощеной посуды черняховского типа [2].

К сожалению, большинство памятников данного типа известны пока лишь на основании подъемного материала, как, например, поселения в с. Переорках (Винницкая обл.) [3], в с. Кутки (Хмельницкая обл.), где известен также могильник подобного типа [4], в сс. Шумбар, Новостав, Горынка (Тернопольская обл.), Семиволя (Львовская обл.) [5] и ряд других.

Всего на территории лесостепной полосы Восточной Европы в настоящее время можно насчитать около 40 поселений и могильников, датируемых VII—IX вв. н. э., в материальной культуре которых можно видеть традицию черняховской культуры. Поэтому, несмотря на явно недостаточную степень изученности памятников второй половины I тысячелетия н. э. в области восточно-европейской лесостепи, имеющийся уже сегодня материал свидетельствует о том, что и в это время утверждать обезлюдение данной территории вряд ли возможно.

5

Этим определяется и подход к рассмотрению тех категорий памятников материальной культуры, которые обычно называются едва ли не единственными источниками для изучения культуры населения Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э., т. е. кладов и случайных находок вещей ювелирного производства. Очевидно, что эти памятники сами по себе еще не составляют археологической культуры и могут дать лишь очень суженное и одностороннее представление об историческом развитии тех племен, с деятельностью которых было связано их распространение. Поэтому первейшим вопросом, связанным с их изучением, является вопрос об их увязке с поселениями и могильниками. (Некоторые авторы, однако, склонны отрицать возможность такой увязки, по крайней мере, при современном состоянии изученности памятников VI—VIII вв.)

Вопрос об отношении кладов и случайных находок вещей ювелирного производства середины I тысячелетия н. э. к иным категориям археологических источников имеет два аспекта: во-первых, сравнение общего ареала распространения тех и других, а во-вторых,— непосредственное топографическое и стратиграфическое совмещение известных находок (или некоторых из них) с поселениями и могильниками.

[1] Материалы в Институте общественных наук в Львове и Институте археологии в Киеве.

[2] Материалы в Институте общественных наук в Львове.

[3] Материалы Югоподольской эксп. ЛОИИМК АН СССР.

[4] Материалы Раннеславянской эксп. ИИМК АН СССР.

[5] М. Ю. Брайчевський. Розвідака слов'янських пам'яток на Волино-Подільскому прикордонні. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 401—408.

Если сравнить ареалы вещей так называемого комплекса пальчатых фибул (пальчатых, антропо- и зооморфных фибул, браслетов с расширенными концами, характерных предметов поясного набора, изготовленных из листового серебра и украшенных прорезным орнаментом, спиралевидных подвесок, шейных гривен в виде серебряного прута и т. д.) и памятников черняховской культуры, которым они в какой-то мере синхронны, то полного совпадения не получится: первый оказывается значительно у́же второго [1] и охватывает главным образом Среднее Поднепровье. Подавляющее большинство находок этого рода сосредоточено на сравнительно узкой территории бассейнов Тясмина и Роси и связано прежде всего с одним памятником — Пастырским городищем, где, вероятно, был центр их производства.

Находки ювелирных изделий середины I тысячелетия н. э. на Пастырском городище представлены многими десятками и даже сотнями экземпляров. Помимо находок отдельных вещей — пальчатых, антропоморфных и зооморфных фибул, браслетов с расширенными концами, сережек «пастырского» типа (украшенных плоскими пирамидками литой зерни или стилизованными птичьими головками), бубенчиков и др., на Пастырском городище были найдены два (или три) клада, состоявшие из вещей тех же типов [2]. Правда, эти поделки охватывают в основном не VI—VII, а VII—VIII вв. н. э. и, следовательно, отражают не начало, а конец того исторического периода, который в Среднем Поднепровье в области художественного ремесла характеризуется комплексом «пальчатых фибул».

Стратиграфия Пастырского городища до недавнего времени изображалась не вполне правильно: считалось, что на нем последовательно сменялись культурные слои черняховского типа, затем слои середины I тысячелетия н. э. (характеризующиеся упомянутыми ювелирными поделками) и, наконец, эпохи Киевской Руси [3]. Новые исследования на городище не подтвердили прежних представлений о стратиграфии памятника; в частности, выяснилось, что здесь отсутствуют слои черняховской культуры и культуры Киевской Руси. Время после рубежа нашей эры здесь представлено лишь одним раннесредневековым слоем VII—VIII вв. н. э., который характеризуется наземными жилищами и сооружениями полуземляночного типа и с которым связываются находки ювелирных изделий [4]. Этот слой сопровождается вещевым инвентарем, сохраняющим традиции черняховской культуры, который и давал повод прежним исследователям предполагать здесь наличие особого «черняховского» слоя.

Связь ювелирных находок с указанным слоем прослеживается не только на основании хронологического соответствия, но и на основании непосредственных находок вещей художественного ремесла в жилых комплексах. Например, в одной из полуземлянок, в развале печи-каменки, были найдены серебряные сережки VII—VIII вв. Здесь же была найдена и керамика черняховского типа.

Материалы Пастырского городища, отличающиеся большим богатством и многообразием (сельскохозяйственные инструменты — наральники, серпы, косы, лопаты; орудия ремесленного производства — кузнечные инструменты, топоры, долота, струги и др.; многочисленные предметы быта; керамика; оружие; украшения и т. д.) с достаточной полнотой характеризуют общество, которое оставило нам ювелирные поделки VII—VIII вв. Как видим, это были потомки основного коренного населения

---

[1] Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 23—134.

[2] Один клад найден в 1898 г., другой — в 1949 г. Кроме того, В. В. Хвойка в Тр. XII АС (т. I, стр. 96) сообщает о находке еще одного клада во время корчевки леса, росшего на территории городища до 70-х годов XIX в. Этот клад состоял из браслетов, сережек и бус, т. е. по составу был подобен кладам 1898 и 1949 гг.

[3] В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 17.

[4] М. Ю. Брайчевский. Работы на Пастырском городище в 1949 г. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 155—164.

лесостепной полосы Восточной Европы, в более раннее время оставившего памятники черняховской культуры.

Большой интерес представляют те находки ювелирных изделий середины I тысячелетия н. э. (более ранних, чем пастырские), которые непосредственно связываются с памятниками черняховского типа (у сс. Мартыновка, Малый Ржавец, Росава, Замиское).

Таким образом, из среды носителей черняховской культуры около середины I тысячелетия н. э. начинает выделяться группа племен Среднего Поднепровья, которой в дальнейшем пришлось сыграть особо значительную роль в истории Восточной Европы и с которой связывается создание и распространение стиля ювелирных изделий, составляющих комплекс «пальчатых фибул». Б. А. Рыбаков приходит к выводу, что именно эту группу племен следует рассматривать в качестве древнейшего ядра Руси, в связи с чем предлагает именовать ее русами [1]. Ему удалось проследить ее развитие примерно от середины VI в. н. э. вплоть до времени создания Киевского государства, когда имя Русь стало покрывать собою всех восточных славян.

М. И. Артамонов, исходя из своей «новой» концепции, согласно которой славян в Среднем Поднепровье до VIII в. вообще не было, решительно возражает против увязки ювелирных изделий VI—VIII вв. н. э. со славянской культурой, предлагая связывать их с готами, аланами, гуннами, аварами, — одним словом, с кем угодно, кроме основного и коренного населения той территории, где эти изделия встречаются [2]. Однако в Среднем Поднепровье на протяжении всего I тысячелетия н. э. существует непрерывная традиция развития ювелирного ремесла. Комплекс пальчатых фибул генетически связан с ювелирным комплексом черняховской культуры (например, исходным типом для пальчатых фибул были двупластинчатые фибулы IV в. н. э., распространенные в памятниках черняховской культуры [3]). С другой стороны, генетическая связь ювелирного ремесла Киевской Руси и эпохи VI—VII вв. прослеживается на основании ряда любопытных находок, отражающих последовательное изменение комплекса ювелирных изделий от VI — VII до X в. н. э. (Пастырский клад 1949 г.— Ивахниковский клад — Полтавский клад 1905 г.— Копиевский клад) [4].

Этой преемственности не могут отрицать ни М. И. Артамонов, ни Г. Ф. Корзухина [5], поэтому они ищут объяснение, каким образом непрерывной линии развития конкретной стороны материальной культуры могла соответствовать двукратная или даже трехкратная смена населения. Это объяснение они готовы видеть во влиянии причерноморской культуры, традиции которой якобы и обусловили характер ювелирного ремесла в Среднем Поднепровье. Однако, не говоря уже об искусственности этого объяснения по существу, недоумение вызывает отсутствие ювелирных вещей среднеднепровских типов в самом Причерноморье, культура которого (в том числе и ювелирное производство) и в начале нашей эры, и в VI — VIII вв., и особенно в эпоху Киевской Руси достаточно резко отличалась от культуры Среднего Поднепровья.

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 23—104.

[2] «Для VI—VII вв. в лесостепном Поднепровье известен ряд кладов серебряных вещей, представляющих культуру, развивающую старые причерноморские традиции и тесно связанную с культурой самого Причерноморья того же времени и даже Средней Европы, поскольку готы, аланы, гунны и авары те же традиции распространили и там. Эту поднепровскую культуру Б. А. Рыбаков приписывает славянскому племени Русь, хотя для этого нет решительно никаких оснований» (М. И. Артамонов. Славяне и Русь, стр. 5).

[3] Эволюция этого типа фибул убедительно прослежена Б. А. Рыбаковым. См. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 57—61.

[4] М. Ю. Брайчевский. К вопросу о генетических связях ювелирного ремесла антов и Киевской Руси. КСИА, вып. I, 1952, стр. 43—49.

[5] М. И. Артамонов. Славяне и Русь, стр. 5; Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 80—81.

Названнные М. И. Артамоновым гипотетические распространители приднепровского ювелирного стиля VI—VIII вв.— готы, аланы, гунны и авары — в действительности обладали собственным стилем ювелирного ремесла, несмотря на некоторые общие детали, все же отличным от поднепровского. Комплекс ювелирных изделий, характерный для Поднепровья, не свойственен ни готским памятникам Крыма [1], Центральной Европы [2], Италии [3], ни гуннским памятникам, представленным в Северном Причерноморье [4] и Центральной Европе [5], ни аланским памятникам на Северном Кавказе [6] или салтовской культуре Подонья [7], ни аварским памятникам на территории Венгрии [8]. Наконец, необходимо считаться с фактом увязки вещей среднеднепровского комплекса с памятниками раннеславянской культуры, притом не только той ее части, которая генетически восходит к черняховской культуре (об этом речь была выше), но и с памятниками типа Волынцева, связанными с роменской культурой. Так, Харивский клад [9] был найден на поселении волынцевского типа и в сосуде, характерном для этой культуры.

Поэтому думается, что точка зрения Б. А. Рыбакова, требующая, естественно, еще своего развития и дальнейшего обоснования, представляет собою закономерный вывод, основанный на реальном материале, в то время как «новая» концепция М. И. Артамонова является произвольной гипотезой, не имеющей под собою фактической базы.

Таким образом, клады и отдельные находки ювелирных вещей середины I тысячелетия н. э. на территории лесостепной полосы Восточной Европы (и более узко — Среднего Поднепровья) не только не противоречат другим категориям археологических памятников близкого времени, но, непосредственно увязываясь с ними, характеризуют общую традицию культурно-исторического развития восточноевропейских племен, которые были основным коренным населением названной территории.

6

Итак, при всей своей отрывочности и недостаточности источники по истории населения лесостепной полосы Восточной Европы в середине I тысячелетия н. э. имеются и отличаются значительным разнообразием. Все эти источники — и показания древних писателей, и археологические данные о поселениях и могильниках, о кладах и случайных находках отдельных вещей — должны быть использованы в своей совокупности. Тенденцию к неосновательному отводу основной части источников, которая наметились в последнее время со стороны отдельных исследователей, вряд ли можно одобрить.

Очевидно, лишь в результате углубленного и тщательного исследования всех имеющихся в нашем распоряжении групп источников можно рассчитывать приблизиться к разрешению стоящих перед наукой вопросов, связанных с историческим развитием населения лесостепной полосы Восточной Европы в середине I тысячелетия н. э.

---

[1] Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов, ч. I. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 1—80.

[2] J. Hampel. Alterthümer der frühen Mittelalters in Ungarn, I—III. Braunschweig, 1905.

[3] N. Aberg. Gothen und Langobarden in Italien. Uppsala, 1923.

[4] Д. Я. Самоквасов. Основания хронологической классификации и каталог древностей. Варшава, 1892; L. Matzulewitsch, Byzantinische Antiken. Berlin — Leipzig, 1929.

[5] A. Alföldi. Funde aus der Hunnenzeit und ihre etnische Sonderung. Archeologia Hungarica, IX, Budapest, 1932.

[6] П. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК. М., т. VIII, 1900.

[7] Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.— Л., 1930.

[8] N. Fettich. Das Kunstgewerbe der Avarenzeit in Ungarn. Archeologia Hungarica, I, Budapest, 1926.

[9] Д. Т. Березовець. Харівський скарб. Археологія, т. VI, Київ, 1952, стр. 109—119.

ПУБЛИКАЦИИ

Б. З. ГАМБУРГ, Н. Г. ГОРБУНОВА

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУЛЬТУРЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

В 1955 г. Ферганским областным музеем были продолжены раскопки Вуадильского и Карамкульского могильников в Южной Фергане (рис. 1) [1].

В Вуадильском могильнике за два сезона были вскрыты 31 каменная выкладка и один курган с каменной насыпью, расположенный в западной группе выкладок и одновременный последним. Устройство могил во всех случаях оказалось идентичным. Оно ничем не отличается от устройства могил, вскрытых в 1954 г. Аналогичным исследованным ранее оказался и ящик из сланцевых плит под каменной насыпью кургана, сооруженный почти непосредственно на дневной поверхности (рис. 2, *3*). Выявлены некоторые новые детали. Так, в ряде случаев удалось проследить остатки перекрытий ящиков из обломков плит и галек. Под тремя каменными выкладками, разделенными на южную и северную части линией вертикально поставленных галек и обведенными такой же оградкой, в каждой части было вскрыто по одному ящику (рис. 2, *1*).

Бóльшую часть могильного инвентаря составляет керамика, обнаруженная в 16 могилах.

Формы сосудов в основном стандартны. Это горшки с широким устьем, профилированным венчиком, округлым туловом. Края дна у большинства сосудов выступают в виде маленького поддона. Сосуды малые, высотой до 10,5 *см* и максимальным диаметром 11,5 *см*, и большие, высотой до 16 *см*, максимальный диаметр 16—18 *см*. Следует отметить один сосуд с узкой горловиной — диаметр 9 *см* (рис. 3, *17*).

Сосуды черно-серого и темно-коричневого цвета. Черепок в изломе черно-серый, в коричневых сосудах двухцветный. Тесто слоистое, с небольшой примесью толченого кварца. Техника формовки сосудов неясна. В некоторых случаях венчик прилеплялся отдельно, верхний край его обычно уплощен (рис. 3, *1, 2, 4, 5, 9, 14, 15*). Сосуды независимо от наличия или отсутствия орнамента лощились, но блеск сохранился плохо.

Среди 23 найденных сосудов шесть удалось восстановить полностью, 12 были орнаментированы (рис. 3, *1, 6—8, 10—12, 15—17, 20*). Орнамент на сосудах довольно беден. Располагается он, как правило, на верхней части плечиков одним поясом (в виде исключения — двумя). Основные элементы орнамента: прочерченные ломаные параллельные линии, образующие зигзаги с тупыми углами (рис. 3, *1, 12, 20*), овальные углубления, круглые ямочки (рис. 3, *6, 10, 11, 12, 15, 17*), в одном случае отмечен редкий зубчатый прямоугольный штамп (рис. 3, *7*). Все эти элементы орнамента встречаются отдельно и в простейших сочетаниях.

---

[1] Описание Вуадильского могильника и его погребальных сооружений см. Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИИМК, вып. 63, 1956.

В шести могилах были обнаружены изделия из бронзы: кованные из трехгранной в сечении толстой проволоки бусы, парные кольца с заостренными несомкнутыми концами, одно височное кольцо и один двулопастной листовидный наконечник стрелы с конической втулкой (рис. 4). Последний обнаружен в погребении № 218 (рис. 2, *4*).

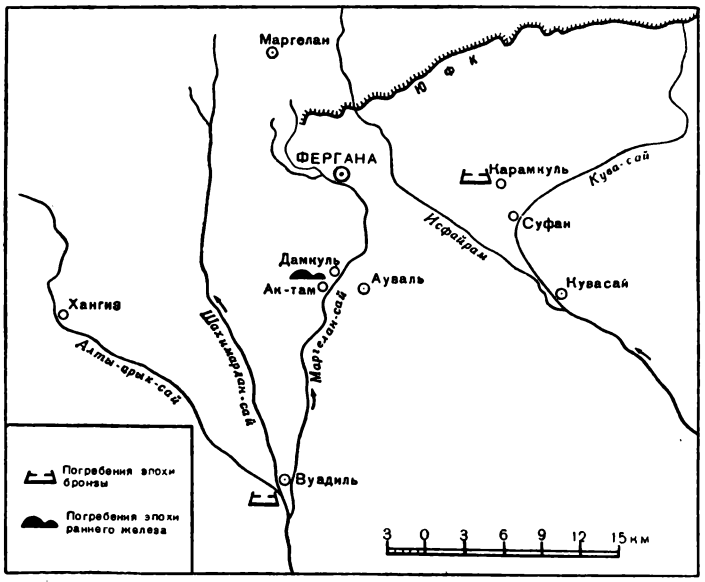


Рис. 1. Карта-схема расположения Вуадильского, Карамкульского и Ак-тамского могильников

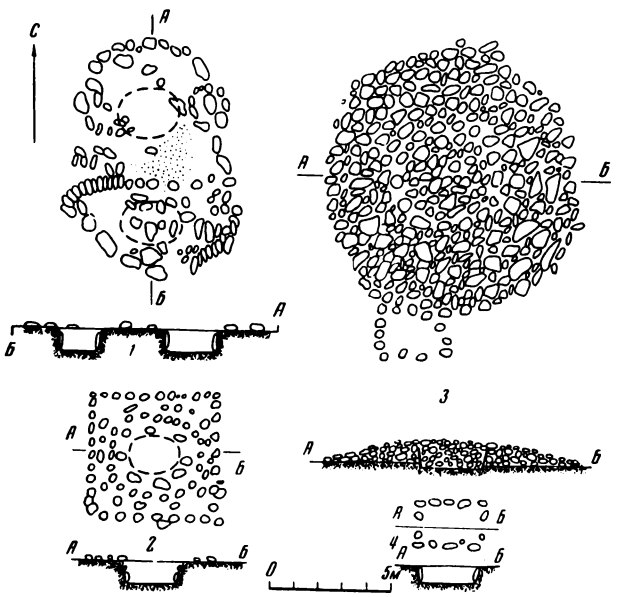


Рис. 2. Планы и разрезы погребений эпохи бронзы

1 — погребение № 31 (Вуадиль); *2* — погребение № 5 (Карамкуль); *3* — курган № 41 (Вуадиль); *4* — погребение № 218 (Вуадиль)

В трех могилах были найдены цилиндрические бусы из зеленоватой пасты и, возможно, из аргиллита.

Весь комплекс находок, при всей его бедности, достаточно выразителен, и в сочетании с анализом конструкции погребальных сооружений позволяет сравнительно точно датировать могильник.

Нами ранее уже отмечалось сходство конструкции погребальных сооружений Вуадильского могильника с погребениями эпохи бронзы Казахстана (выкладки с оградками и каменные ящики) [1].

Могильный инвентарь, в свою очередь, усиливает впечатление большой близости культуры населения, оставившего могильник, с культурой населения Казахстана в эпоху бронзы.

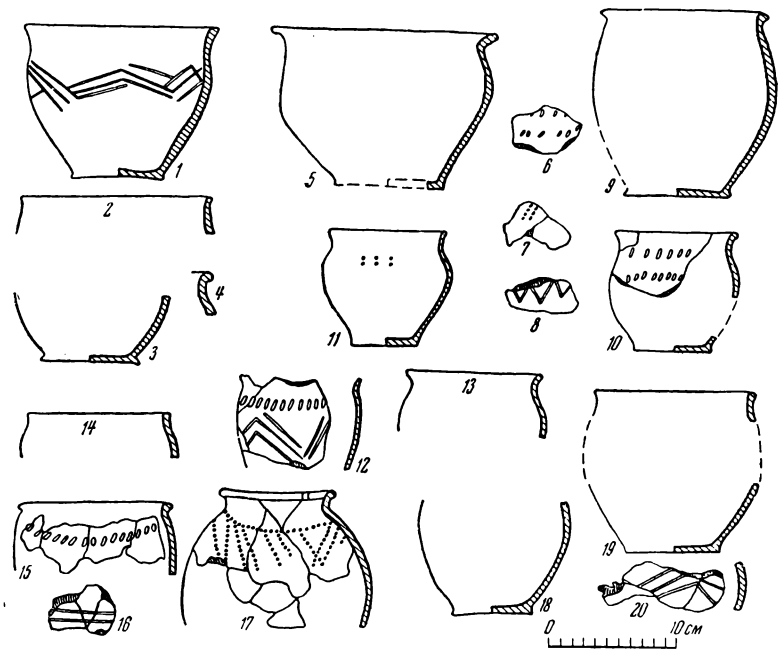


Рис. 3. Керамика из погребений Вуадильского могильника

1—4 — погребение № 34; *5* — погребение № 37; *6* — погребение № 153; *7* — погребение № 51; *8* — погребение № 33; *9—10* — погребение № 35; *11—13* — погребение № 27; *14* — погребение № 36; *15—16* — погребение № 55; *17* — погребение № 218; *18—20* — погребение № 28

В первую очередь следует отметить ближайшие аналогии керамике из Вуадильского могильника, имеющиеся на территории собственно Средней Азии; их мы находим в керамике тазабагьябской культуры Хорезма (Кокча-3) [2], в Ташкентском оазисе (находки на трассе канала им. Молотова, на «Никифорских землях») [3], в Семиречье (Каиндинские стоянки) [4] и в Бухарской области [5].

Привлекая аналогии из казахстанских памятников, следует прежде всего указать на керамику из Алексеевского могильника [6], из кургана Дан-

[1] Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Ук. соч,, стр. 90.

[2] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 66; его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. Советское востоковедение, 1955, № 6, стр. 89 сл.

[3] Сводку публикаций находок эпохи бронзы в Ташкентской области см. Т. Г. Оболдуева. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. КСИИМК, вып. 59, 1955.

[4] Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, табл. XXX.

[5] Как нам любезно сообщил Я. Г. Гулямов, весьма близкое сходство в инвентаре и, в частности, в керамике имеется между Вуадильскими погребениями и погребениями могильника Заман-Баба II в Каракульском районе Бухарской области, раскопанного в 1955 г.

[6] О. К. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. XVII, 1948.

дыбай 11 [1], могильника у с. Борового [2] и с поселения Малая Красноярка [3].

Найденная в указанных пунктах керамика близка Вуадильской главным образом по форме и в известной мере по орнаментам.

Изделия из бронзы (украшения и наконечник стрелы) дополняют этот круг аналогий, добавляя, таким образом, два новых пункта на территории Средней Азии. Мы имеем в виду случайные находки в верховьях р. Чирчик, где были найдены бусы из бронзы [4], столь похожие на вуадильские, что кажутся изготовленными одним мастером, а также клад бронзовых вещей из с. Бричмулла [5] верховья р. Чирчик; четыре стрелы оттуда близко напоминают вуадильский листовидный втульчатый наконечник. Подобные наконечники стрел за последнее время были обнаружены на территории Казахстана и Западной Сибири в ряде поселений и в могильнике, относимых исследователями ко времени поздней бронзы [6].

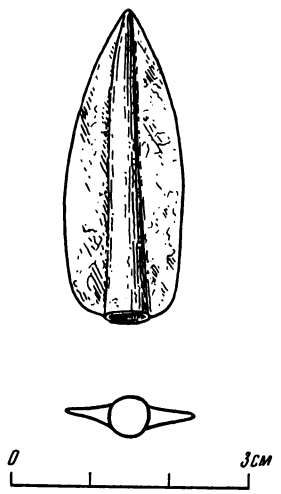


Рис. 4. Бронзовый наконечник стрелы (Вуадиль, погребение № 218)

Приведенные сопоставления позволяют датировать Вуадильский могильник X—VIII вв. до н. э.

В могильнике близ Карамкуля, расположенном на первой и второй террасах равнинных адыров Южной Ферганы, в 40 *км* к северо-востоку от Вуадильского могильника, было вскрыто 16 погребений. Среди них можно отметить курганы с округлыми каменными насыпями, выкладки различных геометрических форм (рис. 2, *2*) и каменные ящики. Погребения в каменных ящиках в большинстве случаев аналогичны вуадильским. Под одной невысокой каменной насыпью находилось скорченное захоронение, где костяк был заключен в овал из крупных галек, имитирующих ящик (рис. 5). Костяк лежал головой на запад, на левом боку, лицом на север. Это вторая находка скорченного погребения на территории Ферганы [7].

Погребения могильника оказались почти полностью разграбленными, только в одном каменном ящике была найдена ребристая пастовая пронизка, единственнную аналогию которой мы находим в погребениях Кокча-3 в Хорезме.

Между отдельными выкладками могильника были отмечены узкие длинные вымостки из камня — «дорожки». Вскрытие одной из таких «дорожек» показало, что они не являются погребальными сооружениями, хотя принцип их устройства по внешнему виду на поверхности напоминает ящик. Они образованы двумя параллельными рядами вертикально врытых в землю плоских галек; сразу под слоем дерна обнаруживалась сплошная каменная вымостка из лежащих плашмя плоских окатанных камней на щебнистом грунте. Пока не удалось проследить, ведут ли эти «дорожки» непосредственно к месту погребения.

---

[1] М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI, 1952, стр. 143, рис. 11.

[2] Выражаем благодарность М. Оразбаеву, ознакомившему нас с материалами своих раскопок.

[3] С. С. Черников. Отчет о работе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. Изв. АН Казахской ССР, серия археологическая, вып. 2, Алма-Ата, 1949.

[4]. Фонды Музея истории народов Узбекистана.

[5] Хранится в отделе археологии Института истории и археологии АН Уз. ССР.

[6] Н. Л. Членова. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири. СА, XXIII, 1955, стр. 40.

[7] Первое скорченное погребение было открыто в культурном слое Чустского поселения В. И. Спришевским в 1955 г.

Суммируя данные по Карамкульскому могильнику, следует отметить, что с погребениями Вуадиля его сближают наличие и конструкция каменных ящиков, их ориентировка. Вопрос о датировке можно ставить только на основании этого сходства, так как в могильнике вскрыты почти все имеющиеся там сооружения и вряд ли можно рассчитывать на новые, более точные данные. Нам кажется, что не будет большой ошибкой отнести Карамкульский могильник ко времени возникновения Вуадильского могильника.

Рис. 5. Скорченное погребение в кургане № 2 (Карамкуль)

На территории Ферганской долины наряду с поселениями периода эпохи бронзы, для которых характерна расписная керамика (Чустское и Дальверзинское поселения), мы изучили теперь и могильники этого же периода, имеющие прямые аналогии в памятниках культур степной бронзы. В последнее время работами А. П. Окладникова и Б. А. Литвинского[1] в северо-западной Фергане были открыты такырные стоянки эпохи бронзы. Вещевой материал с этих стоянок, в частности керамику, исследователи связывают с культурами, близкими к андроновской.

В настоящее время несомненно сосуществование в Фергане в эпоху бронзы двух культур: земледельцев с крашеной керамикой, известной по памятникам эпохи бронзы Южной Туркмении, и культуры, которую можно сопоставить только с памятниками степной бронзы.

Отмеченное сходство материалов Вуадильского и Карамкульского могильников с аналогичными материалами эпохи бронзы Ташкентского оазиса и Хорезма, а также открытие такырных Кайраккумских стоянок, позволяет говорить о существовавших в этот период тесных взаимосвязях населения Ферганы прежде всего с населением западных и северо-западных, смежных с Ферганой территорий, а может быть, и о единой культуре. Имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют конкретизировать вопрос о форме и степени этих связей, однако антропологический материал из Вуадильского могильника, по определению В. В. Гинзбурга, не носит черт, характерных для андроновцев. Единственный череп из погребения на Чустском поселении, по определению В. И. Зезенковой, долихоцефальный и может быть сопоставлен с черепами из Вуадиля. Последние же имеют прямые аналогии в антропологических материалах Тупхоны, Бухары, Южной Туркмении. Эти факты не позволяют пока даже предполагать расселение, миграцию населения степей Казахстана в эпоху бронзы на юг.

[1] А. П. Окладников. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 года. Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1954 году». Сталинабад, 1956.

Отдельные элементы, характерные для андроновской культуры, были встречены на юге Средней Азии. Так, еще Р. Шмидт отмечал в анауской керамике выделяющиеся среди всего комплекса фрагменты, которые мы можем сопоставить теперь с тазабагьябской керамикой [1]. Аналогичные материалы были собраны в окрестностях Ашхабада [2]. Однако эти фрагментарные находки могут свидетельствовать лишь о культурных связях юга и севера Средней Азии, или, в крайнем случае, о проникновении отдельных групп населения с севера.

Памятники эпохи бронзы Хорезма, два разновременные могильника Заман-баба I и II в Каракульском районе Бухарской области, сделанные в последние годы находки отдельных бронзовых предметов и характерной керамики в Ташкентском оазисе (могильник у станции Вревской) и, наконец, могильники и такырные стоянки в Ферганской долине наряду с поселениями земледельцев с крашеной керамикой позволяют, как нам кажется, северную границу для культуры крашеной керамики и южную для культур степной бронзы четко провести по территории Хорезма в южных районах распространения тазабагьябской культуры, далее на восток, через Бухарский и Ташкентский оазисы в Ферганскую долину до Тянь-Шаня. Понятно, что районы, где проходила эта условная граница, имеют памятники обеих культур, что особенно ярко прослеживается в Фергане, которая становится одной из тех областей, где имеется возможность проследить скрещение в эпоху бронзы элементов двух культур.

В порядке рабочей гипотезы можно сделать два предположения: во-первых, о единой специфичной культуре степной бронзы, занимающей северную часть Средней Азии, имеющей в отдельных районах своеобразные локальные варианты и близкой с культурами эпохи бронзы Поволжья и Казахстана; во-вторых, о том, что территория, занимаемая этой культурой, является в то же время границей двух огромных этнических массивов — европеоидного населения юга Средней Азии, носящего черты средиземноморцев, и европеоидов-андроновцев.

---

[1] R. Pumpelly. Exploration in Turkestan, т. I. Washington, 1908, табл. 15, *7—9*.

[2] А. В. Збруева. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья. ВДИ, 1946, № 3, стр. 186.

О. Н. БАДЕР, Б. Х. КАДИКОВ

ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА КАМЕ МЕЖДУ г. ОХАНСКОМ И г. САРАПУЛОМ

На археологической карте Прикамья, составленной И. А. Талицкой на основании довоенных данных, Среднее Прикамье между р. Чусовой и р. Белой представляет собой белое пятно [1].

Первая попытка археологического обследования на Средней Каме была предпринята Камской археологической экспедицией Молотовского Гос. университета в 1949 г., когда поисковым отрядом под руководством Ф. И. Петровых и В. Белоусова был обследован район г. Осы. Среди обследованных памятников не оказалось, однако, ни одной стоянки.

В 1951 г. нами были организованы новые поиски силами Прикамской палеоантропологической экспедиции Московского университета. В составе этой экспедиции был специальный разведочный Среднекамский отряд под руководством Т. А. Медведевой, в задачи которого входили поиски палеолита, а также более поздних стоянок по Каме между г. Оханском и с. Сайгаткой. Среди открытых тогда памятников оказались первые 10 поселений эпохи бронзы.

В 1952, 1953 и 1954 гг. поиски и раскопки поселений эпохи бронзы на этом отрезке Камы производились Камской археологической экспедицией Молотовского университета и носили вполне систематический характер [2].

Для краткости данные по изучению поселений приводятся ниже в виде табл. 1.

Как видно на карте (рис. 1), перечисленные поселения образуют четыре локальные группы: оханскую, осинско-частинскую, еловскую и сивинскую. Из них оханская и еловская самые компактные, другие две выглядят более растянутыми. В какой мере эта территориальная группировка поселений является отражением племенных образований той отдаленной эпохи, могут показать лишь дальнейшие исследования.

Археологические исследования памятников эпохи бронзы на Средней Каме лишь начаты. Тем не менее их предварительная общая характеристика уже возможна, а отсутствие в литературе данных о многих памятниках делает целесообразной публикацию такой характеристики.

Топографически все перечисленные выше памятники располагаются однообразно: всегда на поверхности боровых террас или высоких пойм, у их края, обычно поблизости от болотистых низин (некогда озер и затонов) или у устьев небольших речек, впадающих в Каму (рис. 2).

Почти для всех поселений характерна очень слабая насыщенность культурного слоя вне жилищных впадин, что затрудняет определение площади этих поселений.

О размерах поселений можно судить по числу сохранившихся на них

---

[1] И. А. Талицкая. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы. МИА, № 27, 1952.

[2] В настоящую сводку не вошли результаты работ 1955 и 1956 гг.

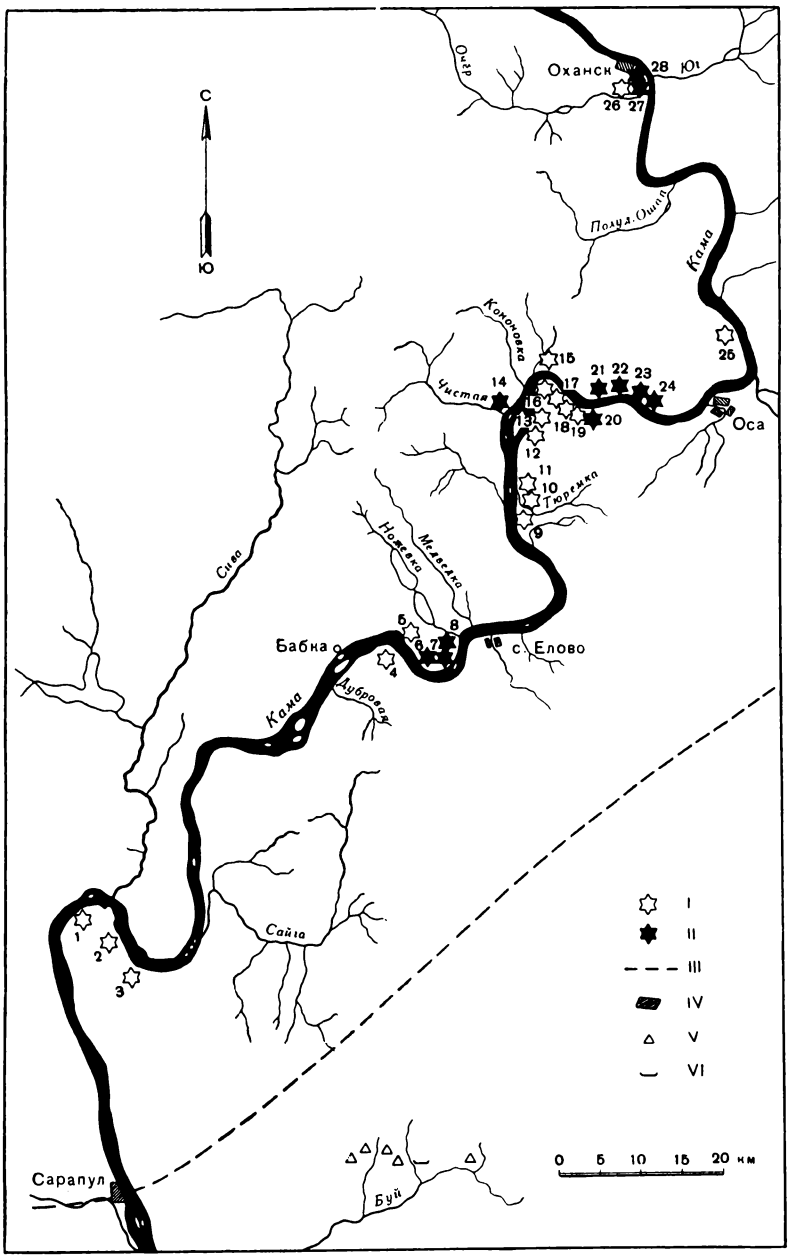


Рис. 1. Карта расположения поселений эпохи бронзы между Оханском и Сарапулом: I — нераскопанные поселения; II — раскопанные поселения; III — северная граница древних степей; IV — города; V — местонахождения медных вислообушных топоров; VI — Верх-Савинский могильник

1 — Поваренковское; *2* — Красноплотбищенское; *3* — Чернушинское; *4* — Толстиковское; *5* — Устьинское; *6* — Нижне-Раздорное; *7* — Раздорное I; *8* — Раздорное II; *9* — Бойцовское III; *10* — Бойцовское II; *11* — Бойцовское I; *12* — Старушка; *13* — Чернашка; *14* — Ерзовское; *15* — Борок; *16* — у кордона I; *17* — у кордона II; *18* — Смолокуренное; *19* — Барская Пристань; *20* — Басеньский борок; *21* — Кама-Жулановское I; *22* — Кама-Жулановское II; *23* — Ольховское; *24* — Первомайское; *25* — Гольянское; *26* — Камский Бор III; *27* — Камский Бор II; *28* — Камский Бор I

жилищных впадин [1]. Данные о количестве жилищных впадин на поселениях приведены в табл. 1.

[1] Как показала практика работ Камской археологич. эксп., число впадин на песчаной поверхности боровых террас обычно соответствует количеству жилищ.

Изучение поселений бронзовой

Название поселений	Административный район	Берег Камы
1. Поваренковское	Завьял. р-н, Удм. АССР	Левый
2. Краснoплотбищенское	Фокинский р-н, Молотовск. обл.	»
3. Чернушинское	» » » »	»
4. Толстиковское	Еловск. р-н, Молотовск. обл.	»
5. Устьинское	» » » »	Правый
6. Нижне-Раздорное	» » » »	»
7. Раздорное I	» » » »	»
8. Раздорное II	» » » »	»
9. Бойцовское III	Частинск. р-н, Молотовск. обл.	Левый
10. Бойцовское II	» » » »	»
11. Бойцовское I	» » » »	»
12. Старушка	» » » »	»
13. Чернашка	» » » »	»
14. Ерзовское	» » » »	Правый
15. Борок	» » » »	»
16. У кордона I	» » » »	Левый
17. У кордона II	» » » »	»
18. Смолокуренное	Осинск. р-н, Молотовск. обл.	»
19. Барская Пристань	» » » »	»
20. Басенький Борок	» » » »	»
21. Кама-Жулановское I	» » » »	Правый
22. Кама-Жулановское II	» » » »	»
23. Ольховское	» » » »	»
24. Первомайское	» » » »	»
25. Гальянское	» » » »	»
26. Камский Бор III	Оханск. р-н, Молотовск. обл.	»
27. Камский Бор II	» » » »	»
28. Камский Бор I	» » » »	»

* Нумерация памятников вверх по течению Камы совпадает с нумерацией на карте
** В 1951 г. при раскопках мезолитической стоянки вскрыто жилище бронзовой

Жилищных впадин нет на стоянках Камский Бор III, Устьинская, Поваренковская и Ерзовская.

Отсюда следует, что для рассматриваемого района наиболее характерны поселения с одним-двумя жилищами, составляющие три пятых от общего числа поселений с жилищными впадинами.

Из 11 раскопанных поселений лишь на Ерзовском пока не удалось выявить наличие жилищ.

Для всех трех групп поселений типична близкая к квадрату форма жилища с одним или двумя выходами и очагами, ориентированными по средней линии очертаний (рис. 3) [1].

[1] Б. Г. Тихонов. Кама-Жулановская стоянка бронзовой эпохи на Средней Каме.

Таблица 1

эпохи на Средней Каме *

Кем и когда открыто и обследовано	Количество жилищных впадин	Кем и когда раскапывалось	Вскрытая раскопками площадь
В. А. Могильниковым, 1954 г.	2		
„ „	2		
„ „	2		
„ 1953	2		
„ „			
О. Н. Бадером, З. П. Соколовой, 1952 г.	1	О. Н. Бадером, 1953 г.	145 *м*²
Б. Г. Тихоновым, 1951 г., О. Н. Бадером, 1952	1	„ 1952 г.	69 *м*²
О. Н. Бадером, 1952 г.	1	„ „	83 *м*²
Б. Х. Кадиковым и В. С. Крыловым, 1954 г.	4		
То же	3		
Н. О. Бадером, 1954 г.	1		
Б. Х. Кадиковым и В. С. Крыловым, 1954 г.	12		
То же	7		
Б. Х. Кадиковым, 1953 г.		„ 1954 г.	42 *м*²
„ 1954 г.	2		
Б. Г. Тихоновым, 1951 г.	5		
Б. Х. Кадиковым и В. С. Крыловым, 1954 г.	2		
Б. Г. Тихоновым, 1951 г.; З. П. Соколовой, 1953 г.	3		
Т. А. Медведевой, 1951 г.; З. П. Соколовой, 1953 г.	1		
Б. Г. Тихоновым, 1951 г.; З. П. Соколовой, 1953 г.	4	„ 1954 г.	408 *м*²
Б. Г. Тихоновым, 1951 г.	3	„ 1951 г.	См. сноску**
Б. Г. Тихоновым, 1951 г.; З. П. Соколовой, 1953 г.	2	О. Н. Бадером и З. П. Соколовой, 1953, 1954 гг.	494 *м*²
З. П. Соколовой, 1953 г.	2	О. Н. Бадером, З. П. Соколовой, А. И. Чистиным, 1953, 1954 гг.	261 *м*²
Б. Г. Тихоновым, 1951 г.; З. П. Соколовой, 1953 г.	2	О. Н. Бадером, А. И. Чистиным, 1954 г.	380 *м*²
Т. А. Медведевой, 1951 г.	1		
В. Д. Луневым, 1954 г.			
Б. Г. Тихоновым, 1951 г.; А. М. Ширинкиной, 1953 г.	4	А. М. Ширинкиной, 1954 г.	158 *м*²
В. Бабушкиным, 1951 г.; А. М. Ширинкиной, 1953 г.	1	А. М. Ширинкиной, 1953 г.	124 *м*²

(рис. 1).
эпохи.

Все жилищные впадины углублены в грунт в пределах 1—1,5 *м*. В некоторых из них (Первомайское и Ольховское поселения) при раскопках обнаружены следы ямок от столбов, по-видимому, поддерживавших кровлю.

Детали планировки и устройства позволяют реконструировать эти жилища как слегка углубленные в землю полуземлянки с двускатной крышей.

Уч. зап. Молот. ун-та, т. IX, вып. 3, Харьков, 1953; А. М. Ширинкина. Поселение Камский Бор I близ Оханска. Уч. зап. Молот. ун-та, т. XI, вып. 3, 1956.

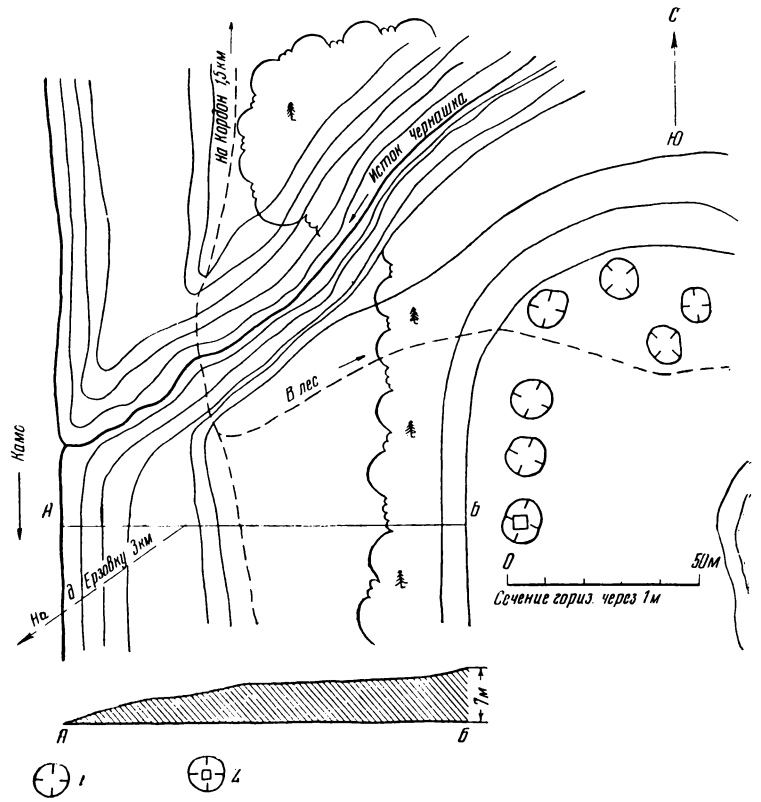


Рис. 2. План и поперечный профиль поселения Чернашка

1 — впадины древних жилищ, *2* — впадина с большой современной ямой на дне

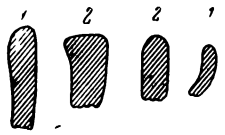
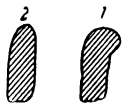
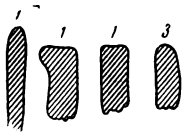
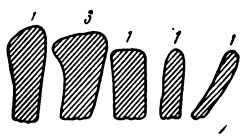
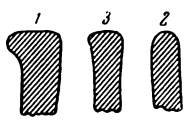
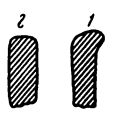
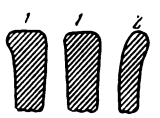
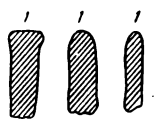
Размеры очертаний жилищных ям на поселениях колеблются от 4,5× × 4 *м* до 8,5 × 8,5 *м*. Размеры их таковы:

Камский Бор I	5 ×6 *м*
Камский Бор II	8,5×5 *м*
Ольховское	7,5×7,5 *м*
Первомайское, жилище 1	4,8×7 *м*
„ жилище 2	8,5×8,5 *м*
Кама-Жулановское I	4,5×4 *м*
Кама-Жулановское II, жилище 1	7 ×8 *м*
„ „ жилище 2	7,5×9,5 *м*
Басенький Борок, жилище 1	5 ×5 *м*
„ „ жилище 2	5,5×6,5 *м*
„ „ жилище 3	6,5×6 *м*
„ „ жилище 4	5,5×4,5 *м*
Раздорное I	7 ×5,7 *м*
Раздорное II	5 ×5 *м*
Нижне-Раздорное	7,7×6,8 *м*

На поселениях Первомайское и Басенький Борок были встречены двухкамерные жилища, соединенные переходами (рис. 3).

Бедность находок наблюдается почти во всех жилищах. Вне жилищ культурные остатки почти не встречаются. Наглядное представление об этом дает количество сосудов на каждом из поселений, установленное по материалам раскопок экспедиции (табл. 2). Дополнительной иллюстрацией в данном случае может служить и количество наконечников стрел. Показателен и факт слабого прокала очажных пятен в жилищах (мощность их в среднем 20—30 *см*) или полного отсутствия следов прокала (стоянки Раздорное I, Раздорное II, Нижне-Раздорное и жилище 2 поселения Басенький Борок).

Таблица 2

Стоянки	Общее количество сосудов	Выделено сосудов: по шейкам	Выделено сосудов: по днищу	Примеси к тесту: растительная	Примеси к тесту: тальк, слюда	Примеси к тесту: песок	Заглажив. зубчатым штампом	Типы шеек сосудов и кол-во их по типам
Камский Бор I . .	21	6	—	20	1	—	+	
Камский Бор II	10	3	—	9	1	—	+	
Первомайское . .	12	6	—	5	7	—	+	
Ольховская . . .	13	6	—	13	—	—	+	
Кама-Жулановское II	20	6	—	20	—	—	+	
Раздорное I . . .	4	3	—	4	—	—	+	
Раздорное II . .	5	3	—	5	—	—	+	
Нижне-Раздорное	9	4	2	6	—	3	+	
Ольховская мезолитическая (бронзовый комплекс)	3	1	1	—	—	3	—	

Эта закономерная связь слабой насыщенности культурного слоя и малой мощности прокала очажных пятен может свидетельствовать лишь о недолговременности обитания стоянок.

Итак, среднекамским поселениям свойственны следующие общие черты: 1) расположение на краю боровых террас и высоких пойм, 2) преобладание поселений с одними-двумя жилищами, 3) сходство в устройстве, планировке и размерах жилищ, 4) слабая насыщенность культурного слоя вне и внутри жилищ как следствие недолговременности поселений.

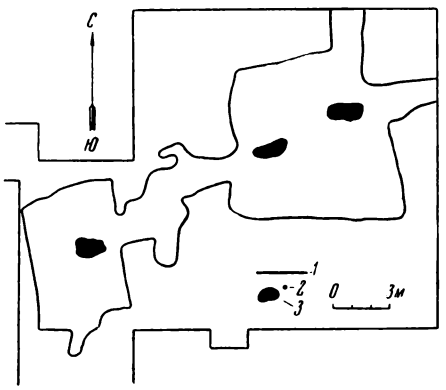


Рис. 3. Жилищные ямы на Первомайском поселении

1 — очертания жилищ, *2* — столбовые ямы, *3* — кострища

Перечисленные общие черты поселений подкрепляются большим сходством в материальной культуре, общая характеристика которой приводится ниже. Исключение составляет лишь материал Ерзовской стоянки, не имеющий пока аналогий в материале других стоянок Средней Камы. Это заставляет нас выделить описание материальной культуры Ерзовского поселения.

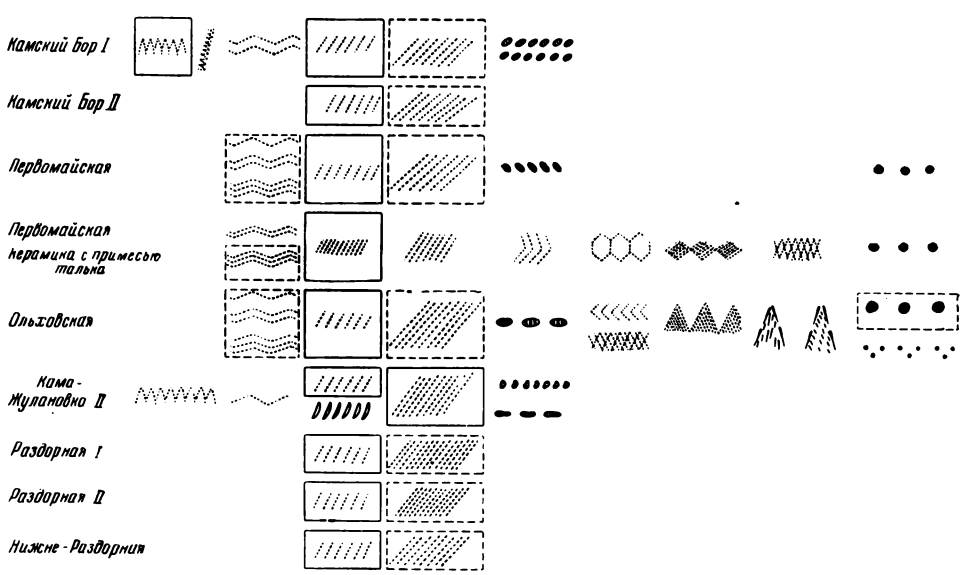
Поскольку глиняная посуда древних поселений служит одним из основных критериев для определения их культурной принадлежности, начнем с ее характеристики.

Анализ этого однородного материала позволил нам дать его сводное описание по основным признакам.

Всего на раскопанных поселениях по обломкам выделено не менее 97 отдельных сосудов; из них 82 имеют растительные примеси к глиняному тесту, что вредно отразилось на их сохранности. Обломки сосудов этих групп имеют пористую поверхность и большей частью вследствие

Таблица 3

Элементы узора в орнаменте среднекамской керамики эпохи бронзы [1]



[1] Обозначения: в сплошной рамке — часто встречается; в пунктирной — редко; без рамки — единично.

своей непрочности представлены очень маленькими обломками, поэтому нам не удалось реконструировать ни одного сосуда.

Плохая сохранность отрицательно повлияла и на возможность определения элементов узора и техники нанесения орнамента. Особенно это отмечено на обломках посуды стоянок Камский Бор II, Раздорное I и II (табл. 3) и Басенький Борок, где вообще не удалось выявить узоры.

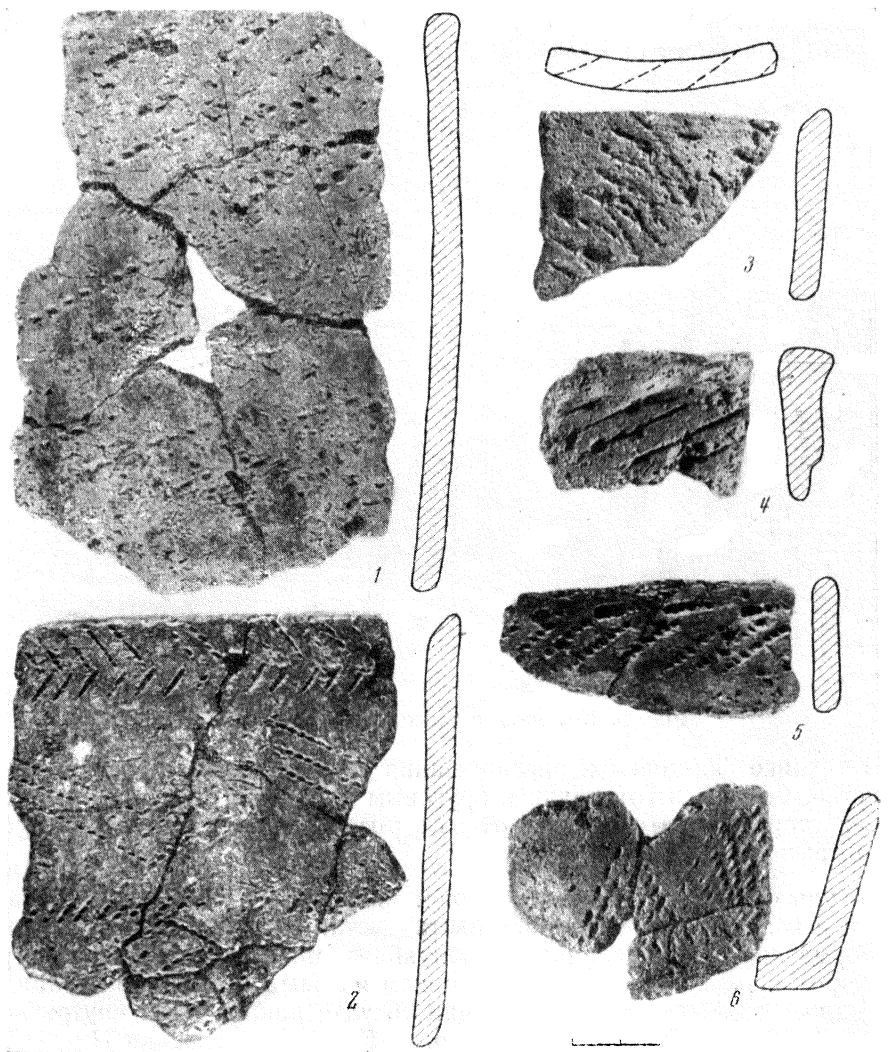


Рис. 4. Керамика с поселений: Кама-Жулановское II (*1*, *5*), Первомайское (*2*), Камский Бор I (*3*, *4*), Ольховское (*6*)

Мы не будем останавливаться на подробном разборе элементов узора и технике нанесения орнаментации, так как о них можно судить по прилагаемой табл. 3. Отметим лишь их важнейшие особенности:

1) характерная для всех стоянок бедность орнаментальных узоров;

2) редкое зональное расположение орнамента (главным образом по верхней половине сосуда под венчиком) и отсутствие его на остальной части сосуда; так, например, на стоянке Камский Бор I из 230 обломков 186 не орнаментированны, а на стоянке Камский Бор II из 99 орнаментированы лишь 37 обломков; орнамент почти на всех сосудах располагается горизонтальными зонами, состоящими главным образом из одного

элемента узора; чаще всего эти зоны состоят из коротких или удлиненных косо поставленных насечек (рис. 4), лишь на одном сосуде узор («шагающая гребенка») располагался наклонно к срезу сосуда (рис. 4, *3*);

3) типичный для всех сосудов орнамент, расположенный сверху по венчику и состоящий в большинстве случаев из косо поставленной насечки зубчатым штампом (рис. 4, *3*); исключение представляют лишь венчики двух сосудов с Ольховского поселения, орнаментированные своеобразной сеткой (рис. 5, *1*), и одного сосуда с Кама-Жулановской II, орнаментированного простым зигзагом.

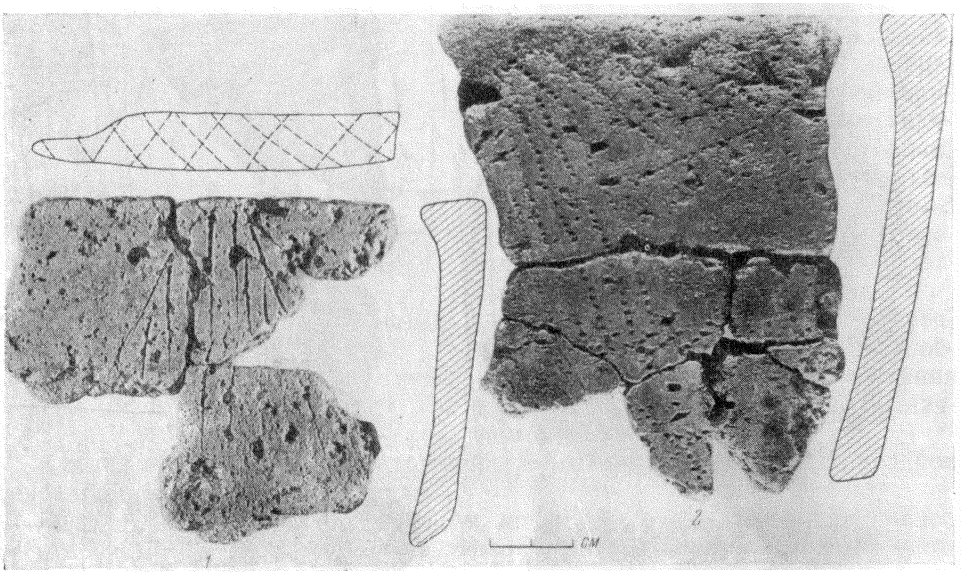


Рис. 5. Керамика с Ольховского поселения

В технике формовки и заглаживания сосудов также прослеживается единство. Сосуды изготовлялись круговым налепом (рис. 5, *2*) и с внутренней стороны почти все имеют заметные следы заглаживания зубчатым штампом.

Сосуды обжигались на костре, о чем свидетельствует неровная окраска стенок и характерное изменение цвета теста, видное в изломе черепка.

Форма сосудов яйцевидная и полуяйцевидная; преобладают сосуды с плоским, нередко утолщенным венчиком и прямыми стенками (табл. *2*).

Удалось выявить всего лишь один сосуд с наклоненной внутрь верхней частью стенок (рис. 4, *1*) на стоянке Кама-Жулановская II.

Сосуды открытой формы (стенки наклонены наружу) выделены лишь на двух стоянках: Камский Бор I (один сосуд из 21) и на Ольховской (четыре сосуда из 15; рис. 5).

Несмотря на большую фрагментарность керамического материала, удалось определить диаметры некоторых сосудов. На стоянке Камский Бор I один сосуд имел диаметр 32 *см*, на Ольховской найдены три сосуда диаметром в 54, 56, 60 *см;* на Первомайском поселении — два сосуда диаметром по 26 *см,* на Кама-Жулановском II — три сосуда диаметром 34, 38 и 56 *см*, на стоянке Раздорное II — один сосуд диаметром в 56 *см.* Таким образом, диаметры всех измеренных сосудов колеблются между 26 и 60 *см.*

Среди сосудов с растительными примесями имеются и небольшие по размеру, но измерить их диаметры невозможно, так как их обломки очень малы.

Таблица 4

Типы кремневых наконечников стрел среднекамских памятников эпохи бронзы

Стоянки	Общее количество наконечников	из них целых	сломанных	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
Камский Бор I	15	8	7		1	5	1			2		
Камский Бор II	10	2	8		2	1						1
Первомайская	29	14	15	3	8	2					5	2
Ольховская	30	20	10	1	1					2	16	2
Кама-Жулановка I	20	9	11		5	3				1		
Кама-Жулановка II	12	8	4	1	7						2	
Басенький Бор	28	10	18		3	8	2		2	1		
Раздорная I	4	4			3						1	
Раздорная II	10	7	3		4						3	
Нижне-Раздорная	14	11	3		4	2	1	1	1			
Всего	162			5	38	21	4	1	3	6	27	5

Примечание: в статистику форм вошли лишь 110 наконечников удовлетворительной сохранности.

К посуде с другими примесями прежде всего относятся сосуды с примесью талька и слюды. Они тождественны сосудам первой группы по своей яйцевидной форме и орнаментации зубчатым штампом (рис. 4, *2*).

Отличия их заключаются в более густом заполнении орнаментального поля (с переходом его на нижнюю часть сосуда) и наличии несколько иных элементов узора, как, например, шестиугольников и цепочки заштрихованных ромбов (см. элементы узора Первомайского поселения, табл. *3*).

Сосуды с примесью талька найдены на четырех поселениях: на Первомайском — пять сосудов и по одному — на стоянках Камский Бор I, Камский Бор II и Кама-Жулановское I.

Следующая и последняя группа посуды представлена сосудами с примесью песка; они отличаются от первых двух групп плоскодонностью, отсутствием в орнаменте зубчатого штампа и лощением поверхности; пять из них (без дна) найдены на Первомайском поселении, три — на Нижне-Раздорном и три — на площади Ольховской мезолитической стоянки (рис. 4, *6*). Интересно, что плоское дно, характерное для этой группы сосудов, прослежено и у одного из сосудов с органическими примесями, орнаментированного зубчатым штампом (с Нижне-Раздорного поселения).

Изменение формы дна в основной группе сосудов (с растительными примесями) следует связывать с наличием на стоянках привозных плоскодонных сосудов типа третьей группы.

Надо полагать, что сосуды второй (с примесями талька) и, в особенности, третьей группы не изготовлялись на этих поселениях, а привозились сюда из других районов, смежных со Средней Камой.

Таким образом, среднекамские поселения объединяются еще по одному общему признаку — преобладанию на них однотипных сосудов с растительными примесями, несомненно, местного изготовления.

Поскольку в каменных орудиях специфика культуры не столь ярко выражена, как в посуде, мы ограничимся лишь их краткой характеристикой.

При ознакомлении с кремневым инвентарем бросаются в глаза две особенности, свойственные всем поселениям: 1) преобладает в изделиях кремень галечникового происхождения и 2) заметна деградация техники его обработки.

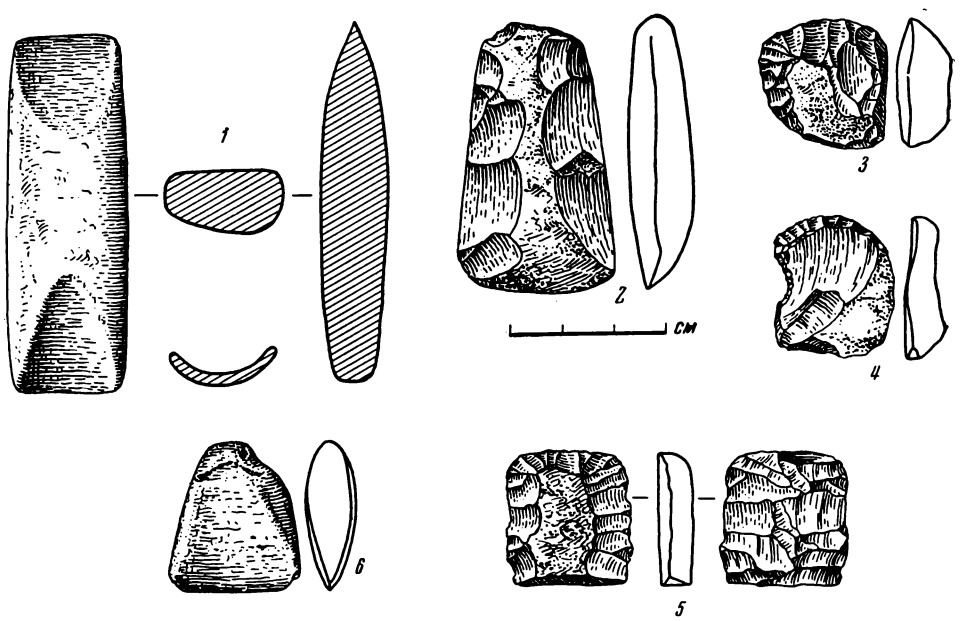


Рис. 6. Каменный инвентарь среднекамских поселений эпохи бронзы

1 — Кама-Жулановское I; *2, 3, 6* — Кама-Жулановское II; *4—5* — Первомайское (*2* — тесло, *1, 6* — долота, *3—5* — скребки)

Обе эти черты находятся во взаимосвязи, и объяснять их следует появлением другого, более качественного материала для выделки орудий, а именно — меди.

Самую многочисленную группу орудий составляют кремневые наконечники стрел, которые по форме подразделяются на девять основных типов.

Как видно из табл. 4, наконечники миндалевидной формы (тип II) представлены на всех поселениях и занимают по количеству первое место (38 экз.). За ними следуют ромбические (тип VIII, 27 экз.) и треугольные (тип III, 21 экз.) наконечники. Остальные шесть типов встречаются в единичных экземплярах и являются второстепенными.

Размеры наконечников всех типов в большинстве случаев колеблются в пределах от 2 до 3,5 *см*. Крупные наконечники (5—6 *см*) представлены единичными экземплярами.

Следующей по численности группой орудий являются скребки, встреченные на каждом из поселений. Их можно разделить на три группы: 1) скребки, сделанные на отщепах, 2) скребки на кусках и осколках галек (рис. 6, *3, 4*), 3) концевые скребки на кремневых плитках (рис. 6, *5*).

Рабочий край скребков первой группы обычно низкий, плохо ретуши-

рованный. У скребков второй группы рабочий край высокий и большей частью округлый. Скребки третьей группы встречены лишь на Первомайском и Кама-Жулановском II поселениях, тогда как другие наблюдаются на всех стоянках.

Почти на каждом из поселений есть скребки с «подтесанным» брюшком; подправленный снизу рабочий край и обработку брюшка имеют большей частью скребки второй группы. На Первомайском поселении, например, из 30 скребков 12 имеют обработку брюшка.

На описании других орудий из кремня, таких, как проколки, ножи, сверла и т. д., мы останавливаться не будем, так как их немного и среди них не выделяются орудия характерных форм.

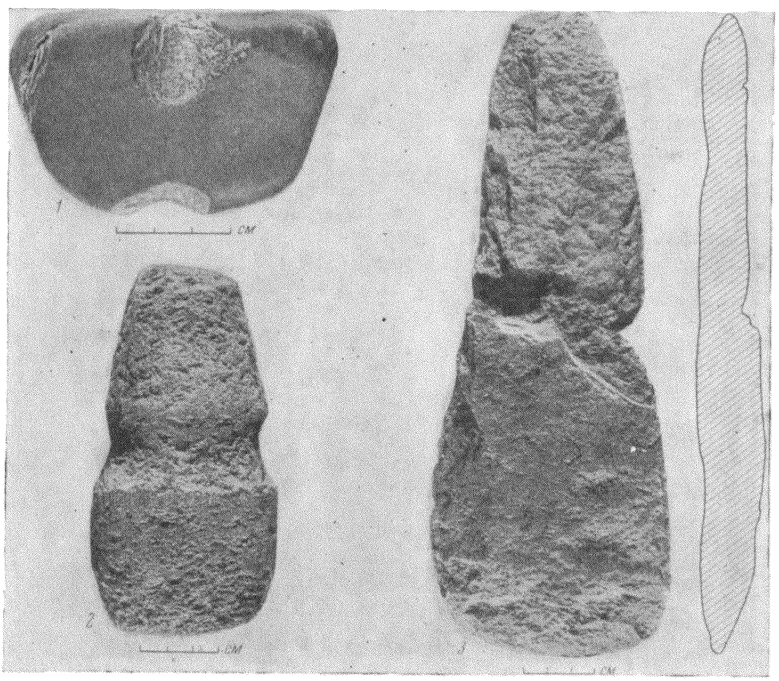


Рис. 7. Каменные орудия: рыболовное грузило (*1*) и молот (*2*) из Первомайского поселения; мотыга (*3*) с Раздорного II поселения

Очень интересный тип изогнутого ножа с двусторонней ретушью представлен всего лишь одним экземпляром.

На всех стоянках найдены шлифованные орудия (целые или в обломках), изготовленные большей частью из зеленоватого хлорито-кремнистого сланца. Из него изготовлялись ножи, орудия для обработки дерева, как, например, тесла (рис. 6, *2*) и долота различных форм (рис. 6, *1, 6*).

Из других каменных орудий на поселениях часты молоты с перехватом, обычно сделанные из крупных галек (рис. 7, *2*), и песты со стертыми рабочими краями. Найдены также зубчатые штампы для орнаментации сосудов (рис. 8, *6*).

Из крупных орудий и предметов, характеризующих хозяйство обитателей поселений, необходимо отметить каменные грузила и крупную плоскую мотыгу. Последняя была найдена на стоянке Раздорное II (рис. 7, *3*).

На трех поселениях найдены каменные грузила (рис. 7, *1*); на Первомайском их было восемь, на Кама-Жулановском II — три и на Ольховском — два экземпляра. Замечательно, что точно такие грузила для рыболовных снастей до сего времени употребляются на Средней Каме.

На стоянках Камский Бор I и Кама-Жулановское II найдены сверленые украшения или амулеты, сделанные из светло-зеленого сланца (рис. 8, *4*).

Следы литья меди обнаружены на двух поселениях — Нижне-Раздорном и Басеньком Борке.

На первом из них было найдено шесть бесформенных медных кусочков, один из которых имеет пузырчатую структуру и несет следы ошлаковки. Здесь же было найдено и сырье для плавки — три кусочка медистого песчаника.

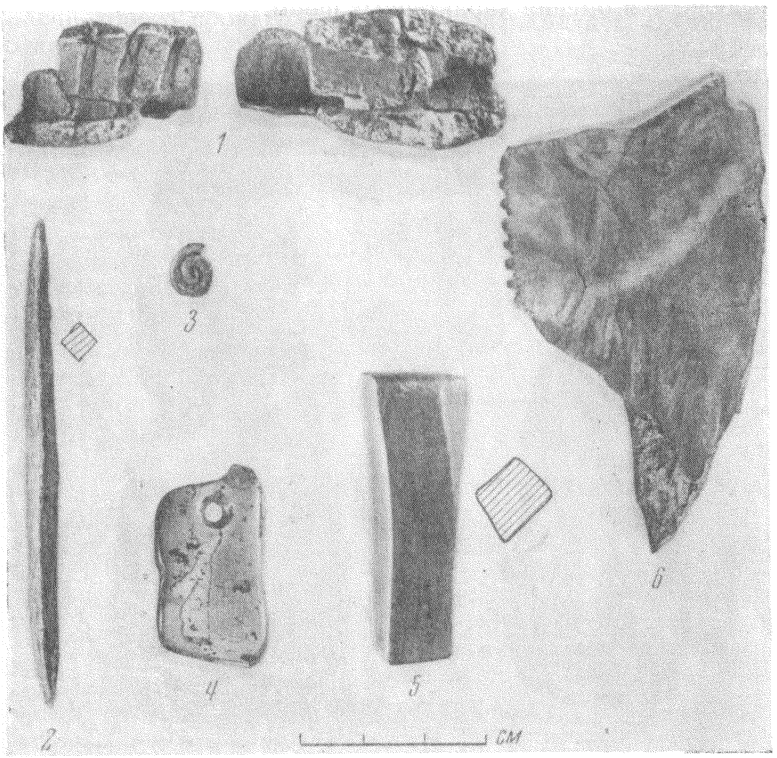


Рис. 8. Предметы различного назначения из глины (*1*), меди (*2, 3*) и камня (*4, 5, 6*)

1, 2, 3, 6 — пос. Басенький Борок; *4* — Камский Бор I; *5* — Первомайское

На Басеньком Борке найдено 16 медных предметов, из них особенно интересны шило и обломок спирали (рис. 8, *2, 3*).

Бесспорным доказательством литья меди на этом поселении служит находка медной капли и обломков оплавленной глиняной трубки — скорее всего, сопла (рис. 8, *1*).

На стоянке Кама-Жулановское I была обнаружена еще одна медная вещь — кольцо с заходящими друг на друга концами [1].

На других поселениях встречались точила из твердого мелкозернистого камня, по-видимому, служившие для наточки металлических орудий (рис. 8, *5*).

Особо выделяется Ерзовское поселение. Посуда этой стоянки отличается от других, описанных выше, формой сосудов, составом глиняного теста и орнаментом.

Все сосуды имеют хорошо выраженную прямую или отогнутую шейку и выпуклые стенки. Дно округлое; в глиняном тесте имеются примеси

[1] Б. Г. Тихонов. Ук. соч., рис. 3, *1*.

песка; обломки сосудов плотные, хорошей сохранности, цвет их на изломе преимущественно темный. Преобладают сосуды диаметром около 15—20 *см*.

По характеру орнамента обломки выделенных 26 сосудов могут быть распределены на несколько типов. У первого типа основной узор — двойной или тройной зигзаг, расположенный на шейке и нанесенный остроугольным или гребенчатым штампом. Ему сопутствует в нижней части шейки цепочка ямок (рис. 9, *1*). Четыре сосуда этого типа имеют, кроме основного узора, ряды из двух-четырех коротких вертикальных насечек

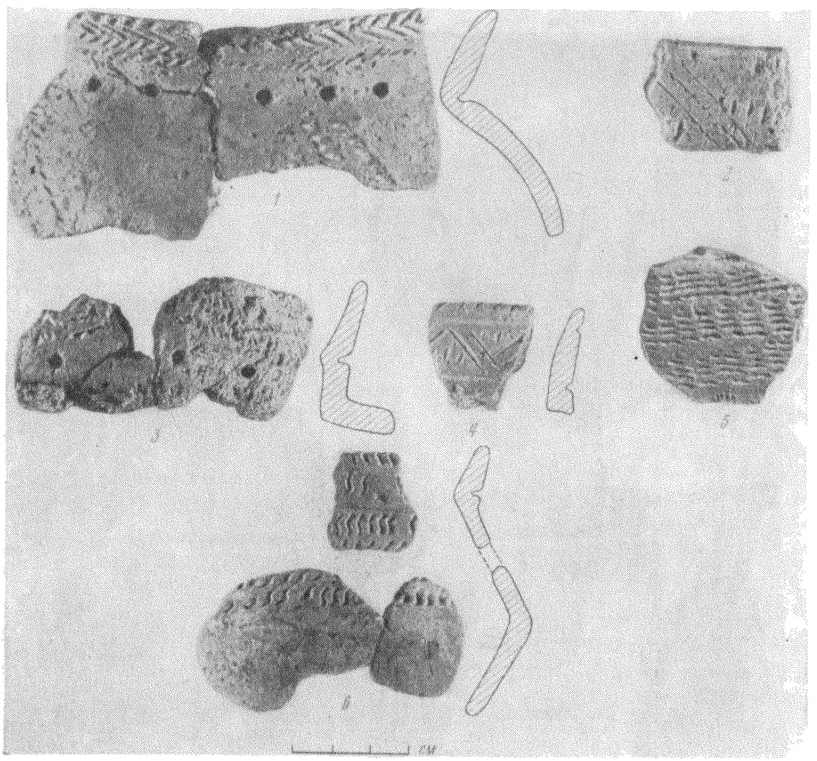


Рис. 9. Керамика с Ерзовской стоянки

в вершинах треугольников, образуемых зигзагом. На двух из этих сосудов зигзаг окаймлен параллельными резными линиями (рис. 9, *2, 4*).

Второй тип (представлен двумя сосудами). Под венчиком нанесен горизонтальный ряд из коротких косых насечек в сочетании с двумя поясками псевдошнуровых вдавлений. По горлу сосуда расположена цепочка ямок (рис. 9, *3*). Второй сосуд этого типа отличается от описанного наличием не двух, а одного пояска псевдошнуровых вдавлений и цепочкой ямок, насеченных с внутренней стороны сосуда. От этого сосуда сохранилась лишь шейка. На плечиках первого есть орнамент в виде групп из тройных, спускающихся вниз косо поставленных вдавлений псевдошнурового штампа.

Третий тип представлен также двумя сосудами. Основной узор — на плечиках и шейке имеются горизонтальные ряды эсовидных вдавлений. Один из сосудов этого типа имеет острое ребро (рис. 9, *6*).

Четвертый тип (один сосуд). Шейка не орнаментирована. На плечиках — широкая орнаментальная зона, выполненная сложным зубчатым штампом. В этой зоне несколько горизонтальных зигзагообразных поясс-

ков, нанесенных коротким овальным зубчатым штампом. Количество поясков и степень продвижения орнаментированной полосы на стенки сосуда точно не удалось установить. Примерное представление дают четыре ряда поясков и распространение зоны до середины высоты сосуда.

Пятый тип представлен одним сосудом. По шейке и плечикам сосуда — сплошная орнаментированная зона, выполненная оригинальным двузубчатым штампом (оттиск его похож на отпечаток ноги человека в обуви). По горлу — редкая цепочка округлых ямок (рис. 10, *1*).

Шестой тип (два сосуда). Основной узор расположен по шейке и плечикам в виде горизонтальных рядов групповых вдавлений: каждая груп-

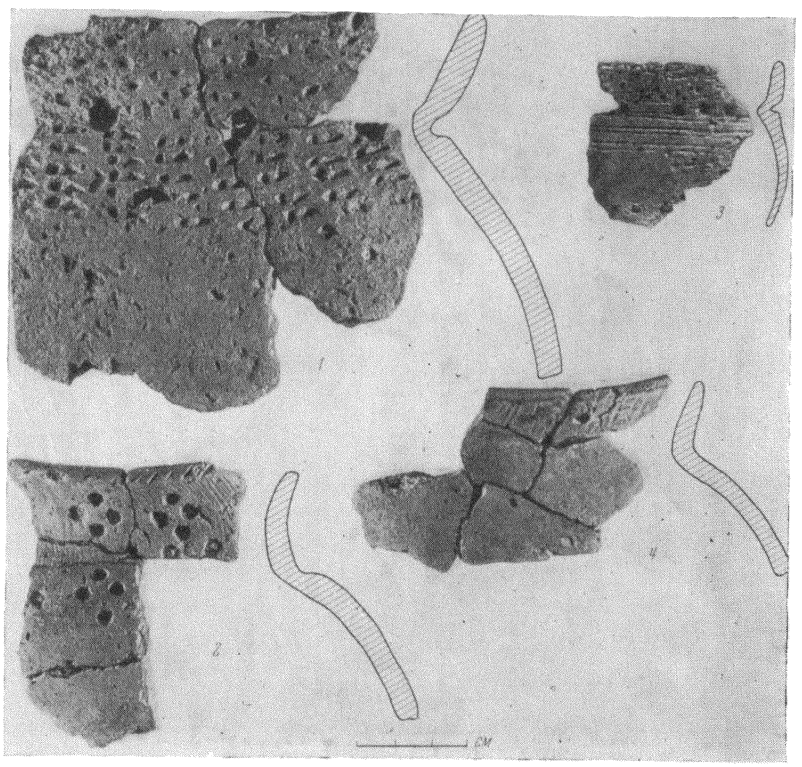


Рис. 10. Керамика с Ерзовской стоянки

па, в свою очередь, состоит из четырех вдавлений, располагающихся как бы в вершинах ромба. На одном сосуде этого типа узор выполнен округлой ямкой (рис. 10, *2*), на другом — короткими овальными вдавлениями.

Седьмой тип (два сосуда). Сосуды этого типа имеют лишь на шейке цепочку округлых ямок (рис. 10, *4*).

Восьмой тип (один сосуд). На шейке сосуда — горизонтальная цепочка округлых ямок, на плечиках — узкая полоса беспорядочных неглубоких вдавлений, нанесенных, по-видимому, заостренным концом палочки.

Девятый тип (один сосуд). Этот сосуд представляет собой исключение из общей массы керамики своей котлообразной формой и шнуровым орнаментом (рис. 10, *3*).

Остальные восемь сосудов не представляется возможным ни выделить в особые типы, ни отнести к уже выделенным, так как обломки их не дают представления о характере орнамента.

Кремневый материал стоянки преимущественно галечниковый, техника обработки его невысока и небрежна (рис. 11).

Орудия представлены сломанным наконечником копья с черешком, 14 скребками и 15 скобелями. Кроме того, есть одна ножевидная пластинка.

По сравнению с другими орудиями интересно обилие своеобразных долотовидных скобелей и небольшой диаметр их рабочей части: почти у всех он не превышает 1,5 *см* (рис. 11, *4, 5*). Употреблялись они, вероятно, для обработки тонких деревянных стержней — таких, как, например, древки стрел.

Материал среднекамских поселений приводит к выводу о чрезвычайной близости их к поселениям турбинской культуры, расположенным

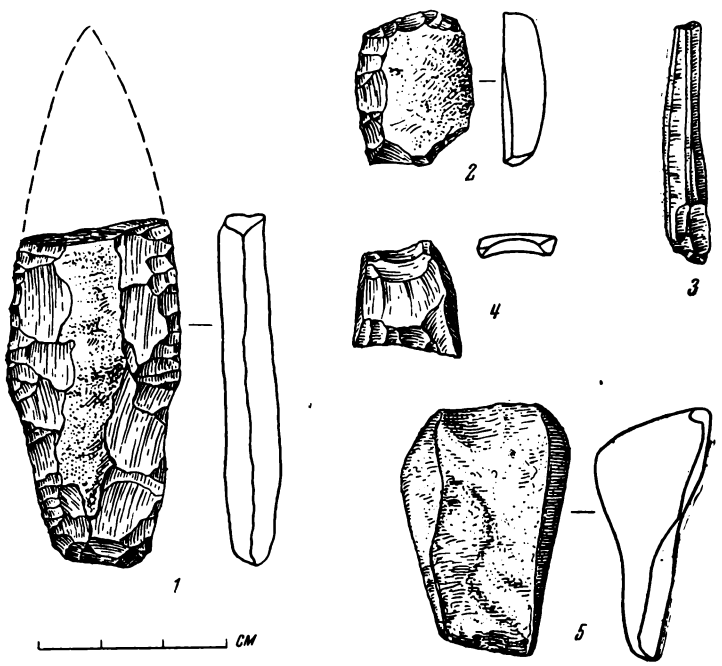


Рис. 11. Каменный инвентарь Ерзовской стоянки

1 — наконечник копья, *2* — скребок, *3* — ножевидная пластина, *4—5* — долотовидный скобель

близ устья р. Чусовой. Характеристика последних дана в ряде работ О. Н. Бадера [1] и З. П. Соколовой [2].

Прежде всего бросается в глаза единство в типе жилищ усть-чусовских поселений гаринского этапа турбинской культуры и среднекамских: и там и здесь это небольшие, по форме близкие к квадрату, слабо углубленные в грунт полуземлянки. Весьма наглядна также близость обеих групп поселений в керамике: и там и здесь основная ее масса состоит из одинаковых по форме и профилю венчика сосудов с растительной и тальковой примесями в глине, со следами обработки поверхности и ее орнаментацией зубчатым штампом. Вместе с тем керамика среднекамских поселений отличается от турбинской более бедным орнаментом, располагающимся преимущественно по верхней части стенок сосуда.

В кремневом инвентаре сходство среднекамских поселений с турбинскими наблюдается в наличии 1) наконечников стрел с усеченным основанием (они характерны для турбинской культуры на гаринском этапе), 2) наконечников стрел миндалевидной формы с округлым основанием,

[1] См., например, О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947—1952). Уч. зап. Молот. ун-та, т. IX, вып. 3, 1953.

[2] О. Н. Бадер и З. П. Соколова. Новые стоянки Чусовского Прикамья. Уч. зап. Молот. ун-та, т. IX, вып. 3, 1953.

3) скребков со своеобразным подтесанным брюшком (оба последних типа орудий свойственны турбинским поселениям борского этапа).

Эта общность дополняется единством форм и типов шлифованных орудий, изготовленных большей частью из одного и того же материала (зеленоватого хлорито-кремнистого сланца). Совпадения наблюдаются и в украшениях: подвески из зеленого сланца (рис. 8, *4*) бытуют и на турбинских поселениях.

Перечисленные черты общности среднекамских и усть-чусовских стоянок дают основание утверждать их принадлежность к одной сейменско-турбинской культурной области. Однако некоторые чисто местные особенности материальной культуры среднекамских стоянок позволяют выделить их в особую группу, о чем подробнее будет сказано ниже.

В датировке наших памятников мы будем отправляться от аналогичных им стоянок турбинской культуры, хронология которых уже разработана. В то же время нельзя полностью использовать хронологию и периодизацию усть-чусовских стоянок, так как на описываемых здесь поселениях мы находим такие уживающиеся рядом особенности материальной культуры, которые на поселениях турбинской культуры встречаются раздельно, характеризуя или ее гаринский, или только борский этапы. Ярким доказательством этого служит материал Первомайской стоянки, где тип жилищ и посуда с примесью талька, свойственные гаринскому этапу турбинской культуры, бытуют с присущими борскому этапу скребками с подтесанным брюшком и миндалевидными наконечниками стрел.

К датирующим признакам на Средней Каме можно отнести узор на сосудах в виде остроугольного зубчатого «шагающего» зигзага и наличие сосудов с примесью талька.

Первый из этих признаков — «шагающая гребенка» —широко бытовал на Урале в орнаменте сосудов неолитической эпохи, а в турбинской культуре — только на ее раннем, гаринском этапе, следовательно, он свидетельствует об относительно ранней дате.

Наличие сосудов с примесью талька характерно только для гаринского этапа турбинской культуры. О синхронности тальковых сосудов в устье Чусовой и на Средней Каме говорит их однотипность. Таким образом, оба эти признака могут быть использованы для датировки более ранней группы среднекамских поселений гаринским временем на Чусовой, т. е. серединой II тысячелетия до н. э.

В известной мере признаками для датировки, хотя и менее точными, могут служить уровень техники обработки кремня и находящаяся во взаимосвязи с ним степень знакомства с металлургией меди.

К сожалению, мы не можем со всей полнотой использовать такой важный признак, как форма сосудов (из-за плохой сохранности керамики), и он будет применен лишь по мере возможности.

Таковы, на наш взгляд, основные датирующие черты материальной культуры поселений.

Ввиду недостаточной изученности каменного инвентаря Средней Камы мы считаем преждевременным опираться на типы наконечников стрел, скребков и других кремневых орудий при датировках.

Исходя из указанных признаков и соображений, может быть установлена лишь общая хронологическая последовательность среднекамских поселений эпохи бронзы.

Наиболее ранними из поселений следует считать Камский Бор I и Кама-Жулановское II. На первом из них шесть сосудов из 21 имеют орнамент в виде «шагающей гребенки», и, кроме того, здесь же есть керамика с тальком. На втором поселении также есть «шагающая гребенка» (табл. 3) и закрытая (неолитическая) форма сосудов. В то же время техника обработки кремня на обоих поселениях высокая.

За ними следуют стоянки Первомайская и Ольховская. На Первомайской пять сосудов из 17 сделаны с примесью талька, форма их прибли-

жается к неолитической. Ольховская стоянка, правда, не имеет таких сосудов, но близка Первомайской как по высокой технике обработки кремня, так и по тождеству таких характерных форм орудий, как ромбические наконечники стрел.

Следующая группа стоянок — Камский Бор II и Кама-Жулановское I. На обеих есть сосуды с примесью талька (по одному обломку) и техника обработки кремня примерно одинакова, но уровень ее несколько ниже, чем на первых четырех стоянках. Кроме того, из Камы-Жулановского I есть медное кольцо с заходящими концами.

Стоянки Раздорное I и II однотипны по своему материалу; об их дате можно судить по тому, что техника обработки кремня стоит здесь на более низком уровне, чем на поселениях, описанных выше. По керамике этих поселений ничего определенного сказать нельзя из-за крайне плохой сохранности.

Наконец, список поселений замыкают стоянки Нижне-Раздорное и Басенький Борок, где техника обработки кремня также имеет поздний, вырождающийся характер; посуда вполне аналогична стоянкам Раздорное I и II, и на обеих обнаружены следы литья меди.

Ограниченность материала по каждому из исследованных памятников придает построенному хронологическому ряду условность и делает его предварительным. Особенно условный характер для определения поздней даты поселений Нижне-Раздорного и Басенький Борок по сравнению с Раздорным I и II имеют, конечно, такие признаки, как находки на первых двух остатков медного литья. Поэтому пока следует ограничиться подразделением среднекамских поселений на две хронологические группы — раннюю и позднюю.

К ранней группе относятся поселения Камский Бор I, Кама-Жулановское II, Первомайское, Ольховское, Камский Бор II, Кама-Жулановское I; к поздней группе — Раздорное I, Раздорное II, Нижне-Раздорное и Басенький Борок.

Говорить о значительных хронологических пробелах в представленном здесь ряде памятников нет оснований. Наоборот, бытование единых типов наконечников стрел (II, III и VIII типы) сосудов с однообразно уплощенным или же утолщенным венчиком, общий для всех поселений галечниковый характер кремня и, наконец, единство в планировке и размерах жилищ — все это свидетельствует в пользу хронологической неразрывности среднекамской серии стоянок на протяжении медно-бронзового века.

Попытаемся выяснить время наших поселений в абсолютных цифрах.

На самых ранних поселениях (Камкий Бор I и Кама-Жулановское II) в орнаменте бытует «шагающая гребенка», но процент ее невелик, а на других поселениях ее вообще нет. Подобная картина наблюдается на поселениях гаринского этапа турбинской племенной культуры, к концу которого этот узор исчезает. Дата этого этапа — XVIII—XIII вв. до н. э.[1]. Это подтверждается и начавшимся упадком техники обработки кремневых орудий, а также и наличием на ранних среднекамских поселениях точил, что служит косвенным доказательством знакомства с металлом, хотя бы и не местного производства.

Верхним пределом даты этих поселений, исходя из даты борского этапа турбинской культуры[2], следует считать X в. до н. э. За это говорит местная металлургия меди и крайний упадок техники обработки кремня, сочетающийся с отсутствием глиняной посуды с примесью талька.

Мы не сможем в данном случае воспользоваться таким важным признаком датировки борского этапа турбинской культуры, как жилища удлиненного типа, ибо на Средней Каме в соответствующее борскому этапу время тип жилища остается прежним, сохраняя почти квадратную форму, что наблюдается и на Нижней Каме (Луговские поселения). Впрочем,

[1] О. Н. Бадер и З. П. Соколова. Ук. соч., стр. 125.
[2] Там же, стр. 126.

нужно заметить, что на стоянке Кордон I Б. Х. Кадиковым обследованы на поверхности две длинные впадины (15 × 6 *м* и 20 × 7 *м*), давшие находки нескольких отщепов кремня и обломков керамики (интересно, что один обломок был плотным, с примесью песка в тесте и имел орнамент из заштрихованных ромбиков) [1]. Аналогичный тип жилища и посуды без растительных примесей бытует в усть-чусовском Прикамье в X—IX вв. до н. э. [2].

Судя по предварительному наблюдению, а также учитывая культурную близость среднекамских и усть-чусовских стоянок, можно предполагать, что жилища длинного типа появляются и на Средней Каме, но несколько позднее, чем в Верхнем Прикамье, и не в качестве преобладающего типа.

Для датировки Ерзовской стоянки вначале рассмотрим ее аналогии в керамике.

Первый тип сосудов (рис. 9, *1—4*) в орнаменте имеет черты, присущие сосудам стоянок Курман-Тау, область распространения которых захватывает районы Нижней Камы и нижнее течение р. Белой [3]. На этих поселениях есть сосуды, орнамент которых совпадает с среднекамским почти во всех деталях: такой же резной или гребенчатый зигзаг в сочетании с рядами коротких вертикальных вдавлений, зигзаг нередко (аналогично нашему орнаменту) идет между двумя параллельными линиями (см., например, сосуд из Маклашеевского II могильника [4] или же со Старо-Грязнухинской стоянки [5]).

Элементы узора других типов сосудов Ерзовской стоянки имеют аналогии в Зауралье. К ним прежде всего относятся сосуды третьего типа, имеющие узор из горизонтальных рядов вдавлений в виде стилизованных уточек (рис. 9, *6*).

Этот элемент узора характерен для усть-полуйской культуры Нижнего Приобья [6] и, что особенно интересно, для позднебронзовых стоянок окрестностей г. Свердловска [7]. Остроребериая форма, представленная в сосудах среднекамских стоянок, не встречается в Усть-Полуе.

Орнамент четвертого типа сосудов нанесен сложным зубчатым штампом и отличается густым заполнением орнаментального поля при большой площади его распространения на сосуде. Это также характерно для зауральской керамики [8].

Наконец, сосуд последнего, девятого типа является характерным по орнаменту и форме для ананьинской культуры (рис. 10, *3*). На Свиногорском городище [9] имеется посуда, близкая нашему второму типу по орнаменту (но не по форме). Отметим, что ямочный орнамент, характерный для всех типов сосудов Ерзовской стоянки, широко бытует на стоянках культуры Курман-Тау, встречается в то же время и на позднебронзовых стоянках Прикамья и окрестностей Свердловска. Отогнутая шейка, выпуклые плечики и округлость дна сосудов одинаково прослеживаются и в Зауралье, и в Нижнем Прикамье.

---

[1] Б. Х. Кадиков. Отчет о разведках 1953 г. Архив Молотовского университета.
[2] О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1952 г. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 121.
[3] К. В. Сальников. К вопросу о происхождении ананьинской культуры. СЭ. 1954, № 4.
[4] А. В. Збруева. Маклашеевские могильники. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 27, рис. 9, *11*.
[5] Ее же. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 200, табл. XXXVII, *8*.
[6] В. И. Мошинская. Керамика усть-полуйской культуры. МИА, № 35, 1953, стр. 109, табл. II, *7*.
[7] Е. М. Берс. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1954, стр. 53, рис. 6.
[8] Там же, рис. 5.
[9] А. В. Збруева. Свиногорское городище. МИА, № 1, 1940, стр. 108, рис. 3, *5*.

Неоднородный характер керамического комплекса и вероятная разновременность его компонентов очень затрудняют определение культурной принадлежности Ерзовского поселения.

Как мы видели выше, глиняная посуда стоянки имеет аналогии в позднебронзовых стоянках культуры Курман-Тау и окрестностей Свердловска, из которых вторые датируются X—VIII вв. до н. э. [1].

Мы не можем полностью перенести эту датировку на Ерзовское поселение, так как против этого говорит наличие сосудов чисто ананьинского и усть-полуйского облика и, кроме того, сосудов второго типа, псевдошнуровой орнамент которых свидетельствует о начавшемся уже переходе к традиционному ананьинскому шнуровому орнаменту. Поэтому мы считаем возможным датировать Ерзовскую стоянку IX—IV вв. до н. э. Впрочем, дата этого важного и, видимо, многослойного памятника может быть твердо установлена только после больших раскопок на нем.

* * *

Некоторые факты и сопоставления позволяют нам заключить, что климат рассматриваемой эпохи во всей северо-восточной Европе был теплее и суше современного [2]. Ландшафтные зоны в то время сместились к северу, и северная граница степей проходила в Прикамье примерно по линии Малмыж — Сарапул — Кунгур. Районы Среднего Прикамья к северу от Сарапула принадлежали тогда, вероятно, к лесостепной зоне или, во всяком случае, включали участки степной растительности, что отличало их от более северных, лесных районов Прикамья и облегчало здесь развитие новых ведущих форм хозяйства той эпохи — скотоводства и земледелия.

К сожалению, и эти предпосылки еще не могут быть подкреплены убедительными фактами находок костей животных, которые на наших стоянках, как правило, не сохраняются. Существование земледелия подтверждается находкой очень удобной, плоской каменной мотыги на стоянке Раздорное II (рис. 7, *3*); близкие аналогии ей имеются на р. Чусовой в поселении турбинской культуры Боровое озеро II и на жертвенном месте под Писаным Камнем на р. Вишере [3].

В то же время разнообразие форм наконечников стрел свидетельствует о значительной роли охоты, а наличие простых, тяжелых галечниковых грузил — о сетевом рыболовстве.

При сопоставлении хозяйства турбинского племени с реконструируемыми, еще недостаточно ясными формами хозяйства родственных ему среднекамских племен, следует принимать во внимание вполне реальную возможность более раннего и более интенсивного развития здесь пастушеского скотоводства и мотыжного земледелия, чему способствовала не только природная среда, но и территориальная близость земледельческо-скотоводческих племен Южного Прикамья. При этом следует помнить, что наличие зачатков животноводства и земледелия твердо установлено для турбинского населения более северного района, а раннеананьинское население той же территории обладало уже вполне развитыми формами первобытного сельского хозяйства.

Ведущую роль скотоводства и земледелия в комплексном хозяйстве среднекамских племен можно предполагать, в особенности, для позднейшего этапа бронзовой эпохи, представленного поселениями типа Раздорных островов и Басенького Борка. Южнее, близ г. Елабуги, на Луговском

[1] К. В. Сальников. Ук. соч.

[2] О. Н. Бадер. Некоторые вопросы палеогеографии Урала и северо-восточной Европы в свете археологических данных. Материалы по четвертичному периоду СССР, 2, 1950; С. И. Коржинский. Северная граница черноземно-степной области восточной полосы Европейской России. Тр. об-ва естествоиспыт. Казанск. ун-та, 8(5), Казань, 1888.

[3] О. Н. Бадер. Жертвенное место под Писаным Камнем на р. Вишере. СА, XXI, 1954, рис. 7, *3*.

поселении, относящемся также к концу II тысячелетия до н. э., были найдены кости коровы, лошади, свиньи и овцы и обгорелые зерна проса [1].

Очень небольшие размеры почти всех поселений, состоящих часто из одного-двух жилищ, говорят о немногочисленности хозяйственных коллективов. В каждом жилище могло обитать не больше 10—20 человек, составлявших, следовательно, одну-две семейные группы, что чаще всего совпадает и с количеством очагов в каждом жилище. Это обстоятельство служит существенным доводом в пользу важной роли охоты и рыболовства, которые здесь, как и в Чусовском Прикамье, лишь дополнялись скотоводством и земледелием.

В этой связи небезынтересно отметить, что на раскопанных поселениях Средней Камы подавляющее большинство наконечников стрел отличается небольшими размерами (2—3 *см* длиной), крупные же (5—6 *см*) представлены всего несколькими экземплярами. Учитывая наличие в последующее, ананьинское время уже развитой пушной охоты, указанное обстоятельство представляется следствием развития уже тогда, в особенности в эпоху Раздорных стоянок поздней бронзы, пушной охоты, дававшей лесным и лесостепным племенам того времени важный эквивалент для обмена с южными племенами скотоводов, земледельцев и металлургов срубной культуры, появившимися в ту эпоху в Нижнем Прикамье.

Сезонный характер почти всех известных на Средней Каме поселений эпохи бронзы также указывает, скорее всего, на их охотничье-рыболовческий характер.

Отсутствие долговременных поселений и соответствующих им могильников очень затрудняет реконструкцию картины общественных отношений у среднекамских племен эпохи бронзы. Общий технический уровень их культуры, охотничье-рыболовческое хозяйство с более или менее значительным применением скотоводства и земледелия, наконец, общая близость с соседним турбинским племенем позволяют реконструировать у среднекамских племен матриархально-родовой строй на более раннем этапе бронзовой эпохи. Предполагаемый же больший, нежели у турбинцев, удельный вес скотоводства, более развитая металлургия меди и бронзы и, наконец, непосредственное общение с племенами культуры балановского и срубного типа должны были иметь следствием более ранний и более интенсивный здесь процесс становления патриархата.

Вывод о большой культурной близости и родстве среднекамских племен, расселявшихся во II тысячелетии до н. э. на территории между современными гг. Молотовом и Сарапулом, с турбинским племенем на Чусовой и населением всего Верхнего Прикамья можно считать твердо установленным.

Вся территория Северного Прикамья вплоть до Сарапула принадлежала тогда к области расселения аборигенных приуральских племен сейменско-турбинской культурной области — прямых потомков камских неолитических племен, отличавшихся своеобразными культурными чертами как от волго-окских племен с ямочно-гребенчатой керамикой, так и от зауральских неолитических племен с зубчато-волнистой керамикой.

Не только в эпоху неолита в III тысячелетии до н. э., но и в начале эпохи металла, во II тысячелетии до н. э., камские аборигенные племена расселялись далеко на запад, включая Нижнюю Каму, часть Средней Волги и даже Нижнюю Оку, где поселения волосовской культуры несут многие приуральские черты. Но около середины II тысячелетия на Средней Волге, на Нижней Каме и на Оке появились пришельцы с юга, из степей и лесостепей — скотоводческо-земледельческие племена срубной культуры, продвижение которых на север было облегчено наступлением длившегося несколько сот лет засушливого ксеротермического периода,

---

[1] А. В. Збруева. Памятники поздней бронзы в Прикамье. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 75.

повлиявшего на смещение ландшафтных зон к северу. Следы появления срубных племен, представителей широколицего европеоидного антропологического типа — на Нижней Каме несомненны. Они вступили в непосредственные взаимоотношения с местным энеолитическим населением, что привело впоследствии к образованию новых культурных типов, в частности объединяемых А. П. Смирновым, Н. Ф. Калининым и А. Х. Халиковым в понятие так называемой приволжской или приказанской культуры [1]. Однако районы Прикамья выше Сарапула, как показывает описанный здесь материал с поселений, не вошли в область расселения срубных или андроновских племен и полностью сохранили аборигенное население и культуру. Поселения срубного типа неизвестны и в смежных на юге районах течения Камы, по крайней мере, вплоть до Елабуги.

Гораздо ближе к интересующему нас району подходят памятники другой, также пришлой культуры, появившейся на Нижней и Средней Каме, по-видимому, во время, непосредственно предшествующее появлению срубных племен, во вторую четверть II тысячелетия до н. э. Это были представители балановской культуры и связанного с ней узколицего средиземноморского антропологического типа. Следы их пребывания в Южном Прикамье, включая нижнее течение Вятки и бассейн р. Буя близ Сарапула, отмечены многочисленными находками здесь каменных сверленых боевых топоров, тождественные которым найдены в ближайшем Балановском могильнике и Верх-Савинском погребении близ Сарапула [2]. Пребывание балановских племен на Каме было, очевидно, непродолжительным; их вскоре сменили здесь срубные племена. Правдоподобно предположение об их дальнейшем движении на юг вдоль западных склонов Урала на р. Белую и дальше на юг, где в последующее время мы находим их потомков в лице носителей абашевской культуры.

Мы нарисовали здесь картину для того, чтобы до некоторой степени представить себе обстановку на территории интересующих нас сейминско-турбинских племен Средней Камы, на которых не могли не сказываться исторические события, совершавшиеся в соседних (с юго-запада) районах. Северная граница территории, занятой балановскими пришельцами, судя по Верх-Савинскому погребению и соседним находкам вислообушных топоров, проходила совсем недалеко от сивинской и еловской групп поселений и, весьма вероятно, шла вдоль северной границы древних степей того времени, зафиксированной С. И. Коржинским по линии Малмыж — Сарапул — Кунгур (рис. 1).

Близость чуждых, притом враждебных племен, которые могли совершать набеги и на более северные части течения Камы, быть может, объясняет отсутствие близ сс. Сайгатки и Елова, Частых и г. Осы постоянных, долговременных поселений.

Исходя из этого предположения, мы провели в 1954 г. поиски постоянных поселений в стороне от берегов Камы (наиболее вероятного пути предполагаемых набегов) — на притоках Камы, как Очер и Тулва, но не получили положительных результатов. Таким образом, на Средней Каме, несмотря на значительное количество открытых древних жилищ, нам до сего времени не удалось исследовать пока ни одного поселения со следами длительного обитания, подобного поселениям турбинского племени на р. Чусовой.

Предположение об уходе местного населения из этого района, подвергавшегося частым нападениям, следует отбросить, ибо ему противоречит наличие как более ранних поселений эпохи бронзы типа Ольховско-

---

[1] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 33; Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг. МИА, № 42, 1954.

[2] О. Н. Бадер. К изучению эпохи бронзы в Прикамье (Верх-Савинское погребение). Уч. зап. Молот. ун-та, т. X, вып. 3, 1956.

го и Первомайского, так и более поздних — типа Раздорных. Разрешение этого вопроса могут дать дальнейшие полевые исследования в зоне строительства Воткинской ГЭС.

Признаки, положенные нами в основу первой периодизации среднекамских поселений эпохи бронзы, также имеют отношение к указанным событиям в Южном Прикамье. Так, на ольховско-первомайском этапе на всех поселениях имеется тальковая посуда зауральского типа и происхождения, тогда как на позднем, раздорном этапе зауральская посуда совершенно отсутствует, но зато к местной посуде присоединяются сосуды плоскодонной формы, которые следует рассматривать как заимствование у нижнекамских племен срубной культуры. Эти сосуды могли появиться здесь только во второй половине II тысячелетия до н. э., скорее, ближе к концу его.

В первый период зауральская тальковая посуда, как и посуда на р. Чусовой, свидетельствует о тесных связях с Зауральем, откуда камские племена получали прежде всего металл. Типичных медно-бронзовых вещей этого времени здесь еще не найдено, но о господстве сейминско-турбинской металлургии свидетельствует очень большая культурная близость с поселениями на р. Чусовой, частые находки зауральской посуды и наличие на сосудах Ольховского и Первомайского поселений орнамента в виде наискось заштрихованных треугольников и цепочек из ромбов, столь характерных для медно-бронзовых кельтов Сейменского, Турбинского и Усть-Гайвенского могильников.

Во второй, более поздний период наряду с плоскодонными сосудами на Каму проникают и медно-бронзовые изделия абашевских типов, одним из которых является завиток из медной проволоки с поселения Басенький Борок (рис. 8, *3*). Находки абашевских вещей и несомненные следы местной металлургии (поселения Нижне-Раздорное и Басенький Борок) позволяют считать, что навыки собственной металлургии, уменье разрабатывать местное металлургическое сырье — камские медистые песчаники — пришло сюда с Южного Урала, через р. Белую (или, быть может, с Нижней Камы) от абашевцев. Это освободило среднекамское население от необходимости дорогого и трудного импорта металла с Урала; обменные связи с населением Зауралья теряют интенсивность, а может быть и вообще почти прекращаются, благодаря чему на более позднем, раздорненском этапе на Средней Каме исчезает зауральская тальковая керамика.

Д. Г. КАПАНАДЗЕ

АУРЕУСЫ АРМАЗСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Под руководством акад. И. А. Джавахишвили в 1937 г. в районе древней столицы Грузии Мцхета были начаты археологические раскопки.

В 1937 г. археологические исследования были начаты в районе Армазского ущелья, в 2 *км* к западу от железнодорожной станции Мцхета.

В 1940 г. здесь были обнаружены и вскрыты девять погребений. Три из них оказались ограбленными, по-видимому, в древности, но остальные шесть погребений (№№ 1, 2, 3, 6, 7 и 9) дали настолько содержательный и разнообразный инвентарь, что принадлежность их представителям высшего, правящего класса древней Иберии не вызывает никаких сомнений. Определение, описание и публикация добытого нумизматического материала, состоящего из 30 ауреусов и 26 серебряных монет из этих могил, были поручены мне акад. С. Н. Джанашиа.

Предварительные выводы относительно серебряных монет — денариев с именем Октавиана Августа и драхм, приписываемых Готарзу, были опубликованы мною в статье, посвященной нумизматическим находкам Мцхетской археологической экспедиции за период 1937—1951 гг. [1]. Настоящая работа в основном посвящена золотым монетам, но дополнена некоторыми добавочными замечаниями по поводу серебряных монет.

Сомнения в подлинности римского или парфянского происхождения серебряных монет у меня возникли еще в процессе полевых работ. Внешний вид этих монет, сравнительная небрежность чеканки, некоторые явно бросающиеся в глаза искажения надписей, качество материала, из которого они изготовлены, и, главное, все более и более участившиеся случаи обнаружения их вместе с монетами значительно более позднего времени (конца II в. и даже второй половины III в.) [2] — все это давало основание полагать, что они представляют собой более позднюю местную продукцию.

Е. А. Пахомов отмечал, что «кроме монеты, привозимой римлянами из-за границы, возможно, что они били ее и в самом Закавказье, где стояли римские постоянные гарнизоны и образовывались значительные поселения» [3].

Однако нам кажется, что вряд ли инициаторами выпуска этих монет, их широкого распространения и продолжительного обращения не только в Грузии, но и по всему Закавказью были римляне. Несомненно, что в той или иной мере в этом принимала участие местная власть.

---

[1] Д. Г. Капанадзе. Монетные находки Мцхетской экспедиции (1937—1948 и 1951 гг.). ВДИ, 1955, № 1.

[2] Например, в погребении № 3 некрополя денарии с именем Августа (27 г. до н. э.— 14 г. н. э.) и драхма, приписываемая Готарзу (40—51 гг.), были обнаружены с римскими ауреусами второй половины III в. Аналогичное явление наблюдается и в погребениях Самтаврского могильника, где «денариям Августа» и «драхмам Готарза» сопутствовали монеты Антонина Пия (138—161 гг.), Фаустины Старшей (+ 141 г.), и даже Шапура I Сасанида (238—269 гг.) (погребения южного участка №№ 30, 144 и 89).

[3] Е. А. Пахомов. Монеты Грузии. Записки нумизматического отделения РАО, т. I, вып. IV. СПб., 1910, стр. 12.

Если бы римляне стали выпускать здесь монету, то она метилась бы именем правившего в то время цезаря и выпускалась бы по более старым образцам, как, например, это было в Каппадокии. Не находилось бы в Грузии и такого большого количества монет, выпущенных центральными римскими мастерскими, с именами других цезарей. Затем вряд ли обращавшиеся совместно с посмертными денариями Августа драхмы Готарза выпускались тоже римлянами. И, наконец, наличие несомненно грузинских, но более грубых подражаний денариям Августа подразумевает наличие их более тщательно и художественно выполненных предшественников (которые, подобно подражаниям статерам Лисимаха, в последнее время стали чаще встречаться).

Что же касается «драхм Готарза», то, ссылаясь на Е. А. Пахомова (который в свое время высказал подобное предположение о некоторых аршакидских монетах), укажу, что местное, грузинское их происхождение тоже не исключено. «Централизация в империи Арсакидов была развита слабо,— писал Е. А. Пахомов,— государи отдельных царств, повинуясь верховному «царю царей», обладали в отношении собственных земель полными суверенными правами. Вот почему мы встречаем целые ряды монет частью с именами подчиненных парфянам царей, частью — анонимных, и это обстоятельство позволяет надеяться, что среди них могут оказаться принадлежащие царям Грузии...» (разрядка моя.— *Д. К.*) [1]. Монеты, найденные в армазских погребениях, свидетельствуют о том, что римские денарии с именем Октавиана Августа и драхмы, приписываемые Готарзу Парфянскому, бытовали в Грузии и имели значение ходячих денег очень продолжительное время. Изучение степени их сохранности говорит о том, что в момент их захоронения эти монеты были обращающимися деньгами; если бы они были выпущены в I в. (когда жили упоминаемые на них исторические лица), то от обращения и употребления на протяжении двух столетий они стерлись бы значительно сильнее. Нельзя расматривать эти монеты и как украшения-подвески, ибо среди них нет просверленных или с ушком.

В связи с этим большой интерес приобретают письменные указания о древнегрузинских деньгах, совпадающие по времени с разбираемым нами периодом.

Упоминая о правлении царей Азорка и Армазели, летописец говорит, что одним из условий мира, заключенного ими с царем Армении, предусматривался выпуск монет с изображением армянского царя [2]. И. Бартоломей объясняет это тем, что «...в Армении тогда обращались римские денарии, а в Грузии — подражания им, и это дало летописцу повод выразиться, что грузины били монеты с изображением царя Армении, вернее — завоевателя Армении» [3].

В своем письме к Броссе царевич Теймураз говорил «о языческих грузинских монетах с легендой хуцури, гласившей — „в честь нас обоих“». В. Ланглуа склонен был объяснить это «неправильным толкованием тех же подражаний денарию Августа с изображением Гая и Люция, которых грузинский царевич принял, вероятно, за царей Азорка и Армазеля» [4]. Отмечаемый Теймуразом факт чеканки древнегрузинской монеты можно было бы объяснить тем, что он, видимо, пользовался не известными нам источниками, так как слишком маловероятно, чтобы латинскую надпись денария Августа, или хотя бы ее искажение, просвещенный царевич мог принять за хуцури.

Совокупность данных и фактов, всесторонний анализ этих монет, точный учет места и обстоятельств их находок и сопровождающий их комплекс дали мне основание включить их в число монет, чеканившихся на

---

[1] Е. А. Пахомов. Ук. соч., стр. 12.
[2] M. Brosset. Histoire de la Géorgie. St.-Pétersburg, 1857, стр. 71.
[3] Е. А. Пахомов. Ук. соч., стр. 12, 13.
[4] Там же.

территории Грузии [1], хотя с первого взгляда внешний их вид и содержание выбитых на них надписей противоречит такому определению [2].

Денарий Августа. Диам. 18—19 *мм*, вес 3,46 *г*.

Av: Голова цезаря, увенчанная лавровым венком с круговой латинской надписью: CAESAR AVGVTVS DIVI F PATER PATRIAE.

Rv: Опирающиеся на круглые щиты Гай и Люций с копьями в руках Кругом надпись — AVGVSTI F COS DESIG PRINC IVVENT; под обрезом. G L CAESARES (инв. № 9193, каб. нумиз. ГМГ; из погребения № 9, вместе с ауреусом Фаустины).

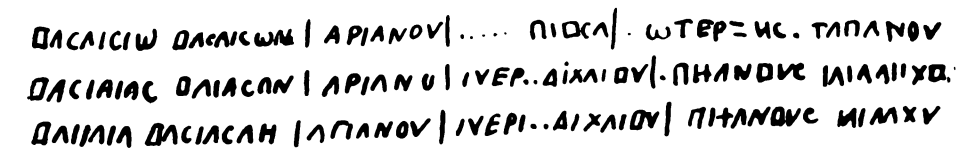
Судя по неоднократным находкам этих денариев с более поздними монетами, они бытовали в Грузии очень долго, прочно вошли в обиход местного населения, что вызвало необходимость выпуска их подражаний. Первые выпуски этих подражаний, видимо, ничем или почти ничем не отличались от оригиналов, но дальнейшие их выпуски, постепенно деградируя, окончательно переродились. Картина постепенного искажения денария Августа наглядно показана в работе А. Н. Зографа, посвященной античным монетам Кавказа [3].

Драхма Готарза. Диам. 19—24 *мм*, вес 3,32 *г*.

Av: Грубое изображение головы царя влево в диадеме. Точечный ободок, охватывающий изображение, на всех экземплярах виден сверху, нижняя же его половина обрезана краем монеты.

Rv: Схематическое изображение сидящего на троне и обращенного влево основателя династии Аршака с натянутым луком в руке и монограммой А под ним. Своеобразно переданная и трудно разбираемая греческая надпись, расположенная со всех четырех сторон изображения, обычно читается так: сверху ΒΑCΙΛΕΟC ΒΑCΙΛΕΩΝ, справа — ΑΡCΑ-ΚΟΥ, снизу ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ ΔΙΚΑΙΟΥ, слева — ΕΠΙΦΑΝΟC ΦΙΛΕΛΛΙ-ΝΟC (инв. № 9162, каб. нумиз. ГМГ; из погребения № 3, вместе с ауреусами Гордиана III, Филиппа Старшего, Траяна Деция и Гостилиана).

Некоторое своеобразие и даже искажения надписей этой монеты отмечали И. Бартоломей [4] и В. Рот [5]. Дополню их данные известными мне наиболее любопытными искажениями:



Необходимость более подробного освещения этого вопроса вызвана участившимися за последнее время монетными находками в Грузии, в связи с чем возникает вопрос о подлинном происхождении и некоторых золотых монет, которые внешним своим видом и надписями почти не отличаются от римских, но в свете последних исследований вызывают особый к ним интерес. Так как армазский нумизматический материал содержит в себе

---

[1] Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика. М., 1955, стр. 43, 44, табл. II, рис. *21* и *25*.

[2] Фоторепродукции серебряных монет Армазского некрополя см. А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе. Археологические памятники Армазисхеви по раскопкам 1937—1946 гг. Тбилиси, 1955, табл. XCI (на груз. яз.).

[3] А. Н. Зограф. Находки античных монет на Кавказе. ТОНГЭ, вып. I, Л., 1945, табл. II; Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, табл. II, рис. *21—24 а*.

[4] I. Bartholomaei. Recherches sur la numismatique des rois Arsacides. SPb., 1849, стр. 61.

[5] W. Wroth. Catalogue of the coins of Parthia in the Brit. Mus. London, 1903, стр. 165.

Таблица 1

Монетные находки 1940 г. в погребениях Армазского некрополя

№№ погребений	Ауреусы																	Серебряные			Стертые
	Нерона; 54—68 гг.	Гальбы; 68—69 гг.	Тита; 79—81 гг.	Траяна; 98—117 гг.	Адриана 117—138 гг.	Антонина Пия; 138—161 гг.	Фаустины Старшей; +141 г.	Марка Аврелия; 161—180 гг.	Фаустины Младшей; +176 г.	Коммода; 180—192 гг.	Септимия Севера; 193—211 гг.	Гордиана Пия; 238—244 гг.	Филиппа Старшего; 244—249 гг.	Филиппа Младшего; +249 г.	Гостилиана; +251 г.	Траяна Деция; 249—251 гг.	Валериана; 253—260 гг.	Общее количество ауреусов	Август	Готарз	
1			1	1	4						2			1			1	6	1		
2												2	2+1		1	1		4			
3										1								7	3	1	
6	1	1			1	1												5	3	11	3
7	2					1	1	2	1									7			
9							1											1	4		
Всего	3	1	1	1	5	2	2	2	1	1	2	2	2+1	1	1	1	1	30	11	12	3

несколько золотых монет, скопированных с римских ауреусов второй половины III в. н. э., то, как писал А. Н. Зограф, «чрезвычайный интерес этой находки в том, что она дает уже в известной мере конкретный ответ на поставленный вопрос о том, встречаются ли на Кавказе подражания императорским римским ауреусам» [1]. Выяснение этого вопроса становится тем более необходимым, что находки подобных «варваризованных» ауреусов в Грузии за последнее время участились. Перечень находок, аналогичных армазским, зарегистрированных по Грузии, помещен в конце статьи в виде отдельного приложения и, несомненно, будет полезен при изучении интересующего нас материала.

С учетом ауреусов, обнаруженных в армазских погребениях, список этот интересен как в топографическом, так и в хронологическом отношениях, ибо опровергает существующее мнение о том, что количество римского золота, проникавшего в Закавказье (и, в частности, в Грузию), никогда не было велико [2]. Список этот свидетельствует о том, что обращение в Грузии золотых монет римского времени было явлением постоянным и повсеместным.

При описании материала из Армазского некрополя мною была составлена сводная таблица, содержащая перечень номеров погребений, открытых в 1940 г., количество монет в каждом из них, их принадлежность тому или иному императору и дата (табл. 1).

Описание ауреусов Армазского некрополя построено в порядке вскрытия погребений, а по каждому отдельному погребению — в хронологическом порядке. Монеты каждого погребения в отдельности снабжены самостоятельной порядковой нумерацией, дополненной номером полевой описи Мцхетской археологической экспедиции и инвентарным номером Гос. музея Грузии.

Легенды на монетах написаны слитно, но для удобства чтения, при

[1] А. Н. Зограф. Находки античных монет на Кавказе, стр. 32.

[2] Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и Закавказья. Баку, 1926, стр. 19.

описании, слова отделены друг от друга. В тех случаях, когда легенда разделена той или иной деталью рисунка, проставляется горизонтальная черточка. Большинство армазских ауреусов отличается прекрасной сохранностью; при описании монет более или менее плохой сохранности (что также отмечается в тексте) стертые места восстановлены и включены в скобки. При описании монет соответствующие ссылки делались на труды Когена и Маттингли[1]. Нумерация фоторепродукций монет на таблицах соответствует нумерации описания, причем так же, как и в тексте, каждая группа монет того или иного погребения имеет соответствующий заголовок.

Ауреусы первого погребения (Рис. 1)

№ 1. Тит; 76 г.; чеканена при Веспасиане, Matt., II; стр. 35; № 185; диам. 20—21 *мм;* вес 7,24 *г.*

Голова Тита в лавровом венке вправо.

Av: TCAESAS — IMP VESPASIAN

Rv: COS V (вверху).

Бык, идущий вправо. Этот хорошо сохранившийся ауреус (по полевой описи под № 9а) вместе с двумя остальными лежал в центре погребения, в области поясных блях (инв. № 9141).

№ 2. Траян; 112—117 гг.; Matt., III стр. 120; № 612; диам. 19—20 *мм;* вес 7,20 *г.*

Av: IMP CAES NER TRAIAN OPTIM AVG GER DAC PARTHICO

Задрапированный бюст Траяна в доспехах, в лавровом венке вправо.

Rv: P M TR P — COS · VI · P — P · S · P Q R Под обрезом VOTA TUSCEPTA. Слева — облаченный в тогу гений сената, стоящий вправо; правая рука обращена к горящему алтарю, в левой руке направленный вверх вправо жезл. Справа — обращенный к первой фигуре гений римского народа, задрапированный ниже талии и делающий правой рукой возлияние из патеры, в левой руке — рог изобилия.

Этот ауреус очень хорошей сохранности, так же как описанный выше, лежал около поясных блях, но ближе к груди погребенного. В полевой описи значится по № 1—9 (инв. № 9142).

№ 3. Адриан; 125—128 гг.; Matt., III, стр. 288; № 378; диам. 21—22 *мм;* вес 7,31 *г.*

Av: HADRIANVS — AVGVSTVS

Голова Адриана в лавровом венке вправо.

Rv: COS (вверху) III (внизу).

Гелиос в радиальной короне, управляющий квадригой, влево; в левой руке, на которую накинут плащ, бич.

Этот великолепно сохранившийся ауреус лежал в той же части погребения, что и два предыдущих; в полевой описи он значится под № 93 (инв. № 9143).

№ 4. Адриан; 119—122 гг.; Matt., III, стр. 258; № 134 (вар.); диам. 19—20 *мм;* вес 7,34 *г.*

Av: IMP CAESAR TRAIA — N HADRIANVS AVG

Задрапированный бюст Адриана в доспехах, в лавровом венке вправо.

Rv: P M T — R — P — COS III

Богиня Рима (Roma) в шлеме, задрапированная, с обнаженной грудью, сидящая на доспехах влево и держащая в правой руке статуэтку Виктории; в левой — длинный жезл. Справа, за доспехами, круглый щит.

Ауреус очень хорошей сохранности (полевая опись № 10) лежал в юго-восточной части погребения (инв. № 9145).

№ 5. Адриан; 119—122 г.; Matt., III, стр. 255; № 108, диам. 19—20 *мм;* вес 7,31 *г.*

[1] H. Cohen. Description historique des medailles frappées sous l'empire romain. 2 éd. т. 1—8. Paris, 1880—1892. H. Mattingly. Catalogue of coins of the Roman empire in the British Museum, т. I—V. London, 1923—1951.

Av: IMP CAESAR TRAIAN — HADRIANVS AVG

Задрапированный бюст Адриана в доспехах, в лавровом венке вправо.

Rv: PMT — RP — COS III

Юпитер, задрапированный по пояс, сидящий влево на троне, с молниями в правой руке и длинным жезлом в левой.

Этот ауреус, очень хорошо сохранившийся, лежал рядом с предыдущим (инв. № 9144).

№ 6. Адриан; 118—122 г.; Matt., III, стр. 263, № 183 (вар.), диам. 19—20 *мм*, вес 7,10 *г*.

Av: IMP CAESAR TRAIAN HADRIANVS AVG

Задрапированный бюст Адриана в доспехах, в лавровом венке вправо.

Rv: P M TR P COS III

Гений, задрапированный по пояс, стоящий влево, с патерой в правой вытянутой руке и рогом изобилия в левой.

Ауреус хорошо сохранился и лежал в западной части погребения около головы. По полевой описи № 11 (инв. № 9146).

Ауреусы второго погребения (Рис. 1)

№ 1. Септимий Север; 201 г.; Matt., V, стр. 203, № 255; диам. 19—20 *мм;* вес 7,07 *г*.

Av: SEVERVS PIVS AVG — P M TR P VIIII

Голова Септимия Севера в лавровом венке вправо.

Rv: FELICITAS (вверху) SAECVLI (внизу).

Задрапированный бюст Юлии Домны, впрямь, между обращенными к ней слева — бюстом Каракаллы, задрапированным, в доспехах и венке и справа — бюстом Геты. Этот один из наиболее плохо сохранившихся ауреусов лежал в области груди, ближе к шее погребенной. Видимо, от частого употребления он сильно потерт и, судя по спиленному остатку золотого ушка, бытовал в качестве украшения-подвески.

Интересно отметить, что ушко напаяно над группой с таким расчетом, чтобы изображение трех фигур и надпись «Felicitas saeculi» (счастье века) оказались правильно висящими, тогда как изображение императора по отношению к этому ушку оказывается висящим вниз головой. Эта незначительная с первого взгляда деталь, возможно, могла бы дать косвенные указания на семейный состав покойной, так как, кроме костей взрослой женщины, в погребении оказались и кости ребенка. По полевой описи № II — 7 (инв. 9149).

№ 2. Септимий Север. У Cohen'a и Mattingly не описана. Диам. 20 *мм*; вес 7,99 *г*.

Av: SEVERVS — PIVS AVG

Голова С. Севера в лавровом венке вправо.

Rv: VICTORIAE — BRIT

Задрапированная крылатая Виктория, летящая влево, с венком в правой протянутой руке и пальмовой ветвью в левой. Этот великолепно сохранившийся ауреус лежал в северо-западном углу погребения. По полевой описи № II—11 (инв. № 9148).

№ 3. Филипп Младший; 247—249 гг.; Coh., V, стр. 166; № 52; диам. 21—22 *мм;* вес 4,70 *г*.

Av: M IVL PHILIPPVS CAES

Задрапированный бюст Филиппа, вправо.

Rv: PRINCIPI IVVENT

Филипп в воинском облачении, стоящий вправо, с копьем в правой руке и державой в левой. Этот прекрасно сохранившийся ауреус лежал в 30—35 *см* от западной плиты у головы погребенной. По полевой описи № II—12 (инв. № 9150).

№ 4. Валериан; 253—260 гг. У Cohen'a не описана. Диам. 18—19 *мм*; вес 3,62 *г*.

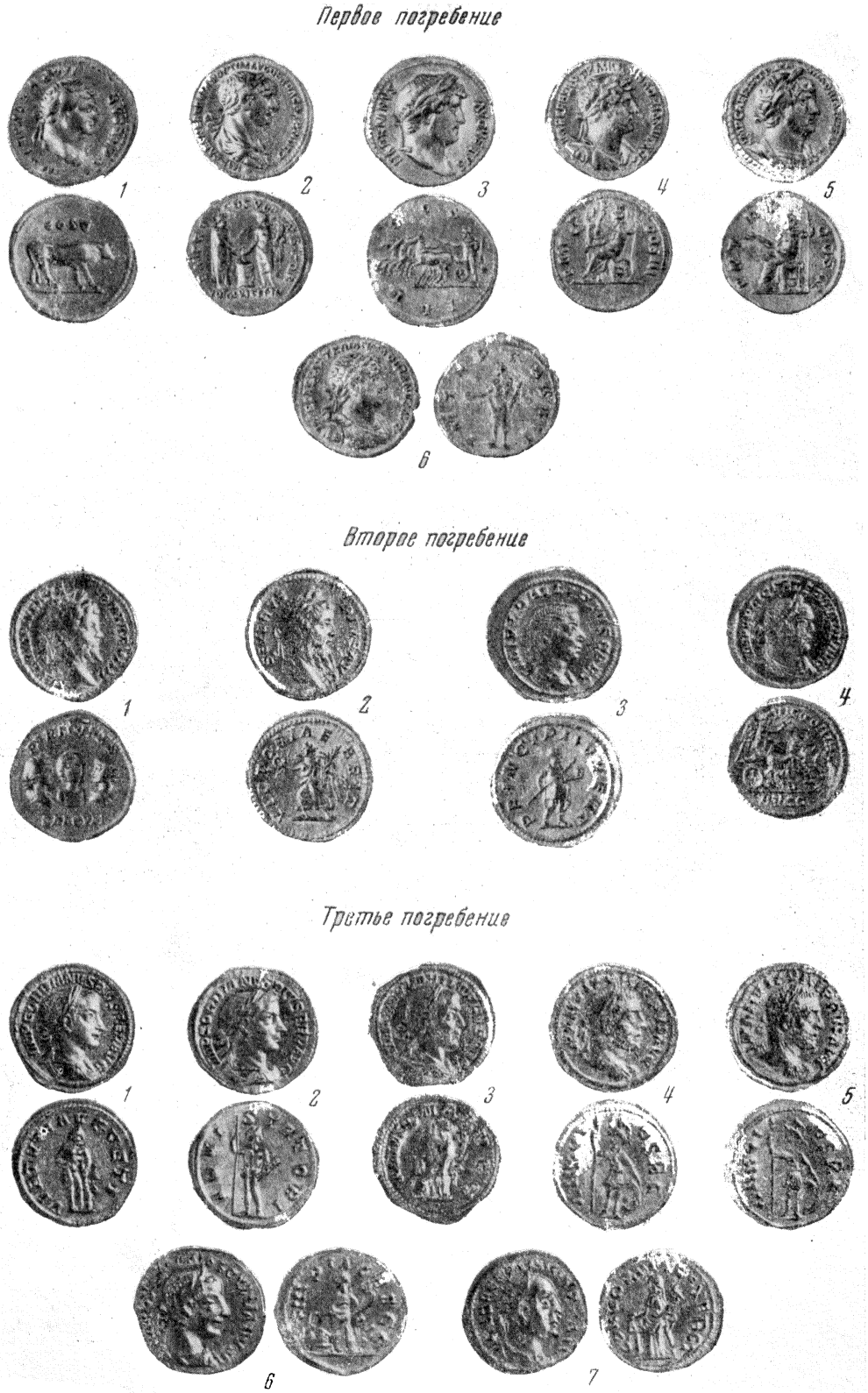


Рис. 1. Ауреусы Армазского некрополя

Рис. 2. Ауреусы Армазского некрополя; серебряные монеты из Армазии; подражания римским золотым монетам из Сталинири, Агаяни и Уреки

Av: IMP C P LIC VALERIANVS AVG

Задрапированный бюст Валериана в лавровом венке вправо.

Rv: VICTORIA E (вверху справа), AVGG (под обрезом)

Крылатая Виктория на колеснице, правящая левой рукой, и с бичом в правой.

Эта отличной сохранности монета лежала на серебряном блюде [1], находящемся в юго-западной части погребения. По полевой описи № II—10 (инв. № 9151).

Ауреусы третьего погребения (Рис. 1)

№ 1. Гордиан III; 238—244 гг.; Coh., V, стр. 67, № 401, диам. 20—21 *мм*, вес 4,97 *г*.

Av: IMP GORDIANVS PIVS FEL AVG

Задрапированный бюст Гордиана III в доспехах, в лавровом венке вправо.

Rv: VIRTVTI AVGVSTI

Обнаженный Геракл, стоящий вправо и опирающийся левой рукой на палицу с накинутой на нее львиной шкурой.

Этот великолепной сохранности ауреус лежал в нескольких сантиметрах от северной и в 25 *см* от восточной боковой плиты каменного ящика. По полевой описи № III — 15 *б* (инв. № 9153).

№ 2. Гордиан III; 238 — 244 гг.; Coh., V, стр. 32; № 108; диам. 19—20 *мм*, вес 4,19 *г*.

Av: как № 1.

Rv: IOVI — STATORI

Обнаженный Юпитер, стоящий прямо, с головой, повернутой вправо. В левой руке молнии, в правой — длинный жезл. Эта также великолепной сохранности монета лежала в 40 *см* от западной и на таком же расстоянии от южной стены погребения. По полевой описи № III — 17 (инв. № 9152).

№ 3. Филипп Старший; 244—249 гг.; Coh., V, стр. 97; № 23; диам. 20 *мм*, вес 4,22 *г*.

Av: IMP M IVL PHILIPPVS AVG

Задрапированный бюст Филиппа Старшего в доспехах и в лавровом венке вправо.

Rv: ANNONA AVGG

Богиня изобилия (Annona), задрапированная, стоящая влево, с тремя колосьями в правой руке и рогом изобилия в левой. Перед ней — модиус, наполненный колосьями.

Ауреус очень хорошей сохранности. По полевой описи № 271 (инв. № 9154).

№ 4. Филипп Старший; 244—249 гг.; диам. 20—21 *мм*; вес 4,00 г.

Av: Подобен предыдущему, но изображение передано значительно грубее, а надпись имеет некоторые более или менее заметные искажения.

Rv: Изображение воина (Марса), стоящего во весь рост влево. Правой рукой он опирается на высокое копье, а левой — на круглый щит, поставленный у ног.

Сам по себе этот ауреус сохранился хорошо, но характеризуется некоторыми особенностями чеканки, отличающими его от остальных подлинно римских ауреусов. Этот ауреус лежал в 15 *см* от северной и 30 *см* от западной стен каменного ящика. По полевой описи № III—15 *б* (инв. № 9156).

№ 5. Филипп Старший; 244—249 гг.; диам. 20—21 *мм*; вес 3,45 *г*.

Av: подобен предыдущему.

Rv: ничем от предыдущего не отличается.

Ауреусы №№ 4 и 5 биты одной и той же парой штампов и даже расположение их оси и некоторые дефекты штампа одинаковы. № 5 лежал в

[1] Изображение этого блюда см. А. М. Апакидзе и др. Ук. соч., табл. XLVII.

17 *см* от северной боковой стены и посередине между восточной и западной плитами каменного ящика. По полевой описи № 15 *а*. (инв. № 9155).

№ 6. Гостилиан; 251 г.; диам. 20—21 *мм*; вес 4,8 *г*.

Av: Задрапированный бюст Гостилиана в лавровом венке вправо. Начертание букв круговой надписи настолько нечетко, что в ней с некоторой долей уверенности можно прочесть лишь имя цезаря—HOSTILIANVS.

Rv: Подобен оборотной стороне ауреуса Филиппа Старшего (№ 3), но исполнен так грубо и с такими искажениями надписи, что разобрать ее не представляется возможным.

Этот ауреус нельзя считать плохим по сохранности, но некоторые особенности чекана, отличающие его от подлинно римских монет, не позволяют относить его к категории хорошо сохранившихся экземпляров. Ауреус лежал в 12 *см* от северной и посередине между восточной и западной стенами каменного ящика. По полевой описи № III—13 *б* (инв. № 9157).

№ 7. Траян Деций; 251—253 гг.; диам. 19—20 *мм*; вес 3,73 *г*.

Av: Задрапированный бюст Траяна Деция в радиальной короне вправо. Начертание букв круговой надписи неотчетливо, и поэтому с некоторой долей уверенности можно разобрать лишь часть — «...ANVS DEC...». Вокруг — точечный ободок.

Rv: CONCORDIAE EXERCITI (легенда искажена).

Богиня согласия (Concordia), задрапированная, с патерой (?) и рогом изобилия, стоящая влево перед алтарем. По полевой описи № III — 15 (инв. № 9158).

Подобно трем предыдущим ауреусам (№№ 4, 5 и 6), этот характеризуется особенностями, резко его отличающими от подлинно римских монет. Явно заметно, что изображения выполнены неуверенной и неопытной рукой, с некоторой схематичностью и грубостью; надписи часто искажены до неузнаваемости. Заметны дефекты и в технике выполнения (штамп сдвинут или отличается такой силой удара, что оставляет соответствующий след на противоположной стороне монеты). Все эти недостатки дают основание отнести ауреусы №№ 4, 5, 6 и 7 из третьего погребения к категории так называемых «варваризованных».

Вопрос о том, встречаются ли на Кавказе подражания императорским римским ауреусам, в свое время поставлен еще А. Н. Зографом [1]. Причем, располагая всего лишь единичным экземпляром такого «варваризованного» ауреуса из с. Агаяни (см. в приложении № 11 нашего списка находок ауреусов на территории Грузии), он счел возможным полагать, что этот случай дает уже конкретный ответ на поставленный им вопрос [2].

Но теперь, когда количество этих так называемых «варваризованных» ауреусов увеличилось (кроме экземпляра из Агаяни и четырех монет погребения № 3 Армазского некрополя, см. находки в совхозе Уреки в г. Сталинири и в с. Глдани; №№ 9, 12 и 17 списка находок), становится возможным сопоставить их с широко известными, но более ранними подражаниями статерам Александра Македонского и Лисимаха, с которыми описанные монеты обнаруживают черты сходства.

Так, например, описанные выше подражания №№ 4 и 5 Филиппа Старшего не только биты одной и той же парой штемпелей, но даже расположение осей изображения лицевых и оборотных их сторон совершенно одинаковы. Это явление, исключительно редкое в условиях техники чекана того времени, можно объяснить лишь тем, что обе эти монеты вышли из-под штампа непосредственно друг за другом, когда мастер не успел даже сменить в руке положения стержня верхнего штемпеля. Совершенно очевидно, что совместная находка обоих экземпляров может

---

[1] А. Н. Зограф. Античные золотые монеты Кавказа. Изв. ГАИМК, вып. 110, М.—Л., 1935, стр. 186.

[2] Его же. Находки античных монет на Кавказе, стр. 32.

быть объяснена лишь тем, что мастерская, выпускавшая эти монеты, находилась где-то поблизости. Крайне примечательно, что даже при этих условиях и даже при одинаковой степени сохранности эти монеты дают чувствительные отклонения в весе, достигающие 16% (4,01 и 3,45 *г*).

Еще более заметные весовые колебания дают подражания ауреусам Нумериана из с. Агаяни и Сталинири (хранятся в Гос. музее Грузии). При абсолютно тех же условиях (они биты одной и той же парой штемпелей, одинаковой сохранности, но расположение их осей — разное) их весовые колебания достигают 30% (3,52 и 2,68 *г*).

Известно, что подражания статерам Александра и Лисимаха дают более значительные отклонения веса, но это, скорее всего, объясняется наличием большего материала, большей продолжительностью чеканки монет этой категории и, возможно, наличием нескольких центров чеканки.

Характерно также, что в погребении № 3, которое может быть датировано по меньшей мере концом III в., оказались денарий Августа и драхмы Готарза.

Обращая внимание на необходимость регистрации находок ауреусов этого типа, А. Н. Зограф считал, что «тщательное исследование всей этой группы подражаний с конечной целью определения района их происхождения и распространения — назревшая задача» [1].

Мне остается лишь добавить, что если вопрос об истинном происхождении ауреусов этого типа может вызывать некоторые сомнения, то примерно лет тридцать тому назад в такой же стадии изученности находились и так называемые «грубые подражания статерам Александра Македонского», грузинское происхождение которых теперь уже очевидно. Но, в отличие от последних, вопрос о «варваризованных» ауреусах, скопированных с римских второй половины III в., надо надеяться, будет разрешен быстрее, так как для этого наука располагает все время пополняющимся материалом, подходящими аналогиями и необходимым опытом.

Ауреусы шестого погребения (Рис. 2)

№ 1. Нерон; 64—69 гг.; Matt., I; стр. 209; № 67; диам. 17—18 *мм;* вес 7,06 *г*.

Av: IMP NERO CAESAR — AVGVSTVS

Голова Нерона в лавровом венке вправо.

Rv: IVPITER — CVSTOR

Юпитер, задрапированный по пояс, сидящий влево на троне, с молниями в правой руке и длинным жезлом в левой.

Этот ауреус, сравнительно хорошо сохранившийся, лежал в самом центре саркофага. По полевой описи № VI—46 (инв. № 9163).

№2. Гальба; 68—69 гг.; Matt., I, стр. 314; № 38; диам. 18—20 *мм;* вес 7,00 *г*.

Av: IMP SER GALBA — CAES[ARAVG]

Голова Гальбы в лавровом венке вправо.

Rv: SALVS GEN — HVMANI

Стоящая перед алтарем влево задрапированная женская фигура (Фортуна?) правой рукой делает возлияние из патеры, в левой руке поднятый вверх руль. Правая нога на шаре.

Этот несколько потертый ауреус лежал около восточной стены саркофага на одинаковом расстоянии от северной и южной боковых стен. По полевой описи № VI—47 (инв. № 9164).

№ 3. Адриан; 119—138 гг.; Matt., III, стр. 257; № 125 (вар.); диам.18—19 *мм*; вес 7,21 *г*.

Av: IMP CAESAR TRAIAN H — ADRIANVS AVG

Голова Адриана в лавровом венке вправо.

Rv: P M T — R P — COS III

---

[1] А. Н. Зограф. Находки античных монет на Кавказе, стр. 32.

Нептун с перекинутым через левое плечо плащом, стоящий влево. В правой руке — акростолиум, в левой руке — длинный трезубец.

Этот несколько потертый ауреус лежал в 30 *см* от западной и 15 *см* от северной стены саркофага. По полевой описи № VI—48 (инв. № 9165).

№ 4. Антонин Пий; 155—156 гг.; Matt., IV, стр. 126; № 862; диам. 17—18 *мм;* вес 7,28 *г.*

Av: ANTONINVS AVG — PIVS PF IMP II

Голова Антонина Пия в лавровом венке вправо.

Rv: TR POT — XIX — COS IIII

Задрапированная крылатая Виктория, летящая влево, с венком в правой протянутой руке и с пальмовой ветвью, положенной на плечо, в левой.

Этот очень хорошо сохранившийся ауреус лежал в 35 *см* от западной и почти на одинаковом расстоянии от северной и южной стен саркофага. По полевой описи № VI—45 (инв. № 9166).

№ 5. Коммод; 190 г.; Matt., IV, стр. 741; № 282 (вар.); диам. 20—21 *мм;* вес 7,19 *г.*

Av: M COMM. ANT. P.— FEL. AVG BRIT P P

Задрапированный бюст Коммода вправо в доспехах, в лавровом венке.

Rv: TEMP FELIC P M TR P XV. IMP VIII COS VI

В центре крылатый кадуцей между двумя скрещенными рогами изобилия.

Этот великолепной сохранности ауреус лежал в 20 *см* от восточной и 25 *см* от северной стены саркофага. По полевой описи экспедиции № VI—49 (инв. № 9167).

Наличие в этом абсолютно изолированном от внешней среды саркофаге конца II в. трех денариев с именем Августа и 11 драхм, приписываемых Готарзу Парфянскому, является лишним доказательством неримского и непарфянского происхождения этих монет.

Ауреусы седьмого погребения (Рис. 2)

№ 1. Нерон; 64—68 гг.; Matt., I, стр. 209; № 67; диам. 18—19 *мм;* вес 7,21 *г.*

Во всем подобен № 1 из шестого погребения.

Этот ауреус уступает по сохранности аналогичному из шестого погребения. Он лежал в 20 *см* от северной и 50 *см* от западной стены саркофага. По полевой описи экспедиции № VII—22 (инв. № 9185).

№ 2. Нерон; 64—68 гг.; Matt., I, стр. 209; № 67; диам. 18 *мм;* вес 6,94 *г.*

Подобен предыдущему.

Этот ауреус тоже не отличается хорошей сохранностью. Лежал в 10 *см* от северной и 25 *см* от западной стены саркофага. По полевой описи № VII—24 (инв. № 9186).

№ 3. Антонин Пий; 149—150 гг.; Matt., IV, стр. 103; диам. 18—19 *мм;* вес 7,06 *г.*

Av: ANTONINVS AVG PI — VS P P TR P XIIII

Голова Антонина в лавровом венке вправо.

Rv: COS — III

Богиня справедливости (Aequitas), задрапированная, стоящая влево, с весами в правой руке и рогом изобилия в левой.

Прекрасно сохранившийся ауреус лежал в нескольких сантиметрах юго-восточнее предыдущего. По полевой описи № VII—23 (инв. № 9187).

№ 4. Фаустина Старшая; 141 г.; чеканена при А. Пии; Matt., IV, стр. 43; № 285 (вар.); диам. 19—20 *мм*; вес 7,36 *г.*

Av: DIVA — FAVSTINA

Задрапированный бюст Фаустины со сложной прической вправо.

Rv: AE — TER — N — ITAS

Богиня судьбы (Fortuna), задрапированная, стоящая влево, с патерой в правой руке и рулем в левой.

Этот великолепной сохранности ауреус лежал в 18 *см* от северной и 35 *см* от восточной стены саркофага. По полевой описи № VII—20 (инв. № 9188).

№ 5. Марк Аврелий; 156—157 гг.; чеканена при А. Пии; Matt., IV, стр. 131; № 890 (вар.); диам. 17—18 *мм;* вес 7,26 *г.*

Av: AVRELIVS CAES — ANTON AVG P II F

Голова Марка Аврелия вправо.

Rv: TR POT — XI — COS II

Богиня изобилия (Annona) в лавровом венке, задрапированная, стоящая влево, с патерой в правой протянутой руке и лирой в левой.

Этот великолепной сохранности ауреус лежал несколькими сантиметрами западнее предыдущего. По полевой описи № VII—19 (инв. № 9189).

№ 6. Марк Аврелий; 151—152 гг.; чеканена при А. Пии; Matt., IV, стр. 113; № 778 (вар); диам. 18—19 *мм*; вес 7,25 *г.*

Av: AVRELIVS CAESAR ANTO — NINI AVG PII FEL

Голова М. Аврелия вправо.

Rv: TR POT VI — COS II. Под обрезом CLEM

Богиня милосердия (Clementia), задрапированная, стоящая впрямь, с головой, повернутой влево. В правой протянутой руке — патера, левая рука держит край одежды.

Этот великолепной сохранности ауреус лежал в 3—4 *см* от монеты Нерона (№ 2). По полевой описи экспедиции № VII—25 (инв. № 9190).

№ 7. Фаустина Младшая; чеканена при А. Пии; Matt., IV, стр. 165; № 1089; диам. 18—20 *мм;* вес 7,24 *г.*

Av: FAVSTINA AVG — PII AVG FIL

Задрапированный бюст Фаустины Младшей со сложной прической вправо.

Rv: CONCOR — DIA

Павлин, стоящий вправо.

Этот прекрасной сохранности ауреус лежал в 63 *см* от западной и посередине между северной и южной стенами саркофага. По полевой описи № VII—21 (инв. № 9191).

Ауреус девятого погребения (Рис. 2)

№ 1. Фаустина Старшая; 141 г.; чеканена при А. Пии; Matt., IV, стр. 46; № 310 (вар.); диам. 19—20 *мм;* вес 7,30 *г.*

Av: DIVA AVG — FAVSTINA

Задрапированный бюст Фаустины Старшей со сложной прической вправо.

Rv: PIET AS AVG

Богиня благочестия (Pietas), задрапированная, с покрывалом на голове, стоящая влево. Правой рукой она сыплет благовония из ящичка, который она держит в левой руке, на горящий алтарь перед ней.

Этот ауреус, также отличающийся великолепной сохранностью, находился под челюстью погребенного ребенка. По полевой описи № IX—6 (инв. № 9192).

Крайне интересно отметить, что украшения сложной прически Фаустины аналогичны украшениям, обнаруженным в погребении № 7.

В саркофаге № 7 была погребена, видимо, молодая женщина; у ее головы лежало агатовое украшение в виде блюдца, оправленного золотом, и с многочисленными ушками на внешней стороне донышка; там же было рассыпано больше 100 золотых розеток с самоцветами, которые в свое время, несомненно, были нашиты на головное покрывало [1].

[1] А. М. Апакидзе и др. Ук. соч. Рисунки агатового украшения в виде блюдца с ушками и пяти розеток даны на стр. 88 (№№ 19 *а*, 19 *в*, 19 *с*, 13, 14, 15, 16 и 17), эти же розетки изображены на табл. LXXX (№ 8), а головной убор на гемме (табл. I bis, рис. 2 и табл. XLV, рис. 3) дает представление об этом украшении.

Большинство ауреусов, публикуемых в этой статье, представляют хорошо известный и уже изданный материал, который сам по себе, без сведений об обстоятельствах и месте их находки, пожалуй, и не вызвал бы особого интереса. Но публикация всего материала без сопровождающего его комплекса и даже без остальных золотых монет, добытых Мцхетской археологической экспедицией (см. порядковые номера 4, 5, 6 и 13 списка находок), вызвана необходимостью ввести в научный обиход некоторые монеты, которыми, насколько мне известно, до сих пор наука не располагала.

Становится совершенно очевидным, что страна, использовавшая в обращении на протяжении столетий собственную золотую монету, копирующую статеры Александра Македонского и Лисимаха, после того как эти статеры на рубеже II—III вв. н. э. вышли из употребления [1], стала испытывать нужду в аналогичной «торговой» монете. Поэтому она обратилась к тем образцам, которые к этому времени оказались наиболее подходящими. Превратившиеся в международные деньги и получившие исключительно широкое распространение римские монеты и послужили оригиналами для подражаний нового типа, пришедшим на смену старым.

[1] Д. Г. Капанадзе. О древнейших золотых монетах Грузии. ВДИ, 1949, № 3, стр. 162.

Список находок римских золотых монет I—V вв. в Грузии

Время, место и обстоятельство находки, место хранения	Имя императора, годы чеканки	Легенда и краткое описание		Метрологические данные		Литература
		лицевой стороны	оборотной стороны	диаметр	вес	
1902 г.; Мцхета; при проводке керосинопровода	Август; 27 г. до н. э. — 14 г. н. э.	Сведений не имеется		Сведений не имеется		Е. С. Такайшвили. Краткий отчет о раскопках, произведенных близ Мцхета. ИКОМАО 1, стр. 79. Отчет ИАК за 1902 г., стр. 92
1923 г.; Пицунда; при работах на табачной плантации; на расстоянии 1 *км* от храма	Нерон; 54—68 гг.	Голова Нерона вправо; Nero Caesar	Стоящий во весь рост Нерон в радиальной короне, с ветвью и шаром, с Викторией в руках; Avgvstvs Germanicvs	Сведений не имеется		Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа, II Баку, 1938, стр. 13, № 344
30-е годы XX в.; недалеко от Мцхета; обстоятельства находки неизвестны	Веспасиан; 69—79 гг.	Голова Веспасиана; Imp. Caes. Vesp. Avg. Gen.	Записей не сохранилось	Записей не сохранилось		Показан мне серебряником Л. Николайшвили в 1933 г.
1951 г.; Мцхета; на правом берегу р. Куры, в 200 *м* от ж.-д. станции, в мавзолее, ограбленном в древности *; инв. № 9214; каб. нумиз. ГМГ	Тиберий; 14—37 гг.	Голова Тиберия вправо; Ti. Caesar Divi Aug. F. Augustvs	Опирающаяся на длинный жезл, с ветвью в руке, сидящая на троне женская фигура вправо; Pontif. maxim.	19	7,62	
Инв. № 9215; каб. нумиз. ГМГ	Нерон; 54—68 гг.	Голова Нерона вправо; Nero Caesar Augvstus	Нагой Юпитер на троне с длинным жезлом и молниями в руках Jvpiter Custor	17—18	7,26	
Инв. № 9216; каб. нумиз. ГМГ	Вителлий; 68 г.	Голова Вителлия вправо; A. Vitellius Germ. Imp. Aug. Tr. P.	Сфера на треножнике. Сверху — дельфин, снизу — птица. XV Vir. Sacr. Fag.	18—19	7,28	

* Археологической экспедицией добыты также и другие монеты. См. Д. Г. Капанадзе. Монетные находки Мцхетской экспедиции. ВДИ, 1955, № 1, стр. 172.

Продолжение

Время, место и обстоятельство находки, место хранения	Имя императора, годы чеканки	Легенда и краткое описание		Метрологические данные		Литература
		лицевой стороны	оборотной стороны	диаметр	вес	
Инв. № 9217; каб. нумиз. ГМГ	Веспасиан; 69—79 гг.	Голова Веспасиана вправо. Imp. Caes. Vespasian Avg. PMTR. P. PPCs III	Крылатая Виктория вправо. В левой руке кадуцей, у ног змея. Paci. —Avgvsti	18—21	7,26	
1941 г.; Мцхета; на территории Самтаврского некрополя в погребении № 378; инв. № 9140; каб. нумиз. ГМГ	Домициан; 81—95 гг.	Голова Домициана вправо. Caes. Aug. F. Domitianus	Рог изобилия. Cos III	19	7,17	
1946 г.; Мцхета, на правом берегу Куры, на территории акрополя, в саркофаге с богатым погребальным инвентарем*. Инв. № 9200; каб. нумиз. ГМГ	Веспасиан; 69—79 гг.	Голова Веспасиана вправо. Imp. Caesar Vespasianus Avg.	Ника (справа), венчающая цезаря. Cos VIII под обрезом	19	6,90	
Инв. № 9201; каб. нумиз. ГМГ	Тит; 79—81 гг.	Голова Тита вправо. Imp. Titus Caes. Vespasian Avg. P. M.	Слон влево. Tr. P. IX. Imp. XV Внизу — Cos VIII PP.	19	7,06	
Инв. 9202; каб. нумиз. ГМГ	Адриан; 117—138 гг.	Голова Адриана вправо Imp. Caesar Traian Hadrianvs Avg.	Минерва в шлеме, с высоким копьем в левой руке, стоящая перед оливой, у ствола которой—заяц. PMTr. P. Cos III	20—21	6,91	

* Археологической экспедицией добыто также по одному денарию Августа, Траяна, Адриана, Фаустины Старшей.

Продолжение

Время, место и обстоятельство находки, место хранения	Имя императора, годы чеканки	Легенда и краткое описание		Метрологические данные		Литература
		лицевой стороны	оборотной стороны	диаметр	вес	
Инв. № 9203; каб. нумиз. ГМГ	Адриан; 117—138 гг.	Голова Адриана вправо. Hadrianvs Avg. Cos III PP.	Идущая с цветком в руке богиня надежды влево; Spes P. R.	18—19	6,41	
1939 г.; с. Руиси (Горийский р-н), при земляных работах; приобретен у находчика. Инв. № 2231; каб. нумиз. ГМГ	Каракалла; 211—217 гг.	Бюст Каракаллы вправо, кругом Antoninvs Pivs Avg.	Изображение четырех детей, олицетворяющих времена года. Сверху — Felicia Снизу — Tempora	20—21	7,27	
30-е годы XX в.; с. Ничбиси (Каспский р-н); при земляных работах	Александр Север; 222—235 гг.	Голова А. Севера вправо. Imp. C. M. Avr. Sev. Alexand Avg.	Квадрига вправо— P. M. Tr. P. Cos. P. P.	Записей нет		
1942 г.; недалеко от совхоза Уреки (южнее ж.-д. станции Супса) на берегу Черного моря; инв. № 9332; каб. нумиз. ГМГ; при земляных работах, в грунтовом погребении с богатым инвентарем и монетами: драхмы Кесарии Каппадокийской, Адриана (4), Септимия Севера (1) и ауреусы (поступили в ГМГ). Инв. № 9333; каб. нумиз. ГМГ	Тацит; 275—276 гг.	Голова Тацита вправо. Кругом—Imp. C. M. Clav Tacitvs Avg.	Афина на троне с Никой на правой руке. Кругом—Romae Heternae	21—22	4,88	
	Варваризованный ауреус неопред. типа	Грубо исполненное изображение человеческой головы вправо; кругом—набор латинских букв	Марс с копьем влево. Кругом—набор латинских букв, не имеющих смысла	20	6,43	

Продолжение

Время, место и обстоятельство находки, место хранения	Имя императора, годы чеканки	Легенда и краткое описание		Метрологические данные		Литература
		лицевой стороны	оборотной стороны	диаметр	вес	
Начало XX в.; в районе г. Гори; при земляных работах	Карин; 283—285 гг.	Сведений не сохранилось		Сведений не сохранилось		Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и Закавказья. Баку, 1926 г., стр. 42, № 50
30-е годы XX в.; с. Агаяни (Каспский р-н); в глиняном саркофаге с погребальным инвентарем. Инв. № 9339; каб. нумиз. ГМГ	Константин I; 308—337 гг.	Голова Константина вправо—Constantinvs P. F. Avg.	Стоящий впрямь цезарь; у его ног поверженные пленники Victor Romnivm Gentivm Снизу—SMNГ	19—20	4,52	С. И. Макалатия. Археолог. находки в селениях Даблагоми и Агаяни. СА, V, 1940, стр. 269—270
Инв. № 9340; каб. нумиз. ГМГ (рис. 2, *1*)	Варваризованный ауреус Нумериана	Человеческая голова влево. Кругом выбитая в обратную сторону латинская надпись IMPC...	Виктория влево. Кругом — выбитая в обратную сторону надпись похожая на victorius...	18	3,52	А. Н. Зограф, Распр. находок античных монет на Кавказе. ТОНГЭ 1, Л., 1945, стр. 81
1939 г.; Сталинири (Юго-Осет. АССР); при постройке ж.-д. станции; с погребальным инвентарем и монетами Августа, Готарза. Инв. № 9336, каб. нумиз. ГМГ (рис. 2, *2*)	Варваризованный ауреус Нумериана, во всем подобный предыдущему	Во всем подобен описанному выше		18	2,68	По определению А. Н. Зографа, тип Cohen'a VI, стр. 379, № 99

Продолжение

Время, место и обстоятельство находки, место хранения	Имя императора, годы чеканки	Легенда и краткое описание		Метрологические данные		Литература
		лицевой стороны	оборотной стороны	диаметр	вес	
1943 г.; Мцхета, Армазисхевский некрополь, в погреб. № 43 с богатым инвентарем. Инв. № 9199; каб. нумиз. ГМГ	Констанций II; 337—361 гг.	Бюст Констанция II впрямь Elivs Constantivs Perp. Avg.	Городские богини Рима и Константинополя с круглым щитом в руках, на котором надпись. Vot — XXX. Mult. XXXX GLORIA REIPVBLICA SMANH	20—21	4,52	
1946 г.; Мцхета; на Багинетском участке Мцхетской археологической экспедиции (правый берег р. Куры) в выбросах земли	Феодосий I; 379—395 гг.	В камеральной обработке Института Истории АН Груз. ССР				
1947 г.; с. Арашенда (Тетрицкаройский р-н); при земляных работах	Феодосий I; 379—395 гг.	Сведений не имеется		Сведений нет		Сообщение С. Чичинадзе с препровождением очень слабого карандашного оттиска
1904 г.; г. Гагра, при проведении водопроводной магистрали	Гонорий; 395—423 гг.	Сведений не имеется		Сведений нет		Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и др. республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1940, стр. 29—30, № 780
903 г.; с. Глдани (Тбилисский р-н), в могильнике, при раскопках Э. А. Реслера	Брактеат; варварское подражание римским ауреусам V века	Сведений не имеется		Сведений нет		ОАК за 1903 г., СПб, 1906, стр. 83

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

ДРЕВНЕРУССКОЕ СЕЛИЩЕ ЛЕБЕДКА

Проблема истории древнерусской деревни принадлежит к числу наименее разработанных. Большинство письменных источников деревни не касается, а имеющиеся в нашем распоряжении материалы раскопок сельских поселений чрезвычайно фрагментарны. Особенно это можно отметить в отношении неукрепленных поселений или селищ, планомерное исследование которых только начинается. Прежде изучение древнерусской деревни велось археологами главным образом по материалам раскопок погребальных памятников сельского населения — курганов, а также укрепленных поселений — городищ.

Сказанное выше относится и к изучаемой нами территории верхнеокского бассейна, в силу чего известный интерес представляет исследованное нами неукрепленное сельское поселение, расположенное на левом берегу р. Цона (приток Оки) у дер. Лебедки[1] (Урицкого района, Орловской области).

Обнаруженные здесь при раскопках остатки металлургических сооружений, значительное количество орудий сельского хозяйства, предметов быта и ремесла проливают свет на историю древнерусской деревни времени последних столетий I тысячелетия н. э. и начала II тысячелетия н. э.

Селище Лебедка представляет собой едва заметное всхолмление. Оно вытянуто с северо-запада на юго-восток, границы его расплывчаты. Южная часть селища несколько выше, северная (мыс) почти совсем сливается с окружающей местностью. Протяженность селища вдоль берега — 280 *м*, ширина его в разных частях — от 30 до 60 *м* (рис. 1).

Раскопы 1952—1953 гг. общей площадью 840 $м^2$ были заложены на центральной части селища и охватывали его значительную часть. Северная и южная части селища, как показали пробные шурфы, имеют очень тонкий культурный слой (10—15 *см*), подстилающийся торфом и чрезвычайно бедно насыщенный обломками лепной посуды.

Культурный слой, черный песчаный — в верхней части и светлый, переходящий в желтый материковый,— в нижней (мощностью от 20 до 60 *см*), содержал находки двух разновременных эпох, не поддающихся стратиграфическому расчленению.

Вполне вероятно, что селище ранее было двуслойным и верхний горизонт культурного слоя, содержащий материал начала II тысячелетия н. э., частично был смыт весенними разливами р. Цон.

Поселок был невелик, но просуществовал, очевидно, довольно долго. Некоторые обстоятельства заставляют нас предположить, что поселок был спешно покинут в XIII в.

На территории селища было обнаружено три человеческих скелета, расположение которых свидетельствует о том, что они погибли здесь в

---

[1] Археологические исследования этого селища проводились Верхнеокским отрядом Славянской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, совместно с Орловским обл. краеведческим музеем, под руководством автора статьи в 1952—1953 гг. В экспедиции принимали участие Н. Н. Хомчук, Н. В. Мартышкин, Д. Г. Перцев и др. студенты московских вузов.

момент какой-то опасности, так как в шейном позвонке одного из скелетов оказалась железная ланцетовидная стрела. Рядом с ним лежал скелет ребенка [1].

Значительный интерес представляют жилища, вскрытые на территории селища.

По всей площади раскопов №№ 1 и 2 уже на глубине 20 *см* выявились темные пятна ям и западин, более четкие на уровне материка; некоторые из этих ям имели размеры, достаточные для того, чтобы считать их жилыми сооружениями полуземляночного типа, остальные, очевидно, являлись подпольными ямами несохранившихся наземных жилищ. Наиболее хорошо сохранились три землянки в раскопе № 1 (1952 г., рис. 2) и одна в раскопе № 2 (1953 г.). Землянки эти были прямоугольными в плане помещениями, размером 4 × 4 *м*, 4 × 5 *м* и 3 × 2,2 *м* и глубиной от уровня современной поверхности 120—160 *см* (глубина от уровня материка 60—160 *см*).

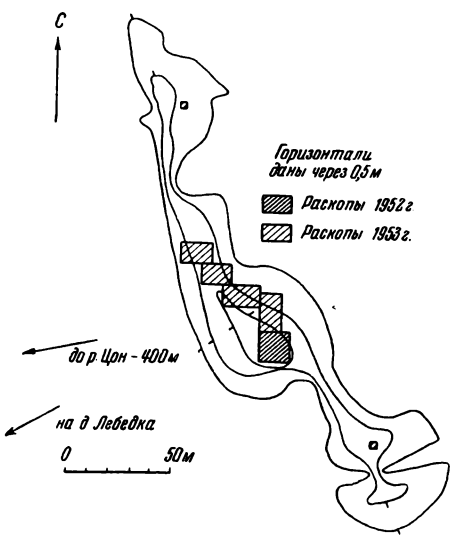


Рис. 1. План селища Лебедка

Жилища обитателей Лебедки, по-видимому, были аналогичны жилищам полуземляночного типа, раскопанным на городище Монастырище [2] и городище у с. Петровское [3], синхронных более древним находкам с нашего селища [4].

То обстоятельство, что поселок был расположен на песчаной дюне, заставляет нас предположить, что стены землянок тщательно укреплялись деревянными конструкциями; незначительные следы таких укреплений сохранились только в землянке № 1 в виде тонкого обугленного бревна в стене и ямки от столба в углу землянки [5].

Другим типом жилищ была, по-видимому, наземная постройка. Так, в западной части раскопа № 1 (1952 г.) на глубине 20 *см* было обнаружено большое скопление угля и золы, лежавшее на слое докрасна обожженной глины, очертания которого приближались к овалу. Толщина угольно-зольного слоя составляла 10 *см*, слоя глины — около 30 *см*. В северо-восточной и юго-восточной части этого пятна было скопление довольно крупных камней со следами пребывания в огне. По линии центра

---

[1] Как известно, в середине XIII в. расположенный неподалеку отсюда г. Козельск (на р. Жиздре) осаждало войско Батыя. Не явились ли жители Лебедки жертвой набега одного из отрядов Батыя?

[2] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. ИАК, вып. 22, СПб., 1907, стр. 61, рис. 33, 34.

[3] П. Н. Третьяков. Стародавні словъянські городища у верхній течії Ворскла, Археологія, т. I. Київ, 1947, стр. 131, рис. 3.

[4] М. К. Каргер отмечает, что основным типом даже городских жилищ Киевской земли еще в XII—XIII вв. продолжала оставаться глинобитная постройка полуземляночного типа, ничем не отличавшаяся от тех полуземляночных жилищ, которые характерны для более ранних славянских поселений VIII—X вв. лесостепной полосы Восточной Европы. (См. М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1951, стр. 42—43).

[5] Возможно, что крепления стен землянки были такими же, как и на Большом Боршевском городище. Деревянные конструкции жилищ представляли собой не сруб, а скорее — облицовку стены. (См. П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948, стр. 26). Та же самая конструкция укрепления стен наблюдалась и в киевских жилищах. (См. М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 42).

обнаружены остатки обугленного бревна длиной около 2 *м*; в западной части почти под прямым углом были расположены два обугленных бревна длиной около 1 *м* каждый, толщиной до 20 *см*. По-видимому, эти бревна являются остатками переводин пола, поддерживавших вместе с тем и глинобитную печь. Обнаруженные здесь камни могли входить в конструкцию глинобитной печи, как это известно из раскопок Большого Боршевского городища [1].

Остатки жилища, судя по многочисленным найденным здесь фрагментам лепной керамики роменского типа и некоторым костяным поделкам, можно отнести ко времени VIII—IX вв. [2].

По-видимому, оба типа жилищ в конце I тысячелетия н. э. сосуществовали; возможно, что здесь деревянная изба впоследствии сменила землянку, так же как это было ниже по Оке [3].

Указанное наземное жилище было расположено рядом с одной из землянок, оказавшейся кузницей. Это было довольно просторное помещение (4×5 *м*), ориентированное по странам света и имевшее глубину от уровня современной поверхности — 160 *см*. В землянке обнаружены остатки кузнечного горна, поставленного на плотном материковом песке (рис. 3). Горн представлял собой глинобитное сооружение в виде небольшого возвышения овальной формы, выложенного камнями (камни были найдены как в развале горна, так и у его подножия). Восточный край площадки горна примыкал к глинобитной же стенке. Диаметр основания горна (вместе со стенкой) составлял около 160 *см*, толщина стенки 50 *см*, высота стенки горна от уровня материка 80 *см*. Овальная площадка, горновое пространство и стенка горна были сильно обожжены. Вокруг горна лежал толстый угольно-зольный слой и попадались куски железного шлака.

В западной части землянки обнаружена яма размером 2 × 2 *м*, ориентированная с северо-востока на юго-запад, примыкавшая своим восточным углом к основанию горна. Глубина ямы от уровня современной поверхности 220 *см*, от уровня основания горна — 80 *см* [4]. Назначение этой ямы не вполне ясно. Вероятнее всего, что она представляла собой «предгорновой выем» — помещение, в которое становился кузнец во время работы (рис. 4).

---

[1] В некоторых жилищах Боршевского городища глинобитные печи имели полукруглые своды, выложенные камнями. (П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 29).

[2] Следы наземных жилищ были обнаружены при раскопках Н. П. Милонова на поселении IX—X вв., расположенном недалеко от селища Лебедка около дер. Малое Селихово, в лесу близ большого оврага. (Автор раскопок называет это поселение «Алексеевский городок», но, по-видимому, это — селище, так как следов вала и рва незаметно).

Остатки жилищ открылись на глубине 20—30 *см* в виде прослоек сгнившего дерева длиной 4 *м* и толщиной 0,4 *м*, представлявших собой нижние венцы сруба размерами 4 × 4 *м* и 5,3 × 5,3 *м*. Пол жилища был глинобитным (толщина глиняной обмазки варьирует от 0,8 до 0,15 *м*), глина обожжена.

В северо-западном углу дома обнаружены следы печи в виде кусков обожженной глины — печины, угля и золы. По словам автора, здесь же найдены обломки глиняных сосудов и изложниц, глиняные литейные формы с остатками металла и многочисленные остатки металлических изделий. Автор считает, что оба жилища являлись вместе с тем и металлургическими мастерскими. (См. Н. П. Милонов. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Орловским областным музеем... летом 1938 г. Архив Орлов. обл. краеведческого музея).

[3] Реконструированные по раскопкам в Старой Рязани наземные жилища также обнаруживались по пятнам обожженной глины, являвшихся следами развала печи, а также по расположенным поблизости подпольным или зерновым ямам. Дерево почти не сохранилось. Известны случаи, когда жилище ремесленника располагалось около его мастерской. Кроме наземных жилищ, здесь были вскрыты и полуземлянки. Автор раскопок предполагает, что оба типа жилищ сосуществовали. (См. А. Л. Монгайт. Древнерусские жилища XI—XIII вв. СЭ, 1948, № 4, стр. 56; его же. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 41).

[4] Подробное описание этой ямы см. Т. Н. Никольская. Археологические исследования в Орловской обл. КСИИМК, вып. 53, 1954.

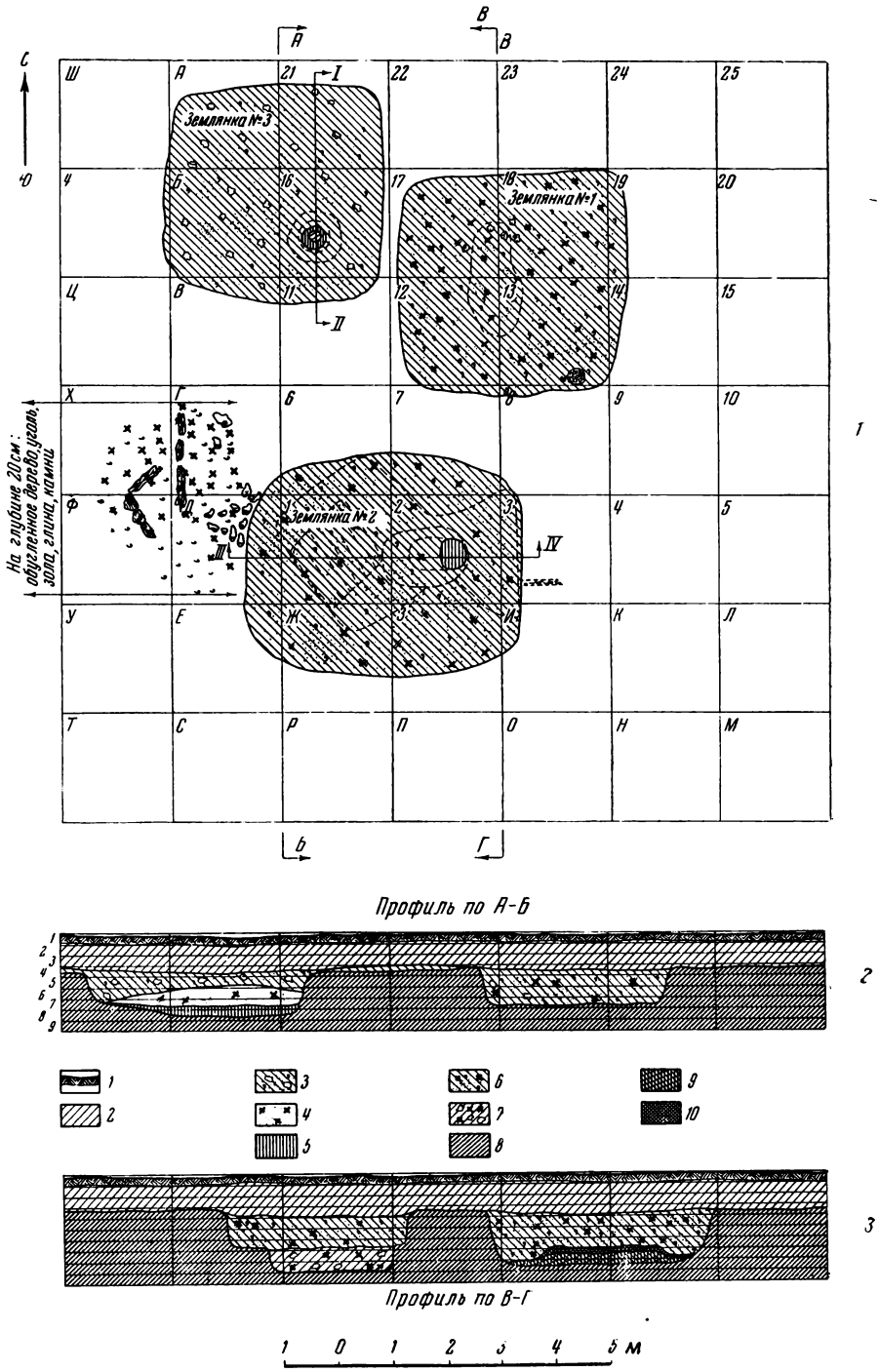


Рис. 2. План раскопа № 1 на глубине 60 *см*; разрез землянки № 2 и № 3 по линии *А—Б*; разрез землянки № 1 и № 2 по линии *В—Г*

1 — гумусный слой; *2* — черный песчаный слой; *3* — песчаный слой с золой и шлаком; *4* — глинистый слой с углем и песком; *5* — плотная глина; *6* — угольно-зольный слой; *7* — золистый слой со шлаком; *8* — материк — желтый песок; *9* — красная обожженная глина; *10* — угольный слой со шлаком

Рис. 3. Развал кузнечного горна в землянке № 2

Аналогий обнаруженному на селище Лебедка кузнечному горну среди других раннеславянских поселений нам отыскать не удалось. На Райковецком городище была раскопана кузнечная мастерская, прямоугольная в плане (размером 3,4 × 3,1 *м*), однако остатки горна в ней были довольно плохой сохранности [1].

В то же время устройство исследованного нами горна вполне совпадает с данным Б. А. Колчиным описанием древнерусских кузнечных горнов [2].

Среди находок в заполнении землянки можно отметить обломок железной дужки от ведра, глиняное дисковидное пряслице и обломок кости со следами обработки. В значительном количестве в землянке найдены обломки массивных толстостенных горшков роменского типа, изготовленных из глины с примесью крупной дресвы, довольно хорошо обожженных, чаще гладкостенных, иногда покрытых зубчатым или веревочным орнаментом [3].

Вблизи кузницы (в северной части раскопа № 1) находились еще две землянки также производственного назначения: в них открыты остатки сыродутных горнов. Несомненно, что в процессе производства эти горны использовали местную болотную руду, залежи которой известны как на территории самого селища, так и около него [4].

---

[1] В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 85.

[2] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 57.

[3] Ни инструментов кузнеца, ни его готовой продукции в кузнице не обнаружено. Возможно, что она перестала функционировать еще в то время, когда жизнь в поселке шла обычным порядком.

[4] По всей площади раскопов в культурном слое и на материке встречались «рыжие» пятна, представлявшие собой железистые отложения на корневищах болотных растений.

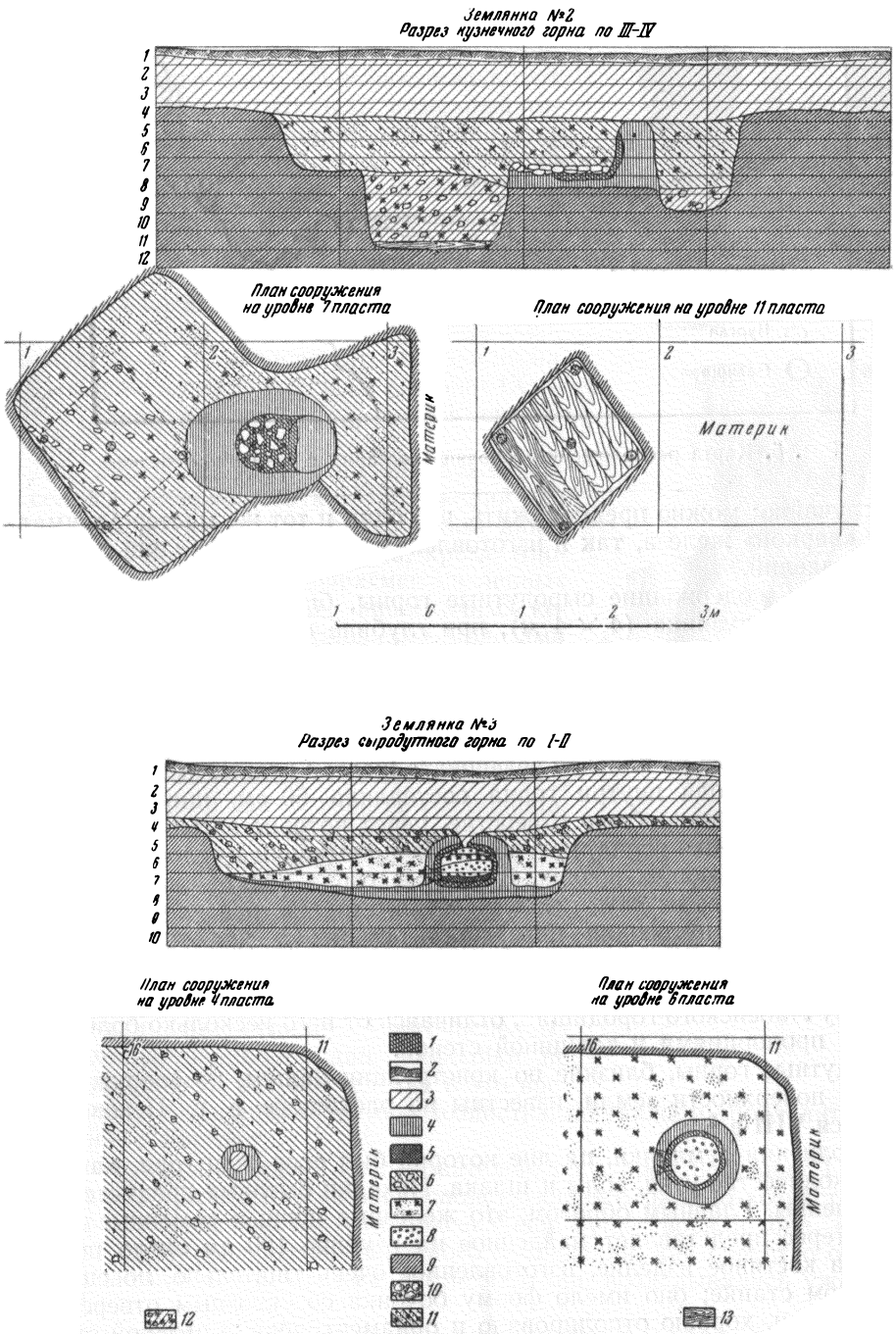


Рис. 4. Разрез и план кузнечного горна в землянке № 2, разрез и планы сыродутного горна в землянке № 3

1 — красная обожженная глина; *2* — гумусный слой; *3* — черный песчаный слой; *4* — плотная глина; *5* — угольный слой со шлаком; *6* — песчаный слой с золой и шлаком; *7* — глинистый слой с углем и песком; *8* — шлак; *9* — материк — желтый песок; *10* — камни, шлак, уголь, зола; *11* — серый угольно-золистый слой; *12* — черный песчаный слой со шлаком; *13* — дощатый настил

Расположение кузницы в непосредственной близости от сыродутного горна наблюдалось также на Райковецком городище [1], и оно, по-видимо-

[1] В. К. Гончаров. Ук. соч., стр. 85.

Рис. 5. Карта расположения городищ, соседних с селищем Лебедка

му, неслучайно: можно предположить, что один и тот же мастер занимался как «варкой» железа, так и изготовлением из железных криц разнообразных изделий.

Землянки, содержащие сыродутные горны, были несколько меньших размеров, чем кузница (4 × 4 *м*), при глубине от уровня современного горизонта 120 (землянка № 3) и 160 *см* (землянка № 1). Наиболее хорошо сохранился горн в землянке № 3; конструкция его была очень несложной. Горн представлял собой округлое в плане и сводчатое в разрезе глинобитное сооружение, возведенное на материке. Боковые стенки горна, выложенного из плотной зеленовато-желтой глины, имели толщину 20 *см*. Высота свода внутри горна составляла 50 *см*, ширина 60 *см*. В верхней части горна было отверстие, через которое засыпали уголь и руду. Внизу, в стенке горна, на уровне пола землянки имелось отверстие для мехов, нагнетающих воздух. В разрезе горна обнаружилось его заполнение, состоящее из двух слоев железного шлака, разделенных угольной прослойкой. Внутренняя поверхность стенок и дна горна сильно обожжены (рис. 4).

Раскопанный нами горн очень близок по своей конструкции сыродутному горну Лабенского городища [1], отличаясь от него несколько более вытянутыми пропорциями и толщиной стенок.

Сыродутные горны, близкие по конструкции нашим, но сооруженные прямо на поверхности земли, известны по раскопкам в г. Пскове, где датируются VIII в. [2].

В заполнении землянки, на дне которой был сооружен горн, найдено большое количество угля, золы и шлака. Находки бытовых предметов немногочисленны. Главным образом, это железные ножи и каменные пряслица. Интерес представляет найденное на глубине 120 *см* около подножия горна костяное изделие, изготовленное очень тщательно, но еще не на токарном станке; оно имело форму бочонка со сквозным отверстием по долевой оси, хорошо отполировано и орнаментировано с одной стороны тремя рядами поясков, с другой — одним рядом (длина поделки 6 *см*, диаметр 2,5 *см*). Кроме этих поделок, в землянке обнаружены фрагменты лепных сосудов роменского типа.

Остатки хуже сохранившегося сыродутного горна, по конструкции, очевидно, аналогичного первому, были обнаружены в соседней землянке № 1.

---

[1] А. М. Ляуданскі і К. М. Полікарповіч. До гісторыі железного промыслу на Палесьі. Працы Палесской экспедыцыі, вып. 2. Минск, 1938.

[2] С. А. Тараканова. Новые материалы по археологии Пскова. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 57.

Среди находок в землянке № 1 нужно отметить обломки толстостенной лепной керамики роменского типа, железное кольцо от удил, железный нож, костыль, каменный точильный брусок и маленькую шарообразную бусинку из белой пасты.

Несмотря на то, что рассмотренные нами землянки содержали производственные сооружения, все они, очевидно, одновременно являлись и жилищами.

Аналогичные жилища-мастерские с остатками горнов были обнаружены при раскопках, например, Кузнецовского городища на р. Воронеже, относящегося ко времени IX — X вв.[1]. Известны они и в городах Киевской Руси [2].

Для определения времени обнаруженных на селище Лебедка остатков сооружений для металлообработки мы не располагаем никакими датирующими предметами, кроме множества найденных здесь фрагментов лепных сосудов роменского типа, аналогичных керамике поселений, датированных монетами VIII—X вв.[3]. К этому же времени относятся и упомянутые нами выше сыродутные горны, открытые на других раннеславянских поселениях.

Недалеко от селища (примерно в 4 *км*), вверх и вниз по р. Цону, известны городища, культурный слой которых относится к X—XIII вв. Это — Комаровское городище, расположенное выше Лебедки, Гневушевское и Мерцаловское — вниз по реке (рис. 5). Возможно, что жители этих поселений явились потребителями готовой продукции ремесленников Лебедки.

Рис. 6. Железные орудия
1 — топор; *2*, *3* — сошники

Находки на селище многочисленных сельскохозяйственных орудий позволяют не только заключить, что земледелие в это время становится ведущей отраслью хозяйства, но также и определить, каковы были его формы.

По мнению некоторых исследователей, во второй половине I тысячелетия н. э. у восточных славян господствующей отраслью хозяйства было пашенное земледелие. И хотя подсека еще существовала, она, «очевидно, была подчинена целям пашенного земледелия, как средство освобождения участков земли от леса, после чего они возделывались уже постоянно» [4].

В отношении развития земледелия у населения верхней Оки в предшествующее время мы не решились бы делать такое заключение, однако применительно ко времени последних веков I тысячелетия н. э. этот вывод подкрепляется фактическим материалом.

---

[1] Размеры жилищ 3,5 × 3,7 *м* и 2,8 × 3,2 *м*. (См. П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 104).

[2] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 42.

[3] Т. Н. Никольская. Ук. соч.

[4] В. И. Довженок. К истории земледелия у восточных славян в I тыс. н. э. и в эпоху Киевской Руси. Материалы по истории земледелия СССР, т. I, М., 1952, стр. 137.

На селище Лебедка нами найдены как орудия, необходимые для подсеки, так и орудия, характеризующие развитие пашенного земледелия.

Как известно, подсечное земледелие характеризуется возделыванием под посевы лесных участков с помощью топора, огня и примитивных земледельческих орудий [1].

На селище найдено два целых топора и обломок третьего. Один из них — типичный лесорубный топор — принадлежит к раннему типу проушных узколезвийных, усложненному обушком на тыльной части и небольшими выступами у проуха (рис. 6, *1*). Однако вместо обычного спутника подсечного земледелия — мотыги на селище найдены другие, более совершенные земледельческие орудия — железные сошники (рис. 6, *2, 3*). По своим пропорциям и форме один из них близок к сошнику из мордовского городища VI—IX вв. Ош-Пандо [2]; так же, как и у последнего, втулочная часть занимает половину всей длины сошника, концы втулки лишь слегка загнуты внутрь, в разрезе втулка овальная. Рабочая часть сошника, по-видимому, была также треугольной, но сработалась; средняя часть ее утолщена, к краям сделана тоньше и с лицевой стороны представляет ровную плоскость. Режущими являлись, очевидно, боковые стороны. Орудие данного типа вполне соответствовало тем условиям, в которых развивалось пашенное земледелие в лесной полосе [3].

Таблица 1

Костные остатки, найденные на селище Лебедка

Наименование животных	Количество костей	Количество особей
Крупный рогатый скот	24	2
Свинья	15	5
Лошадь	4	2
Лось	58	4
Бобр	6	2
Кабан	11	2
Косуля	13	3
Медведь	7	2
Выдра	1	1

Другой сошник, треугольной формы с острым концом и покатыми плечиками (его форма приближается к плужному лемеху), является аналогией сошнику, опубликованному Д. Я. Самоквасовым в Атласе Гочевских древностей [4]; своей формой он несколько напоминает сошники, найденные на городищах Волынцевском (р. Сейм) [5], Новотроицком (р. Псел) [6] и Шуклинском (р. Тускарь) [7], отличаясь от них бо́льшим размером.

Этот сошник, очевидно, был также удобен при возделывании почвы на лесных пространствах.

Что такая эволюция пашенного орудия и здесь, в лесной полосе, произошла — это несомненно, и отголоском ее, очевидно, является запись летописца о двух различных формах дани вятичей: в годы княжения Святослава они платят дань «по щелягу от рала» [8], Владимир, как сказано ниже, «взложи на ня дань от плуга» [9].

В материалах из раскопок селища представлены и орудия уборки урожая и трав — серпы и косы-горбуши (рис. 7). Серпы (найдено три экземпляра) по форме близки к современным. Бытовавшие у населения Лебедки косы принадлежали к северному типу, для которого характерно

---

[1] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. Изв. ГАИМК, т. XIV, вып. I, М., 1932.

[2] П. Д. Степанов. К вопросу о земледелии у древней мордвы. СЭ, 1950, № 3, стр. 161.

[3] В. И. Довженок. Ук. соч., стр. 142.

[4] Атлас Гочевских древностей. М., 1915, табл. 1-а, рис. 12.

[5] Лемех Волынцевского городища имел длину 17 *см*, ширину лопасти — 8 *см*, ширину втулки — 5 *см*. (См. В. И. Довженок. Разкопки у с. Волинцево. Археологічні памъятки УРСР, т. III. Київ, 1950, стр. 255, рис. 3).

[6] По любезному сообщению И. И. Ляпушкина.

[7] Раскопки автора 1953 г.

[8] Повесть временных лет, ч. I. М., 1950, стр. 47.

[9] Там же, стр. 58.

удлиненное лезвие и вытянутый черенок-пятка [1] (найдено четыре целых экземпляра и один обломок).

Предметов, связанных со скотоводством, у обитателей селища найдено очень мало. Несомненно, что лошадь в это время широко использовалась в качестве тягловой силы. Предметы конского снаряжения представлены находками железных удил и псалий (рис. 8, *8, 9*).

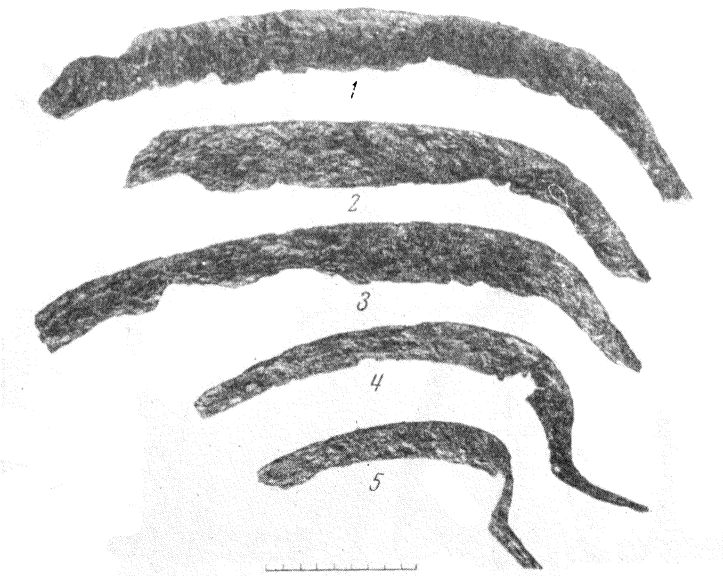


Рис. 7. Железные орудия
1—3 — косы-горбуши; *4—5* — серпы

Остеологический материал селища сохранился очень плохо. В. И. Цалкиным было исследовано 142 кости (из 152 собранных на селище). Материал этот слишком незначителен и не отражает, конечно, полной картины состояния животноводства у обитателей селища. Согласно данным В. И. Цалкина, среди домашних животных первое место занимают кости свиньи, а среди диких — кости лося (табл. 1). Кроме того, на поселении найдено довольно много рыбьей чешуи и позвонков крупных рыб.

На основании этой таблицы можно заключить, что кости диких животных составляют 67,5% общего количества костей, а кости домашних животных — всего 32,5%. (Если подсчитать количество особей, то соотношение почти то же: дикие животные составляют 61%, домашние — 39%). Любопытно, что та же картина наблюдалась и при раскопках Боршевского городища на Среднем Дону. Авторы раскопок объясняют это обстоятельство тем, что в это время основой хозяйственной жизни населения было пашенное земледелие. В силу существовавших природных условий потребность в мясной пище покрывалась рыболовством и охотой, в которой особую роль играла охота на таких животных, дающих много мяса, как, например, лось [2].

Орудия рыбной ловли и охоты довольно хорошо представлены в материалах селища. К первым принадлежат железная двузубая острога и железный рыболовный крючок (рис. 8, *5, 4*). Две железные пешни тоже служили, очевидно, целям рыболовства (рис. 9, *1, 2*).

[1] Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 95—96.
[2] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 56.

Здесь же надо упомянуть и о глиняных грузилах рыболовных сетей довольно разнообразной формы (рис. 10, *1, 3, 5, 6*): цилиндрических больших со сквозным отверстием по долевой оси и глубокими ямками на поверхности и маленьких без орнамента, бочонкообразных, биконических

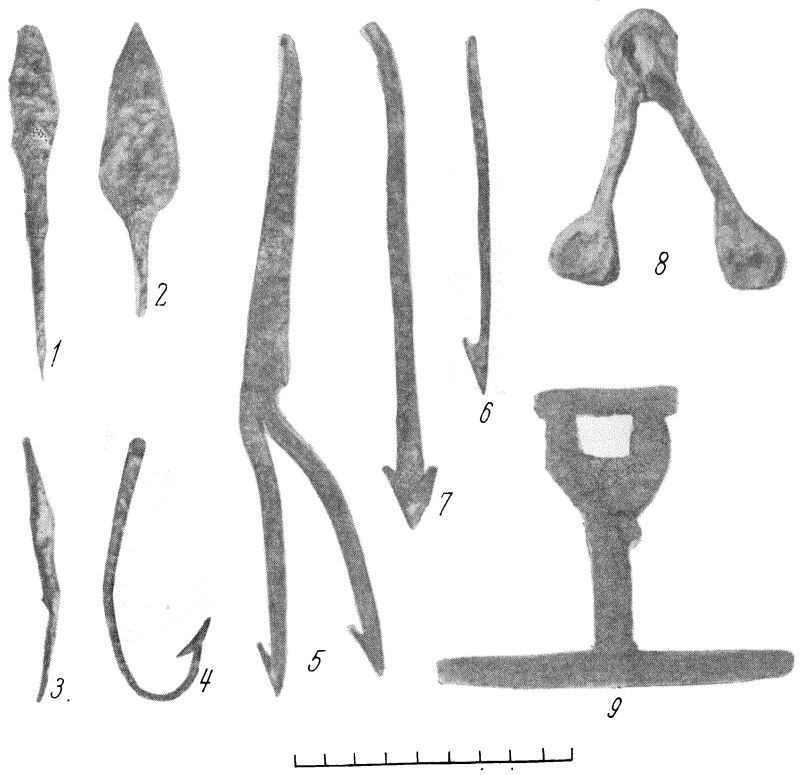


Рис. 8. Железные изделия

1—3 — стрелы; *4* — рыболовный крючок; *5* — острога; *6—7* — гарпуны; *8* — часть удил; *9* — псалия

и т. д. Некоторые грузики орнаментированы неглубокими круглоямочными вдавлениями. Следует отметить, что данные грузила, более характерные для раннего времени, как бы намечают переход от памятников предыдущей эпохи к культуре роменского типа (VIII—X вв.).

Охотничьим оружием являлись гарпуны — двушипный и одношипный (рис. 8, *6, 7*), а также, очевидно, стрелы листовидной, ланцетовидной и четырехгранной формы (рис. 8, *1—3*). И гарпуны и остроги были черенковыми; концы двушипного гарпуна и двузубой остроги слегка загнуты— здесь были крючки, которые теперь обломаны. «Такие гарпуны не вбивались в древко, а накладывались на его конец в соответственно сделанный выем и заматывались просмоленной веревкой» [1].

Деревянных изделий в культурном слое селища не сохранилось, но орудия обработки дерева представлены довольно хорошо. Сюда относятся: универсальное орудие для рубки и тески дерева — плотничий топор, имевший небольшую выемку в нижней части и довольно широкое опущенное лезвие (рис. 11, *2*); тесло-топор с поперечным лезвием, употреблявшийся для предварительного глубокого выдалбливания в дереве разнообразных выемок (рис. 11, *1*).

Найден также скобель — инструмент, употреблявшийся как для первичной обработки дерева — сдирания коры, так и для строгания его после обработки топором (рис. 11, *3*).

[1] Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 100.

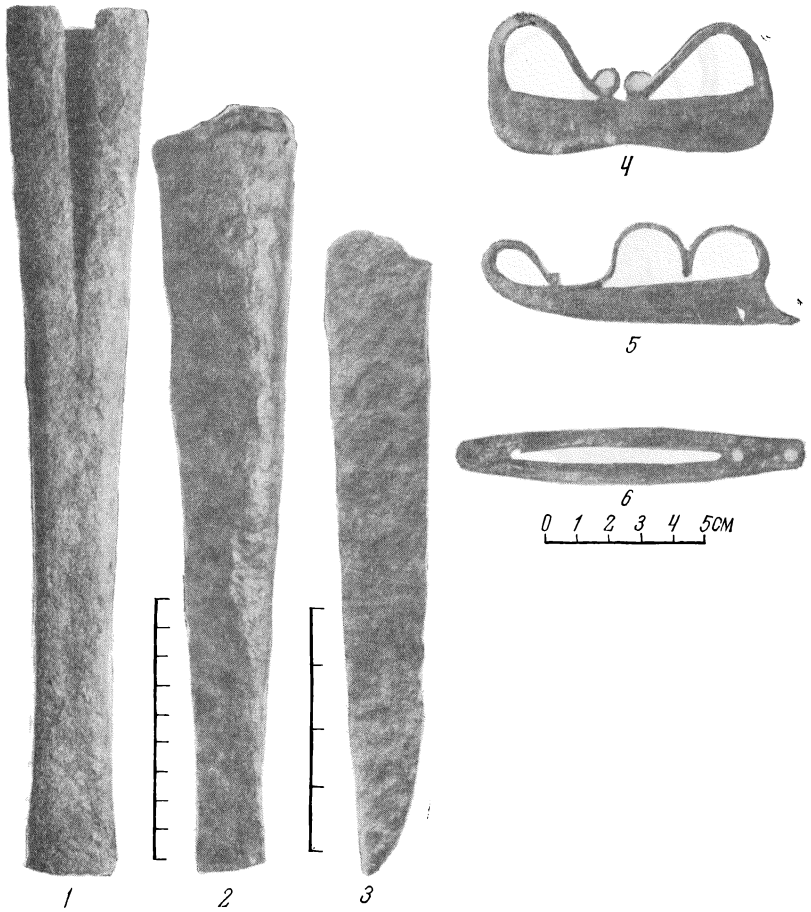


Рис. 9. Железные изделия

1—2 — пешни; *3* — нож со следами ткани; *4—6* — кресала

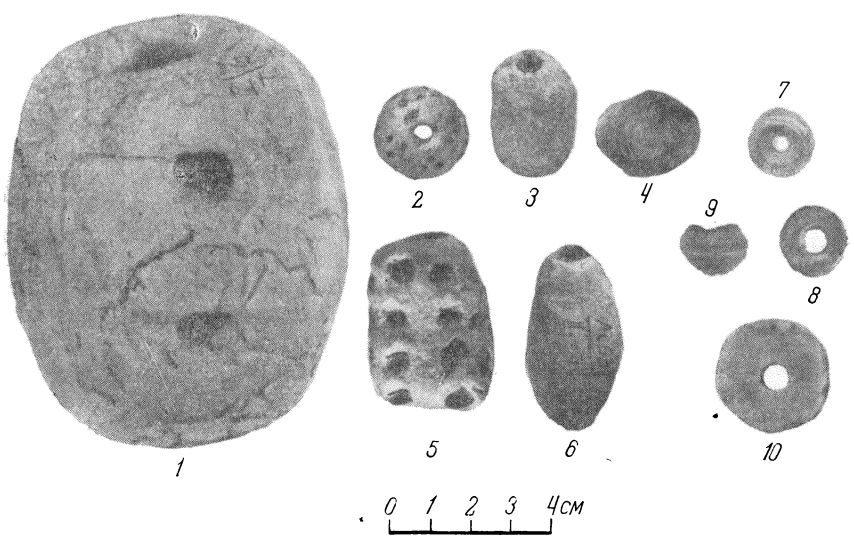


Рис. 10. Отдельные находки

1, 3, 5, 6 — глиняные грузила; *2, 4, 10* — глиняные пряслица; *7—9* — шиферные пряслица

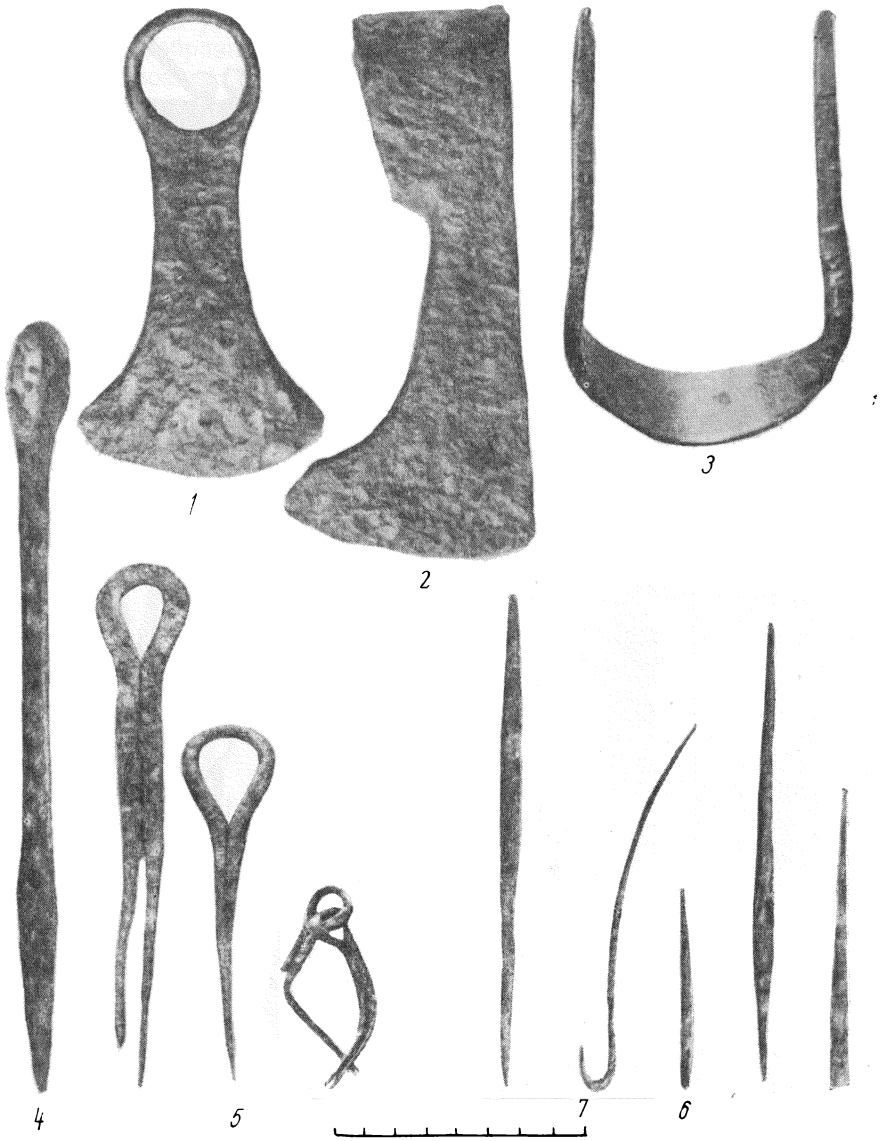


Рис. 11. Железные изделия
1 — тесло; *2* — топор; *3* — скобель; *4* — резец; *5* — дверной пробой; *6* — шилья; *7* — дужка от ведра

До настоящего времени находки данного инструмента были известны только в памятниках городского типа [1]. Среди древностей сельского населения он найден только в одном из вятических курганов при раскопках А. В. Арциховского, тщательно изучившего это орудие [2], и в кургане Чернигова [3]. Скобель селища Лебедка очень типичен и представляет интерес, как первая находка данного орудия в сельских поселениях верхней Оки конца I тысячелетия н. э.

Более тонким и совершенным орудием обработки дерева, свидетельствующим о существовании токарного станка, является найденный на се-

[1] Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 112; А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 145; В. К. Гончаров. Ук. соч., табл. XXVI, рис. 1, 2.
[2] А. В. Арциховский. Царицынские курганы. МИА, № 7, 1947, стр. 79.
[3] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, стр. 43.

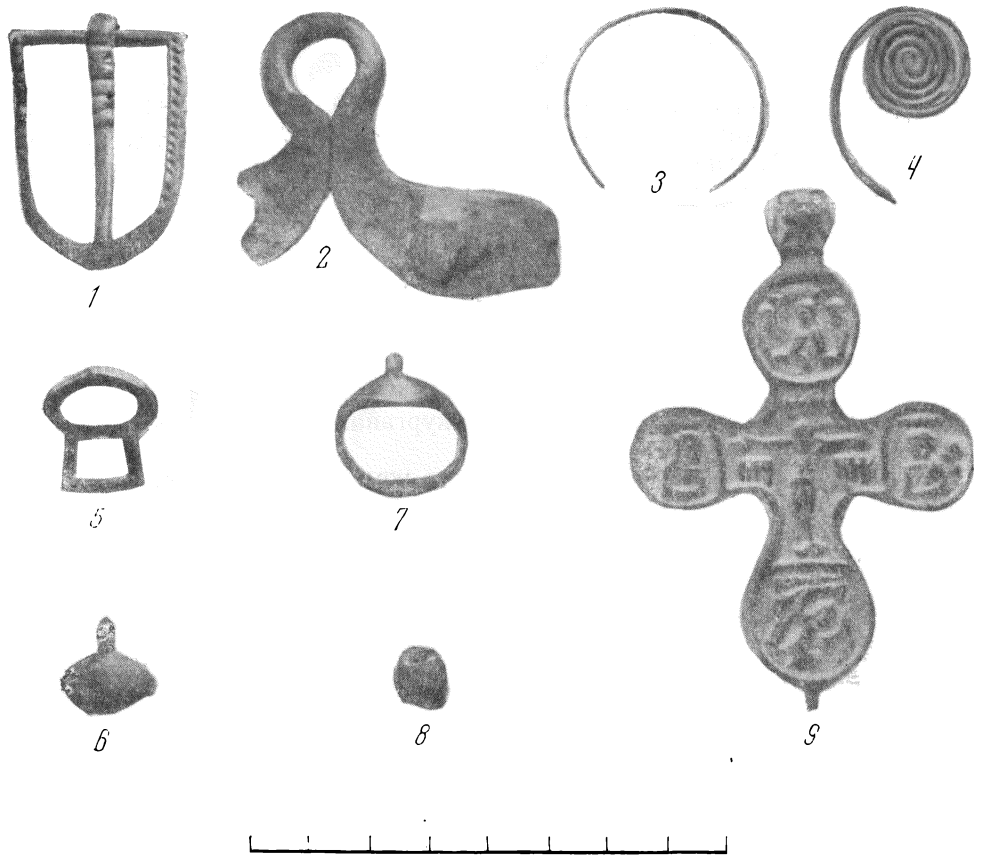


Рис. 12. Отдельные находки

1, 5 — поясные пряжки; *2* — петля от котла; *3, 4* — височные кольца; *6* — бубенчик; *7* — перстень; *8* — бусина; *9* — крест-складень (*1—7, 9* — бронза; *8* — стекло)

лище резец для внутренней выточки. Резец имел крючкообразное лезвие и прямой черенок (рис. 11, *4*). Этот резец, очевидно, употреблялся для вытачивания сосудов [1].

Среди других железных изделий надо отметить многочисленные шилья, ножи, дверные пробои, обломки железных дужек от ведер, гвозди, древолазные шипы (рис. 11, *5, 6*), кресала; некоторые из них калачевидной формы известны в памятниках XI—XIII вв. (рис. 9, *4—6*).

Интерес представляют железный нож, на лезвии которого обнаружен кусок шерстяной ткани (рис. 9, *3*), и железный ключ от трубчатого замка, близкий по форме ключам, найденным в Черной могиле [2] и Гнездовских курганах [3]. Из предметов убора найдены две железные круглые поясные пряжки с язычком. Изделий из меди или бронзы на селище немного. Главным образом, это предметы убора и украшений, некоторые из них относятся к более позднему времени, чем рассматриваемые нами до сих пор.

Одна из двух бронзовых поясных пряжек, подпрямоугольной формы, близко напоминает железную пряжку, найденную в одном из курганов Гнездовского могильника [4], другая почти аналогична бронзовой пряжке из того же могильника [5] (рис. 12, *1, 5*). Бронзовый бубенчик с кресто-

[1] Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 122.
[2] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр 44, рис. 16.
[3] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ., вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, № 28, СПб., 1902, табл. VI, рис. 19.
[4] Там же, табл. VII, рис. 13.
[5] Там же, табл. II, рис. 22.

образной прорезью (рис. 12, *6*) также имеет аналогию в Гнездовских курганах [1].

Интересным предметом, относящимся к более позднему времени, является бронзовый перстень с овальным щитком, орнаментированным по краям и в середине тонко прочерченной елочкой (рис. 12, *7*). Близкой аналогией ему является перстень, найденный Н. И. Булычевым на Спасском городище (р. Перекша) [2]. Вообще перстни с овальным щитком в курганах восточнославянских племен XI—XIII вв., в частности в курганах вятичей [3], довольно редки.

На селище найден бронзовый предмет, близко напоминающий обломок спирально завернутого северянского височного кольца (рис. 12, *4*) [4]. Найдено также бронзовое перстнеобразное височное колечко (рис. 12, *3*).

Бронзовый прут с четырехгранной средней частью и расплющенными концами представляет собой, очевидно, заготовку для браслета. Такие браслеты у славян довольно редки; в курганах вятичей, например, найден всего один экземпляр [5].

Из других предметов украшений этого же времени следует упомянуть обломок ложновитого синего стеклянного браслета и синей стеклянной бочонкообразной бусины (рис. 12, *8*).

Из бытовых предметов найдены медные шилья и петли от котла (рис. 12, *2*).

Интересной находкой является небольшой бронзовый четырехконечный крест-складень с изображением распятия в центре (рис. 12, *9*). Близкой аналогией этому кресту является один из складней Райковецкого городища [6].

Изделия из глины представлены разнообразными пряслицами и грузиками ткацкого станка (дисковидными, битрапецоидными, эллипсоидными; рис. 10, *2, 4, 10*), которые наряду с остатками самих тканей свидетельствуют о развитии ткачества, грузилами сетей, о которых речь была выше, а также многочисленными обломками посуды.

К этой же группе находок относятся и пряслица более позднего времени, чем глиняные, изготовленные из красного шифера; одно — дисковидное и два — битрапецоидной формы (рис. 10, *7—9*).

Всю глиняную посуду селища Лебедка можно разделить на лепную, так называемого роменского типа, и гончарную; причем преобладают сосуды, изготовленные на гончарном круге. Однако и лепных сосудов довольно много. На этом материале можно проследить эволюцию форм от грубых толстостенных лепных сосудов к хорошо профилированным тонкостенным гончарным горшкам. Здесь выявляется та же закономерность, которая была отмечена Б. А. Рыбаковым при изучении керамики Гочевского городища [7].

Лепная посуда представлена двумя основными формами — горшками (рис. 13, *1—9*) и сковородками (рис. 13, *10*).

Горшки, в свою очередь, делятся на две группы. К первой группе относятся горшки, изготовленные из серой глины с примесью крупной дресвы, с прямым или слегка отогнутым венчиком (толщина которого меньше толщины стенки сосуда), с едва профилированными плечиками и довольно прямыми стенками. В целом эти сосуды еще близко напоминают форму банки [8]. Поверхность сосудов шероховата, обожжена слабо и не равномерно, тесто в изломе черное (рис. 13, *1, 4;* рис. 14, *3, 4, 6, 7*).

[1] В. И. Сизов. Ук. соч., табл. IV, рис. 28.

[2] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XVII, рис. 1.

[3] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 84.

[4] Атлас Гочевских древностей, табл. XLI, рис. 1.

[5] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 18.

[6] В. К. Гончаров. Ук. соч., табл. XXII, рис. 6.

[7] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 71.

[8] №№ 6, 29, 38, 72, 484, 485, 974, 1260, 1540. Опись керамики хранится в архиве Орловского областного краеведческого музея.

В эту же группу входят горшки с прямым горлом, но выпуклыми плечиками. Изгиб плеч иногда бывает настолько резким, что образует ребро (рис. 13, *2*, рис. 14, *6*).

Такая посуда была довольно широко распространена у населения верхней Оки и встречается на многих городищах: Воротынцевском (р. Зуша) [1], Зайцевском, Синюковском (р. Чернь) [2], Федяшевском (р. Ока) [3] и др.

Данный тип горшков близок по форме сосудам Волынцевского поселения и могильника, раскопанного Д. Т. Березовцом в Сумской области.

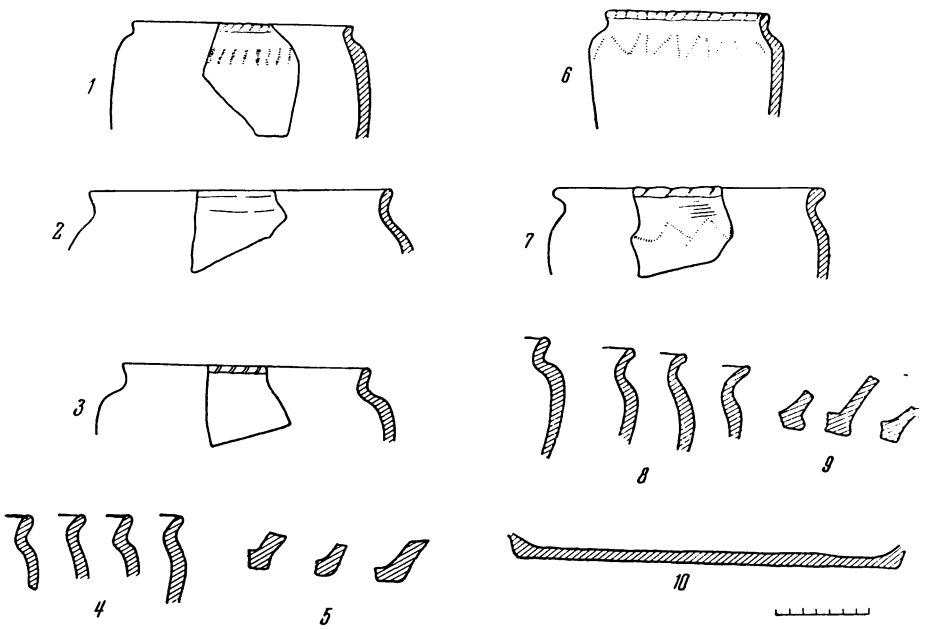


Рис. 13. Профили лепных сосудов

1, *4* — первая группа; *2*, *3*, *5—9* — вторая группа; *10* — сковородка

Автор раскопок считает, что горшки подобной формы относятся к несколько более раннему времени, чем сосуды роменского типа, а именно — к VII—VIII вв. н. э.[4].

Любопытно, что аналогичная керамика найдена и на городищах Верхней Десны вместе с трехгранными стрелами, известными в славянском могильнике VII—VIII вв. н. э. в Чехии [5].

Ко второй группе относятся горшки (рис. 13, *2*), довольно резко профилированные, с отогнутыми, иногда даже «пухлыми» венчиками, с вогнутой шейкой и выпуклыми круглыми плечиками [6] (рис. 13, *2, 3, 7, 8*).

Эти горшки сделаны из хорошо промешанного теста с примесью дресвы и песка; поверхность большинства из них гладкая, и они довольно хорошо обожжены. Иногда встречаются сосуды с примесью очень крупной дресвы, и тогда поверхность их шероховата или даже бугриста. Размеры сосудов различны. Диаметр горла варьирует от 12 до 22 *см*, диаметр

---

[1] Раскопки автора статьи 1953 и 1955 гг. Материал хранится в коллекциях Орловского обл. краеведческого музея.

[2] Раскопки автора 1956 г. Материал хранится там же.

[3] Коллекции Гос. Историч. музея. Фонды II отдела.

[4] Д. Т. Березовець. Дослідження словъянських памъяток на Сеймі в 1949—1950 рр. Археологічні памъятки УРСР, т. V, Київ, 1955, стр. 49.

[5] J. Eisner. Devinska nová ves, Bratislava, 1952. obr. 28, № 7—8.

[6] №№ 965, 975, 1095, 103, 1233, 1259, 1608 и т. д. по описи.

днищ — 10—12 *см*, высота сосудов — 20—28 *см*. Следует отметить, что днища некоторых из этих сосудов носят отпечаток небольшой круглой подставки, аналогичной тому малому кружку, который надевался на гончарный круг легкого типа; однако подставка эта еще не вращалась и только облегчала лепку сосуда.

Лепные горшки часто орнаментированы, но довольно скромно.

Наиболее распространенным орнаментом является веревочный, расположенный по краю сосуда и плечикам в виде зигзага или коротких косых полос (рис. 14, *6, 8*). Иногда две зигзагообразные линии переплетались между собой, образуя прямоугольники (рис. 14, *5*). Разновидностью

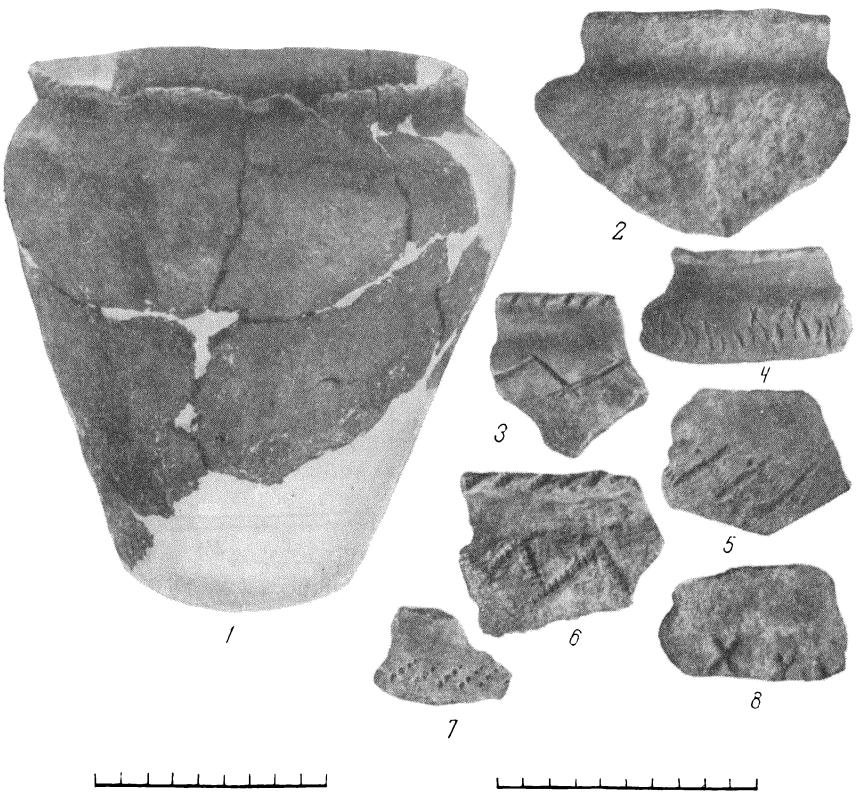


Рис. 14. Лепная керамика

1 — вторая группа; *2—8* — первая группа

веревочного орнамента является гребенчатый или зубчатый (рис. 14, *7*). Встречается орнамент в виде косого креста или зигзага, нанесенного острой палочкой (рис. 14, *4*). Гораздо реже горшки украшались круглыми или прямоугольными ямками.

Кроме горшков, на поселении многочисленны обломки сковород или тарелок. Диаметры их различны — от 16 до 26 *см*[1]. Края сковородок также украшались иногда отпечатками веревочки или насечкой.

Лепная посуда селища Лебедки находит себе многочисленные аналогии в лепной керамике городищ роменского типа, занимающих обширную территорию бассейна р. Сейма, верхнее течение рек Ворсклы, Сулы и Псла, часть Десны, среднее течение Дона и относящихся ко времени VIII—X вв. н. э. Данный тип посуды является основным на городищах

[1] №№ 681, 1104, 1168—1169, 1727

Гочевском [1], Шуклинском [2], I Горкинском [3], Новотроицком [4], Монастырище [5], Боршевском [6], Песочный Ров [7], Кветунском и многих других.

Распространение гончарного круга в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы обычно относят к X в.

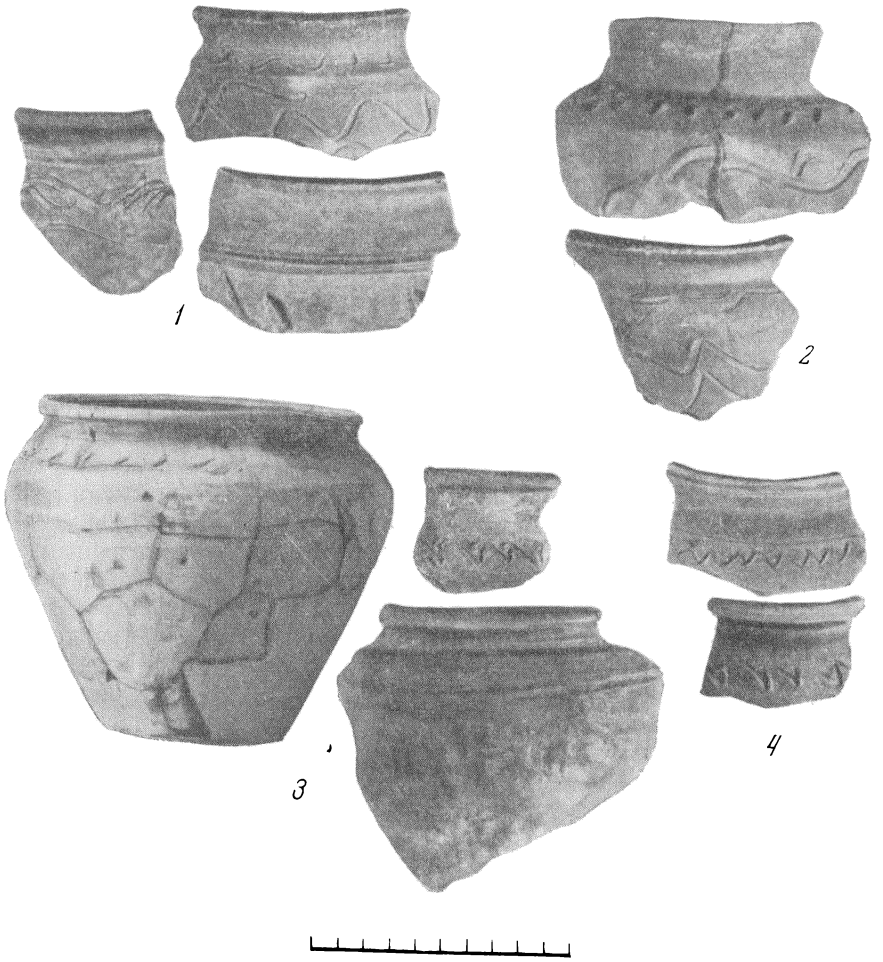


Рис. 15. Гончарная керамика

1, 2, 4 — первая, третья, пятая группы; *3* — четвертая группа

На изучаемом нами поселении материал из культурного слоя стратиграфически расчленить невозможно. Основная масса находок содержалась в верхнем горизонте (на глубине до 20 *см*).

Таким образом, вещи ранние, в том числе и лепная керамика, залегали совместно с предметами более поздними, в частности с керамикой, изготовленной на гончарном круге. Однако это не означает, что вся найденная гончарная керамика одинакова и относится к одному времени.

[1] Раскопки Б. А. Рыбакова. Коллекции ГИМ.

[2] Раскопки автора статьи. Коллекции Курского обл. краев. музея.

[3] М. В. Воеводский. Городище верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949.

[4] Раскопки И. И. Ляпушкина. Городище датируется диргемами VIII—X вв. (Доклад, прочитанный на секции славяно-русской археологии пленума ИИМК АН СССР в марте 1953 г.).

[5] Н. Е. Макаренко. Ук. соч., стр. 55.

[6] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 38—39, табл. I—II.

[7] М. Воеводский. Городища Десни. Археологічні памъятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 108, рис. 3, *1*.

По форме сосудов, характеру теста и обжигу всю посуду Лебедки, изготовленную на гончарном круге, можно разделить на пять групп, три из которых включают в себя ранние формы X—XI вв., а две более поздние— XII—XIII вв. В первую группу (рис. 15, *1*; рис. 16, *1*) входят слабо профилированные и еще довольно толстостенные горшки, изготовленные из серой глины с примесью песка, а иногда и крупной дресвы. Они имеют прямую шейку без венчика и слегка выпуклые плечи. Сосуды данной группы чаще гладкостенны, а если и орнаментированы, то очень скромно.

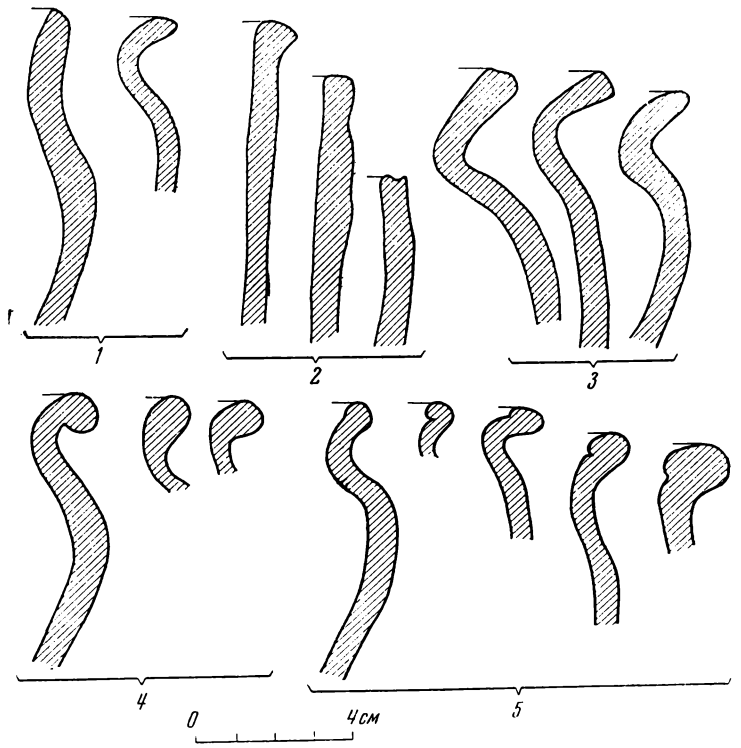


Рис. 16. Профили гончарных сосудов

1 — первая группа; *2* — вторая группа; *3* — третья группа; *4* — четвертая группа; *5* — пятая группа

Наиболее часто встречается орнамент из одной — двух линий, прочерченных в виде размашистых петель, реже — отпечатков зубчатого чекана, близко напоминающих веревочный орнамент лепных сосудов.

Днища некоторых из этих горшков носят отпечаток круглой подставки. Керамика данной группы имеет много общих черт с ранней гончарной керамикой Старой Ладоги [1], а также с гончарной керамикой X в. Новгорода [2].

Среди западнославянских древностей такая же керамика известна в памятниках Болгарии [3].

---

[1] Я. В. Станкевич. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги. СА, XV, 1951, стр. 240, рис. 8, *1—7*.

[2] Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. Тр. Новгородской археологической экспедиции, т. I, МИА, № 55, 1956, стр. 228—230, тип. I, вид. А, Б, стр. 23б, рис. 3, *1—2*.

[3] К. Миятев. Славянска керамика в България и нейното значение за славянската археология на Балканах. Трудове на секцията за славянска археология в Археологическия институт при БАН, т. II, София, 1948, стр. 32, рис. 23, *3*; стр. 48, рис. 38, *2, 5*; стр. 23, рис. 16, *1, 5*; С. Станчев. Домашната керамика от Преслав. Разкопки и проучвания, III, Средневековен отдел. Издания на народния археологически музей. София, 1948, стр. 132, рис. 4, *1, 8, 9*.

Во вторую группу входят сосуды с прямым цилиндрическим горлом (рис. 16, *2*) [1]. Иногда верхняя часть таких сосудов орнаментирована тонко прочерченными и беспорядочно переплетающимися волнистыми линиями [2].

Горшки с цилиндрическим горлом, являющиеся наряду с сосудами первой группы ранней формой гончарной посуды, характерны не только для территории восточнославянского мира: они известны, например, в Старой Рязани [3], на Волыни, но встречаются также в Польше [4].

Третью группу сосудов составляют горшки, значительно более профилированные, с отогнутым венчиком, вогнутой шейкой и выпуклыми плечами; однако венчик еще не пухлый, а представляет собой лишь утолщение края сосуда (рис. 15, *2*; рис. 16, *3*) [5]. Толщина стенок данной группы 4—6 *мм*. Орнамент — волнистый, линейный, в виде защипов по плечикам [6], углублений, нанесенных палочкой [7], ногтевой [8], кружковый [9] и т. д.

Преобладающей формой днищ сосудов являются днища, образованные прямой линией стенки и донышка, соединенных под тупым углом. Внутри сосуда повторяются те же очертания линий, но иногда встречается и закругленное соединение линий стенки и дна [10]. Встречаются днища на поддоне [11].

В тесте сосудов всех трех групп встречается примесь песка; сосуды слабо обожжены, в изломе часто имеется темная полоска.

Аналогичная посуда довольно широко распространена в славянских памятниках X—начала XI в. как на Руси, так и на Западе.

Близкой аналогией нашим сосудам являются гончарные урны Гнездовского могильника [12] и керамика из погребения дружинника X в. под фундаментом Десятинной церкви в Киеве [13], керамика X в. Новгорода [14], Старой Ладоги [15], Старой Рязани [16] и т. д.

Среди западнославянских древностей ближайшей аналогией посуды этой группы являются сосуды II и III стадии так называемого блучинского типа, исследованного в Моравии чешским археологом И. Поуликом [17], а также древнеболгарская керамика с городищ Плиски, Преслава и Мадара [18].

В четвертую группу посуды входят сосуды так называемого курганного типа; горшки изготовлены из серой или розовато-серой хорошо отмученной глины, без видимых примесей, хорошо обожжены — иногда до звона — и резко профилированы — венчик пухлый, отогнут наружу, шейка вогнута, плечи округлы (рис. 15, *3;* рис. 16, *4*). По плечикам сосудов встречается орнамент волнистый, линейный, а иногда в виде углублений, нанесенных торцом плоской щепочки [19].

---

[1] Инв. №№ 360, 412, 426, 1212, 1336, 1682, 1742.
[2] Инв. №№ 293, 288, 388, 1386, 696, 697.
[3] А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 122, рис. 82, *3, 5, 6—8*.
[4] L. Niederle. Slovanske Starozitnosti, т. I, вып. 2. Praze, 1952, рис. 96.
[5] Инв. №№ 1185, 1186, 114, 115, 515, 722, 518.
[6] Инв. №№ 88, 160.
[7] Инв. №№ 167, 236, 237.
[8] Инв. №№ 190, 256, 259.
[9] Инв. № 206.
[10] Инв. №№ 275, 283, 287.
[11] Инв. №№ 778, 777.
[12] В. И. Сизов. Ук. соч., стр. 102, рис. 73; стр. 103, рис. 74.
[13] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 91, рис. 65.
[14] Г. П. Смирнова. Ук. соч., стр. 234, 235, рис. 3.
[15] Я. В. Станкевич. Ук. соч., стр. 242, 243, рис. 9, *4, 6*.
[16] А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 123, рис. 83.
[17] Y. Poulik. Staroslovanská Morava. Praha, 1948, табл. XIV, рис. *3, 4,* табл. XV, рис. *2,* табл. XVII, рис. *2*.
[18] К. Миятев. Ук. соч., стр. 57, рис. 46, В; С. Станчев. Ук. соч., стр. 131, рис. 2, *1, 4, 5*; стр. 138, рис. 14, *2*; стр. 134, рис. 7, *2, 3*.
[19] Опись, №№ 635, 812, 841, 842, 947, 1056, 1057.

Посуда данного типа широко известна по материалам курганов, а также сельских поселений восточных славян XII—XIII вв., в частности курганов вятичей [1] и верхнеокских городищ [2].

Подобная керамика широко известна во многих городах древней Руси [3].

В пятую группу входят сосуды, близкие по тесту и обжигу сосудам предыдущей группы, но отличающиеся по профилю. Горшки этой группы имеют также пухлые отогнутые венчики, но край их загнут внутрь, образуя довольно характерный для сосудов желобок [4] (рис. 15, *4;* рис. 16, *5*).

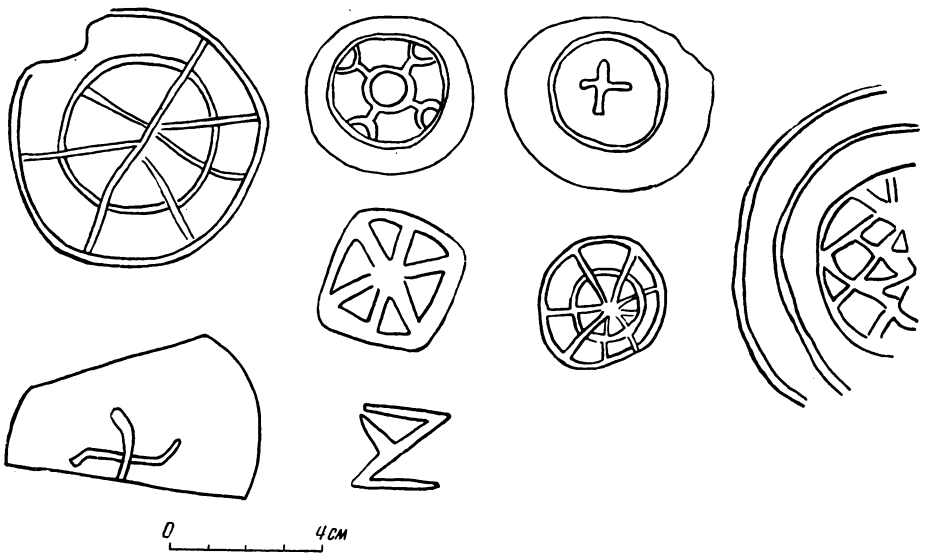


Рис. 17. Гончарные клейма

На днищах многих из этих сосудов встречаются клейма, некоторые из них довольно сложны и оригинальны. Наиболее простыми являются свастика, крест в круге, иногда крест, составленный из кружка в центре и четырех полукружий по сторонам; сложнее клеймо в виде колеса и его вариантов (рис. 17).

Посуда данной группы также известна в курганах начала II тысячелетия н. э. Она встречается в слоях XII—XIII вв. городов Северо-восточной Руси, например Владимира, Ярославля, Боголюбова [5], в слоях XII—XIII вв. Новгорода [6], на многих городищах Московской области [7], а также на поселениях XII—XIII вв. юга Руси [8]. Посуду этих групп можно отнести к XII—XIII вв.

Возникает вопрос: в каком соотношении находятся круговые сосуды двух последних групп с остальной посудой, изготовленной на гончарном круге? Подсчет фрагментов венчиков гончарных сосудов, найденных в раскопе № 2 (1953 г.), показал, что из общего их количества — 817 экземпляров — круговой посуде ранних типов принадлежит 710 фрагмен-

[1] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 93—94.

[2] Н. И. Булычев. Ук. соч., табл. I, *4,* табл. XXIII, *5,* XXVI, *17,* XXIX, *6;* Т. Н. Никольская. Отчет о раскопках в Орловской обл. в 1951 г. Архив ИИМК АН СССР.

[3] А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 124, рис. 85, стр. 125, рис. 86; Г. П. Смирнова. Ук. соч., стр. 240, рис. 5.

[4] Опись керамики с. Лебедка, инв. №№ 1147, 1148, 1767, 1387, 1806, 1808.

[5] Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле. МИА, № 11, 1949, стр. 186.

[6] Г. П. Смирнова. Ук. соч., стр. 242.

[7] П. А. Раппопорт. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 126, №№ 21—29.

[8] Его же. Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII в. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 185.

тов, т. е. 87%. Если к этому прибавить еще и фрагменты лепных сосудов роменского типа, то станет очевидным, что посуда, относящаяся ко времени VIII—IX и X—XI вв., значительно преобладает над гончарной посудой XII—XIII вв. и, таким образом, увязывается с основной массой вещественного материала, полученного при раскопках на селище. Нам представляется, что наиболее интенсивная жизнь поселка протекала в X—XI вв. Об этом свидетельствует как инвентарь, с которым мы ознакомились, так и преобладание ранних типов гончарной посуды над всеми остальными типами керамики.

В заключение скажем несколько слов о характере самого поселения. Раскопанный нами в 1952—1953 гг. участок селища (840 $м^2$) составляет примерно $^9/_{10}$ всей площади. В то же время на селище было открыто всего четыре землянки и три—четыре наземных жилища, остатки которых дошли до нас в виде подпольных и хозяйственных ям. Судя по некоторым предметам быта и украшений, а также по керамике (лепной — в землянках и гончарной — в наземных постройках), указанные жилища не существовали одновременно. Таким образом, поселок, с жизнью которого мы ознакомились, по своим размерам и количеству жилищ был очень невелик.

А. Я. Ефименко, изучавшая формы землевладений России конца XIX в., отмечала, что основной «клеточкой» русского землевладения как на севере Руси, так и на юге являлась деревня, представлявшая собой поселок из нескольких скученных домов [1]. Домов могло быть три—пять; первоначально они принадлежали ближайшим родственникам, а впоследствии просто соседям. Несколько таких деревень, расположенных на некотором расстоянии друг от друга, составляли селение или село — административный и религиозный центр.

Обращаясь к селищу Лебедка, мы можем с уверенностью сказать, что перед нами типичная древнерусская деревня, являвшаяся, по-видимому, наряду с другими такими же небольшими поселками (Гневушевское, Мерцаловское, Комаровское городища) частью какого-то более крупного поселения.

[1] А. Я. Ефименко. Дворищное землевладение в южной Руси. Русская мысль, 1892, № 4-5, стр. 157.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ОСТАТКИ БОХАЙСКОЙ СТОЛИЦЫ У г. ДУНЦЗИНЧЭН НА р. МУДАНЦЗЯН

Для изучения ранней истории нашего Дальнего Востока большое значение имеют развалины средневековых сельских и городских поселений, остатки древних рудников, дорог и другие археологические памятники, относящиеся к периоду наибольшего расцвета культуры и экономики местного населения, к тому времени, когда нынешний Приморский край, а отчасти и другие соседние с ним области входили в состав Бохайского царства, а затем чжурчженьской, или Цзиньской империи [1]. Таковы, прежде всего, широко известные в нашей археологической культуре многочисленные и яркие памятники средневековой истории Дальнего Востока в районе г. Ворошилова-Уссурийского. Памятники эти описывали и изучали до революции такие выдающиеся русские ученые, как Н. М. Пржевальский, П. Кафаров, а также В. К. Арсеньев, Ф. Ф. Буссе [2]. Здесь же местными исследователями (Ф. Ф. Буссе, а затем А. З. Федоровым и его сотрудниками) были произведены и первые археологические раскопки, давшие обильный и характерный археологический материал, в том числе по архитектуре и искусству населения Приморья в бохайское и чжурчженьское время.

Одной из первоочередных задач Дальневосточной археологической экспедиции ИИМК АН СССР, работающей в сотрудничестве с Дальневосточным филиалом АН СССР и другими научными учреждениями Дальнего Востока, является также изучение археологических памятников в районе г. Ворошилова, где, по сведениям китайских источников, находился центр Бохайского царства — г. Шуайбинь.

Экспедиция в 1954 г. начала здесь свои работы с изучения искусственного насыпного холма в б. Гарнизонном саду г. Ворошилова, где обнаружены остатки строений, художественно оформленные металлические украшения и образцы керамики высокого качества, в том числе фарфора. Найдены также китайские монеты кай-юань.

В 1955 г. нами основное внимание было уделено исследованию здесь одного из самых монументальных и величественных памятников Приморья — обширного укрепления на так называемой Краснояровской сопке, лежащей за р. Суйфуном, против г. Ворошилова. В городище Краснояровской сопки обследован был «Внутренний город», где раскрыты остатки черепичных крыш двух зданий, залегавших в большой сохранности (рис. 1 и 2). В 1956 г. работы на Краснояровском городище продолжались, причем там были исследованы остатки жилища, давшие, наряду с интересными архитектурными деталями, также и ценный вещевой комплекс

---

[1] А. П. Окладников. У истоков культуры народов Дальнего Востока. Сб. «По следам древних культур. От Волги до Тихого Океана». М., 1954; его же. Народы Дальнего Востока. Очерки по истории СССР, IX—XIII вв., т. I, М., 1953, стр. 746—749; его же. Древнее население Сибири и его культура. Народы Сибири. Серия «Народы мира», М.—Л., 1956, стр. 21—107.

[2] См. библиографию в статье Л. Н. Иваньева «Литература по археологии советского Дальнего Востока (Опыт библиографического указателя)». СА, XVIII, 1953

датированный монетами XII в. В остатках этого жилища оказались обломки глиняных сосудов, железные наконечники стрел оригинальной формы и большой наконечник копья.

Дальнейшее продолжение этих работ, несомненно, даст еще много новых ценных данных для выяснения истории этих первых государственных образований на нашем Дальнем Востоке.

Чтобы полнее понять эти памятники, их, разумеется, нужно рассматривать в неразрывной связи как с письменными источниками, так и с

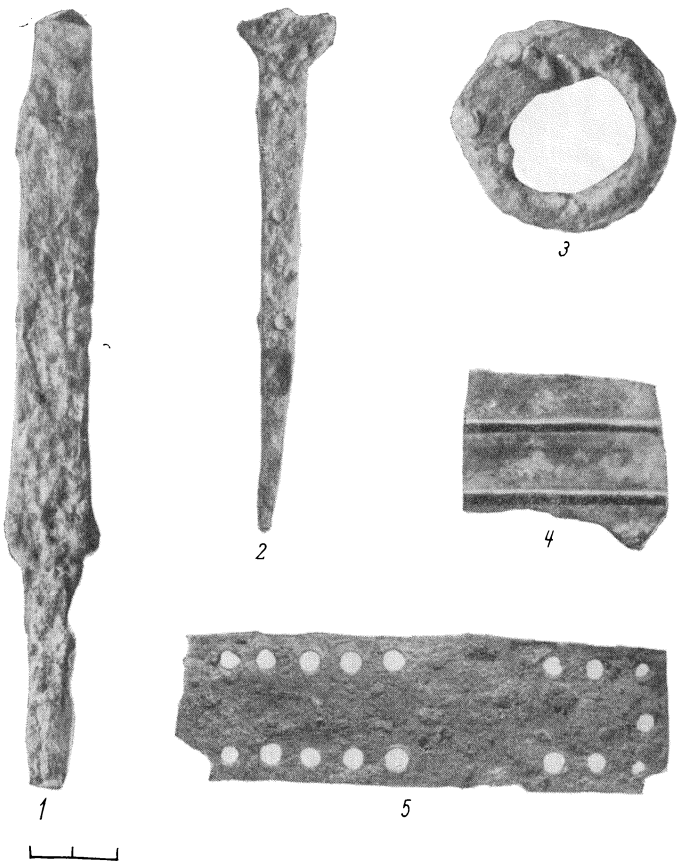


Рис. 1. Металлические изделия с городища на Краснояровской сопке

1 — нож железный; *2* — гвоздь железный; *3* — кольцо железное; *4* — обломок литого бронзового сосуда; *5* — железная пластинка от лат

археологическими памятниками истории чжурчженей и бохайцев, находящимися на соседних территориях Китая, а также и в связи с культурой самого Китая танского и сунского времени, с культурой Кореи, а отчасти и Японии.

Большой интерес поэтому для исследователей средневекового прошлого нашего Дальнего Востока представляют развалины древней бохайской столицы вблизи современного г. Дунцзинчэн на р. Муданцзян (Хурха) в Северо-Восточном Китае.

Развалины эти давно уже привлекали внимание исследователей, занимавшихся изучением средневекового прошлого Северного Китая и соседних с ним областей. Одним из первых эти развалины отметил выдающийся русский синолог И. Бичурин, который в своем статистическом «Описании Китайской империи» указал их местонахождение и размеры, а так-

же высказал предположение, что здесь находилась столица династии Цзинь-Шаньцзин (Хой-нин-фу) [1].

Остатками Цзиньского города развалины у Дунцзинчэна, кстати, считал еще до И. Бичурина ссыльный китаец У-Чэнь. В своих «Записках о Нингуте» У-Чэнь, писавший во времена Канси, утверждал, что там находилась столица Цзиньской империи [2].

Другой русский синолог, глубоко интересовавшийся средневековой историей Северо-Восточного Китая и русского Дальнего Востока, академик В. П. Васильев в своем «Описании Маньчжурии» тоже упоминает разва-

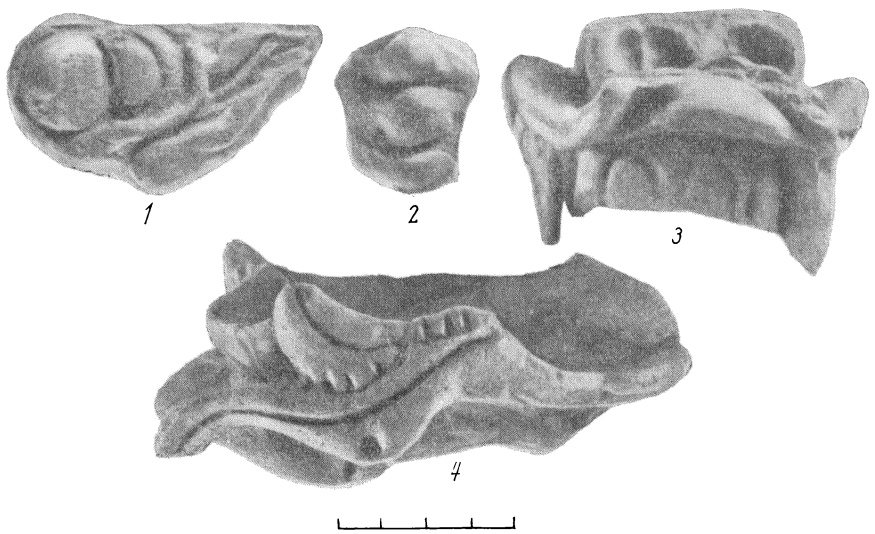


Рис. 2. Фрагменты скульптур (головы драконов) с городища на Краснояровской сопке

лины у Дунцзинчэна [3]. В. П. Васильев был не согласен с мнением И. Бичурина о принадлежности этих развалин чжурчженям. Он видел в них остатки более древнего города, который, по его словам, являлся столицей государства Бохай (Бохай шэн-цзин).

В 1910 г. развалины Дунцзинчэна обследовал японский ученый И. Сиратори, собравший круглые черепицы, украшавшие карнизы, с рисунком в виде лепестков лотоса, и кирпичи с растительным узором. И. Сиратори поставил свои находки в связь с аналогичными предметами из Кореи и датировал их бохайским временем. В 1926 г. здесь побывал К. Торияма, а в 1927 г.— Р. Тории.

Взгляды исследователей на возраст развалин древнего города у современного Дунцзинчэна, как мы видели, разделяются на две группы. Одни исследователи видели в этих развалинах остатки бохайской культуры, другие считали их более поздними, чжурчженьскими.

Старый спор о принадлежности развалин древнего Дунцзинчэна бохайцам или чжурчженям в значительной степени разрешен теперь археологическими исследованиями.

Первые попытки археологических раскопок в Дунцзинчэне были предприняты китайским Институтом изучения особого района Восточных провинций в сентябре 1931 г. Исследования осуществлялись в течение 12 дней. При этом выполнена была глазомерная и шагомерная съемка разва-

[1] И. Бичурин. Статистическое описание Китайской империи. СПб., 1842.
[2] В. П. Васильев. Записки о Нингуте. Зап. РГО, кн. XII. СПб., 1857.
[3] В. П. Васильев. Описание Маньчжурии. Зап. РГО, кн. XI. СПб., 1857.

лин древнего города, а также заложены семь разведочных траншей в пределах «Внутреннего города» (Цзин-цзинь-чэнь). Разведочные работы дали достаточно обильный и характерный материал, относившийся к остаткам древних зданий. Кроме того, была обследована одна древняя могила-склеп на левом берегу р. Муданцзян у с. Санлан, в 6—7 *км* к северу от Дунцзинчэна.

Последующие раскопки, организованные Японским Дальневосточным археологическим обществом, велись в течение двух полевых сезонов в 1933 и 1934 гг.[1]. При этом была осуществлена детальная съемка древнего города, заложен ряд больших раскопов и несколько траншей (рис. 3).

Раскопки показали, что около нынешнего Дунцзинчэна действительно находилась древняя восточная столица бохайцев. Как известно, бохайцы имели пять столиц, 15 областных и 60 окружных городов. Главная столица первоначально находилась недалеко от Нингуты, а затем ее перенесли в Дунцзинчэн.

Мы можем на основании археологических данных составить достаточно отчетливое и детальное представление об этой столице и получить новые сведения о жизни и культуре Бохайского государства.

Столица Бохая занимала прямоугольную или почти квадратную площадь у р. Муданцзян протяжением с востока на запад около 4 *км* и несколько менее с севера на юг. Все это пространство было обнесено в древности внешней стеной (восточная часть внешней стены равна в длину 3911 *м*, западная — 3333 *м*, северная — 4502 *м*). Стена сохранилась относительно хорошо. С трех сторон стена была прямой, только в северной части она образовывала прямоугольный выступ длиной около 1 *км* и шириной до 100 *м*. Выступ этот был предназначен специально для защиты королевского дворца, расположенного в северной части города. Внешняя земляная стена достигала 3,6 *м* высоты, вершина ее плоская, шириной менее 1 *м*. С наружной стороны она укреплена каменной кладкой. В стене, посредине всех четырех сторон, имеются разрывы, соответствующие древним воротам города.

Внутри города в северной его части имеется внутреннее укрепление, где располагались дворцы. Это был внутренний «запретный город». Кроме того, внешний город делился широкой улицей на две части — восточную и западную (правую и левую). Эта улица (шириной 87 *м*) начиналась от южных ворот внешнего города и шла к южным воротам внутреннего города.

Параллельно этой магистральной улице шли другие, более узкие, по четыре с каждой ее стороны. Такие же улицы столь же симметрично располагались, по-видимому, перпендикулярно главной улице, т. е. поперек города, с востока на запад (остатки их не были прослежены вполне определенно). Город был разделен, таким образом, на ряд «бло-

---

[1] Tung-ching-cheng. Report on the Excavation of the site of Capital of P'o — hai. Archaeologia Orientalis, серия A, т. V, Tokyo, 1939. Изд. Дальневосточного археологического общества (Tao-Koko-Gakukwai).

Здесь следует кратко сказать о содержании этой публикации. Вначале идет японский текст отчета И. Хирада и К. Комаи о раскопках Дунцзинчэна. В тексте отчета дано 80 рисунков, в том числе таблицы с планами и профилями раскопов, а также с превосходными фотографиями находок. Далее следует 120 великолепно выполненных таблиц, в том числе три цветные.

К отчету приложены подробное резюме (40 страниц английского текста и статья В. В. Поносова на русском языке «Предварительное сообщение о разведке развалин Дунцзинчэна» на 10 страницах). В японском и английском текстах имеются следующие разделы: 1. Введение; 2. Организация исследований; 3. Описание местонахождений, где велись раскопки (внешний вал, внутреннее укрепление, королевские дворцовые строения, храмы и другие памятники); 4. Описание находок (черепицы и кирпичи, каменные изваяния львиных голов, металлические вещи, связанные со зданиями, вооружение, керамика, буддийские культовые изображения, медная монета, различные предметы); 5. Заключение.

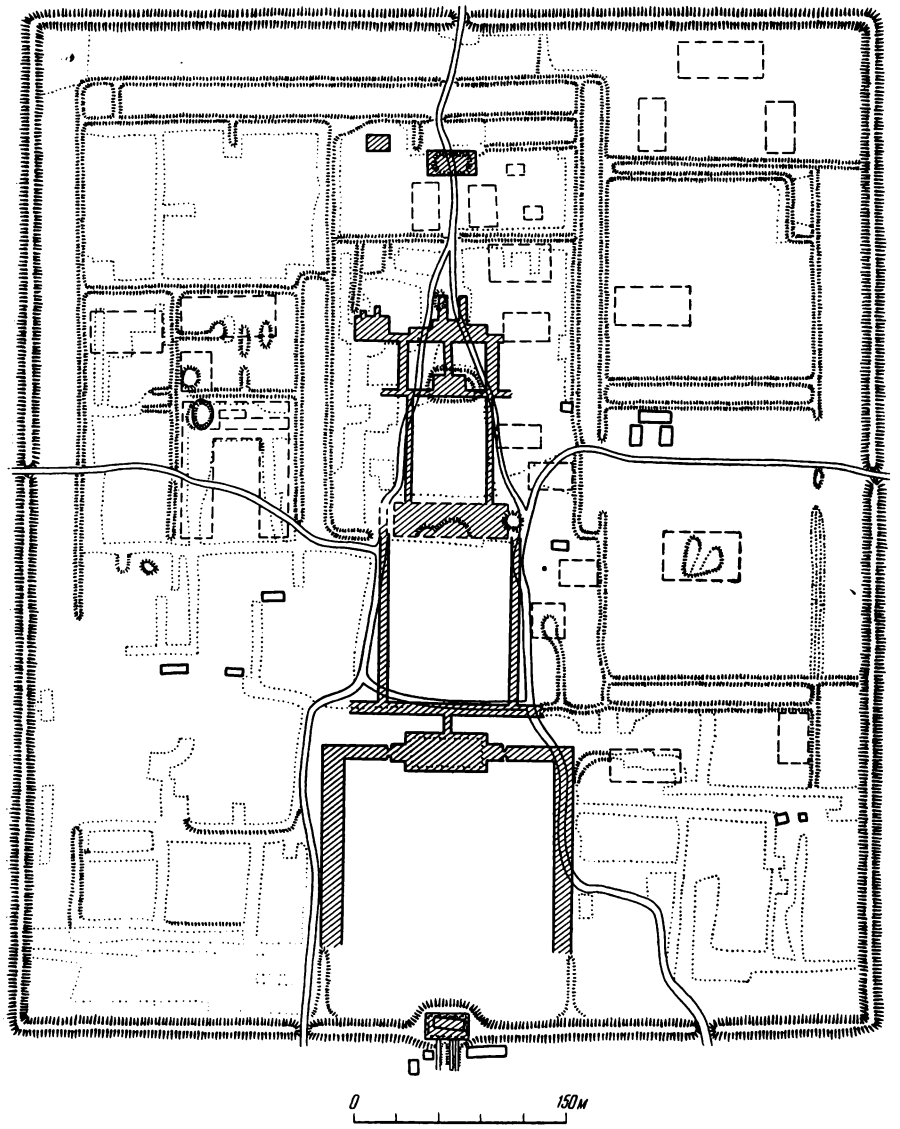


Рис. 3. План внутреннего города в Дунцзинчэне. (Заштрихована раскопанная площадь)

ков» — кварталов, расположенных в строгом шахматном порядке. Восточная половина города была, однако, при этом больше западной.

В целом стройная планировка древнего города на р. Муданцзян соответствует планировке столицы танской династии — Чанань. Главная улица его повторяет Чжу-Чжао-Чжие в Чанане. Такие же улицы были в древних столицах Японии, построенных по китайскому образцу,— в Нара и в Киото. Точно так же совпадает с планировкой Чаня деление города на восточную и западную половины и на симметрично расположенные блоки-кварталы. Разница только в том, что в Чанане было 114 блоков, а здесь — около 82. Каждый из кварталов, как и в Чанане, имел, вероятно, свое собственное имя.

В городе должны были помещаться также рынки — «восточный» и «западный» — соответственно в западной и восточной его частях. При этом, возможно, современный Дунцзинчэн соответствует по своему местонахождению восточному рынку,о чем говорит название местности «Hsi Ti».

Следует сказать, что аналогичная в принципе планировка городских кварталов была, вероятно, характерной и для других, современных бохайской столице, городских поселений на р. Муданцзян, в том числе для г. Шуайбиня, располагавшегося в долине р. Суйфуна на месте современного г. Ворошилова. В то время, как позднейшие, чжурчженьские поселения находятся на склонах сопок и характеризуются своеобразной ступенчато-террасовой планировкой жилищ по склонам гор, древний

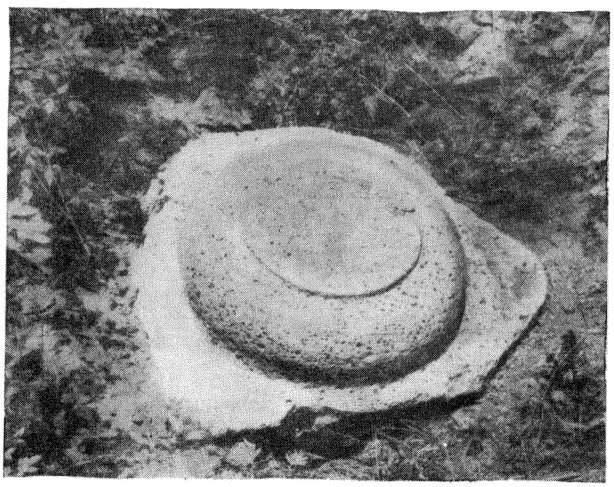


Рис. 4. База колонны из Дунцзинчэна

город на месте нынешнего г. Ворошилова находился на ровном низменном пространстве и, по-видимому, делился на такие же кварталы и улицы, как древний Дунцзинчэн.

Внутренний город древнего Дунцзинчэна тоже был обнесен стеной, отделявшей его от остального мира. Стена сложена из глины и достигает высоты 2 *м*. Кое-где имеются еще кучи камня, свидетельствующие, что стена была когда-то одета камнем. Восточная часть стены имеет в длину 1060 *м*, северная — 1182 *м*.

Ворот во внутреннем городе было двое — южные и северные.

Наибольшее внимание при раскопках было уделено пространству малого, запретного города с его величественными дворцовыми строениями. Дворцовый комплекс был окружен стеной из глины, местами одетой камнем. Площадь его была 545×656 *м*.

Дорога внутрь запретного города шла через эффектные южные ворота шириной 6,5 *м* и длиной 8,5 *м*. На месте ворот уцелели большие плоские камни, служившие основаниями для столбов и располагавшиеся в три ряда.

Средний ряд отличался от остальных тем, что между столбами была сложена каменная стена, облицованная обмазкой. Судя по интервалам в этой стене, ворота имели внутри три параллельных проезда шириной около 2 *м* каждый.

За воротами открывался вид на дворцы, расположенные в ряд с юга на север. Всего были исследованы остатки шести дворцовых строений.

Первое здание дворцового типа возвышалось на специальной земляной платформе. Высота ее достигала 5 *м*. На вершине платформы уцелели ряды камней, служивших основаниями для столбов здания. Каждый из этих камней был тщательно обработан и имел наверху круглую площадку, служившую базой колонны (рис. 4). С севера на юг на платформе помещалось по десяти столбов, а с запада на восток — по семи.

Расстояние между столбами с севера на юг было 4,2 *м*, а с востока на запад — 4,5 *м*.

От первого здания ко второму вела насыпная дорога, возможно, перекрытая сверху крышей, судя по тому, что на ней были обнаружены черепицы.

Второе здание также стояло на платформе (высотой 2,7 *м*, шириной 24 *м* — с севера на юг и длиной 55,5 *м* — с востока на запад). Судя по расположению камней из базальтовой лавы, служивших базами, в здании стояло по 12 столбов вдоль здания и по 5 — поперек. Платформа со всех сторон была окаймлена каменной стеной циклопической кладки из грубо отесанных прямоугольных камней. В ней имелись специальные ступеньки,

Рис. 5. Украшение основания колонны из Дунцзинчэна

соответствовавшие входам в здание у каждого конца платформы и в середине задней части. По бокам главной платформы были еще два «крыла» в виде платформ, площадью около 6 $м^2$ каждая. Кроме того, по уцелевшим на месте камням для столбов были прослежены своеобразные «коридоры», окружавшие здание с трех сторон.

Замечательной особенностью этого здания были искусно высеченные из камня головы львов, которые завершали каменную стену платформы. Кроме того, стена вверху была украшена кирпичами с растительным цветочным орнаментом. Пол здания был первоначально выстлан кирпичами, а крыша покрыта черепицей, иногда с зелеными глазурованными украшениями «Onigawara».

Здание № 2 имело, по-видимому, богато украшенные зелеными глазурованными украшениями парадные входы.

В целом это особо парадное сооружение представляло, по-видимому, «зал совета» — место, где происходили торжественные приемы и официальные церемонии.

Здание № 3, стоявшее на платформе длиной 120 *м* (с востока на запад), шириной 30 *м* (с севера на юг), сохранилось плохо.

Здание № 4 стояло на платформе высотой 1,8 *м*, окаймленной стеной, выложенной из камня. Строение имело по восьми столбов в длину и по пяти столбов в ширину. Базы для столбов были высечены из гранита и базальта. Любопытной чертой является наличие украшений на базах в виде зеленых глазурованных колец, обрамлявших основание столбов (рис. 5). Тут же были железные гвозди, когда-то вбитые в столбы (рис. 6, *1, 3*); сохранились также следы раскраски последних киноварью в красный цвет. Базы на внешнем ряду были не круглые, как обычно, а полукруглые, что свидетельствует о наличии стены. Но остатки самой стены сохранились только местами, толщина уцелевших частей ее была равна 12—15 *см*. Это здание было связано со зданием № 3 коридором, а со зданием № 5 двумя другими коридорами.

Дворец № 5 был уничтожен пожаром. Платформы он не имел и потому основание его не возвышалось над уровнем почвы. Все сооружение состояло из главной постройки и двух дополнительных, представлявших два его крыла.

Главное здание имело размер 21,6×15 *м;* внутри стояли колонны — 10 вдоль и 6 поперек. Основаниями для колонн служили естественные плоские камни. Здание состояло из внутреннего помещения и окружавших его аппартаментов. От него отходило нечто вроде коридора в южной части, так как здесь найден был тщательно вымазанный глиной пол. Здесь же оказались покрытые зеленой глазурью украшения столбов с орнаментом в виде цветков лотоса. Внешнее помещение на северной стороне

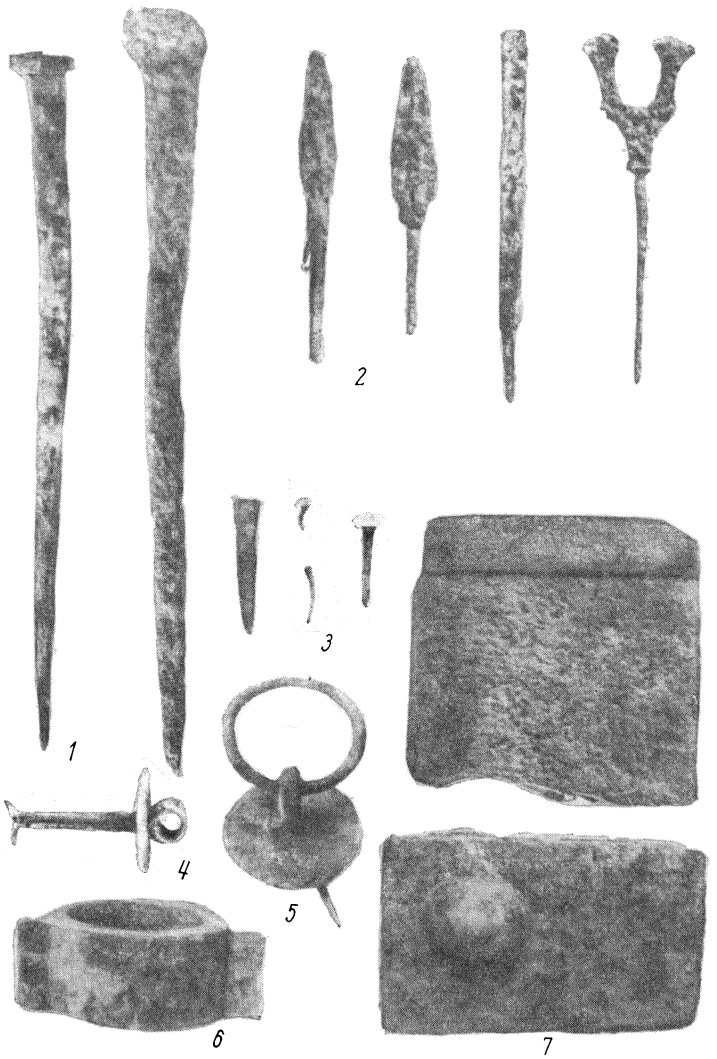


Рис. 6. Металлические изделия из Дунцзинчэна

1, 3 — железные гвозди; *2* — железные наконечники стрел; *4—5* — железные дверные пробои; *6* — втулка колеса; *7* — чугунное изделие

делилось на три секции. Длинное помещение было на восточной стороне и такое же — на западной стороне главного сооружения. Пол всех помещений был покрыт глиняной обмазкой.

Внутреннее помещение делилось на три комнаты: узкое небольшое помещение — в середине и большие квадратные — по бокам. Об этом свидетельствовали следы стоявших ранее на глиняном полу столбов, толщиной около 30 *см* каждый. Узкое, среднее, помещение в свою очередь делилось на две части — северную и южную.

В южной части, в юго-западном углу, обнаружены остатки возвышения — нар (вроде среднеазиатской суфы) высотою около 30 *см* от пола, площадью 2×1,5 *м*. Они сложены были из плоских камней, покрытых сверху землей и глиной.

В западном помещении найдена японская медная монета «Wa — do kai — chin», обращавшаяся в VIII в. н. э. Замечательной чертой этого помещения была платформа шириной 1,5 *м*, проходившая вдоль северной половины западной стены. Платформа продолжалась и за стеной комнаты, к северу, на расстояние 15 *м* и имела там ширину 3 *м*, а высоту до 2 *м*. Сверху платформу покрывали плоские камни. Внутри нее были устроены два дымохода (шириной каждый около 40 *см*), сложенные из кирпича и заполненные внутри золой и сажей. Над простиравшейся за пределами помещения частью отопительной системы, судя по черепице и украшениям карниза лотосовым орнаментом, была устроена особая крыша. Это, следовательно, была обитаемая пристройка к зданию.

Такая же отопительная система имелась и в восточном помещении.

Оба «крыла» главной постройки имели особые крыши. Между этими постройками и главным помещением были еще небольшие помещения. В одном из помещений, самом северном, на полу был очаг площадью около 60 *см*^{2}, ограниченный кирпичами. Там же найдены кости коровы и раковины, смешанные с углем.

Вдоль южных углов каждого «крыла» находились «мостовые» из кирпича шириной около 6 *м*. К северу от мостовой восточной стороны залегали прямоугольные плоские камни с интервалами около 3 *м*. В каждом из камней были отверстия, возможно, для оснований мачт, на которых висели флаги. У восточного крыла, кроме того, имелась канава длиной около 15 *м*, в которой найдены были стеклянные бусы, рыбьи, овечьи и коровьи кости.

В 10 *м* к западу от западного крыла дворца № 5 было обнаружено еще одно строение (размер 27,4×17,3 *м*). От него сохранились обычные основания для столбов. Столбы стояли по 10 вдоль и по 6 поперек. Вокруг здания шел коридор, посредине был также проход или узкий вал, по бокам которого на западной и на восточной стороне находились квадратные помещения одинаковой конструкции. Лучше сохранившееся помещение было площадью 8,6×9,7 *м*. В нем находились камни, служившие основаниями для столбов; пространство между ними было заполнено мелкими битыми камнями, служившими основанием для стены. Интересно, что столбы сгорели, а на местах, где они стояли, сохранились их обугленные стволы. Судя по следам, столбы имели четырехугольное основание и толщину около 28 *см*. В середине южной стены сохранились следы сгоревшей двери. Замечательно, что и в этом помещении сохранились остатки обогреваемой снизу платформы, т. е. кана, который начинался около середины восточной стены и шел к западу, поворачивая затем вдоль северной стены. Здесь кан выходил за пределы здания. Высота кана от пола достигала 33 *см*, а вне пределов жилища еще увеличивалась. Дымоход кана представлял собою обычный канал из кусков плоской черепицы; сверху он был покрыт квадратными и прямоугольными кирпичами и обмазан глиной. Восточная стена с каном была толщиной только 18 *см*. Огонь для обогревания кана разводился, вероятно, в северном его конце. В помещении № 5 был второй кан. Он проходил вдоль северной стены помещения. Каны были и в западном помещении. Такие каны отмечаются в Цяньханьшу, где описываются обычаи гуннов, а также в Шуй-Шан-Шу, где говорится о храме Kuan-chusme. Описание канов есть и в истории династии Цзинь под датой первого месяца второго года Чжун Хэ (1119 г. н. э.), а также в сочинении San-chao Pehmeng Hui-Pien (том 3), относящемся ко времени династии Сун. При этом описанная здесь система отопления идентична обнаруженной в Дунцзинчэне.

Каны такого рода были обнаружены мною в 1935 г. у нас, на Амуре,

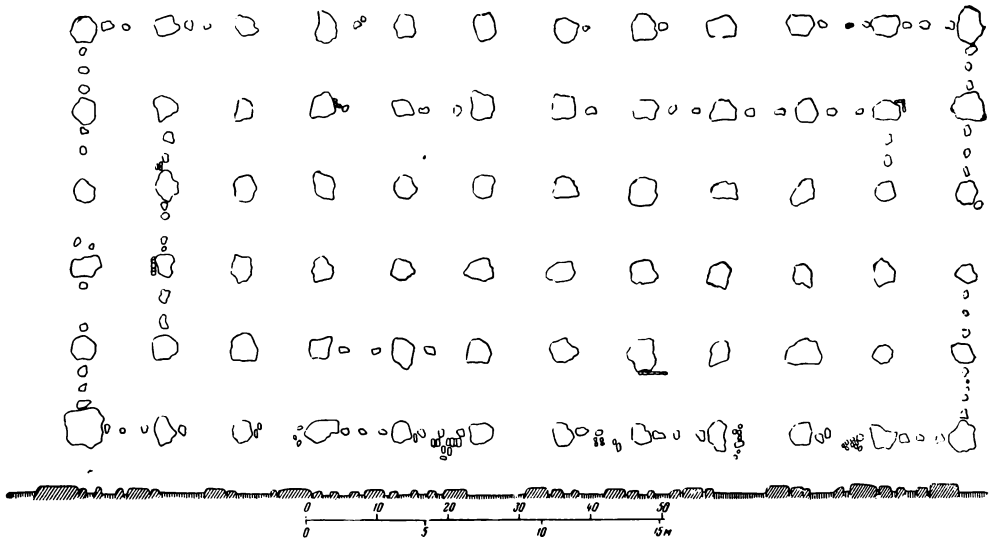


Рис. 7. План дворцового здания в Дунцзинчэне

при раскопках в пади Большой Дурал в 4 *км* ниже с. Нижнетамбовского, на левом берегу р. Амура [1]. Каны эти, находившиеся в остатках жилища, датируются китайской монетой династии Сун, выпущенной при императоре Хуэй Цзуне (1101—1121 гг.). Вместе с монетой найдена была и роскошно украшенная селадоновая чаша с изображением воинов, чиновников, слона и пятнистого оленя [2].

Восточное помещение (размером 9,2×10 *м*) было сходно во всем с западным.

Дворцовое строение № 6 стояло на платформе высотою около 60 *см*, площадью 37,3×18,2 *м* (рис. 7). Судя по уцелевшим на месте камням-базам, в здании имелось 12 столбов, стоящих вдоль него, и 6 поперек. Расстояние между столбами достигало 3,48 *м*. Пол здания был первоначально выложен глиной. Здание было уничтожено огнем, о чем свидетельствовала обожженная земля и следы деревянных колонн на базах каменных плит в виде углистых кругов. Из вещей здесь оказались куски обожженного железа, в том числе наконечник стрелы. Неподалеку были найдены остатки и других зданий, плохо сохранившихся.

В восточной части внутреннего укрепления находились следы дворцового сада размером 218×327 *м*; его окружала сложенная из камня стена высотою до 2 *м*. На территории сада имелись строения, от которых уцелели камни — опоры для столбов. Одно из зданий было главным. К нему вели коридоры с обычными столбами и квадратными постройками на концах. В саду находился бассейн длиною 164 *м* и шириной 109 *м*, в центре которого имелись два искусственных островка. На западной и восточной сторонах бассейна помещались два искусственных холма.

На западном островке, возвышавшемся на 2,7 *м* (диаметром 30 *м*), обнаружены остатки здания со столбами. Здание это, крытое черепицей с зеленой глазурью, имело в плане не обычную прямоугольную, а восьмиугольную форму, такую же, как здание, изображенное на зеркале монастыря Хорюдзи или на буддийских росписях из Дун-Хуана, находящихся

---

[1] А. П. Окладников. Древние поселения в пади Большой Дурал на Амуре. (Предварительное сообщение). СА, XV, 1951, стр. 299—301.

[2] Г. Г. Стратонович. Китайская чаша из урочища Большой Дурал. СА, XV, 1951, стр. 302—307.

в Британском музее. Остров соединялся, по-видимому, с берегом особой мостовой, выложенной камнем.

Небольшое здание находилось и на втором островке. Особый интерес среди находок в развалинах зданий, стоявших на островках, представляет оформление баз столбов — в виде лепестков лотоса. Крыша тоже была роскошно украшена, особенно же ее углы и карнизы, где находились черепицы с круглыми орнаментированными щитками (рис. 8). Глазурь и здесь была зеленой.

Рис. 8. Круглые орнаментированные черепицы из Дунцзинчэна

Кроме того, были исследованы остатки ряда храмов. В китайских летописях говорится, что Да-Дзо-юн, основатель династии Бохая, послал принца послом к Танскому двору с просьбой о разрешении ввести буддийский культ в храмах. В истории Бохая, включенной в Тан-Шу, отмечено также, что король этой страны назывался «К'е Tu Fu», что является почетным буддийским титулом.

Всего найдены были остатки шести храмов. Один из них, № 2, стоял на платформе и имел в середине зал, окруженный коридором. В зале находились пять постаментов для статуй богов.

Наибольшая платформа, высотой около 30 *см,* была устроена посредине помещения. Она служила, вероятно, местом для статуи главного божества. По бокам были прямоугольные и круглые платформы для бодисатв. На двух платформах были углубления; по аналогии с главным святилищем в храме Тоймадера их можно определить как места для ваз с цветами. Храмовое здание № 2, как полагают исследователи, было главным святилищем. Прямо против него мог находиться «лекционный зал», на месте которого найдены камни для столбов и черепица.

В развалинах храма № 3 оказались остатки алтаря, а перед ним небольшие терракотовые статуэтки сидящего и стоящего Будды. Уцелели также фрагменты глиняной статуи Будды (волосы) и часть лица божества-стража. Храм этот погиб в результате пожара.

То же самое случилось с храмом № 4. В нем уцелели остатки основания алтаря. В храме найдены голова небольшой бронзовой статуи

Будды, а также терракотовые фигурки сидящего Будды. Судя по железным гвоздям в них, эти статуэтки были частью обычной композиции «Тысячи Будд».

Особый интерес представляют обнаруженные раскопками хозяйственные и жилые ямы, некоторые с квадратным, а другие с треугольным и острым (в вертикальном сечении) дном. Некоторые ямы достигали в ширину 3 *м*. Они были заполнены бурой землей со слоями золы и угля, среди которых находились прясла для веретен, черепки посуды, кости животных и раковины. Найдены также обломки сосудов, напоминающих по цвету глазури трехцветную керамику Танской династии.

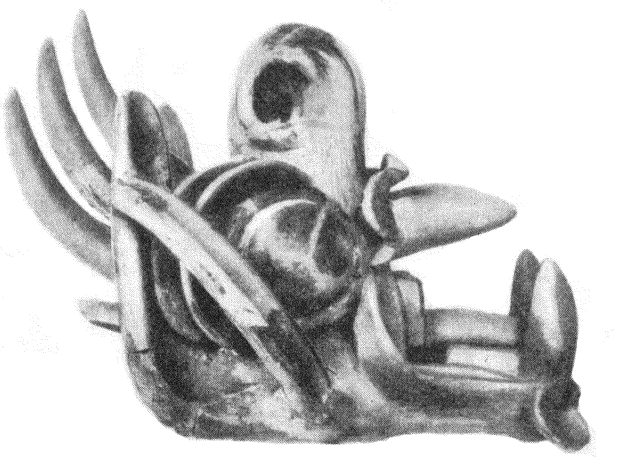


Рис. 9. Голова фантастического чудовища (украшение крыши) из Дунцзинчэна

В 4 *км* к северо-западу от Дунцзинчэна находился погребальный холм San Sing Tum. Заключенная в нем погребальная камера имела стены, сложенные из тесаных плит базальтовой лавы. В плане камера была прямоугольной; из нее наружу вел длинный выход. Перекрытие имело характер ложного свода. Исследователи предполагают, что над могилой находилось здание. В своих выводах они опираются на находки здесь фрагментов черепиц и украшений крыши, покрытых зеленой глазурью, и на указания Вей-шу о том, что у племени мохэ над могилами возводились специальные постройки.

Среди находок из раскопок здесь было больше всего черепицы. Черепицы, употреблявшиеся для крыши, делятся на плоские — для собственно крыши и карнизов, полукруглые и круглые — для карнизов, прямоугольные и плоские — для ребер крыши. На их внутренней стороне всегда имеются следы грубой мешочной ткани. Выступающие вперед по карнизу полукруглые концы черепиц украшены тисненым орнаментом. Имеются также покрытые зеленой глазурью украшения для главного гребня крыши и боковых ее гребней в виде морд фантастических чудовищ onigawara (рис. 9). Вся крыша зданий была темно-серой, а ребра ее и украшения на ней — зелеными.

Тисненые украшения на круглых концах черепицы карнизов зданий были украшены стилизованными цветами лотоса с семью, шестью, пятью и четырьмя лепестками. Совершенно такие же украшения на круглых концах черепиц карнизов характерны для зданий того же периода в Китае и на территории государства Силла в Корее. В Бохае чаще всего встречаются украшения с шестью лепестками лотоса.

Кирпичи, которые употреблялись для строительства бохайской столицы, делятся на прямоугольные и квадратные. Прямоугольные кирпичи черного (темно-серого) цвета. Размером они 460×173×43 *мм*. На одной стороне иногда имеются отпечатки травяных циновок. Некоторые из кирпичей прямоугольной формы имеют на своих длинных концах растительный рельефный орнамент. Цвет их черный. Размеры 345×182×52 *мм*. Такие кирпичи употреблялись, по-видимому, для украшения верхней части каменных стен.

Квадратные кирпичи имеют размер 379 × 379 × 54 *мм*. Среди них также имеются орнаментированные. Узор на них представляет собой

Рис. 10. Голова льва из Дунцзинчэна

розетки в виде восьмилепесткового цветка, в центре окруженного четырьмя шестилепестковыми цветами, и четырех-, пятилепестковых цветков в углах. Все цветки соприкасаются со стеблем и листьями. На некоторых из этих кирпичей по углам имеются оттиски печатей с тремя рельефными иероглифами «тьен хэ тун», которые предположительно означают деревню, где выделывались кирпичи. Похожие изображения с цветком лотоса в центре кирпича известны как в Китае с периода шести династий и вплоть до династии Тан, так и в Корее и Японии того же времени.

Наиболее эффектными изображениями служили так называемые шуби, т. е. фантастические чудовища. Пары таких изображений украшали крышу как дворцовых сооружений, так и храмов. Материалом для них служила беловато-серая после обжига глина. Сверху эти изображения были покрыты зеленой глазурью. Целых фигур шуби в развалинах Дунцзинчэна не оказалось, но, судя по обломкам, видно, что они имели большие выпуклые глаза и крылья. Сходные изображения с крыльями, украшенными валиками и полусферическим орнаментом, известны из руин храма Горидзака в провинции Каваши (Япония). Прототипы для них известны из памятников Танской династии в Китае.

В то время как шуби украшали концы горизонтального гребня крыши, на нижних концах гребней крыш находились изображения фантастиче-

ских существ иного вида — так называемые онигавара. Это маски демонов или драконов с огромными выпуклыми глазами, длинными кривыми рогами и столь же утрированными клыками, выступающими из нижней и верхней челюстей.

Особую группу глиняных изделий представляют собой кольца, украшавшие основания столбов. Они покрыты зеленой глазурью и на некоторых из них имеются иероглифы, означающие лошадь. Кроме главных колец, имеются кольца, украшенные лепестками лотоса.

Как уже упоминалось, к числу наиболее значительных находок относятся головы львов, высеченные из камня (рис. 10). Пять таких голов

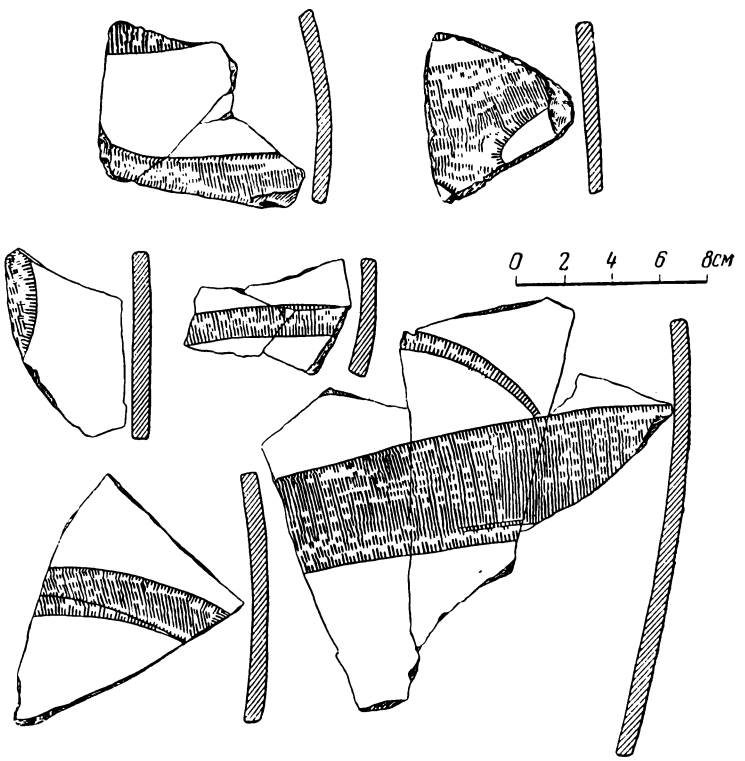


Рис. 11. Дунцзинчэн, керамика

располагались перед платформой дворцового здания № 2. Остальные фигуры львов были найдены с восточной стороны левого крыла платформы и один фрагмент на юге от нее. Головы львов сильно стилизованы. У них подчеркнут ряд плотно сжатых зубов с большими массивными клыками. Также утрированы большие круглые глаза и широкие ноздри. Тщательно передана шерсть в виде завитых локонов.

Металлические изделия представлены главным образом предметами, связанными с деревянными частями зданий. Это железные гвозди (квадратные в сечении), оси для дверей и металлические скрепления для уголков дверей. Последние украшены криволинейным растительным орнаментом и стилизованными животными. Интересно, что рога животных переходят в растительный узор. Предметы вооружения представлены четырьмя наконечниками стрел; один из них долотовидный, другие — листовидные с уступом перед черешком (рис. 6, *2*).

Керамика разделяется на глазурованную и неглазурованную. Глазурь, типичная для танского времени,— трехцветная, т. е. зеленая, бурая и желтая. Глазурованная керамика, аналогичная танской, вероятно, была доставлена из Китая. Однако такая керамика могла производиться

и в Бохае. Так, в китайских источниках сообщается, что в 691 г. в правление императора Ву-Цзу ему были преподнесены превосходные керамические изделия из Бохая. Неглазурованная керамика представлена сосудами черного цвета с тонкими и твердыми стенками. Встречены сосуды различных форм: обыкновенные горшки, кувшины, чаши и высокие кубки. Имеются также обломки сильно обожженных сосудов буровато-красного цвета. Все сосуды были изготовлены на гончарном круге. Интересной особенностью бохайской керамики являются сравнительно широкие кривые полосы, заполненные внутри своеобразными гребенчатыми вдавлениями (рис. 11). По технике нанесения этого орнамента и его композиционному построению он аналогичен орнаментике так называемых киргизских ваз, обнаруженных в минусинских могилах VII—IX вв. н. э.[1]

Предметы религиозного искусства представлены буддийскими статуэтками, главным образом изображениями Будды. Большинство изображений Будды выполнено обычным приемом. Их штамповали в специальных формах. Имеются также буддийские изображения из бронзы и железа, в том числе изображающие бодисатву Авалокитешвару. Интересно в связи с этим отметить, что в китайских источниках среди дани, доставленной китайскому двору в 815 г. н. э., упоминаются золотые и серебряные буддийские изображения. Помимо небольших буддийских изображений, в различных храмах были обнаружены остатки стоявших там статуй в виде обломков локонов, характерных шиньонов, священных одежд и украшений. Обнаружены также остатки стенных росписей. Фрески эти были выполнены на глине, смешанной с травой. Это были фигуры буддийских божеств и цветов, такие же в принципе, как росписи в пещере «Тысячи Будд» в Дуньхуане.

Среди различных мелких предметов, найденных в развалинах дворцов, могут быть отмечены голубые стеклянные бусы, обломки стеклянной бутылки, бронзовая форма для литья украшений с растительным узором, железные ножницы и другие изделия. Из камня были изготовлены крышки для буддийской ступы, ножки для мраморного сосуда в виде головы животного и линга. Такие культовые изображения известны в Китае для времени Танской династии. Особенно интересны две металлические фигурки всадников. Одна из них поразительно напоминает аналогичные фигурки из могил танского Китая. Она выполнена реалистически, с большим искусством. Вторая статуэтка отличается схематической трактовкой: сам всадник изображен здесь в виде простого стерженька на спине лошади.

Следует заметить, что такие же изображения всадников имеются в Хабаровском и Благовещенском музеях. Эти статуэтки можно назвать мохэскими.

К числу обыкновенных бытовых остатков относятся уже упоминавшиеся выше глиняные пряслица. Большинство из них изготовлено из обломков сосудов. Есть также пряслица, изготовленные из обломков черепиц, с орнаментом в виде лотоса. В жилых ямах вместе с такими пряслами найдены кости животных, в том числе обработанные рога оленя. Судя по костям, найденным при раскопках, в пищу шел крупный и мелкий рогатый скот, а также рыба. Найденные в жилых ямах раковины съедобных моллюсков показывают, что бохайцы, как и носители культуры раковинных куч Приморья, употребляли в пищу моллюсков.

В заключение следует отметить служившую своего рода основанием для курильницы или фонаря великолепную каменную колонну, находящуюся на территории современного храма, но связанную, несомненно, с остатками древнего города и его храмов (рис. 12). Колонна эта имеет

[1] С. В. Киселев. Древняя История Южной Сибири. М., 1951, стр. 589; С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 50, табл. II, рис. 20, 21.

пьедестал, украшенный скульптурными изображениями цветков лотоса. Массивная цилиндрическая колонна увенчана капителью в виде цветка лотоса. Выше находится сквозной ажурный фонарь, а над ним — каменная крыша, передающая форму обычной черепичной крыши. Крыша заканчивается изящным фигурным шпилем, напоминающим традиционные завершения буддийских субурганов.

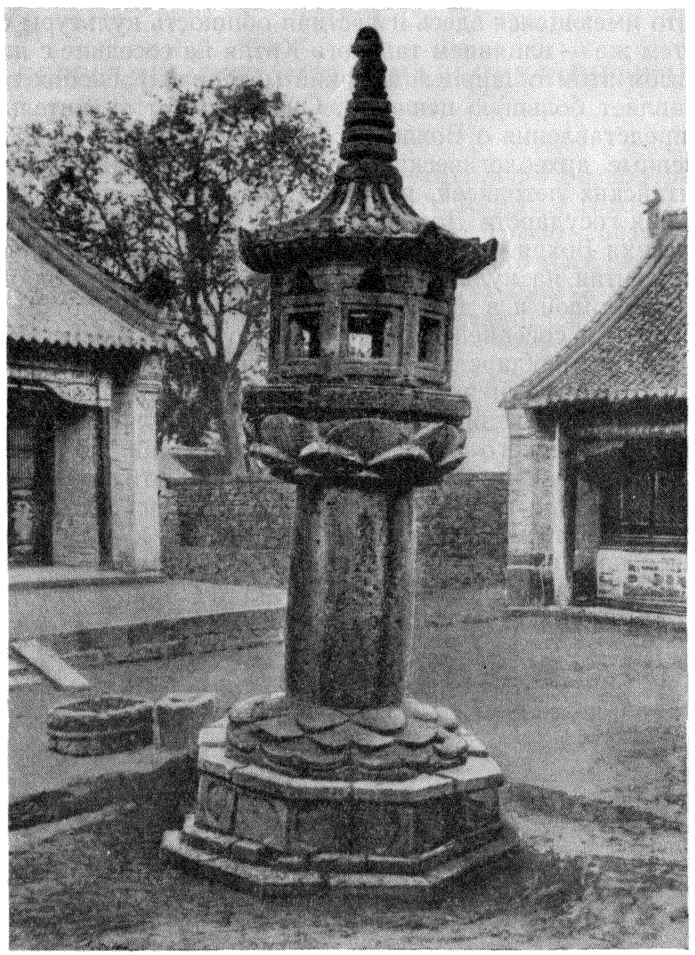


Рис. 12. Каменная колонна с фонарем для светильника из Дунцзинчэна

Таким образом, на территории древней бохайской столицы были осуществлены весьма значительные по масштабам археологические раскопки, дающие достаточно полное представление о планировке города, его архитектуре и культурной жизни древнего города.

Однако, к сожалению, раскопки, в основном, были ограничены прослеживанием основных архитектурных элементов древних сооружений в виде остатков стен и опорных баз колонн. Окружающие площади и даже внутреннее пространство многих интереснейших архитектурных комплексов остались невскрытыми.

Кроме того, изучая древний город, японские археологи увлеклись исключительно его парадными зданиями, его дворцами и храмами. Это тем более досадно, что даже в случайных траншеях и разрезах они обна-

ружили достаточно многочисленные следы углубленных в землю жилищ простого народа и связанных с ними остатков хозяйственных сооружений в виде ям. Эти драгоценные с исторической точки зрения остатки почти не привлекли внимания. Жизнь древнего города поэтому оказалась освещенной односторонне. Из поля зрения исследователей выпала жизнь трудового населения города — ремесленников, а также, очевидно, и крестьян.

В этих исследованиях определенно сказывается тенденция связать Бохай и его яркую и высокую культуру прежде всего с Японией, хотя бесспорно, что имеющаяся здесь известная общность культуры объясняется одним и тем же — влиянием танского Китая на соседние с ним страны.

Но при всем этом обширный и яркий материал раскопок в Дунцзинчэне представляет большую ценность. Он позволяет значительно расширить наши представления о Бохае.

Вещественные археологические остатки подтверждают и дополняют известия китайских летописей, рассказывающих о Бохае как об одном из выдающихся государств Дальнего Востока этого времени. Археологические памятники Бохая выразительно свидетельствуют о глубоком влиянии танского Китая на культуру бохайцев — влиянии, которое сказывалось с такой же силой и в других странах Дальнего Востока (в Японии в период Нара и в соседней Корее, где в эту эпоху достигает высокого развития культура государств Силла и Когуре).

Материалы эти, несомненно, очень пригодятся при дальнейших детальных исследованиях памятников бохайского и чжурчженьского времени на территории советского Дальнего Востока. Они помогают полнее и детальнее понять жизнь и культуру населения этих областей в средневековое время, когда здесь существовали развитая государственность, передовая по тому времени экономика и высокая культура, во многом развивавшаяся под прогрессивным влиянием Китая, но вместе с тем во многом глубоко своеобразная.

А. В. АРЦИХОВСКИЙ

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ МАЛЬЧИКА ОНФИМА

Новгородские берестяные грамоты безгранично разнообразны по содержанию, и это разнообразие нарастает с каждым годом раскопок. За шесть лет (1951—1956 гг.) уже найдено 250 грамот, авторами которых являются представители всех слоев новгородского населения, мужчины и женщины, и пишут они обо всем, о чем могут писать люди. Теперь мы знаем еще одного автора — маленького мальчика. Он оставил нам больше грамот, чем любой другой автор.

13 и 14 июля 1956 г. были обнаружены куски бересты, исписанные одним и тем же детским почерком. Все они разбросаны в пределах небольшого пространства. Их находки сосредоточены на расстоянии 2—3 *м* к западу от мостовой Великой улицы, к югу от перекрестка ее с Кузьмодемьянской улицей. Иными словами, грамоты эти встречены в самой южной (наиболее близкой к центру города) части огромного Неревского раскопа.

Всего обнаружено одиннадцать грамот этой серии (№№ 199—208 и 210). Из них семь (№№ 199, 200, 202, 203, 205, 206, 210), кроме надписей, имеют рисунки, по манере исполнения, безусловно, детские. Вместе с грамотами оказалось пять кусков бересты без букв, но с такими же рисунками. Им дана литерная нумерация — от А до Д. На квадрате 1201 вместе встречены грамоты №№ 200, 201, 204, 205, 206, 207, 208, 210 и пять отдельных рисунков. Грамоты №№ 202 и 203 встречены на квадрате 1216, грамота № 199 — на квадрате 1231. Все они были брошены одновременно. Квадрат 1216 вплотную прилегает к квадрату 1201, а квадрат 1231 — к квадрату 1216.

Стратиграфия, а следовательно, и хронология здесь бесспорны: все перечисленные куски бересты залегали в пятнадцатом строительном ярусе. Таким образом, все они относятся к рубежу XII—XIII вв.[1], чему вполне соответствует и палеография.

Грамота № 199 (рис. 1) является овальным донышком берестяного сосуда, туеса, использованным для школьных записей. Донышко было оторвано от туеса, вероятно, отслужившего свой срок, и дано ребенку для его занятий. По краям пробиты дырочки для прикрепления к стенкам. Снаружи на донце набиты были для прочности крест-накрест две берестяные полосы; они и заполнены записями.

Текст верхней полосы начинается с алфавита. Мальчик писал азбуку в порядке упражнения и, безусловно, далеко не в первый раз. Всего букв здесь 36.

Мною было в свое время издано учебное пособие, найденное при новгородских раскопках 1954 г.[2] Это была деревянная дощечка с написан-

---

[1] Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа МИА, № 55, 1956, стр. 137.

[2] А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, № 55, стр. 20—22. Более подробное описание печатается в издании грамот.

ной на ней для школьника азбукой. Дата там — рубеж XIII—XIV вв., т. е. на сто лет позже, чем находка 1956 г. Две азбуки можно теперь сравнить.

36 букв в обоих случаях одни и те же. Но мальчик пропустил «и» десятеричное, написав вместо него второй раз «и» восьмеричное. Ошибка объясняется, конечно, созвучием (безразлично, писал ли он под диктовку или наизусть). Пропущенная буква вставлена в самом конце после «юса малого».

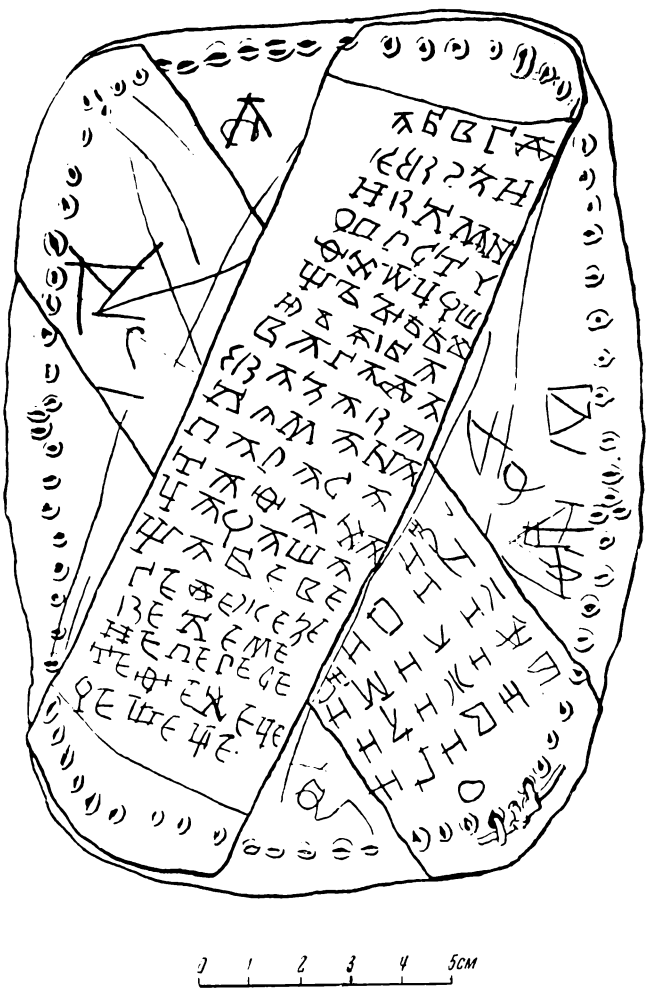


Рис. 1. Грамота № 199 (прорись)

Порядок букв в обоих случаях совпадает. В обоих случаях нет «ф», его заменяет «фита». Имеются две буквы «у» — простая (или «ижица»), начертанная на обычном месте, и лигатурная после «ятя». Нет «кси» и «пси».

В азбуке, издаваемой теперь, «е» изображено йотованное в соответствии с произношением, что является второй ошибкой мальчика (ср. ниже). Других йотованых букв нет, кроме «ю», но его сложный характер был к тому времени забыт. «Омега» снабжена выносным «т». «Ерь» по небрежности мальчика почти не отличается от «ятя». «Юс большой» упрощен и имеет вид песочных часов, но эта архаическая буква к тому времени перестала употребляться (в ранних берестяных грамотах она представлена).

Мальчик списывал буквы тщательно, что позволяет говорить о палеографии. Петли «б», «в», «ера», «еря» и т. д. еще сохраняют геометрическую форму и еще не набухли; верхняя часть «в» еще не сокращена; «ж» еще симметрично и написано в три взмаха; «м» еще не приобрело широкие плечи и дугу внизу; середина «омеги» еще высока; хвостики «ц» и «щ» еще не опущены; «ч» еще имеет вид бокальчика, а не палочки с расщепом; верхушка «ятя» еще не поднята. Иными словами, здесь все типич-

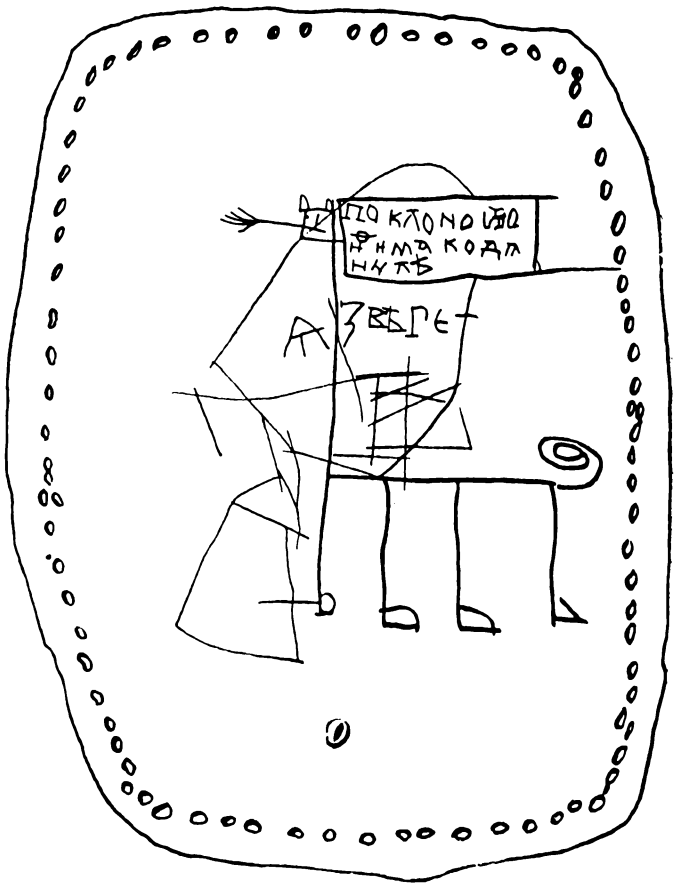


Рис. 2. Грамота № 199, оборот (прорись)

но для XII в., а не для XIII в. О всех этих признаках я уже неоднократно писал при издании берестяных грамот [1]. В деревянной азбуке, которая на сто лет моложе, все перечисленные буквы уже имеют формы XIII в. Здесь они архаичнее. Думаю, что хронологией объясняются и различия между двумя азбуками в форме «а», «з», «р», «с», «у», «х»; но соображения об этих буквах заняли бы слишком много места, ограничусь вышеприведенными довольно многочисленными примерами. Мальчик, живший на рубеже XII—XIII вв., учился по прописям, типичным для XII в. Палеографическая дата, как всегда, совпадает со стратиграфической.

Можно отметить еще своеобразное «д» с двумя треугольниками внизу, обычное на бересте и много раз мною изданное.

Непосредственно вслед за азбукой мальчик написал склады:

бавагадажазакаламанапарасата оахацачашащабевегедежезекелемене пересетеоехецечешеще

[1] См. также курсы палеографии, например, В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 102—103.

На другой полосе бересты, вперекрест прикрепленной к донышку, склады продолжены:

бивигидижизикилиминипиирси

Буквы «р» и «и» поменялись из-за тесноты местами.

Здесь четко представлен способ обучения грамоте по складам, господствовавший у нас до XIX в. и державшийся до XX в. Заучивая «буки-аз-ба», «буки-есть-бе» и т. д., ученик доходил до понимания, что «буки» означает «б», и так постигал постепенно все буквы. Этот способ был до сих пор представлен в источниках XVI—XVIII вв., теперь он засвидетельствован для XII—XIII вв. Каждая из гласных здесь закономерно сочетается со всеми 20 согласными русского языка. Уже тогда были отобраны эти 20 согласных, сохранившихся доныне, а остальные отброшены (представленное в данной азбуке «зело», а также «кси» и «пси»; «фита» имеется, но она заменяет «ф»).

Всякий маленький мальчик, когда ему надоедает писать, начинает рисовать. Так бывает теперь, так было и на рубеже XII—XIII вв. На обороте описанного донышка туеса (грамота № 199, оборот) нарисован зверь (рис. 2). Техника рисунка та же, что и техника письма на бересте, т. е. процарапывание. Рядом с рисунком имеются надписи, почерк которых совпадает с почерком мальчика, писавшего азбуку. Буквы, впрочем, небрежнее, и это понятно: здесь уже не школьное задание.

Зверь нарисован по возможности страшный. Морда у него квадратная, уши кошачьи, язык высунут и заканчивается оперением, вроде оперения стрелы (а этот мальчик видел много стрел). Шея изображена одним штрихом, так же как туловище и четыре ноги, при этом шея длинее, чем туловище. Хвост загнут спиралью. Рисунок имеет подпись:

азвѣре

В современной транскрипции это будет: «Я зверь». Напомню, что в новгородских текстах вообще, а в берестяных грамотах в особенности, буквы «ь» и «е» постоянно заменяют друг друга. Зверь сам себя рекомендует.

Рядом имеется другая надпись, обведенная четырехугольным контуром в знак того, что она не имеет отношения к зверю. Надпись эта такова:

поклонотѡонеимакоданилѣ

В современной транскрипции это будет: «Поклон от Онфима ко Даниле». Эта формула (поклон от такого-то к такому-то) стоит в начале большинства писем, написанных на бересте.

Здесь дети подражают взрослым. Один мальчик передает поклон другому, сидевшему, может быть, рядом.

Автора этой грамоты и всех других описываемых здесь грамот звали Онфимом. Этот поклон позволяет угадать имя, ведь здесь, по существу, подпись. Другие две грамоты делают определение имени несомненным.

Имя Анфим имеется в православных святцах. Здесь оно написано через «о» в соответствии с новгородским произношением. Это имя встречено и в новгородской берестяной грамоте № 142.

Для подтверждения имени опишу грамоту № 203 (рис. 3) не в порядке нумерации, а раньше. Текст ее гласит:

гипомозирабусвоѥмуонеиму

Слово «ги» является обычным сокращением слова «господи». В современной транскрипции текст гласит: «Господи, помози рабу своему Онфиму».

Буква «у» здесь простая, а не лигатурная и не «оу». На рубеже XII—XIII вв. это встречалось еще редко. Но вообще, как я отмечал, такое написание известно на Руси с середины XII в.[1]

Выражение «господи, помози рабу своему такому-то» имело в древней Руси значение подписи. Примеров множество. До нас дошли на книгах

[1] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954, стр. 72.

такие подписи писцов, владельцев и читателей. На стенах нескольких новгородских церквей такие надписи-граффити тоже встречаются, и каждая надпись содержит лишь одно имя. На многочисленных свинцовых печатях такая надпись содержит всегда христианское имя князя или иного лица, которому принадлежит печать. То же значение имеют надписи на знаменитом шлеме Ярослава Всеволодовича, на западнодвинских камнях Бориса, на новгородском кресте архиепископа Антония, на некоторых змеевиках и т. д. Есть такие надписи и на изделиях мастеров, где они являются

Рис. 3. Грамота № 203 (прорись)

подписями этих мастеров: Лазаря Богши — на полоцком кресте, Флора-Братилы — на новгородском кратире, Константина — на втором таком же сосуде, другого Константина — на вщижской арке, мастера, зашифровавшего свое имя,— на новгородском Людогощинском кресте, Самуила-кузнеца, Елисея-писца и Леонтия-писца — на краковской мощехранительнице [1]. Нет ни одного случая, когда такая формула не имела бы значения подписи. Мальчика Онфима тоже научили так подписываться, как только он освоил грамоту.

Нижняя часть грамоты занята рисунком. Слева детски схематическая фигура человека с поднятыми руками. На правой руке четыре пальца, на левой — три. Справа изображение, которое можно толковать различно (человек, сжигаемый на костре, или дерево), но, вернее всего, это просто недорисованная и зачеркнутая человеческая фигура.

Грамота № 200 (рис. 4 и 7) в основном занята рисунком. Всадник поражает копьем врага. И возле фигуры всадника имеется подпись маленькими буквами:

онѳиме

В современной транскрипции это будет: «Онфим». В берестяных грамотах часто встречается конечное «е» в именах и иных словах, имеющих теперь согласное окончание. Оно заменяет «ерь».

Все мальчики мечтают стать воинами. Онфим изобразил свои будущие военные подвиги. Довольно вероятно, что мечты его сбылись. Он должен был стать взрослым в XIII в., а Новгород вел тогда много войн. Например, во время Ледового побоища Онфиму могло быть лет пятьдесят.

Одной рукой Онфим держит лошадь под уздцы, другой — вонзает копье в лежащего на земле врага. Голова Онфима — круг с точками-глазами и черточками-бровями; вертикальная линия носа упирается в горизонтальную линию рта. Голова лошади — линия с двумя черточками-ушами. Можно и дальше перечислять примитивные признаки детского рисунка. Но при всем том удивительно верно передано положение передних

[1] А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952.

и задних ног лошади, сдерживаемой всадником на всем скаку (хотя эти ноги — тоже простые штрихи).

Чтобы не пропадала береста в правом верхнем углу, Онфим и здесь начал писать алфавит:

абвгдежзиік

В отличие от грамоты № 199, «е» не йотованное, а простое; десятеричное «и» на месте. Пустое пространство целиком заполнено этим началом алфавита, почему Онфим и остановился на «к».

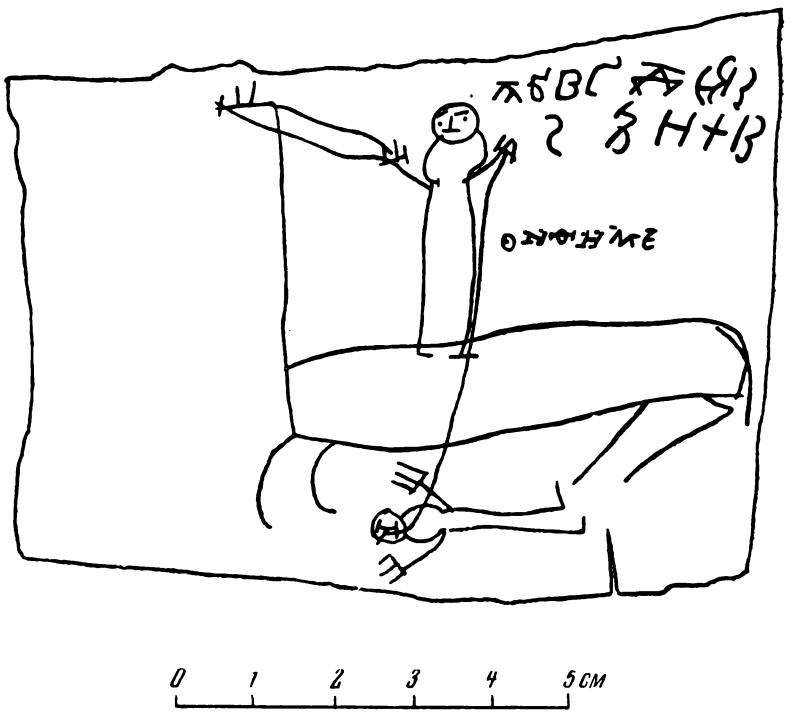


Рис. 4. Грамота № 200 (прорись)

Судя по такому расположению, надпись выполнена позже, чем рисунок. Поэтому этот кусок бересты ученик не мог показать учителю. Не довольствуясь обязательными школьными заданиями, Онфим повторял азбуку для себя.

Грамота № 201 содержит опять полный алфавит. 36 букв нанесены в полном порядке. Опять отсутствуют обе ошибки грамоты № 199, т. е. «е» здесь простое и «и» десятеричное стоит на месте. Дальше и здесь идут склады, но только от «ба» до «ща» — все 20. Рисунков нет.

Грамота № 202 (рис. 5) украшена изображениями двух человечков с поднятыми руками. У одного на руках шесть и восемь пальцев, у другого — три и три. Сбоку надпись:

надомирѣвозѧтидоложзивъ

Здесь «з» между «ж» и «и», вероятно, является школьной реминисценцией азбучного порядка — «жзи». «Возяти» означает «взяти»; «о» стоит вместо «ъ», что для этого времени нормально. В современной транскрипции текст гласит: «на Домире взяти доложив». Домир — имя. В целом текст очень прозаичен. Речь идет о взыскании долга или недоимки. Таким взысканиям часто посвящены берестяные грамоты. Увы, даже маленький мальчик, живя среди деловых людей, сделал, упражняясь в грамоте, выписку из делового документа.

Грамота № 203 описана выше.

Грамота № 204 является как бы продолжением грамоты № 201. Она-

чала, впрочем, стоит слово «ѧкоже». Дальше идут склады от «бе» до «ще» — все 20. Рисунков нет.

Грамота № 205 опять содержит алфавит, все 36 букв. Обе ошибки грамоты № 199 здесь, как и в грамотах №№ 200 и 201, отсутствуют. Но есть другая ошибка: вместо «омеги» написано просто «отъ», в соответствии со славянским названием буквы. Здесь, впрочем, три буквы расположены так, что вместе несколько напоминают очертания «омеги». «Юс большой» во всех трех полных алфавитах (грамоты №№ 199, 201 и 205) одинаково упрощен (см. выше).

Рис. 5. Грамота № 202 (прорись)

После довольно больших букв алфавита на некотором расстоянии стоят маленькие буквы «он»; дальше — начало неудавшейся «фиты». Несомненно, здесь опять имя «Онфим».

Внизу Онфим начал рисовать ладью, а он видел их на Волхове бесчисленное количество. Нанесен общий контур с высоко поднятыми и изогнутыми носом и кормой. Слева видны два весла. Рисунок не окончен.

Грамота № 206 (рис. 6 и 8) содержит детский, почти бессвязный набор букв. В начале, после слов «иже во», стоит сильно искаженное обозначение года по тогдашнему летосчислению; определить этот год нельзя. В конце здесь те же склады, но без должного порядка.

Внизу изображены семь человечков, протянувших друг другу руки. Примитивность изображения обычная.

Грамота № 207 имеет текст:

ѧкоснамибоуслышитедопослуѧкокожемоличетвоѥнарабатвоѥгобо

Здесь перед нами искаженные отрывки церковных песнопений и молитв. Обучение в средние века носило церковный характер, но маленький Онфим еще плохо понимал заучиваемые им тексты. Он записал их без смысла. Рисунков нет.

В отличие от подавляющего большинства берестяных грамот, грамоты №№ 205, 206 и 207 процарапаны не по внутренней стороне березовой коры, а по внешней.

Грамота № 208 является обрывком. От одной строки сохранились буквы «гв», от другой — «хын». Рисунков нет.

Грамота № 210 является тоже обрывком. Слева буквы «авле», справа фигура человека.

От описания грамот можно перейти к описанию рисунков без текста. Они пронумерованы, как выше говорилось, буквами. Автором их тоже был Онфим, и это подтверждено не только совместным залеганием кусков бересты. Как записи Онфима можно узнать по почерку, так его рисунки — по одинаковой передаче разных частей тела человека и лошади.

Рисунок *А* изображает опять всадников. На одной лошади их двое; они широко расставили руки, и туловище лошади удлинено из-за этого больше чем вдвое. Еще один всадник на заднем плане, он маленький.

Рис. 6. Грамота № 206 (прорись)

Рисунок *Б* изображает битву. Всадников здесь трое. В воздухе летят стрелы. Под ногами лошадей лежат поверженные враги, их трое или четверо; рисунок настолько примитивен, что сосчитать их нельзя.

Рисунок В изображает всадника, который сидит на одной лошади и ведет под уздцы другую.

Рисунок *Г* изображает две человеческие фигуры большого размера (в глазах есть даже зрачки), поэтому примитивность детского рисунка выступает особенно резко.

Рисунок *Д* (рис. 9) изображает двух воинов в шлемах. Достаточно точно изображены типичные древнерусские шлемы, плавно вытянутые кверху и переходящие наверху в острый стержень. Они хорошо известны всем археологам. Остальные части доспеха отсутствуют, да схематизм рисунка и не позволял их представить: ведь ни у одного из нарисованных Онфимом людей нет даже туловища; во всех его грамотах и рисунках две кривые линии идут вниз от головы и переходят в ноги. Тем большее впечатление производят шлемы, изображенные верно. Онфим довольно часто мог видеть на улицах воинов в таких шлемах. Здесь особенно становится ясно, что мы увидели древнюю Русь глазами маленького мальчика.

Но сколько лет было Онфиму? Его рисунки во всех деталях похожи на рисунки многих современных детей, похожи до неотличимости. Каждый желающий легко может убедиться в этом, ознакомившись с современным детским творчеством, да оно и так всем знакомо.

Детскому искусству посвящена большая литература, за рубежом оно даже модно. Но ознакомление с литературой не дало мне никаких критериев определения возраста; этим, по-видимому, никто не занимается.

Однако, думаю, что Онфиму было меньше семи лет, хотя некоторые археологи в этом сомневаются. Достаточно напомнить, что число пальцев на руках человеческих фигур колеблется от трех до восьми. Столь же показательно отсутствие туловища и другие признаки. Примитивность здесь никак нельзя объяснять древностью. Считали дети в XII в. не хуже, чем в XX в., и воспринимали окружающий мир не хуже. Едва ли стóит здесь говорить об общем высоком уровне новгородской художественной культуры. На маленьких детей она не влияла никак. Но не было тогда оснований и для задержки художественного развития. Сравнение с рисунками современных детей позволяет утверждать, что Онфиму было четыре или пять лет, самое большее — шесть.

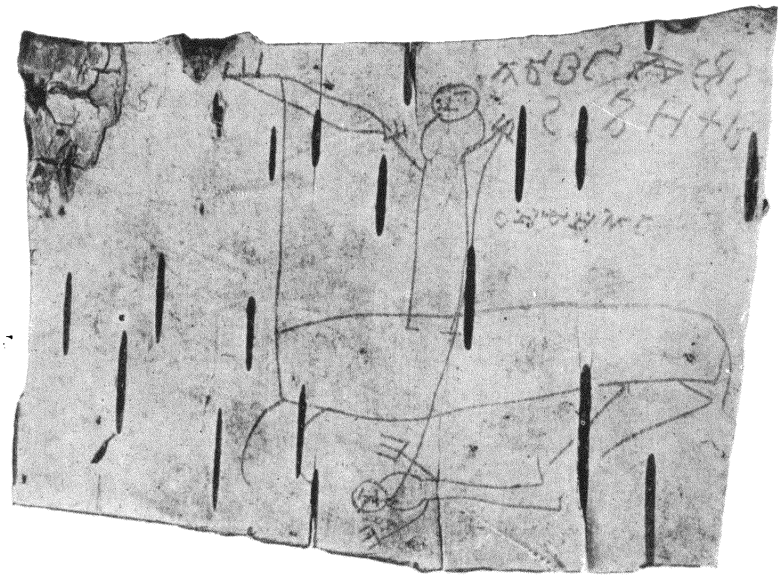


Рис. 7. Грамота № 200 (фото)

Рис. 8. Грамота № 206 (фото)

Рис. 9. Рисунок *Д* (фото)

Но не слишком ли это рано для обучения грамоте? В. О. Ключевский, перечисляя шаблонные черты жития святых, говорит: «К числу обычных черт такого рода относятся известия, что святой именно на седьмом году выучивается грамоте... и биограф заносил это в рассказ, хотя бы ничего не знал о детстве святого» [1].

Однако едва ли это было общим правилом. Позволительно здесь вспомнить о московских царевичах XVII в. Конечно, они жили гораздо позже Онфима. Но только для них мы имеем точные сведения, а способ их обучения был традиционным, древнерусским. Он подробно описан И. Е. Забелиным, установившим, что начиналось это обучение в возрасте не позже пяти лет. Алексей Михайлович получил от своего дедушки патриарха Филарета в подарок азбуку, когда ему было четыре года, а в пять лет уже читал часослов. Учитель Федора Алексеевича получил награду за успехи в обучении, когда ученику было шесть лет. Для Петра Алексеевича была изготовлена азбука, когда ему было три с половиной года; ему не было пяти лет, когда уже шли нормальные занятия с Зотовым [2]. Теперь возраст обучения грамоте в зависимости от обстоятельств колеблется от трех до восьми лет. Вероятно, так было и всегда. Нет никаких оснований думать иначе.

Записи и рисунки Онфима, несомненно, будут использованы специалистами по детской психологии и детскому искусству. Они позволят им заглянуть вглубь истории на семь с половиной веков. Не менее важны они для истории древнерусской школы. Теперь можно изучать методы обучения грамоте. В 1954 г. найдена деревянная азбука, в 1956 г.— публикуемая серия. Пока мы знаем только о школах чтения и письма. Были ли иные, нам неизвестно. Но эти школы добились того широкого распространения грамотности, о котором мне приходилось говорить неоднократно. В Новгороде, судя по берестяным грамотам, умели писать богатые и бедные, мужчины и женщины. Всё это довольно неожиданно для науки. Рано пока решать, уменьшилось ли впоследствии число людей, умеющих писать. Если уменьшилось, это трудно объяснить. Но позволительно вспомнить слова Стоглава. Отцы Стоглава в середине XVI в., жалуются на недостаток грамотных, а потом пишут: «А прежде сего училища бывали в росийском царствии на Москве и в Великом Новеграде и по иным градом, многие грамоте писати и пети и чести учили, потому тогда и грамоте гораздых было много» [3].

---

[1] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 430.

[2] И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей, ч. 2. М., 1915, стр. 155, 156, 221, 222.

[3] Стоглав. Издание Д. Е. Кожанчикова, СПб., 1863, стр. 91.

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

ЛАЗАРЬ БОГША — МАСТЕР-ЮВЕЛИР XII в.

(Из истории прикладного искусства Полоцкой земли)

Прикладное искусство домонгольской Руси, внесшее большой вклад в развитие древнерусской культуры, сейчас известно уже довольно хорошо, главным образом благодаря археологическим раскопкам и находкам кладов. Извлеченные из земли золотые и серебряные вещи, предметы из меди, бронзы, кости и стекла являются ценным историческим источником, дающим к тому же основные сведения по истории древнерусского ремесла, торговли и прикладного искусства.

Однако безымянность этих вещей, отсутствие прямых или косвенных указаний на место их выработки часто ставят исследователей перед большими трудностями. Понятна особая ценность древних предметов, содержащих какие-либо сведения о месте их производства, о мастере, сделавшем их, и т. д.

В связи с этим важен дошедший до нас древний полоцкий крест, сделанный мастером Лазарем Богшей около 1161 г. Ценность этого предмета заключается в высокохудожественной технике эмали, принадлежащей большому древнерусскому мастеру, в прекрасном оформлении всего изделия в целом и главным образом в великолепно выполненных надписях, содержащих дату вложения креста в Полоцкий монастырь, имя сделавшего его мастера, цену работы и волю заказчицы о неотчуждении, выраженную в сложном заклятии. По удачному выражению Н. Н. Воронина, крест является прочно стоящей во времени вехой не только для вещевой палеографии, но и для истории прикладного искусства.

Крест, несмотря на его большое значение, до сих пор по какой-то случайности не был ни изучен, ни должным образом опубликован.

1

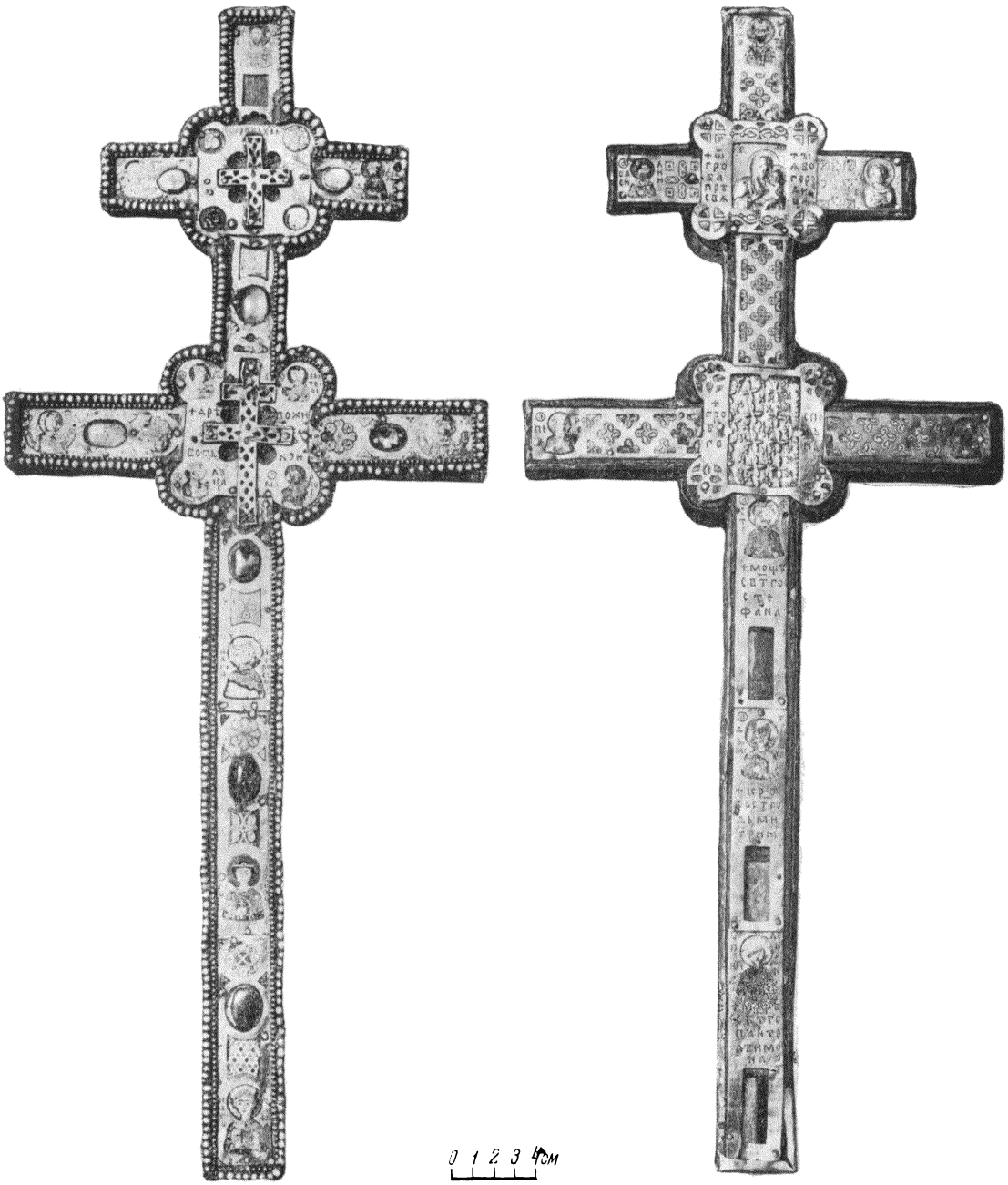
Судя по надписи, крест был сделан мастером Лазарем Богшей около 1161 г. по заказу известной полоцкой княжны Евфросинии и предназначался для ее загородного монастыря.

Кроме надписи на кресте, сведения о Евфросинии Полоцкой черпаются только из поздних источников XVI в. [1], в которые попало ее житие, основывающееся, как указывал еще В. О. Ключевский, на тексте более древнем [2]. Из жития видно, что Евфросиния, дочь сына знаменитого Всеслава Полоцкого (1044—1101), Георгия, родилась во втором десятилетии XII в. Обучившись книжному мастерству, она строила в Полоцке монастыри и заботилась о насаждении в родном городе просвещения. Умерла полоцкая княжна в 1173 г. в одном из иерусалимских православных монастырей.

---

[1] См., например, Степенную книгу, ПСРЛ, т. XXI, СПб., 1908, стр. 206—220.

[2] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 262.



1 2

Рис. 1. Крест Лазаря Богши 1161 г.

1 — лицевая сторона; *2* — обратная сторона

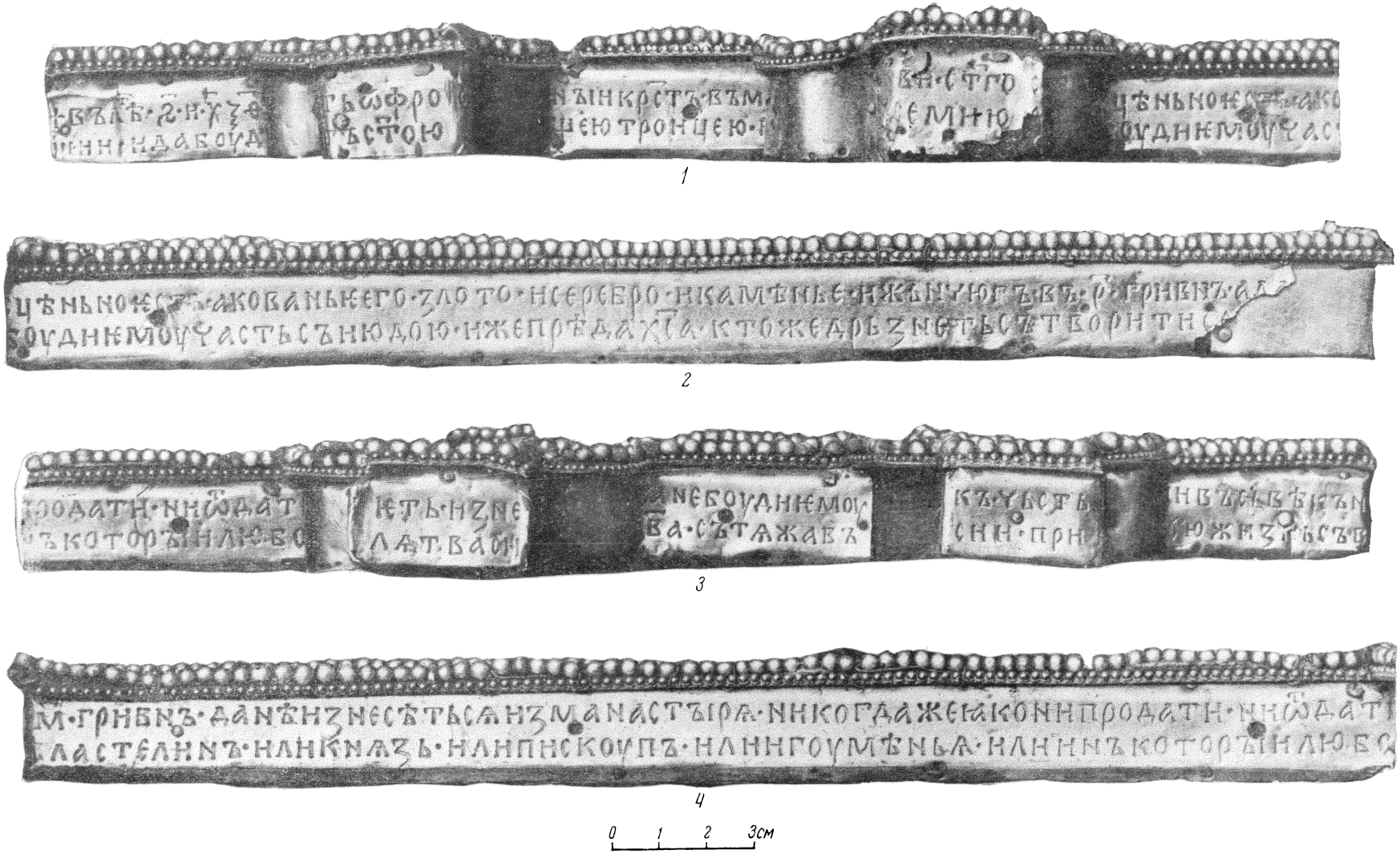


Рис. 2. Крест Лазаря Богши 1161 г. (боковые стороны)

1—2 — надпись левой стороны; *3—4* — надпись правой стороны

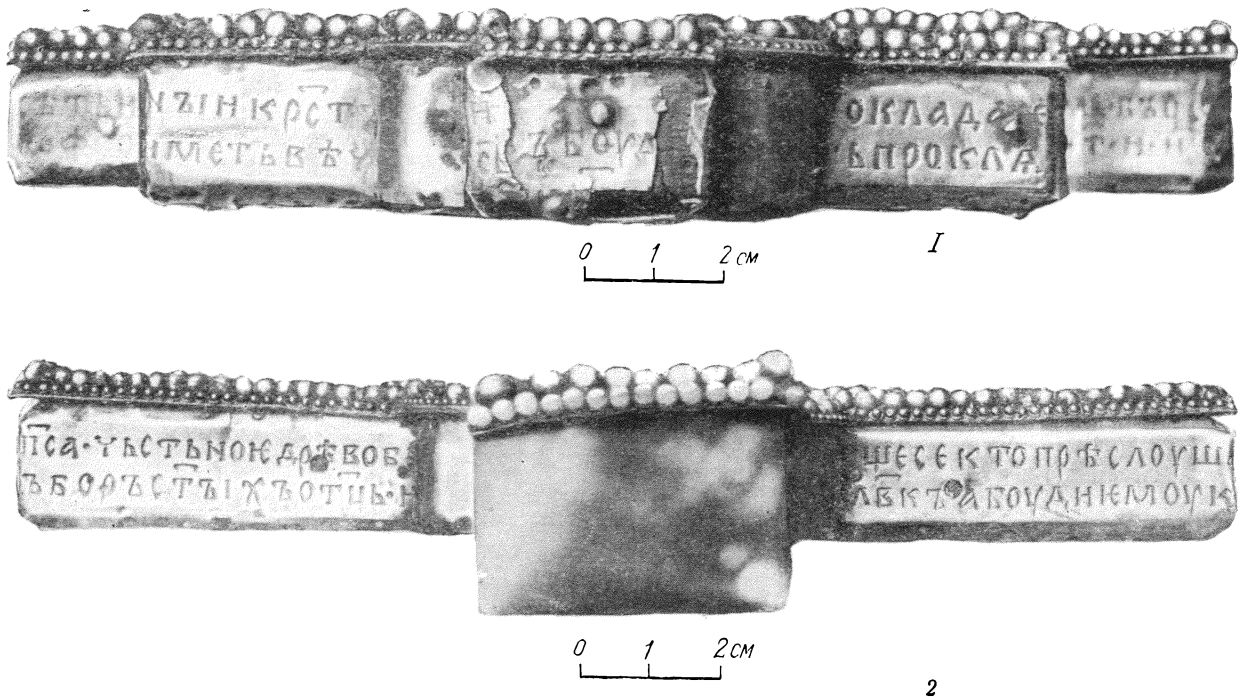


Рис. 3. Крест Лазаря Богши 1161 г. (боковые стороны)

1 — надписи сверху; *2* — надписи снизу

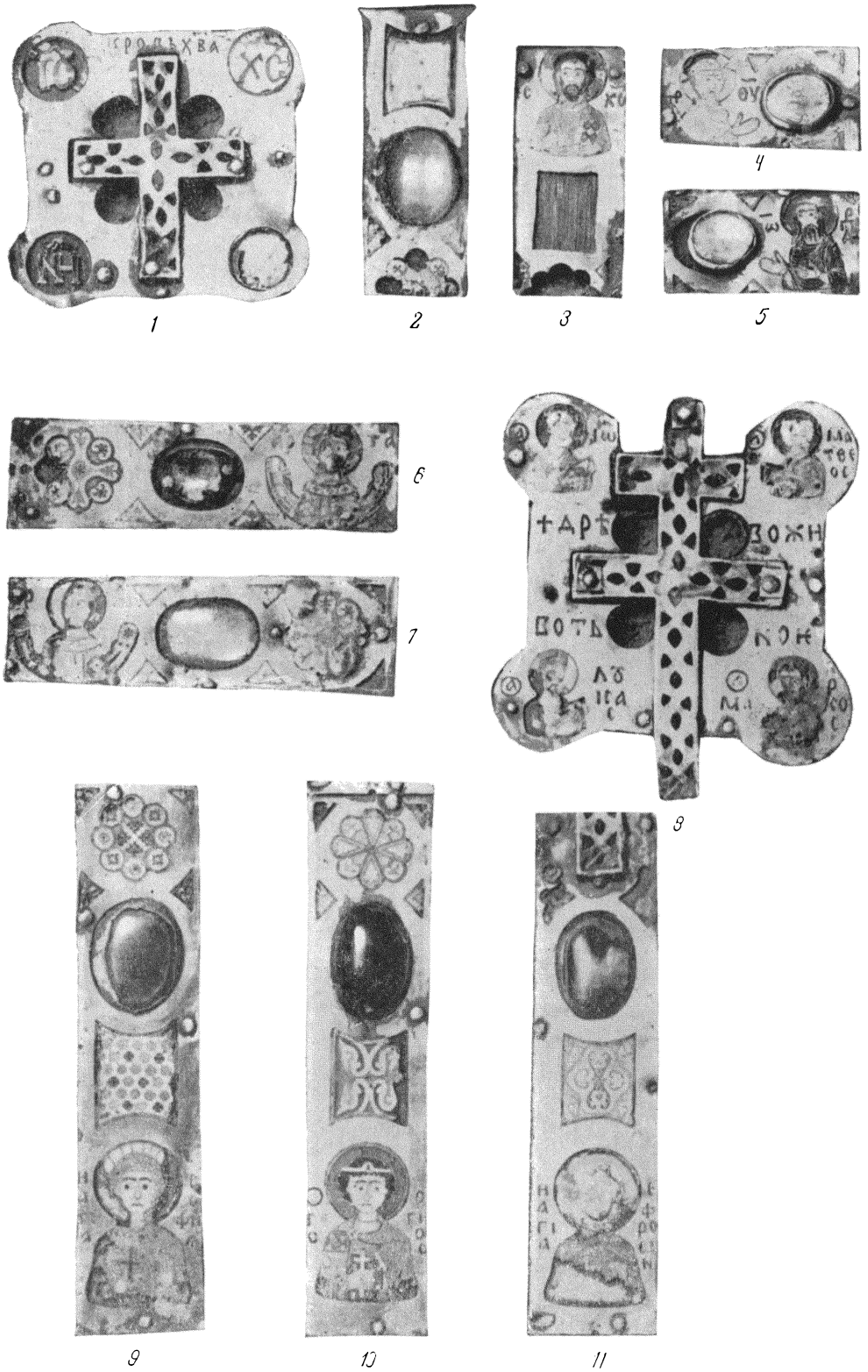
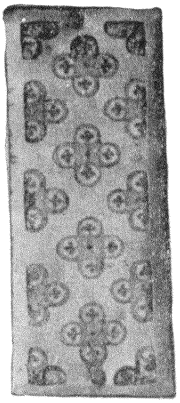


Рис. 4. Крест Лазаря Богши 1161 г.
Пластины лицевой стороны

1

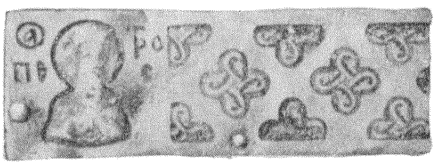
2



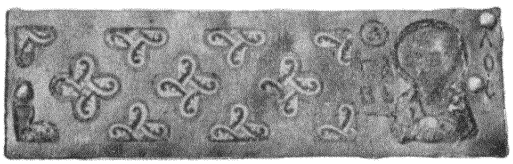
3

4

5



6



7

8

9

10

Рис. 5. Крест Лазаря Богши 1161 г.
Пластины обратной сторнны

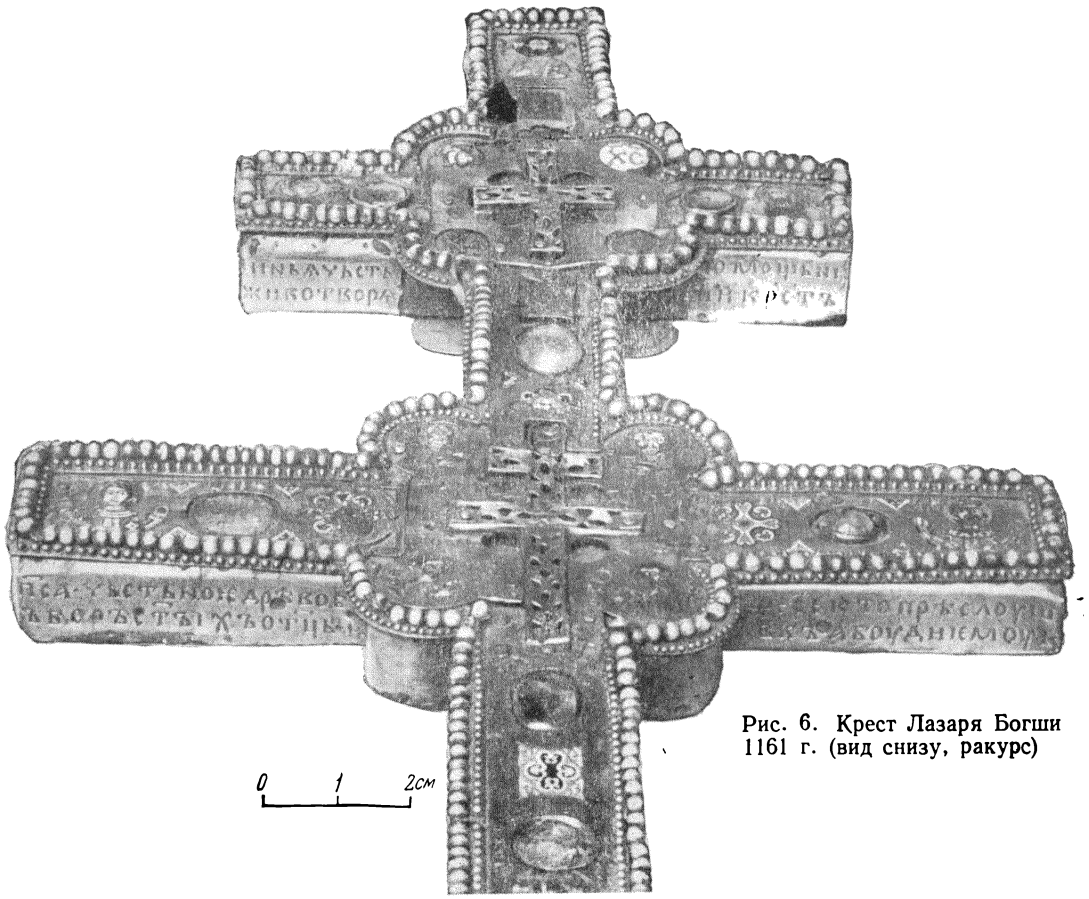


Рис. 6. Крест Лазаря Богши 1161 г. (вид снизу, ракурс)

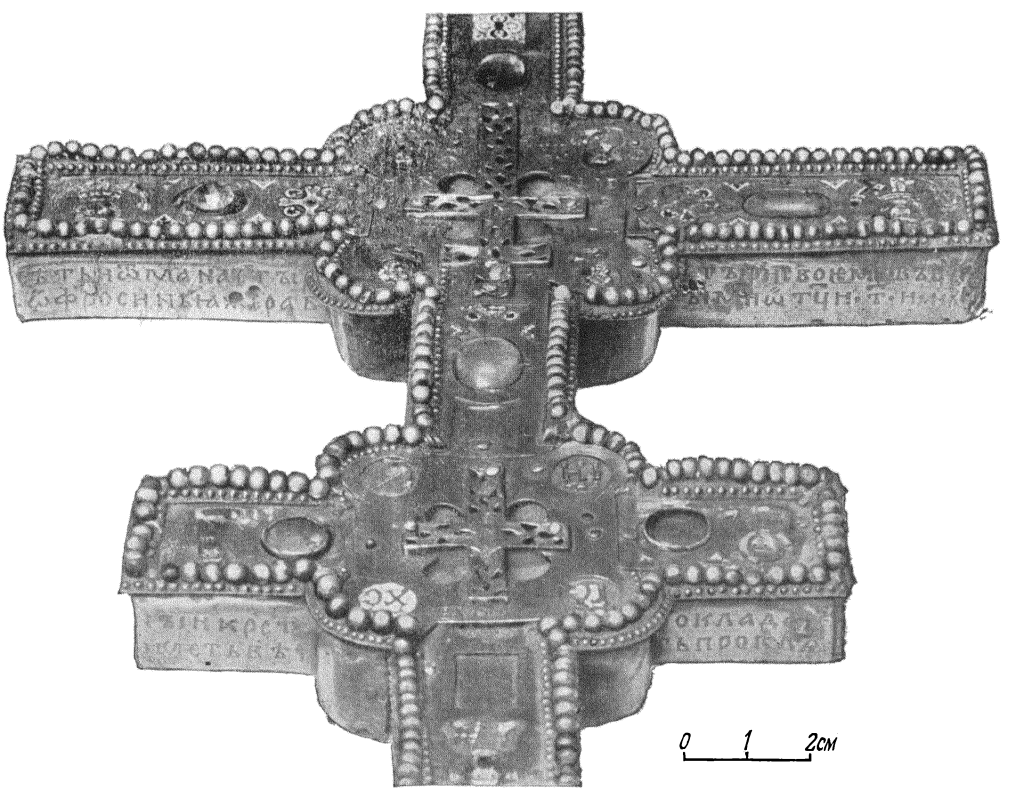


Рис. 7. Крест Лазаря Богши 1161 г. (вид сверху, ракурс)

В полоцком Спас-Евфросиниевском монастыре крест пролежал до 1579 г., когда монастырь, по свидетельству С. Ростовского, был передан Баторием иезуитам [1] и крест оказался в полоцком Софийском соборе, ставшем тогда униатским. После прекращения Унии (1839) реликвия снова перешла к православным, а в 1841 г. после демонстрации в Москве и Петербурге для сбора денег на ремонт церквей восстановленной епархии [2] была возвращена прежнему монастырю. В 1928 г. предмет был передан в Минский государственный музей [3], откуда бесследно исчез, будучи похищен немецко-фашистскими захватчиками в 1941 г. [4]

Первые свидетельства о кресте Лазаря Богши находим у И. Кульчинского, приписавшего его сестре Евфросинии Параскеве и давшего вольный перевод надписей [5]. Позднее надписи креста вопроизводились в известном многотомнике боландистов («Acta Sanctorum» (Жития святых) [6], а оттуда были перепечатаны в Риме И. С. Ассемани [7]. Недостоверность перевода, употребленного указанными авторами, вызвала протесты со стороны униатского монаха И. Стебельского (базилианина), опубликовавшего впервые подлинный текст надписи креста латинским шрифтом с переводом на польский язык (1781) [8]. Им же впервые воспроизведена и шестиконечная схема креста, правда, с большими неточностями [9].

---

[1] St. Rostowski, Litvanicarum societatis Yiezu historiarum provincialium, ч. I, Wilnae, стр. 91.

Любопытно, что иезуиты, борясь, очевидно, с популярностью памяти Евфросинии у русских, выдвинули легенду о ее сестре Параскеве, которая якобы ездила в Рим и там умерла в католичестве. Эта подделка была совершена иезуитами, по-видимому, уже в XVI в. Во всяком случае, автор XVI в. С. Ростовский пишет только о Параскеве, которой приписывает постройку Спасского храма.

[2] Полоцкий архиепископ Василий Лужинский, в прошлом ревностный деятель «воссоединения» униатов, возивший крест, оставил интереснейшие воспоминания, в которых немалое место уделяет этой поездке. Он с наивностью описывает, как использовало крест духовенство, чтобы выжать из населения как можно более денег. Крест «обслуживал» молящихся в московском Успенском соборе с 5 часов утра до 10 часов вечера, а по ночам его развозили «по домам чиноначалий, вельмож, князей, графов и богатых купцов» для водосвятия. Далее Василий рассказывает с огорчением, какие огромные суммы были получены и как его обманули служители Успенского и Архангельского соборов, взяв всю выручку в пользу своих церквей, что, правда, не мешало ему собрать 4000 руб. ассигнациями (См. Василий Лужинский. Записки. Православный собеседник. Казань, 1885, июнь, стр. 239—241). Впрочем, как выясняется из не менее интересных мемуаров архиепископа Саввы, сменившего В. Лужинского в 1866 г., этот последний сам оказался недостаточно чист на руку (См. Савва, архиепископ Тверской и Кашинский. Хроника моей жизни, т. III. Троице-Сергиевская лавра, год неизвестен, стр. 505—506, примечание).

[3] Помнік стараджытнага мастацтва, Савецка Беларусь, Менск, 1928, № 166.

[4] В 1954 г. поиски креста в пределах Белоруссии были предприняты Н. Н. Померанцевым, но безуспешно.

[5] J. Kulczyński. Specimen Ecclesice Ruthenice. Roma, 1733, стр. 49. Известно, что этот же текст повторен в его посмертной книжке (Menologium Basilianskie. Wilno, 1771, II), но ее достать не удалось.

Для польских католических авторов XVIII в. весьма характерно было смешивать имена Евфросинии и Параскевы, так как относительно последней было «известно», что она умерла в Риме и, следовательно, была католичкой. См. труды Вьюк-Кояловича, Ольшевского, И. Кульчинского, Стебельского и т. д.

Как справедливо предполагали К. А. Говорский (Жизнь преподобной княжны Полоцкой св. Евфросинии. Вестник Юго-Запад. и Зап. России, 1863, кн. XI, стр. 41) и А. П. Сапунов (Древности Спасо-Евфросиниевского девичьего монастыря, Полоцкие Епархиальные Ведомости, 1885, стр. 327), эти ученые смешивали два имени Параскевы — сестры Евфросинии и мученицы Параскевы-Иконийской, дочери сенатора Пуденса, умершей, по словам христианской легенды, в Риме в 164 г. Любопытно, что другой иезуит, Почаковский, отметает Евфросинию и знает только одну Параскеву (См. J. Poszakowski. Kalendarz pszeswietnich dam. Wilna, 1741).

[6] Paperbrochium. Ephemerides Greco-Moscae. Acta Sanctorum, mensis Oktober, Venetiis, стр. XXVIII.

[7] I. S. Assemani. Kalendaria Ecclesiae universae, т. V, Romae, 1755, стр. 288—290.

[8] J. Stebelski. Dwa wielkia swiatła na horizoncie Polozkim. Wilno, 1781, стр. 121—122.

[9] Там же, стр. 126, примечание. К концам креста добавлены расширения, приближающие его к западным формам, которых в действительности на предмете нет.

Первое русское известие о кресте Евфросинии появилось в 1822 г. в исследовании П. И. Кеппена о русских древностях, где надпись приводилась русским шрифтом [1]. Крест и надпись впервые были опубликованы через 19 лет, в 1841 г. (литографированный рисунок) [2]. Осенью этого же года было напечатано тем же автором новое литографическое изображение креста, композиционно зависящее от первого, но значительно исправленное по оригиналу, привезенному, как сказано, в Петербург полоцким епископом Василием Лужинским [3]. С тех пор крест Лазаря Богши начал весьма часто упоминаться. Приводился текст надписи, воспроизводилось и его изображение всегда по второму изданию 1841 г. [4] Особенно много изображений креста выпустили витебские и полоцкие местные издания, многократно использовавшие одно и то же клише [5].

Новое изображение креста Лазаря Богши появилось лишь в 1890 г., когда П. Н. Батюшковым была издана трехцветная хромолитография [6]. Это единственное изображение в цвете. Указание автора, что оно рисовано с натуры и по фотографии, несмотря на очень плохое и мелкое воспроизведение (что отмечал в свое время уже Н. П. Кондаков) [7], делает его весьма ценным.

---

[1] П. И. Кеппен. Список руским памятникам. М., 1822, стр. 9, 42—43.

[2] Святыня города Полоцка: церковь св. Спаса и крест преподобной Евфросиньи. ЖМНПр, СПб., 1841, ч. XXIX, вып. VII, № 1.

[3] Исторические сведения о жизни преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой. СПб., 1841, стр. IV—V (литографированное изображение креста с обеих сторон и надписи на отдельном листе).

В этом же году вышло еще одно довольно полное и подробное описание креста в «СПб. Ведомостях», 1841, № 213 (раздел — внутренние известия). Следует думать, что автором обеих статей 1841 г. («Святыня г. Полоцка...» и «Исторические сведения...») был П. И. Кеппен; ему же, очевидно, принадлежит и зарисовка креста Евфросинии, сделанная «за 25 лет пред сим» для издаваемой им книги «Список русским памятникам». Автор сам указывает в этой книге, что он был в Полоцке (стр. 44, примечание). К тому же известно, что в 1819 г. он ревизовал почтовые станции Белоруссии (см. «К столетнему юбилею рождения П. И. Кеппена». Русская старина. СПб., 1893, апрель-июнь, стр. 90) и 19 мая этого года вместе с И. А. Гаражиевым, работавшим над историей Полоцкой земли (не опубликована), осмотрел и срисовал Оршанский (так называемый Рогволодов) камень. (Тр. I АС, т. I, М., 1871, стр. XXII). Указывая, что крест им был зарисован «25 лет пред сим», П. И. Кеппен, по-видимому, округлил цифру: он был в Полоцке не 25, а 22 года назад. Поспешный отъезд за границу не позволил ему во-время выслать рисунки К. Ф. Калайдовичу, кончавшему за него издание «Списка», и книга вышла без иллюстраций (См. «Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке». Сборник статей, читанных в ОРЯС, СПб., 1873, стр. 44—45). Авторство статей о кресте Евфросинии 1841 г. было скрыто П. И. Кеппеном, очевидно, потому, что он не мог не видеть палеографической слабости своей зарисовки 1819 г. Известно, что митрополит Евгений очень резко отзывался о палеографических сведениях П. И Кеппена в 20-х годах (См. «Переписку А. Х. Востокова...». Письмо к нему Евгения от 19 дек. 1821 г.).

[4] Единственный случай ссылки на первое издание 1841 г. находим у И. Е. Забелина (Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России, ЗРАО, т. VI, СПб., 1853, стр. 297). В конце настоящей статьи дается относительно полная библиография креста Евфросинии, так как известная библиография А. С. Орлова (Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952, стр. 28—29, 220) не полна (дано только 15 названий) и не точна, например, в указанном А. С. Орловым сочинении П. Н. Батюшкова «Памятники русской старины...» о кресте нет ни слова, что ввело в заблуждение С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова (См. С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. 1, М., 1952, стр. 35).

[5] А. Сапунов. Спасо-Евфросиниевский монастырь в Полоцке. Полоцкие Епархиальные Ведомости, 1885, № 8-10; его же, Житие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой. Витебск, 1887 (отд. лист); М. Дубровский. Житие Евфросинии Полоцкой. Полоцк, 1887 (отд. лист); А. Сапунов. Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь. Витебск, 1888 (отд. лист); его же, Материалы для истории Полоцкой епархии, Витебская старина, т. V, № 2, Витебск, 1888 (отд. лист). А. М. Сементовский имел, по-видимому, свое собственное клише (А. М. Сементовский. Памятники старины Витебской губернии. СПб., 1867, стр. 69—73; его же, Белорусские древности. СПб., 1890, стр. 122—125, рис. 73, 74, 125).

[6] П. Н. Батюшков, Белоруссия и Литва, СПб., 1890. Объяснение к рисункам, стр. 29.

[7] Н. П. Кондаков. История византийской эмали. Собрание Звенигородцева. СПб., 1889—1892, стр. 161.

После этого изображение креста было издано в 1899 г. в известном труде И. И. Толстого и Н. П. Кондакова, где предмет воспроизводился снова по второму изданию 1841 г.[1]. О кресте много писали в 1910 г. в связи с перенесением мощей Евфросинии в Полоцк[2], затем упомянули в 20-х годах XX в. в одном популярном местном издании[3] и после небольшого сообщения в местной газете о передаче креста минскому музею о кресте Лазаря Богши, если не считать учебных изданий[4], надолго забыли. Б. А. Рыбаков кратко упомянул его в своей монографии о древнерусском ремесле; однако отсутствие сколько-нибудь удовлетворительных изображений не позволило и этому автору использовать изделие полностью[5]. Последнее упоминание о кресте Лазаря Богши находим у французского искусствоведа А. Фролова, который использует его для восстановления шестиконечного креста-реликвария византийской работы XIII в., описанного в XIV в. и хранящегося в Ватиканской библиотеке. Крест Богши воспроизводится по И. И. Толстому и Н. П. Кондакову и неверно датируется 1151 годом[6].

2

Приступая к изучению креста Лазаря Богши, мы первоначально столкнулись с рядом значительных трудностей, так как оригинал, как сказано, не сохранился, а фотографии оставались неизвестными. Считалось, что рисунок Н. Н. Менцова, сделанный более ста лет назад, представляет единственно достоверное изображение предмета, что заставило нас провести большую работу по проверке его достоверности. Однако специально предпринятые нами розыски в архиве ЛОИИМК АН СССР значительно облегчили задачу. Изучая архив И. А. Шляпкина, готовившего некогда большой корпус русских надписей, нам удалось обнаружить среди 19 негативов, снятых в Полоцке фотографом И. Ф. Чистяковым в 1896 г., ряд негативов, воспроизводящих крест Евфросинии в различных ракурсах и предназначавшихся, как это видно из описи, для работы И. А. Шляпкина о древнерусских крестах (фонд № 20465-72; 6743-53). Таким образом, благодаря обнаруженным негативам погибший памятник древнерусского прикладного искусства не пропал для науки и может быть полностью опубликован (рис. 1 и сл.).

Прежде всего следует поставить вопрос: можно ли доверять дате, проставленной на кресте, и не является ли предмет более поздней подделкой? Обратимся к палеографии надписей.

Если рисунки креста 1816 и 1841 гг. были, как указывалось, неточны, то фотографии И. А. Шляпкина, которыми мы теперь располагаем, дают исчерпывающий материал в этом направлении. Проследим все признаки начерка надписей изделия.

Надпись на пластинках креста по своим палеографическим признакам весьма характерна для первой половины XII в., и особенно для его середины. Общий характер ее ближе всего к Галицкому Евангелию 1144 г.,

---

[1] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1899, вып. VI, стр. 169.

[2] См. библиографию, № 45, также № 42—44.

[3] Общие географические, этнографические, экономические и политические предпосылки советского строительства в Полоцком округе. Полотчина. Полоцк, 1925, стр. 13. (Ошибочно указаны имена: «Лаюд Богша», «Всеслав Изяславич», «Флавиан Гребницкий» и др.)

[4] С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка. Л., 1938, стр. 28. Весьма кратко крест упоминался еще в книге К. Шитила. См. K. Chitil. Kříž zwany Zavisov. Praha, 1930, стр. 51.

[5] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 389, 435, 512; его же. Ремесло. Сб. «История культуры древней Руси», т. I, М.—Л., 1948, стр. 175.

[6] A. Frolow. Une staurothèque byzantine décrite dans le cod. vat. gr. 644. Cahiers archéologiques, VIII, Paris, 1956, стр. 238, 243, рис. 4.

также происходящему из западнорусских земель и, как считает М. В. Щепкина, к Новгородским Минеям XII в.[1]. К XI в. не позволяет отнести ее не только форма очертаний отдельных букв, но и характер их в целом, так как буквы того времени изображались более квадратными (см., например, Остромирово евангелие 1057 г. и др.).

Рассмотрим характер начертаний отдельных букв надписи. Буква **к** креста Евфросинии пишется очень сходно с написанием ее в Архангельском (1092) и Галицком (1144) евангелиях[2], весьма просто и такой же величины, как и остальные буквы, а соединительная черта сливается с язычком **є** (рис. 2, 3, 6, 7; рис. 8, пластины № 2, 6, 13, 15), то же можно сказать и про **ю**, также совпадающее с указанными рукописями (Добрилово Евангелие 1164 г. имеет **ю** уже несколько иное, несмотря на то, что от нашей надписи его отделяют всего 23 года). Буква **ж**, надписи на кресте соответствует среди восьми разновременных **ж**, предложенных А. И. Соболевским, только той рукописи, которая ближе всего к нему по времени,— Галицкому евангелию. Буква «ч» написана в виде чаши или кубка, что характерно для древнейших рукописей до XIII в. Из десяти разновременных «ч», приведенных А. И. Соболевским, ближе всего к надписи креста Юрьевское (начало XII в.) и Галицкое евангелия. С Юрьевским же евангелием совпадает и написание **з**, хвост которого выходит за пределы строки, несколько отклоняясь назад (написание этой буквы в Галицком евангелии автор не приводит). Цифра «6» в нашей надписи написана не в виде буквы **ѕ**, что характерно для XI в. (Остромирово евангелие 1057 г., Изборник Святослава 1073 г.), а так, как она писалась в рукописях XII в. и в Архангельском евангелии 1092 г.,— в виде современного скорописного «*г*». Буква **ъ**, не доходящяя до строки, характерна для XII в., так же как и **ѣ** написанное без уступов. Весьма типичны также для XII в. **ь**, **оѵ** написанные равным образом как в начале, так и в середине или конце слова; **а**, петля которого достаточно крупных размеров и не острая, как в XI в., и с характерным навершием. Начертание **и** с косой перекладиной, не доходящей до концов мачт,— черта, характерная, как известно, для конца XII — начала XIII в., однако оно встречается и в Изборнике Святослава 1073 г. Среди других характерных признаков надписи креста отметим употребление **ъ** на переносе, сравнительно малое количество лигатур и т. д.

Таким образом, приведенные соображения отметают сомнения в подлинности креста Лазаря Богши, а его точная дата (1161) ставит предмет в число перворазрядных ценностей в истории культуры древней Руси.

Обратимся к непосредственному изучению древней реликвии.

Крест Лазаря Богши — напрестольный шестиконечный, длиной 51 *см*, верхнее перекрестье — 14 *см*, нижнее — 21 *см*. Его основа была сделана из дерева[3], на которое были набиты серебряные, позолоченные и золотые пластины. Лицевая сторона креста имела девять прямоугольных, две фигурных (центральные) пластинки и два небольших креста, набитые в центре средокрестий (один — четырехконечный, другой — шестиконечный). Обратная сторона также имела девять прямоугольных пластинок (одна в верхнем перекрестье, позднее была утеряна) и две фигурных. Все пластины лицевой и обратной сторон были золотыми. Боковые пластины, не показанные на предыдущих зарисовках креста, но отчетливо видимые на фотографиях (с негативов И. А. Шляпкина), были сделаны с таким рас-

---

[1] Приношу благодарность М. В. Щепкиной за весьма полезные указания.

[2] Разбирая палеографию надписи креста, мы пользовались главным образом книгой А. И. Соболевского «Славянорусская палеография», СПб., 1908, стр. 47 и сл.

[3] По свидетельству одной статьи «С.-Петербургских Ведомостей», крест сделан из кипариса (Э. Эвальд. Полоцкая старина. «СПб. Ведомости», 1854, № 229), что вполне возможно, так как остатки его очень часто встречаются в древних слоях Новгорода. Его привозили с Кавказа и, судя по раскопкам в Новгороде, из него делали главным образом нательные крестики, иконки, а также гребенки.

четом, что их края загибались на лицевую и обратную сторону креста и были подогнаны под соответствующие пластины этих сторон. Сделаны они были из позолоченного серебра [1]. Первоначально все пластины крепились аккуратно небольшими гвоздиками, но позднее, при ремонте креста, гвозди разной величины забивались часто в новые места, вследствие чего в старых местах оставались зияющие отверстия, как, например, на левой верхней эмали нижнего средокрестия обратной стороны — (рис. 5, *5*) над буквой «ѡ» в слове «ѡфросинья» боковой надписи (рис. 3) и т. д.

Крест, сделанный мастером Лазарем, не имел гравированных орнаментов. Все пластины его плоских сторон украшены тонкими эмалями, представляющими изображения святых, круглые, квадратные, треугольные пальметки и т. д. Кроме эмалей, золотые пластины лицевой стороны креста имеют еще восемь сквозных овальных отверстий для больших драгоценных камней. По свидетельству видевших крест в натуре, столько же мелких драгоценных камней находилось и «по углам маленьких крестов, лежащих над частями Честного Древа» [2], однако на изображениях они не видны. Золотые пластины обратной стороны креста имеют четыре прямоугольных выреза для вставки мощей.

Средокрестья лицевой стороны креста украшены небольшими пластинчатыми крестиками, орнаментированными мелкими отверстиями. Крест верхнего средокрестия меньше и имеет четырехконечную форму, крест нижнего средокрестия больше, украшен и имеет шестиконечную форму.

Лицевая и обратная стороны креста имеют следующие эмали.

Лицевая сторона (рис. 4, *1—11*). Ее фигуры образуют так называемый большой или расширенный деисус. Иисус Христос, судя по изображению художника Брукса [3], в зеленом хитоне (рис. 4, *3*), Божия матерь в синем хитоне с зеленым нимбом и руками, адоративно обращенными внутрь креста к верхнему средокрестию, Иоанн Креститель в синем хитоне с лопаткообразной бородой и руками, также обращенными к средокрестию (рис. 4, *5*), четыре евангелиста в синих одеждах с руками, обращенными также к центру креста (рис. 4, *8*). Архангелы Михаил и Гавриил в зеленых хитонах с синими нимбами (рис. 4, *6, 7*). Первый несколько женоподобен и не имеет растительности на лице, второй — с бородой. Михаил держит в руках жезл. Следующие три нижние пластины креста, расположенные по его нижнему стволу, изображают святых, имеющих, по-видимому, непосредственное отношение к семейству заказчицы предмета — Евфросинии: на верхней пластине было изображение св. Евфросинии Александрийской, от которого осталось лишь несколько перегородочек от хитона (рис. 4, *11*), имя этой святой приняла полоцкая княжна при постриженьи; на средней — св. Георгий в воинской одежде с четырехконечным крестом в руках и с небольшой диадемой на голове (рис. 4, *10*); на нижней — св. София в синем хитоне с красным четырехконечным крестом в руке (рис. 4, *9*). По аналогии с предыдущими пластинами следует думать, что эта святая была «патронессой» матери Евфросинии.

В эмалевой технике выполнены четыре надписи верхнего средокрестья (Ис. Хс, НИКА), а также орнаментальные розетки. Если верить плохому воспроизведению П. Н. Батюшковым акварели Брукса, в этих украшениях преобладали тона синие, белые, красные и зеленые.

Обратная сторона (рис. 5, *1—10*). Здесь изображены основатели православия: Иоанн Златоуст с шестиконечным крестом и евангелием в руках (рис. 5, *2*), Василий Великий также с евангелием (рис. 5.

---

[1] П. Н. Батюшков. Белоруссия..., стр. 40.

[2] Там же, стр. 41 (Автор почти полностью перепечатывает описание креста, сделанное М. Дубровским. См. Библиографию креста, № 8).

[3] П. Н. Батюшков. Белоруссия..., вклейка.

1); симметричное с ним изображение Григория Богослова вместе со всей прямоугольной пластиной отсутствует. На рисунке Н. Н. Менцова 1841 г. в этом месте показан кусок материи. На фотографии Н. Ф. Чистякова 1896 г. видна новая штампованная пластина, композиционно повторяющая пластину Василия. Ремонт креста, по-видимому, был произведен во второй половине XIX в. К этому времени, очевидно, относится и пластина верхнего средокрестия, прикрывающая части гроба Богородицы. Совершенно не сохранились изображения Петра и Павла на пластинах нижней перекладины креста (рис. 5, *6, 7*). Нижний ствол креста, подобно лицевой стороне, содержал три золотых пластины, на которых были эмалевые изображения святых Стефана, Димитрия и Пантелеймона (рис. 5, *8, 9, 10*). Выбор этих святых, по-видимому зависел, от тех мощей, которые удалось достать [1]. У Стефана лик и нимб не сохранились, сохранилась лишь одежда и руки, одна из которых держала свиток. Несколько лучше сохранился Димитрий с четырехконечным крестом в правой руке. Изображение Пантелеймона утеряло нимб и верхнюю часть лика. Хорошо виден хитон и ковчежец в руках святого.

Обратная сторона креста Лазаря Богши имеет больше орнаментальных эмалей, чем лицевая, где значительное место занимают драгоценные камни. Одна из пластин (между средокрестиями) целиком состоит из эмалевых крестообразных пальметок (рис. 5, *3*). Однако здесь эмаль располагается только по верхней части креста. На нижнем стволе эмали отсутствуют (орнаментальные мотивы эмалей креста рассматриваются ниже).

Эмали креста Лазаря Богши имеют одну особенность, сильно отличающую их от остальных древнерусских предметов с эмалью.

Еще Н. П. Кондаков, как известно, считал, что большинство предметов с эмалями XII — XIII вв., дошедших до наших дней, являются сборными и украшены эмалями, снятыми с более древних, обветшавших вещей. Б. А. Рыбаков высказал мысль, что эмали Мстиславова евангелия (1117) первоначально были сделаны для диадемы [2]. Ценность описываемого креста заключается еще и в том, что его эмали выполнены не на отдельных пластинках, прикрепленных затем к предмету, а непосредственно на самих пластинках креста и, следовательно, сделаны по специальному заказу для этого предмета. Есть отличия и в самих изображениях, где больше чувствуется отход канонов и схемы, чем в окладе указанного евангелия. Аналогии эмалям креста Евфросинии скорее можно найти в кладах древней Руси, принадлежность основных вещей которых к русскому искусству не вызывает сомнения [3].

Орнаменты креста также находят здесь аналогии. Еще один важный элемент сходства эмалей креста с эмалями мелких ювелирных изделий русских кладов заключается в указанном способе напаивания перегородок для эмалей не на отдельной пластинке, которая затем прикреплялась к предмету, а на пластинке самого предмета.

Известно, что эмали Мстиславова евангелия делались в Византии, где «учинихъ химипеть», в Киеве же «исправих все злато и серебро и драгый камень». Эмали пластин креста Евфросинии с русскими надписями

---

[1] Многие реликвии — мощи, которыми располагала Евфросиния, могли к ней почасть непосредственно из Византии, так как полоцкая княжна, как известно, была в родственных отношениях с Мануилом Комнином, и известно, что она получала от него подарки (икона, написанная, по преданию, евангелистом Лукой).

[2] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. Сб. «История культуры древней Руси», стр. 424—425, рис. 208.

[3] Например, мотив орнамента, расположенный в трапеции над головой св. Георгия, находит аналогии в крайних пластинках той же диадемы, на серьге киевского клада 1876 г., на колтах из собрания Балашова, даже на одном браслете из раскопок кургана под Гдовом (См. А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. СПб., 1903, табл. XXV). Уже отмечено полное совпадение некоторых элементов орнаментов и креста, и гривны Каменнобродского клада.

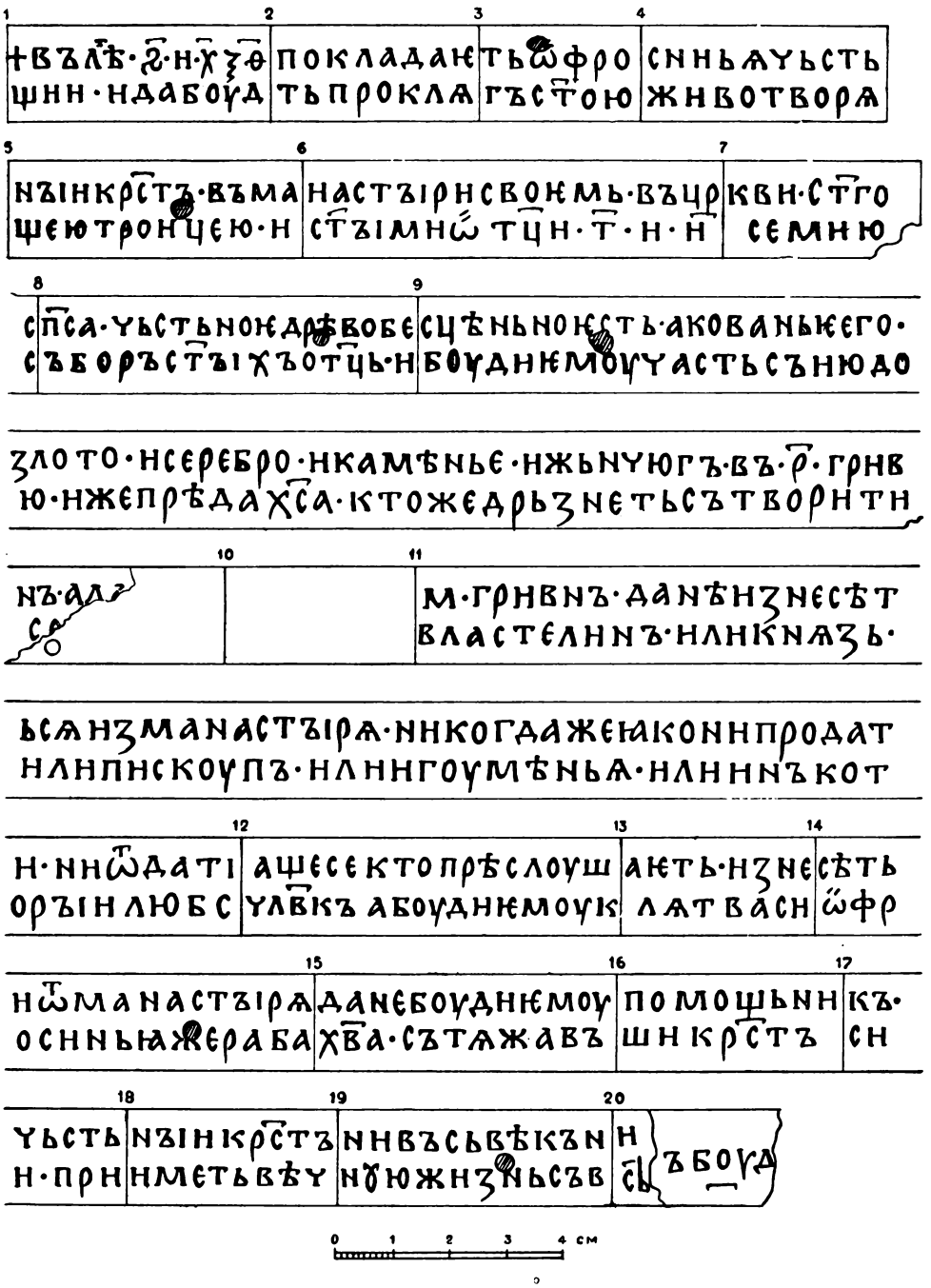


Рис. 8. Крест Лазаря Богши 1161 г.
(прорись надписей боковых сторон)

и русской подписью мастера Лазаря (см. ниже), очевидно, делались одним ювелиром, привыкшим к выработке мелких ювелирных изделий, подобных тем, которые находят в древнерусских кладах[1].

[1] Этой техникой делались только мелкие ювелирные светские вещи, например, колты из Владимирского клада 1865 г. (см. И. Толстой и Н. Кондаков. Ук. соч., т. V, рис. 156), из Рязанского клада 1868 г. (там же, рис. 160), Киевского клада из усадьбы Есикорского (там же, рис. 185—186), диадема Киевского клада 1889 г. (см. Н. Кондаков. Русские клады, табл. VIII) и т. д.

Обратимся к надписям, имеющимся на кресте (рис. 8).

Лицевая сторона (рис. 4) у верхней эмали: іс, Хс (рис. 4, *3*), на верхнем перекрестье: кровь хва, монограммы Христа, іс, хс, ни; (рис. 4, *1*); на нижнем перекрестье: (а) іѡ, (а) Матѳеос, (а) Лꙋкас; (а) Маркос, + дрѣво живот ьноѥ; на нижней части креста: нагіа Єфросин; (а) Георгиос, нагіа Софиа.

Обратная сторона (рис. 5) у верхней эмали: (а) іѡжстом, Василии; на верхнем перекрестье + ѿ гроба прѣсвятыя Богородица; на нижнем перекрестье: (а) Петрос + гроб господьнь, (а) Павлос; на нижней части креста: Дмитрио + кровь стого Дьмитриа; (а) Стефанъ + моще свтого Стефана, а Пантелеимон (+ мощѣ свтго Пантелеимона).

Боковые стороны (надпись идет по спирали в два ряда: (рис. 2—4, 6, 7) «В лъто 6669 (1161) покладаеть Офросинья чьстьный крест въманастыри своемъ въ церкви святаго Спаса. Чьстьное дрѣвобесцѣ ньноесть, а кованье его злато и серебро и камѣнье и женчугъ въ 100 гривнъ а... (пропуск.—Л. А.) 40 гривнъ. Да не изнесѣться из манастыря никогда же яко ни продати ни отдати аще се кто прѣслоушаеть изнесѣть и от манастыря да не буди емоу помощьникъ чьстный крест ни вѣсь вѣк, ни в боуд . . . щий и да будть проклятъ святою животворящею тройцею и святыми отци Т и семию събор святых отець и буди емоу часть съ Июдою иже прѣда Христа кто же дрьзнеть сътворити с . . . . . властелинъ или князь или пискупъ или игумѣенья или инъ который любо человек а боуди емоу клятва си. Офросинья же раба Христова сътяжавши крестъ сий, прииметь вѣчную жизнь съ всѣ . . . и с(вятыми)». (Конец не сохранился).

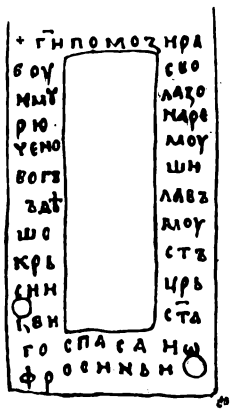


Рис. 9. Крест Лазаря Богши 1161 г. (прорись текста с именем мастера)

Особенно важным является текст, расположенный внизу обратной стороны креста (5, *10, 9*): «ги (под титлом) помози рабоу своемоу Лазорю, нареченному Богъши, съделавъшемоу крьстъ сии црькви стаго (под титлом) Спаса и Офросиньи». Надпись эта, выдержанная в распространенной в древности форме «Господи, помози...», сообщает нам мирское и христинское имя древнего ювелира, выполнившего это высокохудожественное изделие.

К сожалению, надписи креста почти не исследованы языковедами[1]. Лишь С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов отмечали употребление «ѡ» в слове «ѡфросинья» — характерная общерусская форма того времени по огласовке начального слова. «Камѣнье» — отражение «е» в виде «ѣ» перед слогом с изчезнувшим редуцированным гласным[2] — что так же характерно.

Языковых явлений, могущих быть связанными с какой-либо территорией, в надписях креста почти нет. Исключение — «злото», которое указывает на близость к польскому языку, и «пискуп» — форма, характерная для западнорусских памятников.

Обратимся к смысловой стороне боковой надписи креста. Здесь отражено четыре момента: сообщение о времени вложения креста, о его цене, заклятие против отчуждения и «похвальное слово» заказчице-княжне.

---

[1] Пользуюсь случаем принести благодарность С. В. Бромлей, любезно взявшей на себя труд по рассмотрению диалектизмов надписи.

[2] С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Ук. соч., стр. 28. По мнению С. В. Бромлей, последнее явление может быть связано с каким-то южнорусским влиянием. Для возникшего позднее украинского языка стало характерным явление: «е» в слоге перед следующим редуцированным гласным переходило в «ѣ», удлинялось. Однако говорить об этом твердо она не находит возможным. Загадочным явлением для специалистов, по свидетельству С. В. Бромлей, является и форма «Мощѣ», вместо «Мощи», употребленная на реверсе креста дважды. Объяснения этому пока найти не удалось.

В целом надпись, как и все изделие, преследовала цель прославления Евфросинии, с чем было связано стремление сохранить его навечно.

Наиболее пристального внимания заслуживает центральная часть текста, где сообщается цена отдельных работ, вложенных в изделие. Нет сомнения, что цена эта в древности представлялась необычайно высокой, иначе ее не имело бы смысла помещать на кресте и «уравновешивать» обширным и многословным заклятием. Описание ценности креста начинается с самого ценного, с точки зрения древнего религиозного человека,— с части древа от «гроба Господня», которое «бесценно есть». Далее сообщается, что «кованье», золото, серебро, драгоценные камни и жемчуг, заключающиеся в кресте, сто́ят 100 гривен, а еще какие-то материалы или что-либо другое — 40 гривен (в этом месте пластинка испорчена, так как расположена в той части креста, где его держали рукой). Вместе с тем, как это будет показано ниже, данная часть надписи особенно важна, что заставляет нас отнестись к ней с особым вниманием.

Б. А. Рыбаков выдвинул гипотезу, что 40 гривен были платой мастеру в виде гонорара, так как в первой половине фразы перечислен весь «материал, пошедший на изготовление креста» [1]. Последнее не совсем точно: в тексте отсутствует упоминание об эмали (финифти), правда, ее цена могла войти в цену «кованья» или, скорее, «злата», так как эмаль сделана на месте (см. ниже).

Мы просмотрели все публикации надписи креста Лазаря Богши, обращая особое внимание на более ранние издания, так как могло оказаться, что в то время крест находился в несколько лучшей сохранности. Опуская вольный перевод И. Кульчинского, мы обратили внимание на чтение надписи И. Стебельским, впервые опубликовавшим, как указывалось, ее в своей книге. Интересующее нас место этот автор читал: «а до ... 40 гривен» [2]. Однако П. И. Кеппен, видевший надпись почти через сорок лет после И. Стебельского, воспроизводил ее по-другому: «а др ... 40 гривен» [3], что несколько неожиданно, так как трудно поверить, чтобы столь ясную надпись И. Стебельский прочитал неправильно. Остается заключить, что излом рассматриваемой пластинки (№ 9) в то время, когда авторы видели этот крест (конец XVIII — первая половина XIX в.) уже касался обеих букв, что и объясняет различие в чтениях. Прорись надписи 1841 г. показывает, что в это время сохранялись лишь верхние части каких-то (или какой-то) букв. Остатки первого знака очень мало походят на «д», которые пытались восстановить названные авторы, так как все другие «д» в надписи имеют иное начертание (верхняя часть — в виде равнобедренного треугольника, чего здесь явно нет).

Фрагменты букв, сохранившиеся возле излома рассматриваемой пластины, имеют вид: первая «д» или «л», вторая, несмотря на крайне плохую сохранность, может быть определена как «а» (только «а» надписей креста имеют вверху хвостик влево). Что могла выражать несохранившаяся часть надписи? Прежде всего, можно отметить, что предложенное чтение этого места как «а др ...», («другое»?), безусловно, неверно, так как последняя буква не «р», а «а». Очень заманчиво казалось бы принять чтение, предложенное Б. А. Рыбаковым в личной беседе как «лаженье», что возвращало бы нас к предположению о цене работы [4]. Как бы то ни было, пластина, расположенная на нижнем торце креста и разделявшая

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 512.

[2] J. Stebelski. Dwa wielkia..., стр. 121.

[3] П. Кеппен, Список..., стр. 43. Это же чтение предложено (им же?) в «Святыня города Полоцка...», отд. лист. Это же чтение мы находим и у М. Дубровского, писавшего после 1841 г. и произвольно изменившего, как сказано, всю древнюю графику и даже правописание (см. библиографию креста, № 26).

[4] Против чтения, предложенного Б. А. Рыбаковым, вероятно, свидетельствует общий вид сохранившейся части первой буквы, которая скорее напоминает букву «д», чем «л».

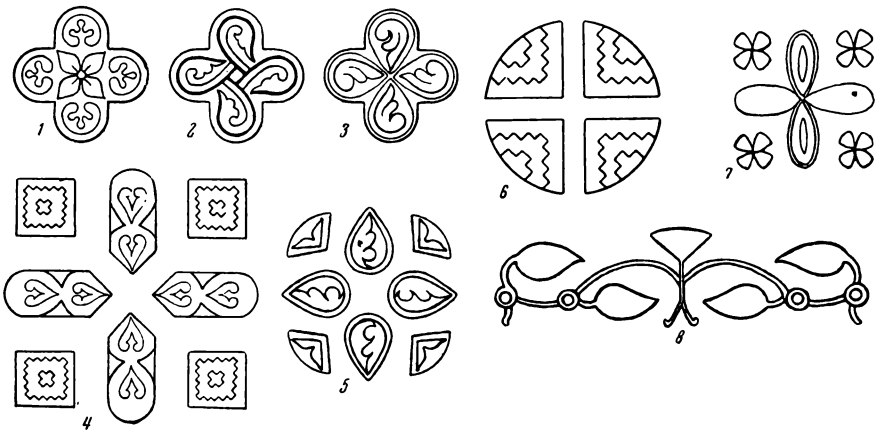


Рис. 10. Крест Лазаря Богши 1161 г. (орнаменты)

текст на две части, очевидно, надписи не имела, о чем свидетельствует полная сохранность смысла второй строки боковых сторон креста [1].

Что касается самого текста, то перед нами заклятье — форма, употреблявшаяся в древней Руси во вкладных грамотах церквям и монастырям. Рассмотрение этой формы заклятья в письменных памятниках Новгорода, Пскова и Полоцка привело нас к наблюдению, что она употреблялась, главным образом, в домонгольское время [2].

Есть сведения о распространении, правда, в несколько более позднее время, подобных заклятий и в самом Полоцке [3]. Заклятье от воровства писалось в древней Руси и просто на предметах. Так, при раскопках К. Мусьянович в Дрогичине была найдена рукоять ножа с надписью: «Ежъковъ ножъ, а иже и украдет — прокляту бу ...[дет]» (XII—XIII вв.) [4].

Если рассматриваемая форма заклятья в Полотчине сохранялась довольно долго, то в Новгородской земле она существовала только в домонгольское время [5].

Итак, форма заклятия, употребленная Евфросинией на заказанном ею кресте, представляется обычной для всех вкладных грамот древней

---

[1] По любезному свидетельству Т. В. Николаевой, в хранилище музея Троицко-Сергиевской лавры имеется большое количество напрестольных крестов более позднего времени с надписями на боковых сторонах; ни один из этих крестов надписи на торцовой стороне не имеет. Таковы два креста XV в., сделанные Амвросием (фонд № 18473 и № 53) и кресты XVII в.— вклад архимандрита Дионисия (фонд № 286, 287) и др.

[2] В духовной Антония Римлянина (не позднее 1147 г.) находим текст: «Аще сию грамоту хто преступить, да будетъ проклятъ треми сты (300) святыхъ отецъ и осьмьюнадесятъ и буди ему со Июдою причастье» (Грамоты великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, стр. 160). В грамоте Варлаама Спасо-Хутынскому монастырю на земле с угодьями (около 1192): «Аще кто дияволъмь (науч)енъ и злыми (человъкы наваженъ цьто) хочеть отъяти, от нивъ ли, от пожьнь ли или от ловищь, а буди ему противе(нъ) святый Спас...» (там же, стр. 162). Круг надписей, подтверждающих заклятье или противоречащих ему, может быть расширен за счет русских монет XIV—XV вв. Однако это составляет область специального исследования.

[3] В Погодинском собрании (№ 12) Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится рукописное евангелие XIII—XIV вв., принадлежавшее одному из Полоцких монастырей, где вписана неким Иваном Никоновичем вкладная этому монастырю. После описания вклада там расположен следующий текст: «а хто иметь отнимати от святое Троици или вельможа или попъ, иметь продавати да будеть проклят всий векъ и в будущий». Подобная же запись сделана далее в этом же евангелии на вкладной полоцкого князя Андрея Ольгердовича (до 1399 г.). См. А. Сапунов. Витебская старина, т. V, ч. I. Витебск, 1888, стр. 13 и др.

[4] K. Musianowicz. Sprawosdanie z prac wikopaliskowych. Wiadomošti archeologiczne, т. XXII, W., 1955, стр. 344.

[5] В XIV и XV вв. там появилась новая форма, целиком вытеснившая старую. Вместо проклятья появилась угроза страшного суда: «А хто заложит игуменъ или попъ дасть отвѣт передъ богомъ в день страшного суда» и т. д. (Грамоты..., стр. 198; ср. также стр. 242, 247, 248, 251 и др.).

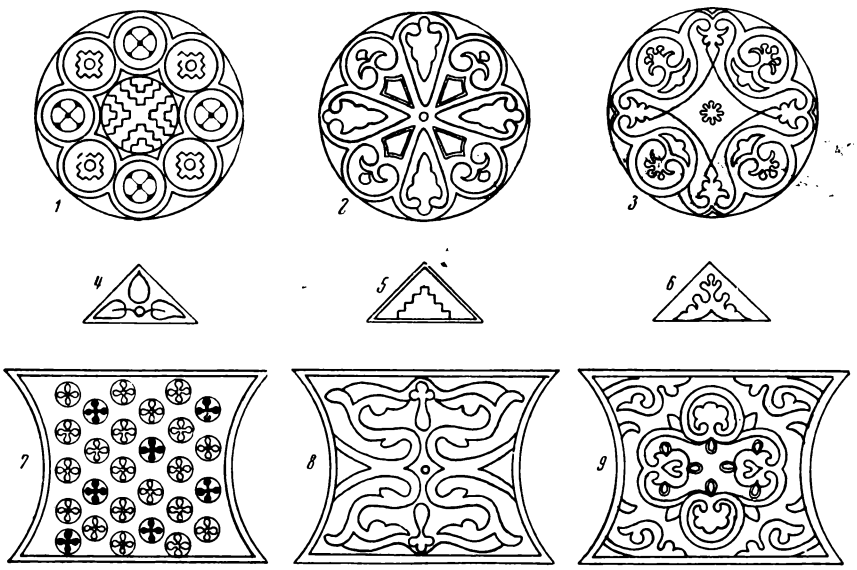


Рис. 11. Крест Лазаря Богши 1161 г. (орнаменты)

Руси. Несколько сложная и утяжеленная различными ссылками (например, на семь Вселенских соборов, которые признавала православная церковь) форма заклятия объясняется, по-видимому, необычайной (для Полоцка, во всяком случае) дороговизной вкладываемого предмета и его «церковным» характером (богослужебный реквизит) [1].

Орнаменты креста, приблизительно зарисованные художниками — авторами предшествующих изображений, теперь могут быть подробно рассмотрены благодаря фотографиям. Выполненные в эмалевой технике, все они группируются в 17 разнообразных фигур, представляющих либо круглые крестообразные квадратные и треугольные пальметки (рис. 10, *1—7*, 11, *1—6*), либо своеобразные трапециевидные фигуры с боковыми сторонами, вогнутыми внутрь (рис. 11, *7, 8, 9*), либо довольно натурально выполненный растительный узор (рис. 10, *8*). Каждая пальметка или трапециевидная фигура в свою очередь заполнена самостоятельными орнаментами, состоящими из 15 разнообразных элементов. Здесь прежде всего находим характерный романский крестообразный мотив, встречающийся среди древнерусских предметов на известной гривне из Каменнобродского клада (XIII в.) [2], на дробницах с эмалью поручей митрополита Алексея (XII—XIII вв.) [3] и т. д., и широко известный на Западе [4]. Здесь есть и волютовые элементы, также характерные для романского искусства

---

[1] Расчет заказчицы креста оказался верен. Надпись, по-видимому, действительно играла в свое время большую роль в судьбе изделия, способствуя его сохранению, и крест Евфросинии в числе очень немногочисленных подписных крестов XII в. дошел до нашего времени. Любопытно, что надпись креста о неотчуждении использовали и иезуиты, обосновавшиеся в Евфросиниевском монастыре и требовавшие от базилиан Софии возвращения вывезенного последними креста. Известен даже случай подделки креста иезуитами для тайной замены его в Софийском соборе. Впрочем, воровство не удалось, так как совершивший его монарх-иезуит был задержан на улице. (См. П. Н. Батюшков. Белоруссия..., примечания, стр. 41—42 и др.)

[2] А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XII вв., Л., 1936, табл. IX. (Принимаем датировку этого предмета, предложенную Б. А. Рыбаковым. См. Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 244).

[3] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство..., стр. 426, рис. 210.

[4] Fr. Bock. Karl's des Grossen Pfalzkapelle und ihre Kunstschätze. Cöln und Neuss, 1860, стр. 136, рис. LVI, стр. 100, рис. XLIII, XLIV; P. Haman. Geschichte der Kunst, т. II, Berlin, 1955, стр. 271, № 292.

(рис. 11, *8*), встречающиеся повсеместно на Западе и весьма часто у нас (см., например, орнамент серебряного браслета из Владимирского клада 1896 г. [1], орнамент поручей митрополита Алексея [2] и т. д.). Мотив ступенчатых треугольников был широко распространен в древней Руси. Подобие орнаменту креста Лазаря найдем, например, в древнерусских кладах [3]. Растительный орнамент представлен на кресте двумя мотивами: мотивом распускающегося цветка (рис. 11, *2, 3*), или плодоносящего древа (рис. 11, *9*), также распространенном на Руси [4]. Крины — весьма характерный мотив византийской и древнерусской орнаментики. Орнамент в виде криновидной ели (рис. 11, *2*) встречается в древностях русских городов [5] и в кладах [6].

Как видим, весь орнаментальный декор креста мастера Лазаря был широко распространен на Руси среди городских ювелиров [7]. Искусство мастера, кроме технических приемов, заключалось в компановке разрозненных типов элементов в стройный и насыщенный узор. Обратимся к форме предмета.

Шестиконечная форма креста никогда не являлась господствующей на Руси и употреблялась, как показали наши наблюдения, почти исключительно в домонгольское время [8]. Среди русских древностей к ней принадлежат: крест Авраамия Ростовского (около 1125 г.) [9], крест из ризницы Благовещенского собора в Москве (XII в.) [10], кресты на двух Борисовых камнях, лежащих в Зап. Двине ниже Полоцка, один в 5 *км*, другой — около Друи (XII в.) [11], на камне у с. Камень, б. Вилейского уезда, Виленской губ. [12], на фрагменте листовой медной оковки с изображением крещения (XII в.) [13], на колте и подвеске из Владимирского клада 1837 г. [14], на колте из Черниговского клада 1850 г. [15]. Известен также шестиконечный крест, высеченный на щите резного изображения Георгиевского собора в Юрьеве Польском 1234 г. [16], воздвизальный крест епископа Антония (умер в 1238 г.) [17] и т. д.

---

[1] А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла..., стр. 74, табл. XX, 3.

[2] М. С. Сергеев. Из истории русских эмалей. Среди коллекционеров. М., 1922, № 5-6, стр. 3.

[3] Н. П. Кондаков. Русские клады, стр. 106, рис. 68; стр. 137, рис. 84; стр. 141, рис. 89; А. С. Гущин, Ук. соч., стр. 73; Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.— Л., 1954, табл. XXXVIII, *1*.

[4] Н. П. Кондаков, Русские клады, стр. 102, рис. 60; А. С. Гущин. Ук. соч., табл. XVII, *13*; Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., табл. XIV, *1, 2*.

[5] А. В. Арциховский. Раскопки восточной части дворища в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 171, рис. 11, *8*.

[6] А. С. Гущин. Ук. соч., табл. XVII, *11;* І. М. Самойловский. Новый скарб часі в Київскої Русі. Археологія, т. VI. Київ, 1952, стр. 124; Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., табл. XLVII, *7*, XLIX, *11* и др.

[7] Среди известных древнерусских вещей по орнаментам ближе всего к кресту Лазаря — цепь из клада у с. Сахновка, зарытого, по предположению Г. Ф. Корзухиной, между 70-ми годами XII в. и 1240 г. (Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 105, 131, табл. LII.)

[8] Более продолжительное время шестиконечные кресты, как известно, держались на некоторых древнерусских печатях. См., например, В. Л. Янин. Печати наместников новоторжских. СА, XIX, 1954, стр. 289—290.

[9] М. Толстой. Древние святыни Ростова Великого. ЧОИДР, № 2, М., 1847, стр. 84 и табл. № 2.

[10] Г. Ф. Ф (илимонов). К протоколу XVIII, § 7, Вестник Об-ва древнерусского искусства при Московск. публич. музее. М., 1875, № 6—10, Приложение к протоколам, Официальный отдел, стр. 50.

[11] А. М. Сементовский. Белорусские древности. СПб., 1890, стр. 97.

[12] А. Сапунов и кн. В. Друцкий-Любецкий. Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губ. Витебск, 1896, стр. 196.

[13] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. М., 1955, стр. 141.

[14] А. С. Гущин. Ук. соч., стр. 70, рис. 26 и 27.

[15] Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., табл. LVII, 7.

[16] А. А. Бобринский. Резной камень в России. М., 1916. табл. 37.

[17] Н. В. Покровский. Древняя ризница Новгородского Софийского собора. Тр. XV АС, т. I, М., 1914, стр. 64—65, табл. VI, *1*.

Рис. 12. Шестиконечный крест 1495 г. из Смоленской земли

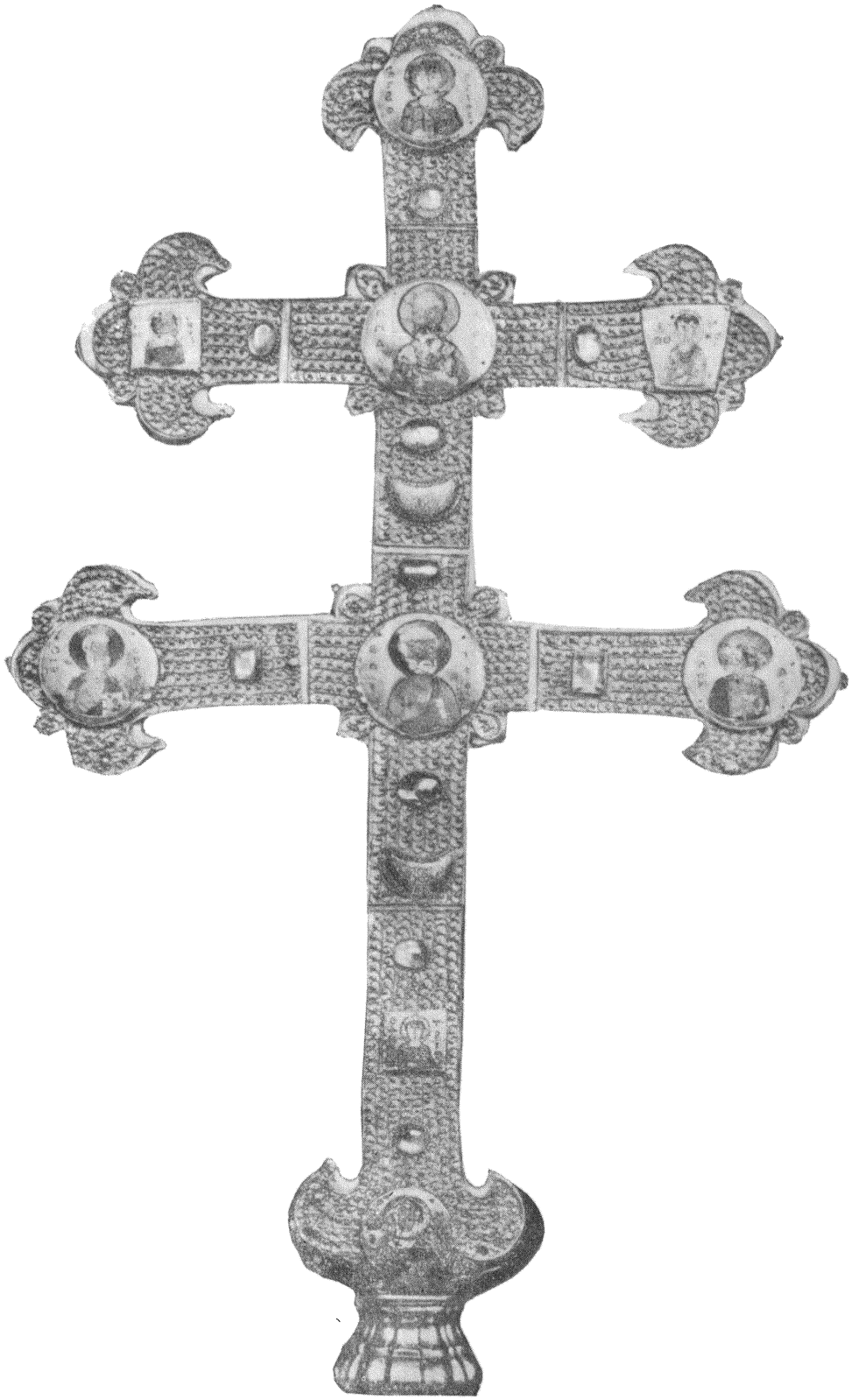


Рис. 13, *1*. Крест из Вышнего Брода, XIII в. (Чехословакия)

Рис. 13, *2*. Крест из Намюра, XIII в. (Бельгия)

Более поздних шестиконечных крестов известно всего три[1].

Обращаясь к древностям Западной Европы, отметим, что мода на шестиконечные кресты возникла там в VII—VIII вв.[2]. В VIII—X вв. такой крест чаще всего можно встретить на монетах византийских императоров Юстиниана II (685—695; 705—711), Федора III (715—717) и др.

В XI в. в Западной Европе повсеместно превалирует четырехконечный крест. Исключений очень немного.

При Комненах, в XII в., вновь появляются шестиконечные кресты. Тогда этот тип сосуществует с четырехконечным и исчезает только в середине XIII в., лишь изредка появляясь позднее на монетах Андроника II (1282—1328) и Михаила (1294—1320). Шестиконечных крестов этого времени известно довольно много[3].

Все изложенное приводит к заключению, что шестиконечные кресты, распространенные в древности в Западной Европе и в древней Руси, в основе своей прочно связываются, по-видимому, с византийской художественной традицией. Они охватывают период VII—X вв., когда их употребление не выходило за пределы Византийской империи и период второй половины XII в. и XIII в., когда они получили распространение в остальных европейских странах[4].

Итак, форма креста, избранная Лазарем Богшей, была весьма «модной» в XII—XIII вв. Можно ли найти среди перечисленных шестиконечных крестов этого времени непосредственную аналогию кресту Евфросинии? Единственно, что нам удалось найти — это уже упомянутый поздний крест Александра Васильевича, окольничьего Смоленского 1495 г., совпадающий почти полностью в пропорциях и размерах с крестом Лазаря Богши, который, по-видимому, является слепым подражением соседних смольнян прославленной полоцкой святыне (рис. 12). Отдаленными аналогиями кресту Лазаря Богши могут служить крест из Вышнего Брода в Чехии (XIII в., рис. 13, *1*)[5] и крест из Намюра в Бельгии (XIII в., рис. 13, *2*)[6]. Особенно интересен первый, он связывается с русским князем Ольговичем Ростиславом Михайловичем, дважды бежавшим в Венгрию (1236, 1243) и женившимся там на дочери короля Белы (1243). С русскими древностями крест сближают, прежде всего, две половинки русского колта, прикрепленные к кресту в виде украшений (так использовала, по-видимому,

---

[1] Радзивилловская или Кенигсбергская летопись, СПб., 1902, фотомеханическое издание, миниатюра на листе 105 об. Рисунки этой летописи воспроизводят, как известно, рисунки рукописи XIII в. (См. А. В. Арциховский. Миниатюры Кенигсбергской летописи. ИГАИМК, т. XIV, вып. 2, 1932); И. А. Шляпкин. Древнерусские кресты, вып. I, СПб., 1906, стр. 16, 17 и табл. VIII; П. Н. Батюшков. Памятники старины в западных губерниях империи, вып. 6, текст к 18 рисункам. СПб., 1874, стр. 133—134; альбом рисунков, табл. 8.

[2] О происхождении креста шестиконечной формы существует несколько работ, к сожалению, отсутствующих в Москве. Cahier. Melange d'archéologie, d'histoire, de littérature, т. I. Paris, 1848, Barbier de Montault. La croix à double croissillon. Bulletin de la société archéologique de Marne et Garonne, 1882, стр. 34 и др.

Мы смогли только воспользоваться работами: K. Chitil, N. Kondakov и др. Kriz zwany Zavišov, Praha, 1930 (пользуюсь случаем принести глубокую благодарность директору Ин-та археологии в Нитре доктору А. Точику за предоставление в мою собственность этого уникального у нас издания); Barbier de Montault. Croix de l'impereur Justin, Annales archéologiques, XXVI, Paris, 1846, стр. 272.

[3] См. K. Chitil. Ук. соч.; M. Didron. La croix orientale, т. V, Paris, 1846, стр. 318—328. S. G. Mercati. Di una stauroteca — reliquaria descritta nell codice Vaticano greco 644, Rendiconti della pontificia Accademia Romana di Archeologia, vol. XXVII, Roma, 1951—1952, стр. 75—85; A. Frolow. Ук. соч. и др.

[4] На Руси шестиконечная форма креста в варианте процветшего креста появилась на печатях несколько раньше — в конце XI в. (указание В. Л. Янина).

[5] K. Chitil. Ук. соч.

[6] Впервые хорошо был издан М. Дидроном (M. Didron. La croix...) См. также J. Labarte. Histoire des arts industriels. Paris, 1846, т. II, стр. 98. Н. П. Кондаков опубликовал крест, по-видимому, по М. Дидрону. См. Н. П. Кондаков. История византийской эмали, Собрание Звенигородского, СПб., 1889—1892, стр. 169. Нами крест воспроизводится по K. Chitil (отд. табл.), где он воспроизведен по фотографии с оригинала.

жена или дочь Ростислава привезенные им украшения), а также эмали, напоминающие русские. С крестом Евфросинии Полоцкой, кроме формы, данный крест схож и по распределению эмалей особым полукруглым выступом в наружных углах обоих средокрестий (в полоцком кресте четыре из них заняты эмалями евангелистов) и т. д.

3

Перейдем к художнику-ювелиру, выполнившему этот тонкий и дорогой заказ княжны Евфросинии.

В литературе, особенно дореволюционной, господствовало мнение, что Лазарь Богша был выходцем из Юго-Западной Руси [1] или из западных славян [2], о русском происхождении его, кроме П. И. Кеппена [3], писали только местные историки [4]. Это предположение было поддержано в наше время М. Н. Тихомировым, правда, с оговоркой, что «распространение имен в славянской среде до сих пор не прослежено» (в качестве примера этот исследователь приводил имя Владислав, по традиции считавшееся распространенным в Польше, в действительности же обычное в Киевской Руси) [5]. О русском происхождении Лазаря Богши пишет и Б. А. Рыбаков [6]. Рассмотрим данные по этому вопросу, имеющиеся в нашем распоряжении.

Богша, несомненно, мирское имя мастера, подобно тому, как отец его заказчицы Георгий носил еще имя Святослав. Имя это, распространенное в западнославянских странах в XII (1127, 1187) и XIII (1242) веках в форме Богуша как сокращенное от Богуслав [7], известно и в зажиточных кругах Новгородской земли XIII в. (в форме Богъша, Богьша). В синодальном списке Новгородской I летописи есть сообщение о гибели «Богъши рушанина (жители Русы) в 1224 г. [8]). Имя это встречается и в новгородской берестяной грамоте XIII в. (в недописанной форме «Богъш..» [9]. В более позднее время имя Богша (в форме Бокша и Богуша) встречается в XVI в. (известен Бокша — тиун Ф. И. Шуйского, 1541 г.) [10], но чаще это имя встречается у поляков [11]. Наконец, фами-

[1] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, М., 1946, стр. 85.

[2] И. Толстой и Н. Кондаков., Ук. соч. стр. 170.

[3] П. Кеппен, пытаясь объяснить имя, указывал, что по-белорусски «бокша» означает некрошеный, в листьях, табак, забывая, что такой перевод не может иметь значения уже потому, что табак в XII в. не был известен. (П. И. Кеппен. Список..., стр. 45, прим.).

[4] Сергий (Васильевский), иеромонах. Жизнеописание преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой. Памятная книжка Витебской губернии на 1864 г.; П. Н. Батюшков. Белоруссия..., стр. 30.

[5] М. Н. Тихомиров. Ук. соч. Можем прибавить имя старосты новгородского, несомненно русского, с «польским» именем Болеслав, о котором мы знаем из устава новгородского князя Всеволода Мстиславича (1136—1137). См. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М., 1950, стр. 486.

[6] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 507, 512.

[7] М. Морошкин. Славянский именослов, или собрание славянских и личных имен в алфавитном порядке, СПб., 1867.

[8] Новгородская I летопись, стр. 61.

[9] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. М., 1954, стр. 68—70.

[10] Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. ЗОРСА, т. VI, СПб., 1903, стр. 113.

[11] Из грамоты короля Сигизмунда I г. Каменцу (1523) известен Богуш Боговитинович (См. М. Довнар-Запольский. Акты литовско-русского государства, вып. I, стр. 138—189); некий Федор Бокший, боярин панский, существовал в западнорусских областях в конце XVI в. (1596) (см. Н. М. Тупиков. Ук. соч., стр. 114), к «воинскому нашому подвоеводему Новгородскому (Новогрудок.— *Л. А.*), урожоному Федору Богушу» направлял грамоту король Сигизмунд III 10-го мая 1598 г. (см. Собрание древних грамот и актов. Минск, 1848, стр. 64). Известен воевода Богуш Корецкий, нападавший в 1654 г. на г. Лепель (см. А. М. Сементовский, Памятники старины Витебской губернии. Пам. кн. Вит. губ. на 1867 г., Витебск 1867, стр. 180). Поселянин Троцкий Казимир Бокша упомянут под 1670 г. (см. Н. М. Тупиков. Ук. соч.). В источниках XVI—XVII вв. нам встретилось имя Томилы Богдановны Богуш, по происхождению татарки, проживавшей в Полотчине (см. Историко-юридические материалы, извлечен-

лии Богша, на существование которых указывал еще П. И. Кеппен, распространены в Белоруссии до настоящего времени [1].

В пользу русского происхождения мастера Богши может свидетельствовать и православная русская надпись греческой формулы «Господи, помози ...», помещенная им на кресте. Все приведенные доводы позволяют считать, что Лазарь Богша, подобно своим тезкам XIII в. из Русы и Новгорода, был русским мастером, опытным ювелиром, поставлявшим свои изделия полоцким феодалам.

Каково было социальное положение этого мастера? Ясно, что он был свободным ремесленником, иначе имя его не стояло бы на кресте полоцкой княжны. Если следовать чтению боковой надписи, предложенному, как мы указывали, Б. А. Рыбаковым, и считать, что последняя цифра 40 гривен — цена работы мастера (некоторые сомнения в таком чтении были высказаны выше), то Лазарь Богша предстает в качестве весьма богатого ремесленника-ювелира, труд которого необычайно ценился в древности и был высоко оплачиваем. Работы его по выделке креста оценивались так же, как работы по мощению 8000 локтей деревянной мостовой [2]. Судя по уставу Ростислава Смоленского 1150 г. (дополнительная грамота о размере погородья и почестья), шкура одной лисицы оценивалась в пять ногат. Таким образом, на деньги, заработанные на кресте, Лазарь Богша мог приобрести 160 лисьих шкур [3]. Если даже вычесть сумму, которую он должен был уплатить своим помощникам — подмастерьям (она вряд ли превышала $^1/_3$ стоимости работы), сумма, оставшаяся у мастера, все равно представляется громадной. Мастер этот, хорошо знакомый не только с техникой эмали в древней Руси, но и с художественной стороной эмальерного искусства (излюбленные орнаментальные мотивы своего времени и т. д.), сделал крест по заказу Евфросинии, как мы видели, в том отчасти светском стиле, который для него был более привычным по выработке мелких художественных ювелирных изделий.

Так, изучение креста Евфросинии — подписного ювелирного изделия XII в.— открывает новую страницу в истории древнерусского прикладного искусства, давая сведения об одном из больших мастеров-ювелиров XII в.— полоцком мастере Лазаре Богше.

БИБЛИОГРАФИЯ КРЕСТА ЛАЗАРЯ БОГШИ [4]

1. I. Kulczyński. Specimen Ecclesice Ruthenice. Roma, 1733, стр. 49.
2. Paperbrochium. Ephemerides Greco-Moscae. Acta Sanctorum, mensis Oktober. Venetiis, стр. XXVIII.
3. I. S. Assemani. Kalendaria Ecclesiae universae, т. V. Romae, 1755, стр. 288—290.
4. Его же. Menologium Basilianskie, ч. II, Wilno, 1771.
5. J. Stebelski. Dwa wielkie Swiatła na horizońcie Połozkim. Wilno, 1781, стр. 121—122.
6. П. И. Кеппен. Список русским памятникам. М., 1822, стр. 42—43.
7. Святыня города Полоцка: церковь св. Спаса и крест преподобной Евфросинии. ЖМНПр., СПб., 1841, ч. XXIX, вып. VII, № 1, стр. 1—6; (литографический рисунок креста на особом листе; предположительно автором являлся П. И. Кеппен).

ные из актовых книг губернии Витебской и Могилевской, т. XVII, Витебск, 1887, стр. 227). Наконец, отметим митрополита «всех римско-католических церквей в России» Станислава Богуш-Сестренцевича (1731—1826), по происхождению литвина, «члена Российской академии» и сподвижника ее председателя, известного реакционера А. С. Шишкова. (см. П. Н. Батюшков. Белоруссия..., примечания, стр. 93—95).

[1] Указание К. М. Поликарповича.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. I, СПб.— Киев, 1908, стр. 29; Русская Правда. М.—Л., 1940, стр. 114—115 (Троицкий вид).

[3] Памятники русского права, под ред. А. А. Зимина. М., 1953, стр. 44. По подсчетам П. С. Казанского и П. Н. Мрочек-Дроздовского, одна гривна Пространной Правды равна 20 ногатам, или 50 кунам (см. Н. П. Бауэр. Денежный счет Русской Правды. Вспомогательные исторические дисциплины. М.— Л., 1937, стр. 205).

[4] Работы, обозначенные звездочкой, имеют изображение креста.

8. (Автор неизвестен). После благополучного возвращения Униатов... «Северная Пчела», СПб., 1841, № 209 (см. № 9).
9. С. П. После благополучного возвращения Униатов... (Перепечатка из «Северной Пчелы», СПб., 1841, № 209), «Прибавление к Ведомостям С.-Петербургской городской полиции», СПб., 1841, № 25, стр. 103, 104.
10. Внутренние известия, «СПб. Ведомости», 1841, № 213, стр. 943—944. (Имеется довольно подробное описание креста Лазаря Богши).
11. Крест преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, «Русский инвалид», СПб., 1841, № 221, стр. 857.
12. * Исторические сведения о жизни преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, с описанием и изображением креста, принесенного ею в дар Полоцкой Спасской обители. СПб., 1841., стр. I—V, 1—28 и литографированная таблица с изображением креста в конце.
13. A. Plater. Historyczna wiadomosc o cerkwi Przemienia Panskiego. Rubon, т. IX, 1841.
14. А. Х. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842 (По свидетельству А. П. Сапунова приводится надпись креста Лазаря Богши).
15. И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. ИАНОРЯС, т. X, изд. I, СПб., 1853, столб. 499—501; изд. II, СПб., 1863, стр. 33 и 178; изд. III, СПб., 1882, столб. 65—66.
16. Э. Эвальд. Полоцкая старина. «СПб. Ведомости», 1854, № 229, стр. 1111—1112, (описание креста на стр. 1112).
17. И. Е. Забелин. Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России. ЗРАО, т. VI, СПб., 1855 (о кресте — стр. 297).
18. Турчинович. Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен, СПб., 1857 (о кресте — на стр. 266, примеч. № 90).
19. Е. Алексеев. Полоцк и его примечательности, «Иллюстрация», СПб., 1861, т. VII, №№ 173 и 174 (о кресте — в № 174, стр. 379).
20. И. И. Срезневский. Каменный крест церкви Благовещения, что близ Аркажа монастыря в Новгороде. Христианские древности и археология..., изд. В. Прохоровым, кн. 5, СПб., 1862 (надпись креста Лазаря Богши на стр. 80).
21. *Сергий (Васильевский), иеромонах. Жизнеописание преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой. Памятная книжка Витебской Губернии на 1864 г. (о кресте — стр. 15, 25, 35, 38; мелкое схематичное изображение креста на стр. 40).
22. * А. М. Сементовский. Памятники старины Витебской губернии. СПб., 1867, (на стр. 69—73 изображения лицевой и обратной стороны креста; на стр. 70—72— надписи).
23. А. Ратшин. Полное собрание исторических сведений о монастырях и церквах. М., (Упоминание о кресте на стр. 24).
24. * М. П. Погодин. Древняя Русская история до монгольского ига, т. III, М., 1871, атлас. (На листе 155 — изображение креста по рисунку «Исторических Сведений»).
25. Савва, архиепископ. О перенесении части св. мощей преп. Евфросинии, княжны Полоцкой из Киева в Полоцкий Сп.-Евфросиниевский монастырь. Витебск, 1871. (О кресте — стр. 14, 88, 90, 92, 95, 96, 98, 103).
26. * М. Дубровский. Житие преподобной Евфросиньи Полоцкой, Полоцк, 1877. (Описание креста почти полностью совпадает с описанием Сергия и списано у него или у К. А. Гаворского, работой которого пользовался Сергий. Текстом М. Дубровского пользовался П. Н. Батюшков).
27. А. М. Сементовский. Полоцкая Софийская церковь. Памятная книжка Витебской губернии на 1878 г. Витебск, 1878, стр. 66.
28. * А. Сапунов. Спасо-Евфросиниевский монастырь в Полоцке. «Полоцкие Епархиальные Ведомости», 1885, № 9 (Изображение креста в № 9 между стр. 292—293).
29. И. И. Срезневский. Славяно-русская палеография. СПб., 1885, стр. 163.
30. Василий Лужинский. Записки. Православный собеседник. Казань, 1885. (Есть и отдельное издание; о кресте — в июньском номере, стр. 239—241).
31. * А. П. Сапунов. Житие Евфросинии Полоцкой по трем редакциям. Витебск, 1888 (Текста о кресте нет; изображение на отдельном листе по изд. 1841 г. см. № 12).
32. * А. П. Сапунов. Материалы по истории Полоцкой Епархии. Витебская старина, т. V, № 2. Витебск, 1888. (О кресте — стр. XV; изображение — между стр. VIII—IX).
33. Савва, архиепископ Тверской и Кашинский. Хроника моей жизни, изд. Троицко-Сергиевской лавры (год не указан), т. III, стр. 505—506.
34. * П. Н. Батюшков. Белоруссия и Литва, СПб., 1890. (Текст на стр. 29, 30; приложение, стр. 39—42; хромолитография по рисунку худ. Брукса на отдельном листе).
35. * А. М. Сементовский. Белорусские древности, вып. I, СПб., 1890. (О кресте Лазаря Богши — гл. VII, стр. 122—125; уменьш. цинкогр. изображение на стр. 123, рис. № 73, и на стр. 124, рис. № 74, изображение развернутых надписей на стр. 125, рис. № 75).
36. Филарет. Жития святых, Чернитов, май. Изд. II, СПб., 1892. (О кресте на стр. 346).
37. Описание креста пр. Евфросинии Полоцкой 1161 г., исполненного византийско-русской перегородчатой эмалью и русским художником, сравнительно с другими эма-

левыми произведениями. Вопрос, на который желательно получить ответ на IX АС. «Могилевские Епархиальные Ведомости», 1892, № 9, стр. 96. (Вопрос поставлен Н. Петровым).
38. Н. П. Кондаков. История Византийской эмали. СПб., 1897, стр. 161.
39. * И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1899, вып. VI. (О кресте — стр. 169; изображение по изд. 1841 г.).
40. Житие преподобной Евфросинии, 1901.
41. Богословская энциклопедия, т. V, СПб., 1904, стр. 247.
42. Слово в день принесения святых мощей преподобныя Евфросинии княжны Полоцкой в М. Любеч. Чернигов, 1909.
43. М. Митроцкий. Шествие св. мощей преп. Евфросинии княжны Полоцкой из Киева в Полоцк по Днепру. «Киевские Епархиальные Ведомости», 1910, № 18—21, 23, 25—26. (О кресте см. № 26).
44. Преподобная Евфросиния, княжна Полоцкая, игуменья монастыря Св. Спаса, Одесса, 1910 (Надпись креста на стр. 4 приведена с ошибками).
45. Н. Зорин. Минувшее и настоящее гор. Полоцка. Полоцк, 1910. (Подробное описание креста — стр. 23—25).
46. Н. Н. Кайгородов. О достопамятных свято-Ефросиниевских днях в Полоцке 20—23 мая 1910 г., воспоминания паломника. Полоцко-Витебская старина, т. I, Витебск, 1911, (О кресте — стр. 5).
47. Д. Леонардов. Памяти И. И. Долгова. Полоцко-Витебская старина, т. I. Витебск, 1911. (О кресте — стр. 6).
48. Общие географические, этнографические, экономические и политические предпосылки советского строительства в Полоцком округе. Полотчина, Полоцк, 1925. (О кресте — на стр. 13; ошибочно указано: «Лаюд Богша»).
49. Помнік стараджытнага мастацтва. «Савецка Беларусь», Менск, 1928, № 166. (О передаче креста Минскому гос. музею).
50. K. Chitil, A. Friedel, N. Kondakov и др. Kriz zwany Zavišov. Praha, 1930 (На стр. 51 даются некоторые надписи креста Лазаря Богши в чешском переводе).
51. С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. I, изд. I, Л., 1938, стр. 28; изд. II, М., 1952, стр. 35.
52. А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв., М.— Л., 1952. (О кресте — на стр. 28—29 и 220; 13 названий; книга П. Н. Батюшкова «Памятники русской старины...» привлечена ошибочно).
53. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М.—Л., 1948 (О кресте на стр. 389, 435, 512).
54. Б. А. Рыбаков. «Ремесло» в сб. «История культуры древней Руси», т. I, М.— Л., 1948. (О кресте — на стр. 175) [1].
55. * A. Frolow. Une staurothèque byzantine décrite dans le cod. vat. gr. 644, Cahiers archéologiques, VIII, Paris, 1956, стр. 238, 243, рисунок 4, по изданию И. И. Толстого и Н. П. Кондакова (см. № 39).

[1] Помимо приводимой литературы, существует большое количество популярных брошюр, изданных местными религиозными братствами и т. д., особенно в период перенесения мощей Евфросинии в Полоцк (1910). Научного значения они не имеют, и мы приводим их только несколько (№ 42—44). Желающих ознакомиться с ними отсылаем к библиографическим справочникам типа каталога митрополита Флавиана и др.

МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

З. А. АБРАМОВА

НОВЫЕ НАХОДКИ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

За последние годы первобытная археология Центральной и Западной Европы обогатилась новыми находками верхнепалеолитических изображений человека. Особенно замечательны открытия чехословацких археологов. В 1953 г. известный чешский исследователь палеолита Богуслав Клима, раскапывая стоянку Петржковицы у г. Острявы, обнаружил две женские статуэтки [1]. Петржковицы — одна из важнейших верхнепалеолитических стоянок Силезии, близкая по времени к таким имеющим мировую известность стоянкам, как Пржедмость и Дольни Вестоницы в Чехословакии, Костенки I в СССР. На раскопанной площади стоянки в 170 *м*^{2} было открыто шесть кострищ. Близ южного кострища на краю ямки и были найдены статуэтки. Сделаны они из необычного материала — железной руды или гематита, куски которого в большом количестве были разбросаны вокруг кострищ, где их пережигали, чтобы изготовить краску.

Первая статуэтка, представляющая почти целую фигурку женщины (отсутствует голова и нижняя часть ног), была разбита на три части. Размеры ее миниатюрны, высота всего лишь 4,6 *см*. Правая грудь этой статуэтки повреждена при раскопках. Левая грудь, торс, живот, линия спины, линия, разделяющая ноги, выполнены в манере, очень характерной для женских статуэток этой эпохи. Большая схематизация фигурки, возможно, объясняется трудностью обработки материала (рис. 1).

Вторая статуэтка представляет обломок женской фигурки — правую половину торса с сохранившейся грудью и частью живота. Высота фрагмента 4,3 *см*. Здесь же был найден фрагмент другой женской статуэтки из обожженной глины.

Вообще говоря, находки статуэток из обожженной глины являются специфической особенностью палеолита Чехословакии. В Дольних Вестоницах еще в тридцатых годах XX в. К. Абсолон собрал большую коллекцию скульптурных изображений женщин вместе с многочисленными фигурками животных из особой пластической массы — смеси глины с истолченной и пережженной костью. Помимо известной и неоднократно издававшейся «Венеры I», К. Абсолон опубликовал еще несколько фигурок женщин [2]. Мы остановимся лишь на некоторых, опуская уже известную

---

[1] B. Klíma. Výsledky archeologického výzkumu na táboříšti lovců mamutů v Petřkovicich, okr. Ostrava v roce 1952 a 1953. Časopis Silezského musea (Acta Musei Silesiae), t. IV. Opava, 1955.

[2] K. Absolon. The diluvial anthropomorphic statuettes and drawings, especially the so-called Venus statuettes, discovered in Moravia. Artibus Asiae, t. XII, 3, Ascona, 1949, стр. 201—220.

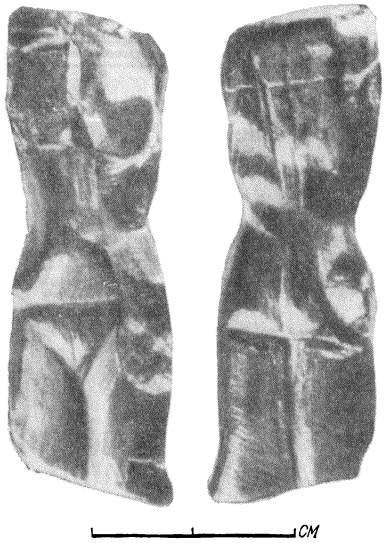


Рис. 1. Статуэтка из Петржковиц

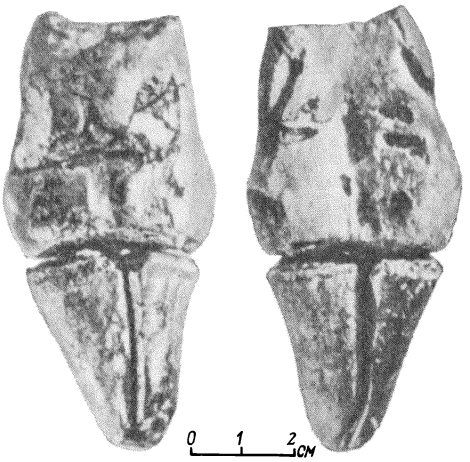


Рис. 2. Статуэтка из Дольних Вестониц — «Венера VI»

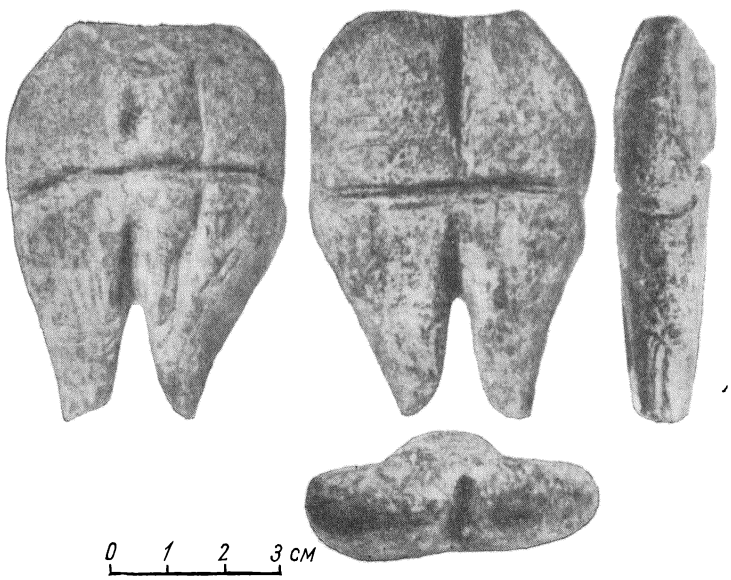


Рис. 3. Статуэтка из Дольних Вестониц — «Венера V»

Рис. 4. Статуэтка из Дольних Вестониц — «Венера IX»

русскому читателю изумительную головку с четко выраженными чертами лица (так называемую «Леонардо да Винчи») [1].

«Венера VI» повторяет все характерные черты «Венеры I», но отличается от нее значительно худшим исполнением (рис. 2). К сожалению, у статуэтки отсутствует голова.

«Венера V», скульптура из бивня мамонта, представляет собой нижнюю половину тела женской фигуры. Она непропорционально широка и утолщена, имеет широкие бедра, округлый, слегка выдающийся живот и ноги в виде двух коротких конусов (рис. 3).

---

[1] См. I. Poulik. Pravěkě umění. Praha, 1956.

«Венера IX», маленькая статуэтка из керамической массы с обломанной головой, имеет интересный орнамент на туловище, который, возможно, изображает рубцевание (рис. 4) [1].

К. Абсолон упоминает также семь фрагментированных статуэток из керамической массы (в том числе одну мужскую).

В послевоенные годы чешские археологи развернули широкие работы в Дольних Вестоницах. Кроме жилищ различных типов и уникального женского захоронения, был найден не имеющий до сих пор аналогий специальный очаг для обжига пластических изделий — своего рода древнейшая керамическая печь. Вокруг очага было собрано около 2500 кусочков обоженной глины и множество обломков небольших фигурок (главным образом основания мелких женских статуэток). Эти фрагменты, имеющие вид конусов, напоминают, по словам П. П. Ефименко, подобные конусы из мергеля в Костенках I. На некоторых изделиях видны отпечатки пальцев первобытного скульптора [2].

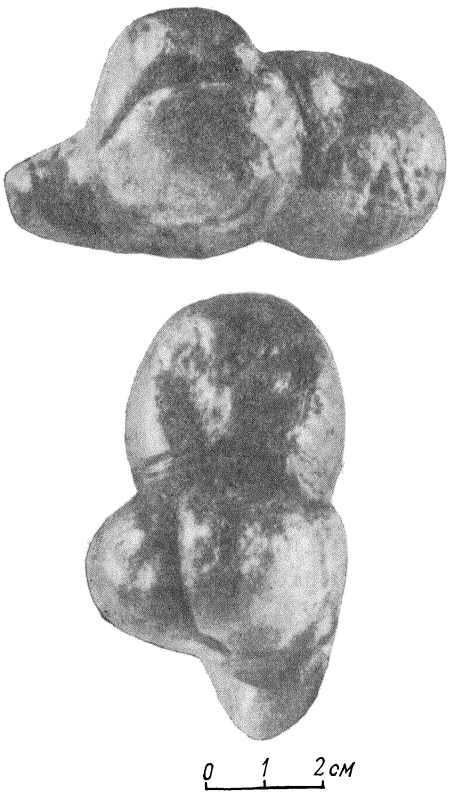


Рис. 5. Статуэтка из Мауэрна

На соседней с Дольними Вестоницами стоянке Павлов также было найдено много небольших фигурок из обожженной глины, главным образом женских. Фрагмент подобного изображения встречен и на стоянке Неславицы [3].

В монографии Л. Цотца имеется упоминание о находках статуэток на стоянках Лопата и Подковицы в Мораванах. На стоянке Лопата обнаружен обломок женской статуэтки из обожженной глины с хорошо сохранившимся венериным бугорком и грубая скульптура, сделанная из бивня мамонта (длина 30—40 *см*), впресованная в лёссовый блок.

На стоянке Подковицы при распашке поля была найдена статуэтка из бивня мамонта [4].

В 1948 г. в гроте Мауэрн на р. Дунае (Бавария) Л. Цотцем была найдена статуэтка несколько необычного характера (рис. 5) [5]. Она залегала в мадленском слое, на глубине 2 *м* от поверхности. Изготовлена она из известняка и окрашена в интенсивный красный цвет. Ее высота — 7,2 *см*. (В связи с окраской следует упомянуть находку в 1 *м* от статуэтки чашечки из кварцита, служившей для разведения красной краски). Статуэтка сильно схематизирована. Чрезвычайно выпуклые бедра и ягодицы и, наоборот, совершенно плоский фас, а также небольшой конический выступ

---

[1] Изображение этой статуэтки дано также Л. Цотцем, см. L. F. Zotz. Altsteinzeitkunde Mitteleuropas. Stuttgart, 1951, табл. 19,*5*.

[2] См. B. Klíma. Výzkum stanice lovců mamatů u Dol. Věstonice R. 1948. Archeologické rozhledy, 1949, 1-2; его же, Hrob ženy lovce mamutů v Dolních Věstonicích. Archeologické rozhledy, 1950, 1-2; его же. Druhý sídelní objekt a paleolitická keramická pec v Dolnich Větsonicich. Archeologické rozhledy, 1952, 3-4.

[3] Об указанных неопубликованных находках любезно сообщил мне П. П. Ефименко.

[4] L. F. Zotz. Ук. соч., стр. 230.

[5] L. F. Zotz. Idoles Paléolithiques de l'Etre Androgyne. Bulletin de la Société Préhistorique française, т. XLVIII, № 7-8, Paris, 1951, стр. 333—340.

на месте ног позволяют Л. Цотцу утверждать, что перед нами изображение двуполого существа — гермафродита. К сожалению, в публикации не дано воспроизведение фаса фигурки, но из имеющегося описания очевидно, что утверждение Л. Цотца весьма сомнительно и, вероятно, вытекает из особого пристрастия некоторых западноевропейских ученых приписывать верхнепалеолитическому человеку повышенную сексуальность.

Это изображение, несомненно, входит в круг обычных женских статуэток верхнего палеолита, но является переходным от изображений реалистического характера с некоторыми чертами схематизации (как, например, статуэтка из Леспюг) к чрезвычайно схематизированным статуэткам, например, из Петерсфельс или Мезина. Несомненно также и то, что случайно найденные статуэтки из Сирейль и Тосканы, ранее относимые к ориньяку или даже к неолиту, теперь могут быть более или менее точно датированы благодаря большому их сходству со статуэткой из Мауэрна.

Наконец, на западе, во Франции, найдены новые гравированные человеческие изображения мадленского времени.

В Турени, в гроте Англь-сюр-Англен, известная исследовательница палеолита проф. Дороти Гаррод совместно с Сюзанной Сен-Матюрен нашла в 1950—1951 гг. много обломков обрушившегося фриза с изображениями животных и людей, из которых очень интересен барельеф, представляющий голову бородатого мужчины, с гравировкой и следами окраски. Здесь же на стене грота обнаружены нижние части трех очень стилизованных, но совершенно бесспорных изображений женских тел. Эти изображения сравнительно худощавых и стройных женщин напоминают статуэтку из бивня мамонта, открытую Вибрайем в Нижней Ложери, возможно, также относящуюся к мадленской эпохе.

В соседнем гроте Ла Марш, открытом Перикаром в 1937 г., найдено много обломков камня с гравюрами, среди которых человеческие фигуры занимают исключительное место (прекрасно исполненные профили незамаскированных голов, изображения тучных женщин, напоминающие в гравюре ориньякские статуэтки). К сожалению, материал из этих гротов упоминается исследовательницами очень кратко, и изображение женщин впервые дается лишь в монографии А. Брейля [1].

А. А. НУДЕЛЬМАН, Э. А. РИКМАН

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В МОЛДАВИИ

Клад бронзовых предметов

Клад найден в апреле 1956 г. на окраине с. Валя-Русулуй в местности, именуемой «Ла хыртоапе», в 400—500 *м* к северу от здания семилетней школы на глубине 80 *см* во время пахоты. При осмотре местности никаких признаков селища или могильника не обнаружено. Предметы покрыты благородной патиной [2].

Фрагмент меча (рис. 1, *1*). Навершие, рукоять и клинок отлиты в одной форме. Пластинчатое навершие завернуто вверх в виде антены. Ручка овальная в сечении. При переходе от ручки к клинку образуется по-

---

[1] H. Breuil. Quatre cents siècles d'art Pariétal. Les Cavernes ornées de l'Age du Renhe. Montignac — Dordogne. 1952, стр. 334—336.

[2] Клад хранится в Гос. историко-краеведческом музее Молдавской ССР.

добие перекрестия, налегающего на клинок. На клинке по продольной оси имеется хорошо выраженный валик, украшенный с обеих сторон двумя рядами неглубоко врезанных полуовалов и продольными линиями, параллельными валику.

Фрагмент клинка (рис. 1, *2*). Слегка изогнутый клинок имеет посередине валик. Оба лезвия острые, в сечении середина клинка утолщена.

Наконечник дротика (рис. 1, *3*) листовидной формы. Втулка пронизывает наконечник почти до острия, у основания втулки на противо-

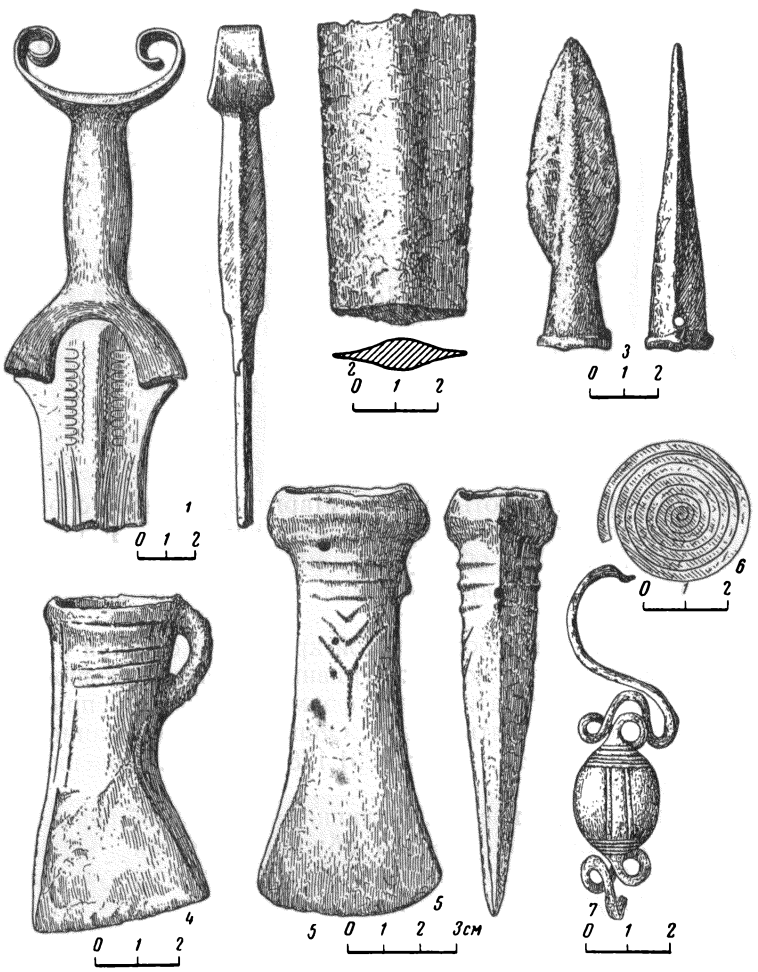


Рис. 1. Клад бронзовых предметов

1 — фрагмент меча; *2* — фрагмент клинка; *3* — наконечник дротика; *4—5* — кельты; *6* — спираль; *7* — фибула

положных сторонах имеется по отверстию для прикрепления к древку; на оси втулки видны остатки литейных швов (наконечник был отлит в форме из двух половинок). Края — острые, у основания втулки — небольшой бортик.

Кельт (рис 1, *4*) со скошенным лезвием. Можно предположить, что предмет был в работе, так как лезвие притупилось. Вокруг втулки три орнаментальных валика, а у основания — рельефный бортик. В нижней части кельта спереди имеются уступчики, с задней стороны кельта — ушко для привязывания к рукояти. Видны литейные швы от составной формы.

Кельт (рис. 1, *5*). Второй кельт имеет удлиненную форму. Лезвие его закругленное, притупившееся при работе. Втулка доходит до $^2/_3$ длины кельта. У основания ее широкий рельефный валик, в верхней части кельта имеются обломки ушка. В одной из сторон проделано три сквозных отверстия. Видны следы литейных швов. В верхней части кельта имеются рельефные орнаментальные валики — три кольцеобразных и по три с каждой стороны, расположенных под углами.

Спираль (рис. 1,*6*), свернутая из плоской в сечении пластинки. Она состоит из семи витков. К центру пластинка сужается. Спираль имеет правильную геометрическую форму. Средние витки слегка выступают из плоскости спирали.

Фибула (рис. 1, *7*). Она представляет собою овальную пластинку с «усами» с обеих сторон. Толщина пластинки около 1 *мм*. На лицевой стороне пластинки нанесен орнамент в виде слегка врезанных прямых линий. «Усы», прямоугольные в сечении, отлиты вместе с пластинкой. Они образуют у пластинки по два колечка (с каждой стороны).

Клад бронзовых предметов из с. Валя-Русулуй относится к периоду поздней бронзы. Он лучше всего сопоставляется с памятниками этой эпохи, расположенными к западу от Молдавии. Мечи позднебронзового и раннегальштатского времени, сходные (но не идентичные) с вышеописанным, найдены в Чехословакии [1], Польше [2], и в Западной Европе [3]. Спирали, подобные найденной в кладе, являются принадлежностью браслетов, диадем и фибул эпохи поздней бронзы [4]. К тому же времени относятся фибула, кельты и наконечник дротика из клада.

Золотые гривны

В 1956 г. во время пахоты близ с. Ларгуцэ, Леовского района, Молдавской ССР, в местности, именуемой «Ла фундаку», в 1,5 *км* от села, Х. Н. Багрин и Р. С. Райку обнаружили клад золотых предметов, залегавший на возвышенности у края обрыва. В числе найденных предметов были две шейные гривны.

Первая представляет собою золотой круглый в сечении кованый прут. На обоих несомкнутых концах гривны имеются львиные головки (рис. 2, 3, *1, 2*). Гривна утратила свою форму: она была распрямлена находчиками и разрублена на пять кусков. Общая длина сохранившихся фрагментов составляет 70,5 *см*, вес их 291,178 *г*. По заключению ювелиров, золото 96-й пробы.

От второй гривны до нас дошли лишь два куска, общей длиной 38 *см*, весом 166,870 *г*. На конце одного обломка имеется львиная головка, подобная головкам на первой гривне. От головки по пруту идет врезная спиральная линия (рис. 2, *3*; 3, *3*).

Львиные головы выполнены с тщательной проработкой деталей: отчетливо видны глаза, усы, ноздри, грива (рис. 3, *1, 2*). Подчеркнуты могучие хищные пасти. В них зажаты кольца. Уши переданы условно — в виде ямок, возможно, предназначенных для инкрустаций. Кое-где на головах видны орнаментальные линии и точки. Золотой прут у львиных головок украшен косыми и кольцеобразными линиями, кружками и зигзагами, выполненными гравировкой и насечкой.

Описанные выше гривны представляли собою некогда, по словам находчиков, кольца, на несомкнутых концах которых имелись львиные головки.

---

[1] J. Poulík. Pravěké umeni. Praha, 1956, рис. 93.

[2] W. Szafrański. Skarly brązowe z epoki wspólnoty piedwotney (IV i V okres epoki brazowej) u wielkopolsce. Warszawa — Wroclaw, 1955, табл. XXXII.

[3] М. Гёрнес. Культура доисторического прошлого, ч. II. Бронзовый век. М., 1914, стр. 97, рис. 43; I. Dechelette. Manuel d'archeologie. Paris, 1924, стр. 207, рис. 64, *4*, стр. 209.

[4] I. Poulík. Ук. соч., рис. 96, 97, 98 и др.

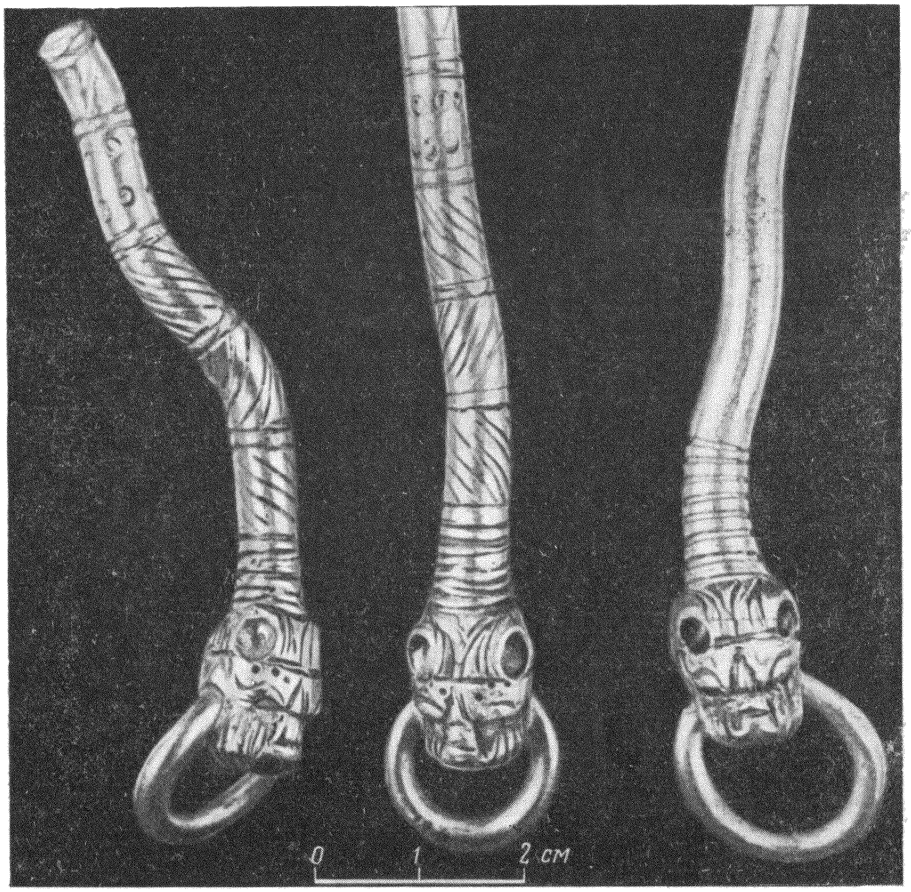


Рис. 2. Золотые гривны

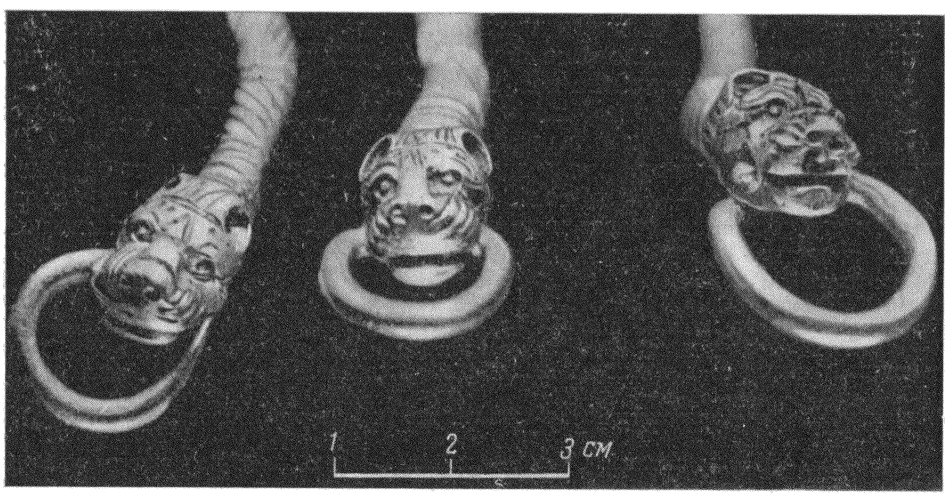


Рис. 3. Золотые гривны

Гривны из с. Ларгуцэ являются выдающимися художественными ювелирными изделиями скифского времени. В эту эпоху в металле нередко изображались львы или отдельные части тела этих хищников [1].

Найденные на территории степной Скифии гривны были изготовлены для степных варваров под воздействием греческого искусства, в реалистической манере, но с явными элементами стилизации. Прямых аналогий гривнам из с. Ларгуцэ не имеется. Эти предметы уникальны. Но отдельными своими чертами они похожи на гривны из Суз [2].

Гривны, подобные вышеописанным, могли служить реалистическими прототипами аналогичным изделиям из бронзы и серебра с львиными же головками на концах, геометризованными и упрощенными, с почти неразличимыми львиными чертами. Эти изделия относятся к IV—III вв. до н. э. [3]

Остается добавить, что в состав клада входили еще, по-видимому, височные кольца, браслеты и медальон, до нас не дошедшие.

В. В. ВЕСЕЛОВ

О «КИММЕРИЙСКОМ ВАЛЕ» НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Известно, что в глубокой древности, еще задолго до прихода греков, современный Таманский полуостров представлял собой архипелаг. Многими протоками-проливами между Азовским и Черным морями Таманский полуостров был разделен на ряд островов. Вероятно, в глубокой древности между грядой Фонталовой и горой Цимбалы существовал пролив, соединявший Таманский залив с Ахтанизовским лиманом Азовского моря. Об этом писал К. Гёрц [4], ссылаясь на слова Дюбуа де Монпере, и С. Ф. Войцеховский [5].

На скате северного берега этого пролива расположены остатки так называемого «Киммерийского вала». Земляной вал общей длиной 1,60—1,80 *км* представляет собой цепь продолговатых насыпей, разделенных прогалами шириной в 3 *м*, 3,5 *м* и 15 *м* (рис. 1). Длина бывшего протока от берега Таманского залива до Ахтанизовского лимана равна приблизительно 8 *км*. Следовательно, длина ясно выраженного вала составляет только одну пятую бывшего пролива. Вал начинается у Таманского залива и кончается немного не доходя до автогужевой дороги, ведущей из станицы Фонталовской на пос. Сенную.

«Киммерийский вал» не был насыпан по всей длине пролива. Об этом свидетельствует также картографический материал [6].

В поперечном сечении вал представляет собой неправильную трапецию шириной по верху 3—4 *м*, высотой около 5 *м*. Общий объем вала в современном его состоянии составляет около 120 000 $м^3$. Судя по обнажениям, грунт насыпи — светло-желтый суглинок.

---

[1] Б. Граков. Скіфи. Київ, 1947, стр. 79, 82, 83.

[2] O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus. London, 1926, фиг. 66.

[3] А. А. Нудельман и Э. А. Рикман. Бронзовое навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии. Известия МФ АН СССР, вып. 4 (31), 1956.

[4] К. К. Гёрц. Археологическая топография Таманского полуострова. СПб., 1898, стр. 31—32.

[5] С. Ф. Войцеховский. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени. Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии, книга 1, т. III, вып. 5—6. Ростов-на-Дону, 1929, стр. 6.

[6] К. К. Гёрц. Ук. соч., приложение: археологическая карта Таманского полуострова.

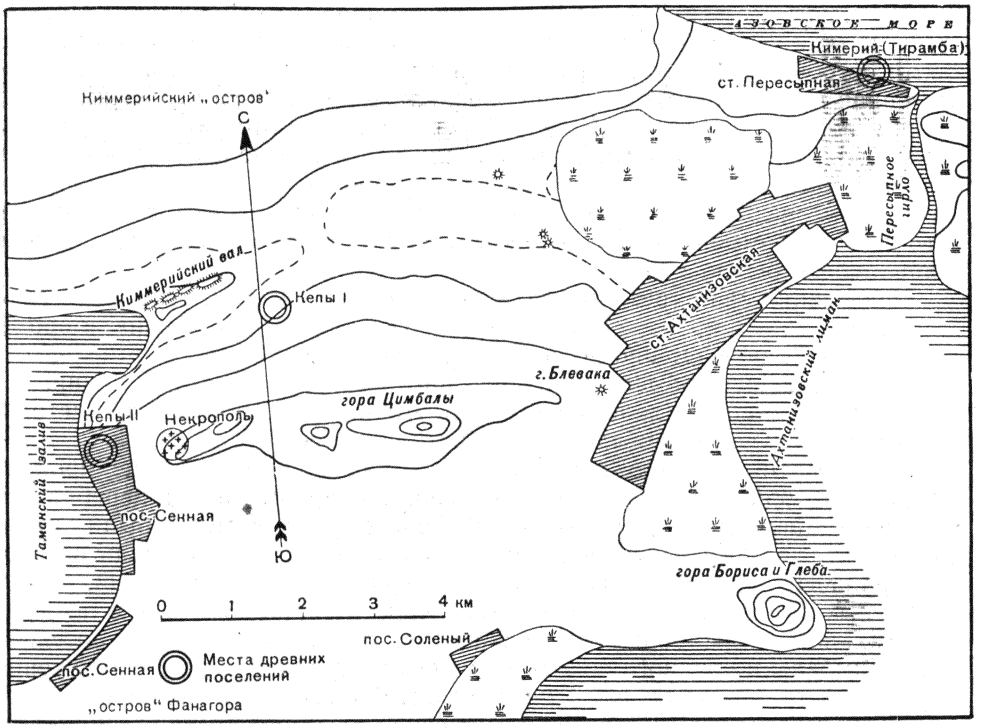


Рис. 1. Схема расположения боспорских поселений в районе «Киммерийского вала»

Между низиной и насыпью вала расположены остатки неглубокого углубления, образовавшегося в результате выборки грунта для насыпи. По всей вероятности, никакого рва перед валом не было. Исходя из объема существующего вала, т. е. объема вынутой земли, можно определить, что ширина углубления при глубине его в 1,5 *м* должна быть равной 45 *м*.

В современном состоянии углубление имеет разную ширину — 40—50 *м* и более, а глубину 0,80—1,0 *м* и меньше. Отсутствие традиционного рва, наличие прогалов, прямолинейность вала и открытый восточный фланг не дают права считать «Киммерийский вал» оборонительным сооружением. Всё говорит за то, что этот вал является частью гидротехнического сооружения.

В последнее время принято считать, что этот вал представляет собой оградительную дамбу, защищавшую низменную часть Фонталовского полуострова от разлива вод в протоке [1]. С этим согласиться никак нельзя, поскольку вода через прогалы все равно проникала бы за насыпь. Кроме того, как указывалось, высота вала в средней его части достигает 5 *м*. Трудно представить себе такой большой подъем воды в Таманском заливе.

При осмотре многочисленных ям, вырытых в вале, не было обнаружено каких-либо археологических предметов. Фрагменты глиняной посуды эллинистического периода встречались лишь в восточном конце вала, вблизи существующей автогужевой дороги пос. Фонталовская — пос. Сенная, т. е. там, где насыпь имеет расплывчатую форму.

Наличие остатков древнего боспорского городища, располагавшегося примерно в 700—800 *м* юго-восточнее восточного конца вала, наводит на мысль, что это древнее поселение, существовавшее еще в V в. до н. э., было основано на берегу небольшого языка Таманского залива.

---

[1] С. Ф. Войцеховский. Ук. соч., стр. 6.

Из свидетельства Гекетея Милетского видно, что Фанагория находилась на острове [1]. Об этом сообщает и Страбон [2]. Очевидно, между соседними островами Фанагора и Киммерийским находился пролив или заболоченная низина, следы которой сохранились до сих пор. С течением времени залив мелел, вследствие чего береговая линия отступала от древнего поселения. Вполне вероятно, что жители этого поселения, стремясь приблизить стоянку судов к своему поселению, производили работы по устройству неглубокого, но широкого канала для захода своих судов. Вынутый при строительстве канала грунт образовал насыпь, идущую параллельно берегу канала.

Разделение вала тремя прогалами на четыре участка, возможно, объясняется тем, что производство работ по рытью подходного канала производилось не одновременно по всей его длине, а периодически, отдельными участками, по мере обмеления залива и отступления береговой линии.

Вопрос о канале и вале мог бы быть уточнен при производстве детального археологического обследования путем поперечных разрезов.

Организаторами строительства подходного канала были не простые рыбаки, которым нетрудно было со своим скарбом самим перебраться в более удобное место для стоянки рыбацких судов. К месту были привязаны более состоятельные люди, имевшие солидные жилища, сады и виноградники. Наличие близ вала остатков двух античных поселений, расположенных близко друг от друга, укрепленного акрополя в более позднем из этих поселений, обширного некрополя, расположенного на соседней горе Цимбалы и крупного по тем временам гидротехнического сооружения говорит за то, что здесь, в 6 *км* севернее г. Фанагории, находился боспорский город Кепы. Это не противоречит свидетельствам древних писателей.

В источниках имеются указания о том, что в древности на Таманском полуострове производились гидротехнические работы [3].

Во время Страбона люди могли забыть, кто прорыл канал и насыпал вал. Древнее боспорское поселение, находившееся недалеко от «Киммерийского вала», постепенно замирало, в то время как на берегу Таманского залива росло новое поселение Кепы II, где был сооружен довольно мощный акрополь. Перемещению поселения в более выгодное в стратегическом отношении место, безусловно, способствовали бурные события II в. до н. э.

Очевидно, название «Киммерийский вал» произошло оттого, что он был насыпан на перешейке полуострова, на восточном крае которого у Азовского моря находилось поселение Киммерий.

Б. А. ТИМОЩУК

НАДГРОБИЕ ИЗ с. МУСОРОВКИ, ЧЕРНОВИЦКОЙ ОБЛАСТИ

В 1954 г. во время археологических разведок по правому берегу р. Днестра наше внимание привлек каменный столб, стоявший вкопанным в землю, в с. Мусоровке, Заставновского района, Черновицкой области (рис. 1).

Столб высечен из местного, днестровского известняка. Его высота 1,2 *м*. Верх столба оформлен в виде квадратной плиты размерами 0,4 × 0,4 × 0,25 *м*. Остальная его часть в поперечном сечении имеет форму прямоугольника с размером сторон 0,2 × 0,25 *м*. Поверхность

[1] Гекатей, fr. 164 = SC, I, стр. 2.
[2] Страбон, XI, 2, 10 = SC, I, стр. 132.
[3] Страбон, XI, 2, II, = SC, I, стр. 133.

восточной стороны плитообразной части столба имеет овальную форму. На ней выступают незначительные углубления, вероятно, следы каких-то прежних изображений, разрушенных действиями атмосферных явлений. Другие стороны столба плоские, тщательно обработаны. Надписей на поверхности столба не имеется, только вверху на его боковой стороне вырезаны знаки в виде букв А, Т. Очевидно, они позднего происхождения.

Столб вставлен в подставку, которая представляет собой толстую каменную плиту с прямоугольным сквозным отверстием посередине. Ее размеры 0,3 × 0,75 × 0,85 *м*. Она предназначалась для удерживания столба в вертикальном положении и вместе с его нижней частью была вкопана в землю. Остальная часть столба, высотой 0,8 м, находилась на поверхности земли [1].

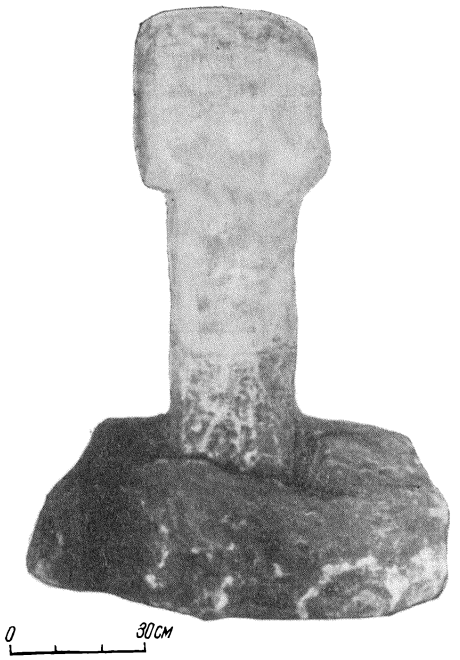


Рис. 1. Каменное надгробие из с. Мусоровки, Черновицкой области

При археологическом обследовании окружающей территории оказалось, что каменный столб стоял вблизи древнерусского поселения, на территории древнего кладбища (рис. 2). Остатки древнерусского поселения XII—XIII вв. обнаружены в урочище «Коло Плыска», которое примыкает к северной части с. Мусоровки. В обрыве надпойменной террасы Днестра на глубине 0,20—0,60 *м* выступает культурный слой, насыщенный обломками керамики, кусками глиняной обмазки, угольками и раздробленными костями животных. Он прослеживается на участке от северной окраины села и далее вниз по течению реки на протяжении 1 *км*.

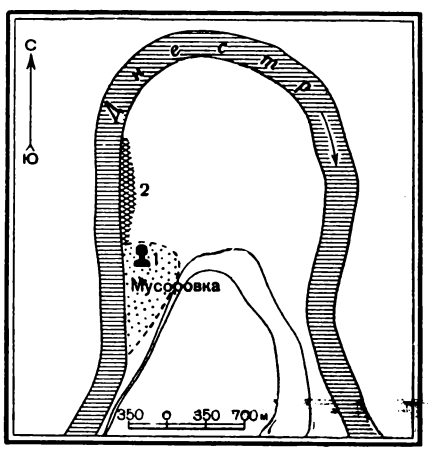


Рис. 2. Место находки надгробия
1 — каменный столб, *2* — древнерусское поселение

На юг от древнерусского поселения, в северной части современного села, находится древнее кладбище, где нами раскопано древнерусское погребение, над которым стоял вышеописанный столб.

На дне могильной ямы раскопанного погребения, на глубине в 1 *м* от современной поверхности, лежал вытянутый на спине головой на запад мужской костяк длиной 1,7 *м*. Руки были сложены на животе. В могильной яме возле костяка найдено несколько обломков древнерусской керамики и кусочки древесного угля. Над могильной ямой в ногах покойника стоял каменный столб.

Очевидно, каменный столб, поставленный в ногах погребенного, входил в

[1] В настоящее время столб находится на сохранении в Черновицком краеведческом музее.

комплекс погребального сооружения раскопанного погребения. Ориентация столба совпадает с ориентацией погребения. Наиболее хорошо обработанной лицевой стороной он был обращен на восток. Покойник также лежал лицом на восток (головой на запад). Очевидно, каменный столб был надгробным памятником.

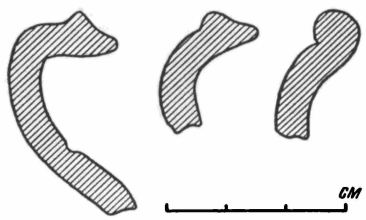


Рис. 3. Профили венчиков из древнерусского погребения вс. Мусоровке

Как и весь погребальный комплекс, надгробие следует отнести к XII—XIII вв. На такую датировку указывает прежде всего найденная в могильной яме керамика (восемь фрагментов), сделанная на гончарном круге из хорошо приготовленного теста с примесью песка. Стенки сосудов тонкие, хорошего обжига, в изломе трехцветные. На двух обломках имеется орнамент, состоящий из параллельных врезанных линий. Венчики хорошо профилиро- (рис. 3). Такая же керамика собрана и на древнерусском поселении в с. Мусоровке. Она типична для всех древнерусских поселений Галицкой Руси, которые упоминаются в летописях XII—XIII вв.[1]

Такой датировке памятника не противоречит и обряд погребения. Покойник похоронен без вещей, вытянут на спине (головой на запад), со сложенными руками на животе. Все это является типичным для древнерусских погребений. Наличие обломков глиняных горшков и угольков в могильной яме является также характерной чертой для древнерусских погребений в Галицкой Руси. Это известно по раскопкам в Галиче[2], на территории Северной Буковины (Черновцы, Василев, Иванковцы)[3] и в других местах.

О надгробиях языческого времени упоминают некоторые письменные источники, например, Ибн-Фадлан[4] и Повесть временных лет[5]. Надгробие же из Мусоровки относится к более позднему времени, когда на Руси было уже принято христианство. Под влиянием христианства приблизительно с XII в. погребения начали отмечать крестами[6]. Следует полагать, что надгробия старого типа — языческие — могли некоторое время бытовать и после введения христианства. Ведь для этого времени и характерно сплетение двух погребальных обрядов: языческого и христианского[7]. Однако мы не располагаем данными, чтобы утверждать, что каменный столб из Мусоровки является надгробием языческого типа. Возможно, что это древнейшая форма христианского надгробия. Ответы на эти вопросы можно будет получить при дальнейшем исследовании древнерусских надгробных памятников.

---

[1] Например, такая же керамика характерна для культурных слоев древних населенных пунктов на Днестре — Василева и Онута, упоминаемых летописцами в начале XIII в.

[2] Я. Пастернак. Старый Галич. Краков — Львов, 1944, стр. 49, 58, 154.

[3] Раскопки автора.

[4] «Потом они построили... нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяшку хаданга (белого тополя); написали на ней имя (этого) мужа и имя царя русов...». Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу (Перевод и комментарии под редакцией акад. И. Ю. Крачковского). М.— Л., 1939, стр. 83.

[5] «...мертвеца сожьжаху, и посемь собравши кости вложаху в судину малу, и поставляху на столп на путех». Повесть временных лет, т. I (Академическое издание). М.— Л., 1950, стр. 15.

[6] К. Широцький. Надгробні хрести на Україні. Записки наукового товариства ім. Шевченка, т. LXXXII, Львов, 1908, стр. 12—13.

[7] См. Н. Ф. Лавров. Религия и церковь. История культуры древней Руси, т. II, М., 1951, стр. 98—99.

Н. Л. БЕЛОРУЦКИЙ

НАХОДКА КАМЕННОГО ИЗВАЯНИЯ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

В 1956 г. в колхозе им. Ворошилова, около станицы Ново-Леушковской, Павловского района, Краснодарского края, была случайно найдена в небольшом кургане на глубине 40—80 см известняковая статуя высотою 1 *м* 68 *см,* изображающая воина. Хорошо обработаны голова, туловище, руки, короткие ноги. Хорошо сохранилась голова, на ней ясно видны нос, брови, глаза, рот, усы, уши (рис. 1).

Головной убор — остроконечный шлем, имевший в верхней части углубление. Из-под головного убора на спину свисает хорошо выполненная заплетенная коса. От поясницы через плечи резцом обозначены ремни, которые соединяются на спине пуговицей под косой. На другой стороне одежды отчетливо изображена охотничья собака, а на другой стороне — какая-то птица.

Статуя хранится в Ново-Леушковской школе.

В 1949 г. подобная статуя воина была найдена в верхней части небольшого кургана в станице Старо-Леушковской (20 *км* от Ново-Леушковской). Сейчас эта статуя находится в Краснодарском краеведческом музее.

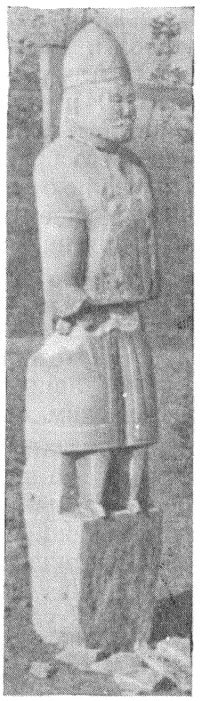


Рис. 1. Каменное изваяние

Е. А. ДАВИДОВИЧ

КЛАД КАРАХАНИДСКИХ МОНЕТ XI в. ИЗ ТАДЖИКИСТАНА

В августе 1955 г. в Шайданском районе Ленинабадской области, недалеко от кишлака Бободархон был найден В. А. Рановым клад серебряных караханидских монет начала XI в. [1].

Все кашгарские монеты чеканены от имени Кадыр-хана Юсуфа б. Бугра-хана. Узгендские и часть (4 экземпляра за 398—401 г. х. (1007—1011)) ахсикетских монет чеканены от имени илека Насра (владетеля Мавераннахра и Ферганы) с упоминанием титула его сюзерена. Другая часть ахсикетских монет чеканена от имени Ахмада б. Али, старшего брата Насра.

---

[1] Описываемый клад хранится в Институте истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. Клад состоит из 19 целых монет, нескольких крупных фрагментов и большого числа мелких от (трети монетного кружка и меньше). Общее число фрагментов — свыше 80. Кроме целых монет, удалось уточнить определение 34 фрагментов, когда это позволяли их размеры и состав сохранившихся на них надписей. Происхождение фрагментов неясно. Попытки подобрать их не дали результатов. Последнее может объясняться тем, что клад сохранился не целиком. Но не исключено, что монеты разломаны преднамеренно и осколки эти обращались. Для предшествующего, саманидского, времени такой факт засвидетельствован письменными источниками и серебряными монетными кладами.

О кладах, зарегистрированных на территории Тадж. ССР с 1952 г., см. Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана в 1953 г. Доклады АН Тадж. ССР, вып. II, Сталинабад, 1954, стр. 69—79; О. И. Смирнова. Монетные находки на городище древнего Пенджикента. Сб. Археологические работы в Таджикистане в 1954 г. Тр. АН Тадж. ССР, т. XXXVII, Сталинабад, 1956, стр. 83—93; Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г. Там же, стр. 95—103.

На двух разнотипных монетах 405 г. х. (1014—1015) (одна — шашская, на второй наименование монетного двора не сохранилось) упомянуты и Ахмад б. Али и Кадыр-хан Юсуф б. Бугра-хан. Две также разнотипные монеты 404 г. х. (1013—1014) (одна ходжендская, на второй наименование монетного двора не сохранилось) чеканены от имени Мухаммада б. Али. младшего брата Ахмада и Насра, причем на ходжендской монете приведена только его титулатура, а на второй — также и его собственное мусульманское имя. Монета Тараза сильно фрагментирована, даты и имени государя на этом фрагменте нет.

Особое внимание обращает самаркандская монета 401 г. х. (1010—1011) (КП —230/33). Она позволяет пересмотреть предложенное О. Прицаком определение одной группы монет и упомянутого в их надписях лица.

На некоторых шашских и самаркандских монетах начала XI в. фигурирует лицо с куньей Абу-л-музаффар, лакабом Низам-ад-доуля и тюркским титулом طغا تكين (без диакритических знаков), который разные исследователи читают по-разному: «тига — тегин» и «тонга — тегин». Кто это лицо, каково его мусульманское имя? О. Прицак, крупнейший в настоящее время исследователь истории Караханидов, широко использующий в своих работах монетные данные, полагает, что это лицо — Мансур б. Али, третий сын Али б. Мусы. На чем основано это заключение? Анализируя монеты с надписью «Арслан-хан Илек», О. Прицак очень убедительно доказывает, что здесь подразумевается не одно (как полагали многие), а два лица: «Илек» — это упоминаемый на тех же монетах Мухаммад б. Али, а мусульманское имя «Арслан-хана» — Мансур б. Али с куньей Абу-л-музаффар. Вслед за этим О. Прицак заключает: «Кунья Абу-л-музаффар впервые встречается на монетах, чеканенных в Шаше в 399 г. х. = 1008/9, 401 г. х. = 1010/1. Отсюда мы видим, что Мансур б. Али, третий «Алид», правил в это время в Шаше. Кроме того, он носил тюркский эпитет Тонга — тегин и лакаб Низам-ад-доуля. Так как в то же время его монеты уже появляются в Самарканде, мы должны принять, что Мансур б. Али был преемником умершего в этом году властителя Ферганы и Мавераннахра, Насра б. Али» [1].

Привлеченные О. Прицаком для этого заключения шашские и самаркандские монеты опубликованы Х. М. Френом, Б. Дорном и А. К. Марковым. На шашских монетах 399 г. х. (1008—1009) и 401 г. х. (1010—1011) упомянуты два лица: Низам-ад-доуля абу-л-музаффар тига — тегин (поле об. ст.) и Кутб-ад-доуля наср-ал-милля (круговая надпись об ст.). Самаркандские монеты разнотипны. Датированная чеканена в 403 г. х. и на ней обозначены те же два лица, только в другом взаиморасположении: «Кутб-ад-доуля» в поле об. ст., а «Низам-ад-доуля абу-л-музаффар» в круговой легенде об ст., причем тюркский титул «тига — тегин» — отдельно, в поле л. ст. На одних недатированных самаркандских монетах в круговой надписи об. ст. (как и на шашских монетах) — «Кутб-ад-доуля», а в поле обеих сторон — «тига — тегин» — тюркский титул второго лица; на других — только тюркский титул «тига — тегин».

Принадлежность лакаба «Кутб-ад-доуля» не вызывает сомнения: подразумевается Ахмад б. Али, известный с этим же лакабом по другим его монетам, на которых проставлено и его собственное мусульманское имя. Принадлежность же второго лица определена О. Прицаком на основании некоторых косвенных соображений, поскольку вышеописанные известные ему экземпляры не имели или не сохранили собственного имени.

Самаркандская монета 401 г. х. (1010—1011) отлична от всех известных О. Прицаку экземпляров этой группы прежде всего тем, что она донесла мусульманское имя лица с титулом «тига — тегин» (и это отнюдь не Мансур б. Али). Любопытна она и тем, что дает новый материал для ха-

[1] O. Pritsak. Karachanidische Streitfragen. Oriens, т. 3, № 2, Leiden, 1950, стр. 215—216.

рактеристики политической карьеры последнего, поскольку в качестве его непосредственного сюзерена на монете фигурирует не Ахмад б. Али, а Наср б. Али.

Приводим описание этой монеты:

л. ст., поле	об. ст., поле
طهر	لله
لا اله الا	محمد رسول الله
الله وحده	القادر بالله ناصر الحق
لا شريك له	خان المويد الدل
تكين	ايلك نصر

Круговая надпись л. ст. содержит выпускные сведения. Круговая надпись оборотной стороны содержит титулатуру и имя:

الامير الجليل نظام الدوله ابو الظفر محمد بن الد...

Итак, на самаркандской монете 401 г. х. (1010—1011) из нашего клада упомянуты т р и лица: Насир ал-хакк-хан (верховный сюзерен); Алмувайид ад-адль илек Наср (владетель Ферганы и Мавераннахра со столицей в Узгенде) и Низам-ад-доуля абу-л-музаффар тига-тегин с мусульманским именем Мухаммад [1]. Последнее исключает предложенную О. Прицаком идентификацию.

Монеты рисуют любопытную политическую карьеру Мухаммада тига-тегина. В Шаше он выступает в качестве вассального правителя Ах-

Год хиджры	Всего монет	В том числе: Кашгар	Ахсикет	Узгенд	Самарканд	Ходжент	Шаш	Тараз	Город не сохр.
394 (1003—1004)	1								1
398 (1007—1008)	2		1	1					
399 (1008—1009)	1			1					
39...	2		1						1
400 (1009—1010)	4			4					
401 (1010—1011)	7	3	2	1	1				
402 (1011—1012)	1	1							
403 (1012—1013)	3	2	1						
404 (1013—1014)	9	5	2			1			1
405 (1014—1015)	3	1					1		1
40...	2	1	1						
Год не сохр.	18	10	1					1	6
Всего:	53	23	9	7	1	1	1	1	10

мада, б. Али. Самарканд в это время принадлежал брату Ахмада, Насру б. Али. Разобранная самаркандская монета показывает, что в 401 г. х. (1010—1011) этот Мухаммад уже владел Самаркандом, признавая себя вассалом Насра б. Али. Судя по местоположению имен на монетах, права и самостоятельность Мухаммада в Самарканде были даже большими, чем в Шаше. В этом же году Самарканд отошел к Ахмаду б. Али [2]. Последующий чекан показывает разные нюансы взаимоотношений между Ахмадом б. Али и Мухаммадом тига-тегином, сумевшим на некоторое время сохранить за собой Самарканд.

[1] К сожалению, имя отца Мухаммада не сохранилось. После слова «бен» четко видны только три буквы: «алиф», «лям» и «дже» или «хе» (в зависимости от отсутствующих здесь диакритических знаков).

[2] B. Dorn. Über die Münzen der Ileke oder ehemaligen Chane von Turkistan. Mélanges Asiatigues, т. VIII, SPb., 1881, стр. 716, № 35.

С. А. ИЗЮМОВА

ВЯТИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1948 г. в Тульский областной краеведческий музей было доставлено 11 предметов из женского вятического погребения, разрушенного при проведении водопровода близ ремесленного училища № 6 в г. Болохове. В число их входят: шесть височных колец и гривна из билона, браслет и четыре бусины.

Никаких признаков насыпи над погребением не было.

Среди височных колец имелись четыре семилопастных и два пятилопастных кольца (рис. 1, *1, 2, 3*). Среди семилопастных было одно кольцо

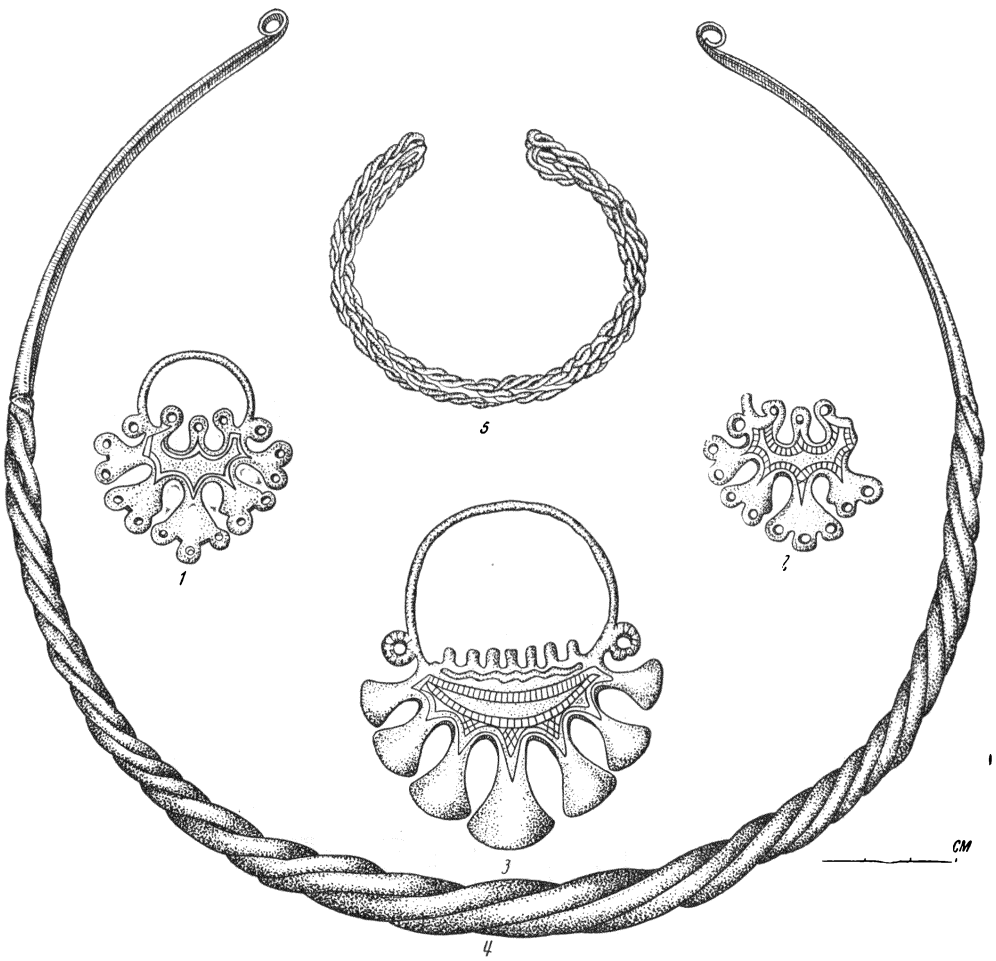


Рис. 1.
1, 2, 3 — височные кольца; *4* — гривна; *5* — браслет

целое (рис. 1, *3*) и три со сломанной дужкой. Одно семилопастное имело по верхнему краю пластинки восемь колечек, распределяющихся следующим образом: по три у основания дужки и по одному у крайних лопастей. Аналогичные височные кольца найдены в курганах Калужской области [1]. Поверхность колец покрыта орнаментом в виде заштрихованных полос и

[1] Н. И. Булычев. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги, 1903 г. М., 1903, стр. 62, табл. XI, *3*; его же. Раскопки по среднему течению Угры. ЗМАИ, т. XXXI. М., 1913, стр. 76, табл. VIII, *5*.

зубцов. Все четыре экземпляра височных колец относились, по классификации А. В. Арциховского, к типу простых [1], широко распространенных среди курганных и городищенских древностей XII—XIII вв. [2].

Большой интерес представляют пятилопастные височные кольца (рис. 1, *2, 3*). Одно из них целое, у другого отсутствует крайняя лопасть и часть дужки. Оба височных кольца по концам лопастей имели колечки, что позволяет отнести их к типу подзорчатых, которые хронологически соответствуют III стадии вятических курганов, датируемой А. В. Арциховским XIV в. [3].

Пятилопастные височные кольца по сравнению с семилопастными встречаются гораздо реже. Известно считанное количество их экземпляров [4].

Гривна была сделана из двойного билонового витого жгута, к концам которого припаяны прямоугольные пластинки с загнутыми концами (рис. 1, *4*). Подобные гривны самого простого вида являются частой находкой на территории Восточной Европы и известны не только у вятичей в XII—XIII вв. [5], но и у других славянских племен в XI—XIII вв. [6].

Медный витой браслет сделан из двойной проволоки, согнутой втрое (рис. 1, *5*). Такие браслеты из поздних курганов вятичей XIV в.[7] А. В. Арциховский относит к типу 2 × 3 [8].

Среди бус были: одна хрустальная шарообразная и три янтарных бипирамидальных. Перечисленные типы бус являются частой находкой в вятических курганах XII — XIV вв. в Калужской, Тульской, Московской, Смоленской областях.

Таким образом, по инвентарю, характерному для вятичей, погребение, открытое в Болохове, может быть датировано XIII—XIV вв. Материалы этого погребения представляют интерес для археологов не только с точки зрения его датировки. Они позволяют значительно расширить границы расселения вятичей к югу.

Н. Ф. КАЛИНИН

ПОСТНИК БАРМА — СТРОИТЕЛЬ СОБОРА ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО В МОСКВЕ И КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ

В исторической традиции утвердилось и безраздельно господствует мнение, что знаменитый храм Василия Блаженного (1555—1561) был построен двумя мастерами — Постником и Бармой. Однако о Барме нет других известий, помимо того, что он был строителем названного московского храма. Про Постника же имеется подлинный документ, свидетельствующий, что он был, кроме того, строителем Казанского кремля. Цар-

[1] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 49.

[2] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XXIV, *7*; XVIII, *13*; А. В. Арциховский. Царицынские курганы. МИА, № 7, 1947, стр. 80; А. Л. Монгайт. Салтыковские курганы. МИА, № 7, 1947, стр. 83; И. Е. Забелин. Изыскания о древнейшем первоначальном поселении Москвы. Тр. VIII АС, т. III, М., 1897, стр. 3—4; А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1956, стр. 20.

[3] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 54, 137.

[4] Там же, стр. 54, 133.

[5] А. В. Арциховский. Царицынские курганы, стр. 78; его же. Основные вопросы археологии Москвы. МИА, № 7, 1947, стр. 18.

[6] ОАК за 1903 г., СПб., 1906, стр. 186; ОАК за 1895 г. СПб., 1897, стр. 67.

[7] Н. И. Булычев. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги, стр. 19, 63, табл. III, *11*; XI, *16*.

[8] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 12, рис. 3.

ский указ 15 декабря 1555 г., направленный в Новгород к дьякам Федору Еремееву и Казарину Дубровскому, повелевал «псковскому диаку Шершню Билибину, да старостам псковским Богдану Ковырину, да Семену Мизинову, да с ними церковному и городовому мастеру Поснику Яковлеву да каменщиком псковским Ивашку Ширяю с товарыщы, к весне, в Казани новой город Казань камен делати, выбрати двесте человек псковских каменщиков, стенщиков да ломцов, сколько будет человек пригоже» [1].

Еще в 1902 г. И. Е. Забелин отождествил Постника Яковлева этого указа с Постником, упомянутым рядом с Бармой, как строителем Василия Блаженного: «Несомненно, что это тот Посник Яковлев, церковный и городовой мастер, которому в 1555 г. была поручена постройка нового города Казани, каменного» [2].

И. Е. Забелин, как и все в то время, приписывал постройку Василия Блаженного безоговорочно двум мастерам — Постнику и Барме. Более того, новейший исследователь интересующего нас вопроса Н. И. Брунов выделил и особо подчеркнул роль зодчего Бармы как в создании собора Василия Блаженного, так и многих приписанных Н. И. Бруновым его творчеству выдающихся памятников русской архитектуры XVI в [3].

На чем же основывается эта традиция? На позднем, носящем следы искажения сказании XVII в.

В 1896 г. священник Иван Кузнецов опубликовал выдержку из рукописного сборника, хранившегося тогда в Румянцевском музее за № CCCLXIV (собрания Н. П. Румянцева). Сборник этот поздний и, по описанию А. Х. Востокова, «писан разными почерками исхода XVII и начала XVIII века». В составе сборника находится «Сказание о перенесении чудотворного образа Николая чудотворца», бывшего царским вкладом в строившийся Покровский (Василия Блаженного) собор. В этом-то позднем сказании о постройке собора читаем следующее: царь после взятия города Казани «вскоре поставиша церкви древяны, седмь престолов, иже быти окрест осмаго болшаго престола, церкви каменныя, близ мосту Фроловских ворот надо рвом. И потом дарова ему бог дву мастеров руских, по реклу Постника и Барму, и быша премудрии и удобни таковому чюдному делу» [4]. Это ясное и, казалось бы, чуждое противоречий известие было принято историками некритично.

Вопреки И. Кузнецову, данное известие является не «летописным текстом» [5], а поздним сказанием, в котором, вероятно, переосмысливается старое предание. Исследователи не обратили внимания и на странное употребление выражения «по реклу». Как известно, «по реклу» значит «по прозвищу». Это выражение ставится в древнерусском языке перед прозвищем человека, а не перед собственным его именем. «Посник» или «Постник» — это собственное имя [6]. «Барма» же — это явно прозвище, означающее, возможно, человека искусного, как искусно делались бармы — оплечья на великокняжеские и царские одежды, богато и разнообразно украшенные [7]. В фразе «Сказания» — «дву мастеров русских, по реклу

[1] Дополнение к Актам историческим. СПб., 1846, т. I, № 82, стр. 167.

[2] И. Е. Забелин. История города Москвы, ч. 1. М., 1902, стр. 156.

[3] Н. И. Брунов. Мастера древнерусского зодчества. М., 1953, стр. 34—49. См. также К. К. Романов. Псков, Новгород и Москва в их культурно-художественных взаимоотношениях. ИРАИМК, т. IV, Л., 1925, стр. 240.

[4] И. Кузнецов. Еще новые летописные данные о построении московского Покровского (Василия Блаженного) Собора. ЧОИДР, кн. 2, М., 1896. Смесь, стр. 24.

[5] Статья И. Кузнецова называется «Еще новые летописные данные...».

[6] Имя «Постник» встречается, например, несколько раз в «Писцовых книгах г. Казани».

[7] На смысл имени Бармы как прозвища указывал Н. Н. Воронин. Он полагал, что оно связано с дефектным произношением мастера («барма» — картавый, говорящий невнятно) и что, может быть, сотоварищ Постника Яковлева — Барма был иноземцем. См. Н. Н. Воронин. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. М.—Л., 1934, стр. 29, прим. 1.

Постника и Барму» вызывает недоумение то, что первый мастер назван только по имени (без прозвища), а второй — только по прозвищу (без имени).

Более логичен и правилен другой текст, приводимый И. Кузнецовым из «Русского Летописца от начала Русской земли до восшествия на престол царя Алексея Михайловича». Эта рукопись (№ 611 б. Румянцевского музея, из собр. Д. В. Пискарева, № 176), по определению А. Е. Викторова, написана в первой половине XVII в. Следовательно, эта рукопись старше первой, кузнецовской, примерно на полстолетия. В ней мы читаем: «Того же году (7068—1560) повелением царя и государя и великого князя Ивана, зачата делати церковь обетная еже обещался в взятие Казанское Троицу и Покров и семь приделов еже именуется на рву, а мастер был Барма с товарищи» (разрядка моя.— *Н. К.*) [1]. Здесь назван только один мастер, но не вследствие отлучки второго мастера (Постника), как думал, например, М. К. Каргер, который писал: «начав в июне 1555 г. строить вместе с Бармой ц. Василия Блаженного, весной следующего 1556 года он был снят с работы и направился в Казань; московскую же постройку заканчивал один Барма» [2]. И далее: «Нельзя ли в умолчании имени Постника видеть знакомство с фактом окончания постройки, действительно, одним строителем Бармой» [3]. По нашему мнению, здесь мы имеем отражение более точной версии о постройке церкви Василия Блаженного одним мастером — Постником Бармой, а не двумя — Постником и Бармой. Называть Постника именем и прозвищем было не обязательно. Он и назван поэтому в данном документе просто Бармой.

Недавно был опубликован еще один источник, показывающий, что действительно имена Постник и Барма относятся к одному, а не к двум лицам. Запись 1633 г. в рукописи Судебника 1550 г. (Архив Ленинградского отделения Института Истории АН СССР, собрание Н. П. Лихачева, № 228) гласит: «Судебник Соловецкого монастыря стряпчего и слуги московские службы Дружины Тарутьева сына Посникова, по реклу Бармы, поступился Ивану Максимову, вологодцкому таможенному подьячему в 141 году» [4]. Из записи следует, что рукопись Судебника 1550 г. принадлежала до 1633 г. монастырскому стряпчему, московскому служилому человеку Дружине. Дружина был сыном Тарутия и, очевидно, внуком Посника, имевшего прозвище «Барма». Нам кажется вполне правомерным отождествить этого Посника, по реклу «Барма» (деда владельца рукописи в первой трети XVII в.) со знаменитым зодчим Постником Яковлевым.

Мы высказываем это предположение в надежде, что историки обратят пристальное внимание на данный документ, опубликованный еще в 1952 г., но не получивший должного комментария.

А в то же время всё, что имеет отношение к крупнейшим мастерам-зодчим XVI в., создавшим шедевры русского искусства, заслуживает всяческого внимания.

Фигура «церковых и городовых дел мастера» Постника Яковлева при отождествлении его с Бармой приобретает еще большее историческое значение. Постник-Барма вырастает в величину, равную в российском масштабе западноевропейским мастерам эпохи Возрождения. Постнику Яковлеву Барме мы в праве приписывать следующие архитектурные сооружения:

---

[1] И. Кузнецов. О построении московского Покровского (Василия Блаженного) собора. ЧОИДР, кн. I, М., 1896, Дополнения, стр. 19.

[2] М. К. Каргер. Успенский собор Свияжского монастыря, как архитектурный памятник. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР, вып. 2, Казань, 1928, стр. 26.

[3] Там же, стр. 27.

[4] Судебники XV—XVI вв. М.—Л., 1952. стр. 117.

1. Собор Покрова (Василий Блаженный) в Москве, 1555—1561 гг. [1]
2. Казанский кремль, 1556 и следующие годы [2].
3. Спасская башня и Спасская церковь Казанского кремля, 1556—1560 гг. [3].
4. Никольский храм Успенского монастыря в Свияжске, 1556 г. [4].
5. Успенский собор в Свияжске, 1560 г. [5]
6. Благовещенский собор Казанского кремля 1561 г. [6].

Этот список его работ убедительно говорит о том, что во второй половине XVI в. в России вряд ли можно назвать другого русского мастера-архитектора, который был бы равен Поснику Барме.

---

[1] Дата по И. Забелину. См. И. Е. Забелин. Ук. соч., стр. 156.
[2] Дата по Указу 15 дек. 1555 г. и по «Писцовым книгам г. Казани».
[3] Дата по тем же данным. См. также Н. Калинин. Спасская башня Казанского Кремля. Казань, 1926.
[4] Дата по антиминусу 6 дек. 1556 г. См. М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 26.
[5] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 11.
[6] К. Ф. Фукс. Краткая история г. Казани 1817 г. ИОАИЭ, т. XXI, 1905, стр. 152, прим. 105.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ И КРАЕВЕДУ

Н. Н. ВОРОНИН

О МЕСТНЫХ МУЗЕЯХ И КРАЕВЕДЕНИИ

3 ноября 1917 г. Народный Комиссариат просвещения обратился с воззванием «К рабочим, крестьянам, солдатам, матросам и всем гражданам России». В воззвании говорилось: «Кроме богатств естественных, трудовой народ унаследовал еще огромные богатства культурные: здания дивной красоты, музеи, полные предметов редких и прекрасных, поучительных и возвышающих душу, библиотеки, хранящие огромные ценности духа и т. д. Все это теперь воистину принадлежит народу. Все это поможет бедняку и его детям быстро перерасти образованностью прежние господствующие классы, поможет ему сделаться новым человеком, обладателем старой культуры, творцом еще невиданной. Товарищи! Надо зорко, бдительно беречь это достояние народа»[1]. Для охраны и пропаганды культурных ценностей в ноябре 1917 г. по замыслу В. И. Ленина при Наркомпросе была создана Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины, а в мае 1918 г.— Музейный отдел Наркомпроса, руководивший музеями и организацией новых музеев. Если до 1918 г. в России был 151 музей, то лишь в 1918 г. был основан 101 новый музей, в 1919 г.— 58, в 1920 г.—38, а к 1923 г. количество новых музеев достигло 260[2]. Они возникали не только в городах, но и в деревне, как, например, сельские музеи Ново-Тушинский в Малмыжском уезде Вятской губернии или в с. Кудомкоре Пермяцкого края (1919 г.) и др. Эти музеи часто назывались «народными музеями», «музеями родного края» или «музеями родиноведения». Они были подлинными детищами раскрепощенной революцией народной инициативы. Новые музеи встречали широкую и прочную поддержку органов власти, для них отводились здания помещичьих усадеб, дворцов, особняков, архиерейских домов и т. п.[3].

Все это грандиозное музейное строительство советского правительства и народа, осуществленное в тяжких условиях гражданской войны, было практическим воплощением ленинского учения о культурном наследии. Музеи мыслились как хранители и пропагандисты этого культурного наследия, как мощные органы передачи широким слоям народа культурного богатства прошлого, в котором была запечатлена история народа, страны, края, города. В этом и была специфика деятельности музеев как культурно-просветительных учреждений, и в особенности музеев краеведческих, наиболее массовых музеев. А тяга народа к культуре, к познанию своего прошлого и настоящего была поистине огромной. Если посещаемость, например, сибирских музеев до революции составляла в год 30 000 человек, то уже в 20-х годах она выросла в шесть раз, достигнув 190 000![4]. Нет сомнения, что эта благородная и благодарная задача изучения и пропаганды культурного наследия не является задачей временной — это центральная задача музеев, постоянная и вечная, как вечны и непреходящи созданные и создаваемые трудом народа культурные ценности. Постоянной является, следовательно, и специфика краеведческих музеев: они служили и должны служить народу как музеи.

Весьма существенно, что местные музеи были включены в систему Главнауки, что подчеркивало научную, исследовательскую основу их массовой работы, а их краеведческий профиль был утвержден законодательным порядком[5]. 75 местных музеев РСФСР имели свои научные издания[6].

В дальнейшем к основной историко-культурной теме краеведческого музея примкнула задача изучения и показа природы местного края, а исторический охват экспозиции был закономерно расширен до истории революционного движения, Великой Октябрьской социалистической революции и вызванных ею коренных преобразований жизни страны. С развертыванием социалистического строительства экспозиция краеведческого музея

---

[1] Известия ВЦИК от 4 ноября 1917 г.

[2] В. К. Гарданов и Ю. Ф. Кононов. Музейное строительство в РСФСР (1917—1920 гг.). ВИ, 1955, № 4, стр. 117 и 123.

[3] О. В. Ионова. Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет Советской власти. История музейного дела в СССР. Тр. НИИ музееведения, вып. 1. М., 1957, стр. 45, 47.

[4] Там же, стр. 54.

[5] Там же, стр. 43.

[6] Там же, стр. 55.

необычайно расширилась показом бурного роста промышленности и сельского хозяйства края. Уже в 1924—1925 гг. ставилась задача «широкого развития производственных отделов, сельско-хозяйственных, кустарнопромышленных, фабрично-заводских, с целью вовлечь музеи в работу по поднятию народного хозяйства». Эти отделы вырастали из выставок, организовавшихся в связи с подготовкой к Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарнопромышленной выставкам [1]. В 1927 г. на III Всероссийской краеведческой конференции прозвучала мысль о широком политико-просветительном значении музеев, которые должны были «на своем материале показать, как лучше ставить производство, как лучше развить культуру» [2]. Так краеведческие музеи приобретали необъятный политико- и культурно-просветительный энциклопедический профиль, инструктивные задачи и многопредметность своих экспозиций.

Этот перелом в судьбе музеев был закреплен переводом их в систему политико-просветительных учреждений и новыми установками, провозглашенными на I Всероссийском музейном съезде 1930 г. Краеведческие музеи должны были «стремиться осветить историю края и в с е т е п р о б л е м ы (рязрядка здесь и ниже моя.— *Н. В.)*, которые стоят перед большими специализированными музеями» [3]. Отсюда с неизбежностью возникало требование упрощенного схематизированного построения экспозиций [4], обработки для музейной экспозиции «материалов ведомств и организаций», «лишь в исключительных случаях допуская самостоятельные исследования» [5]. В области историко-культурной экспозиции резко осуждался показ «памятников культуры как „замечательных", „уник" предметов старины и искусства» и узаконивался социологический схематизм [6]. Этот курс музейной политики развивался и в последующее время. В итоге профиль местных музеев в корне изменился, если не сказать — исказился, а в их работу проник дух догматизма и начетничества.

Центральные музеи Москвы и Ленинграда, несравненно более мощные, чем местные музеи, в материальном отношении и сравнительно хорошо обеспеченные специальными кадрами, построены по разумному принципу разделения труда и задач. В Москве есть Государственный Исторический музей, показывающий историю страны до Октября, есть Музей революции, Музей В. И. Ленина, есть ряд художественных музеев, есть несколько музеев, посвященных отдельным естественно-историческим темам, есть Всесоюзная Сельскохозяйственная, Строительная и Промышленная выставки, Политехнический музей и т. д. Едва ли кому-либо придет в голову слить все эти музеи в некий единый гибридизированный музей. Однако наши краеведческие местные музеи за истекшие с их основания десятилетия, стремясь охватить «все те проблемы, которые стоят перед большими специализированными музеями», стали именно такими гибридами областного и районного масштаба, и никому это не кажется даже странным.

Напротив, в процессе разрастания многопредметности задач местных музеев необычайно расширялась и задача исторического показа, растворявшая тему местного исторического развития в общей схеме истории СССР. Этой задаче подчиняется как накопление музейных коллекций, так и их экспозиционная работа. Музейные коллекции должны собираться с таким расчетом, чтобы отразить «в с е важнейшие события гражданской истории, истории классовой борьбы и революционного движения в Р о с с и и и в данном крае в особенности..., а также подтвердить во многих областях приоритет отечественной культуры, науки, техники, искусства» [7]. Краеведческие музеи должны строить экспозиции «общеисторического типа» [8]. «История края должна быть показана как составная и неотъемлемая часть истории нашей великой Родины и вместе с тем так, чтобы были отчетливо выявлены особенности данного края» [9]. Этот широкий охват исторической экспозиции в к а ж д о м местном музее диктуется тем, что иначе экспозиция якобы может «создать впечатление, что история края развивалась сама по себе, в отрыве от истории всей страны» [10]. Я не уверен в том, что у кого-либо может создаться такое впечатление, если местный музей показывает местную историю и памятники культуры; но совершенно несомненно, что интерес и познавательная ценность «общеисторических» экспозиций местных музеев очень невысоки. Широта «общеисторической» экспозиции с неизбежностью ведет к схематизации и конспективности освещения исторического процесса. Каждый музей по мере возможности показывает единую «учебную» схему истории СССР от палеолита до наших дней, посильно иллюстрируя ее местным материалом. Недостающие для полноты схемы экспонаты обильно восполняются бумагой, копиями картин и миниатюр или схемами, фотографиями, стандартным этикетажем и т. п. Это делает музеи в их исторической части не музеями, а выставками учебных «наглядных пособий» по преимуществу, где подлинный вещевой материал дается в скудной

[1] Там же, стр. 53.

[2] Ф. Н. П е т р о в. Краеведение и социалистическое строительство. Известия Центрального бюро краеведения, 1928, № 1, стр. 15.

[3] Первый Всероссийский музейный съезд, декабрь 1930 г. (Тезисы докладов). Л., 1930, стр. 17.

[4] Там же, стр. 23.

[5] Там же, стр. 21.

[6] Там же, стр. 27 и 28.

[7] Основы советского музееведения. М., 1955, стр. 84.

[8] Там же, стр. 272.

[9] Там же, стр. 279.

[10] Там же, стр. 85.

равномерной пропорции, допускаемой многосложной схемой. При этом огромная доля ценнейших подлинных экспонатов — действительно «замечательных уник» — оказывается скрытой от глаз народа в фондах музея. Специфика местной истории растворяется. Посетитель, увидевший подряд несколько музеев, с трудом определит и восстановит в памяти их индивидуальные черты.

Общественность много раз поднимала голос против этого схематизма и обезличенности музейных экспозиций. Так, советская писательница Мариэтта Шагинян под впечатлением виденных ею музеев Чехословакии высказала горькие слова по адресу наших музеев: «...там, где мы создаем общие музеи (скажем, историко-этнографические или естественно-научные), мы заготовляем стандарты образцов на единый лад, так что, например, повидав один музей, мы в другом увидим полное повторение предыдущего в фото, копиях документов, картах, муляжах, чучелах. И больше того — эти общие разделы совершенно съедают все то местное, свое, уникально-историческое или краеведческое, что так и хотелось бы увидеть именно в музее данного города и данного края» [1].

Эта хроническая болезнь наших местных музеев является весьма ярким выражением того догматизма и начетничества, которому объявил войну XX съезд КПСС. С этой болезнью необходимо быстро и решительно покончить. Прежде всего необходимо освободить музеи от обязательного показа *всего* исторического процесса. Нужно всемерно усилить и подчеркнуть местную, краеведческую задачу экспозиций и показа в первую очередь подлинного материала. Местный музей должен прежде всего показывать природу и историю родного края. Каждый местный музей «родиноведения» показывает *одну грань* истории, сливающуюся в центральных музеях в многогранной и широкой экспозиции истории всей страны.

Следует считать вполне естественным и законным, чтобы в некоторых музеях решительно преобладал показ той или иной *важнейшей местной темы* или эпохи. Почему бы, скажем, значительную часть экспозиции Владимирского музея не посвятить показу истории и культуры Владимиро-Суздальской Руси XI—XIII вв., имеющей всемирно-историческое значение? Почему бы в Ярославском музее не показать подробно культуру XVII столетия, когда Ярославль и города Поволжья обессмертили себя великими деяниями в борьбе с иноземной интервенцией и созданием великолепных памятников русского искусства? Почему бы в музеях Урала не экспонировать в качестве центральной темы историю горной промышленности — от ее возникновения до наших дней? Нельзя забывать и того, что уже осуществляется обязательное среднее образование, что знания и культурные запросы советского человека растут; и нельзя уже довольствоваться разжеванными и упрощенными экспозициями схем,— новому посетителю музея можно и должно показывать подробные и глубокие экспозиции конкретных тем.

Это единственно правильное основное направление экспозиционной деятельности местных музеев определит и основную линию их собирательской работы, их экспозиций. Сейчас собирательская работа музеев имеет потребительский характер, она направлена на «добывание некоторых памятников культуры, которые должны быть представлены в музее одним наиболее подходящим для его целей экземпляром» [2]. Этот подход сказывается сейчас и на отношении к фондам музея как к хранилищам лишь полезных для экспозиционных целей вещей. Музеи тяготятся хранением больших коллекций общенаучного значения, например археологических, этнографических и иных. Это отношение — также результат господствующей в практике музеев «общеисторической схемы», когда ведущую роль в экспозиции играют не подлинники, а суррогаты и эрзацы. Нужно ликвидировать разрыв между хранимым и экспонируемым материалом. Музей должен показывать посетителю все свои богатства. Работникам музеев нужно твердо усвоить важнейшее положение, что музеи не только культурно-просветительные учреждения, что они «являются *основными хранителями коллекций*, характеризующих природу, историческое прошлое и социалистическое переустройство края», что это «делает эти музеи важными научными центрами на местах» [3]. Если письменные источники нашей истории хранятся в архивах, то ту же роль своеобразных архивов бесценных для науки вещественных памятников прошлого играют фонды местных музеев. Это положение с особой силой подчеркивают советские археологи, коллекции раскопок которых вверяются местным музеям, где, к сожалению, они очень часто гибнут. Музеи должны гордиться тем, что они являются научными сокровищницами, «вещевыми архивами», они должны всемерно популяризировать свои богатства, в частности издавать описания или аннотированные каталоги фондов, что будет способствовать широкому включению коллекций местных музеев в оборот науки и росту последней.

Установка на показ местной истории и культуры, диктующая необходимость организации поисков новых подлинных материалов, поднимет интерес к научной работе и, более того, сделает ее *обязательным условием* успеха экспозиции. В настоящее время состав музейных кадров еще очень далек от идеала по своему профессиональному и культурному уровню. Именно на этот уровень рассчитан схематизм «общеисторической экспозиции», а также инструктивная литература для музейных работников Вспомним, что новейшее руководство по музейному делу считает, например, необходи-

---

[1] М. Шагинян. День в Праге. «Литературная газета» за 4 декабря 1956 г., № 144.

[2] Основы..., стр. 54.

[3] Там же, стр. 52.

мым разъяснить, что чучело колибри не может экспонироваться в отделе природы местного края, так как колибри в СССР не водятся![1] Нужно всемерно улучшить состав музейных кадров, насыщать музеи специалистами — историками и биологами — с высшим образованием. Для этого совершенно необходимо резко повысить заработную плату работников местных музеев, позаботиться об их обеспечении. Тогда можно требовать и с наличных кадров энергичного повышения своей научной квалификации, развития научной деятельности. Последнее вполне осуществимо, ибо в составе наших музейных кадров есть и сейчас драгоценные люди, ведущие исследовательскую работу; они обогащают нашу науку, публикуют статьи в научных органах и газетах, и музеи, где они работают, резко выделяются своим творческим подходом к показу материала, увлекательностью экспозиции.

Следует также пересмотреть задачи и характер показа важнейшей и ответственнейшей темы развития социалистической экономики данного края.

Обычно в музеях показ *истории* социалистической реконструкции подменяется экспозицией инструктивно-практического характера типа сельскохозяйственной и промышленной выставок или колхозных лабораторий[2]. Мне представляется, что эти задачи должны решаться путем организации специальных областных или районных, временных или постоянных выставок (которые уже местами организуются), оперативно и подробно отражающих и пропагандирующих передовой опыт, являющихся полезными для практиков сельского хозяйства и промышленности. Это дело не музеев и не отделов культуры — оно им не по плечу,— его должны осуществлять соответствующие сельскохозяйственные и промышленные отделы облисполкомов или горсоветов, располагающие нужными для организации таких выставок квалифицированными кадрами агрономов и инженеров. В музее же, по моему мнению, данный раздел должен быть так же, как и предыдущие разделы, разделом *историческим*, освещающим историю социалистического переустройства края. Это значит, что экспозиция этого раздела есть не инструктивная выставка, а постоянная и нарастающая часть *исторической* экспозиции. Принятие и реализация этого предложения, во-первых, сделает экспозицию отдела социалистического строительства органической частью показа *истории* края, во-вторых, заставит музейных работников не просто отражать все, что происходит в хозяйстве края, но отбирать важнейшие, ведущие явления и процессы.

Нельзя не отметить и то весьма важное обстоятельство, что именно в силу своей специфики музеи вызывают очень мало внимания и заботы со стороны министерств культуры. Музеи должны занять особое место в работе министерств культуры, более важное, чем сеть других культурно-просветительных учреждений, так как музеи являются не только органами научной пропаганды, но и *научными учреждениями и хранителями бесценных государственных сокровищ культуры и истории народов* СССР. Думаю, что в отношении руководства музейным делом со стороны министерств культуры и местных управлений по делам культуры должно быть полностью применено ясное указание В. И. Ленина о том, что «...централизм, понятый в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели»[3]. Развитие местного почина, местного начала в работе краеведческих музеев требует вдумчивого централизованного руководства. Оно должно быть менее всего административным и общим и более всего научным и конкретным. Следует широко освещать опыт работы местных и центральных музеев, их нужды, показывать работу энтузиастов наших музеев. Все эти вопросы почти не освещаются на страницах «Советской культуры» — органа союзного Министерства культуры. А между тем в 1956 г. количество музеев в СССР достигло огромной цифры — 862 (вместо 180 в 1914 г.), из них почти половину составляют краеведческие музеи (423), в которых работает 3884 человека; в 1955 г. через эти местные музеи прошло свыше 9 миллионов посетителей[4]. Совершенно очевидно, что интерес народа к музеям велик, что он будет еще больше, когда музеи станут интереснее и лучше. Также совершенно ясно, что этот важный участок культурного строительства должен привлекать пристальное и повседневное внимание нашей печати. В частности, музейное дело и музейные работники должны иметь свой орган, нужно возобновить издание журнала «Советский музей».

Сейчас роль музеев необычайно возросла, через них идет нарастающий поток советских и иностранных туристов. Местный музей должен быть лицом города и края, показателем его истории и культуры в прошлом и настоящем. Он должен отвечать высоким требованиям современности. Музеи обязаны служить народу как хранители, исследователи и пропагандисты его национального достояния, его многовековой культуры и истории, как воспитатели его национальной гордости и советского патриотизма. Именно в этом их почетная роль в развитии и повышении уровня идеологической работы, которого требует XX съезд КПСС, именно в этом специфика связи музеев с жизнью сегодняшнего дня.

---

[1] Основы..., стр. 253.

[2] Там же, стр. 241, 251, 252, 284, 288.

[3] В. И. *Ленин*. Соч., изд. 4-е, т. 27, стр. 181.

[4] Культурное строительство СССР. Статистический сборник. М., 1956, стр. 286—290.

* * *

В теснейшей связи с делом нормализации и улучшения работы местных музеев стоит давно назревший вопрос о возобновлении организованной массовой краеведческой работы на местах. Это движение имеет славную традицию; оно сыграло огромную роль в развитии дореволюционной и советской науки. Оно оставило обширную литературу и располагало крупными кадрами знатоков местного края, труды которых порой с полным правом могут быть приравнены к трудам ученых-специалистов. История краеведческого движения в нашей стране еще не написана, а она была бы очень поучительной. Об этом говорит хотя бы огромная быстрота возникновения новых краеведческих обществ и кружков после 1917 г. Так, в 1918 г. возникло 12 новых обществ и кружков; в 1919 г.— 17, в 1920 г.— 31, в 1921 г.— 21, в 1922 г.— 39, в 1923 г.— 69, в 1924 г.— 193, в 1925 г.— 230, в 1926 г.— 191, в 1927 г.— 132. На 1 декабря 1927 г. только по РСФСР было 712 краеведческих кружков и обществ [1]. Они возглавлялись основанным в 1921 г. Центральным бюро краеведения, в составе которого были крупнейшие советские ученые: академик С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман и многие другие [2].

Местные научные общества развернули большую исследовательскую работу, отраженную в многочисленных научных изданиях. Роль краеведения была подчеркнута в постановлении XIII Всероссийского Съезда Советов (1927 г.) по докладу Наркомпроса: «Придавая большое значение краеведческой работе, как форме вовлечения в научно-исследовательскую работу широких кругов трудящихся, Съезд Советов обращает внимание центральных исполнительных комитетов автономных республик, краевых, областных и губернских исполнительных комитетов на необходимость усилить содействие органам краеведения и шире использовать в деле строительства края их работу» [3]. Краеведческие общества также сыграли крупную роль в организации сети местных музеев, о которой говорилось выше.

Однако эта важная система, вовлекавшая в научную самодеятельную работу широкие слои местной интеллигенции, рабочих и колхозников и создававшая широкую массовую, народную основу развития науки, была в 30-х годах ликвидирована, а местные кадры были лишены организации и возможности печатать свои работы. Ликвидация краеведческих обществ принесла большой вред и музеям, лишившимся своего научного актива, и делу охраны памятников культуры, так как был потерян актив их пропагандистов и энтузиастов.

Тем не менее на местах сохранились старые кадры краеведов и выдвинулись молодые силы, рост которых сейчас подкрепляется неуклонно и быстро растущей культурой советского народа. Растут интеллектуальные запросы советских людей, их творческие научные интересы не укладываются в рамки профессии: многие колхозники и рабочие, врачи, инженеры, педагоги, агрономы интересуются археологией, историей, этнографией, естественными богатствами края и т. д.; они коллекционируют интересные для них материалы, изучают их, посвящают свой отдых поискам новых данных по интересующим и увлекающим их вопросам, словом, ведут огромную в своей совокупности научную работу. Назрела настоятельная необходимость в возрождении государственной организации этого массового научного движения, о чем справедливо писалось в нашей прессе [4].

К решению этого вопроса следует приступить незамедлительно. Одной из форм возрождения краеведческой деятельности должны стать, на мой взгляд, действующие ныне музейные советы. Сейчас они включают в свой состав, кроме самих работников музея, работников местных советских и партийных органов, зачастую имеющих лишь косвенное отношение к интересам и нуждам музеев. Их ознакомление с нуждами и работой музеев очень полезно. Однако местные краеведы очень мало или вовсе не вовлекаются в работу музейных советов, а именно они должны стать основным ядром этих хорошо задуманных органов. Это не только оживит и улучшит деятельность музеев, но и активизирует и организует самих краеведов. Музейные советы должны и могут стать основными ячейками научной работы краеведов, местом чтения и обсуждения их научных докладов. С разрастанием этого актива краеведов (а оно, несомненно, быстро последует) в музейных советах могут быть организованы специализированные секции, например, историко-археологическая, естественно-историческая, истории советского строительства и др.

Другим средством оживления и организации краеведческой работы должна явиться наша печать. Возможность опубликовать свою работу чрезвычайно поднимает интерес к ней, повышает чувство ответственности за ее научное и литературное качество, создает условия для широкого обсуждения и вводит работу местного исследователя в научное обращение.

---

[1] Краеведные учреждения СССР. Л., 1927, стр. VI—VIII.

[2] Там же, стр. 186.

[3] Еженедельник Наркомпроса, 1927, № 21, стр. 490.

[4] См., напр., статью В. Дружинина. Местная «академия наук». «Литературная газета» за 30 августа 1956 г. и обзор писем «Ревнители родного края», «Литературная газета» за 29 января 1957 г.

Вспомним, что замечательный труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» в значительной степени основан на накопленном местными учеными материале о народных промыслах, о статистике экономического развития областей царской России. Эти местные материалы и исследования издавались также в выходивших на местах трудах и ежегодниках статистических комитетов, изданиях земств, ученых архивных комиссий и других органах.

Сейчас мы располагаем множеством областных и районных газет, которые прежде всего должны быть использованы для публикации новых материалов и исследований краеведов. Делается это пока очень случайно, редко и неорганизованно. Думаю, что нужно установить в каждой такой газете еженедельную (может быть, в воскресном номере) «страницу краеведа», где местные работники могли бы систематически печатать новые материалы и статьи по истории революционного движения, социалистического строительства, естественным богатствам, истории, археологии, этнографии и т. п. Организаторами и научными руководителями этой публикации местных работ должны стать музейные советы, способные оценить работу, привлечь для ее оценки местных педагогов и специалистов или центральные научные учреждения. При этом не следует смущаться, если на первых порах в работах и публикациях будут ошибки или слабые стороны — не ошибается тот, кто ничего не делает. Не следует также связывать содержание «страниц краеведа» заранее данной программой или ложно понятой «актуальностью». Организация «страниц краеведа», можно не сомневаться, сразу же выявит и поднимет наш многоликий краеведческий актив, поднимет интерес к краеведению, послужит делу пропаганды и охраны памятников культуры и природы. С укреплением и ростом краеведческой работы могут быть начаты издания специальных трудов музеев или выросших из рамок музейных советов краеведческих обществ, что теперь вполне осуществимо при наличии сильных областных издательств, уделяющих пока совершенно недостаточно внимания работам местных исследователей. Благодаря этим мероприятиям наши гуманитарные и естественно-исторические науки вновь обретут широкую общественную базу, получат тысячи пытливых глаз и трудолюбивых рук, что, несомненно, ускорит развитие науки на благо народа.

Для общего руководства и организации краеведческой работы следует создать Центральное бюро краеведения при президиуме АН СССР и союзные бюро в союзных республиках. Предлагаемые мероприятия по нормализации деятельности местных музеев и возрождению краеведческой работы улучшат работу музеев, повысят научный уровень их экспозиций, сделают их живыми, разнообразными, интересными, подлинно народными музеями. Предлагаемые мероприятия поднимут значение музеев в осуществлении поставленной XX съездом КПСС задачи быстрого роста культуры и выхода советской науки на передовые позиции в мировом масштабе

Д. А. КРАЙНОВ

АРХЕОЛОГИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Земля в своих недрах хранит разнообразные вещественные остатки жизни и деятельности минувших поколений человечества, а именно: скелеты древнейших людей, «следы» их поселений, развалины городов, всевозможные орудия труда, предметы домашнего обихода, оружие, произведения искусства, остатки жилых сооружений и укреплений, архитектурные памятники и т. д.

Значение археологических памятников в изучении далекого прошлого нашей Родины огромно. Для древнейших эпох они являются единственными историческими источниками, из которых черпаются наши знания о происхождении человеческого общества и его развития до появления письменности. Но и с появлением письменных источников археологические памятники не теряют своего научного значения.

Поскольку раскопки археологических памятников связаны с их уничтожением, они могут производиться только специалистами-археологами. Только правильно раскопанный и изученный памятник может быть использован как полноценный исторический источник. Самовольные же раскопки археологических объектов любителями, кладоискателями и пр. уничтожают их научную ценность, поэтому они запрещены советскими законами. Археологические памятники объявлены всенародным достоянием и состоят под охраной государства. При Академии наук СССР и при союзных академиях наук созданы особые археологические институты, занимающиеся раскопками и изучением археологических памятников.

За годы после революции в нашей стране открыто огромное количество новых археологических памятников. Подавляющее большинство их обнаружено представителями широких масс трудящихся. Активность населения в выявлении археологических памятников возрастает из года в год. В центральные и местные музеи, в научные учреждения

и пр. все чаще и чаще поступают разнообразные древние вещи и сведения о новых местах находок. Но наряду с этим много ценных памятников гибнет или под влиянием сил природы, или при широких земляных работах; частично они разрушаются любителями и кладоискателями, недопонимающими значения этих памятников для науки.

В связи с широким размахом строительства в нашей стране необходима еще бо́льшая активизация работы по выявлению, охране и первоначальной фиксации археологических памятников. Несмотря на большое количество специалистов и учреждений, занимающихся этим вопросом, они одни не в силах справиться с этой задачей. Только привлекая к выполнению этой задачи широкие массы краеведов, школьников, пионеров, учащихся вузов, рабочих, колхозников и пр., можно выявить и сохранить те тысячи тысяч памятников, которые обнаруживаются при различных строительных работах. Особенно большую пользу могут принести местные краеведы, тесно связанные с жизнью района, знающие его и интересующиеся историей своего края.

К сожалению, интенсивная и многосторонняя работа краеведческих обществ, проводившаяся до 30-х годов, значительно снизилась и местами совершенно прекратилась, что нанесло большой ущерб изучению местного края. Многие краеведы хотя и не бросили своей работы и ведут ее при музеях, школах, вузах и других учреждениях, но она никем не контролируется и не направляется должным образом. Возрождение краеведческих обществ диктуется острой необходимостью, и значение их работы не подлежит сомнению. Необходимо восстановить также и печатание краеведческих журналов, в которых должны публиковаться научные работы краеведов и методика краеведения. Инициаторами и организаторами краеведческой работы на периферии должны стать местные краеведческие музеи. Цель краеведов и местных музеев одна — изучать свой край во всех его проявлениях и накапливать материалы в музеях. Организация, формы и методы работы краеведов разнообразны и зависят от специфических условий того или иного края. Мы остановимся только на одной стороне краеведческой работы, а именно на выявлении, первоначальной фиксации и охране археологических памятников. Прежде чем говорить о методах проведения этой работы, коснемся вопроса организации краеведческой работы. Нам представляется, что она должна идти в следующем направлении.

1. Одной из наиболее эффективных форм организации краеведческой работы является создание при местных музеях актива из краеведов города и района. Поскольку изучение местного кра́я немыслимо без материалов, хранящихся в местных краеведческих музеях, надо расширить состав существующих музейных советов. На периодических заседаниях Музейного совета должны ставиться доклады на разнообразные темы по истории местного края. Такие вопросы, как охрана археологических, исторических и архитектурных памятников, учет этих памятников, систематическое наблюдение за объектами земляных работ и строительства с целью выявления, фиксации и сбора ценных археологических материалов и пр., должны войти в круг работы Музейного совета.

В целях охраны имеющихся в городе и районе археологических объектов музеи и их краеведческие активы могут оказать большую помощь науке проведением нижеследующих работ.

а. Сбор сведений о всех археологических, исторических и архитектурных памятниках района или области по литературе, материалам, хранящимся в музее, и по охранным учетным карточкам отделов культуры. О каждом памятнике нужно указать исчерпывающие данные по определенной форме (см. приложенную форму). Если о некоторых известных в районе памятниках нет сведений, то надо организовать выезды музейных работников на места для обмера памятников и получения дополнительных материалов.

б. Составление списков всех выявленных памятников и нанесение их на карту района.

По мере выявления новых памятников необходимо включать их в списки и выезжать на место для предварительного обследования, а если памятник разрушается, то немедленно сообщить об этом в отдел культуры края или области, а также — в ИИМК АН СССР (отдел полевых исследований) [1].

Без широкой организации пропаганды охраны памятников нельзя вести краеведческую работу. Следует отметить особо важную роль лекций, которые усиливают интерес широких масс к изучению истории местного края. За время работы в Угличском краеведческом музее мне приходилось читать подобные лекции, и всегда после них в моей записной книжке появлялись новые записи о местах археологических находок, а в музей интенсивнее поступали старинные вещи.

Музеи и краеведческий актив должны установить систематическое наблюдение за памятниками, взятыми на учет и под охрану государства. В городе это дело могут осуществлять отдельные члены Музейного совета.

Для наблюдения за памятниками района может быть создана широкая сеть так называемых «членов-корреспондентов» музея из местных краеведов. Местные жители могут сделать очень много как по охране, так и выявлению новых памятников [2]. Ин-

---

[1] Часто музеи сами виноваты в гибели ценных вещей и памятников, так как не реагируют немедленно на сообщения об этом с мест.

[2] Подобные сети местных корреспондентов созданы и успешно работают в прибалтийских республиках, в Молдавской ССР и др.

терес к изучению своего края, района, местности и пр. значительно вырос среди широких слоев трудящихся города и деревни. Об этом свидетельствует огромный рост посещаемости краеведческих музеев колхозниками и рабочими, а также сдача ими разнообразных старинных вещей, найденных в земле. Организация сети «членов-корреспондентов» принесет пользу не только охране и выявлению археологических памятников, но поможет музеям в сборе материалов и разнообразных сведений и явится могучим средством внедрения науки в массы. «Членам-корреспондентам» музеев должны быть выданы особые удостоверения, а на совещаниях, организованных краеведческими музеями, им необходимо разъяснить задачи по охране и выявлению памятников. «Члены-корреспонденты» могут вести наблюдения за сохранностью памятников своих районов, периодически сообщая в музеи об их состоянии и выявлении новых археологических памятников. При такой системе наблюдения музеям и отделам культуры края или области будет известно о разрушении того или иного памятника и ими могут быть приняты своевременные меры. Правильная организация учета памятников, их охрана и постоянное наблюдение за ними сохранят для науки большое количество ценных исторических памятников.

Краеведы города и села могут оказать неоценимую помощь науке в выявлении новых археологических памятников. Без участия краеведов невозможно изучение истории древних городов, особенно городов, имеющих большое историческое прошлое, где в связи с развитием строительства необходимо постоянное наблюдение, иначе могут погибнуть ценные для восстановления истории города вещи, остатки жилых построек, древние мостовые, памятники архитектуры и т. д. Для четкости работы надо разделить город на ряд участков, прикрепив к ним определенных наблюдателей. В случае обнаружения находок каждый краевед должен уметь составить карточку находок с описанием места, условий нахождения и принятых мер.

Примерный образец карточки

Город, улица, номер дома	Наименование предприятия, ведущего работу, и характер строительства	Что обнаружено и при каких условиях	Что сделано и куда сданы материалы
г. Углич. Улица Ленина, между домами № 24 и 28	Угличская стройконтора Горсовета. Прораб Николаев Иван Васильевич. Рытье котлована под строительство дома	1. Остатки деревянной мостовой, сложенной из досок в три настила. Ширина мостовой 6 *м*. Ориентировка с СВ на ЮЗ. Обнаружена на глубине 3 *м* в темном слое. 2. В щели досок настила обнаружена русск. монета XV в.	Сделаны замеры мостовой, фотоснимок, зарисовка и подробное описание. Материалы сданы в Угличский краеведческий музей. 23. VII — 1956 г. Смирнов. Углич, Советская, 25

Если обнаруженный памятник представляет собой большую ценность, то надо добиться через Городской совет приостановки работ на этом месте (согласно существующим законоположениям об охране памятников) и срочно вызвать через музей специалиста для обследования места находок. Для краеведов сельских местностей образец карточки должен быть иной (см. ниже). Основными кадрами краеведов села являются главным образом преподаватели школ. Музеи могут устанавливать с ними связь во время районных педагогических конференций, на которых необходимо поставить ряд докладов о важности выявления, учета и охраны археологических памятников, а также о значении их для преподавания истории в школе. Можно обязать педагогов-историков немедленно доводить до сведения музеев о всех находках в их местности. Сейчас каждое лето в различных местах СССР работают многочисленные археологические экспедиции. Участие краеведов в этих экспедициях не только желательно, но и необходимо в целях пропаганды значения памятников археологии.

2. Второй, не менее важной формой краеведческой работы является привлечение школьников к первичному археологическому обследованию района. В нашей стране существует огромное количество всевозможных краеведческих кружков учащихся при школах, музеях, Дворцах культуры, Домах пионеров, Детских домах и т. д. Каждое лето учащиеся школ, отдыхая в пионерских лагерях, совершая экскурсии по историческим местам края, области или работая на колхозных полях, собирают ценные для науки материалы. Туристические походы учащихся широко практикуются и перерастают в общесоюзные экспедиции, о ценных результатах которых можно читать в газетах и слышать по радио. Трудами школьников создаются музеи. Так, например, в Чебаковской школе Ярославской области имеется Краеведческий музей, созданный трудами юных краеведов и их ныне покойным руководителем Н. М. Головиным. В этом музее собраны прекрасные коллекции вещей славянского времени, фатьяновской культуры,

эпохи неолита и т. д. Результаты работы учащихся Чебаковской школы были использованы археологами. Преподаватель средней школы г. Грозного М. П. Севостьянов каждое лето проводит со школьниками походы с целью выявления археологических памятников. За годы исследований ими собран огромный материал по средневековым городищам Грозненской области и составлена ценная для науки археологическая карта области. Директор Клишевской средней школы, Раменского района, Московской области, М. И. Егоров со своими школьниками принимает участие в археологических экспедициях. В. И. Воинов, директор средней школы с. Курба, и И. И. Козолетов, директор средней школы пос. Константиновское Ярославской области, силами учащихся создают и у себя в школах музеи. В г. Буденновске Ставропольского края трудами школьников создан даже городской музей.

Можно привести сотни примеров продуктивной работы школьных краеведческих кружков по изучению истории местного края.

При некоторых районных и областных краеведческих музеях созданы археологические кружки из учащихся старших классов средних школ. Многие из них ведут плодотворную работу, как, например, археологический кружок при Ярославском областном краеведческом музее, руководимый заместителем директора музея М. Г. Мейеровичем. В течение зимы кружковцы изучают материалы музея, делают доклады, а летом участвуют в туристических походах по области. Членами этого кружка выявлено несколько новых археологических памятников, и один из них при раскопках дал интересный материал по истории русской деревни XI—XIII вв. Подобные кружки имеют не только большое воспитательное значение, но и приносят огромную пользу науке. Надо уметь внушить школьникам, что работа, выполняемая ими, не забава, а огромной важности дело.

По своей целеустремленности школьные краеведческие кружки имеют различный характер и план работы, но почти все они в той или иной мере занимаются изучением истории местного края. Большей частью успех работы кружка зависит от руководителя. Местные краеведческие музеи должны не только оказывать помощь кружкам, но и руководить их работой, направляя ее по нужному руслу. Однако музеи иногда недоучитывают всей важности школьного краеведения и вместо помощи тормозят их работу, не разрешая, например, знакомиться кружковцам с фондами музея, что снижает их осведомленность в вещевом материале. Музейные работники должны не только оказывать помощь в организации и разработке плана кружков, но и принимать активное участие в их работе.

Мне пришлось проводить со школьными кружками г. Углича подготовительную (зимнюю) работу, летние разведки и раскопки археологических памятников Угличского района. Подготовительная работа велась с ними и в школе, и в музее. Ранней весной мы обследовали древнюю стену Угличского кремля, вымытую весенними водами Волги, а затем совершили экскурсию по осмотру славянских курганов, неолитической стоянки и древнего селища. Школьники вели дневники, проводили измерение археологических объектов, фотографирование и пр. На основании личного опыта считаю, что работа краеведческих кружков должна состоять из следующих этапов.

1. Прежде всего, на организационном собрании необходимо четко обрисовать задачи и цели кружка, наметить план работы и основные темы.

2. Познакомить членов кружка с историей местного края и провести экскурсию по музею с подробным показом вещественных материалов.

3. Следующее занятие надо посвятить характеристике археологических памятников и их значению для изучения далекого прошлого. При этом необходимо обратить внимание на те условия, в которых они встречаются в данном районе или области. Надо показать фото или нарисовать на доске основные виды археологических памятников. Особое место необходимо отвести разъяснению вреда самовольных раскопок.

4. Если в городе есть архитектурные и исторические памятники, надо провести по ним экскурсию с разъяснением вопроса охраны памятников.

5. Затем члены кружка работают над темами своих докладов.

6. Последний этап зимней подготовки к летним туристским походам следует посвятить методике археологической разведки с пояснением трудности и важности выявления, учета и фиксации археологических памятников [1].

Руководители кружков за время зимней подготовки должны провести со школьниками и ряд практических занятий по фиксации археологических памятников (замеры, определение направления по компасу, умение делать глазомерную съемку плана и понимание географической карты, умение вести дневник и пр.). Кроме того, маршрут летнего похода должен быть намечен и разработан заранее, чтобы кружковцы могли ознакомиться с литературой по обследуемому району и с условиями, в которых им придется проводить поход.

Наконец, весной необходимо совершить экскурсию по осмотру какого-нибудь известного в районе археологического памятника с практическими занятиями (ведение дневников, съемка плана, обмеры, описание, сбор подъемного материала и пр.).

---

[1] Основными руководствами по этим вопросам могут быть следующие пособия: А. А. Спицын. Археологические раскопки. СПб., 1910; В. А. Городцов. Руководство для археологических раскопок. М., 1914; П. А. Сухов. Археологические памятники, их охрана, учет и первичное изучение. М.— Л, 1941.

Перед выходом в поле надо тщательно продумать вопрос о личном и общем снаряжении участников похода. Необходимо брать с собой минимум вещей, избегая лишних. Для проведения археологического похода по району надо иметь следующее снаряжение: тетради и карандаши, миллиметровую бумагу, планшеты фанерные, визирные линейки, компас, рулетки, уровень для нивелировки, географическую карту обследуемого района (желательно большого масштаба), фотоаппарат с запасом пленок и другое снаряжение. Для зачисток срезов надо иметь небольшие походные лопатки, кисти и ножи. Обычно школьные краеведческие кружки устраивают походы по району, ставя комплексные задачи всестороннего обследования края (археологического, этнографического, зоолого-ботанического, географического и пр.). Это не мешает археологической разведке, а, наоборот, дополняет ее выяснением условий, в которых располагаются те или иные археологические памятники.

Проведение археологической разведки складывается из следующих задач: 1) сбора сведений у населения колхозов, поселков и пр., расположенных по намеченному маршруту; 2) фиксации этих сведений и проверки их; 3) самостоятельного обследования местности по маршруту и выявления археологических памятников; 4) обследования и фиксации вновь открытых памятников; 5) нанесения открытых памятников на карту.

При выполнении этих задач необходимо руководствоваться следующими указаниями. Следует обязательно опрашивать население о находках древних монет, орудий из камня, костей, горшков и т. д. Многие известные стоянки и могильники были открыты именно благодаря указаниям местных жителей. При расспросах необходимо учитывать местные особенности в языке, названиях памятников и пр. Иногда население не знает названия «курганы», а знает эти места под названиями «паны», «мары», «сопки», «французские могилы», «литовские могилы», «чумные и холерные захоронения» и т. д. Наконец, с местами археологических находок связаны различные предания. Часто эти предания с нашей точки зрения могут казаться небылицей (о городищах и курганах иногда рассказывают, что там встречаются лодки золотые, бочки с золотом, ворота золотые и т. д.), но к ним надо внимательно прислушиваться, так как в каждой подобной «небылице» есть крупица правды.

Если окажется, что у кого-нибудь из местных жителей хранятся интересные находки, надо уговорить этих лиц передать находки музею. Весь собранный таким образом материал должен быть тщательно зафиксирован в дневнике с указанием названия находки, места и условий нахождения, а также полного адреса нашедшего. Затем эти вещи с особыми этикетками (см. ниже) должны быть упакованы и убраны.

Вторым этапом археологической разведки является тщательный осмотр обследуемой местности.

Прежде всего, участники похода должны обратить внимание на осмотр объектов, указанных при расспросах населения.

Затем необходимо исследовать распаханные поля, особенно целинные; при распашке их, если там есть «культурный слой», древние вещи часто выпахиваются на поверхность. Надо обратить внимание на изменение цвета пашни, на скопления углей, костей, черепков, камней и т. д.

Особое внимание следует обратить на осмотр обнаженных берегов рек, озер и других естественных водоемов, а также на обнаженные склоны оврагов, лощин и т. д. Ежегодные весенние воды размывают берега рек и овраги, в которых легко обнаружить так называемый культурный слой с вещественными остатками. Он будет резко отличаться по цвету и структуре от остальных (цельных) слоев. Всякое нарушение правильного чередования слоев земли также необходимо тщательно осматривать.

Важно обследовать прибрежные дюны и дюны пойменных долин; эти дюны развеваются ветром, и в выдувах легко обнаружить подъемный материал. На таких дюнах часто встречаются неолитические и более поздние временные охотничье-рыболовческие поселения (стоянки).

Большое значение имеет осмотр мысов при слиянии двух рек, но не у самой воды (в пойме), а выше (у древнего мыса). На таких мысах часты древние поселения и городища. Надо осматривать также отдельные всхолмления, возвышенности с целью обнаружения городищ, курганов, могильников и других памятников. Вообще каждому участнику надлежит тщательно присматриваться к рельефу местности и замечать все искусственные всхолмления, насыпи, валы, рвы, ямы, остатки стен, каменных кладок и пр.

В горных местностях надо тщательно изучать навесы, гроты и пещеры, обращая внимание не только на пол пещер, заполненный почвой, но и потолок и стены их, так как на них могут быть наскальные изображения, надписи и пр.

Необходимо осматривать также места разнообразных построек и работ (карьеров по добыче гравия и камня; котлованов по добыче глины, песка и т. д.; ям для колодцев; канализационных и осушительных канав и т. д.). При этом следует расспрашивать рабочих и других лиц, не встречались ли им при проведении земляных работ древние находки. Если участники похода обнаружат ценный памятник, разрушаемый строительством, то надо немедленно сообщить об этом в Краеведческий музей, Областной отдел культуры и в ИИМК АН СССР.

Во время археологической разведки участники похода должны твердо помнить, что шурфовать и раскапывать обнаруженные ими памятники нельзя. Можно только производить поверхностные зачистки культурных слоев в срезах берегов, оврагов, котлованов и т. д. с целью лучшего определения и фиксации памятника.

Описание и фиксация обнаруженного памятника производится по определенной форме.

В дневнике день за днем описываются все работы отряда, полученные от населения сведения, находки, места находок, описание памятника и т. д. При записи в дневнике о вновь выявленных памятниках надо придерживаться следующего порядка в описании:

1. Наименование и характер памятника (селище, курган, могильник и пр.).
2. Местное название памятника.
3. Местоположение на географической карте (точный адрес).
4. Расположение памятника (на берегу реки, на дюне, в овраге, на берегу озера и т. д., в скольких километрах или метрах от определенного населенного пункта к северу, югу и т. д.).
5. Внешнее описание памятника (схематический чертеж), размеры, ориентировка по странам света, характер культурного слоя или слоев, их залегание, мощность, насыщенность культурными остатками, длина распространения культурного слоя по срезу и т. д. Если курганы — то их количество и описание формы с замерами высоты, диаметра и пр.
6. В чьем ведении находится памятник, его сохранность, и не угрожает ли ему разрушение (по каким причинам).

Во время обследования участниками похода производится сбор подъемного материала. Вещи, найденные в разных местах и полученные от населения, нельзя смешивать. В дневнике фиксируются все вещи по местам находок и тщательно упаковываются в разные пакеты. Внутри пакета и снаружи даются одинаковые этикетки (паспорта) примерно следующего содержания: 1) наименование отряда; 2) год, месяц и число; 3) номер пакета; 4) название места находки и памятника; 5) название упакованных предметов; 6) номер предметов по описи; 7) подпись.

Кроме того, составляется опись всех найденных предметов в порядке их нахождения. В ней указываются по графам порядковый номер, наименование предмета, место находки и номер пакета, в котором упакована вещь.

Все обнаруженные памятники и места находок наносятся на карту особыми условными знаками и цифрами. Эта карта является очень важным документом и требует особой точности в фиксации памятников.

Не менее важными документами являются фотографирование памятника и съемка плана. При разведке обыкновенно производится глазомерная съемка плана расположения памятника при помощи компаса, масштабной линейки, рулетки и планшета с прикрепленной к нему бумагой; измерения расстояний и размеров памятника наносятся на план в масштабе и со строгой ориентировкой по компасу [1].

Когда намеченный маршрут будет пройден, то результатами его должны быть дневники, карты с нанесением всех открытых памятников, альбомы с зарисовками, фотоснимки, планы, описи найденных предметов и сами вещи.

Весь этот материал необходимо сдать, оставив копии в кружке, в местный Краеведческий музей, а отчет о результатах поместить в специальном номере школьной стенгазеты и в местной печатной газете. Последнее очень важно, так как учреждения и лица, занимающиеся изучением археологических памятников данного района, будут знать из газет о новых открытиях.

Нами в этой статье затронуты основные пути и формы организации краеведческой работы по изучению истории местного края. Краеведческие музеи, исходя из специфики своего района или области, должны стать организаторами и проводниками краеведческой работы, без развития которой они не смогут изучить историю своего края во всех ее проявлениях и не смогут дать правильную экспозицию этой истории.

А. ХАНУКОВ, Г. СОЛОВЬЕВА

О НАГЛЯДНОЙ ПРОПАГАНДЕ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ

На территории Советского Союза имеется огромное количество памятников различных исторических эпох и культур. Они отражают прошлое своего края, дают возможность изучать культуру, быт, экономику и обычаи различных народов. Часто эти памятники являются единственным источником изучения жизни людей в далеком прошлом.

Советская власть с первых дней своего существования бережно относилась к памятникам культуры. Через пять месяцев после Великой Октябрьской социалистической революции (14 апреля 1918 г.) вышел декрет Совета Народных Комиссаров, подписанный В. И. Лениным,— «О памятниках республики», который указывал, в частности, на «необходимость охраны, изучения и возможно полного ознакомления широких масс трудящихся с сокровищами искусства и памятниками истории». Поэтому изучение памятников культуры и пропаганда их среди населения является одной из важных задач всех работников культурного фронта.

[1] О технике съемки плана и нивелировки см. П. А. Сухов. Ук. соч.; С. Голицын. Хочу быть топографом. М., 1954.

Рис. 1

Большое значение в популяризации и охране памятников от разрушений имеет наглядная пропаганда. Основными и наиболее распространенными ее формами являются плакаты и листовки.

В настоящее время во многих областях, краях и автономных республиках издаются плакаты о памятниках культуры местного края. В Российской Федерации, например, плакаты «Изучайте и охраняйте памятники культуры» изданы более чем в тридцати областях, краях, автономных республиках, как, например, в Тульской, Калужской, Псковской областях, в Краснодарском, Приморском крае, в Башкирской, Чувашской АССР и в других местах.

Плакаты издаются областными, краевыми, городскими управлениями культуры, министерствами культуры автономных республик. В тех областях, где имеется большое количество памятников архитектуры, такие плакаты издаются совместно с отделами архитектуры. Большую роль в издании плакатов о памятниках культуры играют краеведческие музеи. Как правило, научные сотрудники музеев подбирают материал, готовят текст, отбирают фотографии наиболее выдающихся памятников.

В автономных республиках плакаты издаются обычно на двух языках (местном и русском) с тем, чтобы ими могли пользоваться более широкие слои местного населения.

Плакаты о памятниках культуры являются ценным пособием для школ, сельских культурно-просветительных учреждений и т. д. Они с большим успехом могут быть использованы в массовой работе библиотек, лекториев, при проведении бесед и докладов по истории края и как иллюстративный материал при чтении лекций на историко-краеведческие темы.

Почти все плакаты содержат выдержку из Постановления Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898 о том, что памятники культуры, имеющие историческое, научное или художественное значение, являются неприкосновенным всенародным достоянием и состоят под охраной государства.

Эта выдержка определяет содержание плаката и, мобилизуя внимание читателя, призывает его к оказанию помощи научным учреждениям в выявлении, изучении и охране памятников культуры.

Плакаты обычно состоят из краткого очерка по истории местного края и фотографий ряда памятников. Они в популярной форме знакомят с историей и достопримечательностями края.

Естественно, что плакаты не могут охватить все памятные места, поэтому они знакомят читателя с важнейшими историческими памятниками, дают характеристику им и рассказывают об основных этапах истории области.

Большое место в плакатах о памятниках культуры отведено археологическим памятникам.

Исторический очерк каждого плаката начинается краткой характеристикой памятников археологии.

Так, в плакате, изданном Брянским областным управлением культуры, дается описание широко известных в науке Елисеевичской, Супоневской и Тимоновской верхнепалеолитических стоянок; рассказывается о древнейших русских городах на территории области, упоминается Вщижское городище — центр небольшого удельного княжества XII в., находившегося в подчинении Черниговских князей, дана фотография Кветунского городища и других памятников.

Знаменитые Пазырыкские курганы гунно-сарматского времени, известные всему миру своими замечательными тканями, резным деревом и различными другими предметами, найденными в них во время раскопок, нашли свое отражение в плакате о памятниках культуры Алтайского края.

Плакаты Ростовской области и Краснодарского края содержат описание греческих городов-колоний в Причерноморье: Фанагории, Танаиса и др. В Краснодарском плакате значительное место отведено Тмутаракани — одному из центров древней Руси.

План известного гуннского городища Нижне-Иволгинского изображен в плакате о памятниках культуры Бурят-Монгольской АССР; памятникам ананьинской культуры отведено значительное место в плакате о древностях Кировской области; интереснейшие памятники — свидетели тревожных лет XVI—XVII вв.—засеки описаны в плакатах, изданных Тульским и Тамбовским управлениями культуры.

Многие плакаты дают фотографии наскальных изображений (Молотовская область, Бурят-Монгольская АССР), каменных баб (Алтайский край), курганов и городищ.

Целиком посвящен археологическим памятникам плакат (рис. 1), изданный Пинским краеведческим музеем (БССР).

В центре плаката дана карта памятников археологии Пинской области, изображены наиболее распространенные в области виды памятников (курганы, городище), показаны фотографии предметов, обнаруженных при раскопках (бытовой инвентарь, украшения, изделия ремесленников, обломок глиняного сосуда IX в. с древнерусской надписью и т. д.).

Отдельно следует остановиться на плакатах, знакомящих с древнейшими памятниками русской архитектуры.

Лучшим из плакатов такого вида является плакат, изданный во Владимирской области. На нем изображены редчайшие памятники русского зодчества: Золотые ворота г. Владимира, церковь Покрова на р. Нерли и Дмитриевской собор. Дана фотография валов города и крепостной стены Рождественского монастыря (места первоначального погребения князя Александра Ярославовича Невского), фотографии Спасо-Евфимиевского монастыря (г. Суздаль) — выдающегося памятника русской архитектуры XVI—XVII вв. (места погребения князя Дмитрия Пожарского).

Плакат о памятниках культуры Псковской области также знакомит с памятниками русской архитектуры XII—XVII вв. На нем помещены фотографии собора Иоанна Предтечи и Преображенского собора, Изборского кремля, Печорской крепости, Солодежни, Поганкиных палат и ряда других памятников. В центре плаката дано изображение Псковского кремля.

Однако следует отметить, что в плакате, изданном в Псковской области, фотографии памятников расположены без системы. По-видимому, место фотографии на этом плакате определялось ее размерами. Памятники XII в. чередуются с памятниками XIV—XVII вв., что несомненно, затрудняет пользование плакатом и восприятие интересных сведений, данных в нем. Не очень хорошее и качество самих фотографий.

Памятники русской архитектуры XVI—XVII вв. широко представлены также в плакате о памятниках культуры г. Ярославля.

Остановимся еще на одной из форм привлечения внимания к археологическим памятникам — листовках.

Листовки, рассказывающие о значении Сарая-Берке — столицы Золотой Орды в XIII—XIV вв. и призывающие население охранять этот памятник, выпущены в Сталинградской области.

Следует приветствовать выпуск Новозыбковским краеведческим музеем Брянской области плаката, в котором содержится обращение к строителям:

«Товарищи строители! На территории нашего района широко ведутся различные земляные работы. При производстве этих работ вы можете сделать важные находки. Среди находок могут быть древние монеты, остатки посуды, древние орудия труда, оружие, кости животных. В слоях земли могут встретиться остатки древних деревянных и каменных построек, мостовых. Эти находки могут оказаться очень ценными для нашей исторической науки.

Товарищи рабочие, инженеры и техники! При обнаружении в земле находок бережно сохраняйте их и немедленно сообщайте об этом в Новозыбковский краеведческий музей, который вышлет на место научного сотрудника.

Собирайте и охраняйте для науки древние вещи, этим вы окажете большую помощь в изучении родного края».

* * *

В целях усиления пропаганды памятников культуры и их популяризации среди населения Министерство культуры РСФСР обязало каждое областное управление культуры издать плакаты и путеводители по памятным местам своего края.

Большое познавательное значение имеют также научно-популярные фильмы о древних памятниках различных районов нашей страны. Они созданы при активном участии руководителей археологических экспедиций и с большим успехом демонстрируются на экранах советского кино и телевидения. Это фильмы о древнем Новгороде, о Москве, о столице Боспорского государства — Пантикапее, о памятниках Молдавии (Триполье), Западной Сибири, Средней Азии (Хорезм) и др.

В 1956 г. Иркутской студией кинохроники был выпущен на экран фильм о памятниках археологии Южной Сибири.

Для ознакомления более широких слоев населения с археологическими памятниками Сибири Управление музеев и охраны памятников Министерства культуры РСФСР рекомендовало включить и этот фильм в программу телевидения и поставило вопрос о выпуске его на общесоюзный экран.

В этих же целях Управление музеев и охраны памятников Министерства культуры РСФСР провело в 1956 г. в Москве и Ленинграде месячный семинар инспекторов музеев и других местных органов культуры.

На семинаре изучались и обсуждались вопросы, связанные с охраной и пропагандой памятников в этих городах.

Однако в ряде областей пропаганда памятников археологии (издание листовок, плакатов) не ведется из-за отсутствия специалистов-археологов.

Работникам местных органов культуры иногда бывает трудно решить, какие же археологические памятники следует отразить в плакате, как лучше объяснить их значение. В результате иногда в плакаты «попадают» памятники второстепенного значения и пропускаются основные, помещаются неудачные фотографии и т. д.

К пропаганде памятников культуры необходимо привлечь всех специалистов-археологов. При выездах в экспедиции они должны оказывать помощь местным органам и учреждениям культуры, особенно краеведческим музеям. В частности, они могут помочь определить научно-историческое значение того или иного памятника, указать, какие памятники следует поместить в плакате, отобрать фотографии наиболее значимых из них.

В этом случае плакаты будут более содержательными и интересными. Лекторы, педагоги, работники музеев, краеведы и др. смогут лучше использовать их для ознакомления широких слоев населения с памятниками культуры своего края.

Популяризация памятников — важная составная часть общего дела охраны памятников культуры.

Б. А. КОЛЧИН

РУССКИЙ ФЕОДАЛЬНЫЙ ГОРОД ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Предлагаемый очерк написан для преподавателей средней школы и рассматривается как иллюстрация при прохождении учащимися восьмых классов следующих тем по истории СССР: «Образование Новгородской земли» и «Расцвет феодальной культуры в русских княжествах и землях».

Здесь учитель найдет некоторый фактический материал для характеристики ремесла, быта, культуры и внешнего вида древнерусского феодального города. Для этого использован археологический материал по одному из крупнейших древнерусских городов — Новгороду Великому. Большие послевоенные раскопки в этом городе открыли перед археологами массу новых, ранее науке не известных явлений и вещей. Обилие добытых археологических источников позволило изучить хозяйство, быт, культуру и технику Великого Новгорода с такой полнотой, которая прежде была недостижима.

Перед археологами предстали древние площади Новгорода, улицы, жилые дома, мастерские, лавки, хозяйственные постройки, дворы и сады. Достоянием науки стали древние орудия труда и оружие, машины и приспособления, домашняя утварь и посуда, одежда и обувь, украшения и игрушки, злаки и плоды, транспорт и ремесленный инструмент и многое, многое другое.

Следует отметить, что такого успеха археологи достигают отнюдь не при каждых раскопках. В Новгороде этому сопутствовало своеобразное «археологическое счастье». Оно выражалось, во-первых, в том, что в культурном слое Новгорода хорошо сохраняются органические вещества, такие, как дерево, кора, плоды, злаки, ткани и т. п., обычно в земле бесследно исчезающие. Во-вторых, в том, что в Новгороде вырос и сохранился мощный и ненарушенный культурный слой. В некоторых местах он достигает глубины 8,5 *м*, а на месте раскопок равняется 7 *м*. Третье условие успеха новгородских раскопок — это вскрытие больших площадей (одним раскопом были вскрыты три древних улицы с прилегающими к ним усадьбами). Раскопки такого мощного культурного слоя на большой площади стали возможны лишь благодаря широкому применению механизации на откидных земляных работах.

В нашем очерке мы расскажем только о таких сторонах жизни древнего Новгорода, которые освещены исключительно на основе массового археологического материала.

Внешний вид Новгорода. Русские города как промышленные и торговые центры страны начинают возникать в IX в. Новгород возник в X в.

Как и большинство древнерусских городов, а также и городов Западной Европы, Новгород был укреплен. Его оборонительные сооружения состояли из внутреннего города — кремля и внешнего городского вала, окружавшего весь Новгород. На застройку города наложил свой отпечаток республиканский строй Новгорода. Новгородский кремль никогда не был княжеской резиденцией. Княжеский двор до переворота 1136 г. находился на Торговой стороне на Ярославовом дворище. После этого переворота Ярославов двор был занят вечем. В кремле находился владычный двор. Софийский собор,

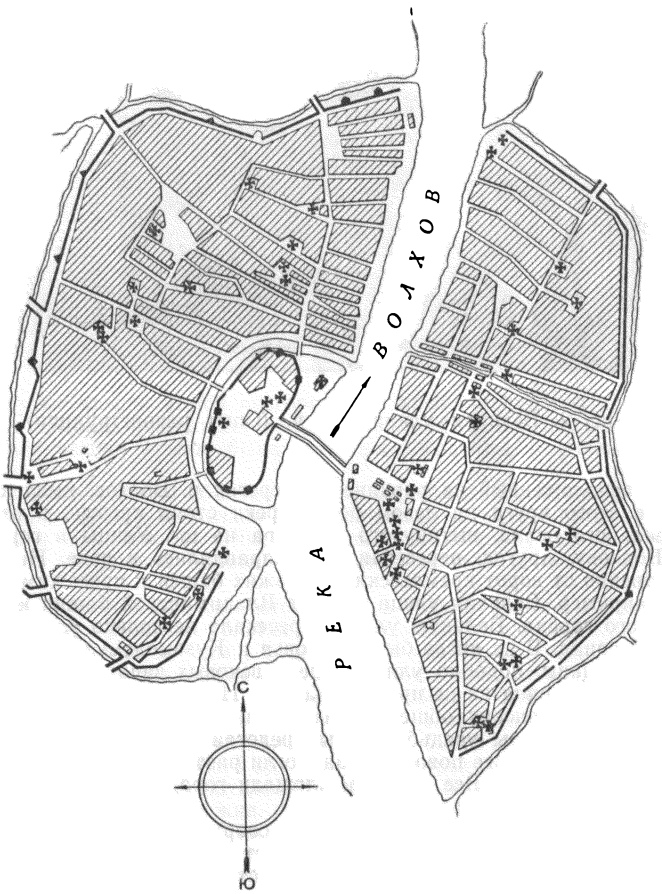


Рис. 1. Древний план Новгорода

построенный в середине XI в., с расположенными рядом с ним архиепископскими деревянными и каменными постройками занимал почти половину территории кремля.

Вся основная масса населения Новгорода — ремесленники, купцы, многочисленные холопы, белое духовенство и городское боярство — жила на территории города вне кремля, на Софийской и Торговой сторонах.

Планировка и застройка древнего Новгорода нам стала хорошо известна после раскопок в Неревском конце. На огромной территории раскопа были вскрыты три древние улицы — Великая, Холопья и Кузьмодемьянская — с прилегающими к ним обширными усадьбами. Топография раскопок показала, что планировка города, начиная с его основания, т. е. с X в. и до второй половины XVIII в., была неизменной и что планы Новгорода XVIII в., снятые до екатерининской перепланировки, довольно точно соответствуют топографии города[1]. Таким образом, нам удалось восстановить древнюю планировку не только на площади раскопок, но и представить план города в целом. На рис. 1 изображен план города с улицами, упоминавшимися в новгородских летописях XI—XIV вв.

---

[1] Наблюдения на строительных работах на территории Новгорода также показали, что расположение и направление улиц, попадавших в строительные котлованы и траншеи, с древнейших горизонтов до XVIII в. не изменялись.

Рис. 2. Великая улица XV в. (Опыт реконструкции)

Новгород, расположенный на равнине на берегах р. Волхов, имел круговой план. Почти в центре этого круга на левом берегу реки стоял кремль, в плане имеющий форму неправильного овала, вытянутого с севера на юг. Улицы в городе одни шли параллельно Волхову, другие, пересекая их, направлялись к реке. Некоторые улицы шли непосредственно от ворот кремлевских проезжих башен к проезжим башням окольного города. Например, Великая улица шла от Владимирской башни кремля на север к башне окольного города. Великую улицу пересекало несколько улиц, шедших от берега Волхова на запад. В их числе были Холопья и Кузьмодемьянская.

Новгородские улицы, подобно улицам средневековых западноевропейских городов, были очень узкими. Ширина их не превышала 6 *м*. На улицу выходили фасады жилых домов, мастерских, уличанских общественных зданий или высокие столбовые заборы (тыны), ограждавшие дворы усадьб. Улицы представляли собой длинные узкие коридоры, в которых две встречные повозки едва могли разъехаться. Пешеходы шли тут же по проезжей части мостовой. Все улицы и площади города, начиная с X в., регулярно мостились и содержались в чистоте (рис. 2).

Основная масса новгородских домов и иных сооружений как в X в., так и в последующие века была построена из дерева. Следует заметить, что города Северной и Центральной Руси также были деревянными. Часто это объясняли (сравнивая с западноевропейскими городами, где каменных построек было больше) бедностью русских горожан. Это не совсем так. Деревянная застройка русских городов обусловливалась прежде всего климатическими условиями страны и наличием высококачественных строительных материалов. Длинные и холодные зимы, сырая осень и весна требовали сухого и теплого жилища. Таким жилищем, наиболее удобным и экономичным, был деревянный дом.

Новгородские дома в зависимости от места их расположения и состоятельности владельца строились нескольких типов и разных размеров. В основном воздвигались два типа — это пятистенный (двухкамерный) дом площадью в 40—60 $м^2$ или простой однокамерный дом площадью в 20—50 $м^2$. Размеры домов иногда значительно превышали указанные площади. На раскопе в слоях XI—XIII вв. вскрыто несколько домов площадью в 80, 110 и даже 140 $м^2$. К срубу дома, который делался из толстых сосновых или еловых бревен, пристраивались тесовые сени. Отапливались дома печами. Эти же печи (типа так называемых русских) служили и для приготовления пищи.

Большинство новгородских домов строилось на подклетях, т. е. имело два этажа. Первый этаж (так называемая подклеть) был низким (высота около 1, 5 *м*), холодным (без печи), нежилым помещением. Новгородцы здесь хранили имущество, продуктовые запасы и различную утварь. Жилое отапливаемое помещение (так называемая клеть) размещалось во втором этаже, куда вела широкая лестница. В жилых комнатах имелись окна. В X—XIII вв. в домах горожан их делали небольшими, высотой в одно—два бревна, типа так называемых волоковых. Отверстие в таких окнах задвигалось доской или жалюзи. Иногда окно закрывали дополнительно слюдой. В XIV в. в жилищах зажиточных горожан появляются стеклянные окна.

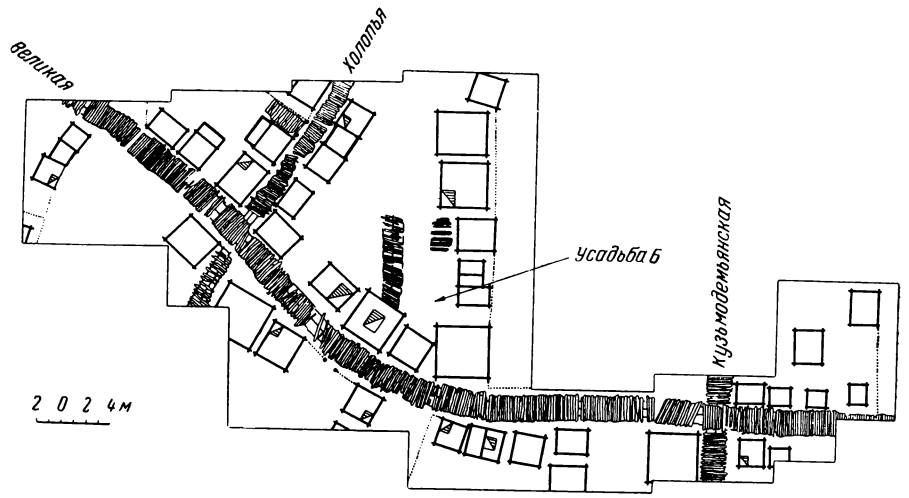


Рис. 3. План застройки 40—50-х годов XIII в. на участках, примыкавших к Великой, Холопьей и Кузьмодемьянской улицам

Высокие крутые крыши домов новгородцы покрывали дубовой дранью (лемехом), нижним концам которой придавали разнообразные формы. Покрытые такой дранью (подобной рыбьей чешуе) крыши были надежны и красивы. Карнизы крыш имели затейливые узоры.

Свои жилища новгородцы обильно украшали резьбой. Фронтоны и фризы, крыльца и ворота, наличники окон и причелины они покрывали затейливой плетенкой, растительным орнаментом и мифическими чудищами в виде драконов, грифонов и кентавров. Эти довольно простые украшения жилищ создавали впечатление большой красоты и богатства.

Например, в XI в. большой дом, стоявший на углу Великой и Холопьей улиц, имел крыльцо, которое поддерживали толстые дубовые колонны, сплошь покрытые плетеным узором с двумя большими кругами, в центре которых изображены на одном грифон, а на другом кентавр. Эти рельефные фигуры чудовищ очень похожи на знаменитые, но более поздние каменные рельефы Георгиевского собора (1234 г.) в Юрьеве-Польском.

Следует отметить, что прикладное искусство новгородцев было не только на чрезвычайно высоком уровне, но и пронизывало весь их быт. Нет почти ни одного предмета домашней утвари или изделий иного назначения, которые не были бы отделаны тем или иным дивным узорочьем. Высокохудожественной резьбой украшали новгородцы повседневно употребляемые чаши и ложки, гребни и ножи (их костяные и деревянные рукояти) и многое другое. Затейливые узоры наносили новгородцы на кожаную обувь, пояса и сумки, кошельки и ножны. Даже такую сугубо утилитарную вещь, как веретено (а их в Новгороде найдено более тысячи штук), украшали рисунком, нанесенным техникой выжигания. Лодки, сани и даже детские салазки богато украшались плетеным и растительным орнаментом.

Иногда новгородские бояре, жившие обычно, как и все горожане, в деревянных, но более обширных домах, строили себе каменные терема. Один такой терем был нами вскрыт в Неревском раскопе. Его построил в конце XIV в. новгородский посадник Юрий Онцифорович у перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц. Дом площадью 73 $м^2$ был построен из розового ильменского песчаника и имел, вероятно (судя по массивному фундаменту), не менее трех полных этажей.

Основные жилые кварталы Новгорода в пределах городских стен окольного города были заселены полностью уже в XII в., и земля довольно рано в городе была закреплена за теми или иными владельцами. Земельные участки домовладений, выявленные достаточно четко, например, на вскрытой Новгородской экспедицией территории, свидетельствуют о том, что уже в XI в. и в продолжении последующих веков они не изменялись, т. е. не делились и не укрупнялись. Переходя по наследству к членам одной семьи или к новым владельцам, городские земельные участки постоянно сохраняли свои границы. На рис. 3 приведен план застройки 40—50-х годов XIII в. на площади Неревского раскопа. Как видно из рисунка, на территории одного земельного владения, например на усадьбе Б у угла Великой и Холопьей улиц, было расположено 12 строений. Среди них было три жилища, две мастерских и семь служебных построек (конюшни, хлева, амбары и т. п.). Едва ли они принадлежали одному владельцу, хотя были расположены на участке одного землевладельца. Здесь, вероятнее всего, мы имеем дело с несколькими семьями — хозяевами небольших домов, арендующими участки земли у более крупного землевладельца.

На довольно тесно застроенных городских земельных участках новгородцы разводили сады или сажали парковые деревья. Например, на раскопе у угла Великой и Кузьмодемьянской улиц в слоях середины XII в. на двух соседних усадьбах нами были вскрыты два фруктовых сада площадью по 0,03 *га* каждый. В садах росли яблони. Судя по другим находкам, например многочисленным находкам вишневых косточек (а их найдено несколько тысяч), можно утверждать, что в Новгороде цвели и вишневые сады.

Архитектурный ансамбль Новгорода был ярким и своеобразным. На фоне довольно однообразных в массе невысоких деревянных домов с застроенными и окруженными высоким тыном дворами и небольшими островками фруктовых садов поднимались многочисленные куполы деревянных и каменных церквей. В самом центре города за высокими кремлевскими стенами возвышались золотой купол Новгородской Софии и монументальная башня с городскими часами (Ефимьевская часозвоня).

В Новгороде, как и в других русских городах, всегда было очень много церковных зданий. Так, в XIV в. в Новгороде только в черте города было более 85 церквей. Следует заметить, что церкви в русских средневековых городах являлись не только религиозными храмами для отправления церковной службы, но были своеобразными «деловыми клубами» купеческих организаций, ремесленных объединений и территориальных общин.

В Новгороде, например, хорошо известно древнейшее купеческое объединение вощников (торговцев воском), возникшее и помещавшееся все время при церкви Ивана Предтечи на Опоках («Иван на Опоках»). Это объединение вощников носило название Иванское сто и было замкнутой наследственной купеческой корпорацией. Строгий устав определял очень высокий вступительный вклад, он равнялся 50 гривнам.

Вероятно, патрональными церквами цеха новгородских кузнецов были древнейшая церковь Кузьмы и Демьяна на Холопьей улице и расположенная недалеко от нее церковь Кузьмы и Демьяна на Кузьмодемьянской улице. В этом районе жили и работали новгородские кузнецы. В этих церквах хранилась цеховая казна, велась корпоративная документация и устраивались цеховые пиры — братчины.

Заканчивая описание внешнего вида Новгорода, необходимо коснуться и его благоустройства. Деревянные мостовые улиц и площадей ежегодно чинились, а каждые 20—25 лет настилались заново. Так, за шесть с половиной веков Великая улица заново мостилась 30 раз. На раскопе было вскрыто 30 ярусов мостовых этой улицы, лежавших одна под другой. Была широко развита подземная сеть водоотводов. Все почвенные воды (а Новгород, как известно, имел довольно сырую почву) по широко разветвленной сети сборных колодцев и деревянных труб стекали в Волхов. Водоотводы в Новгороде строились начиная с XI в.

Ремесло. Древнерусские города, являвшиеся центрами феодального товарного производства и обмена, играли важнейшую роль в социально-экономической жизни древней Руси. Численность населения древнерусских городов нам не известна. Но есть основания считать, что в Новгороде в XII—XIII вв. общее число горожан исчислялось в несколько десятков тысяч человек. Решающее значение в развитии и процветании городской экономики имели ремесленники.

Не менее 200 ремесленных профессий насчитывалось в Новгороде в XIV—XV вв., в эпоху наивысшего политического и экономического развития Новгородской республики.

До последнего времени историки, изучающие древнерусский город и опирающиеся главным образом на очень малочисленные и совершенно случайные письменные свидетельства, все еще недооценивают степень развития русского ремесла, его специализации и товарности. Не приходится говорить об экономистах, которые в освещении древнерусской промышленности стоят на уровне достижений исторической науки конца XIX в.

Огромный археологический материал, добытый и систематизированный археологами, особенно в последние годы, позволяет нарисовать широкую картину развития русского города с высокоорганизованным специализированным ремеслом, обширной торговлей и высокой духовной культурой.

Археологический материал особенно наглядно и убедительно рисует нам технику ремесла — его инструментарий, оборудование, технологию. Для характеристики городского ремесла XI—XII вв. мы возьмем только примеры из двух отраслей новгородской промышленности — железообрабатывающей и деревообделочной.

Добыча и обработка железа в древней Руси являлись наиболее важными и ведущими отраслями промышленной деятельности. Из железа и стали изготовлялись основные земледельческие орудия труда, оружие и ремесленный инструмент. Железо новгородским кузнецам, как и кузнецам других древнерусских городов, поставляли сельские металлурги. В новгородских землях наиболее развитые металлургические районы располагались на побережье Финского залива и в Приладожье.

Привезенное в Новгород железо шло на изготовление огромного количества кузнечных изделий и частично на производство стали. Рабочие части различных орудий труда, оружия и инструмента (режущие и рубящие лезвия и другие детали) изготовлялись из высококачественной углеродистой стали. Они подвергались термической обработке, т. е. разнообразным режимам закалки и отпуска.

Многочисленный инструментарий специализированных кузнецов имел развитые формы и рациональную конструкцию. На рис. 4 изображены инструменты кузнеца и слесаря. Среди них мы видим кузнечную наковальню, тяжелые кувалды, небольшие кузнечные молотки — ручники, клещи разных размеров, бородки — пробойники, служащие для

изготовления отверстий, зубила для рубки металла, гвоздильни для отковки головок у гвоздей и заклепок, разные напильники по железу, стали и цветным металлам, подсечки для рубки тонких прутков и т. п. Тут же изображен инструментарий для обработки цветных металлов — небольшие ювелирные наковальни, молоточки, чеканы, зубильца, клещи, кусачки, разные пинцеты, ножницы по металлу, паяльники.

Многообразны были конструктивные приемы изготовления оружия, инструмента и некоторых орудий труда. При изготовлении режущих лезвий для ножей, мечей, кос, рез-

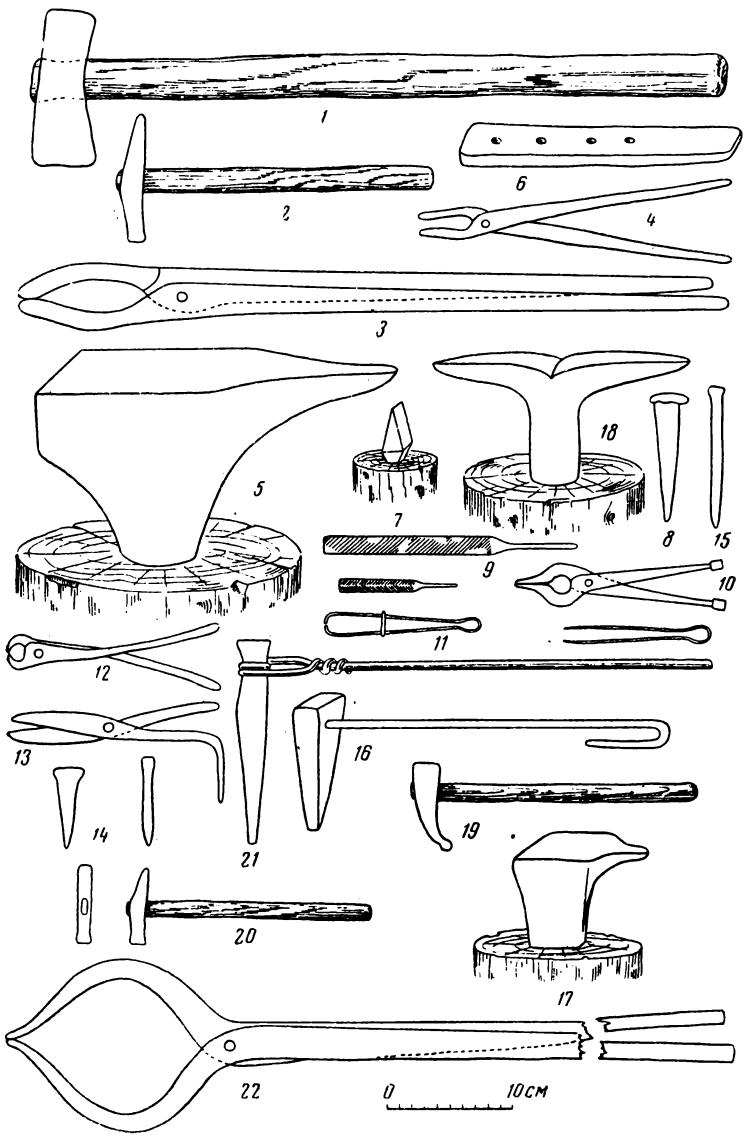


Рис. 4. Инструменты кузнеца, слесаря и ювелира XI—XII вв.

1 — кувалда; *2* — кузнечный молоток; *3* — клещи большие; *4* — клещи малые; *5* — наковальня кузнечная; *6* — гвоздильня; *7* — нижнее зубило-подсека; *8* — кузнечный бородок; *9* — напильники; *10* — клещи-круглогубы; *11* — пинцеты; *12* — клещи-кусачки; *13* — ножницы по металлу; *14* — зубила слесарные; *15* — ювелирный бородок; *16* — паяльник; *17* — ювелирная наковальня; *18* — то же; *19* — молоток-чекан; *20* — ювелирный молоточек; *21* — кузнечный пробойник; *22* — клещи кричные (длина 81,0 *см*)

цов и т. п. применялась технологическая схема многослойной сварки. Она заключалась в том, что лезвие составляли из нескольких (пяти или трех) тонких пластин стали и железа. Посередине лезвия, образуя режущую грань, проходила полоса высокоуглеродистой стали, по бокам к ней приваривали малоуглеродистые и железные полоски металла. Такие лезвия после закалки приобретали наивысшую твердость и остроту, а лезвие в целом было пластично и долговечно в эксплуатации.

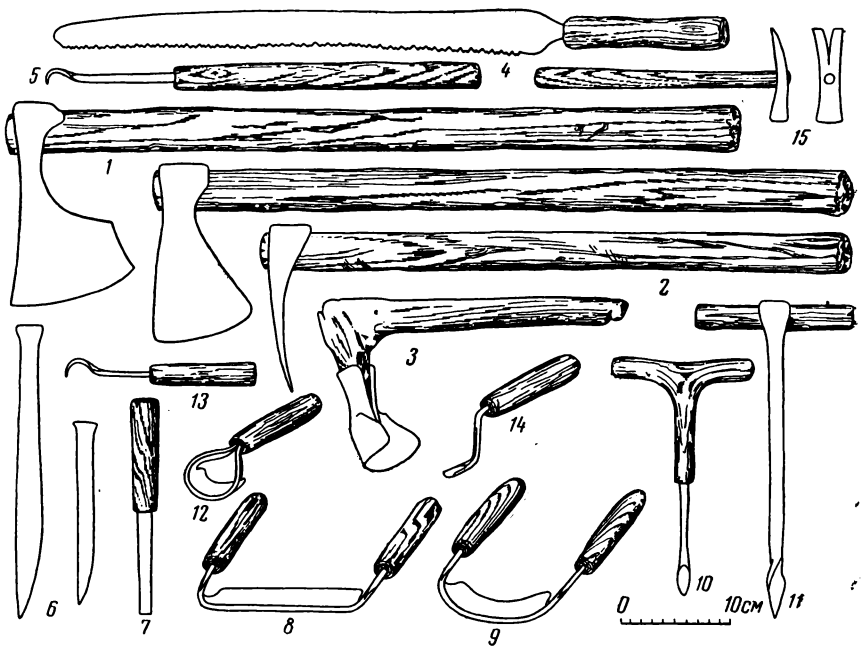


Рис. 5. Деревообделочные инструменты

1 — топоры; *2* — тесло большое; *3* — тесло для мелких работ; *4* — пила; *5* — токарный резец; *6* — долота; *7* — стамеска; *8*, *9* — скобели; *10* — сверло перовидное; *11* — сверло спиральное; *12* — скобелька; *13* — резец; *14* — резец для художественной резьбы; *15* — гвоздодер

Массовый спрос на рынке на изделия широкого потребления (ножи, ножницы, косы, серпы, топоры, гвозди, заклепки, сковороды, ремесленные инструменты и т. д.), большое разнообразие видов и форм изделий из черного металла, сложность техники обработки стальных изделий вызывали широкую специализацию городских кузнецов по производству отдельных видов их продукции. В XII в., в эпоху наибольшего экономического развития русского ремесла, в Новгороде существовало не менее 15 профессий специализированных кузнецов. Среди них были: ножевники, секирники (изготовлявшие топоры), оружейники, бронники, стрельники, гвоздочники, замочники, игольники, булавочники, удники, лемешники и др.

Основным поделочным материалом древней Руси, как мы уже упоминали выше, было дерево. Особенно широкое применение оно имело в хозяйстве древних новгородцев, земля которых была богата лесом. Городские укрепления и жилища, корабли и сани, водопроводы и мосты, механизмы и станки, разные орудия труда и посуда, мебель и утварь и многое другое — все делалось из дерева. Вполне естественно, постройка и изготовление всего, перечисленного выше, требовали большого количества высококвалифицированных и специализированных ремесленников.

В этой отрасли древнерусской промышленности было занято более 10 специализированных профессий. Среди них мы встречаем: городников (строителей деревянных крепостей), древоделий (строителей — зодчих деревянных зданий), плотников с широким профилем, столяров, мостников (специалистов по мостам и мостовым), токарей, корабельников, бондарей, учанников (строителей лодок), порочных мастеров (ремесленников по изготовлению стенобитных машин), гребенщиков, резчиков по дереву и др.

Для характеристики техники деревообрабатывающих ремесел мы приведем только перечень стального инструментария, употреблявшегося в X—XII вв. и насчитывающего более 13 видов инструментов (рис. 5). Это — топоры, тесла, пилы, скобели, долота, сверла, наструги (инструмент типа рубанка), стамески, бондарные скобельки, уторные пилки, резцы токарные, резцы для художественной резьбы, гвоздодеры.

Чтобы представить технологическое многообразие и сложность отдельных профессий деревообделочного ремесла, мы приведем лишь описание набора точеной столовой посуды, бытовавшей в Новгороде в XII в. и изготовленной новгородскими токарями. Среди них имеется более 25 видов разнообразных сосудов, из которых выделяются различные чаши, мисы, блюда, тарелки, кубки, чаши и блюда на стояне, чаши фигурные, солоницы, шкатулки и т. п.

Новгородские токари уже в X в. работали на мощных, технически совершенных токарных станках, вытачивая разные изделия, достигавшие иногда в диаметре 50 *см* (рис. 6).

К у л ь т у р а. Говоря о городской культуре, мы имеем в виду прежде всего культуру широких слоев русских горожан, основная масса которых являлась ремесленника-

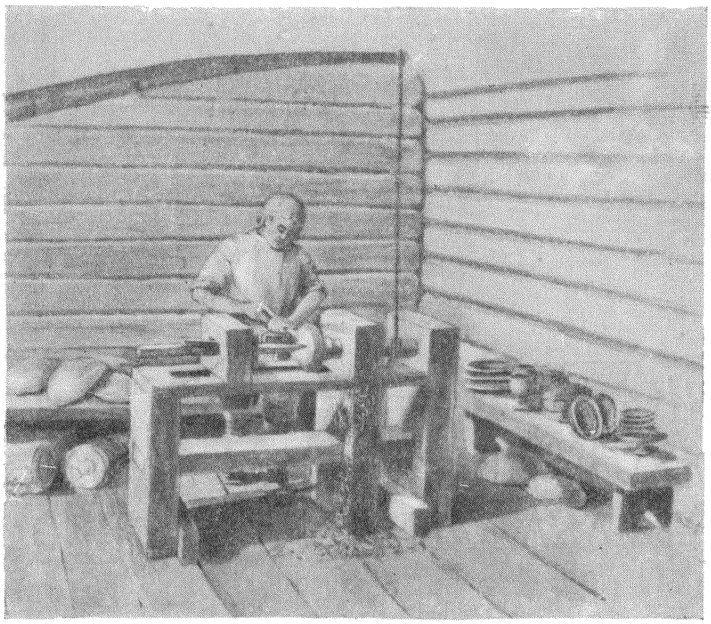


Рис. 6. Токарная мастерская XI—XII вв. (Опыт реконструкции автора)

ми. Выдающиеся памятники русской культуры: памятники архитектуры, живописи, прикладного искусства — все сохранившееся до наших дней от древней Руси было создано русскими мастерами и русскими ремесленниками, большинство которых жило в городах. И хотя ремесленники и мастера очень часто выполняли запросы господствующего класса феодалов, все замыслы, воплощение и технические приемы были делом их рук. Они должны были обладать широким кругом профессиональных навыков и общекультурными знаниями.

Важнейшей предпосылкой широкого развития культуры является распространение в народе грамотности.

Археологи долго накапливали факты распространения письменности среди горожан. Например, были известны надписи-граффити, начертанные прихожанами на стенах русских церквей, надписи на ремесленных изделиях, изготовленных по заказу; особенно многочисленны надписи на различных бытовых предметах домашнего и хозяйственного обихода, находимых в жилищах рядовых горожан.

Но исключительно крупным успехом археологов явилось открытие в Новгороде берестяных грамот — исторических источников совершенно нового вида. Берестяные грамоты представляют собою свитки обработанной березовой коры разных размеров, на которой надавливанием или процарапыванием особым инструментом с заостренным концом написаны буквы. Такие инструменты для писания были также обнаружены на раскопках. Они представляли собой плавно изогнутые длинные костяные стержни, заостренные книзу.

Всего за шесть лет, начиная с 1951 г., когда были обнаружены первые грамоты, найдено уже 250 грамот. Самые ранние из них относятся к первой половине XI в., наиболее поздние — к концу XV в. Берестяные грамоты найдены в культурном слое, т. е. в земле; располагались они довольно равномерно по площади раскопа, а также и в глубину, т. е. встречены в слоях XV, XIV, XIII и других веков.

Следует отметить, что на раскопе найден не архив берестяных грамот, когда-то погибший в Новгороде, а выброшенные или потерянные в разное время и в разных местах города на Великой, Холопьей и Кузьмодемьянской улицах те или иные тексты, написанные на бересте.

По содержанию грамоты в большинстве своем являются частными письмами или документами древних новгородцев. Их содержание разнообразно: тут есть письма ремесленника к ремесленнику, ткачихи к купцу, мужа к жене, крестьян к феодалу, приказчика к боярину, купца к купцу, матери к сыну, сестры к братьям и многие другие. Письма касаются разных вопросов — от денежных расчетов, торговых заметок, судебных дел, феодальных обязательств, военных событий до мелких бытовых. Кроме писем, встречены частные записи о феодальных повинностях, ростовщических расчетах, отчеты о выполнении хозяйственных работ, духовные завещания, приглашения на поминки, тексты различных шуток, загадки и многое другое.

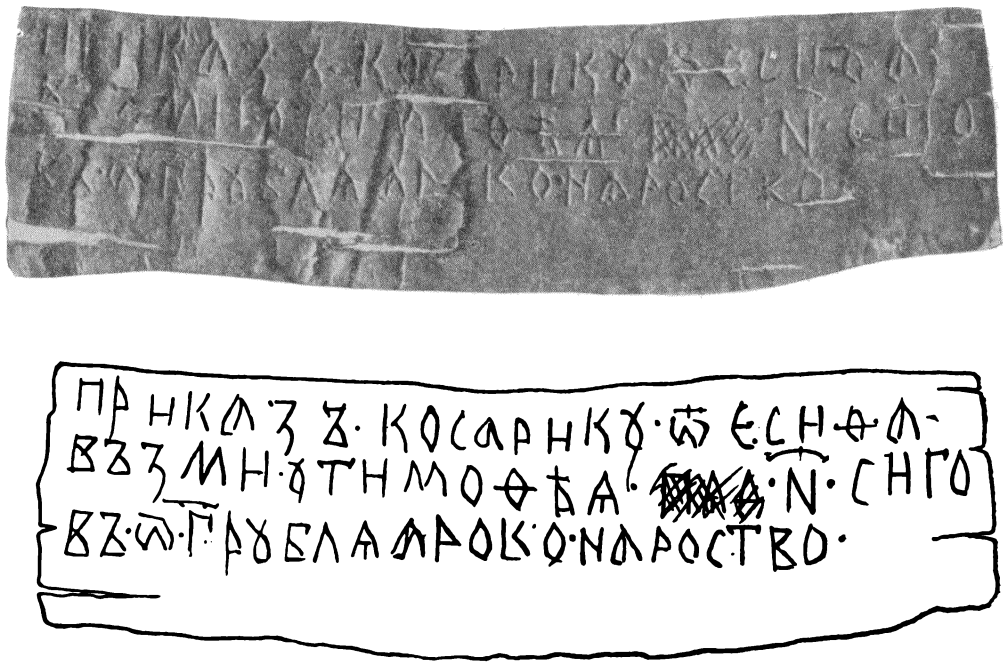


Рис. 7. Берестяная грамота № 144 и ее прорись

Вполне очевидно, что как надписи на бытовых предметах, так и грамоты писались грамотными людьми для грамотных людей. Писали и читали не только мужчины, но и женщины. Хозяева вещей, на которых имеются надписи, или авторы берестяных грамот писали собственноручно. Содержание многих грамот позволяет утверждать, что они изготовлены без участия частных писцов.

До последнего времени считалось, будто грамотность в древней Руси была привилегией духовенства и феодалов и носила односторонний церковный характер. Было принято думать, что грамотность в основном служила средством к достижению якобы главной задачи тогдашнего образования — к изучению догм христианства и чтению святого писания.

Упомянутый мною выше археологический материал, и особенно берестяные грамоты, опровергают эти ложные домыслы и доказывают широкое распространение грамотности среди всех слоев русского народа и прежде всего среди жителей русского города.

Наша находка говорит не только о том, что писать и читать умели многие жители Новгорода, но и о том, что они были люди светские, т. е. ремесленники, торговцы, холопы или члены их семей.

Особенно важно отметить, что грамотность была широко распространена среди всех слоев населения; она вошла в общественный быт и была непосредственно связана с жизненными потребностями жителей города, да и не только города.

Выше мы отметили только некоторые научные выводы, сделанные в связи с открытием берестяных грамот. Но их научное значение гораздо шире. Круг письменных источников по истории Новгорода, да и других городов, казался замкнутым, и историки не надеялись на новые крупные открытия. Состав источников был ограничен летописями, юридическими памятниками, государственными и частными актами. Эти источники были официальными документами, и поэтому сообщаемые ими сведения являлись односторонними, написанными по определенному образцу официальным языком, далеким от живой разговорной речи народа. Берестяные грамоты, будучи в основной массе письмами и деловыми записями горожан, являются образцами древнерусской разговорной народной речи и очень важны для истории русского языка.

Грамоты имеют большое значение для политической и экономической истории Новгорода. Береста рассказывает нам о таких сторонах новгородской жизни, которые до сих пор считались совершенно недоступными для научного исследования. Особенно ценны письма крестьян и холопов к известным историческим деятелям Новгорода — новгородским посадникам Онцифору Лукичу и его сыну Юрию Онцифоровичу.

В качестве примера мы приведем содержание нескольких писем и деловых записок о мелких, повседневных, рядовых делах, нуждах новгородцев, живших в XI—XIV вв. (рис. 7, 8).

Маленькое письмо (грамота № 173), написанное в самом конце XIV в. к новгородке Марье, гласит: «Поклонъ от Панфил к Марьи и ко попу. Купите маслеца древяного, да пришлите симъ». Перед нами очень короткое письмо Панфила с пустяковой просьбой к

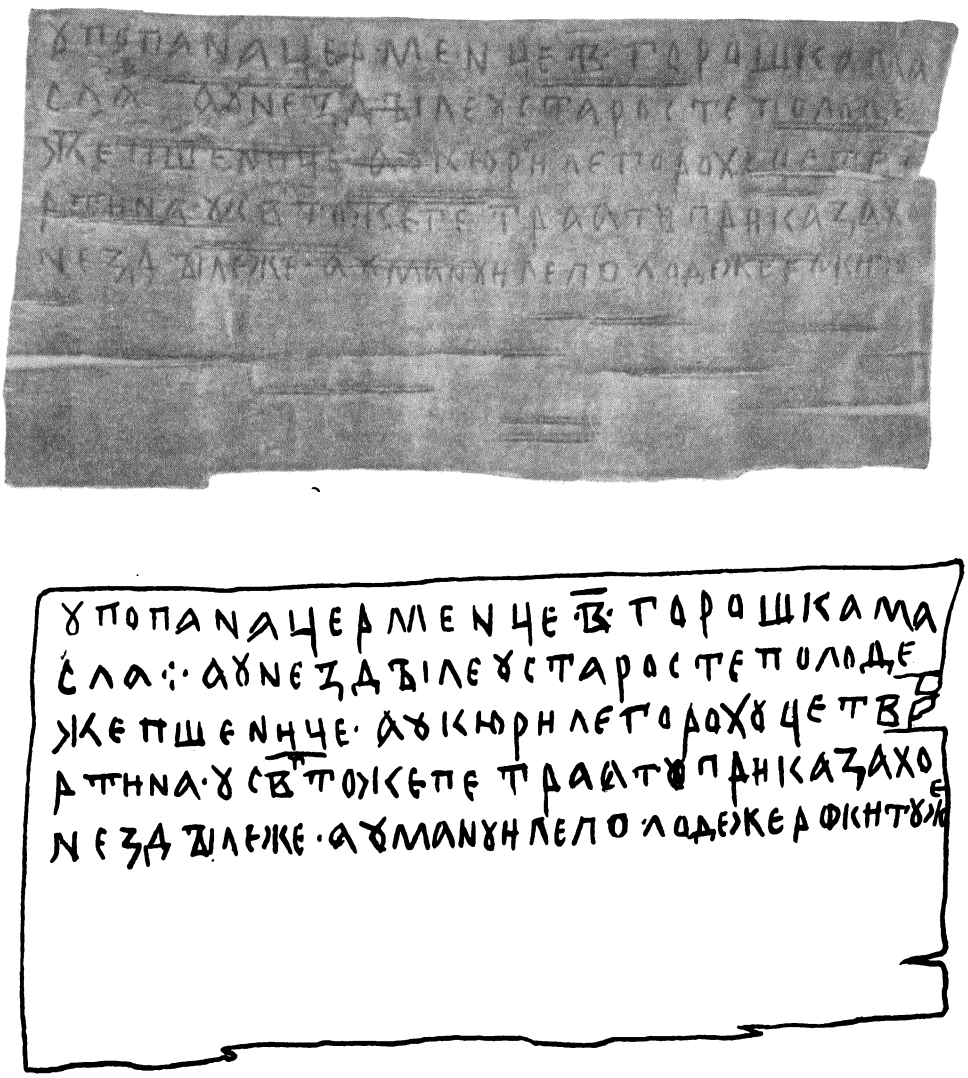


Рис. 8. Берестяная грамота № 220 и ее прорись

Марье: купить деревянного масла (употреблявшегося обычно для лампады) и прислать ему.

Вот письмо к Юрию Онцифоровичу. Этот знатный боярин был видным новгородским политическим деятелем. Впервые он упомянут в летописи в 1376 г., в это время он был послом в Москве. Позже он был воеводой, посадником и умер в 1417 г. Текст грамоты (№ 167) гласит: «Чолобитье от мелника из Злостьици к Юрью к Оньцифорову, чоби, господине, попецелилеся горюнами, а и нь посли свои чоловекъ». В этом письме мельник из села Злостьицы просит Юрия Онцифоровича, который являлся владельцем мельницы, не присылать нового мельника, а пожалеть старого и оставить его на службе.

Небольшая грамота (№ 144), написанная в начале XIV в., гласит: «Приказъ Косарику от Есифа. Възми у Тимофея 50 сиговъ о 3 рубля. А роко на роство». Перед нами короткая записка — хозяйственное распоряжение. Есиф предлагает Косарику взять у Тимофея 50 сигов (волховская рыба) рубля на три. Срок оплаты на рождество.

Вот грамота (№ 53) конца XIII в. Текст ее гласит: «Поклонъ от Потра к Марье. Покосиле есмь пожню, и Озерици у мене сено отъяли. Спиши списокъ с купной грамоте да пришли семо. Куды грамота поведе, дать ми розумно». Петр, рядовой новгородец, купивший небольшой покос, пишет Марье (вероятно, своей жене), что скошенное сено Озерицы (т. е. жители деревни Озеры) у него отняли. Он просит списать копию с куп-

ной грамоты и прислать к нему. При этом указывает, чтобы Марья грамоту списала понятно.

Небольшая памятка (грамота № 220), составленная в середине XIII в., гласит: «У попа на Церменце 2 горошка масла, а у Нездыле у старосте полодеже пшенице, а у Кюрияе гороху четвртина у святого же Петра. А ту приказахо Нездыле же, а у Мануйле полодеже рожи туже». Новгородцу с Кузьмодемьянской улицы жители с. Черменец должны были в силу каких-то обстоятельств поставить: поп — два горшка масла, староста Нездыла — полдежи пшеницы, Кирилл — четверть гороху. Служители церкви святого Петра четверть гороха должны передать старосте Нездыле, а Мануйла должен полдежи ржи.

В связи с темой о широком распространении у новгородцев грамотности возникает вопрос о методах и пособиях по обучению грамоте. Некоторые находки Новгородской экспедиции 1954 и 1956 гг. позволяют довольно хорошо осветить и этот вопрос. В 1954 г. во дворе сгоревшего дотла во время большого пожара 28 июня 1311 г. дома ремесленника была впервые найдена русская азбука конца XIII в. Азбука представляла собой деревянную дощечку высотой 18 *см*, на лицевой гладкой стороне которой были аккуратно вырезаны 36 букв тогдашнего алфавита от «аз» («а») до «юса» малого («я»). На другой стороне азбуки имелся выем, который заполняли тонким слоем воска. Ученик, обучаясь написанию букв, смотрел на лицевую сторону азбуки, выбирая нужную ему букву, и затем на другой стороне на воске особым инструментом писал несколько раз эту букву. Потом, затерев написанное на воске, он продолжал писать новые буквы, повторяя так заданное количество раз.

В 1956 г. в слоях конца XII в. были найдены «странички» из разорванных берестяных «тетрадей», где новгородский мальчик по имени Онфим писал слоги, складывая согласные и гласные буквы от «ба», «ва» и т. д. до «ща». Потом он брал другую гласную и писал «бе», «ве» и далее до конца алфавита. Затем писал «би», «ви» и опять до конца алфавита. На этих же листках или других обрывках бересты Онфим рисовал разнообразные сценки в основном батального содержания. Более подробно об этой выдающейся находке мы говорить не будем, так как в этом же номере журнала «Советской археологии» опубликована статья А. В. Арциховского, посвященная находкам записей новгородского мальчика (стр. 215).

Приведенные мною азбука и странички из берестяных «тетрадей» мальчика Онфима говорят о совершенной, опирающейся на большой опыт и традицию системе обучения грамоте.

Археологические раскопки в Новгороде дали массу ценнейших материалов и по истории язычества. Недалеко от Новгорода, у истока Волхова на берегу оз. Ильмень, был открыт языческий храм Перуна, верховного божества сонма языческих богов древних славян. Этой интереснейшей теме и ряду других сюжетов мы посвятим наш второй очерк в последующих номерах журнала.

Кончая изложение некоторых данных из истории русского феодального города, необходимо заметить, что приведены были лишь отдельные факты из большого археологического материала, добытого советскими археологами. Чем больше учитель будет их использовать на своих уроках, тем полнее и красочнее будут представлены образы русских городов и населявших их горожан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. 1, МИА, № 55, 1956.
2. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953.
3. А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М. 1954.
4. Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. История культуры древней Руси, т. II, М.— Л, 1951, стр. 396.
5. В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище в Перыни. КСИИМК, вып I, 1953, стр. 92.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. Л. Монгайт. Археология в СССР. Изд.-во АН СССР. М., 1955, 434 стр. Тираж 6000. Цена 25р. 20 к.

Книга А. Л. Монгайта «Археология в СССР» является важным вкладом в научно-популярную литературу по советской археологии. Хорошим простым языком автор излагает главные достижения и проблемы советской археологии и приводит большое количество иллюстраций. Автор подчеркивает основное методологическое отличие советской археологии от буржуазной — особый интерес советских ученых к проблемам социального строя и экономики изучаемых исторических эпох.

Обобщающий труд А. Л. Монгайта, несмотря на ряд частных ошибок, неизбежных в такой сводной работе, интересен не только для массового читателя. Он поучителен также и для специалистов. На фоне общих достижений советской археологии яснее выделяются те области, где решение важнейших вопросов упирается в недостаток материала. Чтение книги А. Л. Монгайта вызывает новые мысли, поднимает новые вопросы.

* * *

В своей книге А. Л. Монгайт уделил значительное место древнейшему прошлому человечества, памятникам палеолита. Эта область археологии дальше всего отстоит от научных интересов автора. Тем не менее ему удалось достаточно полно и вместе с тем сжато, правильно по существу показать открытия и исследования советских археологов, занимающихся палеолитом и мезолитом. А. Л. Монгайт рассказывает в этой главе о палеолите в СССР соответственно общепринятому делению палеолитических памятников на хронологические группы нижнего палеолита, мустьерской эпохи, верхнего палеолита и мезолита. Он весьма тщательно охарактеризовал некоторые наиболее важные памятники палеолитического времени и показал в общих чертах историю палеолитического человека и его культуру на территории СССР.

При всем том, смотря на его книгу взыскательными глазами специалистов, необходимо отметить ряд спорных мест и недочетов. Прежде всего следует сказать о некоторых частных упущениях.

В главе II упомянуты важнейшие открытия в области изучения нижнего палеолита. Но можно было бы остановиться более подробно на находках Юго-Осетии, поскольку эти находки не менее выразительны и ценны, чем находки в Армении. Следовало бы дать иллюстрации юго-осетинских ручных рубил.

Хорошо изложены материалы по мустьерской эпохе. Но опять-таки явно недостаточно иллюстраций: даны только две иллюстрации, касающиеся физического типа человека. Следовало бы показать характерные мустьерские орудия, отражающие как прогресс в технике, так и начинающееся разделение труда.

Необходимо сделать и еще одно замечание относительно нижнего палеолита на Волге. Неверно, что палеолитические находки были отмечены на берегу р. Воложки (стр. 65). Р. Воложки как таковой нет; так обозначаются в различных местах рукава Волги. В 1952 г. работы в этом районе не производились. Следовало бы упомянуть в этой связи имя М. З. Паничкиной, но даже в списке литературы нет ее работы.

Для того чтобы показать расселение людей мустьерского времени, важно было бы указать находки на Урале (Пещерный Лог) и на Десне.

Однако деснинские находки упоминаются очень кратко и в другой связи. Полнее следовало бы сказать и о Сталинградской стоянке (широкая площадь раскопок, открытие очагов и мест обработки кремня, находка массы кремневых орудий).

Хорошо и полно изложены важнейшие открытия в области верхнего палеолита. Но, к сожалению, здесь вкрался ряд неточностей. Так, например, в Бурети найдено пять женских статуэток, а не одна; в Авдееве — четыре статуэтки, а не две (стр. 73); погребение эпохи палеолита было найдено не на «Покровском лугу», а в Покровском логу (стр. 76); в Мальтинском погребении найдена только одна птичка (стр. 76).

Что касается мезолита, то ему автор посвятил менее одной страницы текста, ограничившись самыми общими замечаниями об изменениях климата, вызвавших расселение человека на севере, о технических и хозяйственных достижениях и т. д. Время это заслуживает большего внимания, а некоторые первоклассные пещерные памятники, в частности пещеры Крыма, требуют особой характеристики. Следовало бы сказать несколько слов о многослойной стоянке Шан-Коба, позволяющей расчленить мезолитические слои на ряд хронологических этапов. Можно было бы отметить значение таких стоянок, как Мурзак-Коба и Фатьма-Коба, в которых впервые в СССР были обнаружены мезолити-

ческие погребения. Антропологический и археологический материал, происходящий из этих пещер, позволяет сделать ряд интересных наблюдений об изменениях в идеологических представлениях и нравах человека. Соответствующие дополнения следовало бы внести и в список литературы ко второй главе, указав работы С. Н. Бибикова о Шан-Кобе и Мурзак-Кобе.

Следовало бы упомянуть о мезолите Приуралья, изучение которого за последнее время продвинулось вперед (работы О. Н. Бадера).

Теперь можно было бы сказать новое слово о мезолите Средней Азии, ранее не известном. О нем писал А. А. Формозов по казахстанским материалам; совершенно новые важные факты установлены раскопками в Туркмении (работы ЮТАКЭ и Хорезмской экспедиции) и в Таджикистане (работы А. П. Окладникова).

Кроме частных вопросов, есть и общие проблемы, о которых следует здесь сказать. Так, вряд ли можно признать удачным текст, посвященный вопросу о геологических датировках древнейших этапов палеолита. Автор считает большой заслугой советских геологов удревнение возраста палеолита. Однако именно этот вопрос в последнее время подвергается серьезной и обоснованной критике, например, со стороны чешских геологов и археологов. Да и среди советских ученых все настойчивее высказывается сомнение в важности единичных и случайных находок под рисской мореной, которые послужили фактическим обоснованием заниженной датировки мустьерского и последующих этапов палеолита.

Далее, никто не оспаривает положения о существовании трех больших культурных областей в верхнем палеолите. Это положение давно уже стало важным достоянием нашей науки. Оно было обосновано исследованиями западных и советских ученых (например, Брейлем, Савицким, П. П. Ефименко и др.), установивших отличие атлантической или приледниковой культуры от культуры южных областей Азии и Северной Африки (так называемой капсийской культуры). Давно стало ясным в результате работ китайских, французских и советских ученых (Пэй Вэнь-чжуна, Тейяр-де-Шардена, Лисана, Савицкого, Н. К. Ауэрбах, Г. П. Сосновского, А. П. Окладникова и др.), что палеолит Сибири и Северного Китая отличен от палеолита двух других больших областей Старого Света. С. Н. Замятнин подвел недавно итог этим наблюдениям и выводам в особой, получившей большую известность статье о локальных различиях культуры в верхнем палеолите [1]. Однако ясно и то, что этими тремя вариантами локальное разнообразие культур, возникающее в верхнем палеолите, вовсе не исчерпывается. Так, совершенно очевидно, что развитие культуры в Экваториальной и Южной Африке шло иначе, чем в Средиземноморской области, и их нельзя ставить на одну доску без насилия над фактами. Ясно и то, что на огромной территории Китая и Индокитая этот процесс также шел иначе, чем в Ордосе и в Сибири. Различие зависело здесь уже от климата и природы — арктической в Сибири и субтропической в Индокитае. И, наконец, можно говорить о древнем каменном веке в Америке. На исследователей, привыкших мыслить масштабами старых учебников по археологии времен Мортилье, острия типа Сандия, Юма и Фолзом могут произвести, конечно, впечатление молодых, чисто неолитических вещей. Но в наш век большие успехи сделали новые методы определения абсолютного возраста археологических остатков, например радиоуглеродный метод (C_{14}). И этими методами подтверждены наблюдения геологов, которые показали, что древнейшие культуры охотников на мамонтов и мастодонтов в Америке, так же как в Европе и Азии, увязываются с историей четвертичных отложений и сменой ледниковых эпох. Устанавливается также, что культуры Фолзом и Сандия датируются приблизительно XI—VIII тысячелетиями.

Следовательно, «неолитические» по облику острия из Америки не моложе мезолита Европы и Передней Азии, а может быть и много древнее. А поэтому сравнивать их, особенно самые древние острия типа Сандия (с их характерной боковой выемкой), лучше не с неолитическими клинками наконечников копий и ножей, а с классическими солютрейскими остроконечниками (как это и делают американские ученые). Иначе, рассуждая последовательно, нужно допустить весьма неожиданную и дерзкую с европоцентрической точки зрения мысль о том, что «неолит» появился в Америке по крайней мере на две — три тысячи лет ранее, чем в Европе и Азии, и, следовательно, «Старый» Свет на столько же тысячелетий отстал от «Нового». В этом, однако, нет нужды, если учитывать многообразие форм развития первоначальной культуры и богатство локальных вариантов уже на этой ранней ступени. Забывать об этом, значит пытаться «закрыть» недавно и с большими трудами открытую на основе передовых методов археологического исследования подлинно древнейшую Америку.

Таким образом, то, что в книге А. Л. Монгайта поставлено в заслугу сегодняшней нашей науке, в действительности отражает достижения вчерашнего дня. Могут, правда, сказать, что здесь речь идет не об Африке и не об Америке, а только о территории СССР; но, во-первых, речь идет о советской археологии, а ей вовсе не свойственна такая ограниченность и самоизоляция от всего остального мира, во-вторых, любое явление может быть понято только на более широком фоне. Поэтому, говоря о трех культурах палеолита, представленных у нас, следовало хотя бы кратко, хотя бы

[1] С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества». Тр. Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. XVI, М., 1951.

в одном абзаце, но все же показать фон, на котором они существовали и развивались. Без этого не может быть вскрыт и тот замечательный факт, что в условиях древнекаменного века они имели такое же всемирно-историческое значение, как и все другие большие палеолитические культуры земного шара.

Нужно было бы более развернуто показать, как вредно сказывалось в свое время предубеждение против каких-либо миграций, навеянное вульгарно-социологизаторскими тенденциями и стадиальным автохтонизмом. Сейчас эта детская болезнь нашей науки счастливо преодолена. Эта боязнь любых миграций, болезнь сходная с водобоязнью, тоже принадлежит не сегодняшнему, а вчерашнему дню нашей науки. Подлинно материалистическая наука показала, насколько важен и необходим был в условиях первобытной экономики и первобытного общества процесс непрерывного и неудержимого расселения расчленяющихся, как клетки живого организма, родовых общин и племен.

Рассматривая этот конкретно-исторический процесс, который привел со временем к освоению человеком почти всей планеты, советские археологи, естественно, опровергают реакционные вульгарно-миграционистические концепции, разоблачают расизм и колониализм во всех их проявлениях. Нужно при этом сказать, что критике этих концепций А. Л. Монгайт мог бы уделить больше места и дать ее глубже.

Нельзя назвать, например, четкими и достаточно убедительными те беглые замечания, которые сделаны по этому поводу на стр. 15. Во-первых, не только «часть европейских ученых» заражена расистскими идеями, но их сторонники были кое-где и в Азии, например в Японии, в Турции. Во-вторых, почему-то отсутствует критика колониализма в тех его формах, которые нашли отражение в реакционных концепциях археологов и этнографов. В-третьих, не следовало связывать с расизмом то, что по сути к нему никакого отношения не имеет. Так, неправомерно употребление термина «расово-этнологические особенности народа», ибо раса — понятие все-таки биологическое, а этнология — социальное. Неверно противопоставление термина «культурная провинция» термину «археологическая культура». Тем более неправильно утверждение, что понятие «культурная провинция» принадлежат к идейному арсеналу Коссины. Культурные провинции, или ареалы, были до Коссины, они есть сейчас, и они долго еще будут существовать.

Мы вовсе не отбрасываем эти понятия и термины прочь, как может подумать неопытный и неподготовленный читатель работы А. Л. Монгайта, а придаем им принципиально иную окраску, вкладываем в них другое содержание, иную политическую и методологическую сущность и направленность. Раскрыть это отличие и было задачей автора, чего он, однако, не сделал.

Что же касается опасности отожествления этноса и культуры в археологии, то осторожность здесь, разумеется, необходима, как вообще при постановке сложных проблем. Но это вовсе не означает агностицизма и тем более не исключает необходимости в смелой постановке этих проблем.

Следует, кстати, отметить, что такие работы давно и не без успеха велись и ведутся нашими учеными, в том числе даже в области палеолита и неолита (А. Н. Рогачев, А. Я. Брюсов, А. П. Окладников, С. П. Толстов, В. Н. Чернецов). Но именно эти работы советских ученых, стремящихся показать живое, а не абстрактное первобытное общество прошлого, конкретную многообразную историю первобытного человека, этнографические различия культур в каменном веке, взаимодействие больших и малых этнических групп того времени, не нашли отражения в обзоре А. Л. Монгайта.

Особенно остро, как известно, в нашей археологической литературе встали эти вопросы в связи с новейшими открытиями многослойных поселений в Костенках. Вокруг раскопок в Костенках развернулись споры, нередко ожесточенные, в которых приняли участие многие исследователи палеолита. Автор напрасно обошел эти дискуссии, также как и дискуссии о неандертальских погребениях, о происхождении и характере палеолитического искусства, о становлении человека и человеческого общества.

Конечно, нельзя было бы ожидать, чтобы автор такой неизбежно компилятивной (в хорошем смысле этого слова), т. е., по сути дела, обзорной или реферативной, а не исследовательской, работы мог сам достаточно глубоко разобраться во всех этих сложных вопросах. Но именно благодаря этому его работа приобретает особый интерес как показатель уровня и характера общераспространенных или наиболее широко распространенных представлений о данном разделе науки. И именно поэтому мы считаем, что необходимо было поставить с полной прямотой эти общие вопросы в данной связи и по данному поводу.

Жаль, что А. Л. Монгайт не показал всех этих дискуссий и обсуждений спорных проблем науки. Ведь именно это волнение живой творческой души отличает настоящую, растущую и развивающуюся науку от спокойно-мертвой и безжизненной каталогизации фактов, представляющей лишь предпосылку для настоящего научного творчества и лишь один из элементов его технической основы.

Стремясь обойти такие трудные места, сгладить острые углы, показать только бесспорное (с его точки зрения), автор книги, сам того не желая, показал нашу науку в этом ее разделе слишком обесцвеченной.

Чрезмерно скупо и бледно обрисована деятельность и наших предшественников, старых русских археологов. Для них на палитре автора тоже не нашлось достаточно ярких и разнообразных красок. Их волнения и творчество обрисованы тоже слишком схематично, бесстрастно и сухо, их вклад в науку в обзоре А. Л. Монгайта приуменьв-

шен. От такого приуменьшения наша современная наука, разумеется, ничего не выигрывает, а, напротив, проигрывает.

Конечно, наши предшественники не ставили и не могли ставить тех проблем, которые волнуют нас сегодня. Но для своего времени они сделали много и в свое время были ничем не хуже других в Европе. Вот это и следовало бы показать в книге, но увы, не показано.

В главе III, посвященной изучению неолита, совершенно неясен принцип расположения материала. Сначала автор говорит о неолитических могильниках Юга, затем через кельтеминарскую культуру Средней Азии переходит к рассмотрению наиболее хорошо изученного прибайкальского неолита. Очень коротко упомянув о неолите Дальнего Востока, автор подробно останавливается на неолите лесной полосы Восточной Европы. Вслед за этим он коротко характеризует прибалтийский неолит и переходит к Горбуновскому торфянику Урала. Таким образом, изложение кончается бронзовой эпохой. Затем идет описание переходного от неолита к бронзе поселения в Сарнате (Латвия). Далее автор довольно подробно характеризует идеологию неолитической эпохи (здесь кстати, о миниатюрных кремневых скульптурах можно было бы сказать больше). Затем следуют петроглифы Карелии, наскальные росписи Зараут-Сая (Узбекская ССР) и вдруг — Оленеостровский неолитический могильник. В полном отрыве от Мариупольского, Нальчикского и других могильников описывается Оленеостровский могильник, причем об идеологии здесь уже ничего не говорится, а просто перечисляются важнейшие находки на этом могильнике.

Необходимо сказать попутно, что в главе о неолите и мезолите не подчеркнуты те новые черты в погребальном культе, которые появились в неолите. Не показано значение коллективных могильных сооружений, которые дают большой материал для воссоздания тех изменений, которые имели место в культуре и представлениях общества в ту эпоху. Далее А. Л. Монгайт переходит к Триполью, которое охарактеризовано основательно вплоть до самого позднего, усатовского, этапа (но какой же это неолит?). После Триполья следуют энеолитические памятники Кавказа. Заканчивается глава описанием древней беринговоморской культуры. Объяснить эти скачки в изложении логическим развитием темы трудно.

Относительно эпохи бронзы (глава IV) следует сказать, что ямная культура правильно попала в главу о бронзовом веке и рассматривается наряду с катакомбной. Вызывает недоумение полное игнорирование яркой и самобытной глазковской культуры в Прибайкалье. Она не попала ни в энеолит, ни в последующую главу, а ведь ей в нашей литературе посвящена все-таки специальная монография, каких вообще немного по культурам эпохи бронзы СССР.

З. А. Абрамова, Е. А. Векилова и А. П. Окладников

* * *

В главе V — «Ранний железный век» — рассказано о работах советских археологов в области изучения памятников киммерийцев, скифов, сарматов, племен дьяковской и ананьинской культур, а также охарактеризованы археологические культуры раннего железного века в Сибири (тагарская и таштыкская культуры, горноалтайские курганы, гуннские памятники). Отдельно выделено описание китайского дома у г. Абакана.

Последовательной характеристике важнейших культур раннего железного века предпосланы общие сведения о значении открытия железа в истории человечества. К сожалению, в этой части главы имеются существенные недостатки.

Так, про железо здесь сказано, что этот металл «позднее других стал служить человеку» (стр. 145), на самом же деле — позднее только некоторых, известных в древности. Этот факт автор объясняет в первую очередь тем, что железо трудно обрабатывается, оно легко окисляется и ржавеет. По-видимому, лучше бы было сказать сначала о трудности добывания железа из руды и получения высокой температуры. Недостаточно ясно изложена сущность сыродутного процесса, поскольку автор сначала говорит о плавлении железа, а затем замечает, что получение железа в жидком состоянии всегда было для древних металлургов недоступно.

Для правильного понимания роли железа в развитии общества следовало бы в популярной книге с самого начала разъяснить понятие «ранний железный век» и выявить ограниченность этого термина. Между тем автор в начале главы безотносительно к исторической эпохе и географическим условиям характеризует огромную роль железа, которая в результате у него получилась преувеличенной. На стр. 146 образование прибавочного продукта, развитие рабовладения, появление торговли и войн слишком прямолинейно объяснено открытием железа. Это плохо согласуется с тем положением, что в ряде стран древнего Востока и Эгейского мира классовое общество возникло в эпоху энеолита и бронзы, не говоря уже о том, что даже на ограниченной понятием «ранний железный век» территории зарождение таких явлений, как прибавочный продукт, рабовладение и войны, связано не только с изобретением железа. Оно связано с общим ростом производительности труда вообще. Значение открытия железа заключается не в том, что оно вызвало все эти явления к жизни, а в том, что оно ускорило общественное развитие.

Объясняя условность понятия «ранний железный век», автор в примечании на стр. 146 говорит, что памятники скифов включены в эту главу в нарушение общего

принципа изложения, поскольку у них «было классовое общество и государство». Следовало бы оговориться, что государство у скифов появляется много позднее, чем железо, и ранние скифы поэтому включены в главу совершенно закономерно.

Хорошо изложены вопросы скифской археологии. Автор выделяет три культурные области скифского времени: 1) собственно скифская, степная, 2) лесостепная и 3) скифо-меотская. Однако если первые две области хорошо описаны, то третья почти совсем не охарактеризована.

Правильно отмечено сходство скифской культуры и культуры синдо-меотских племен, однако исследованиями последних лет (Н. В. Анфимов, К. Ф. Смирнов, В. П. Шилов и др.) все яснее выявляются своеобразные черты в культуре синдо-меотских племен Прикубанья. Поэтому не следовало бы безоговорочно говорить о «единообразии оружия» (стр. 150), так как у меотов, помимо акинаков, имелись отличные формы мечей, особые шлемы; меоты и синды более последовательно применяли железные наконечники для стрел, меотское вооружение раньше скифского стало испытывать сарматское влияние. Скифский акинак лучше называть не кинжалом, а коротким мечом, как это принято в советской археологической литературе. Говоря о времени возникновения государства у скифов, автор отождествляет точки зрения А. П. Смирнова и Б. Н. Гракова (стр. 151, примеч. 1), на самом деле весьма различные.

Правильно характеризуя культуру поздних скифов, А. Л. Монгайт допускает рискованное неаргументированное утверждение об «окончательном упадке» торговли населения Нижнего Днепра с греческими городами во II в. н. э. (стр. 157).

Автор правильно отмечает, что планомерное и систематическое исследование массовых сарматских памятников является целиком заслугой советских археологов. В силу этого необходимо было несколько подробнее остановиться на этом вопросе. Между тем автор не охарактеризовал хозяйство сарматов, не указал на огромное политическое и культурное влияние сарматов на соседние племена и античные государства. Жаль также, что не нашлось места для иллюстраций как к этому, так и к некоторым другим разделам.

Наиболее удачно и красочно рассказано о Пазырыкских курганах, причем эти замечательные памятники хорошо иллюстрированы.

В качестве отдельных мелких замечаний обратим внимание на следующее место. Охарактеризовав городецкую культуру и подчеркнув лучшую изученность городецких городищ по сравнению с дьяковскими, автор не указал почему-то важные работы Н. В. Трубниковой; из списка литературы выпал не только автореферат ее диссертации, но и обобщающая статья о городецкой культуре [1]. В этом сказался известный субъективный подход в отборе литературы.

Н. И. Сокольский

* * *

В главе VI, посвященной античным городам Северного Причерноморья, А. Л. Монгайт показал принципиальное отличие нового научного метода советских археологов-антиковедов от старого подхода к памятникам античности. Автор дал важные сведения об изучении экономики, хозяйства, состояния ремесл, промыслов, убедительно показал, как важен для решения всех этих вопросов массовый археологический материал.

Неоспорима особая ценность книги А. Л. Монгайта, заключающаяся в том, что автор оперирует новейшим археологическим материалом, говорит читателю об открытиях самых последних лет, приводит в изобилии наиболее свежий иллюстративный материал, публикует интереснейшие находки, порой даже не изданные авторами, добывшими их.

В начале VI главы автор обобщает теоретические положения, высказанные в советской науке о причинах и предпосылках греческой колонизации. Воссоздавая здесь в общем верную картину характера и путей греческой колонизации, А. Л. Монгайт, к сожалению, не избежал некоторого схематизма. Так, он указывает, что уровень развития местного населения обеспечивал возможность широких торговых связей и это явилось одной из социально-экономических предпосылок колонизации (стр. 180) [2]. Известный схематизм этого положения не требует особых доказательств, ибо уровень развития местных племен в разных местах Северного Причерноморья не был одинаковым. В разных местах по-разному складывались отношения греков с населением, обитавшим на колонизуемых территориях.

А. Л. Монгайт дал в основном верную картину ранних этапов греческой колонизации. Тем более непонятно, почему автор дает неверные сведения об эмпории на Березани. Автор пишет: «На Березани найдены остатки жилых сооружений, а в западной части острова найден некрополь (кладбище) древнего местного населения» (стр. 182).

---

[1] Н. В. Трубникова. Племена городецкой культуры. Археологический сборник, М., 1953, стр. 63—96.

[2] Это положение напоминает «теорию о двустороннем процессе колонизации», подвергшуюся критике в статье А. Борисова в «Вопросах истории», 1952, № 11.

Из каких источников почерпнуты эти сведения? Еще в начале текущего столетия на Березани был открыт некрополь, древнейшие погребения которого принадлежат времени возникновения и существования эмпория на острове. Обряд погребений и находки свидетельствуют о греческом характере этого некрополя. Говоря о торговой фактории на ряду с ними существовали и глинобитные на каменном цоколе» (стр. 182). Древнейшие Березани. А. Л. Монгайт указывает, что «постройки этого времени каменные, хотя натипы жилищ на Березани, открытые Э. Р. Штерном, не соответствуют этому описанию [1]

При описании Ольвии автор утверждает, что Б. В. Фармаковский открыл участок города VI в. до н. э., по которому можно судить, что гипподамова планировка возникла в Ольвии задолго до появления такой планировки в Милете. По нашему мнению, это положение ошибочно. Участок города, открытый Б. В. Фармаковским, не относился к VI в. до н. э. Это установлено новейшими работами в Ольвии. В слое, который исследовал Б. В. Фармаковский, встречался материал VI в. до н. э. Но строительные остатки, которые имел в виду А. Л. Монгайт, принадлежат более позднему времени. На основании неверного представления о строительных остатках, открытых Б. В. Фармаковским, А. Л. Монгайт делает вывод: «Таким образом, в общем развитии греческого градостроительства большую роль сыграла планировка милетских колоний в Северном Причерноморье» (стр. 186). Такой широкий вывод, утверждающий приоритет колоний в области градостроительства, пока не имеет под собой серьезного основания.

Характеризуя ольвийский некрополь, автор описывает три типа ольвийских могил: грунтовые, подбойные и склепы. О склепах автор говорит, что «третьим типом ольвийских могил являются склепы, которые сооружались для рабовладельцев» (стр. 188). Земляные склепы известны в ольвийском некрополе только с эпохи эллинизма [2]. Значит ли это, что до той поры в Ольвии не было рабовладельцев?.

А. Л. Монгайт дает хотя и краткие, но важные и необходимые сведения о каждом пункте, в котором ведутся или велись полевые исследования в советский период. При этом сведения эти об античных городах и поселениях вполне конкретны. Естественно, что Боспорскому царству уделяется больше всего места.

В. Д. Блаватский высказал предположение о существовании киммерийского поселения, предшествовавшего Пантикапею [3]. А. Л. Монгайт это предположение превратил в утверждение (стр. 199).

Одной из важнейших проблем в области изучения античного Северного Причерноморья является проблема взаимоотношений между греками и местным населением. А. Л. Монгайт совершенно правильно пишет: «Советские археологи показали все сложное взаимодействие античной и местной культуры, то, чего не замечали или не хотели замечать буржуазные ученые» (стр. 181). Такое важное заключение подтверждено ссылкой на две книги Д. П. Каллистова: «Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи» (Л., 1949) и «Северное Причерноморье в античную эпоху» (М., 1952). Следовательно, читатель, заинтересовавшийся проблемой взаимодействия античной и местной культуры, по мнению А. Л. Монгайта, должен найти ответ в указанных трудах Д. П. Каллистова. Однако с этим невозможно согласиться, так как Д. П. Каллистов — автор и сторонник совершенно противоположной концепции. В целом ряде рецензий на труды Д. П. Каллистова указывалось именно то, что автор «в противовес большинству советских исследователей подчеркивает другую сторону взаимоотношений двух миров (греческого и варварского.— *С. К.*) — их обособленность друг от друга, их отчужденность и борьбу» [4]. Неоднократно отмечалась «недооценка активной созидательной роли варварской среды» [5], концепция обособленного сосуществования варваров и греков [6], преувеличение изолированного в развитии двух миров [7]. Таким образом, в указанных трудах читатель не найдет освещения той проблемы, которая так четко сформулирована А. Л. Монгайтом.

С. И. Капошина

* * *

Немало внимания в книге А. Л. Монгайта уделено археологическим исследованиям на Кавказе (глава VII).

Ценно то, что, в отличие от ряда предшествующих работ, хронологические рамки здесь значительно расширены: включена не только целиком вся рабовладельческая эпоха (до начала I тысячелетия н. э.), но сделана также попытка охарактеризовать работу по исследованию средневековых памятников (в основном вплоть до XIII—XIV вв.). Благодаря этому создается более цельная картина развития археологии этого края. На таком фоне значительно яснее выступают те насущные задачи, которые еще предстоит решить археологам-кавказоведам.

---

[1] ОАК за 1908. СПб., 1912, стр. 87.

[2] См. Б. В. Фармаковский. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 году. ИАК, вып. 8. СПб., 1903.

[3] В. Д. Блаватский. Архаический Боспор. МИА, № 33, 1954, стр. 13.

[4] См. рецензию Д. Б. Шелова. ВДИ, 1953, № 1, стр. 98.

[5] См. рецензию П. Н. Таркова. Советская книга, 1950, № 9, стр. 70—73.

[6] См. рецензию К. Смирнова. Вопросы истории, 1950, № 6, стр. 119.

[7] См. рецензию Г. А. Цветаевой. ВДИ, 1950, № 3, стр. 120.

Однако рассматриваемая глава не свободна от ряда существенных недостатков.

Решительные возражения прежде всего вызывают сами принципы построения главы, в которой основные разделы намечены не по важнейшим историческим периодам, более или менее общим для всего Закавказья, а по современным территориальным границам республик, в пределах которых производятся раскопки и исследования. Нельзя забывать, что границы республик Закавказья не совпадают с границами тех политических и культурно-этнических образований, которые существовали в прошлом.

При освещении той или иной научной проблемы, связанной главным образом с территорией одной республики, совершенно недопустимо игнорировать исследования ученых, работающих в других республиках.

Бесспорно, например, что для изучения истории и культуры Урарту огромное значение имеют труды Б. Б. Пиотровского. Однако неправильным будет представление, которое читатель может вынести из книги А. Л. Монгайта, что все значительные достижения советского урартоведения являются результатом работы только одного ученого.

Трудно согласиться и с тем, как написан раздел об археологическом исследовании памятников Урарту. Текст здесь является не научно-популярным обобщением важнейших результатов работ советских урартоведов по последним доступным автору данным, а, главным образом, более или менее удачно скомпанованной суммой отдельных выписок из статьи Б. Б. Пиотровского «Урарту» в сборнике «По следам древних культур».

В задачу упомянутой выше статьи Б. Б. Пиотровского не входила характеристика основных направлений научной работы в области археологического изучения древнего Урарту, крупнейших научных достижений, которые имеют советские урартоведы и тех проблем, которые им еще предстоит решить. Однако в книге А. Л. Монгайта, судя по его собственным заявлениям (стр. 3, 51), все эти вопросы должны были найти хотя бы краткое отражение. Поэтому автор рецензируемой книги был обязан глубже познакомиться со специальной литературой.

Ничем не оправдано пренебрежительное отношение, проявленное А. Л. Монгайтом к проводившимся в советские годы исследованиям в области урартской эпиграфики, подчас прямо связанным с археологическими работами. Еще в 20-х и 30-х годах в области урартской эпиграфики плодотворно работали И. И. Мещанинов, Г. А. Капанцян, Г. В. Церетели и некоторые другие ученые, а в послевоенные годы ряд важных трудов опубликовали Г. А. Меликишвили, И. М. Дьяконов, Н. В. Арутюнян и др.

В рецензируемой главе не упомянуты почему-то многие важнейшие археологические открытия. Так, например, надо было найти место для замечательной находки в низовьях р. Ингура, для материалов из раскопок древнего Вагаршапата и, наконец, для таких памятников, как севанские стелы и армавирские надписи.

Существенные упущения можно обнаружить и в разделах книги, посвященных археологическим исследованиям средневековых памятников Закавказья.

Наряду с раскопками и археологическим исследованием таких средневековых центров, как Двин и Анберд — в Армении, как Уджарма, Дманиси, Рустави — в Грузии, Судагилан (Мингечаур), Байлакан (Орен-Кала) и Старая Ганджа — в Азербайджане, советские ученые весьма широко изучали памятники средневековой архитектуры, сохранившиеся до наших дней, и предметы средневекового искусства, никогда в земле не находившиеся. Важнейшие достижения в этой области, как нам представляется, должны были быть отмечены в книге А. Л. Монгайта.

Поэтому трудно согласиться с тем, что автором совершенно не упомянуты наиболее значительные работы советских ученых по средневековой эпиграфике Кавказа, полностью обойдены исследования монументальных стел с рельефными изображениями и скульптурных рельефов на стенах зданий (работы Б. Н. Аракеляна, А. И. Джавахишвили), нет ни слова о трудах по изучению средневековых фресок, миниатюр, резьбы по камню и дереву, торевтики и чеканки.

В библиографических ссылках (стр. 256—257) А. Л. Монгайт указывает два обобщающих труда по искусству Грузии. Это помогает разобраться в литературе о грузинском искусстве. Однако читатель остается в полном неведении относительно исследований памятников средневекового искусства в Армении, в Азербайджане и на Северном Кавказе, хотя здесь тоже имеются крупные научные достижения. Вспомним хотя бы работы о так называемых Баиловских камнях в Баку или о памятниках с. Кубачи.

Значительно меньше возражений вызывают те части книги А. Л. Монгайта, где речь идет об исследовании археологических памятников Кавказа и Закавказья более раннего времени (глава II, стр. 54—58, 64—66, 77—79; глава III, стр. 85—86, 109—111; глава IV, стр. 116—123). В связи с основной задачей рассматриваемой книги — дать общий целостный очерк развития археологии в СССР, а не просто сводку сведений об археологических исследованиях в отдельных республиках — мне представляется вполне правильным и целесообразным последовательное хронологическое расположение материала. С удовлетворением следует также отметить, что здесь верно выделены основные направления работы археологов-кавказоведов и удачно отобраны характерные примеры наиболее значительных открытий.

Однако некоторые замечания принципиального порядка следует сделать и здесь. Очень жаль, например, что наряду с менгирами не упомянуты так называемые вишапы и вишапоиды, над изучением которых немало поработали советские археологи. Вместе с тем не следовало все мегалитические памятники различного предназначения на основании формальных признаков по традиции объединять в одну группу. Характеристику

циклопических крепостей следовало дать там, где речь идет о поселениях бронзового века.

То обстоятельство, что до настоящего времени ни одна из так называемых циклопических крепостей, относимых к бронзовому веку, не подвергалась систематическим раскопкам, да и другие типы поселений этого времени (за весьма редкими исключениями) остаются совершенно неизученными, сильнейшим образом тормозит прогресс исследовательской работы по бронзовому веку Закавказья.

Нельзя согласиться с приводимыми в книге датировками ряда энеолитических памятников Кавказа и Закавказья. Устаревшей и запутывающей читателя представляется мне приводимая в книге А. Л. Монгайта датировка Каякентского поселения в Дагестане первой половиной II тысячелетия до н. э. (стр. 111). Принять эту дату можно только в том случае, если согласиться, что близкие по общему облику Каякентскому, энеолитические поселения Центрального Закавказья (типа Шенгавита и Шреш-блура) относятся к концу III—II тысячелетия до н. э., а знаменитый Майкопский курган — ко II тысячелетию до н. э. Такая точка зрения имела место.

Однако А. Л. Монгайт, желая откликнуться на самые новые взгляды, отодвигает Майкопский курган в глубь III тысячелетия до н. э., весьма решительно заявляя, что в этом кургане содержались памятники месопотамского искусства середины III тысячелетия до н. э. (стр. 111). Для Шенгавитского же поселения он приводит мало определенную дату — III тысячелетие до н. э.

В настоящее время большинство археологов-кавказоведов склонны относить памятники развитого кавказского энеолита (типа Шенгавита-Каякента) к середине и ко второй половине III тысячелетия до н. э., а Майкопский курган — к концу III тысячелетия до н. э. или рубежу III—II тысячелетия до н. э.

Касаясь каменного века А. Л. Монгайт должен был учесть важные материалы из неолитического селища Кистрик (Абхазия) а также более внимательно отнестись к датировке древнейшего в СССР палеолитического памятника Сатани — Дар (находка раннешельских рубил грушевидной формы).

В. В. Шлеев

* * *

В книге А. Л. Монгайта археологии Средней Азии посвящена большая часть VIII главы. Здесь отражены работы, посвященные памятникам эпохи развития рабовладельческих и феодальных отношений. В целом этот раздел правильно отражает современный уровень археологических знаний. Он хорошо иллюстрирован.

Вместе с тем раздел, посвященный Средней Азии, вызывает и целый ряд замечаний. Вполне естественно, что А. Л. Монгайт начинает свое изложение с исследований на территории Хорезма и уделяет им значительную часть VIII главы. Археологические работы в Хорезме получили особенно большой размах. По истории древнего Хорезма имеются обобщающие работы С. П. Толстова. Однако следовало бы подчеркнуть, что изложение вопросов истории Средней Азии в этом разделе ведется в основном в том аспекте, в котором ее излагает С. П. Толстов, хотя А. Л. Монгайт указывает, что не могут считаться общепринятыми отождествление Хорезм — Кангюй (стр. 261, прим. 1) и локализация тохаров (стр. 264, прим. 1). В своем изложении А. Л. Монгайт в основном опирается на материалы, опубликованные в Москве и Ленинграде в конце 30-х годов и в послевоенное время. Более ранние работы и издания, выпущенные в среднеазиатских республиках, учтены недостаточно (например, очень важные исследования Д. Д. Букинича и Б. А. Латынина, посвященные ранним этапам искусственного орошения).

В тексте, посвященном Средней Азии, имеется целый ряд фактических неточностей. Так, на стр. 267 на рисунке изображен не макет дворца Топрак-кала, а само городище Топрак-кала. Интенсивная жизнь городища Калаи-мир началась не с III в. до н. э. (стр. 273), а с VI—IV вв. до н. э. Александр Македонский никогда не зимовал в Мараканде (стр. 282); первая зимовка его была в Бактрах, а вторая в Наутаке. Непонятно, на основании чего нижние слои Тали-Барзу отнесены ко II в. до н. э. А. И. Тереножкин их датирует значительно более поздним временем. Вряд ли можно датировать возникновение города в Варахше началом новой эры (стр. 284); на городище Варахши были найдены монеты значительно более раннего времени. Городище Старой Нисы находится не к югу от Новой Нисы (стр. 293), а к северу. На стр. 294 написано, что стены квадратного зала в нижней части покрыты красной штукатуркой, а стены второго яруса — белой, в то время как в действительности было как раз наоборот.

Ряд неясностей в тексте проистекает из-за того, что автор недифференцированно употребляет понятия «государство» и «географическая область». Таково употребление им слов Парфия, Бактрия, Усрушана (стр. 259, 273, 280). Не ясно, в частности, о каком государстве Усрушаны в I—IV вв. говорится на стр. 280.

Автор справедливо рассматривает археологический материал в качестве исторического источника, но он почти полностью игнорирует проделанную историками на основе письменных источников работу по характеристике материальной культуры и эко-

номики народов Средней Азии. А. Л. Монгайт не учел свидетельства средневековых авторов о Средней Азии в первые века после арабского завоевания и особенно такого важного источника, как географическая литература. Благодаря этому он с большой легкостью преподносит, например, историю Термеза VII—XII вв. н. э. как период непрерывного подъема (стр. 276). В то же время им неоднократно отмечается тот ущерб, который был нанесен Средней Азии арабским завоеванием в VIII в.

На стр. 273—274 говорится, что работы М. М. Дьяконова подтвердили «предположение» о таджиках как исконном населении юга Таджикистана. Никто как будто в этом особо и не сомневался.

Вряд ли соответствует действительности характеристика работ Французской Археологической миссии в Афганистане как только погоня за памятниками искусства (стр. 273).

Следует отметить, что хотя в целом глава написана хорошим языком, в ней иногда встречаются небрежные обороты. Так, например, на стр. 280 сказано, что Афрасиаб — легендарный царь Средней Азии (вместо Турана). Это приблизительно то же самое, что сказать: «Гостомысл — легендарный царь России». На стр. 282 слова «рисунок, нацарапанный» вряд ли дают представление о тщательно и уверенно сделанном по сырой глине рисунке человеко-быка. Поселения Анау III (стр. 394) в природе нет. Анау III — это археологический комплекс, а поселение следует называть южный бугор Анау. Термин «усуньский могильник» (стр. 297) лучше было бы заменить географическим названием.

Как выше отмечено, качество иллюстраций вполне удовлетворительное, однако их подбор несколько односторонний. Имелась полная возможность, кроме памятников искусства и архитектуры, представить многие предметы материальной культуры.

А. М. Беленицкий, В. М. Массон

Глава IX — «Восточные славяне и их соседи» — написана схематично и сухо. Автор перечисляет основные исследования в этой области, говорит об успехах советской науки в решении сложных вопросов славянского этногенеза. Текст снабжен тремя картами. Первая карта — «Распространение памятников культуры полей погребений зарубинецкого и черняховского типа на территории СССР» (стр. 313),— составленная Ю. В. Кухаренко и любезно представленная им автору книги, уже сама по себе очень интересна, но нуждается в некотором дополнении. На карте не отмечены памятники черняховской культуры, открытые в Поднестровье и Попрутье. Следовало бы нанести на эту карту синхронные памятники пшеворской и липицкой культур; карта вводит неискушенного читателя в заблуждение, давая основание полагать, что памятники черняховской культуры распространены только на территории СССР, в то время как они идут далеко на запад, захватывая территорию Польши и Румынии.

Вторая карта — «Восточные славяне в I тысячелетии н. э. по археологическим данным» (стр. 319),— позволяет сравнить ареалы полей погребений и славянских памятников второй половины I тысячелетия н. э. (длинные курганы, сопки, городища роменского типа и др.). Эта карта, к сожалению, не согласована с авторским текстом, где ставится под сомнение славянская принадлежность черняховской культуры на всей территории ее распространения.

Недостатки приложенных карт, схематичность и сухость изложения, трудность определения позиции автора при решении того или иного спорного вопроса (а их очень много!) обусловлены тем, что археологические памятники в Восточной Европе I тысячелетия н. э. изучены еще совершенно недостаточно. Это вынуждены теперь признать даже те ученые, которые еще не так давно пытались прямолинейно решать все дискуссионные проблемы и конструировали увлекательную картину социально-экономического развития восточных славян от Геродота до возникновения Русского государства в IX в. Фрагментарность источников и отсутствие полных публикаций археологических раскопок усугубляли трудности развития советской археологической науки в этой области. Приведу лишь отдельные примеры тенденциозного, догматического решения спорных вопросов славянского этногенеза, отразившегося так или иначе в книге А. Л. Монгайта.

Автор исходит из предположения, что зарубинецкая и черняховская культуры генетически связаны между собой, хотя этот тезис еще никто не смог научно обосновать. Во-первых, ареалы зарубинецкой и черняховской культур не совпадают: в южной области распространения зарубинецкой культуры во II—III вв. н. э. появляются поселения и могильники черняховской культуры. Это можно объяснить или передвижением южных племен в более северные области (например, в Среднее Поднепровье), или культурной ассимиляцией зарубинецких племен в результате мощного воздействия более передовых племенных групп, обитавших на границах Римской империи. Во всяком случае, ясно, что гончарная серолощеная посуда, характерная для черняховских памятников II—IV в. н. э., возникает первоначально в южных областях, а затем лишь проникает в Среднее

Поднепровье. Из римских провинций и пограничных областей проникают на север римские монеты, изделия римской торевтики, амфоры, краснолаковая и стеклянная посуда, ткани, культовые предметы, фибулы, изделия с эмалью, бусы, подвески и другие украшения.

Чрезвычайно важно отметить, что римский причерноморский импорт распространяется преимущественно в лесостепной полосе и почти не проникает в лесные районы.

Некоторые ученые пытались увязать исторических антов то с роменской культурой (Б. А. Рыбаков), то с черняховской культурой (Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков, М. Ю. Брайчевский); но эти рабочие гипотезы не получили признания в науке, так как не удалось доказать бытование черняховской культуры после V в. н. э. и возникновение роменской культуры в VI—VII вв. н. э., когда племенные объединения антов реально существовали. К сожалению, А. Л. Монгайт обошел эти спорные вопросы, ограничившись констатацией того, что антские древности VI—VII вв. н. э. не изучены. Если бы антский племенной союз сложился в IV в. н. э., когда славяне, по словам А. Л. Монгайта, принимали активное участие в борьбе с Римской империей, если бы этот обширный племенной союз от Днестра до Дона существовал около трех столетий и распался только под натиском аваров в VII в., то почему же археологические памятники антов за эти столетия коренным образом изменились? Анты во II—IV вв. (по мнению М. Ю. Брайчевского) скрывались под личиной черняховской культуры, а анты VI—VII вв. (по мнению Б. А. Рыбакова) представлены совершенно иными памятниками, которые генетически увязать с черняховской культурой еще никому не удалось, хотя попытки такой увязки делались неоднократно.

А. Л. Монгайт излагает новый вариант концепции Б. А. Рыбакова об антах — предшественниках Киевской Руси. Древнерусское государство возникает в IX в., но древности руссов известны в Поднепровье уже в VI—VII вв. н. э. Ареал распространения определенных изделий VI—VII вв., обнаруженных в погребениях и кладах, совпадает, по Б. А. Рыбакову, с территорией русской земли IX в. Но ни Б. А. Рыбаков, ни А. Л. Монгайт, излагающий его концепцию без всякой критики, не могут объяснить, каким образом из антской (русской) культуры VI—VII вв. н. э. возникают последующие культуры (роменская культура, курганы и поселения житомирского типа).

Древние «руссы» в Среднем Поднепровье не могут быть увязаны с полянами и северянами VIII — X вв. Их археологические культуры нельзя поставить в единый генетический ряд. Керамику Пастерского городища, Канцерки, салтово-маяцких городищ и других памятников Поднепровья и Подонья мы не можем признать славянской. Она совершенно не похожа на древнейшую славянскую керамику, которая хорошо известна как в Чехии (пражский тип и его аналогии в Восточной Европе), так и на Волыни (посуда из Плиснеска и из древнейших древлянских курганов в районе Житомира).

А. Л. Монгайт зачастую слишком доверчиво излагает существующие в литературе теории, не высказывая своего отношения к ним. Это вносит в книгу элементы догматизма и внутреннего противоречия, что создает превратное представление о развитии советской археологии. Если бы А. Л. Монгайт заострил внимание на спорных вопросах и показал борьбу мнений в нашей науке, то его книга несомненно бы от этого выиграла.

В. В. Кропоткин

* * *

Заключительная, X глава книги А. Л. Монгайта посвящена итогам археологического изучения древнерусского города. Эта тема является специальностью самого автора. В этой области он сам немало поработал. Поэтому естественно, что здесь нет каких-либо существенных погрешностей фактического порядка, материал отобран удачно и показан ярко. Можно, следовательно, говорить главным образом о том, чего не показал или не досказал автор и что осталось за узкими рамками небольшой статьи.

Можно поставить в упрек автору, что он не занял ясной позиции в очень важном вопросе о времени образования древнерусских городов. Ряд советских ученых полагает, что этот процесс на Руси протекал синхронно с западноевропейским и что русские города (в собственном смысле слова) возникают в X—XI вв. Другие исследователи отстаивают мнение о глубокой древности появления городских поселений у восточных славян еще в дофеодальный период. Эти споры следовало бы особо охарактеризовать в специальном тексте после показа читателю материала отдельных городов. Необходимо было критически обобщить показания этого материала, ясно высказав свою точку зрения.

Жаль, что автор слишком бегло коснулся открытий советских археологов в области истории древнерусского зодчества. По существу, он лишь перечисляет, и то неполно, открытые памятники, а об их значении очень бегло говорит лишь в самом конце главы. Однако нельзя не признать, что архитектура — едва ли не самая яркая страница истории древнерусской культуры. Примечательно быстрое овладение русскими мастерами сложным делом каменного монументального строительства. Уже в древнейших крупных архитектурных сооружениях проявляются черты национального своеобразия. Су-

щественно также то, что количество каменных зданий, известных сейчас по археологическим данным, значительно больше упоминаемых письменными источниками. Следовательно, каменное строительство было достаточно широко распространено, а это в корне меняет застарелое представление об отсталой «деревянной» Руси. Более того, в зодчестве XII—XIII вв. сложились местные глубоко оригинальные школы, которые следовало хотя бы кратко охарактеризовать.

Они позволяют очень ярко ощутить разнообразие местных художественных вкусов, отражающих богатство оттенков русской культуры периода феодальной раздробленности, творческую активность многочисленных русских мастеров этой поры — передовых представителей русского городского ремесла.

Изложенные в настоящей коллективной рецензии замечания об отдельных погрешностях и недочетах книги А. Л. Монгайта не снимают ее положительной оценки. Цель рецензии — помочь автору при подготовке второго издания книги, которое последует вскоре в связи с быстрым накоплением советской археологией новых материалов и выводов.

Н. Н. Воронин

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИНДИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1954—1955)

С каждым годом все шире развертываются работы индийских археологов, открывающие научному миру новые материалы по древнейшей истории Индии. Результаты археологических раскопок позволяют по-новому подойти к освещению многих вопросов древней истории Индии [1].

Интересные работы были произведены по изучению памятников каменного века. Индии. Под руководством Шри С. Р. Рао в округе Читоргарх исследовано шесть древнепалеолитических стоянок, расположенных по берегам рек Чамбал, Бамани, Рупарел, Берач, Чамбхири. Значение новых раскопок палеолитических стоянок в Раджестане состоит в том, что они дают возможность проследить последовательность существования культур типа Соан и мадрасских рубил (соанские орудия — это крайне примитивные рубила из гальки, заостренная часть которых грубо оббита (рис. 1); мадрасские рубила — орудия миндалевидной формы со сплошной двусторонней обработкой). По-видимому, Южный Раджастан являлся районом соприкосновения этих культур. Недалеко от известной палеолитической стоянки Сивалика (округ Хошиапур) археологи под руководством И. Д. Шармы обнаружили на берегу р. Сирсы позднесоанские палеолитические орудия. Такие же орудия были найдены и около с. Даулятпура на р. Соан. Эти новые находки позволяют значительно расширить ареал распространения соанской индустрии.

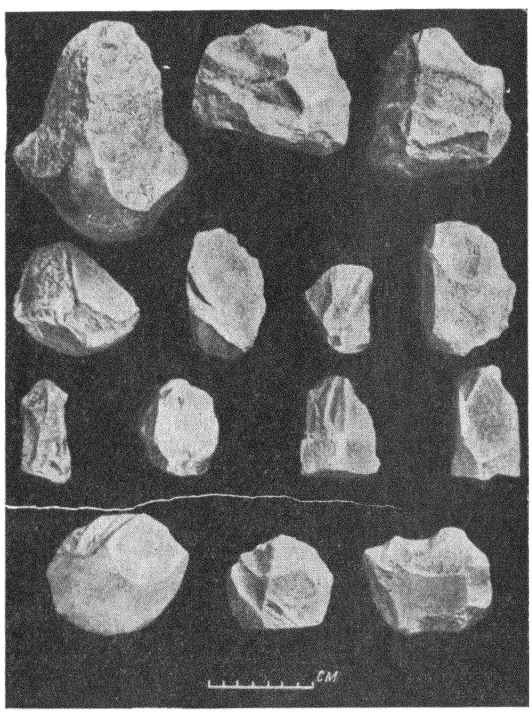


Рис. 1. Палеолитические орудия «соанского» типа, найденные в бассейне рек Сирсы и Соана

При раскопках Х. Д. Санкалия и С. Б. Део на многослойном поселении в Невазе (округ Ахменднагар) была четко установлена последовательность культур, бытовавших

[1] Сообщения об этих раскопках см. Indian Archaeology, 1954—1955, a Review, edited by A. Ghosh; New Delhi, 1955; Indian Archaeology, 1953—1954; New Delhi, 1954; Ancient India, 1954, N 7, 8, 9, 10—11; Journal of the Maharaja Sayajirao University of Baroda, 1954—1955; Antiquity, 1955; Artibus Asiae, Ascona, 1955; Man, 1955—1956.

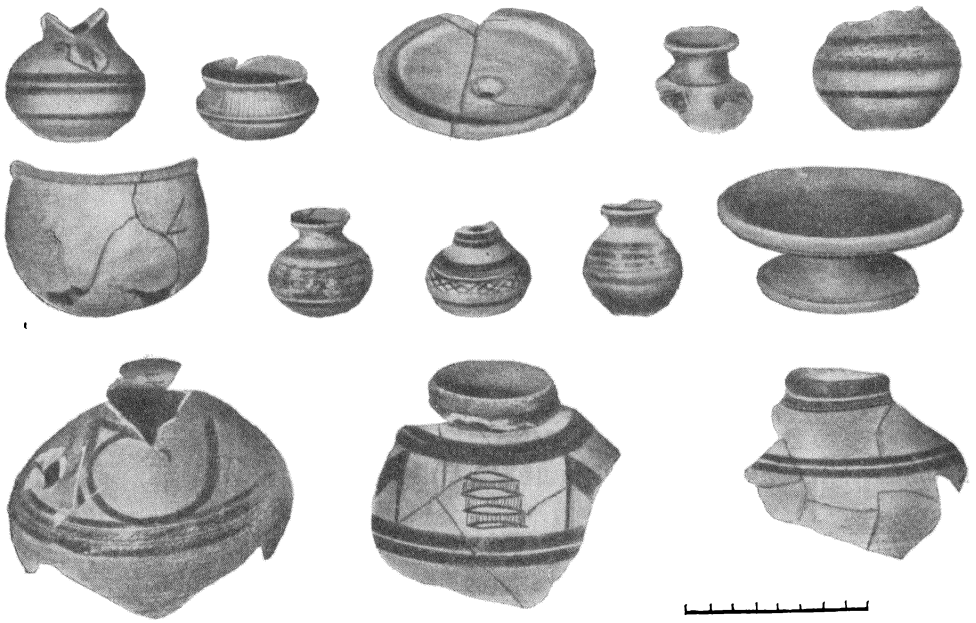


Рис. 2. Керамика из Бары

на этой территории, начиная от палеолита и вплоть до средневековья. Орудия из палеолитического слоя Невазы можно разделить на две группы. Одни, возможно более ранние, типологически близки к ашельским ручным рубилам, другие, более поздние, представлены пластинками, скребками, резцами из яшмы и сердолика.

Очень важны для определения последовательности культур палеолита раскопки в Северо-Восточном Раджастане[1]. При исследовании раннесредневековых цитаделей в округе Алвар археологи обнаружили две палеолитические стоянки (одна близ с. Бхангарха, другая около с. Байрата), где орудия залегли in situ.

Остро дискутируется на страницах индийских журналов вопрос о древнейших обитателях юга Индии и об их культуре[2]. Ряд авторов придерживается того мнения, что юг Индостанского полуострова была заселен еще в палеолите и что древнейшее население юга Индии было автохтонным[3]. Решение этой проблемы упирается в слабую изученность палеолита юга Индии. Лишь в 1949 г. Ф. Е. Цёрнер произвел разведку палеолитических стоянок в Карнатаке. Затем археологические работы там проводил индийский археолог Р. В. Джоши. Целью экспедиции было установить, действительно ли на юге Индии существовали древнейшие палеолитические культуры или Индия их получила из Юго-Восточной Азии и Африки[4].

Сложным вопросом, над которым работают индийские археологи, является вопрос об абсолютной хронологии микролитической культуры в Индии и о ее происхождении. Большинство авторов считает, что микролитический период Индии ближе связан с Западом, чем с Востоком. Однако следует учесть, что микролитические стоянки в Бирме не найдены; недостаточно изучены они и в Юго-Восточной Азии (Индокитай и Индонезия). В 1954—1955 гг. Б. Б. Лал продолжал изучение микролитических стоянок в Восточном Кхандеше. Были найдены микролитические орудия из халцедона, кварца и яшмы. Наиболее интересны редко встречающиеся в микролитических стоянках Индии наконечники стрел из халцедона.

---

[1] Stone Age Factory Stations Discovered in Rajasthan. Amrita Bazar Patrika за 6 февраля 1956 г.

[2] C. Fürer-Haimendorf. New aspects of the Dravidian Problem. Tamil Culture, 1953, т. II, No. 2. стр. 127—136; H. S. David. The original Home of the Dravidians. Their wanderings in Prehistoric Times. B. C. 4500—1500, Tamil culture, 1954, т. III, No. 2, стр. 77—82; Siniti Kumar Chattershi, Old Tamil. Ancient Tamil and Primitive Dravidian, Tamil culture. 1956, т. V, № 2, стр. 148—175.

[3] V. R. Ramachandra Dikshitar. Pre-historic South India. University of Madras, 1951.

[4] Подробнее о результатах работ см. R. V. Joshi. Pleistocene Studies in the Malaprabha Basin. The Deccan. College Research Institute and the Karnatak University Publication, № 1, Poona, 1955.

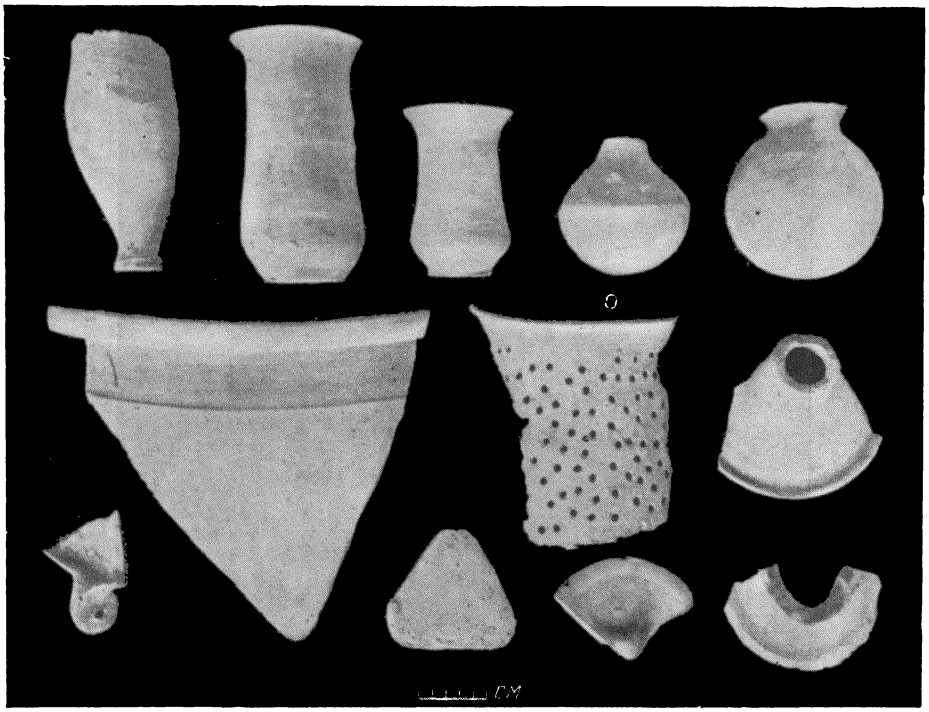


Рис. 3. Керамика из Лотхала

Пережитки мезолитической техники в Индии доходят до эпохи металла. Часто в стоянках, наряду с большим количеством микролитических орудий, встречается керамика (такие стоянки были открыты во многих районах Индии), а также некоторое количество медных орудий и типичные для неолита полированные каменные топоры. Таковы, например, стоянки Брахмагири в Майсоре, Каллур в Хайдерабаде, Назик и Джорве в Махараштре. Стоянки такого рода, находящиеся главным образом в Юго-Западной и Западной Индии, индийские археологи называют халколитическими или неолитохалколитическими. При раскопках 1954—1955 гг. многослойного поселения в Невазе был обнаружен так называемый неолитохалколитический слой. Вместе с микролитами залегали полированные каменные топоры подтреугольной формы, овальные в сечении, керамика и медные или бронзовые вещи (бусина, крючок, долото). Керамика, тонкостенная, сделанная от руки, хорошо обожженная, обычно раскрашенная черной краской по красному или темно-шоколадному фону, представлена чашами и сосудами с носиком и с выступающим венчиком. В этом слое Невазы были найдены урны для захоронения. После частичной кремации кости клали в урну и ориентировали ее в направлении с севера на юг. Индийские археологи на основе сходства описанной культуры с культурой «южного полированного каменного топора» в Брахмагири и микролитической «культурой пластин» в Центральной Индии поселения Навда Толи датируют «неолитохалколитический» слой Невазы I тысячелетием до н. э.

Центральное место в археологических исследованиях 1954—1955 гг. занимали раскопки памятников хараппской культуры. В 1954—1955 гг. в с. Рупаре исследовался могильник хараппского времени. Наряду с могильником R-37 в Хараппе[1] он дает ясное представление о погребальном обряде носителей культуры Хараппы. Установлено, что могильник в с. Рупаре подвергся разрушению более поздним населением, которое употребляло серую расписную керамику. Эту керамику некоторые ученые, например Б. Б. Лал, связывают с арийскими племенами.

К югу от Рупара были произведены раскопки в с. Баре (рис. 2), которые позволили проследить движение хараппской культуры к северу; Бара была уже заселена в то время, когда лишь начиналось заселение Рупара.

На правом берегу р. Сирсы в 12 милях от с. Рупара была найдена типично хараппская керамика. Точно такая же керамика была обнаружена и в 13 милях от Нала-

[1] О раскопках могильника R-37 см. R. E. Wheeler. Harappa, 1946, the Defences and Cemetery R-37. Ancient India, 1947, № 3.

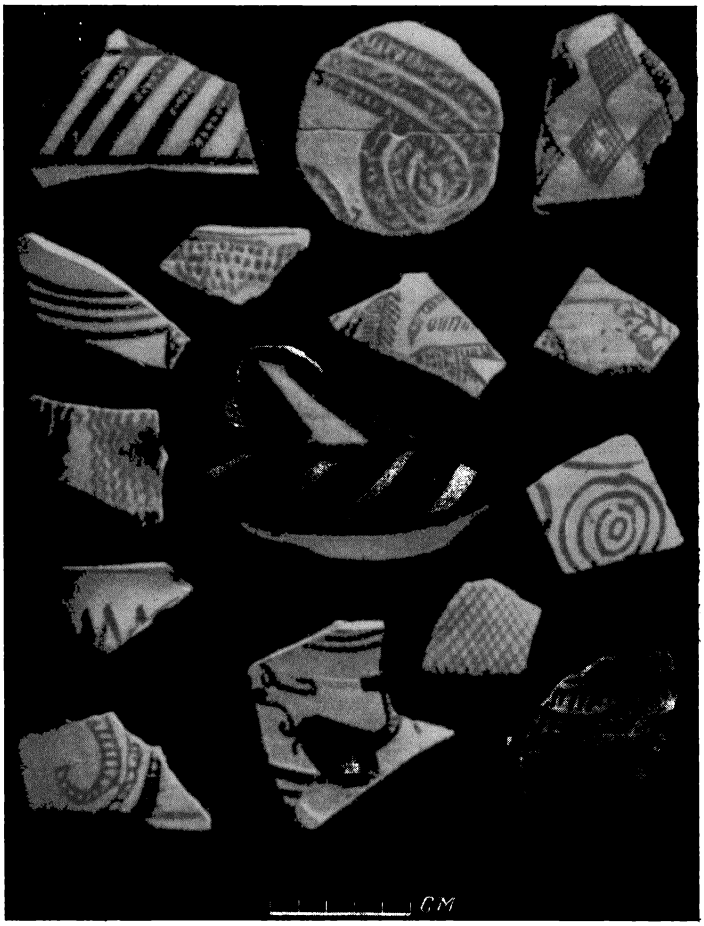


Рис. 4. Керамика из Пракаша (древнейший период)

гарха и в ряде других мест, что также служит доказательством продвижения носителей хараппской культуры к северу.

Следует отметить открытие поселений хараппской культуры в с. Рангпуре и с. Лотхале. Очевидно, хараппская цивилизация не ограничивалась территорией Северо-Западной Индии, а распространялась и на Катхиаварский полуостров.

Установлено, что в Рангпуре хараппская культура бытовала очень долгое время. В Лотхале было прослежено три периода в истории поселения («до укрепления», «наличие укреплений» и «после укреплений»). Все они, по мнению индийских археологов, относятся к хараппской культуре [1].

В Рангпуре и Лотхале были найдены типично хараппские вещи: индийские печати, стеатитовые браслеты, множество бусин из агата, сердолика и стеатита, ушные украшения и керамика, раскрашенная главным образом черным по красному, а также керамика красная (так называемая «red») и керамика типа «buff» («бычья»). Оба типа представлены чашами, блюдами, кубками, лампами и другими формами (рис. 3).

Открытие в Рангпуре и Лотхале в одном слое керамики типа «red» и «buff» свидетельствует об одновременности существования этих двух типов. Это ставит под сомнение предлагаемое С. Пигготом деление культур долины Инда и Белуджистана на две большие культуры (городскую и сельскую) лишь на основе керамической техники. По мнению С. Пиггота, для городской культуры этих районов характерна красная керамика, для сельских общин керамика типа «buff» [2].

Такая классификация, и раньше выглядевшая мало убедительной, теперь должна быть окончательно отвергнута.

---

* Light Thrown on Unbroken Link of the Harappa Culture. Amrita Bazar Partika за 17 сентября 1956 г.

[2] S. Piggot. Tihe Chronology of Prehistoric North-West India. Ancient India, 1946, № 1.

Археологические исследования поселения хараппской культуры в Гуджерате и Саураштре показали, что большинство их располагалось недалеко от берега. По всей вероятности, хараппцы первоначально селились на берегу моря и у устьев рек, а затем передвигались вверх по их течению.

Раскопками предыдущих лет была установлена следующая последовательность основных культур для большинства поселений Северо-Западной Индии: хараппская культура, культура серой расписной керамики и культура северной черной полированной керамики.

Серая расписная керамика, которую связывают с арийцами, залегает обычно непосредственно над слоем хараппской культуры. На основании этого падение хараппской цивилизации объясняют обычно вторжением арийских племен.

Раскопки в Рангпуре в 1954—1955 гг. заставляют внести некоторые коррективы в эти представления.

В Рангпуре непосредственно над слоем с типично хараппской культурой залегает слой, для которого характерны мелкие сосуды с блестящей красной поверхностью. Эта керамика не похожа на серую лощеную посуду. Она более близка к хараппской, но в ней явно выступают черты упадка, сказывающиеся в ухудшении техники. Этот «переходный» период был, очевидно, довольно продолжительным. В исследуемом районе упадок культуры Хараппы был связан, вероятно, не с вторжением арийцев, а вызывался какими-то пока неясными внутренними причинами.

В последние годы проводилось очень интенсивное изучение так называемого «темного» века (периода от конца культуры Хараппы до первых памятников, датированных письменностью). Хронологически этот период охватывает время приблизительно от XVI до III в. до н. э. Раскопки установили, что никакого разрыва между концом культуры Хараппы и началом «исторического» периода (с III в. до н. э.) не существует. Все дело в недостаточной изученности памятников этой эпохи. Д. Гордон, изучая древние культуры Белуджистана, приходит к выводу о том, что Белуджистан, как и Индия, не знал «темного века». По его мнению, Белуджистан после конца цивилизации Хараппы был заселен народом, оставившим культуры так называемых «погребальных пирамид» и керамики типа «лондо» [1].

Большое внимание уделяют индийские археологи изучению памятников «исторического» периода (с III в. до н. э.). Под руководством Шри Б. К. Тхапара были предприняты раскопки многослойного поселения в с. Пракаше. Было зафиксировано четыре культурных периода в истории этого поселения. Древнейшие его обитатели (I тысячелетие до н. э.) употребляли микролиты, хотя уже применялась и медь. Керамика красная расписная; роспись наносилась черной краской по красному фону; орнамент преимущественно зооморфный и геометрический (рис. 4). Второй период хронологически охватывает время V—I вв. до н. э. и характеризуется появлением железа. Наряду с черно-красной керамикой здесь находят фрагменты черной полированной керамики, которые указывают на связь с северными культурами.

Третий период датируется I в. до н. э.; в слоях этого времени было обнаружено большое количество красной полированной керамики, типичной для Центральной и Западной Индии. Верхние слои Пракаша относятся к четвертому периоду (после XI в. н. э.).

Б. Субха Рао и Р. Н. Мехта производили раскопки поселения Ваднагар (штат Бомбей). Согласно литературным источникам, город был одним из наиболее важных центров Северного Гуджерата. В VII в. его посетил китайский путешественник Сюань Цзан; он называет его Анандапура. Так же город именуется и в надписи 541 г. н. э. Археологи установили три периода в истории города: первый характеризуется отсутствием красной полированной керамики; слои, относящиеся ко второму периоду, содержат много красной полированной керамики; для третьего периода типична расписная керамика (черной краской по белому фону).

На основе аналогий с керамикой из поселения в г. Барода этот последний период датируется 600 г. н. э. [2]

К историческому периоду относятся «послехалколитические» слои в Невазе. Здесь большой интерес представляют находки зерен пшеницы и бобовых, что свидетельствует о раннем появлении этих культур в Деккане. Дата этих слоев Невазы определяется по свинцовым и медным монетам ранних Сатаваханов (III в. до н. э.— I в. н. э.).

Следующий период в истории Невазы был временем, когда связи между Индией и Западным миром стали чрезвычайно прочными, на что указывают, например, находки монет Тиберия, обломки средиземноморской амфоры и большое количество стеклянных браслетов и бус. Вместе с тем было найдено и значительное количество местной полированной керамики и монеты Сатаваханов. Этот период в истории Невазы индийские археологи называют индо-римским или римско-сатаваханским.

Впервые в 1954—1955 гг. археологические работы были проведены в Тамлюке, где

---

[1] D. H. Gordon. The Pottery Industries of Indo-Iranian Border. Restatement and Tentative Chronology. Ancient India, 1955, № 10—11.

[2] О раскопках в Ваднагаре см. B. Subha Rao and R. N. Mehta. Excavation at Vadnagar. Journal of the Maharaja Sayajirao University of Baroda, Baroda, 1955, т. IV, № I.

был расположен морской порт Восточной Индии древний город Тамралипти[1]. Находки прошлых лет носили здесь большей частью случайный характер[2].

Эти раскопки показали, что здесь было поселение эпохи неолита. Первый, неолитический период, крайне непродолжительный, представлен находками типичных каменных топоров и слабо обожженной керамикой. Слои второго периода датируются III—II вв. до н. э. Они содержат большое количество терракотовых фигурок, медных монет и керамику, близкую к керамике Северной Индии этого времени. В I—II вв. н. э. (третий период) Тамралипти, по-видимому, был уже тесно связан с другими портами Индии и с римским миром. Археологами была обнаружена привозная керамика, родиной которой считают Аррециум в Италии. Такая же керамика была найдена и при раскопках лагеря купцов на Индийском берегу в Арикамеду южнее Мадраса[3]. Четвертый период относится к III—IV вв. н. э. и отражает кушанское и раннегуптское влияния. Последующая история города исследована еще недостаточно.

В 1954—1955 гг. были продолжены раскопки в с. Нагарджунаконде (65 миль к западу от г. Амаравати), вскрывшие ряд крупных сооружений (несколько храмов, зал для собраний и т. д.). Найденные изображения Будды помогают датировать сооружения IV—V вв. н. э. Два больших древних буддийских монастыря («Главный» и «Нижний») были окрыты в округе Райпур — в Сирпуре. Они датируются началом VIII в. н. э.

При раскопках «Нижнего» монастыря было найдено большое количество скульптурных изображений Будды, по-видимому, местного изготовления. Возможно, в Сирпуре процветала местная школа скульптурных мастеров, на творчество которых оказала большое влияние позднегуптская традиция.

В 1954—1955 гг. были продолжены раскопки Гошитарамского монастыря в Каусамби (в 38 милях от г. Аллахабада). Археологи установили четкий план этого религиозного сооружения. Найденные печати помогают уточнить хронологию культурных слоев. Так, были найдены печати Хунараджи, которого идентифицируют с Тораманой, и печати двух послегуптских правителей: Дхрувадатты и Сивадатты или Сарвадатты.

В округе Патна в Кумрахаре продолжались раскопки знаменитого маурийского колонного зала. Были открыты деревянные основания колонн. Главный зал, как показали раскопки, имел 84 колонны. Материал раскопок 1951—1955 гг. позволяет установить, что зал был разрушен примерно в середине II в. до н. э.

Интересны исследования индийских археологов по изучению мегалитической культуры Южной Индии. Эта культура железного века, генетически связанная, по-видимому, с неолитической культурой «южного полированного топора», приписывается обычно дравидам. По мнению индийского ученого В. Д. Кришнасвами, мегалитические захоронения юга Индии более связаны с Юго-Восточной Азией, чем с Передней Азией[4]. В. Д. Кришнасвами различает три местных варианта мегалитов Южной Индии. Первый — в районе с. Чинглепута (захоронения в погребальных камерах или урнах, обложенных кругами из камней). Второй — в районе с. Пудукотая (захоронения в каменных пирамидах или ящиках). Третий — в с. Кочине (обряд погребения видоизменяется в зависимости от географических условий места захоронения). Были произведены раскопки в Чинглепутском округе в Амиртхамангаламе. В погребениях было найдено несколько железных предметов и фрагменты черно-красной посуды. Раскопки показали, что исследованные захоронения значительно беднее, чем мегалитические захоронения в других районах. Здесь отсутствуют каменные круги; весьма малочисленны находки керамики и железных вещей.

В 1954—1955 гг. были сделаны исключительно важные эпиграфические и нумизматические находки. Особенно интересны находки новых эдиктов Ашоки, которые являются ценнейшим документом по древней истории Индии. Новый вариант малого наскального эдикта Ашоки был найден в дер. Гуджара (штат Виндхья Прадеш). Эдикт особенно интересен тем, что в нем упоминается имя царя Ашока (так же, как и в эдикте из Маски) и имеются некоторые отрывки, которые отсутствуют в других версиях.

Фрагмент нового варианта девятого эдикта Ашоки был обнаружен в дер. Бхцигам, недалеко от Бомбея[5].

К другим наиболее интересным эпиграфическим памятникам следует отнести две пракритские надписи. Значение одной из них состоит в том, что она дает возможность более точно определить относительную хронологию кушанских правителей. Надпись относится ко времени царствования Васудевы и датируется 64 годом эры Канишки.

---

[1] У Птолемея город называется Tamalites, вероятно, от пракритского Tamalitti. Город в IV—VII вв. посетили китайские путешественники Фа Сянь, Сюань, Цзян и И Цзинь.

[2] О старых находках из Тамлюка см. T. N. Ramachandran. Tāmralipti (Tamluk). Artibus Asiae, t. XIV. Ascona, 1951.

[3] Обзор раскопок в Арикамеду см., например, в статье V. Lesný. Římská obchodní osada v jižní Indii. Archeologické rozhledy. 1952, № 6.

[4] V. D. Krishnaswami. Megalitic Types of South India. Ancient. India, 1953, № 9.

[5] Rare Find Believed to Be Part of Asoka Rock Edicts. Amrita Basar Patrika за 6 января 1956 г.

Пракритские надписи из с. Нагарджунаконды и с. Кондавите (штат Бомбей) содержат тексты религиозно-посвятительного характера. Остальные эпиграфические находки относятся к более позднему времени (с VII в. н. э. до XVIII в. н. э.).

Среди нумизматических находок 1954—1955 гг. следует отметить находку клада, содержавшего более 50 монет Западных Кшатрапов, около дер. Бхопала. Монеты клада относятся к 235—348 гг. н. э. Среди них имеются монеты Великих Кшатрапов — Виджаясены, Рудрасены II, Свами-Рудрасены III и др.

Г. М. Бонгард-Левин

РАСКОПКИ АФИНСКОЙ АГОРЫ (1946—1955)[1]

Крупные раскопки, проведенные Американской школой классических наук в Афинах на Афинской агоре в 1946—1955 гг.[2] дали новый богатый материал. В период до второй мировой войны раскопками были вскрыты здания, обрамлявшие агору с запада и востока, и значительные площади в центре агоры. Послевоенные раскопки были сосредоточены, главным образом, в малоисследованной, южной части агоры; была уточнена граница агоры на юге. Как выяснилось, уже в V до н. э. южная граница агоры была застроена рядом важных общественных зданий и сооружений (рис. 1).

Позади этих зданий проходила дорога, соединявшая Пирейские ворота на западе с восточной частью города.

Эта древняя дорога, существовавшая еще в бронзовом веке, продолжает действовать и в наше время (уровень современной улицы Обсерватории в ряде мест совпадает с уровнем дороги V в. до н. э.). На пересечении этой дороги с другой дорогой, которая, обойдя западную оконечность Ареопага, спускалась к юго-западному углу агоры и служила одним из главных входов на площадь, было расположено крене (водоразборное сооружение) оригинальной конструкции. Первоначально в V в. до н. э. крене имело Г-образную форму, углом обращенную к склону Ареопага. Парапет, проходивший вдоль всего сооружения, делил его пополам. Одна половина была занята бассейном, другая — портиком, стоя в котором, афиняне черпали воду из бассейна. Этот необычный план имел свои преимущества. Во-первых, он давал бо́льшую длину парапета, а следовательно, большее число людей могло брать воду одновременно. Во-вторых, открытый северо-западный угол уменьшал помехи движению в юго-западном проходе на агору. В дальнейшем за время своего семивекового существования крене неоднократно подвергалось перестройке, главным образом в IV и II вв. до н. э. В раннеримское время здание приняло свою окончательную квадратную форму.

К востоку от крене было расположено здание второй четверти VI в. до н. э., которое руководитель афинских раскопок Г. А. Томпсон отождествлял с Гелиеей. Сооружение здания относится ко второй четверти VI в. до н. э. В здание Гелиеи, находившееся на более высоком уровне, вело со стороны агоры несколько ступеней. В V в. до н. э. ступеньки были переоборудованы в пропилон, через который могло одновременно проходить большое количество людей (число судей в Гелиее достигало 1500). В раннеримский период были произведены существенные изменения во внутренней структуре здания. Центральный двор был окружен квадратным перистилем. В западной части Гелиеи помещался теперь ряд комнат разных размеров. Значительный интерес представляет гидравлическое сооружение, открытое у северо-западного угла Гелиеи и датируемое IV в. до н. э. Оно служило для «зарядки» водяных часов важнейшего судебного учреждения в Афинах. Вода подводилась к этому бассейну двумя небольшими трубопроводами, отходившими от акведука, снабжавшего водой крене.

С востока к Гелиее примыкало своеобразное здание конца V в. до н. э., состоявшее из ряда квадратных комнат и двойной колоннады. Это здание получило название Южной стои I (рис. 2). Между седьмой и восьмой комнатами стои находился коридор, через который по лестнице можно было попасть на улицу, находившуюся на более высоком уровне.

---

[1] Настоящая статья посвящена раскопкам Афинской агоры того периода, когда она стала сосредоточием политической жизни города (с VI в. до н. э.). На территории агоры были обнаружены памятники и более раннего времени (в частности, некрополь микенского периода), заслуживающие специального описания.

[2] H. A. Thompson. Excavations in the Athenian Agora. Hesperia, 1947—1954; его же. Activities in the Athenian Agora. Hesperia, 1955—1956; его же. The Altar of Pity in the Athenian Agora. Hesperia, 1952, № 1; G. P. Stevens. A Tile Standart in the Agora of Ancient Athens, Hesperia, 1950, № 2.

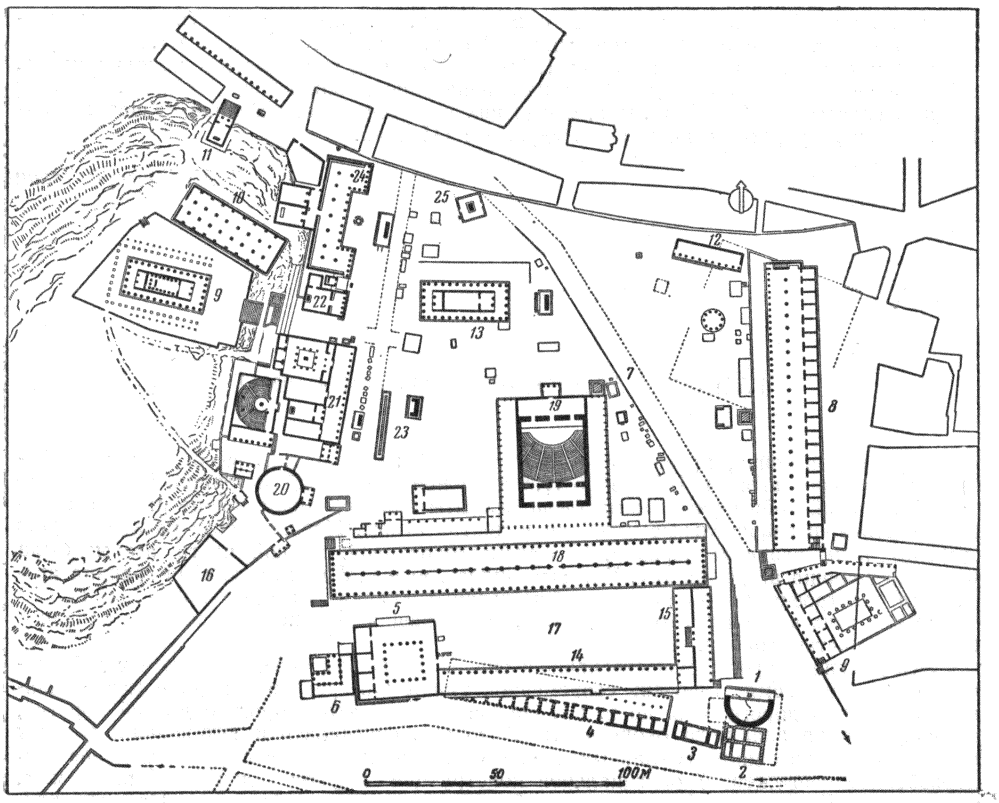


Рис. 1. План Афинской агоры

1 — Нимфей; *2* — монетный двор; *3* — крене; *4* — Южная стоя I; *5* — Гелиея; *6* — крене; *7* — Панафинейская дорога; *8* — стоя Аттала; *9* — храм Гефеста; *10* — эллинистическое здание; *11* — храм Афродиты Урании; *12* — Северо-восточная стоя; *13* — храм Ареса; *14* — Южная стоя II; *15* — Восточная стоя; *16* — Стратегион; *17* — Торговая агора; *18* — Средняя стоя; *19* — Одеон; *20* — Толос; *21* — Метроон; *22* — храм Аполлона Отцовского; *23* — Памятник героям Эпонимам; *24* — стоя Зевса; *25* — алтарь Двенадцати богов

Фундаменты стои были выложены из одного ряда больших блоков мягкого серого пороса, положенных плашмя. На фундаменте были поставлены на ребро один — два ряда подобных же блоков. Выше шла сырцовая стена. Внешний ряд колоннады стои состоял из гладких колонн дорийского ордера. Они стояли на простом стилобате из пороса. Ордер внутренней колоннады не установлен (обычно здесь применялся ионический ордер). Бóльшая толщина колонн второго ряда указывает их бóльшую высоту — следовательно, крыша была односкатной.

Здание было покрыто прекрасной белой штукатуркой. Сохранилось несколько львиноголовых водостоков из раскрашенной терракоты.

Постройка стои, судя по керамическим находкам, относится к последней четверти в V в. до н. э. Первоначальным ее назначением было, по предложению Г. А. Томпсона, устройство обедов для какой-то определенной группы лиц [1].

Впоследствии Южная стоя, видимо, стала служить убежищем для гелиастов, застигнутых дождем.

Далее на восток находилось еще одно водоразборное сооружение, которое, возможно, следует отождествить со знаменитым Эннеакруносом, построенным писистратидами во второй половине VI в. до н. э. Это здание состояло из трех частей: по бокам центральной части (вестибюля) находились помещения с водонепроницаемыми полами и дренажем (бассейны). Пол центральной части был выше пола бассейнов не меньше, чем на 15 *см*. Пол бассейнов состоял из тонких плит молочно-белого мрамора, плотно пригнанных друг к другу по полигональной системе. Края плит входили в желобок, прорезанный в стенах, также сложенных по полигональной системе. Места соединения были тщательно обмазаны водонепроницаемой вязкой желтой глиной. От

[1] H. A. Thompson. Excavations in the Athenian Agora. Hesperia, 1954, т. XXIII, № 1, стр. 44.

Рис. 2. Южная стоя I (вид с востока)

центрального помещения стоя в котором люди черпали воду из бассейнов, бассейны отделялись парапетами.

Первоначально воду доставлял архаический водопровод из керамических труб, шедший с востока вдоль древней южной дороги. Секции трубопровода имели длину 0,60 *м* (примерно 2 греческих фута) с максимальным диаметром 0,30 *м* и минимальным 0,21 *м*. Каждая секция имела отверстие, закрытое крышкой, достаточное для того, чтобы просунуть руку. Это облегчало ремонт и прочистку водопровода. Секции труб, одинаковые по размерам, значительно отличаются по качеству, что позволяет выделить продукцию двух мастерских. Одна, анонимная, выпускала высококачественную продукцию, другая, принадлежавшая Харону, изготовляла трубы более низкого качества.

В конце Vв. до н. э. этот трубопровод был заменен подземным водопроводом, который снабжал водой также и крене в юго-западном углу агоры. Пол и стены акведука были сложены из больших блоков мягкого коричневого пороса. Вода шла по керамическим трубам, лежавшим в углублении, прорезанном в дне канала.

Последнее здание к востоку на южной границе агоры являлось, по всей видимости, афинским монетным двором — Аргюрокопейоном. Оно имело мощные фундаменты из массивных блоков пороса. Внутри здания были обнаружены остатки двух плавильных печей, масса фрагментов бронзы, монетные диски, тщательно отрубленные зубилом от цилиндрического стержня. Эти находки, как замечает Г. А. Томпсон, совершенно аналогичны находкам, сделанным К. К. Косцюшко-Валюженичем [1] при раскопках монетного двора в Херсонесе Таврическом.

В глиняном полу здания находились два бассейна, тщательно обмазанные гидравлическим цементом. Вода к ним поступала по керамическим трубам из того же акведука, который снабжал юго-западное и юго-восточное крене.

Время сооружения Аргюрокопейона — вторая половина V в. до н. э. В нем было сосредоточено производство не только медной, но и серебряной и золотой монеты. Как явствует из эпиграфических находок, перед зданием Аргюрокопейона выставлялись декреты, касавшиеся вопросов чеканки и денежного обращения.

В юго-западном углу агоры был обнаружен комплекс небольших домиков с дворами V—VI вв. до н. э., которые, судя по их отношению к ὅροςἀγορατος (пограничному камню агоры), стояли за официальными пределами агоры. Особый интерес представляет один из домов, во дворе которого находилась мусорная яма конца VI — начала V в. В ней было обнаружено 22 остракона, по-видимому, относившихся к голосованию 482 г. до н. э. Здесь встречаются имена Аристида, Гиппократа, Алкмеонида, Калликсена сына Аристонима и других афинских политических деятелей.

В том же дворе, в слое конца V — начала IV в. до н. э., были обнаружены гвоздики с широкими шляпками, костяные кольца от шнурков сандалий и другие атрибу-

[1] К. К. Косцюшко-Валюженич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году. ИАК, вып. 20, СПб, 1906.

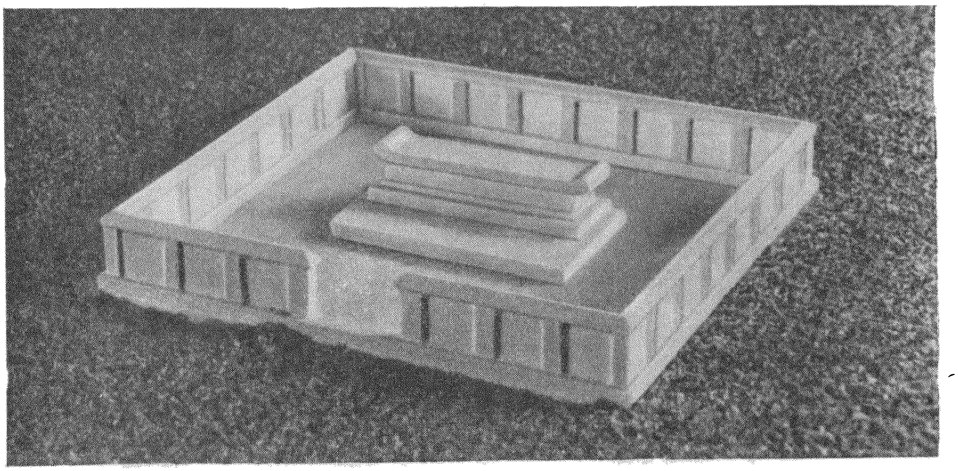


Рис. 3. Модель алтаря Двенадцати богов

ты сапожного ремесла. Учитывая, что на чернолаковой посуде в этом слое встречается имя Σίμων, есть основание полагать, что открыт дом сапожника Симона, известного своей дружбой с Сократом. Этот Симон, близко знакомый также с Периклом, записывал свои беседы с выдающимися людьми и издал их в виде 33 диалогов, до нас не дошедших.

В этом же районе находился также Стратегион. Найденная здесь мраморная стела с надписью в честь таксиархов, снабженная ясным указанием «поставить перед Стратегионом», позволила определить местоположение этого здания, этой штаб-квартиры афинских военных магистратов. Построенный во второй половине V в. до н. э. Стратегион просуществовал до III в. н. э.

В противоположном, северо-восточном, углу агоры раскопки также открыли комплекс зданий классического времени. Наиболее древнее строение в этом комплексе датируется концом V в. до н. э. Крыши оно, видимо, не имело и представляло собой просто квадратную ограду. Стены были сложены из сырцовых кирпичей на цоколе из бута. Пол здания, слегка опускавшийся к северу, был вымощен гравием. Назначение здания стало ясным после важной находки, сделанной в 1953 г., когда была обнаружена пара прямоугольных в сечении водосточных желобов, вкопанных вертикально в пол и рядом с ним пять бронзовых жетонов в форме колеса. На одной стороне жетонов имелась надпись ψῆφος δημοσία, на другой — буквы-цифры. Подобные жетоны применялись при голосовании в суде. Водосточные желоба, вторично использованные, по всей видимости, служили ножками, поддерживавшими деревянную или мраморную крышку стола, на котором стояла урна с судебными жребиями.

Вновь открытое судебное здание отождествляется с Парабюстоном, упоминаемым древними авторами. Здесь заседала «Коллегия одиннадцати», здесь судили воров и бандитов, взятых на месте преступления.

Во второй половине IVв. до н. э. на месте старого здания суда афинский государственный деятель Ликург начал строительство нового, более роскошного помещения. По замыслу строителя, оно должно было представлять собой перистиль, окружающий квадратный двор. Однако бурные события последней трети IV в. до н. э. помешали завершению строительства.

На северной границе агоры была исследована знаменитая Στοα Ποικίλη (Расписная стоя), построенная около 460 г. до н. э. В архитектурном оформлении стои была применена комбинация дорийского и ионийского ордеров. Интересную находку представляют стенные блоки с отверстиями, в которых сохранились остатки железных гвоздей. Это указывает на то, что картины Полигнота, которые украшали стены Расписной стои, были написаны на деревянных досках.

В северо-западной части агоры было произведено доследование алтаря Двенадцати богов, построенного Писистратом Младшим около 521 г. до н. э. (рис. 3). Раскопки показали, что первоначально построенный алтарь был разрушен персами в 480 г. до н. э. и долгое время не восстанавливался. Лишь в последней четверти V в. до н. э. алтарь был выстроен вновь, но посвящен уже не двенадцати богам, а божеству Сострадания.

Тщательное сопоставление данных раскопок с показаниями древних авторов подтверждает локализацию алтаря.

Алтарь Сострадания, как и его предшественник, был окружен парапетом из чередующихся каменных столбов и тонких орфостатных плит. Материалом для фундамента

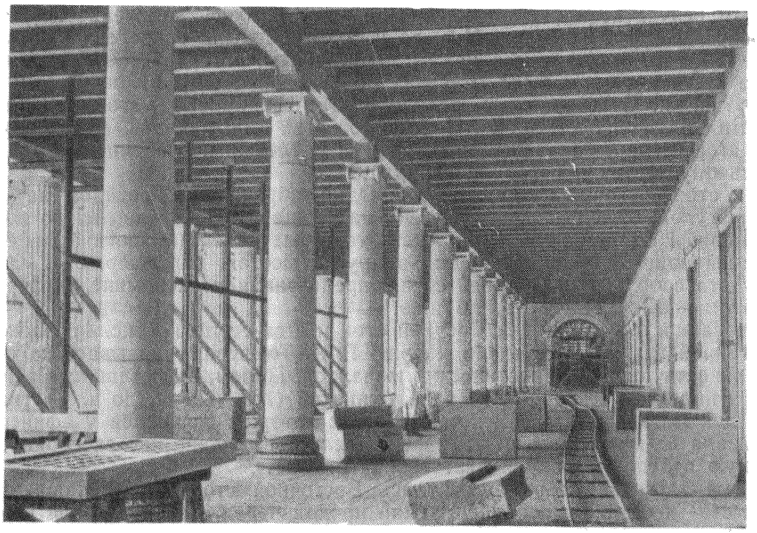


Рис. 4. Стоя Аттала (внутренний вид с севера); реконструкция

алтаря и столбов послужил порос, для плит — мрамор. Восточный и западный входы имели по бокам плиты с рельефными скульптурными изображениями.

Тщательный анализ скульптурных реплик позволил Г. А. Томпсону установить сюжет этих изображений [1]. Плиты у восточного входа изображали: 1) Геракла, Перифоя и Тезея у входа в Аид, 2) Геракла и Гесперид; плиты у западного входа — 1) Орфея, Евридику и Гермеса, 2) Медею и дочерей Пелия. Все эти мифические сюжеты, объединенные общей темой (трагическая ситуация в результате внезапного поворота судьбы), вполне подходят к алтарю Сострадания. Непосредственной причиной сооружения алтаря, по всей видимости, была Сицилийская катастрофа, что подтверждается и датой сооружения алтаря (не позже конца V в. до н. э.).

К югу от алтаря Двенадцати богов (Сострадания) был открыт интересный памятник архаического времени так называемый ἐσχάρα (очагоподобный алтарь). Он представлял собой прямоугольную базу. Ее ориентация и особенность строительной техники в точности совпадают с ориентацией и строительной техникой алтаря Двенадцати богов. Создателем его, по всей вероятности, также являлся Писистрат Младший (около 522—521 гг. до н. э.). Это сооружение было, по-видимому, посвящено герою Троянской войны Аяксу.

Южнее находился прямоугольный алтарь Ареса, расположенный на пересечении осей Одеона и храма Ареса. Дата этого сооружения — третья четверть V в. до н. э. Однако на агору оно было перенесено лишь при Августе.

К северу и западу от храма Ареса были открыты остатки более десятка пьедесталов статуй. Павсаний [2] упоминает о находившихся в этом районе статуях Амфиарая, Ирины и Плутоса, Ликурга, Каллия, Демосфена, Геракла, Тезея, Аполлона, Калада, Пиндара. К сожалению, уже в позднеримское время эти монументы были снесены.

Из памятников, открытых в северной части агоры, следует отметить также стоявший у Панафинейской дороги монумент, от которого сохранился квадратный фундамент. Этот монумент датируется концом VI в. до н. э. Поскольку из-за него произошло искривление Панафинейской дороги, не может быть никакого сомнения в исключительной важности этого памятника. Аналогичный фундамент, совпадающий в размерах и конструкциях и, очевидно, имевший то же назначение, был обнаружен по другую сторону Панафинейской дороги. По-видимому, здесь были расположены гермы.

Раскопками был также вскрыт значительный участок Панафинейской дороги. Дорога, по которой двигалась торжественная процессия на празднике Панафиней, покрытая тщательно утрамбованным гравием, имела ширину не менее 12 *м*. Вдоль юго-западного края дороги шел каменный акведук, прерываемый небольшими бассейнами.

Менее значительные работы были проведены в западной части агоры. Здесь был реставрирован алтарь Зевса — Агоревса, которому приносили жертвы перед началом народного собрания. Этот алтарь был построен между 338—326 гг. до н. э. на Пниксе. После того как Народное собрание перешло с Пникса в театр Диониса, алтарь был перенесен на агору (приблизительно в середине I в. до н. э.).

---

[1] H. A. Thompson. The altar of Pity in Athenian Agora, стр. 47 и сл.

[2] Павсаний. Описание Эллады, т. I, М., 1938, стр. 42. См. также E. Wanderpool. A Route of Pausania in the Athean Agora. Hesperia, 1949, т. 18, № 1.

Важным результатом раскопок последних лет явилось выяснение перепланировки агоры, произведенной в середине II в. до н. э. Агора была разделена на две части: в бóльшей, северной, находились храмы, монументы, государственные учреждения, южная же часть площади была отведена под торговую агору, окруженную с трех сторон портиками. С севера ее отделяла от официальной агоры Средняя стоя, одна из самых больших в Афинах. Постройкой этой стои началась реконструкция южной части агоры, сопровождавшаяся большими работами по нивелировке почвы (местность здесь опускается к северу и западу).

Средняя стоя состояла из двух нефов. Один, обращенный фасадом на север, служил для прогулок; отсюда открывался вид на площадь и Панафинейскую дорогу. Второй, обращенный к югу, служил для чисто торговых целей (аналогичные стои с двойной функцией появляются в это время в других местах, например, стоя Филиппа на Делосе). Дата сооружения Средней стои, определенная по керамике, амфорным клеймам, монетам,— 60-е годы II в. до н. э.

Согласованность планировки Средней стои и стои Аттала (рис. 4), расположенной вдоль восточной границы агоры, по мнению Г. А. Томпсона, указывает на согласованную деятельность двух эллинистических монархов. Царем, соорудившим Среднюю стою, был, как он полагает, Ариараф V Каппадокийский (162—130 гг. до н. э.), личный друг и родственник Аттала II Пергамского, вместе с которым он учился у афинского философа Карнеада (сами Афины в это время были совершенно не способны на такую колоссальную перепланировку и перестройку агоры).

С востока торговая агора замыкалась Восточной стоей, примыкавшей вплотную к Средней стое и оставлявшей лишь узкий проход перед старой Южной стоей I. В восточном нефе Восточной стои, обращенном к Панафинейской дороге, был обнаружен пол с мозаикой из белого мрамора. На месте старой Южной стои I была сооружена новая, Южная стоя II, по материалу и технике очень близкая к Средней и Восточной стое.

Интересные данные для истории производства черепицы в Афинах дали раскопки небольшого здания, расположенного у северного фасада Средней стои. Здесь были обнаружены две большие стелы. На них были высечены черепицы лаконского типа (солены и калиптеры). Эти изображения, безусловно, служили государственным эталоном афинской черепицы.

Переходя к памятникам римского времени, открытым на агоре в послевоенное время, в первую очередь следует отметить Одеон, построенный Агриппой в 15 г. н. э. Это здание было искусно спланировано и лежало точно на меридиальной оси площади. Аудитория Одеона была квадратной. Она вмещала 1000 зрителей. Длинная узкая скена Одеона была приспособлена для музыкальных представлений. Связь с террасой Средней стои осуществлялась через узкий вестибюль позади аудитории. Для прохода на скену служил маленький тетрастильный портик в середине северного фасада. В центральной части здание имело два этажа. Стены второго этажа были отделаны коринфскими пилястрами. Пролет крыши Одеона оказался слишком широким. Крыша довольно скоро рухнула, серьезно повредив кресла и пол орхестры. В результате реконструкции максимальный пролет перекрытия был уменьшен при помощи поперечной стены (это уменьшило вместимость аудитории вдвое). Радикальные изменения произошли также на северном фасаде: небольшой портик был уничтожен, зрители входили теперь в Одеон с севера по семи мраморным лестницам, разделенным статуями. Северный фасад Одеона отличался богатой отделкой, для него, в частности, были высечены фигуры гигантов, впоследствии в позднеримское время украсившие так называемую стою Гигантов. В 267 г. н. э. здание Одеона погибло от пожара и больше не восстанавливалось.

К западу от Одеона в I в. н. э. был воздвигнут небольшой храм с четырехколонным портиком. Появление его, вероятно, было связано с установлением здесь культа императоров.

На юго-восточной границе агоры продолжались раскопки библиотеки Пантена, получившей свое название от Тита Флавия Пантена, построившего ее около 100 г. н. э. Здание библиотеки представляло собой ряд комнат, расположенных вокруг перистильного двора и окаймленных снаружи портиками. Любопытно, что некоторые из небольших комнат с западной стороны не имеют прямого сообщения с центральным двором. Очевидно, они использовались как лавки.

Среди построек римского времени следует отметить также Нимфей, возведенный в середине II в. н. э. в юго-восточном углу агоры на самой высокой ее точке. Это водоразборное сооружение представляло собой в плане сегмент чуть больше полукруга с радиусом 7,10 *м*. Мраморный пол бассейна лежал на мощном бетонированном подстиле. Дугообразная часть Нимфея была окружена колоннадой коринфского ордера.

На северо-восточной границе агоры в римское время была выстроена небольшая стоя (Северо-восточная), отличавшаяся богатой отделкой. В ордере стои ясно видно подражание архитектуре Эрехтейона. В 267 г. н. э. стоя, так же как и большинство зданий агоры, погибла от пожара.

Теперь, когда вскрыта вся площадь агоры, основной задачей является обработка добытого материала и консервация открытых архитектурных сооружений. В реставрированной стое Аттала будет размещен музей Афинской агоры.

Э. О. Берзин

Ljubiša Popović. Narodni Muzej Beograd. Antika I. Katalog nalaza iz nekropole kod Trebeništa. Beograd, 1956. 127 стр. XLIV табл. Текст сопровождается французским переводом.

Недавно вышедший труд Л. Поповича открывает серию публикаций памятников античного времени, хранящихся в Народном музее в Белграде. Эта работа посвящена древнему некрополю, обнаруженному около с. Требеништи, недалеко от Охридского озера (в юго-западной части Югославии). Книга дает подробное описание находок, которое сопровождается многочисленными воспроизведениями. Имеется обстоятельная вводная статья.

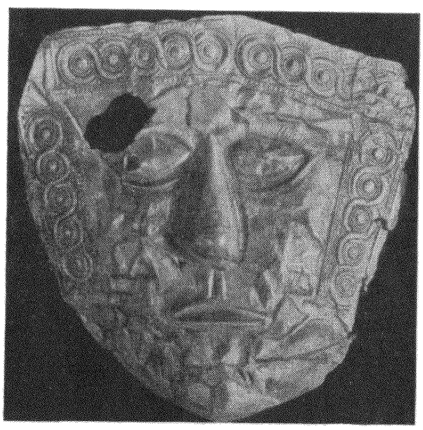


Рис. 1. Золотая маска

Некрополь Требеништи был открыт в мае 1918 г., когда в условиях военного времени были раскопаны семь могил; найденный в них богатый инвентарь в настоящее время хранится в Народном музее в Софии.

В 1930—1933 гг. названный некрополь раскапывался Н. Вуличем, которым было обнаружено еще пять (VIII—XII) могил, заключавших весьма разнообразные предметы; кроме того, некоторые находки были обнаружены между X и XI гробницами. Среди этих предметов были две золотые маски (рис. 1), закрывавшие лица покойных, золотые подошвы сандалий, различные подвески, булавки и прочие поделки из золота. Еще больше было обнаружено серебряных изделий: фибулы, перстни, браслеты, булавки, высокий узкий кубок и ритон в виде рога (рис. 2), украшенного простым, сдержанным орнаментом. Бронзовые предметы были весьма разнообразны: великолепный большой коринфский кратер с рельефными изображениями скачущих всадников на шейке и полуфигурами Медузы-Горгоны у нижних частей волютообразных ручек (рис. 3), сосуды других форм (в том числе гидрия, ойнохоя и амфора), а также их обломки; высокий треножник, богато украшенный небольшими рельефно выполненными фигурками и орнаментами; низкие треножники, более простые по устройству и отделке; невысокий массивный канделябр; двойные кольца; фибулы; шлем, украшенный золотыми аппликациями в виде розетт и фигур всадников (рис. 4); обломки поножей и, вероятно, панциря. Среди железных изделий были мечи, наконечники, копья и небольшие ножи. Глиняная посуда была немногочисленна: несколько простых сосудов и четыре расписные вазы греческой работы конца VI в. до н. э. (два чернофигурных лекифа и два также чернофигурных килика). Наконец, следует упомянуть несколько небольших туалетных сосудов из цветного «финикийского» стекла, а также стеклянные и янтарные бусы.

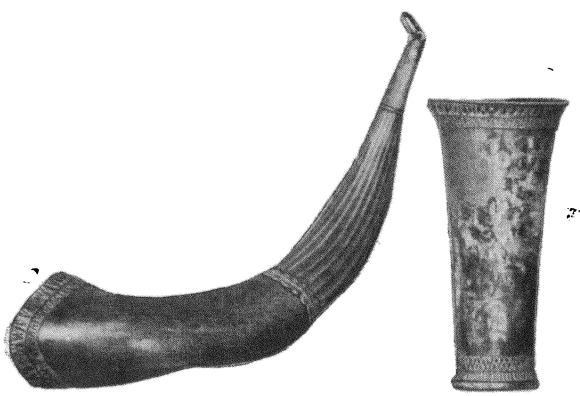


Рис. 2. Серебряные ритон и кубок

Значительно позднее, в 1953 г., новые раскопки могильника в Требеништи производились И. Кастеличем, однако результаты этих исследований еще не опубликованы. Некоторое число находок с этого некрополя хранится в Охридском музее.

Богатые находки в Требеништи вызвали появление обширной литературы, в которой содержатся весьма противоречивые суждения. Эта литература обстоятельно отражена в книге Л. Поповича; на ней мы не будем останавливаться, отметим только сравнительно недавно вышедшую работу Дорде Мано-Зиси [1], где опубликованы наиболее выдающиеся из находок в Требеништи.

Основной задачей труда Л. Поповича является публикация находок из могил, раскопанных Н. Вуличем, и их определение. Положительной стороной рецензируемой работы является широкое привлечение автором аналогичного материала находок,

[1] Dorde Mano-Zisi. Antika u Narodnom Muzeiu u Beogradu. Beograd, 1954.

Рис. 3. Бронзовый кратер

сделанных как в Греции, так и в периферийных странах античного мира, в том числе в Северном Причерноморье. Проводя широкие исторические параллели, Л. Попович останавливается на некоторой консервативности художественных вкусов, свойственной племенам, соседившим с античным миром. Автор указывает, что некрополь около Требеништи следует считать иллирийским, при этом он отмечает, что культура населения, хоронившего своих покойников в рассматриваемом могильнике, заметно более архаична, чем культура, получившая отражение в некрополе Дуванди и в других одновременных ему фракийских могильниках.

Л. Попович расчленяет находки в могильнике Требеништи на три группы: 1) предметы, вывезенные из Греции, 2) произведения местных мастеров, исполненные под воздействием импортированных памятников и, наконец, 3) местные изделия. Автор справедливо подчеркивает небходимость опираться при анализе материала, в частности при установлении его датировки, не только на привозные греческие памятники, но учитывать также и местные изделия. Исходя именно из датировки последних, автор приходит к выводу, что могильник в Требеништи следует отнести ко второй половине V в. до н. э.

Относительно последнего заключения Л. Поповича отметим, что мы не сомневаемся в предложенной им датировке иллирийских памятников, а следовательно, и в справедливости отнесения значительной части могил некрополя Требеништи к указанному времени. К тому же и некоторые из греческих изделий, как, например, великолепный бронзовый кратер коринфской работы конца VI в. до н. э., могли попасть в могилу через значительный промежуток времени после их изготовления, возможно даже больший, чем столетие.

Однако при некоторой неясности документации раскопок некрополя Требеништи трудно с полной отчетливостью представить комплексы находок, а следовательно, и их датировать. Поэтому вряд ли возможно категорически утверждать, что все погребения этого могильника должно отнести ко времени не ранее середины V в. до н. э. Ведь там были обнаружены греческие чернофигурные вазы, которые не представляется возможным датировать позднее, чем концом VI в. до н. э. Вместе с тем эти вазы слишком хрупки для того, чтобы бытовать в течение многих десятилетий. К тому же, возможно, не случайно и то обстоятельство, что расписная греческая керамика ограничивается только вазами VI в. до н. э. и в описываемых могилах не было обнаружено краснофигурных ваз V в. до н. э.

Рис. 4. Бронзовый шлем

Все это приводит нас к выводу о том, что могилы некрополя около Требеништи охватывают несколько более продолжительный промежуток времени, чем это обычно принято считать. Наиболее ранние из них следует датировать концом VI в. до н. э., а другие — второй половиной V в. до н. э.

В заключение отметим, что недавно вышедший каталог находок в Требеништи побуждает нас с большим интересом ожидать последующих публикаций Народного музея в Белграде.

В. Д. Блаватский

М. М. Дьяконов. У истоков древней культуры Таджикистана. Таджикгосиздат, Сталинабад, 1956. 137 стр. Тираж 4000. Цена 3 р. 35 к.

Научно-популярная литература по археологии, в том числе и по археологии среднеазиатской, весьма невелика, и уже поэтому следует приветствовать выход в свет книги, посвященной древней культуре и истории Таджикистана. Однако значение рецензируемой книги значительно шире. Написанная большим знатоком археологии и истории Средней Азии М. М. Дьяконовым, она будет с интересом прочитана и специалистами-археологами. Книга написана простым и ярким языком, читается легко и с увлечением. Состоит она из двух частей. Первая часть — «В древней Бактрии» — посвящена описанию исследования памятников Юго-Западного Таджикистана. Прекрасно показана материальная культура Бактрии VI—IV вв. до н. э., над изучением которой так много работал М. М. Дьяконов. В это время завершается сложение классового общества как в Бактрии, так и в других областях Средней Азии. Далее читатель переносится в городские поселения Бактрии кушанского времени. Исследования, проведенные на юге Таджикистана, позволяют сделать важные исторические выводы о существовании здесь рабовладельческой формации, о древних истоках этногенеза таджикского народа. Частично эти разделы были уже опубликованы в третьем выпуске сборника «По следам древних культур».

Живо написана вторая часть — «В древнем Согде», посвященная в основном раскопкам Пенджикента М. М. Дьяконов увлекательно рассказывает о быте древних согдийцев. Останавливаясь на описании различных сцен пенджикентской живописи, М. М. Дьяконов часто предлагает им свое собственное объяснение. Это представляет тем больший интерес, что толкование стенной живописи Пенджикента, открывшей не известные ранее стороны жизни согдийцев, еще во многом остается дискуссионным. Особенно удачно описание Пенджикента. Он показан таким, каким представлялся древним путешественникам VIII века. Эти страницы написаны с подлинным литературным мастерством. Касаясь социальной структуры города, М. М. Дьяконов полагает, что в шахристане Пенджикента жила согдийская знать, а дома рядовых ремесленников находились в пригороде (стр. 104). Иллюстрирована книга рисунками Ю. П. Гремячинской, но иногда графическая манера этих рисунков кажется излишне скупой (например, на стр. 94). Число иллюстраций следовало бы увеличить.

Не вполне удачным является, с нашей точки зрения, предисловие к книге, написанное Б. А. Литвинским (стр. 3—14). В нем в основном приводится подробный перечень археологических исследований в Таджикистане (которые проводились многими учеными, в том числе и автором предисловия), по тем или иным причинам не упомянутых М. М. Дьяконовым (стр. 6—14). Зачем-то приведены даже две иллюстрации, связанные с этими работами (стр. 3 и стр. 11), но никак не связанные с текстом книги. М. М. Дьяконов отнюдь не ставил перед собой задачи создания какого-либо исчерпывающего пособия или курса по археологии Таджикистана. Его книга посвящена лишь отдельным, но очень важным исследованиям в этой области, с которыми автор был связан личным участием. Поэтому едва ли была необходимость в подобном добавлении к его книге. Лучше бы Б. А. Литвинский больше места посвятил характеристике самого М. М. Дьяконова и его неутомимой деятельности. Сухое упоминание о том, что им написано свыше 50 работ по истории и культуре Востока (стр. 5), мало характеризует кипучую, жизнерадостную натуру М. М. Дьяконова.

Не вполне удачна и приложенная к книге библиография. В ней отсутствует ряд работ (самого М. М. Дьяконова, А. М. Беленицкого и др.), непосредственно связанных с тематикой книги, особенно ее второй части. Почему-то не указано, что авторами сборника «Живопись древнего Пенджикента» были А. Ю. Якубовский, А. М. Беленицкий, неоднократно упоминаемые в тексте, и сам М. М. Дьяконов.

Несмотря на эти недостатки, Таджикгосиздат поступил правильно, выпустив эту книгу в хорошем оформлении и более высокого полиграфического качества, чем специальные издания АН Таджикской ССР. Она успешно восполняет существенный пробел в научно-популярной литературе по археологии Средней Азии и знакомит советскую общественность с работой и достижениями Таджикской экспедиции — одной из крупнейших археологических экспедиций СССР.

В. М. Массон

* * *

П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, том V. Под редакцией Н. Н. Воронина. Материалы и исследования по археологии СССР, № 52. М.—Л., 1956, 184 стр. Тираж 2000. Цена 14 р. 30 к.

Древнерусские крепости — памятники многогранные по своему историческому содержанию: это памятники материальной культуры, градостроительства, архитектуры, военно-инженерного искусства. В них отражен огромный труд, вложенный в дело защиты родных земель нашими далекими предками и их безграничная любовь к Ро-

дине; они рассказывают о героическом прошлом русского народа, его военном искусстве, художественных вкусах и национальных строительных традициях.

К сожалению, ни Академия строительства и архитектуры СССР, ни Институт истории искусств АН СССР не изучают крепостных сооружений древней Руси. Не привлекают они внимания и военно-инженерных академий. Лишь ИИМК АН СССР посвятил им два тома «Материалов и исследований по археологии СССР» (№ 31 в 1952 г. и № 52 в 1956 г.). Выпустив их, ИИМК АН СССР поднял актуальную проблему и ответил требованиям практики. Первый из указанных томов — «Крепостные сооружения древней Руси»— был не только положительно оценен в рецензиях специалистов, но и стал справочным пособием для историков, археологов, инженеров и архитекторов, ведущих работы по изучению, восстановлению и реставрации кремлей русских городов. Второй том — исследование П. А. Раппопорта «Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.» — представляет собой значительный шаг вперед в деле изучения крепостных сооружений древней Руси.

«Очерки» написаны на основе большого фактического материала, значительная часть которого добыта в результате полевых исследований самого автора. В них обобщен также материал других исследований (о чем свидетельствует обширный научный аппарат) и пересмотрены некоторые положения дореволюционных авторов.

В «Очерках» лишь кратко упоминаются крепостные сооружения VIII—X вв. и второй половины XIII — начала XIV в. Основное внимание исследователя сосредоточено на памятниках оборонительного строительства X—XIII вв., расположенных в центральном районе Киевской Руси (в Среднем Поднепровье) и лишь частично в Полоцкой, Смоленской и Рязанской землях. На основе изучения городищ этой территории и сравнения их с памятниками как предшествовавшей поры (до X в.), так и времени после монгольского нашествия П. А. Раппопорт характеризует развитие типов и конструкций оборонительных сооружений и выявляет основные принципы их боевого применения.

Рассмотрение фактического материала в «Очерках» начато с характеристики планировки оборонительных сооружений. П. А. Раппопорт делит исследуемые городища на две группы, одну из которых относит к VIII—X вв., а другую — к X—XIII вв. (стр. 20—22), и затем классифицирует городища этих групп по форме и характеру общей планировки. Это позволяет ему выявить основные типы крепостных сооружений, показать их сходство и различие и установить преемственность русского военно-инженерного искусства X—XIII вв. от оборонительного строительства предшествовавшего времени. Исследователь устанавливает, что к XII—XIII в. в Киевской Руси сложилось три характерных вида укрепленных поселений: 1) островные, не имевшие искусственных укреплений, и мысовые с земляными оборонительными сооружениями на напольной стороне, 2) островные и мысовые с замкнутыми валами по всему их периметру и, наконец, 3) поселения, имевшие в плане правильную и полукруглую конфигурацию (стр. 28—63). Автор отмечает, что древнейшими были укрепленные поселения первого вида, возникшие уже в VIII—X вв., а позднейшими — поселения с правильной геометрической формой укреплений, появившиеся не ранее второй половины XI в. Среди рассмотренных городищ весьма интересны мысовые городища XI—XIII вв. с замкнутыми валами (стр. 31—35), а также круглые и полукруглые городища (стр. 39—47), менее зависимые от рельефа местности, нежели городища других типов. В исследовании справедливо отмечено, что эти оригинальные городища не сменили собой широко распространенных укреплений мысового и островного типов, а существовали одновременно с ними (стр. 47).

Наряду с планировкой городищ в «Очерках» большое внимание уделено конструкциям оборонительных сооружений X—XIII вв. Пользуясь материалами своих раскопок, П. А. Раппопорт характеризует различные по сложности внутривальные конструкции и рисует интересную картину их развития. Учитывая, что внутривальные конструкции являются частями исчезнувших наземных сооружений, автор вполне законно пытается реконструировать и самые стены. Обобщение разбросанных в литературе сведений о конструктивном устройстве валов с новыми данными раскопок самого автора — большое достоинство «Очерков». Так, теперь совершенно очевидно, что дерево-сырцовая основа валов древнего Белгорода, вскрытая впервые В. В. Хвойка в 1900—1910 гг., не является типичной для всех оборонительных сооружений Руси X—XIII вв., как это было принято считать раньше. Автор убедительно показывает, что в X—XIII вв. существовали и другие внутривальные конструкции, отличавшиеся как по своему характеру, так и по размерам и строительному материалу. Дополнительное исследование белгородских валов, произведенное автором в 1951 г., позволило детальнее изучить их замечательную конструкцию и уверенно датировать их 991 г. (стр. 74—82). Описание белгородских валов дополняется характеристикой не менее интересных и до сих пор совершенно не известных дерево-сырцовых внутривальных конструкций Переяславля-Хмельницкого и городища у с. Заречье на р. Стугне (стр. 82—90).

Поражают своими гигантскими размерами и оригинальным устройством дубовые многосрубные конструкции Ярославова «города» в Киеве, относящиеся к тридцатым годам XI в. (стр. 91—97). Прежде о них судили только по отпечаткам бревен на наружных стенках Золотых ворот, которые давно привлекают внимание исследователей, но ни разу не были объяснены с достаточной полнотой и убедительностью. После исследования П. А. Раппопорта связь этих отпечатков с внутривальными конструкциями не вызывает сомнения. Эти конструкции, открытые им в 1952 г., занимают

выдающееся место среди памятников военно-инженерного искусства. Они по-новому характеризуют систему и мощность оборонительных сооружений древнего Киева и показывают грандиозный размах строительной деятельности Ярослава. Об этом же говорит и подсчет количества рабочей силы, затраченной на постройку киевского вала (стр. 97), сделанный П. А. Раппопортом по типу подсчетов, производившихся И. Годовиковым для Пскова и Н. Н. Ворониным для церкви Покрова на Нерли и некоторых других памятников зодчества. Интересен также вывод авторов, что надвратная церковь Золотых ворот не была самостоятельной постройкой, стоявшей на верхней площадке, как это предполагалось некоторыми исследователями, а являлась прямым продолжением нижней части ворот (стр. 131).

Следует особо отметить, что эволюция древнейших русских крепостей рассматривается в «Очерках» в связи с развитием тактики осады и обороны. В этом бесспорное достоинство книги. Последнее время подобное рассмотрение производилось лишь при изучении отдельных крепостей. В своем исследовании П. А. Раппопорт охарактеризовал тактику осады и обороны укреплений до XIII в., установил связь этой тактики с формами оборонительных сооружений, вскрыл сущность перехода от тактики «облежания» к активной осаде (стр. 145—152), показал широкое распространение в XIII в. камнеметных машин — пороков (стр. 157—159), осветил вопрос о их влиянии на военно-инженерное искусство того времени и указал на изменение характера оборонительных сооружений в связи с развитием военной тактики. Наряду с этим он нарисовал картину организации обороны территорий как Киевского государства (стр. 166—171), так и отдельных феодальных княжеств Среднего Поднепровья конца XI — начала XII в. (стр. 171—176).

После выхода в свет книги П. А. Раппопорта можно считать, что результаты многих археологических исследований по древнерусским оборонительным сооружениям обобщены, а характерные особенности крепостей центрального района Киевской Руси X—XIII вв. уже выявлены. Однако следует все же сделать несколько критических замечаний, затронув и некоторые принципиальные вопросы исследования.

Нельзя согласиться, например, с тем, что в X—XIII вв., когда земляные сооружения приобрели большое значение, роль естественного рельефа местности в обороне поселений уменьшилась, а при круглой и полукруглой формах укреплений вообще свелась «почти к нулю» (стр. 65). В древней Руси стратегические качества местности всегда учитывались при выборе мест для поселений; их оборонительные сооружения также создавались с учетом положительных и отрицательных качеств природного окружения — даже в тех случаях, когда им придавалась геометрически правильная конфигурация. Это прослеживается как на городищах VIII—XIII вв., так и на памятниках военного зодчества XIV—XVII вв. Учитывались обыкновенно и защитные свойства площадок, на которых возводились укрепления. Круглые городища, например, возникали зачастую на холмах, крутые склоны которых усиливали их оборону, а полукруглые — у оврагов и береговых обрывов, служивших надежным прикрытием. Поэтому П. А. Раппопорту следовало бы говорить не об уменьшении роли рельефа местности, а о создании укреплений, планировка которых уже не предопределялась контурами предназначенных для них площадок. По существу, это в какой-то степени признает и сам автор. «Городища с правильным геометрическим планом,— пишет он,— не являются... совершенно оторванными от... городищ, связанных формой своего плана с условиями местности» (стр. 46).

Ввиду крайней ограниченности раскопок (прорезка валов) П. А. Раппопорт не смог судить о социальном характере круглых и полукруглых городищ; он лишь предполагает, что большинство из них — это остатки феодальных замков, а некоторые — городские детинцы (стр. 47). Этот важный вопрос необходимо решить путем широких археологических раскопок самой площади городищ. Следовало бы уточнить и схематический чертеж Снетинского городища, принадлежащий Б. Ляскоронскому (стр. 41). Это подтвердило или отвергло бы предположение автора о существовании второй линии обороны (стр. 43), что весьма существенно для отнесения городища к тому или иному типу оборонительных сооружений, а также для характеристики самого города.

Вообще изучению многовальных городищ в дальнейшем желательно уделить особое внимание. Многорядные оборонительные сооружения известны и в более позднее время. Это свидетельствует об устойчивости этой древней традиции. Приходится пожалеть в связи с этим, что при описании Губинского городища (стр. 49—50 и 62) не объяснена роль существующей около него дополнительной системы земляных укреплений и не вскрыты принципы взаимодействия нескольких параллельных валов и рвов. Наконец, очень досадно, что, характеризуя планировку городищ, П. А. Раппопорт не придал значения местам расположения колодцев, потерн, башен и въездных устройств. Между тем они оказывали определенное влияние на планировку валов. Примеры этому — городища «Замчиско» в с. Большие Деревичи, в урочище Стуга и у с. Мацковцы, где места расположения колодцев и водоемов внесли коррективы в конфигурацию оборонительных систем (см. рис. 6, 9 и 15).

Указывая на нерусское происхождение сырцовых кладок и делая вывод о их распространении в конце X в. (стр. 142—143), автор не указал, что сырец имел распространение лишь в центральных районах Киевской Руси. В связи с этим читатель может подумать, что он применялся также в Новгороде и Пскове, где сырцовая кладка не обнаружена.

На стр. 153 сообщается, что «насколько можно судить по письменным источникам», подкопы до XIII в. на Руси, как правило, не применялись. Однако письменные источники полностью отрицают применение подкопов на Руси вплоть до второй половины XVI в.: под 1535 г. летопись прямо отмечает, что русские «того лукавства подкапывания не познали», ибо «наперед того в наших странах не бывало подкапывания» [1].

Очень спорно утверждение автора о том, что постройка каменных укреплений в Пскове, Ладоге и Новгороде в рассматриваемую им эпоху «могла быть вызвана лишь дешевизной и меньшей трудоемкостью этой работы, чем постройка деревянных срубных стен» (стр. 155). Северо-запад Руси всегда был богат лесом, и лес поэтому никогда не был дороже камня. Кроме того, новгородцы испокон веков были плотниками. Наконец, каменное строительство всегда более трудоемко, нежели деревянное. По-видимому, применение камня в оборонительном строительстве северо-западной Руси XII—XIII вв. объясняется огромными запасами в этих землях различных известняковых пород, выходящих зачастую наружу. Это давало возможность разрабатывать их открытым способом и в непосредственной близости от строительства. Недаром в Новгороде и Пскове известняк широко применялся также в культовом и гражданском зодчестве.

Свое исследование П. А. Раппопорт назвал «Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.» (разрядка моя.— *В. К.*). Однако в предисловии он специально указал, что оборонительные сооружения рассматриваются им «исключительно с точки зрения их военного назначения, а художественная их сторона как памятников зодчества не затрагивается» (стр. 7). Для этого есть все основания, ибо крепостные сооружения X—XIII вв. характеризуются в «Очерках» на основе остатков, которые не дают возможности говорить об их архитектурно-художественных качествах. Поэтому из заглавия работы следовало бы исключить вводящее в заблуждение слово «зодчество». Нужно было бы также ввести в него дополнение, ограничивающее территориальные рамки исследования. Ведь в «Очерках» говорится об оборонительных сооружениях Среднего Поднепровья, а не всей Руси и указывается при этом, что укрепления, расположенные за пределами этого района, имеют свои особенности (стр. 155).

Несколько слов хотелось бы сказать и по поводу метода исследования. Городища датируются в «Очерках» в основном по подъемному материалу (керамика), конструкции валов характеризуются с помощью единичных прорезок, а общая планировка оборонительных сооружений фиксируется путем схематизированных съемок. Недаром в работе много различного рода оговорок — слова «по-видимому», «возможно» и «вероятно» применены в общей сложности около 200 раз, даже там, где они не требуются. Это свидетельствует о неуверенности и излишней осторожности автора, часто заставляя сомневаться в правильности сформулированных им выводов.

Для полной научной классификации оборонительных сооружений, для точной их датировки, для изучения конструкций валов, для всесторонней характеристики планировки городищ и их укреплений, для определения мест расположения ворот, башен, потерн и других элементов — для всего этого нужны данные широких раскопок. Впрочем, этот упрек относится не только к работе П. А. Раппопорта. Одновременно это характерно и для многих других археологических исследований, и Институту истории материальной культуры АН СССР следовало бы переходить к широким раскопкам валов древнерусских городищ и инструментальной съемке их планов.

Однако все эти замечания нисколько не снижают положительных качеств книги П. А. Раппопорта. Теперь в руках историков есть работа, которая дает представление о многих, зачастую уникальных и выдающихся оборонительных сооружениях центрального района Киевской Руси X—XIII вв. Издав «Очерки», ИИМК АН СССР, очевидно, не остановится на этом. Разработка темы о древнерусских крепостях у нас только начата. Между тем западноевропейская наука уже давно углубленно изучает древние оборонительные сооружения, и наше отставание в этом отношении недопустимо. Следовало бы подумать об организации специального сектора по изучению древнерусских крепостей, связав его деятельность с Международным институтом по изучению исторических замков.

В. В. Косточкин

* * *

М. Полесских. В недрах времен. Археологические памятники Пензенской области. Пензенское книжное изд-во, 1956. 182 стр. Тираж 5000. Цена 3 р.

Книга М. Р. Полесских рассчитана на массового читателя, но она представляет интерес и для специалиста-археолога. В ней дается описание исторических судеб Пензенского края, сделанное преимущественно на основании археологических источников. Изложению материала предшествуют сведения по истории изучения Пензенского края. Каждая глава содержит выводы об экономике и о социальном строе изучаемой эпохи. Подробно излагается и тот археологический материал, на основании которого эти выводы делаются. Кроме перечня общей литературы в конце книги имеются по каждому

[1] Пискаревский летописец (подготовка текста, вводная статья, примечания и указатель О. А. Яковлевой). Материалы по истории СССР, т. II. М., 1955, стр. 31.

разделу подстрочные ссылки на более специальные работы. Книга построена почти исключительно на материалах фондов местных музеев (Пензенского, Атмисского, Наровчатского, Вадинского и др.).

Изложение материала автор начинает с древнейших времен, с эпохи палеолита. Но так как палеолитических памятников в Пензенской области найдено до сих пор не было, автор привлекает материал соседних палеолитических местонахождений на Оке и в Поволжье. Нам представляется, что лучше было бы начать с описания памятников эпохи неолита, которые представлены местным археологическим материалом, так как вся книга написана, исходя из принципа показа каждой исторической эпохи на местном материале. Раздел же, посвященный палеолиту, написан на материале соседних областей и получился поэтому наименее удачным.

Описывая Озименковскую стоянку и некоторые другие памятники эпохи неолита Пензенской области, автор раскрывает и такие необходимые для массового читателя археологические понятия, как культурный слой, многослойность и т. д.

Памятники эпохи бронзы, обнаруженные на территории Пензенской области, описаны во II главе. Здесь приводится большой неизданный материал из фондов местных музеев, материал совершенно новый для науки. В этом большая ценность книги М. Р. Полесских. Следует заметить, что саму по себе верную мысль о сложении больших племенных массивов (в частности, имеется в виду срубная культура), «от которых ведут свое происхождение современные народы» (стр. 23), нужно было бы выразить как-то осторожнее.

Подобные категоричные формулировки часто ведут к искажениям и неточностям, особенно, когда они высказаны в популярной литературе. Богатый материал местных музеев позволяет автору дать характеристику хозяйства племен эпохи бронзы, говорить о скотоводстве, земледелии, о древней металлургии, о сношениях с другими племенами. По данным раскопок можно реконструировать внешний вид поселений. Правда, для этого следовало бы учесть материал последних работ Куйбышевской экспедиции, а также работы в Заволжье И. В. Синицына, где были открыты большие жилища с четко прослеженными входами, имеющими вид углубленных покатых коридоров, иногда со ступеньками. Что касается реконструкции, воспроизведенной на стр. 31, то она не соответствует местному археологическому материалу.

В III главе о культуре племен эпохи железа М. Р. Полесских ставит вопрос о происхождении этих племен от местных племен эпохи бронзы, о сложении так называемой городецкой культуры. Автор указывает ряд памятников, относящихся к эпохе формирования этой культуры. В этих памятниках появляется один из характерных признаков городецкой культуры — керамика с рогожным орнаментом. М. Р. Полесских отмечает непосредственную преемственность слоев эпохи раннего железа от предшествовавших им памятников срубной культуры. Этот вывод, сделанный на основе местного материала, подкрепляется общими наблюдениями, произведенными на всей территории, занятой городецкой культурой.

Особенно интересна публикация некоторых материалов Селиксенского могильника, исследованного М. Р. Полесских в течение последних лет. Следует отметить как положительный факт организацию Пензенским краеведческим музеем раскопок этого могильника. По типам вещей и погребальному обряду автору удалось выделить погребения более древние (первой половины I тысячелетия н. э.) и более поздние (второй половины I тысячелетия н. э.) и охарактеризовать каждый из этих периодов. Имеющиеся для конца I тысячелетия н. э. письменные источники позволяют связывать население этого времени с мордвой.

IV и V главы посвящены памятникам конца I и начала II тысячелетия н. э., а также эпохе позднего средневековья. Охарактеризовав в целом эпоху и проследив взаимоотношения с соседями, М. Р. Полесских по данным раскопок восстанавливает быт мордвы и приводит типичные комплексы вещей этого времени. Несколько спорным в этом разделе является вопрос о роли земледелия, значение которого в хозяйстве мордовских племен конца первой половины II тысячелетия автор склонен несколько приуменьшать. Последние работы, специально посвященные этому предмету, доказали неправильность подобной точки зрения [1].

В целом работа М. Р. Полесских является нужной и интересной как для археологов-специалистов, так и для широкого круга читателей.

Н. В. Трубникова

[1] М. Ф. Жиганов. Хозяйство мордвы в XIII—XVI вв. Автореферат диссертации. М., 1955, стр. 7—8.

ХРОНИКА

СОВЕЩАНИЕ ПО АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

С 29 октября по 4 ноября 1956 г. в г. Сталинабаде происходило совещание, посвященное археологии и этнографии Средней Азии и Казахстана. Оно было организовано Институтом этнографии и Институтом истории материальной культуры АН СССР при содействии Совета по координации отделения исторических наук АН СССР и академий наук среднеазиатских союзных республик. Деятельное участие в его устройстве приняли Правительство и ЦК КП Таджикистана. Совещание продолжило работы предыдущей конференции, состоявшейся в 1955 г. в г. Москве.

Внешнеэкономическим и культурным связям народов Средней Азии с другими странами были посвящены доклады А. А. Семенова, В. А. Шишкина и Н. Н. Вактурской.

А. А. Семенов для освещения культурных и политических связей Бухары с государством «велико-моголов» Индии XVII в. использовал богатейшие письменные источники — рукописи, подлинную переписку послов и некоторые поэтические и эпические произведения. В. А. Шишкин сделал доклад о древних связях народов Средней Азии с другими народами. Выступая против тенденциозных течений, осложнивших изучение истории Средней Азии (панираниэма, панисламизма, пантюркизма и др.), а также против вредного влияния школы Н. Я. Марра, приведшей «к своего рода суперавтохтонизму», В. А. Шишкин подробно остановился на огромном значении для Средней Азии международных связей. В качестве примеров им были привлечены произведения искусства Варахши, в которых можно выявить эллинистические мотивы (резной алебастр), элементы, свидетельствующие о связях с Индией (роспись «Красного зала»), с Ираном и Китаем.

О связях между Китаем и Хорезмом в X—XVII вв. доложила Н. Н. Вактурская. Изучая археологические находки, главным образом керамику, ей удалось установить, что помимо посуды, вывозимой из Китая (большие фарфоровые блюда типа «кобальт», чаши, иногда с клеймами-иероглифами), в Хорезме бытовала керамика, возможно, местного производства, явно подражающая привозной. Особенно заметно сказалось влияние Китая на материальную культуру Хорезма в XV—XVII вв.

Большой интерес вызвали доклады, посвященные проблеме общественного строя степных племен Средней Азии в античный период.

В докладе чл.-корр. АН СССР С. П. Толстова «Варварские племена периферии античного Хорезма по новейшим археологическим данным» много внимания было уделено вопросам взаимосвязи кочевых и земледельческо-оседлых племен. На территории Хорезма с древнейших времен прослеживается два пути развития культуры. В центральных районах оазиса издавна существовало ирригационное земледелие. В VII в. до н. э. здесь возникает рабовладельческий строй. В районе северной дельты р. Акча-Дарьи в Присарыкамышье и в бассейне р. Жаны-Дарьи формируется кокча-тенгизская культура апасиаков и других скифо-мессагетских племен, сохраняющая традиции бронзового века. Эти племена, объединенные в военные союзы, сохраняя развитой патриархально-родовой уклад, постепенно втягивались в сферу рабовладельческой экономики. В IV в. до н. э.— I в. н. э. намечается все более резкое различие между северными и южными областями. Однако прослеживаемые по археологическому материалу связи между ними утрачиваются лишь в кушано-афригидский период (II—V вв. н. э.). В среде кочевых племен намечается резкая социальная дифференциация. У полукочевых племен развиваются рабовладельческие отношения, которые, однако, не вытесняют патриархально-родовых взаимоотношений. Рабовладение в кочевом обществе достигает расцвета тогда, когда в центре оазиса уже намечается переход к феодальной системе хозяйства. Кризис рабовладельческого Хорезма оказал влияние на развитие окружавших племен, перешедших от патриархально-рабовладельческого уклада на путь развития патриархально-феодального.

М. П. Грязнов в докладе «Связи кочевников Южной Сибири со Средней Азией и Ближним Востоком в I тысячелетии до н. э.» выделяет две основные археологические культуры, вернее, два больших этнографических массива: население с андроновской культурой, а затем замараевско-карасукской и племена с культурой позднe-

анауского типа. Важнейшая отрасль хозяйства племен первой группы — пастушеское скотоводство, второй — земледелие, основанное на искусственном орошении. Культуры эти не смешивались даже в пограничных районах, настолько различны были основы хозяйства. В дальнейшем (VIII—VII вв.) с переходом оседлых пастушеско-земледельческих племен к кочевой жизни и со сложением рабовладельческого ахеменидского государства характер взаимосвязей меняется. Кочевым народам был необходим ряд продуктов хозяйства и ремесла, получивших развитие у оседлого населения Средней Азии, Ирана и Ближнего Востока. Кроме того, на месте вырабатывались изделия, подражающие привозным образцам. Культурные связи с Югом наиболее ярко отражены в инвентаре богатых погребений на Алтае. Но заимствования не изменили своеобразного общего облика культуры кочевников. Они нашли отражение лишь в форме отдельных предметов быта и в приемах и сюжетах искусства.

Проблеме развития земледельческих поселений Ферганы и Южной Киргизии периода поздней бронзы и железа был посвящен доклад Ю. А. Заднепровского. Докладчик наметил более дробную, чем это было сделано раньше, периодизацию развития культуры древних земледельцев Ферганы.

Намечено пять этапов: 1 — чустский (II — начало I тысячелетия до н. э.); 2 — эйлатанский (VIII—IV вв. до н. э.); 3 — шурабашатский (III—I вв. до н. э.); 4 — мархаматский (I—III вв. н. э.); 5 — касанский (III—VIII вв. н. э.). Развитие типов поселений отражает процесс развития производительных сил и социально-экономических отношений общества, а сопоставление количества поселений в какой-то степени свидетельствует о развитии земледельческого хозяйства и древней ирригации.

По теме «Среднеазиатский город и ремесло» было заслушано несколько докладов. Сообщение П. Н. Кожемяко посвящено поселениям в Чуйской долине. На каждом из этих городищ (их обследовано 19) прослеживаются несколько валов и остатки цитадели. Городища подобного типа известны в литературе еще с 1867 г. (исследования Н. И. Остроухова у Сайрама). Однако до сих пор нет общепринятой их трактовки. П. Н. Кожемяко считает, что подобные поселения характерны для районов к западу от Ташкентского оазиса. Они возникли в период сложения городов Мавераннахра в государственных объединениях кочевых народов (тюркешей, карлуков). Докладчик сопоставляет эти городища с «большими поселениями», упоминаемыми авторами дорожников IX—X вв. Застройка внутреннего кольца перемежалась многочисленными садами; посевы и виноградники также окружались стенами: защита их была необходима в условиях феодальной раздробленности.

Позднесредневековой истории Ходжента посвятил свой доклад Н. Н. Негматов. Город особенно вырос с начала XVIII в. К XIX в. планировка в черте городских стен сложилась полностью. Топонимика улиц и кварталов позволяет воссоздать картину ремесленно-торговой жизни. По названиям кварталов можно проследить отдельные процессы в пределах одного ремесла: «теребильщики хлопка» жили рядом с «ткачами тонкой пряжи» и «ткачами кушаков»; недалеко от квартала «мотальщиков шелка» обитали «тюбетеечники» и т. д. Были выделены кварталы металлургов, кожевников и башмачников, каменщиков и гончаров. Существовал квартал паромщиков — «камачи». Через паромщиков поддерживались все бытовые и торговые связи с заречными районами. Из 90 городских кварталов свыше 20 носили ремесленные названия, не менее чем в 10 кварталах располагались базары. Многие ремесленники и горожане занимались земледелием, что вообще характерно для всего периода феодализма.

Изучение замкнутого, насыщенного древними традициями бухарского городского квартала — «махалля» положено О. А. Сухаревой в основу своего доклада, в котором были обобщены историко-этнографические материалы о городах Бухары XIX — начала XX в.

Е. А. Давидович в докладе «Некоторые моменты развития города, ремесла и денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв.» попыталась проследить причины возникновения так называемого «серебряного кризиса». Собранные докладчиком нумизматические данные позволили установить связь некоторых явлений кризиса в денежном обращении с бурным ростом городов и товарного производства в Средней Азии.

Доклад «Об ученичестве в ремесленных цехах Средней Азии в конце XIX — начале XX в.» сделал И. М. Джаббаров.

Краткий доклад о средневековых горных выработках IX—XII вв. сделал Б. А. Литвинский. Докладчик дал обзор археологических находок орудий горного дела и исследований остатков крепей различных систем.

В докладах Т. А. Жданко «Новые материалы по патриархальным пережиткам в земельно-водной общине Средней Азии» и Н. А. Кислякова «Патриархально-феодальные отношения в Бухарском ханстве» были изложены результаты изучения проявлений пережитков патриархального уклада в хозяйстве земледельческого населения восточной части Бухарского оазиса (таджиков и узбеков) и аульных общин туркмен и каракалпаков. Социально-экономический строй каракалпаков и картину классового расслоения каракалпакского общества накануне событий 1917—1918 гг. охарактеризовал Б. В. Андрианов, пересмотревший данные статистико-экономического обследования Аму-Дарьинского отдела.

Серия докладов была посвящена изучению религиозных пережитков в мировоззрении и быту народов Средней Азии (доклады М. Рахимова, Г. П. Снесарева,

С. К. Камалова). Участвовавшие в прениях по этим докладам С. П. Толстов, Я. Р. Винников, А. К. Писарчик и многие другие призывали к организации широкой пропаганды научно-материалистических знаний, к повышению качества массовой работы.

О. А. Сухарева сделала доклад «О некоторых элементах суфизма, генетически связанных с шаманством».

Большое внимание совещание уделило работам по археологии и этнографии Таджикистана. Период каменного века на территории Таджикистана был освещен в докладе А. П. Окладникова. Древнейшие следы деятельности человека — ашельско-мустьерские орудия открыты в долине р. Сыр-Дарьи и в Кайрак-кумах (1954 г.). К верхнему палеолиту относятся находки в долине р. Исфары и на древней террасе р. Вахш. Поздний мезолит представлен местонахождениями типа Чиль-Чор-Чашма с характерной микролитической техникой, неолит — памятниками своеобразной гиссарской культуры (поселения земледельцев, широко использовавших каменные орудия). В результате исследований 1948—1956 гг. впервые намечена схема последовательного развития культуры древнейшего Таджикистана, начиная с глубокой древности и кончая III—II тысячелетиями до н. э.

Исследования на Памире (доклад В. А. Ранова) дали достоверный материал, подтверждающий обитание здесь человека. Открыта стоянка в долине р. Ак-су. Докладчик считает эту стоянку стойбищем охотников поздних этапов каменного века. Предварительный анализ позволяет датировать памирские находки, собранные в различных районах, последними этапами палеолита — ранней ступенью неолита. В этот период ряд районов Таджикистана был заселен носителями культуры, генетически связанной с восточно-азиатской областью каменного века.

Б. А. Литвинский сделал доклад «Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-кумах».

Доклады вызывали оживленный обмен мнений. М. П. Грязнов возражал против выделения «кайрак-кумской культуры», ибо, по его мнению, материалов, собранных Б. А. Литвинским, для этого недостаточно. С. П. Толстов выступал в защиту положений, выдвинутых докладчиком, отметив необходимость углубления дальнейшего исследования памятников каменного века Таджикистана и разработки их хронологической шкалы. В своем выступлении А. С. Кесь на примере работы Хорезмской экспедиции показала плодотворность совместных исследований географов и археологов; определенные условия залегания археологических находок позволяют датировать некоторые формы рельефа, судить о скорости протекающего процесса; не зная географических условий прошлого, невозможно заниматься изучением неолита, а тем более — палеолита.

В прениях по докладу В. А. Ранова было указано на неясность датировки открытой им стоянки на р. Ак-су и на спорность предположения докладчика о существовании восточно-сибирских элементов в неолитической культуре Таджикистана.

С кратким отчетом о раскопках в Пенджикенте в 1956 г. выступил А. М. Беленицкий. Основные работы шли в восточной части шахристана (III, VI, XIII объекты), где вскрыты жилые помещения и еще один квадратный зал, погибший от пожара; благодаря пожару сохранилось много обугленных деталей резного дерева и одна из украшенных резьбой колонн. Впервые удалось установить первоначальную высоту настенной живописи (3,5 *м*), располагавшейся четырьмя поясами. Сюжеты росписи в каждом «поясе» были самостоятельными, но все они мифологические. Совместно со Сталинабадским республиканским музеем вскрыт новый (XIV) объект, представляющий собой комплекс жилых помещений с интересной планировкой.

Н. Н. Негматов доложил о раскопках на городище Шахристан II в Шахристанском районе. Здесь было раскрыто здание, состоявшее из трех ярусов, связанных между собой пандусом и расположенных по склону холма. В среднем и нижнем были открыты хозяйственные помещения (кухня, кладовая, комната прислуги), в верхнем — парадные комнаты. Открытое здание представляет собой яркий пример раннесредневекового укрепленного дома с экономной, но развитой планировкой. Погибло здание в результате военной катастрофы, вероятно, во время нашествия арабов, о чем свидетельствуют следы пожара. Под сводами пандуса обнаружено 67 костяков. Выступая в прениях, В. А. Шишкин сравнил живопись Варахши с росписями Пенджикента; он отметил сложность пути среднеазиатского искусства и его взаимосвязи с искусством сопредельных районов.

Многочисленные отклики вызвал вопрос об охране археологических памятников. Приводились разные факты бессмысленного уничтожения городищ с целью расширения хлопкового поля. Мало помощи местным органам охраны памятников оказывает Академия наук.

При обсуждении докладов был поднят вопрос о координации археолого-этнографических работ, проводимых в различных республиках Средней Азии. Выступавшие указывали на необходимость создания Среднеазиатского межреспубликанского комитета, который бы координировал работы в области археологии и этнографии.

Таджикской этнографии были посвящены доклад С. В. Иванова «О некоторых традициях согдийского декоративного искусства в орнаменте таджиков и узбеков» и доклад А. К. Писарчик «О материальной культуре таджиков долины Хуф». Специальное заседание было посвящено историко-этнографическому атласу, составляемо-

му Институтом этнографии АН СССР. Общую характеристику предполагаемым работам дали С. П. Толстов и Т. А. Жданко. Затем были выслушаны сообщения по отдельным разделам — ремесла, жилища, одежда, искусство народов Средней Азии (выступления М. Ф. Каплуновой, Н. А. Орзабаевой, М. Айтбаева, В. Вострова, М. В. Сазоновой С. П. Русяйкиной, Е. И. Маховой). М. А. Итина сообщила об опыте картографирования археологического материала, собранного Хорезмской экспедицией по памятникам неолита и эпохи бронзы. После определения при камеральной обработке хронологии стоянок и принадлежности их к различным культурам пункты наносились на карту, причем оказалось возможным поставить важнейшие вопросы расселения племен в неразрывной связи с развитием древних русел. Наметились в общих чертах пути заселения территории древнего Хорезма и последовательность археологических культур, начиная с наиболее древней, кельтеминарской. Сообщение М. Г. Воробьевой было посвящено картографированию пунктов древнего гончарного производства в Средней Азии. Классификация обжигательных печей была дана по пяти хронологическим периодам (эпоха бронзы, период сложения классового общества, рабовладельческий, раннефеодальный и средневековый периоды).

Совещание обсудило также вопросы подготовки среднеазиатского тома в серии «Народы мира», издаваемой Институтом этнографии АН СССР, и составления этнической карты Средней Азии.

М. Г. Воробьева

III СТУДЕНЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

III студенческая археологическая конференция, созванная, как и две предыдущие, по инициативе Научного студенческого общества кафедры археологии МГУ, проходила в Москве с 18 по 22 марта 1957 г.

В работе конференции приняли участие студенты 18 ВУЗов страны (Вильнюс, Воронеж, Грозный, Ереван, Ижевск, Иркутск, Киев, Петрозаводск, Ленинград, Молотов, Москва, Новгород, Рига, Свердловск, Сталинабад, Тарту, Ташкент, Харьков). Всего было заслушано и обсуждено 38 докладов.

М. Михалча (Ленинград) сделала доклад «Некоторые вопросы изучения палеолитических жилищ в СССР». Докладчик выделяет на Днепре и Днестре два типа жилищ: небольшие округлые (типа Тельманской, Костенки II, Молодова V, 3-й слой) и длинные (типа жилых площадок Костенок I, Авдеево, Молодова V, 7-й слой). Г. Григорьева (Ленинград) в докладе «Палеолитические очаги по материалам Костенко-Боршевского района» сообщила о всех вскрытых очагах в данном районе. Особого внимания заслуживает сложный очаг, раскопанный в 1956 г. в Костенках III. Докладчик подробно остановился на значении и месте очагов в жилищах. Н. Бадер (Москва) рассмотрел инвентарь и фауну пещерной стоянки Буран-Кая в Крыму. Он сближает ее с верхним слоем Сюрени I и относит Буран-Каю к концу позднего палеолита. Этим памятником, по мнению Н. Бадера, заполняется пробел между поздним палеолитом и мезолитом в общей периодизации позднего палеолита Крыма. С. Астахов (Москва) доложил об открытии одной из самых северных позднепалеолитических стоянок на р. Клязьме, под г. Владимиром.

О новых памятниках мезолита на Верхней Волге сообщил Л. Кольцов (Москва). Эти памятники позволяют автору выделить культурную область свидерского типа на Верхней Волге. Ю. Савватеев (Петрозаводск) в своем докладе «Место Соломенских стоянок в археологическом изучении Карелии» сделал обзор раскопок этих разновременных стоянок, относящихся к периоду с середины III тысячелетия до н. э. до середины II тысячелетия до н. э. Доклад Г. Паздериной (Петрозаводск) был посвящен неолитической мастерской, расположенной недалеко от знаменитого Оленеостровского могильника. Площадь стоянки, которую докладчик считает мастерской, определена в 10 000 $м^2$, при толщине культурного слоя от 10 до 40 *см*. Характерной особенностью стоянки является отсутствие керамики. Докладчик предполагает многократные и кратковременные заселения мастерской неолитическими охотниками-рыболовами и относит стоянку к карельской культуре. Р. Васильевский (Ленинград) доложил о самостоятельных разведках в 1956 г. по берегам Средней Ангары. Докладчик поставил вопрос о создании хронологической шкалы эпохи неолита для этого района. Автор попытался наметить общие черты в керамике неолита и энеолита Восточной Сибири, Западной Сибири и Урала. Описание кремневого инвентаря, керамического и жилого комплексов стоянки второй половины III тысячелетия до н. э. Полуденка I близ г. Нижний Тагил дал В. Зенкин (Москва). Доклад М. Шаматовой (Москва) был посвящен группе неолитических стоянок у устья р. Белой. Датируя их серединой — началом II тысячелетия до н. э., докладчик отталкивается от даты стоянки Боровое Озеро I близ устья р. Чусовой. Л. Грехова (Москва) сделала доклад о памятниках неолита и бронзы Восточного Предкавказья.

В своих докладах «Жилище эпохи бронзы на стоянке Усть-Паль Молотовской области» и «Стоянка «Старушка» Частинского р-на Молотовской обл.» Г. Власов и В. Королев (Молотов) коснулись результатов раскопок стоянок сейминско-турбинской культуры бронзовой эпохи в Прикамье. Авторы подробно остановились на описании инвентаря жилищ стоянок. Докладчики делают вывод о местном производстве медных орудий и датируют стоянки концом II тысячелетия до н. э.

Л. Барсегян (Ереван) в докладе «Некоторые параллели хеттской культуры в Армении» на основании анализа инвентаря из раскопок погребений в Триалети и Кировокане проследил влияние хеттской культуры на древнеармянскую культуру. Ф. Бабаян (Ереван) доложила о новейших раскопках памятников эпохи бронзы на осушенной части побережья оз. Севан. А. Исраэлян (Ереван) сделала доклад «Город Тейшебаини — урартский хозяйственный центр на Араратской долине». Кавказская археология была представлена так же докладом Р. Асланяна (Ереван) о двух армянских надписях XIII в. н. э. из Гарни.

Л. Шарова (Воронеж) посвятила свой доклад Частым курганам, которые она датирует VI—III вв. до н. э. В. Драчук (Киев) доложил о раскопках в 1956 г. скифского убежища Джалман. В. Виноградов (Грозный) сообщил о своих работах над сарматскими материалами Грозненского музея.

С. Беляев (Ленинград) сделал доклад о терракотах из цистерны, открытой на Ольвийской агоре. Следует особо отметить изображение богини Кибелы, распространение культа которой докладчик объясняет связями с Малой Азией. Л. Сотник (Харьков) сделал доклад на тему «Ольвия накануне гетского разгрома». Археологические раскопки позволили докладчику охарактеризовать политическое и экономическое положение Ольвии в VI—III вв. до н. э.

Д. Вархотова (Ташкент) посвятила свой доклад бусам античного Мерва III в. н. э. Докладчик проследил местные традиции производства бус и далекие связи Мерва, выразившиеся в производстве бус, имитирующих янтарные. А. Гирдаков (Сталинабад) в сообщении «Изучение погребальных сооружений на территории Ленинабадской области» подробно остановился на своеобразном виде погребальных сооружений (мукхана), относящихся к IV в. до н. э.— IV в. н. э. Ш. Ташходжаев (Ташкент) сообщил о конструкции гончарных печей VIII—IX вв. в старом Мерве, раскопанных в 1956 г. Докладчик делает вывод о наличии обособленных ремесленных кварталов и высказывает предположение о начале сложения цеховой организации ремесла. Р. Сусенкова (Ташкент) доложила о кладе медных тимуридских монет XV в. из Сукока Ташкентской обл.

О раскопках интереснейшего памятника Хакассии тагарской эпохи — Большого Салбыкского кургана доложила М. Дэвлет (Москва). П. Коновалов (Иркутск) сделал доклад «Городища р. Куды». Раскопки и разведки этих городищ показали их принадлежность к курыканским племенам тюркского происхождения. Дата городищ — VI—IX вв.

Н. Мильнер (Харьков) посвятил свое сообщение жилищам роменской культуры на Харьковщине. В. Пудовин (Москва) сделал доклад «Южнорусские фибулы VI—VII вв. н. э.». Автор выделил четыре типа фибул, проследил районы их распространения и обосновал датировки. В сообщении «Древнерусский орнамент» В. Даркевич (Москва) показал различные мотивы архитектурных украшений домонгольского периода. Многим деталям орнамента и отдельным знакам (свастика, крест, ромб) докладчик придает символическое значение. Г. Бочаров (Москва) дал характеристику орнаментов новгородских деревянных изделий с X до XV вв. Автор остановился на памятниках резьбы по дереву, найденных в Новгороде. Он проследил изменение типов орнамента по векам и расчленил новгородскую орнаментику на ряд больших групп (собственно новгородские элементы, общерусские, общеславянские и международные орнаментационные мотивы). Н. Шведская (Москва) сообщила о древних тканях из раскопок в Новгороде. Изучение тканей путем микроанализа позволило автору сделать ряд важных выводов о составе и качестве тканей, а также о конструкции ткацкого новгородского станка и о торговле Новгорода с западными городами и со Средней Азией.

О разведках и раскопках памятников раннего средневековья в зоне затопления Каунасской ГЭС был сделан доклад Е. Плешимайте (Вильнюс). К. Кузик (Тарту) остановилась на новых данных из раскопок древнего Тарту.

Н. Дьячкова (Новгород) сделала методический доклад на тему «Организация школьного краеведческого кружка».

В докладе «Физические методы исследования древних металлов» Н. Рындина (Москва) остановилась на возможностях спектрального и структурного анализов древних металлов для изучения технологии изготовления металлических изделий и для выявления локальных сырьевых районов.

Е. Черных (Москва) поставил вопрос о необходимости создания методики археологических разведок для каждого определенного района нашей страны. Его доклад был посвящен особенностям поисков археологических памятников ранних эпох в лесном Прикамье.

С. Астахов, Е. Черных

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР И ПЛЕНУМ ИИМК АН СССР

С 25 по 30 апреля 1957 г. в Москве проходила сессия Отделения исторических наук АН СССР и пленум ИИМК АН СССР, посвященные результатам полевых работ за 1956 г. В работе сессии принимали участие археологи и этнографы СССР и гости из Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Румынии и Польши.

Конференцию открыл П. Н. Третьяков, давший общую характеристику полевых и исследовательских работ археологов за 1956 г.

Чл.-корр. АН СССР С. В. Киселев сделал доклад о древних городах Монголии [1].

Был заслушан доклад К. Михайловского и В. Ф. Гайдукевича о результатах работ Советско-Польской экспедиции в районе г. Керчи. Основные работы были сосредоточены на изучении античного Мирмекия. Наибольший интерес представляет изучение комплекса жилых и хозяйственных сооружений эллинистического времени, среди которых особенно важна прекрасно сохранившаяся винодельня I в. до н. э. Кроме того, в составе экспедиции работало еще семь отрядов; продолжались исследования поселения эпохи бронзы в 10 *км* к северо-востоку от г. Керчи, производились раскопки в Нимфее, Илурате и в античном поселении у с. Партизаны (Аджимушкай). Закончено исследование загородной сельской усадьбы эллинистического времени у с. Карантинного. Были проведены большие разведочные работы у городища Китей и детально обмерен Царский курган.

Большой интерес вызвал доклад А. П. Смирнова, посвященный спорным вопросам финно-угорской археологии [2].

Б. О. Долгих прочел доклад на тему об этнографическом составе, численности и расселении коренного населения Сибири в XVII в. О. А. Ганская и Г. С. Маслова доложили о крестьянском жилище и одежде XIX — XX вв. (по материалам Русского историко-этнографического атласа).

Т. С. Пассек сообщила о новых открытиях на территории СССР и затронула вопросы позднеолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья. Благодаря детальному изучению трипольской культуры за последние годы удалось уточнить периодизацию развития трипольских племен, наметить локальные и, вероятно, племенные варианты этой культуры. Новые данные раскопок советских и румынских археологов, исследовавших указанную территорию, позволяют подойти к решению вопроса о происхождении трипольской культуры. Раскопки многослойного поселения у с. Флорешты доказали, что культура раннетрипольских племен сложилась на базе позднеолитической культуры Боян. В создании трипольской культуры приняли участие и местные позднеолитические племена (об этом говорят материалы, происходящие из бассейна р. Южного Буга). Племена, носители культуры линейно-ленточной керамики, не имеют, по мнению Т. С. Пассек, общих корней с культурой раннего Триполья.

Чл.-корр. АН СССР С. П. Толстов в докладе об итогах работ Хорезмской археологической экспедиции в 1955—1956 гг. остановился на истории древних русел рр. Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, а также на истории древних и средневековых степных племен, окружавших Хорезм и тесно с ним связанных. С. П. Толстов доложил об исследованиях в Акча-Дарьинской дельте, где изучены памятники кельтеминарской, тазабагъябской, суярганской, камышлинской и кокча-тенгизской культур. Особенное значение имеют раскопки античной крепости Кой-Крылган-кала (IV в. до н. э.—I в. н. э.) и обследование древних каналов Кырк-Кыз и Амирабад. Большой интерес представляли раскопки крепостей на отдаленной периферии Хорезма в крепостях Канга-кала (V в. до н. э.—IV в. н. э.) близ Сарыкамышского озера, Барак-Там (IV в. н. э.) в северной дельте Акча-Дарьи, Игды-кала (IV в. н. э.) на Среднем Узбое и Куюк-кала (крепость и могильник V—VIII вв.) близ г. Кушканатау.

В. М. Массон сделал доклад о ранних земледельческих племенах Южного Туркменистана. Неолитические поселения Джейтун и Чопан-депе могут быть отнесены ко времени более раннему, чем нижние слои Сиалка и северного холма Анау, т. е. к IV тысячелетию до н. э. Эти памятники принадлежали древнейшим земледельческо-скотоводческим племенам. Стратиграфический раскоп на раннеанауском поселении Кара-депе позволил установить соотношение отдельных слоев с комплексом типа Намазга, который в свою очередь связывается с культурой центрально-азиатских племен. Одной из характерных особенностей южнотуркменских поселений является очень широкое распространение терракотовых женских статуэток, свидетельствующих о распространении культа женского божества — символа плодородия. Установление соотношения стратиграфии памятников Ирана и Южного Туркменистана помогает изучению истоков ранней земледельческой культуры Южной Месопотамии, которую создали, по всей вероятности, племена, происходящие из Ирана.

О новых памятниках изобразительного искусства Пенджикента рассказал А. М. Беленицкий. Он рассмотрел вопросы, связанные с происхождением восточнотуркменистанского искусства. Открытые за последние годы на территории Средней Азии замечательные памятники позволяют охарактеризовать Среднюю Азию как один из круп-

---

[1] Доклад напечатан в «Советской археологии», 1957, № 2, стр. 91—101.

[2] Доклад печатается в настоящем номере журнала, стр. 20—30.

нейших центров искусства, тесно связанный с эллинистическим искусством Востока. Многие мотивы изобразительного искусства Пенджикента позволяют проследить в раннем средневековье влияние эллинистической традиции. В то же время параллели многим деталям прослеживаются в искусстве Афганистана и Северной Индии.

О состоянии и задачах румынской археологии в 1956 г. сделал доклад Э. Кондураки.

Большой интерес и горячее обсуждение вызвал доклад чл.-корр. АН СССР Б. А. Рыбакова «О корпусе археологических источников СССР». Докладчик отметил наличие колоссального фонда археологических материалов, накопленного в результате многолетних археологических исследований. Неотложной задачей всех археологов должна стать публикация, приведение в строгую и стройную систему и научное обобщение всех этих материалов. В окончательном виде корпус археологических источников должен дать археологическую карту СССР, общую типологию всех древностей, ареалы типов вещей и археологических памятников, публикацию результатов раскопок, систему датировок, типо-хронологические сводные таблицы, систематизацию данных о хозяйстве, социальном строе, идеологии и т. д. Б. А. Рыбаков остановился на характере изданий (отдельные выпуски в 5—10 печатных листов с небольшим текстом и 20—40 таблицами, с рисунками, фотографиями и картами), на принципе построения выпусков, на организации работ и стадиях работы над «Корпусом», рассчитанной на ближайшие 15 лет.

И. Г. Шовкопляс сделал доклад об итогах работ 1954—1956 гг. на Мезинской палеолитической стоянке. Удалось исследовать большое наземное жилище и выяснить его конструкцию. Рядом с жилищем открыты очаги и хозяйственные ямы. В результате работ собрано большое количество кремневых орудий и изделий из кости, среди которых особенный интерес представляет лопатка и две нижних челюсти мамонта, расписанные красной охрой.

Х. А. Моора прочел доклад «Об истории сложения балтийских племен». Приход балтийских племен докладчик относит к началу II тысячелетия до н. э. и связывает с проникновением культуры боевых топоров или шнуровой керамики из Средней Европы через Нижнее Повисленье, Южную Польшу и Поднепровье. В I тысячелетии до н. э. этнически родственное население прослеживалось в Юго-Восточной Прибалтике, в верхнем Поднепровье и Волго-Окском междуречье. Позднее восточная часть этой территории была заселена славянскими племенами, воспринявшими и сохранившими до наших дней балтийскую топонимику.

А. П. Окладников посвятил свой доклад археологическим исследованиям на р. Ангаре. Были исследованы местонахождения костей четвертичных животных и грубых изделий верхнепалеолитического облика (в окрестностях г. Братска). Изучено поселение неолита и бронзового века (против г. Братска) и ряд могильников исаковского, серовского и глазковского времени (Пономаревский, Усть-Удинский, Братский Камень), давших богатый вещевой материал.

О работах в Пантикапее в 1954—1956 гг. доложил В. Д. Блаватский. Докладчик подробно остановился на результатах раскопок 1955 и 1956 гг. Исследовалась восточная часть северного склона горы Митридат. Участок этот не сохранил культурных напластований ранее I в. до н. э. Это связано, вероятно, с перепланировкой города в конце II—I вв. до н. э. В 1955 г. обнаружены остатки каменных вымосток различных конструкций, перекрывающие друг друга. Верхние слои датируются III—IV вв. н. э Вероятно, жизнь замерла здесь в IV в. н. э. в связи с нашествием гуннов. Участок, раскопанный в 1956 г., состоял в древности из трех больших террас. На этих террасах были вскрыты остатки жилых и общественных зданий. Обнаружен колодец и водоем. Открыты винодельни III в. н. э., остатки металлургической мастерской. К IV в. относятся уличные водостоки, которые определяют направление улиц. Найдены обломки мраморного кресла, скульптур, фрагменты керамики и т. д. В 1954 и 1956 гг. на окраине г. Керчи были раскопаны два погребальных склепа II в. н. э. с остатками росписи на стенах.

С большим интересом был заслушан доклад К. Ф. Смирнова, посвященный проблеме происхождения и территории ранних сарматов [1].

А. В. Арциховский сообщил о новых исследованиях в Новгороде. Кузьмодемьянская улица исследована до материка. Она насчитывает 28 строительных ярусов. Вскрыты остатки двух кузниц XII в. На Великой улице обнаружены следы производства изделий из цветных металлов. Впервые доказано существование фруктовых садов в густонаселенных кварталах. Берестяных грамот в этом году найдено 56 (всего в Новгороде их найдено 250). Особенно интересны 11 грамот и пять рисунков, принадлежащих мальчику Онфиму. Грамоты эти относятся к рубежу XII—XIII вв. Многие грамоты характеризуют феодальные и денежные отношения того времени. Интересна находка золотой пластинки XII в., украшенной перегородчатой эмалью: К X в. относится большой клад восточных монет. Преобладающую часть этого клада составляют саманидские дирхемы.

Доклад Н. Н. Воронина «Новые памятники Владимиро-Суздальского зодчества XII—XIII вв.» был посвящен результатам археологического исследования ростовского Успенского собора и церкви Покрова на Нерли. Раскопки в Ростове доказали, что пер-

[1] Доклад печатается в настоящем номере журнала, стр. 3—19.

воначальный каменный храм был построен еще при Андрее Боголюбском в 1162 г. и по своим размерам превышал даже сходный с ним Успенский собор во Владимире. Вскрыты также остатки собора 1213 г. Раскопки 1956 г. у церкви Покрова на Нерли окончательно подтвердили существование фундамента одновременной храму галереи, опоясывающей церковь. На основании археологических и письменных данных создана реконструкция первоначального облика здания, вызвавшая, однако, в прениях ряд возражений.

Кроме пленарных заседаний работало 8 секций.

На секции палеолита были заслушаны доклады В. П. Любина об открытиях стоянок ашеля и мустье в Юго-Осетии и Д. Н. Льва о пещерах мустьерского времени в Узбекистане. С докладами о позднепалеолитических поселениях выступили: М. М. Герасимов (стоянка в Мальте), А. Н. Рогачев (многослойная стоянка Аносовка на Дону), О. Н. Бадер (стоянка на Клязьме у г. Владимира). Мезолитическим памятникам были посвящены доклады С. Н. Бибикова (об исследовании пещеры Фатьма-Коба в Крыму), Д. А. Крайнова (о стоянке около г. Углича в с. Золоторучье) и В. Г. Котовича (о Чохской стоянке в Дагестане). В. Е. Ларичев прочел доклад о новых памятниках гиссарской культуры в Таджикистане.

На секции неолита и бронзы были заслушаны доклады: Н. Н. Гуриной — о результатах работ неолитического отряда Карельской и Прибалтийской экспедиций, О. Н. Бадера — об исследовании неолитических стоянок близ устья р. Белой, Ю. А. Краснова — о Звенигородской неолитической стоянке. О работе Башкирской экспедиции в 1956 г. рассказала А. В. Збруева, Средне-Уральской археологической экспедиции 1955 г.— Е. М. Берс, Южно-Уральского отряда — Л. Я. Крижевская. Д. Я. Телегин сообщил об исследовании Вильненского и Александрийского неолитических могильников на Украине. О новых памятниках трипольской культуры сообщили Т. Г. Мовша и А. Л. Есипенко. Е. К. Черныш рассказала о работе на поселении культуры линейно-ленточной керамики на р. Дестре. Памятник культуры шнуровой керамики на Украине были темой докладов Ю. Н. Захарука и К. В. Берняковича. И. К. Свешников посвятил свой доклад культурам бронзового века Прикарпатья и Западного Подолья. Б. А. Латынин прочел доклад «О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы» П. П. Хороших доложил об исследовании энеолитических погребений Прибайкалья, Р. В. Чубарова — об исследованиях на севере о. Сахалина и на Курильских о-вах. Кроме того, были заслушаны доклады А. Е. Алиховой, А. Ф. Евминовой, Е. В. Пузакова.

На заседании секций раннего железа доклад о результатах работ Скифского отряда Молотовской экспедиции за 1956 г. сделала А. И. Мелюкова. Вопросам культуры и этноса в Среднем Поднепровье в предскифское время посвятил свой доклад А. И. Тереножкин. О результатах работ в 1955—1956 гг. на поселении периода поздней бронзы и раннего железа в Черновицкой обл. доложила Г. И. Смирнова. О раскопках городищ VIII—VII вв. до н. э. на р. Тясмине рассказала Е. Ф. Покровская и Е. В. Максимов. Н. Н. Погребова сделала доклад об исследовании вновь открытого Пересадовского поселения на р. Ингуле. Городищам курского Посеймья скифского времени был посвящен доклад А. Е. Алиховой. О работе скифского отряда Крымской экспедиции и об исследовании Неаполя Скифского доложили Н. П. Шульц и А. Н. Карасев. С. И. Капошина сообщила о работах на Кобяковом городище. Классификации лепной керамики с поселения Золотая Балка рубежа нашей эры посвятила свой доклад М. И. Вязьмитина. Г. Д. Белов и И. А. Антонова доложили о новых исследованиях средневекового Херсонеса. О работе Чкаловской экспедиции в 1956 г. сделал доклад К. Ф. Смирнов. В. П. Шилов осветил в докладе работу Астраханской экспедиции. Г. В. Юсупов посвятил свой доклад раскопкам в Башкирии. А. Х. Халиков сообщил о результатах работ на Аккозинском могильнике в Марийской АССР. М. В. Воробьев рассказал о новых раскопках на Красноярской сопке, А. В. Давыдова — о работах на Иволгинском могильнике в Бурят-Монголии. Кроме того, были заслушаны доклады Р. В. Николаева, П. П. Хороших, И. С. Каменецкого, М. Ф. Жиганова и др. В работе секции принял участие румынский археолог Себастьян Моринц, выступивший с докладом «Новый вид культуры раннего железного века в Румынской Молдавии».

На секции античной археологии был заслушан доклад С. Ф. Стржелецкого о раскопках позднеантичного могильника в Инкерманской долине. О работах Ольвийской экспедиции 1956 г., в которой приняли участие и польские археологи, рассказали Л. М. Славин и А. Н. Карасев. М. М. Худяк и В. М. Скуднова доложили о раскопках Нимфея. Вопросам планировки Фанагории посвятил свой доклад Б. П. Михайлов. И. Т. Кругликова сообщила о результатах работ Восточно-Крымского отряда в 1956. Кроме того, были заслушаны сообщения И. М. Лосевой «Художественный материал из раскопок Пантикапея в 1956 г.», В. В. Борисовой «Раскопки гончарных мастерских Херсонеса в 1956 г.», И. Д. Марченко — «Винодельня III в. н. э. в 1956 г. на Митридате», М. М. Кубланова — «Киммерийский вал на Азиатском Боспоре». В работе секции приняли участие румынские археологи. Э. Кондураки сообщил о раскопках в Истрии. Раду Вульпе прочел доклад о древних валах на территории Румынии.

На секции славяно-русской археологии с докладом о раскопках славянского поселения в с. Попин (Болгария) выступила Ж. Н. Вожарова. В. А. Падин, А. Г. Митрофанов, И. С. Винокур посвятили свои сообщения результатам исследований раннеславянских памятников. Е. А. Шмидт доложил о новых материалах по изучению смоленских длинных курганов. В. В. Кропоткин сделал доклад об экономических связях Восточной Европы с Причерноморьем и Римской империей в I—V вв. н. э. Б. А. Шрамко рассказал о продолжении исследований на многослойном Донецком городище. О работах Днестровско-Волынского отряда Славянской экспедиции доложила М. А. Тиханова. М. Ю. Брайчевский сообщил о раскопках на черняховском поселении в Черкасской обл. Результатам исследований древнерусских городов были посвящены доклады Б. А. Колчина, С. Н. Орлова, Г. П. Гроздилова, А. Ф. Дубынина, М. Г. Рабиновича, Ф. Д. Гуревич и совместный доклад В. К. Гончарова, В. А. Богусевича и Р. А. Юра. Исследованию памятников архитектуры были посвящены доклады М. К. Каргера «Памятники зодчества Волынской земли XII—XIII вв.» и Н. Н. Воронина «К истории Московского зодчества XIV—XV вв.» П. А. Раппопорт затронул в своем докладе вопрос о конструкции валов городищ Северо-Восточной Руси. Я. В. Станкевич сообщила об исследованных Западно-Двинским отрядом оборонительных сооружений городищ второй половины и конца I тысячелетия н. э. А. М. Шовкопляс прочла доклад «Керамические фигурки из Киева».

Итогам работ Орен-Калинской экспедиции был посвящен доклад А. А. Иессена, сделанный на заседании секции археологии Кавказа. С. И. Надимашвили сообщил об исследовании энеолитического поселения в Грузии. Памятникам бронзы был посвящен ряд докладов: М. И. Пикуль «Могильник у хут. Гинчи в Дагестане», В. И. Канивца «Сигитминское поселение на р. Сулак в Дагестане», Т. Н. Чубинишвили, Р. А. Бахтадзе, Ц. Н. Абесадзе, Т. А. Двали «Клад позднебронзовой эпохи из сел. Удэ» («Месхети»), Д. А. Халилова и И. Г. Нариманова «О раскопках холма на окраине города Казаха в 1956 г.». Были заслушаны следующие доклады М. М. Трапша «Археологические исследования в районе поселения Красный маяк близ г. Сухуми», Д. Л. Мусхелишвили и Г. Г. Цкитишвили «Итоги разведочной экспедиции во внутренней Картли в 1955 г.», Н. В. Анфимова «Археологические работы на Черноморском побережье Кавказа в 1955—56 гг.», Н. В. Арутюняна «Ирригационные сооружения к северу от озера Ван при урартских царях Менца и Аргишти I», А. Т. Рамишвили «О мерах улучшения охраны и консервации археологических памятников». Исследованию раннесредневековой археологии Кавказа были посвящены доклады: Е. П. Алексеевой о северокавказских аланах, Т. М. Минаевой — об аланском могильнике и поселении у подножья Эльбруса, Г. А. Ломтатидзе — о раскопках раннесредневекового города в Урбниси и Н. П. Угрелидзе — о стратиграфии Самтаврского могильника. Большое обсуждение вызвал доклад И. Р. Селимханова о технологии цветных сплавов в бронзовом веке Закавказья. Б. Н. Аракелян выступил с докладом о виноградарстве и виноделии в Армении.

На заседании секции археологии Средней Азии были заслушаны доклады: В. И. Сарианиди — о Геоксюровской группе энеолитических поселений, И. Н. Хлопина — о верхнем поселении на Кара-тепе, А. Ф. Ганилина — о ремесленном производстве в Намазга-тепе и А. А. Марущенко — о синхронизации культур Анау с культурами Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Сибири. О памятниках эпохи бронзы и раннего железа были заслушаны следующие доклады: В. И. Спришевского «Чустское поселение эпохи бронзы в Узбекистане», Б. З. Гамбурга «Поселения эпохи бронзы в Фергане», Е. Е. Кузьминой «Могильник Заман-Баба в Узбекистане», М. А. Итиной «Памятники эпохи бронзы в Хорезме», С. С. Черникова «Позднеандроновское поселение и могильник VI—V вв. до н. э. в Казахстане» Ю. А. Заднепровского «Дальверзинское селище эпохи бронзы в Фергане», Н. К. Горбуновой «Курганы эпохи раннего железа Ферганы», М. Г. Воробьевой «Архаическое поселение Дингальдже в Хорезме» и И. М. Рутковской «Керамическое производство на парфянском поселении Джин-тепе». Эпоха раннего и позднего средневековья была освещена в докладах С. К. Кабанова «Об усадьбе V в. н. э. в Узбекистане в долине Кашка-Дарьи», А. М. Мандельштама «О могильнике IV—V вв. в Южном Таджикистане», Ю. Д. Баруздина «О могильнике IV—V вв. в Киргизии», Б. Я. Стависского «Раскопки поселения I тыс. н. э. недалеко от Самарканда», Ю. А. Раппопорта «Об осуариях древнего Хорезма», Е. Е. Неразик «Сельские поселения афригидского времени в Хорезме», О. А. Вишневской и Н. Н. Вактурской «Кават-кала», О. В. Обельченко «Кафыркала», Б. В. Андрианова «Средневековая ирригационная сеть в Кават-калинском оазисе», Л. П. Зяблина «О буддийском храме в Киргизии». Были зачитаны доклады о работе различных экспедиций и музеев: Г. Г. Бабанской и Ю. А. Заднепровским — о Памирской экспедиции, Е. И. Агеевой — о казахстанских экспедициях, В. И. Козенковой — о работах Андижанского музея. Были заслушаны доклады Г. П. Снесарева, Т. А. Жданко, Б. И. Вайнберг, Д. Д. Дурдыева.

На секции нумизматики был заслушан доклад М. П. Сотниковой «Значение нарезок на новгородских серебряных слитках». Докладчик высказал пред-

положение, что эти нарезки были заметками ливцов и служили для обозначения части серебра, выгоревшей при плавке. А. С. Мельникова доложила о результатах работы по систематизации монет Михаила Федоровича; намечены два периода чеканки, дана характеристика монет каждого периода, места чеканки серий монет. И. Г. Спасский прочел доклад «Украинский вопрос в денежном хозяйстве 2-й половины XVII в. (между реформами 1654 и 1700 гг.)». О. И. Смирнова сообщила о Пенджикентских кладах и групповых монетных находках, представляющих собой остатки этих кладов. А. А. Быков прочел доклад о коллекции монет эмиров Крита в Эрмитаже. Д. Г. Капанадзе исследовал вопрос о происхождении некоторых монет, чеканившихся в Грузии по иноземным образцам. Характеристике монет Ленинградского клада был посвящен доклад И. Л. Джалагании. П. О. Карышковский прочел доклад о взаимоотношениях торговли Родоса и Ольвии в эллинистическую эпоху на основании нумизматических данных. Ю. С. Крушкол доложила об истории денежного обращения в Патрэе с III в. до н. э. и до средневековья. С. А. Янина сделала доклад о трех кладах куфических монет. Кроме того, были заслушаны доклады Н. П. Розановой, М. А. Беляевой и Л. П. Харко.

В резолюции, принятой Пленумом, отмечалось катастрофическое состояние многих памятников искусства и культуры. Из конкретных предложений на Пленуме необходимо отметить меры по большей координации работы ИИМК АН СССР и республиканских учреждений по охране памятников, об усилении ответственности руководителей раскопок к документации, предложения об участии местных музеев в археологических исследованиях края, о более правильном распределении оканчивающих археологические кафедры. Пленум постановил ходатайствовать перед бюро Отделения исторических наук о переименовании ИИМК АН СССР в Институт археологии.

В. Деопик, М. Полубояринова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН — Академия артиллерийских наук.
АК — Археологическая комиссия
БАН — Българска Академия на науките
ВГМГ — Вестник Гос. музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ЖМНПр — Журнал министерства народного просвещения
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА — Институт археологии
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
ЛГУ — Ленинградский Государственный университет
ЛОИИМК — Ленинградское отделение института истории материальной культуры
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАО — Русское археологическое общество
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров
СЭ — Советская этнография
ТОНГЭ — Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов.
ЦГВМА — Центральный Государственный военно-морской архив
ЧОИДР — Чтения Общества истории и древностей российских
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini

СОДЕРЖАНИЕ

К. Ф. Смирнов (Москва) Проблема происхождения ранних сарматов. . . . 3
А. П. Смирнов (Москва). Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии 20
С. Ф. Стржелецкий (Севастополь) Пять клеров Херсонеса Таврического . 31
Х. Пэрлээ (МНР). К истории древних городов и поселений в Монголии . . . 43
М. П. Сотникова (Ленинград) Из истории обращения русских серебряных платёжных слитков в XIV—XV вв. 54
А. Н. Кирпичников (Ленинград) Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия 60
Г. А. Максименков (Ленинград) Из истории древнерусской артиллерии . . 77
Г. И. Лазуков (Москва) Природные условия эпохи верхнего палеолита в Костенковско-Боршевском районе 84
И. Р. Селимханов (Баку) О химическом исследовании древних металлических предметов из раскопок на территории Азербайджанской ССР 105

Дискуссии и обсуждения

М. Ю. Брайчевский (Киев) К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тысячелетии н. э. 114

Публикации

Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова (Фергана). Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины 130
О. Н. Бадер, Б. Х. Кадиков (Москва) Поселения эпохи бронзы на Каме между г. Оханском и г. Сарапулом 136
Д. Г. Капанадзе (Тбилиси) Ауреусы Армазского некрополя 159
Т. Н. Никольская (Москва) Древнерусское селище Лебедка 176
А. П. Окладников (Ленинград). Остатки бохайской столицы у г. Дунцзинчэн на р. Муданцзян 198
А. В. Арциховский (Москва) Берестяные грамоты мальчика Онфима . . . 215
Л. В. Алексеев (Москва) Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. 224

Мелкие заметки

З. А. Абрамова (Ленинград) Новые находки верхнепалеолитических изображений человека в Центральной и Западной Европе 245
А. А. Нудельман, Э. А. Рикман (Кишинев) Новые археологические находки в Молдавии 248
В. В. Веселов (Керчь). О «Киммерийском вале» на Таманском полуострове . 252
Б. А. Тимощук (Черновцы). Надгробие из с. Мусоровки, Черновицкой области. 254
Н. Л. Белоруцкий, (Краснодарский край) Находка каменного изваяния в Краснодарском крае 257
Е. А. Давидович (Сталинабад) Клад караханидских монет XI в. из Таджикистана 257
С. А. Изюмова (Москва) Вятическое погребение в Тульской обл. 260
Н. Ф. Калинин (Казань) Постник Барма — строитель собора Василия Блаженного в Москве и Казанского кремля 261

В помощь учителю и краеведу

Н. Н. Воронин (Москва) О местных музеях и краеведении 265
Д. А. Крайнов (Москва) Археология и краеведение 270
А. Хануков, Г. Соловьева (Москва) О наглядной пропаганде памятников культуры 275
Б. А. Колчин (Москва) Русский феодальный город Великий Новгород . . . 278

Критика и библиография

З. А. Абрамова, Е. А. Векилова, А. П. Окладников, Н. И. Сокольский, С. И. Капошина, В. В. Шлеев, А. М. Беленицкий, В. М. Массон, В. В. Кропоткин, Н. Н. Воронин. А. Л. Монгайт. Археология в СССР 289
Г. М. Бонгард-Левин (Москва). Новые археологические исследования в Индийской республике (1954—1955) 299
Э. О. Берзин (Москва). Раскопки Афинской агоры (1946—1955) 305
В. Д. Блаватский (Москва). Ljubiša Popovič. Narodni Muzej Beograd. Antika I. Katalog nalaza iz nekropole kod Trebeništa 311
В. М. Массон (Ленинград). М. М. Дьяконов. У истоков древней культуры Таджикистана 313
В. В. Косточкин (Москва). П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. 313
Н. В. Трубникова. (Москва). М. Полесских. В недрах времен 316

Хроника

М. Г. Воробьева (Москва). Совещание по археологии и этнографии Средней Азии 318
С. Астахов, Е. Черных (Москва). III студенческая археологическая конференция 321
В. Деопик, М. Полубояринова (Москва). Сессия Отделения исторических наук АН СССР и пленум ИИМК АН СССР 323
Список сокращений 328

SOMMAIRE

K. Smirnov (Moscou). Probleme de l'origine des premiers sarmates 3
A. Smirnov (Moscou). Quelques questions disputables de l'archéologie finno-ougrienne 20
S. Strjeletsky (Sebastopol). Les cinq kleres de la Chersonese Taurique . . . 31
Perles (R P M), Sur l'histoire des villes et des sites anciens de la Mongolie 43
M. Sotnikova (Léningrad). Les lingots d'argent de la Russie des XIV et XV siécles et leur circulation 54
A. Kirpitchnikov (Léningrad). L'art militaire dans la Russie du Moyen-âge et l'apparition des armes à feu 60
G. Maximenkov (Léningrad). De l'histoire de l'ancienne artillerie russe 77
G. Lasoukov (Moscou). Conditions géographiques à l'époque paléolithique supérieure dans la région Kostenkovsko-Borchevsky 84
I. Selimkhanov (Bakou). Analyse chimique d'objets anciens metalliques trouvés sur le territoire de R. S. S. d'Azerbaidjan 105

Discussions

M. Braitchevsky (Kiev), La zone de steppes et forêts de l'Europe Orientale au premier millénaire 114

Matériaux archéologiques.

B. Hambourg, G. Gorbounova (Ferghana). Données nouvelles sur la culture de l'âge du bronze dans la vallée de Ferghana 130
O. Bader, V. Kadikov (Mosou). Habitations de l'âge du bronze sur la Kama à Okhansk et Sarapoul 136
D. Kapanadzé. (Tbilissi). Les aurei de la nécropole d'Armaz 159
T. Nikolskaya (Moscou). L'ancien village russe Lebedka. 176
A. Okladnikov (Léningrad). Les restes de la capitale de Bokhai. 198
A. Artzihovski (Moscou). Les écorces de bouleau du garçon Onfime 215
L. Alexeev (Moscou). Lazare Bogcha — maître orfèvre du XII siècle 224

Notes brèves

Z. Abramova (Léningrad). Nouvelles découvertes de rèprésentations humaines du paléolithique supérieur 245
A. Noudelmann, E. Rickmann (Kichenev). Nouvelles découvertes archéologiques en Moldavie 248
V. Vesselov (Kertch). Du «rempart Cimmerien» sur la péninsule de Taman . . 252
B. Timochuk (Tchernouvitzi). Pierre tombale du village Moussorovka, region Tchernouvitzi 254
N. Beloroutsky (Région de Krasnodar). Statue en pierre de la région de Krasnodar 257
E. Davidovitch (Stalinabad). Trésor de monnaies karakhani des du XI siècle en Tadjikistan 257
S. Izumova (Moscou). Sépulture de Vyatitchi dans la région de Toula 260
N. Kalinine. Postnik Barma — architecte russe 261

A l'aide de l'école et des recherches locales

N. Voronin (Moscou). Musées et recherches locaux 265
D. Krainov (Moscou). L'archéologie et l'étude du pays 270
A. Khanoukov, G. Solovieva (Moscou). La propagation concrète des monuments de la culture 275
B. Koltchine (Moscou). Novgorod — la ville russe féodale 278

Critique et bibliographie

Z. Abramova, E. Vekilova, A. Okladnikov, N. Sokolsky, S. Kapochina, V. Chleev, A. Belenitskyi, V. Masson, V. Kropotkine, N. Voronine. A. Mongayt. L'archéologie en Union Soviétique 289
G. Bongarde-Levine (Moscou). Nouvelles fouilles archéologiques dans la République de l'Inde 299
E. Berzine (Moscou). Fouilles de l'agora d'Athènes en 1946/1955 305
V. Blavatsky (Moscou). Ljubiša Popovič. Narodni Muzey Beograd. Antika I. Katalog nalaza i nekropole kod Trebeništa 311
V. Masson (Leningrad). M. Diakonov. A la source même de l'ancienne culture de Tadjikie 313
V. Kostochkine (Moscou). P. Rappoport. Essais sur l'histoire de l'art militaire aux Xe — XIIIe siècles 313
N. Troubnikova (Moscou). M. R. Polesskih. Dans la nuit des temps 316

Chronique

M. Vorobieva (Moscou). La conférence de l'archéologie et d'étnographie d'Asie Méridionale 318
Troisième conférence archéologique d'étudiants 321
L'assemblée de la section des sciences historiques et l'assemblée plénière de l'Institut de l'histoire de la culture matérielle de l'Académie des sciences de l'URSS en 1956 323
Liste des abréviations 328

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Институт истории материальной культуры Академии наук СССР приступает к составлению археологической карты Советского Союза. Это важное для науки мероприятие требует активного участия не только узкого круга специалистов, но и широкой советской общественности. Большую практическую помощь специалистам в этом могут оказать работники краеведческих музеев, учителя, школьники, а также многочисленные любители древностей своего края указаниями о местонахождении археологических памятников.

К последним относятся остатки древних поселений и могильников, а также отдельные находки вещей (орудия труда, оружие, монеты, черепки от посуды и пр.), свидетельствующие о пребывании человека в той или иной местности в глубоком прошлом. О большом интересе советских людей к предметам древности, находимым при земляных работах, экскурсиях и т. п., свидетельствуют письма, получаемые нашим Институтом.

О каждом археологическом памятнике необходимо давать следующие сведения:

1. Республика, область, край, АССР, нац. округ, район.
2. Наименование памятника и название, под которым памятник известен местному населению.
3. Местоположение памятника (по отношению к населенному пункту, реке, дороге, шоссе и т. п.).
4. Краткое описание памятника и его состояние.
5. Описание вещей, найденных при разведках, или случайных находок.
6. Куда сданы найденные вещи.
7. Кто составил карточку и дата составления.
8. Примечание.

Желательно прилагать схемы, планы, рисунки, фотографии и т. д., а найденные вещи надо сдавать в ближайший краеведческий музей.